

ДРЕВНЕРУССКІЯ
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ
КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ

ДРЕВНЕРУССКІЯ
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. КЛЮЧЕВСКАГО.

Изданіе К. Солдатенкова.

Диз. Сиднез
А. Д. Нартова

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шилова.

1871.

По опредѣленію историко-физиологическаго эккульгста печатьть дозво
ляется.

Доканъ П. Юркевичъ.

Для предупрежденія требованій, которымъ удовлетворить авторъ не могъ и не думалъ, онъ находитъ нелишнимъ объяснить происхожденіе своего труда. Онъ обратился къ древнерусскимъ житіямъ, какъ къ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древнерусской исторіи, участія монастырей въ колонизаціи сѣверовосточной Руси. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обилденъ, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ. Литературное однообразіе житій давало возможность сдѣлать нѣчто цѣльное изъ ихъ обзора и разбора; необходимо было только распространить изслѣдованіе и на тѣ житія, которыя ничего не давали для изученія означеннаго факта. Впрочемъ авторъ ограничился житіями, написанными въ сѣверовосточной Руси, не коснувшись кіевскихъ.

Первоначально автору представлялся другой планъ, не тотъ, какой проведенъ въ изслѣдованіи: ему хотѣлось, не заставляя читателя присутствовать при отдѣльномъ разборѣ каждаго житія, разсмотрѣть всю совокупность изучаемаго матеріала сверху, разобрать

его элементы литературные, историографические, культурные и т. п. Изъ такой работы вышла бы критическая исторія житій, которая уложилась бы на умѣренномъ количествѣ печатныхъ листовъ. Но въ такомъ случаѣ выводы изслѣдованія получили бы характеръ откровеній, неизвѣстно на чемъ основанныхъ, ибо бѣльшая часть матеріала лежитъ не описанной и не напечатанной въ рукописныхъ бібліотекахъ. Это соображеніе указало другую болѣе простую и скучную задачу, первоначальную очистку источника настолько, чтобы прагматикъ, обращаясь къ нему, имѣлъ подъ руками предварительныя свѣдѣнія, которыя помогли бы ему правильно воспользоваться житіемъ. При такой задачѣ авторъ долженъ былъ обременить книгу приложениями и множествомъ бібліографическихъ примѣчаній.

Приемы изслѣдованія опредѣлялись свойствомъ разбираемыхъ памятниковъ. Но кругу явленій древнерусской жизни, къ изображенію которыхъ обращался агіобіографъ, большая часть житій стоитъ одиноко среди древнерусскихъ историческихъ источниковъ. Рѣдко является возможность повѣрить извѣстіе житія показаніемъ другаго источника. Качество историческаго матеріала, представляемаго житіемъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ писалось послѣднее, и отъ литературныхъ цѣлей, которыя ставилъ себѣ его авторъ. Эти обстоятельства и цѣли, время появленія житія, личность біографа, его отношеніе къ святому, источники, которыми располагалъ онъ, частныя поводы, вызвавшіе его трудъ, и литературные приемы, которыми онъ руководился, — вотъ главные

вопросы, которые задавалъ себѣ изслѣдователь при разборѣ каждаго житія.

Авторъ не могъ достигнуть полноты въ обзорѣ своего матеріала: нѣкоторые памятники, входящіе въ кругъ его изслѣдованія, остались не разсмотрѣнными. Это зависѣло отъ состава рукописныхъ библіотекъ, которыми онъ могъ воспользоваться. Читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ ссылки на рукописи библіотекъ Синодальной, Соловецкой, гр. Румянцева, Ундольскаго, Троицкой Сергіевой Лавры, Московской Духовной Академіи, отдѣла библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Московской Духовной Академіи, другаго отдѣла въ Московской епархіальной библіотекѣ и на нѣкоторыя рукописи изъ Погодинскаго отдѣла Императорской Публичной библіотеки. Изъ частныхъ собраній авторъ имѣлъ возможность пользоваться богатой рукописной библіотекой гр. А. С. Уварова и нѣкоторыми рукописями Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова, за что приносить искреннюю благодарность владѣльцамъ.

ГЛАВА I.

Древнѣйшія преданія о ростовскихъ святыхъ въ позднѣйшей литературной обработкѣ.

Обращаясь къ древнѣйшимъ житіямъ сѣверовосточной Руси съ мыслью о литературномъ характерѣ и историческомъ содержаніи древнѣйшихъ житій южнорусскихъ, изслѣдователь напередъ задаетъ себѣ тотъ же вопросъ, котораго не избѣжитъ онъ и въ изученіи другихъ сторонъ начальной исторіи сѣверовостока: этотъ вопросъ состоитъ въ сравненіи однородныхъ явленій тамъ и здѣсь, въ томъ, дѣлалъ ли сѣверовостокъ въ извѣстномъ отношеніи шагъ впередъ предъ югомъ, или нисходилъ съ южнорусскаго уровня. Въ отвѣтъ на такой вопросъ о житіяхъ не раньше какъ съ XIII в. начинаемъ встрѣчать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверовосточной Руси немногіе одиночные памятники, слабые отголоски письменности смоленской—въ житіи Авраамія, повгородской—въ житіи Варлаама, владимірской—въ житіи Александра Невскаго и т. д. Но памятники позднѣйшей письменности даютъ замѣтить, что болѣе ранніе вожди русско-христіанской жизни на сѣверовостокѣ сошли со цепи не безслѣдно: мѣстная память сохранила о нихъ устное преданіе, въ которомъ вмѣстѣ съ этой жизнью растетъ и осложняется, обле-

каясь наконецъ въ литературную форму житія. Это преданіе — почти все, что осталось для историка о дѣятельности этихъ вождей, и въ сбереженіи его главное значеніе житій, на немъ основанныхъ. Раньше другихъ центровъ сѣверовосточной Руси и съ болѣе обильнымъ запасомъ преданій выступаетъ старый Ростовъ, ядрѣмъ Залѣсской земли, съ пестрой группой житій, въ которыхъ онъ записалъ старинныя устные сказанія о своихъ древнѣйшихъ просвѣтителяхъ и подвижникахъ. Эта группа со- вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько житій въ одной или нѣсколькихъ редакціяхъ, разнообразныхъ по времени происхожденія и по литературной формѣ: рядъ ихъ начинается въ концѣ XII в. и позднѣйшими частями своими теряется въ концѣ XV, представляя вмѣстѣ съ краткимъ, безыскусственнымъ сказаніемъ и пространное житіе, облеченное во всеоружіе позднѣйшей реторики (Однакожь нѣкоторыя особенности этой группы житій съ ихъ редакціями заставляютъ рассмотреть ее отдѣльно отъ другихъ одновременныхъ съ нею явленій литературы и разборъ ея по ставить во главѣ историко-критическаго очерка сѣверовосточныхъ житій, забывая хронологическое и литературное разнообразіе ея частей. Всѣ эти житія — отдѣльныя звенья цѣльнаго мѣстнаго круга сказаній, одного изъ древнѣйшихъ по своимъ источникамъ легендарныхъ цикловъ сѣверовосточной Руси; редакція этихъ житій — отраженіе послѣдовательнаго развитія этого цикла, и потому позднѣйшія изъ нихъ имѣютъ слишкомъ тѣсную историко-литературную связь съ первоначальными, что бы историческая критика могла безъ затрудненія отдѣлять первыя отъ послѣднихъ, ихъ первообразовъ и источниковъ. Съ другой стороны, эти редакціи дошли до насъ въ такомъ видѣ, что если по яснымъ литературнымъ признакамъ можно различить въ нихъ древнѣйшія отъ позднѣйшихъ, то онѣ, кромѣ одной изъ 14 не даютъ ясныхъ указаній, по которымъ можно было бы съ нѣкоторой точностью найти для каждой изъ нихъ хронологиче-

свое мѣсто въ ряду другихъ явленій изслѣдуемаго отдѣла древне-русской литературы. Такимъ образомъ, при научной невозможности въ разборѣ этихъ житій съ ихъ редакціями строго выдержать хронологическій порядокъ, въ какомъ являлись самыя памятники, остается расположить ихъ по времени жизни лицъ, въ нихъ описываемыхъ.

Позволятельно напередъ сказать, что ростовскія житія не представляютъ особенно цѣнныхъ памятниковъ по качеству историческаго матеріала, въ нихъ заключающагося; но и этотъ матеріалъ остался бы безъ нихъ почти незамѣнимымъ пробѣломъ въ древнѣйшихъ источникахъ нашей исторіи. Въ этомъ важность и вмѣстѣ опасность этихъ житій. Первые успѣхи русско-христіанской жизни на сѣверовостокѣ такъ любопытны и такъ неясны, что легко поддаться искушенію довѣрчивости, желанію не проронить въ прагматическомъ изложеніи ни одной черты, встрѣчаемой въ ростовскихъ сказаніяхъ. Но невозможность повѣрки другими источниками и хронологическое отношеніе памятниковъ къ описываемымъ въ нихъ событіямъ внушаютъ осторожность.

Въ 1164 г. обрѣтены мощи епископовъ Леонтія и Исая, первыхъ побѣдоносныхъ апостоловъ христіанства въ Ростовѣ. Нѣсколько десятилѣтій спустя произошло церковное прославленіе третьяго просвѣтителя Ростова, родоначальника ростовскихъ монастырей Авраамія. Эти событія пробудили древнѣйшія мѣстные преданія о названныхъ святыхъ, записанныя вскорѣ или позднѣе.

Историко-критическую оцѣнку житія Леонтія необходимо основать на предварительномъ разборѣ двухъ вопросовъ: о происхожденіи и составѣ начальнаго сказанія и объ отношеніи къ нему позднѣйшихъ редакцій.

Житіе это — одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашей древней письменности. Частая переписка внесла въ списки

его множество вариантовъ, затрудняющихъ точное опредѣленіе его редакцій. Всѣ намъ извѣстные списки можно распредѣлить на 6 редакцій и послѣднія разставить въ порядкѣ, соответствующемъ ихъ литературной формѣ и предполагаемому происхожденію. Первое мѣсто принадлежитъ древнѣйшему по спискамъ и простѣйшему по составу сказанію объ обрѣтеніи мощей святаго, начинающемуся краткими извѣстіями о его жизни. Оно встрѣчается въ рукописяхъ довольно рано: древнѣйшій списокъ его, намъ извѣстный, восходитъ къ началу XIV или концу XIII вѣка. Остальныя редакціи появляются во множествѣ списковъ съ XVI вѣка; по крайней мѣрѣ намъ не удалось встрѣтить ни одной изъ нихъ въ болѣе раннемъ спискѣ. Главное отличіе второй редакціи, столь же краткой какъ и первая, и одинаковой съ ней по составу, состоитъ въ томъ только, что она сообщаетъ въ началѣ нѣсколько чертъ изъ жизни Леонтія до епископства въ Ростовѣ, о чемъ совершенно умалчиваетъ древнѣйшее сказаніе; въ остальномъ она болышею частью дословно повторяетъ это послѣднее и составляетъ скорѣе легко подновленный списокъ его, чѣмъ особую редакцію. Третья редакція — пространное жизнеописаніе, болѣе первыхъ развитое и въ литературномъ и въ фактическомъ отношеніи. Самыя замѣтныя фактическія дополненія, кромѣ вставокъ изъ лѣтописи, состоятъ въ томъ, что къ краткимъ извѣстіямъ второй редакціи о жизни Леонтія до прибытія въ Ростовъ прибавлено здѣсь цѣлое обстоятельное сказаніе о просвѣтительной миссіи въ Ростовъ, возложенной на Леонтія патриархомъ Фотіемъ, а краткое извѣстіе обнихъ первыхъ редакцій о крещеніи ростовцевъ осложнено новыми подробностями объ изгнаніи Леонтія и о его дѣйствіи на дѣтей. Благодаря этому, третья редакція иногда помѣшалась въ сборникахъ и минеяхъ вслѣдъ за первой, какъ ея дополненіе, не смотря на то, что и она цѣлкомъ повторяетъ ту же первую редакцію въ тѣхъ частяхъ сказанія, къ которымъ не

прибавляет ничего новаго ¹⁾). Четвертая редакція выдѣляется изъ всѣхъ своимъ составомъ: она повторяетъ почти цѣликомъ жизнеописаніе по третьей редакціи; по слѣдующую за жизнеописаніемъ статью о церковномъ прославленіи Леонтія въ концѣ XII в. дополняетъ значительными по объему вставками изъ современной этимъ событіямъ ростовской лѣтописи, сопровождая всѣ извѣстія точными и подробными хронологическими помѣтками. Остальное и въ этой второй половинѣ житія, что служило канвой для лѣтописныхъ вставокъ, совершенно сходно съ третьей редакціей. Пятая редакція по литературной обработкѣ своей представляетъ другой образчикъ того способа, какъ составлялись редакціи сказаній въ древнерусской письменности. Въ фактическомъ отношеніи она не даетъ почти ничего новаго, повторяя содержаніе двухъ предшествующихъ редакцій, къ которому прибавляетъ немногія мелкія черты. На свою зависимость отъ другихъ редакцій житія указываетъ самъ составитель пятой, озаглавивъ ее «житіемъ, избраннымъ вкратцѣ отъ преждеписанныхъ». Существенная особенность ея—въ литературной обработкѣ стараго содержанія; въ этомъ отношеніи составитель ея совершенно самостоятеленъ и выдѣляется изъ ряда большей части древнерусскихъ редакторовъ, любившихъ съ дословной точностью переносить матеріалъ въ свои произведенія. Онъ начинаетъ свой трудъ краткимъ, но витѣватымъ предисловіемъ, котораго нѣтъ ни въ одной изъ остальныхъ редакцій житія. Въ изложеніи самого житія, не отступая отъ порядка рассказа прежнихъ редакцій, онъ развиваетъ одиѣ его части и сокращаетъ другія ²⁾), сглаживаетъ несообразности другихъ ре-

¹⁾ Такъ она помѣщена вслѣдъ за первой ред. въ Мак. ч. мнѣняхъ и въ соловецкой мнѣѣ, пис. 1568-1569 г. Почти дословно заимствована изъ первой редакціи ея существенная часть, рассказъ объ обрѣтеніи мощей и о чудѣ при гробѣ.

²⁾ Особенно развитъ здѣсь рассказъ о жизни Леонтія до путешествія на Русь.

дакцій и эггямъ сообщаетъ своему разсказу болѣе связную и стройную форму, излагая его ясною и складною рѣчью. Какъ предисловіе, такъ и разсказъ украшены общими мѣстами въ духѣ искусственныхъ житій XV—XVI в. Наконецъ шестая редакція, которую можно назвать проложной, есть позднѣйшее сокращенное изложеніе содержанія житія въ томъ видѣ, какъ оно развито въ третьей и пятой редакціи ¹⁾.

¹⁾ Древнѣйшій, но неполный св. *первой* редакціи, намъ извѣстный, въ синод. прологѣ XIII—XIV в. № 246, л. 102-103; другой—1459 г. въ синод. сб. № 637, л. 110—116; спис. XVI в. въ Макар. ч. мн., янв 23; по спискамъ солов. библ. XVI в. она напечатана въ Прав. Собор. 1858, № 2. Начало по св. синод. пролога: „Съ бѣ блаженный Леонтій Костянтина града рожанъ и въспитаніе и за премоугу его добродѣтель епископомъ поставленъ бысть Ростову“.—Списки *второй* ред. въ синод. сб. XVI в. № 556, л. 50—56, № 555, л. 696, № 948, л. 97-103; св. 1548 г. въ волоколамск. сб. моск. епарх. библ. № 648, л. 23-35, другой XVI в. тамъ же № 569, л. 199—205; въ сб. Унд. XVII в. № 1298, л. 533—540. Нач. „Сей бѣ блаженный иже во святыхъ отецъ нашъ великий Леонтій рожденъ въ Константій градѣ отъ благовѣру родителей; отъ уны же пѣрсты оставиши мѣра и яже въ мѣрѣ“... Списки *третьей* ред. въ Макар. ч. мн. по синод. св. мн., л. 998—1003, въ синод. сб. XVI в. № 636, л. 293—307, въ сб. волокол. епарх. XVI в. № 639, л. 97—108—представляетъ ту особенность, что каждое событіе въ разсказѣ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей помѣчено годомъ по лѣтописи. Нач. въ указ. мѣстѣ Прав. Сб. стр. 301.—Списки *четвертой* ред. въ синод. сб. XVI в. № 90, л. 163, въ сб. Унд. XVI в. № 574, л. 655—667 и въ сб. его же XVI—XVII в. № 586, л. 113—134. Нач. „Иже во святыхъ отецъ нашъ Леонтій великий рожденъ въ Константій градѣ отъ благовѣру родителей, и егда праше въ зроста сѣмьмъ лѣтъ, званъ бысть родителями въ наученіе грамотѣ“.—Единственный намъ извѣстный св. *пятой* ред. въ волокол. сб. моск. дух. акад. XVI в. № 645, л. 268—289. Прелесл. „Вси иже житія святыхъ списующе на яко свѣтъ сіи требующимъ, но яко за тѣхъ добраа лѣты забвеніа глубиною не покрываются“... Нач. житіа: „Да глаголетъ же са первѣе, кто бѣ и откуду Леонтій. Роденъ убо сей въ царствующемъ градѣ Константійновѣ глаголю, отъ благочестиву родителя и благородну, иже и въ подобно время хрѣста крестанію отреса добрѣ изучиша и толко, яко зѣло разумѣти юу сеговременаа въ священныхъ книгахъ, и отъ нихъ разумѣ сугу мазо-

Такимъ образомъ во всѣхъ редакціяхъ житія лежитъ одна общая основа, которую въ наибольшей простотѣ находимъ въ первой редакціи. Разсматривая составъ этой послѣдней, нельзя не замѣтить, что она—собственно сказаніе объ обрѣтеніи мощей святаго, на что указываетъ и заглавіе и самый составъ его. Чрезвычайно краткія извѣстія о жизни Леонтія имѣютъ видъ вступленія къ главному предмету сказанія—объ обрѣтеніи и прославленіи мощей епископа. Въ этомъ разсказѣ можно указать 4 части: открытіе мощей при основаніи новой соборной церкви въ Ростовѣ (1164 г.), внесеніе ихъ въ новую церковь, видѣніе пономаря съ исцѣленіемъ клирика при гробѣ на праздникъ святаго и наконецъ хвалебно-молитвенное обращеніе къ святителю. Хронологическое отношеніе всѣхъ этихъ событій не указано въ первой редакціи. Между тѣмъ сказаніе сохранило несомнѣнные слѣды своего происхожденія, современнаго княженію Андрея Боголюбскаго: послѣдній въ нѣкоторыхъ даже позднѣйшихъ спискахъ называется «христолюбивымъ княземъ нашимъ Андреемъ», призывается молитва Леонтія «о державѣ и побѣдѣ» этого князя. Слѣд. сказаніе составлено до 1174 г., когда убитъ былъ кн. Андрей. Легкость такого вывода, при отсутствіи ясныхъ хронологическихъ указаній первой редакціи житія, вводила въ заблужденіе и древнихъ и новыхъ нашихъ изслѣдователей: они смотрѣли на всѣ событія въ сказаніи, какъ на близкія другъ къ другу по времени и современные Андрею. Такъ составитель лѣтописи по никоновскому списку, въ поясненіе замѣтки сказанія, что праздникъ въ честь Леонтія установленъ еп. ростовскимъ Іоанномъ, добавляетъ, что это сдѣлано по благословенію митр. Феодора, прибывшаго на Русь вскорѣ

временнаго живота и блаженный покой безконечна жизни⁴.—Шестая ред. въ печ. прологѣ подь 23 мая.—Преев. Макаріемъ по другимъ спискамъ опредѣлены 4 редакціи, соответствующія нашимъ первой, второй, третьей и шестой. Гст. Р. Ц. т. II, прим. 59.

послѣ ростовскаго пожара (1160 г.), который послужилъ поводомъ къ открытію мощей Леонтія; но Іоаннъ сдѣлался еп. ростовскимъ уже при третьемъ преемникѣ этого Θεодора, въ 1190 г. ¹⁾). Встрѣчаемъ также извѣстіе, что видѣніе соборнаго пономаря въ день праздника Леонтія произошло вскорѣ по открытіи мощей ²⁾; но по сказанію это было уже послѣ установленія праздника въ честь Леонтія и, какъ сейчасъ увидимъ, ровно 30 лѣтъ спустя по открытіи мощей. Всмотриваясь ближе въ содержаніе сказанія, находимъ въ немъ признаки разновременнаго состава. Незамѣнимое пособіе при разборѣ его даетъ четвертая изъ описанныхъ выше редакцій житія, приводя извѣстія послѣдняго въ непосредственную связь съ извѣстіями современной имъ лѣтописи и этимъ возстановляя хронологическое отношеніе событій житія. Сличая лѣтописныя вставки, внесенныя ею въ житіе, съ ростовскими извѣстіями конца XII в. въ напечатанныхъ лѣтописныхъ сборникахъ, находимъ, что и тѣ и другія взяты изъ одного источника, т. е. изъ исчезнувшей ростовской лѣтописи, которая въ извѣстіи о ростовскомъ еп. Лукѣ (1185—1189), сохранившемся въ лаврентьевскомъ сборникѣ, обличаетъ въ своемъ составителѣ современника этого епископа ³⁾). Притомъ четвертая редакція выставяетъ. годы и надъ извѣстіями невставными, составляющими основное со-

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. IX, 231.

²⁾ Дрезн. Святыхъ Ростовъ В., гр. М. Толстаго, стр. 35. Подобную ошибку дѣлаетъ арх. Филаретъ, говоря, что мощи Леонтія открыты въ 1164 г., при Іоаннѣ, еп. ростовскомъ. Обз. р. д. лат. I, стр. 51.

³⁾ П. С. Р. Лѣт. I, 165. Ср. житіе по сп. Унд. № 574, л. 661—665 съ лаврент. лѣт. въ II. Собр. I, 150. 171 и 172 и съ впат. II, 127. Изъ лѣтописи вставлены въ четвертую ред. извѣстія: о смерти кн. Андрея 1174 г., о поставленіи Луки епископомъ въ Ростовъ 1185, о подписаніи имъ ростовскаго собора 1187, о смерти его 1189, о поставленіи Іоанна на его мѣсто 1190.

держаніе сказанія ¹). Чтобы съ помощію этой редакціи ближе опредѣлить время происхожденія первой, надобно исправить нѣкоторыя другія неточности церковно-историческихъ изслѣдователей: въ разсказѣ о ростовскихъ событіяхъ XII—XIII в. Есть извѣстіе, что кн. Константинъ въ 1213 г. заложилъ въ Ростовѣ на мѣстѣ обрушившагося собора новый, освященный въ 1231 г. еп. Кирилломъ, куда и перенесены были изъ церкви Іоанна мощи св. Леонтія ²). Отсюда заключаютъ, что соборъ, основанный при кн. Андрѣѣ, обрушился, едва оконченный, а мощи Леонтія и Исаи тотчасъ по обрѣтеніи въ 1164 г. были положены въ церкви св. Іоанна на епископскомъ дворѣ, гдѣ лежали до 1231 г. ³). Но первыя редакціи житій Исаи и Леонтія согласно говорятъ, что мощи этихъ святыхъ внесены по обрѣтеніи въ новый соборъ вскорѣ по его окончаніи, еще при кн. Андрѣѣ; перенесеніе мощей Леонтія четвертая редакція его житія помѣчаетъ 1170 годомъ; въ разсказѣ о чудесахъ Леонтія 1194 г. по всѣмъ редакціямъ житія находимъ мощи святаго въ соборной церкви Богородицы и въ ней епископъ совершаетъ службу. Наконецъ, въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что каменная соборная церковь въ Ростовѣ упала въ 1204 г. ⁴). Сопоставленіе этихъ извѣстій житія съ отрывочными лѣтописными даетъ, кажется, нѣкоторое основаніе заключать, что тѣло св. Леонтія, положенное въ соборной церкви еще при Андрѣѣ, лежало въ ней до ея паденія въ 1204

¹) Таковы: о ростовскомъ пожарѣ 1160 г., объ основаніи новаго собора и обрѣтеніи мощей Леонтія 1164, о построеніи новаго собора и внесеніи въ него мощей Леонтія 1170, установленіе празднованія памяти Леонтія 1190, два чуда на празднивъ Леонтія 1194.

²) П. С. Р. Лѣт. VII, 119; I, 185. 195 и 220; V, 173. Карамз. III, прил. 369, по изд. Эйнерлинга.

³) Ист. Р. Ц. пр. Макарія, III, 78. Р. Свят. архіеп. Филарета, май, стр. 165. Др. Свят. Ростова В., стр. 28.

⁴) П. С. Р. Л. VII, 112; XV, 294. Нив. II, 289.

г., послѣ чего оно хранилось въ надгробной епископской церкви до *вторичнаго* перенесенія въ новый, третій соборъ, освященный въ 1231 г. Отсюда ближе опредѣляется время происхожденія первой редакціи житія. Повѣствуя о судьбѣ мощей Леонтія съ обрѣтенія до чудесъ 1194 г. при еп. Іоаннѣ, оно ничего не говоритъ ни о паденіи андреева собора, гдѣ онѣ лежали, ни о еп. Кириллѣ, ни о такихъ важныхъ для нея событіяхъ, какъ построеніе третьяго собора и торжественное перенесеніе въ него мощей въ 1231; согласно съ ней и въ четвертой редакціи рядъ лѣтописныхъ извѣстій прерывается на еп. Іоаннѣ, 1194 г. Но въ первой редакціи житія читаемъ, что кн. Андрей послалъ для новообрѣтенныхъ мощей Леонтія каменный гробъ, «идѣже и нынѣ лежатъ въ церкви св. Богородица, сѣдѣвая преславная чудеса... въ дръжаву и побѣду христоробивому князю Андрею». Разказъ о внесеніи тѣла въ соборную церковь при Андрѣе заключается словами: «поставиша въ рацѣ на стѣнѣ, идѣже и нынѣ лежитъ». Все это приводитъ къ выводу, что относясь первой частью своей ко времени княженія Андрея, первая редакція получила свой окончательный видъ въ промежутокъ 1194—1204 гг.

Откуда взяты и какъ соединены въ первой редакціи разно-временные элементы ея состава? На это можно дать два отвѣта, различающіеся нѣкоторыми подробностями. Слѣды современника Андреева въ разказѣ могутъ значить, что первоначально, вскорѣ по окончаніи каменнаго собора въ Ростовѣ, слѣд. въ промежутокъ 1170—1174 гг., была составлена записка о жизни Леонтія и судьбѣ его тѣла, слившаяся потомъ съ позднѣйшими прибавленіями. Раздѣльныя черты соединенныхъ частей сглажены въ позднѣйшихъ спискахъ. Позднѣйшее прибавленіе явственно обозначается непосредственно за разказомъ о внесеніи мощей, съ извѣстія объ установленіи праздника въ честь Леонтія еп. Іоанномъ. Краткая похвала святому, заканчивающая ре-

дакцію, приурочена къ тому же празднику, слѣд. также позднѣйшаго происхожденія. Редакція могла составиться и другимъ еще болѣе простымъ путемъ. Главное содержаніе ея, судьба тѣла Леонтія, описано рядомъ краткихъ, отрывочныхъ разсказовъ. Они могли быть первоначально записаны современнымъ ростовскимъ лѣтописцемъ, существованіе котораго около того времени намъ извѣстно. Установленіе праздника въ память Леонтія въ 1190 г. еп. Іоанномъ создавало потребность прославленія святаго въ литературномъ произведеніи. Это подтверждается извѣстіемъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ спискахъ старинной службы Леонтію, которое называетъ авторомъ канона въ ней еп. Іоанна ¹⁾. Также потребность вызвала составленіе литературной *памяти*, которую можно было бы прочитать въ церкви на праздникъ святаго. Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что тѣмъ же Іоанномъ или по его внушенію въ 1194—1204 г. записаны были преданія о жизни Леонтія, къ нимъ присоединены выбранныя изъ лѣтописи извѣстія о мощахъ его, дополнены дальнѣйшими извѣстіями о праздникѣ и чудесахъ 1194 г. и весь разсказ законченъ приуроченнымъ къ празднику краткимъ поученіемъ съ хвалебно-молитвеннымъ обращеніемъ къ святому. Со внесеніемъ чудесъ и похвального слова сказаніе получило видъ цѣльнаго, законченнаго житія, удобнаго для чтенія въ церкви. Четвертая редакція своими обильными лѣтописными вставками

¹⁾ Въ исавтири Тр. С. Л. XVI в. № 327., л. 629: „канонъ св. Леонтію ростовскому-твореніе Іоанна епископа тоя же богоснаемна епископіа“. Тоже въ рук. вологод. епарх. № 648, л. 17 и № 569, л. 189. Два послѣдніе списка наглядно увязываютъ на церковное происхожденіе житія въ связи съ службой: здѣсь житіе Леонтія второй ред. помѣщено вслѣдъ за якосомъ на 6-ой пѣсни канона, когда оно читалось въ церкви; за нимъ слѣдуетъ продолженіе прерваннаго канона. Ту же службу находимъ въ сл. XVI в. въ рук. Тр. С. Л. № 600, съ припиской: „установлено блж. Іоанномъ еп. ростовскимъ праздновать“. Канонъ Леонтію пѣли въ Новгородѣ въ 1493. П. С. Лѣт. III, 146.

представляетъ наглядный примѣръ подобнаго образованія житія съ помощью лѣтописи. Въ такомъ случаѣ выраженія житія, обличающія Андреева современника въ авторѣ, принадлежатъ лѣтописцу и по обычаю древнерусскихъ редакторовъ переписаны цѣликомъ въ немного-позднѣйшемъ сказаніи. Оба случая допускаютъ выводъ, что первая редакція составилась изъ частей, относящихся къ двумъ указаннымъ промежуткамъ времени.

Нѣтъ достаточныхъ опоръ, къ которымъ можно было-бы прикрѣпить приблизительное опредѣленіе времени, когда составились прочія редакціи житія. Только третью можно сблизить съ однимъ фактомъ въ литературной исторіи житія. Появленіе житія или новой редакціи его часто условливалось событіями съ особенной силой оживлявшими въ обществѣ память о святомъ. Такъ было съ памятью о Леонтіѣ въ XV в. Въ это время она ознаменовалась рядомъ чудесъ, по видимому привлекившихъ къ себѣ вниманіе мѣстнаго общества. Они описаны въ особой статьѣ, которая обыкновенно присоединяется въ спискахъ къ третьей редакціи и никогда къ первой и второй. Судя по хронологическимъ указаніямъ, которыми отмѣчены нѣкоторыя изъ чудесъ, рядъ ихъ начинается въ концѣ XIV в. и прерывается во второй половинѣ XV, во время архіеп. ростовскаго Трифона или вскорѣ послѣ; между тѣмъ два столѣтія, протекиія съ описанныхъ въ первой редакціи чудесъ 1194 г. до перваго въ разсматриваемой статьѣ, не оставили въ житіи никакого слѣда. Последнія чудеса въ этой статьѣ составитель описываетъ какъ очевидецъ, и очень вѣроятно, что статья составлена не много спустя по удаленіи архіеп. Трифона съ кафедры въ 1467 г. ¹⁾ Возможно предположеніе, что описаніе

¹⁾ Мавар. ч. мин. по синод. сп., май, л. 1004. Статья начинается замѣтной: „И еще же мало нѣчто повѣдаю вамъ о чудесѣхъ св. Леонтія, яже бысть въ послѣдняя лѣта“. Первые чудеса помѣчены временемъ архіеп. Феодора (1389—1395), нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ—временемъ

этихъ позднѣйшихъ чудесъ дало поводъ къ пересмотру и распространенію древняго краткаго сказанія о Леонтіѣ, слѣдствіемъ чего была его третья редакция. По крайней мѣрѣ имѣемъ прямое доказательство, что и эта редакция житія и прибавленная къ ней статья о чудесахъ XIV—XV в. обращались въ рукописяхъ до 1514 г. ¹⁾).

Обращаясь къ фактическому содержанию собственно жизнеописанія, нельзя не замѣтить въ немъ прежде всего неопредѣленности, показывающей, что оно черпало единственно изъ смутнаго преданія, не основываясь на письменномъ источникѣ, на лѣтописи или на чемъ-нибудь подобномъ. Первая редакция почти ничего не знаетъ ни о прежней жизни ростовскаго просвѣтителя, ни о времени его дѣятельности въ Ростовѣ, которую только по догадкѣ, на основаніи другихъ источниковъ, относятъ къ третьей четверти XI в. ²⁾).

архіеп. Трифона (1462—1467); время послѣднихъ не обозначено, но въ нихъ встрѣчаемъ выраженія, обличающія въ авторѣ очевидца, наприм. „намъ зрящимъ и дивящимся“. Вопреки мнѣнію архіеп. Филарета, эти чудеса описаны послѣ Трифона, о которомъ въ одномъ изъ нихъ говорится, какъ объ архіепископѣ „тогда бывшемъ (Обз. р. д. Лвт. I, стр. 142)“.

¹⁾ Находимъ ихъ въ сб. Царскаго (гр. А. С. Уварова) № 381, л. 217—248, написанномъ въ Муромѣ въ 1514 г. Къ этому же промежутку 1467—1514 гг. слѣдуетъ отнести помѣщаемое обыкновенно при 3-й ред. житія пространное похвальное слово, или поученіе на память Леонтія, напеч. въ Прав. Собес. 1858, № 3, и безъ всякаго основанія относимое имъ ко времени открытія мощей Леонтія (въ муромскомъ сб. л. 225).

²⁾ Преосв. Макарія, Ист. Р. Ц. II, 16, прим. 59. Арх. Филарета, Р. Свв. май, 160. Послѣдній (тамъ же, прим. 254) путуетъ поздній сп. святицель, помѣчающій кончину Леонтія 6581 (1073) г. Въ сп. иная известіемъ (рук. моск. д. ял. № 209) стоитъ неопредѣленная цѣра 6500, обозначающая, по обычаю святицель, вѣкъ отъ сотв. міра, а не годъ. Въ синод. сб. 1459 г. № 637, л. 79 приписка къ тропарю и кондаку Леонтія помѣчаетъ его кончину довольно странной цѣрой: „преставился святый въ лѣто 6980. 34“. Здѣсь вѣрными можно признать только цѣры тысячь и десятковъ—6 и 80; можетъ быть, надо читать 6580 (1072).

фактъ житія, о дѣйстви христіанской проповѣди Леонтія въ Ростовѣ, редакція не даетъ яснаго представленія: она говоритъ объ этомъ какъ объ одномъ изъ преславныхъ чудесъ Леонтія въ Ростовѣ и весь результатъ проповѣди объясняетъ однимъ чудеснымъ событіемъ, какъ Ростовцы, поднявшіеся съ оружіемъ на Леонтія, одни пали мертвыми, другіе ослѣпли при видѣ епископа съ клиромъ въ полномъ облаченіи, какъ Леонтій поднялъ ихъ, научилъ вѣровать въ Христа и крестилъ. Эта неопредѣленность основнаго содержанія перешла и въ другія редакціи житія. Заимствуя изъ лѣтописи извѣстія, не имѣющія прямой связи съ этимъ содержаніемъ, они не могутъ связать послѣднее ни съ однимъ достовѣрнымъ событіемъ, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Съ другой стороны, это основное содержаніе біографіи, не получая большей фактической опредѣленности, постепенно осложняется въ послѣдовательномъ рядѣ редакцій житія. Особенно сильно осложняются въ нихъ два эпизода — о жизни Леонтія въ Константинополѣ и о способѣ обращенія ростовцевъ къ христіанству. Пробѣлъ, оставленный въ первыхъ строкахъ первой редакціи, постепенно наполняется новыми чертами въ каждой изъ послѣдующихъ ¹⁾). Неизвѣстный Грекъ, о которомъ первая редакція знаетъ только, что онъ родился и воспитывался въ Царьградѣ, во второй является сыномъ благоговѣрныхъ родителей и потомъ монахомъ, а въ третьей и пятой рано изучаетъ писаніе, рано покидаетъ суету мірскую и строго водвизается въ одномъ изъ царьградскихъ монастырей, отъ чудеснаго голоса получаетъ призваніе просвѣтить христіанствомъ далекій и упорный Ростовъ и по благословенію самого патр. Фотія отправляется туда во главѣ цѣлой миссіи; четвертая и

¹⁾ Онъ состоитъ въ непосредственномъ переходѣ первой редакціи отъ извѣстія о рожденіи и воспитаніи Леонтія въ Царьградѣ къ извѣстію о поставленіи его епископомъ въ Ростовъ. См. выше въ прим. о спискахъ житія начало первой ред.

нѣкоторые списки третьей редакціи удають даже прибавить ко всему этому, что Леонтія начали учить грамотѣ на седьмомъ году, а шестой — что онъ «внигомъ российскимъ и греческимъ велими хитрословесомъ и сказателемъ отъ юности бысть». Не трудно видѣть, что все это — на половину общій мѣста житій и на половину черты легендарнаго характера. Еще легче выдѣляется въ текстѣ житія вносимый въ него третьей редакціей и повторенный дальнѣйшими эпизодъ о томъ, какъ Леонтій, изгнанный изъ Ростова язычниками, поселяется не вдалекѣ у потока Брутовщицы, ставитъ здѣсь маленькую церковь и кутьей заманиваетъ дѣтей къ слушанію своихъ христіанскихъ поученій. Эпизодъ входитъ въ первую редакцію механически, оставляя петронутымъ ея текстъ, не сглаживая даже несообразностей, какія вносить онъ въ разсказъ ¹⁾).

Эти особенности житія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на его источники и даютъ возможность разяснить сомнительныя черты его фактическаго содержанія. Сохранилось извѣстіе о Леонтіѣ, почти современное первой редакціи его житія и несогласное съ

¹⁾ Ихъ легко замѣтить при параллельномъ чтеніи обѣихъ редакцій. По первой, вѣдъ дѣйствіе Леонтія на дѣтей, ростовцы только пытались изгнать его изъ города и убить, но пораженные его видомъ утѣрились. По древнѣйшимъ спискамъ 3-ей ред. (напримъ въ нашемъ сб. 1543 г. л. 210), Леонтій, изгнанный изъ города, поселился около, на потокѣ Брутовщицѣ, куда привлекъ сперва дѣтей помощью кутьи, потомъ и взрослыхъ и крестилъ ихъ. Затѣмъ уже выписывается разсказъ второй ред. о попыткѣ ростовцевъ изгнать епископа изъ города и убить. Такъ обр. выходитъ, что Леонтій крестилъ много взрослыхъ на потокѣ и въ тоже время теряетъ на нихъ всякую надежду; ростовцы пытаются опять изгнать его изъ города, хотя онъ былъ уже внѣ города. Другіе списки 3-ей ред., обходя первую несообразность, поправляютъ вторую тѣмъ, что заставляютъ Леонтія воротиться въ городъ, чтобы подвергнуться опасности вторичнаго изгнанія. Читая, переделывая всю вставку, поправляется иначе: ростовцы вторично встаютъ на епископа, чтобы изгнать его изъ области и убить. Вологод. № 645, л. 276.

послѣднимъ: еп. владимірскій Симоѣвъ въ посланіи къ Поликарпу (1225—1226 г.) ставитъ Леонтія первымъ по времени въ ряду русскихъ іерарховъ, вышедшихъ изъ кіевскаго Печерскаго монастыря. По прямому смыслу словъ Симоѣва и по перечню епископовъ, имъ приводимому, видно, что рѣчь идетъ о постриженникахъ Печерскаго монастыря, а не монахахъ, случайно находившихся въ немъ въ минуту поставленія на кафедрѣ ¹⁾). Свидѣтельство Симоѣва, авторитетное уже по личности автора, кіево-печерскаго монаха въ началѣ XIII в., находитъ новую опору въ старомъ ростовскомъ лѣтописцѣ, котораго онъ читалъ и въ которомъ можно было узнать больше чѣмъ о 30 печерскихъ постриженникахъ, вышедшихъ на разныя епископскія кафедры въ Россію до XIII в. При разногласіи такого источника съ житіемъ Леонтія, въ сохранившемся его видѣ, естественно рѣшить вопросъ въ пользу перваго. Однакожъ дѣлались попытки примирить эти противорѣчащія источники: жертвуя нѣкоторыми подробностями позднѣйшихъ редакцій житія, чтобы спасти извѣстіе первой о царградскомъ происхожденіи Леонтія, предполагали, что онъ родомъ Грекъ, но переселился въ Кіевъ, постригся въ пещерѣ Антонія и отсюда взятъ на ростовскую кафедру ²⁾). Такъ извѣстіе ненадежнаго источника, которое трудно принять, вытѣсняли своимъ собственнымъ, не находимымъ ни въ какомъ источникѣ, не находящимъ опоры даже въ аналогическомъ явленіи. Едвали нужно въ этомъ извѣстіи отдѣлять первую редакцію отъ прочихъ и для нея жертвовать послѣдними,

¹⁾ Иначе онъ не упомянулъ бы въ своемъ перечнѣ Стефана, ученика цркви Феодосія, но поставленнаго епископомъ владимірскимъ на Волыни изъ основаннаго пѣмъ Кіевскаго мон. Пам. рос. слов. XII в., стр. 256. Притомъ, насколько извѣстно происхожденіе упомянутыхъ Симоѣвомъ іерарховъ, онъ имѣлъ въ виду, кажется, людей русскаго происхожденія.

²⁾ Превосъ. Маварія—Ист. Р. Ц. II, прим. 59. Ир. Соб. 1858, № 2, стр. 298 и сл.

ибо всё онѣ, кажется, черпаютъ здѣсь изъ одинаковаго источника. Если давѣстіе и о Леонтіѣ почерпнуто Симономъ изъ цитуемаго имъ стараго ростовскаго лѣтописца, то первая редакція житія не пользовалась этимъ, судя по названію, столь близкимъ къ ней источникомъ: по крайней мѣрѣ, его вліяніе не отразилось на ней ни одной чертой, а другія редакціи рѣшительно противорѣчатъ ему. Разобравъ элементы сказанія о происхожденіи и прибытіи на Русь Леонтія, можно, кажется, обойтись и безъ примиренія противорѣчивыхъ извѣстій, взятыхъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Та подробность сказанія, что патр. Фотій является современникомъ св. Владиміра, падаетъ сама собою, обличая свою связь съ позднѣйшими историческими источниками, впадающими въ ту же ошибку. Далѣе, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ житія встрѣчаемъ черты, обязанныя своимъ происхожденіемъ мѣстности, изъ которой вышла редакція или ея списокъ. Нѣкоторые списки 3-ей ред. въ извѣстіи о первыхъ епископахъ, пришедшихъ въ Кіевъ съ Леонтіемъ митр. и разосланныхъ имъ по городамъ, прибавляютъ: «и нарече архіепископомъ Ростовъ»; напротивъ сп. новгор. соф. бібліотеки усвоитъ названіе архіепископіи своему Новгороду ¹⁾). Присутствіе этого мѣстнаго взгляда еще сильнѣе чувствуется въ сказаніи житія о прибытіи на Русь Леонтія. Ростовъ просвѣщается христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда; оттуда приходятъ и туда возвращаются первые просвѣтители его; самъ патріархъ «многу печаль имѣеть» объ упрямомъ далекомъ Ростовѣ и долго ищетъ для него «твердаго пастуха»; отыскавшійся пастухъ Леонтіій съ цѣлой миссіей ѣдетъ изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не имѣя никакихъ сношеній съ Кіевомъ и русскимъ митрополитомъ, о которыхъ въ разсказѣ о Леонтіѣ по всѣмъ

¹⁾ Макар. ч. мнн. май, л. 998 (по синод. сп.). Соф. сп. въ Ист. Р. Ц. пресв. Макарія, I, прим. 82.

редакціямъ житія нѣтъ и помину. Это еще понятно относительно первыхъ двухъ епископовъ, прибывшихъ въ Ростовъ въ первые годы послѣ крещенія Владиміра, но подозрительно въ третьемъ. дѣйствовавшемъ во второй половинѣ XI в., особенно если раньше этого встрѣчаются пзвѣстія о поставленіи епископовъ кievскимъ митрополитомъ и о распространеніи христіанства подъ его руководствомъ. Непосредственныя сношенія Ростова съ Константинополемъ — черта, замѣтная и въ другомъ ростовскомъ сказаніи, отличающемся столь же сильной легендарностью, въ житіи преп. Авраамія. При мутности источниковъ, изъ которыхъ черпали оба житія, здѣсь безъ сомнѣнія имѣла свою долю вліянія память о первыхъ двухъ епископахъ Ростова, прибывшихъ изъ Царьграда и посвященныхъ патріархомъ. Но объясненію этой черты въ житіи Леонтія, кажется, можетъ помочь еще одно обстоятельство, обыкновенно забываемое при этомъ. Возобновленіе памяти о Леонтіѣ въ Ростовѣ, вызванное обрѣтеніемъ его мощей, совпало по времени съ однимъ движеніемъ въ ростовской епархіи, начатымъ Андреемъ Боголюбскимъ съ помощію Феодора, вполнѣдствіи ростовскаго епископа: оба они хлопотали отдѣлить ростовскую кафедру отъ кievской митрополіи и перемѣстивъ ее во Владиміръ, сдѣлать изъ нея вторую митрополію въ Россіи. Самъ Феодоръ принялъ епископскій санъ прямо отъ патріарха въ Константинополѣ, на пути въ Ростовъ не заѣхавъ въ Кіевъ къ митрополиту за благословеніемъ и занявъ кафедру, придавалъ особенное значеніе своей непосредственной зависимости отъ патріарха: «не митрополитъ мя поставилъ, говорилъ онъ, но патріархъ во Царьградѣ; да убо отъ кого ми другаго поставленія и благословенія искати?»¹⁾ Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ своей епархіи, имѣлъ «мудрованіе кознено и вси его бояхуся и тре-

¹⁾ П. С. Р. Л. IX, 239.

петаху», замѣчаетъ лѣтопись. Въ его именно епископство отстроены были каменный ростовскій соборъ и совершено первое перенесеніе мощей св. Леонтія (1170), послѣ чего вскорѣ составлено было и первое сказаніе о немъ; подъ вліяніемъ теодоровскихъ взглядовъ могла составиться или развиться основа преданія о ростовскомъ просвѣтителѣ, съ большей или меньшей полнотой входившаго во всѣ редакціи житія. Невозможно рѣшить, въ какомъ видѣ занесено было это преданіе, столь согласное съ стремленіями Теодора, въ начальное сказаніе, составленное при кн. Андреѣ, но мы знаемъ, что это послѣднее подверглось новой обработкѣ нѣсколько десятилѣтій спустя, при еп. Іоаннѣ, когда были причины уничтожить слѣды стремленій Теодора, возбудившаго ими сильное негодованіе въ высшемъ духовенствѣ и оставившаго по себѣ черную память. Если можно допустить дѣйствіе такихъ побужденій на развитіе подробностей преданія о прибытіи Леонтія въ Ростовъ, то исходная точка этого преданія, уцѣлѣвшая и въ первой редакціи житія, извѣстіе о константинопольскомъ происхожденіи Леонтія могло сложиться и безъ всякой посторонней цѣли. Съ Леонтіемъ могло повториться тоже самое, что было съ его современникомъ митр. Ефремомъ, также упомянутымъ въ числѣ постриженниковъ кіево-печерскаго монастыря у еп. Симона. Русскій по происхожденію, служившій при дворѣ в. кн. Ізяслава и потомъ постригшійся въ пещерѣ преп. Антонія, Ефремъ жилъ нѣсколько времени въ константинопольскомъ монастырѣ предъ поставленіемъ своимъ на переяславскую кафедру. Привычка видѣть на высшихъ іерархическихъ мѣстахъ въ Россіи Грековъ сдѣлала изъ этого обстоятельства основаніе усвоить Ефрему греческое происхожденіе ¹⁾).

¹⁾ Пресв. Маварія — Ист. Р. Ц. II, прим. 26.

Нельзя, разумеется, прослѣдить источники и развитіе всѣхъ чертъ мѣстнаго преданія о Леонтіѣ; можно только замѣтить, что онѣ не всѣ вошли въ житіе и нѣкоторыя развивались, цѣпляясь за урочища или мѣстные остатки старины¹⁾). Жизнеописаніе и оканчивается такимъ же сомнительнымъ, спорнымъ извѣстіемъ, какимъ начинается. По этому извѣстію, проповѣдь Леонтія, увѣнчавшаяся крещеніемъ Ростова, завершается мирной кончиной просвѣтителя; тогда какъ еп. Симонъ въ упомянутомъ посланіи называетъ Леонтія третьимъ русскимъ мученикомъ за вѣру, послѣ двоихъ Варяговъ, и говоритъ, что ростовскіе язычники, много мучивъ, его убили. Эти противорѣчивыя извѣстія раздѣлили критиковъ на двѣ стороны; взвѣсивая основанія обѣихъ, надобно, кажется, придать болѣе вѣроятія мнѣнію той, которая, основываясь на прямомъ смыслѣ всего извѣстія Симона о Леонтіѣ, понимаетъ буквально его выраженіе о мученичествѣ ростовскаго епископа. Къ ея доводамъ можно прибавить, что Симонъ не имѣлъ побужденія, понятнаго въ ростовскомъ источникѣ, смягчать рассказъ о судьбѣ Леонтія, и что даже по ростовскимъ источникамъ можно замѣтить, что мѣст-

¹⁾ По житію Петра, царевича ордынскаго, ростовскій еп. Кириллъ (1231-1261) рассказывалъ царю Беркѣ въ ордѣ о Леонтіѣ, „яко крести градъ Ростовъ, и како уѣри люди, и како честь прии отъ русскихъ князей и отъ греческаго царя и отъ патріарха“. О сношеніяхъ Леонтія съ греческими царемъ и русскими князьями ни слова не говорятъ ни одна редакція его житія. Наглядный примѣръ развитія преданія въ связи съ остаткомъ старины представляютъ лѣтописныя извѣстія о воцанницѣ съ выномъ, хранившейся въ ростовскомъ храмѣ І. Предтечи на епископскомъ дворѣ и уничтоженной отъ пожара въ 1211 г., чему много дивились въ Ростовѣ, по замѣчанію древняго здѣшняго лѣтописца: тогда нѣкоторые приписывали ее еп. Леону (1158-1162), а обитатель ростовскаго крѣвля, составлявшій лѣтописный сборникъ въ 1534 г., замѣчаетъ уже при этомъ извѣстіи: „глаголютъ бо, яко воцаница та св. Леонтіа“. П. С. Р. Л. XV, 311; ср I, 184.

ная память въ XIII в. и послѣ вообще преувеличивала просвѣдательные успѣхи Леонтія ¹⁾).

- Изъ сдѣланнаго разбора можно извлечь нѣкоторые выводы для оцѣнки житія, какъ историческаго источника. Въ древѣйшихъ уцѣлѣвшихъ источникахъ нашей исторіи до Андрея Боголюбскаго не сохранилось письменныхъ слѣдовъ памяти о св. Леонтіѣ. Она по видимому впервые стала возобновляться и слагаться въ сказаніе со времени обрѣтенія мощей, т. е. почти сто лѣтъ спустя по смерти святаго. Можно замѣтить нѣкоторыя основы, на которыхъ развивается сказаніе: это мѣстные памятники старины (наприм. загородный храмъ архангела Михаила), существовавшіе въ XII—XIII в., и мѣстное смутное воспоминаніе о Константинополѣ, какъ первоначальномъ источникѣ христіанской проповѣди въ Ростовѣ, поддержанное отдаленностію послѣдняго отъ кіевской Руси и мѣстны-

¹ Согласно съ первой ред. житія толкуеть извѣстіе Симона преосв. Макарія въ Ист. Р. Ц. II, 16, прим. 59; противоположное мнѣніе у архіеп. Филарета въ Р. Св. май, прим. 253. Первое мнѣніе держится на одномъ неважномъ основаніи, на чтеніи симонова извѣстія въ нѣкоторыхъ спискахъ патеріка: одни изъ нихъ замѣняютъ глаголъ „убиша“ словами „и биша“, другіе вовсе опускаютъ его, оставляя рѣчь неконченной; то и другое отзывается намѣреніемъ поправить извѣстіе. Мнѣніе архіеп. Филарета имѣетъ за себя не только чтеніе другихъ списковъ, удержавшихъ слово „убиша“, но и контекстъ всего извѣстія симона, усвояющаго Леонтію третье мученическое мѣсто на ряду съ Варягами; въ его же пользу говоритъ повидному и обмолвка въ концѣ первой редакціи о Леонтіѣ: „непостыдно предася за вѣру“. Указанное преувеличеніе можно замѣтить, слнчая извѣстія лѣтописей въ П. С. Р. Лѣт. I, 195 и Ннн. VIII, 245, первой ред. житія въ Пр. Соб. стр. 306 и слова на память Леонтія тамъ же №3, стр. 424, съ словами пятой ред. въ волокол. сб. №645, л. 277: „крести всѣхъ (ростовцевъ)“ и Степ. кн. I, 153, которая, излагая черты преданія о Леонтіѣ по 3-й ред. житія, говоритъ: „всѣхъ ихъ крести, и отголѣ въ Ростовѣ утвердися совершенное благочестіе и донынѣ“. Наконецъ могли быть побужденія умалчивать о насильственной смерти Леонтія; но не понято, что заставило выдумать такую смерть.

ли стремлениями времени Андрея къ церковной самостоятельности. Это—главные, въ первой редакціи даже единственные источники жизнеописанія; согласно съ своимъ характеромъ они сообщаютъ его разсказу о жизни Леонтія неопредѣленность, при которой въ немъ трудно уловить ясный, положительный фактъ. Къ этимъ мѣстнымъ источникамъ присоединяется въ позднѣйшихъ редакціяхъ житія лѣтопись. Но достовѣрное содержаніе входитъ отсюда только по вторую половину житія, въ разсказъ о церковномъ прославленіи Леонтія: лѣтописныя извѣстія, занесенныя въ описаніе жизни святаго (о крещеніи кн. Владиміра, о первомъ митр. Леонтіѣ, о первыхъ епископахъ, съ нимъ пришедшихъ на Русь и проч.), 1) не касаются прямо Леонтія, 2) повторяютъ ошибки позднѣйшихъ лѣтописей. Вообще изъ разсмотрѣннаго житія можно, кажется, извлечь тотъ фактъ, что достовѣрныя извѣстія о Леонтіѣ были утрачены въ ростовской письменности уже къ концу XII вѣка, разтворившись въ смутномъ преданіи и оставивъ слабые слѣды на югѣ, въ киевонечерскомъ монастырѣ, откуда и вынесъ ихъ еп. Симонъ.

Изъ свидѣтельства житія преп. Теодосія Печерскаго видно, что Ростовъ чтить своего еп. Исаію на ряду со святыми уже въ началѣ XII в., вскорѣ послѣ его смерти (1090). Мощи его были открыты въ одинъ годъ съ мощами его предшественника Леонтія. Но въ источникахъ не сохранилось намека, по которому можно было бы заключать, чтобы тогда же, въ началѣ XII в. или въ концѣ его, одновременно съ сказаніемъ о Леонтіѣ, описана была и жизнь Исаіи ¹⁾.

¹⁾ Архіев. Филаретъ считаетъ приведенное извѣстіе житія Теодосія объ Исаіи позднѣйшей вставкой на томъ основаніи, что причтеніе Исаіи къ святымъ и установленіе празднованія памяти его послѣдовало въ 1164 г., по обрѣтеніи мощей. Р. Свв. май, стр. 106. Но 1) выраженіе житія Теодосіева „я тамо со святыми чтуть его“ не значить непремѣнно, что его

Имѣемъ двѣ редакціи житія Исаіи ¹⁾). Первая въ сжатомъ разсказѣ передаетъ происхожденіе святаго, его жизнь въ возниковавшемъ тогда Печерскомъ монастырѣ, игуменство въ Дмитріевскомъ и посвященіе на ростовскую кафедру, въ общихъ чертахъ изображаетъ окончательное утвержденіе имъ христіанства въ Ростовѣ и его области и обстоятельно повѣствуетъ о его чудесномъ путешествіи въ Кіевъ на освященіе печерской церкви; разсказъ оканчивается краткими извѣстіями о кончинѣ, открытіи мощей въ 1164 г. и о перенесеніи ихъ въ XV вѣкѣ. Составъ житія безыскусственный: начавъ біографію безъ предисловія, оно кончается краткимъ молитвеннымъ обращеніемъ къ святому. Опредѣленіе времени, когда составила эта редакція, зависитъ отъ времени послѣдняго событія въ ея разсказѣ, перенесенія мощей. Писатели, касавшіеся этого житія мимоходомъ, повторяли странную ошибку издателя его въ Прав. Собесѣдникѣ ²⁾). Отнесши, по какимъ-то внутреннимъ признакамъ, ко второй половинѣ XIII в. списокъ первой редакціи, послужившій подлинникомъ для изданія и взятый изъ соловецкаго

чтили церковнымъ празднованіемъ; 2) иѣтъ прямого извѣстія, что празднованіе Исаіи установлено въ 1164 г. Изъ житія видно, что ему не праздновали церковнымъ образомъ и въ XV в., до 1474 г. гробъ его былъ въ небреженіи, никогда свѣча не горѣла надъ нимъ и священникъ не приходилъ къ нему съ вѣдломъ. Между тѣмъ народъ чтилъ уже Исаію какъ святаго: образъ его, по словамъ житія, былъ „почтаемъ и поклоняемъ отъ всѣхъ“.

¹⁾ Довольно рѣдкіе списки первой ред. XVI в. въ слов. сб. № 806, л. 208-212 (по нему житіе издано въ Пр. Соб. 1858, № 3) и въ румынц. сб. № 397, л. 425 и сл. съ сокращеніями. Списки второй ред. XVI в. въ Макар. ч. мн. (по синод. сп.), май, л. 819-823, въ синод. сб. № 90, л. 141-163, въ румынц. сб. № 434, л. 421, въ сб. Унд. № 586, л. 160-171.

²⁾ Пр. Соб. въ указ. м. стр. 432. Ист. Оч., О. И. Буслаева, т. II, 99. Р. Сав., арх. Филарета, май, прим. 139. Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, V, 146.

сборника XVI в., издатель заключилъ, что житіе написано вскорѣ послѣ перенесенія мощей, «что было, какъ значится во всѣхъ соловецкихъ спискахъ житія, въ 1274 г.». Между тѣмъ въ томъ же соловецкомъ спискѣ, по которому издано житіе, перенесеніе помѣчено 6982 (1474) годомъ. Съ этимъ показаніемъ согласны и всѣ извѣстные намъ списки житія въ другихъ бібліотекахъ. Такимъ образомъ первая редакція могла составиться въ концѣ XV в. не раньше 1474 г. Можно указать и нѣкоторое подтвержденіе этому показанію списковъ, если оно въ этомъ нуждается: житія Исаи еще не встрѣчаемъ въ сборникахъ XV в. между житіями ростовскихъ епископовъ, Леонтія и Пгнатія, гдѣ его обыкновенное мѣсто въ позднѣйшихъ сборникахъ; перенесенія мощей Исаи, совершеннаго торжественно и съ того времени по видимому праздновавшагося въ Ростовѣ ежегодно, нѣтъ въ мѣсяцесловахъ XV в. въ числѣ церковныхъ празднествъ монгольскаго періода, хотя есть преставленіе Пгнатія, ко времени котораго ошибка относитъ перенесеніе мощей Исаи; наконецъ это перенесеніе совершено, по первой редакціи, ростовскимъ *архіепископомъ*, а такой санъ ростовскіе іерархи носили съ 1390 г. ¹⁾). Обращаясь къ источникамъ редакціи, легко замѣтить, что она построена на болѣе надежномъ основаніи, чѣмъ всѣ редакціи житія Леонтія. У составителя ея были подъ руками письменные источники: въ описаніи жизни Исаи на Югѣ опъ очевидно пользовался житіемъ преп. Теодосія; онъ умѣетъ даже обозначить, хотя не всегда вѣрно, время главнѣйшихъ событій въ своемъ разсказѣ ²⁾); разсказъ о путешествіи

¹⁾ Ист. Р. Ц., преосв. Макаріа, IV, 260.

²⁾ Извѣстія позднѣйшихъ лѣтописей объ Исаи не всѣ согласны съ житіемъ. См. наприм. П. С. Р. Лѣт. XV, 166, гдѣ поставленіе Исаи епископомъ въ Ростовъ помѣчено 6580 г., а въ житіи 6585. Поправки хронологическихъ показаній житія см. у арх. Филарета въ Р. Слав., май, прил. 127 и 128.

Исаи въ Кіевъ на освященіе печерской церкви есть довольно близкая передѣлка разсказа Петерскаго патерика, только приспособленная къ лицу одного Исаи, законоецъ, разсказавъ объ этомъ освященіи по патерику; житіе повторяетъ тоже кратко по Несторовой лѣтописи, выписывая почти дословно ея извѣстіе подъ 6597 г. Но очевидно достовѣрныя свѣдѣнія составителя редакціи о жизни Исаи ограничиваются извѣстіями кіевскихъ источниковъ; дѣятельность святаго на Сѣверѣ описывается уже на основаніи источника другого рода, мѣстнаго преданія. Вотъ почему распространеніе Исаіей христіанства въ ростовскомъ краѣ онъ могъ изобразить лишь кратко, въ неопредѣленныхъ чертахъ. Примѣсь мѣстнаго преданія замѣтна и въ разсказѣ о чудесномъ путешествіи въ Кіевъ, основанномъ на патерикѣ. — Вторая редакція совмѣщаетъ въ себѣ много особенностей искусственнаго состава: она предпосылаетъ разсказу витіеватое и темное по изложенію предисловіе, въ самый разсказъ вноситъ риторическія распространенія, а краткую молитву въ концѣ первой редакціи развиваетъ въ похвальное слово, которое заставляеть произносить предъ мощами Исаи архіепископа, перенесшаго ихъ на новое мѣсто въ 1474 г. Но фактическое содержаніе этой пространной редакціи цѣликомъ и почти дословно перенесено изъ краткой; все ея отличіе отъ послѣдней въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, что она въ двухъ мѣстахъ расширяетъ ея заимствованія изъ кіевскихъ источниковъ: къ извѣстію объ игуменствѣ Исаи въ кіевскомъ монастырѣ св. Димитрія прибавляетъ изъ житія преп. Теодосія извѣстіе о предшественникѣ Исаи Варлаамѣ, а изъ лѣтописи извѣстіе о рожденіи кн. Изяслава, которое понадобилось только для того, чтобы сказать, что отецъ Варлаама былъ бояриномъ у этого князя; выписку изъ лѣтописи объ освященіи печерской церкви вторая редакція продолжаетъ дальше первой, захватывая съ дословной точностью номѣщенное подъ тѣмъ же 6597 г. извѣстіе о смерти митр.

Іоанна, освящавшаго церковь, и его характеристику, хотя все это имѣеть очень мало связи съ разсказомъ житія. Поэтому совершенно неоснователенъ строгій приговоръ, какой произноситъ надъ этой редакціей издатель краткой, видя ея «особенность» отъ послѣдней въ томъ, что «нѣтъ достовѣрности въ ея дополнителныхъ историческихъ извѣстіяхъ»¹⁾. Если первую редакцію можно приурочить ко времени перенесенія мощей, то въ опредѣленіи происхожденія второй у критики не остается и такой опоры.

Въ житіи преп. Авраамія ростовскаго, критика опять, какъ въ житіи Леонтія, встрѣчаетъ едва одолимыя затрудненія. Извѣстныя редакціи этого житія описаны преосв. Макаріемъ²⁾.

¹⁾ Прав. Собес. въ указ. м. стр. 433.

²⁾ Ист. Р. Ц. I, прим. 27. Текстъ первой редакціи значительно пострадалъ отъ частой перепискѣ; въ такомъ попорченномъ видѣ находимъ его наприм. въ Маввр. ч. мн. олт., стр. 1721 (по усп. св.) и въ ружанц. сб. № 434, л. 84. Наибольше исправные или любопытные варианты списка, намъ извѣстны: XV-XVI в. синод. сб. № 556, л. 854. XVI в. синод. сб. № 555, л. 193, подкол. сб. 1549 г. въ моск. енарх. библ. № 639, л. 276, Унд. № 574, л. 582 и № 1300, л. 246, XVII в. Унд. № 1298, л. 291, солов. сб. 1634 г. № 818, л. 38, въ Милют. ч. мн. олт. л. 1427; сокращеніи этой ред. въ ружанц. сб. XVI в. № 397, л. 338. Вторая ред., очень мало распространенная, намъ извѣстна по двумъ спискамъ XVI-XVII в. въ сб. Тр. Серг. Л. № 657, л. 96 в Унд. № 586, л. 192. Она ознаменована: «житіе вкратцѣ, иже списано бысть отъ ученика его (Авраамія)». Это повязываетъ только, что редакція составлена въ аврааміевомъ монастырѣ; она вѣроятно была слѣдствіемъ пересмотра первой редакціи, вызваннаго посяженіемъ «исысканіемъ» о святыхъ, которое прешествовало московскому собору 1549 г., постановившему праздновать вмѣстѣ съ другими «иными чудотворцами» и преп. Авраамію, какъ предположаетъ преосв. Макарій. Ист. Р. Ц. VI, 217 и сл. Впрочемъ службу Авраамію, м. б. составленную для мѣстнаго празднованія свитому, встрѣчаемъ уже въ сб. XV в. Тр. С. Л. № 617, л. 33. Похвальное слово при второй ред. житія написано на праздникъ памяти Авраамія. Руж. Тр. Серг. Л. № 657, л. 120. Изъ третьей ред. извѣстно только извлеченіе, явощ. въ Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, т. I, стр. 203 205.

Первая, изобразивъ въ краткомъ очеркѣ, самыми неопредѣленными чертами всю жизнь святаго, подробно останавливается на двухъ эпизодахъ: на борьбѣ Авраамія съ чудскимъ идоломъ Велеса и на борьбѣ святаго съ діаволомъ, истившимъ ему за мученіе, испытанное подъ крестомъ въ умывальницѣ Авраамія. Вторая редація обширнѣе: указаннымъ двумъ эпизодамъ она предпосылаетъ обстоятельный рассказъ о жизни святаго до борьбы съ ростовскимъ язычествомъ, говоритъ о пропхожденіи Авраамія (изъ г. Чухломы), о путешествіи въ Новгородъ, о постриженіи и жизни въ Валаамскомъ монастырѣ и наконецъ о поселеніи около Ростова. О третьей редакціи мы можемъ судить только по краткому отрывку въ валаамской рукописи.

Наши церковные историки довѣрчиво пользуются содержаніемъ этихъ редакцій въ изложеніи исторіи распространенія христіанства въ Ростовскомъ краѣ, не останавливаясь на ихъ сравнительной надежности ¹⁾. Между тѣмъ и въ общей фактической ихъ основѣ и въ дополнительныхъ подробностяхъ каждой много внутреннихъ несообразностей. Этого мало: онѣ вступаютъ въ противорѣчіе и съ другими историческими памятниками, описывающими событія тогоже времени и края. Много потрачено остроумія, чтобы объяснить эти несообразности и примирить противорѣчія: догадки породили только разнообразіе мнѣній, не рѣшивъ главной задачи критики—оцѣнки годности заключающагося въ житіи историческаго матеріала. Это объясняется недостаткомъ въ житіи ясныхъ данныхъ, которыя позволяли бы съ нѣкоторою точностью опредѣлить источники житія и время происхожденія его первой редакціи. Но критика, указавъ на вѣстныя редакціи его, почти не коснулась единственнаго основанія, могущаго дать нѣкоторые выводы для объясне-

¹⁾ Такъ пресв. Макарій въ Ист. Р. II, I, 157—159 излагаетъ жизнь Авраамія по 3-ей редакціи, наиболѣе подозрительной.

нія темныхъ пунктовъ житія, пменно состава основнаго сказанія и взаимнаго отношенія редакцій по содержанію.

Сличая указанныя редакціи между собою, легко замѣтить, что онѣ существенно разнятся только въ описаніи жизни Авраамія до прихода къ Ростову и сходны въ дальнѣйшемъ содержаніи. Это послѣднее составляетъ первую изъ описанныхъ редакцій, которая не можетъ ничего сказать о доростовской порѣ жизни Авраамія кромѣ общихъ мѣстъ. Притомъ эту редакцію встрѣчаемъ въ наиболѣе древнихъ спискахъ. Цмѣемъ право въ ней искать основнаго сказанія въ возможно-чистомъ видѣ, что обѣщаетъ она и своей простой литературной формой, одинаковой съ первыми редакціями житія Леонтія и Псаи. Разбирая составъ этой редакціи, замѣчаемъ, что она—не житіе сколько-нибудь связное, а довольно неискусная сшивка общаго очерка съ двумя сказаніями. Она открывается рядомъ тѣхъ общихъ житейныхъ чертъ, по которымъ безошибочно можно заключить, что жизнеописатель очень мало знаетъ о жизни святаго. (Отбирая въ этомъ очеркѣ черты, въ которыхъ можно подозрѣвать фактическое содержаніе, получимъ такія свѣдѣнія о святомъ: не опредѣляя ни мѣста ни времени происхожденія Авраамія, житіе говоритъ, что онъ, оставивъ мірской мятежъ, сталъ монахомъ, а потомъ начальникомъ монаховъ, и поживъ ангельскимъ житіемъ, обогатившись даромъ чудесъ, слезами омывъ свою душу... Можно было бы ожидать, что рѣчь закончится извѣстіемъ о смерти святаго; вмѣсто этого житіе вслѣдъ затѣмъ продолжаетъ: «видѣвъ же преподобный прелестъ идольскую сушу, не убо бѣ еще всѣ св. крещеніе приѣша... преп. же Авраамій помолися Богу». Не пояснивъ, что дѣйствіе происходитъ въ Ростовѣ, житіе подробно описываетъ далѣе борьбу Авраамія съ идоломъ Велеса. Въ этомъ эпизодѣ опять разсказывается объ основаніи монастыря, о чемъ намекомъ было уже сказано въ началѣ. Отъ разсказа о борьбѣ съ идоломъ житіе переходитъ къ другому — о борьбѣ съ діаволомъ и о его

пораженіи. Таковъ составъ первой редакціи. Между обоими эпизодами нѣтъ внутренней связи и послѣдовательности точно также, какъ между общимъ очеркомъ и первымъ эпизодомъ. Въ очеркѣ описывается вся жизнь святаго и такими же чертами, какими описывается жизнь святыхъ въ икосахъ на 6-ой пѣснѣ канона; можно подумать, что онъ и составлялъ первоначальное житіе, которое потомъ неловко стало во главѣ двухъ отдѣльныхъ сказаній, лишившись при этомъ своихъ заключительныхъ извѣстій, перенесенныхъ къ концу втораго эпизода: «и поживе... въ велицѣ смиреніи, труды къ трудомъ прилагая, и въ велицѣ смиреніи къ Господу отыде, егоже измлада възлюби». Такимъ же внѣшнимъ образомъ связаны между собою и оба эпизода: заключительныя извѣстія ихъ показываютъ, что второй описываетъ не дальнѣйшую судьбу святаго, а событіе, случившееся между тѣми, которыя разсказаны въ первомъ. Какъ первый разсказъ оканчивается тѣмъ, что князья ростовскіе дали монастырю Авраамія села и по соглашенію съ епископомъ возвели его на степень архимандрити, послѣ чего Авраамій пачалъ еще больше подвизаться, труды къ трудамъ прилагая, стяжавъ великое смиреніе и проч.; такъ и въ концѣ втораго разсказа читаемъ, что князь далъ монастырю много домовъ и сель и поставилъ его выше всѣхъ ростовскихъ монастырей, послѣ чего преподобный пожилъ въ великомъ смиреніи, труды къ трудамъ прилагая и т. д. Ясно, что оба заключенія — варианты на одну и ту же тему, что оба разсказа — особыя сказанія, первоначально составившіяся независимо другъ отъ друга и потомъ поставленныя рядомъ позднѣйшимъ редакторомъ житія. Далѣе не трудно замѣтить, что оба разсказа по своему происхожденію относятся къ разнымъ эпохамъ, довольно далекимъ другъ отъ друга. Первый умѣетъ обозначить время дѣятельности Авраамія, называя современныхъ ему ростовскихъ епископовъ Θεодора и Иларіона, также князей Владиміра и Бориса и не упоминая ни о какомъ

другомъ монастырѣ въ Ростовѣ ¹⁾. Второй переноситъ насъ совсѣмъ въ другую эпоху: онъ не помнитъ ни Θεодора съ Иларіономъ, ни Бориса, а ведетъ Авраамія «къ великому князю Володимеру во градъ Володимеръ», къ державѣ этого владимірскаго князя приписываетъ Ростовъ и знаетъ уже много монастырей въ этомъ городѣ. Наконецъ въ основѣ обоихъ рассказовъ очевидна мѣстная народная легенда съ ея павными пріемами; легендарный мотивъ сказывается въ борьбѣ Авраамія не съ самими ростовскими язычниками, а съ языческимъ идоломъ, предъ волшебной силой котораго изнемогаетъ сначала самъ неподобный, и въ построеніи церкви на мѣстѣ языческой святыни — разбитаго идола. Рассказъ даетъ замѣтить и опоры, за которыя держалась легенда въ своемъ развитіи: это — чудотворный жезлъ, которымъ разбитъ идолъ и который хранился при гробѣ Авраамія до пол. XVI в., церковь Іоанна Богослова, построенная Аврааміемъ на мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ этого святаго. «иже (церковь) есть и до сего дне», по замѣчанію житія, наконецъ образъ Богослова въ этой церкви, по которому описана въ житіи его наружность. Еще сильнѣе проникнуть легендарнымъ характеромъ второй рассказъ; только здѣсь основные мотивы сказанія не исключительно мѣстнаго происхожденія, а представляютъ неясные отголоски легенды о способѣ мести діавола иноку, которая ходила въ древней Руси и въ болѣе чистомъ видѣ воспроизведена въ житіи повгородскаго архіепа. Іоанна и въ муромскомъ сказаніи о еп. Василіѣ.

Такимъ образомъ, если въ первомъ рассказѣ сквозь легендарныя черты можно усмотрѣть нѣкоторое историческое основаніе, то второй лишень его совершенно. Но историческія несообразности этого рассказа бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на время,

¹⁾ Такъ въ большей части списковъ; въ нѣкоторыхъ епископы и князья не поименованы, напр. въ Рум. № 434 и 397.

когда онъ составился: появленіе въ немъ великаго князя владимірскаго, въ области котораго принадлежалъ Ростовъ, и на-
мекъ на существованіе *многихъ* монастырей въ Ростовѣ —
однѣ эти черты показываютъ, что легенда дошла до перваго
редактора житія въ томъ видѣ, какой она могла принять не
раньше XIV вѣка ¹⁾.

Вторая редакція является въ спискахъ позднѣе первой и по
составу своему искусственнѣе, имѣетъ краткое предисловіе, а
краткое обращеніе къ святому, которымъ оканчивается первая
редакція, развиваетъ въ цѣлое похвальное слово, которое отдѣ-
ляетъ отъ житія въ видѣ особой статьи; наконецъ въ ней за-
мѣтно стремленіе восполнить пробѣлы и сгладить несообразно-
сти первой редакціи, что служитъ признакомъ позднѣйшаго про-
исхожденія. Къ общимъ мѣстамъ, которыми первый редакторъ
прикрываетъ свое незнаніе начальнаго періода жизни Авраамія,
второй прибавляетъ цѣлый обстоятельный рассказъ о происхо-
жденіи Авраамія и его жизни до прихода къ Ростову. Сличая
этотъ рассказъ съ неопредѣленнымъ вступленіемъ первой ре-
дакціи, легко замѣтитъ тѣсную связь между ними: текстъ по-
слѣдняго служилъ канвой, по которой второй редакторъ напи-
салъ новыя біографическія черты, но такъ механически, что ихъ
легко отдѣлать и тогда останется текстъ первой редакціи до-
словно въ прежнемъ видѣ. Тоже стремленіе дополнять и пояс-
нять текстъ первой редакціи обнаруживается вставками и ра-

¹⁾ Только къ концу XIII в. извѣстно въ Ростовѣ болѣе 2 монастырей
дѣръ Аврааміева, а легенда успѣла уже забыть время основанія и этихъ,
монастырей. На позднѣйшее время указываютъ и „князя“ ростовскіе
упоминаемые въ легендѣ одновременно съ вел. княземъ во Владимірѣ и
выѣвшіе обычай ежедневно ѣздить на охоту: это — скорѣе воспоминаніе
объ удѣльныхъ ростовскихъ князьяхъ XIII XIV в., чѣмъ намекъ на
„какихъ-то князихъ князей, бывшихъ и въ другихъ городахъ при началѣ
русскаго государства“ (т. е. родовыхъ старшинъ), какъ думаетъ преосв.
Макарій. Ист. Р. Ц. I, 7.

спространеніями, внесенными въ ея дальнѣйшій разсказъ. Впрочемъ она вставляетъ только одну новую фактическую черту, замѣшанную по видимому изъ житія Леонтія прямо или чрезъ одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: по первой редакціи, Авраамія возводитъ въ санъ архимандрита еп. ростовскій Иларіонъ; борьба съ идоломъ идетъ при епископѣ Теодорѣ; между этими событіями вторая редакція вставляетъ извѣстіе о бѣгствѣ еп. Теодора отъ упорныхъ ростовскихъ язычниковъ и о присылкѣ на его мѣсто еп. Иларіона съ вн. Борисомъ. Остальныя добавки реторическаго свойства безъ фактическаго содержанія. Гораздо труднѣе указать источники новыхъ біографическихъ чертъ въ началѣ второй редакціи. Историческія основанія ея внушаютъ къ себѣ очень мало довѣрія: во-первыхъ, подозрительно существованіе въ концѣ X или въ началѣ XI в. «града» Чухломы, который встрѣчаемъ въ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ не раньше конца XIV; во-вторыхъ, еще болѣе сомнительна въ Чухломѣ того времени возможность благочестивыхъ родителей, которые, по второй редакціи, могли «наказать сына книжному ученію», когда болѣе надежныя памятники говорятъ, что только съ конца XI в. христіанство стало распространяться изъ центральныхъ пунктовъ сѣверо-востока въ его отдаленныя предѣлы, когда изъ самаго житія Авраамія видно, что въ эпоху прибытія святаго къ Ростову этотъ исходный пунктъ христіанскаго просвѣщенія въ краѣ еще не весь принялъ крещеніе, когда наконецъ подвижникъ XIV в., другой Авраамій, нашелъ въ чухломской странѣ еще массу язычниковъ ¹⁾. Такъ во второй

¹⁾ Для объясненія основы слезанія, происхожденія святаго изъ Чухломы, возможно одно предположеніе: малознающій составитель второй редакціи или повторилъ устное преданіе, смѣшавъ основателя ростовскаго монастыря съ Аврааміемъ чухломскимъ. Это предположеніе облегчается нѣкоторыми соображеніями: въ самомъ монастырѣ Авраамія ростовскаго не было вѣрныхъ свидѣній о жизни основателя, какъ видно по запискамъ

редакціи житія можно видѣть вариантъ преданія, записаннаго въ первую, вариантъ болѣе развитой и потому, можетъ быть, болѣе поздній. Въ новыхъ подробностяхъ ея замѣтна основа общая съ прежними чертами: въ преданіи о путешествіи будущаго ростовскаго просвѣтителя въ Новгородъ для удовлетворенія жажды къ ипоческимъ подвигамъ свазывается таже связь Ростова съ Новгородомъ, какая выразилась въ перенесеніи преданія о новгородскомъ архіепископѣ на основателя перваго ростовскаго монастыря. подобно тому, какъ въ совѣтѣ старца, который явился изнемогавшему въ борьбѣ Авраамію, идти въ Царьградъ и тамъ въ домѣ І. Богослова искать оружія противъ ростовскаго идола сказалось мѣстное воспоминаніе о Царьградѣ какъ первомъ источникѣ христіанскаго просвѣщенія въ Ростовѣ, получившемъ оттуда своихъ первыхъ епископовъ—Грековъ.

Стремленіе второй редакціи пояснить и дополнить свой основной матеріалъ еще въ большей степени раздѣляетъ третья. Изъ нея сохранилось одно извлеченіе, помѣщенное въ валаамскомъ уставѣ среди извѣстій о другихъ подвижникахъ этой обители; по языку его видно, что оно сдѣлано поздно, въ концѣ XVII или началѣ XVIII в., а составъ его показываетъ, что оно не простая дословная выписка изъ «полнаго» житія, а скорѣе анализъ его, и что это полное житіе основано на двухъ первыхъ редакціяхъ, разился отъ нихъ только въ рассказѣ о происхожденіи и жизни Авраамія до прихода къ Ростову: о послѣднемъ оно раз-

въ монастырскихъ рукописяхъ (Ист. р. іер. III, 64); дѣтельность того и другаго Авраамія представляеть общую черту, столкновеніе съ язычествомъ; житія обовхъ долго оставались неописанными, давая просторъ устнымъ преданіямъ. Наконецъ въ третьей ред. ошляба еще очевиднѣе: смѣшивалъ Авраамія ростовскаго съ чухломскимъ, постригшимся въ Троицкомъ сергіевомъ монастырѣ, она и перваго постригаетъ „въ обители св. Троицы валаамской“ забывалъ, что зтотъ монастырь—Преображенскій, а не Троицкій.

сказываетъ по второй редакціи, а за дальнѣйшими извѣстіями о борьбѣ Авраамія съ идоломъ, о явленіи І. Богослова и проч. выдержка отсылаетъ къ житію въ четін-минеѣ, т. е. къ первой редакціи, слѣдовательно не нашла объ этомъ ничего псаго въ полномъ житіи. Итакъ третья редакція представляла третій вариантъ сказанія о первоначальной жизни Авраамія. Выше были указаны подозрительныя черты втораго варианта; третій замѣтно старается поправить ихъ и даже аргументировать свои поправки: Авраамій «родомъ бѣ отъ предѣлъ галицкихъ, града Чухлова, богатыхъ родителей, но не просвѣщенныхъ, еще бо страна та въ невѣрїи тогда бысть». Далѣе на основѣ поправленнаго такимъ образомъ преданія второй редакціи развивается заманчивая своими подробностями повѣсть о томъ, какъ язычникъ Иверкъ, до 18 лѣтъ лежавшій въ разслабленіи, слушаетъ христіанъ — гостей изъ Новгородъ, зашедшихъ въ домъ его отца, внимаетъ ихъ бесѣдѣ объ истинномъ Богѣ и чудесахъ его, задумывается, проникается сомнѣніемъ въ богахъ своего отца, призываетъ на помощь новгородскаго Бога, получаетъ мгновенно облегченіе и въ радости тайкомъ уходитъ въ Новгородъ, оттуда на Балаамъ, крестится подъ именемъ Аверкія и наконецъ дѣлается инокомъ Аврааміемъ; далѣе рассказъ сходещъ съ другими редакціями. Слѣдую обдуманной программѣ, новыи вариантъ до того точенъ въ разсказѣ, что по дорогѣ изъ Чухлова въ Новгородъ не забываетъ научить бѣжавшаго Иверка христіанскому закону и книжной премудрости. Но не видно, чтобы у автора были какіе-нибудь новыя письменные источники кромѣ извѣстныхъ уже редакцій житія; по крайней мѣрѣ даже извѣстіе о современности Авраамія кн. Владиміру св. отрывокъ цитуетъ по списку одной изъ этихъ редакцій. Все это подрываетъ довѣріе къ новымъ біографическимъ извѣстіямъ, вносимымъ въ житіе третьей редакціей, и заставляетъ видѣть ихъ источникъ въ остроуміи очень поздняго книжника, поправившаго разсказъ

второй редакціи по своимъ соображеніямъ, основавъ ихъ на объясненіи не понятаго имени Иверва ¹⁾).

Сводя результаты разбора, можно приписать обрѣтенію мощей Авраамія, относимому извѣстіемъ въ одной рукописи его монастыря ко времени кн. Всеволода III, нѣкоторое вліяніе на пробужденіе устныхъ преданій о святомъ; но дѣтъ основанія думать вмѣстѣ съ архіеп. Филаретомъ, что тогда же составлена первая редакція житія, гдѣ нѣтъ ни слова объ этомъ событіи. Устное преданіе — почти единственный источникъ этой редакціи, нестройной, составленной не раньше XV в. Здѣсь только въ сказаніи о борьбѣ Авраамія съ ростовскимъ язычествомъ и объ основаніи монастыря сквозь легендарныя черты замѣтны историческіе факты; второй эпизодъ этой редакціи и всѣ варианты сказанія о жизни Авраамія до прихода къ Ростову — смѣсь поэтическихъ чертъ и общихъ мѣстъ съ анахронизмами и догадками редакторовъ. Но и та часть житія, которая заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія, вступаетъ въ противорѣчіе съ другими ростовскими извѣстіями, отвергать которыя нѣтъ основанія. Авраамій поражаетъ идола при еп. Теодорѣ, «не по мнозѣ времени» всѣхъ приводитъ ко Христу и крестить отъ мала до велика, послѣ чего еп. Иларіонъ, замѣнившій Теодора, возводитъ Авраамія въ санъ архимандрита; а по житію Леонтія этотъ Иларіонъ, подобно Теодору, «ничтоже уснѣ» въ Ростовѣ и бѣжалъ, не стерпѣвъ упорства и озлобленія язычниковъ ²⁾. Преданіе, оче-

¹⁾ Предположеніе, что сказаніе основано на не понятомъ тожествѣ именъ Иверва и Аверкія, принадлежитъ арх. Филарету, по мнѣнію котораго третья редакція составлена не раньше 1706 г. Обз. р. д. лнт. I, стр. 379. Р. Свв. оит. прим. 214 и 215.

²⁾ Подобно этому, еп. Теодоръ, по 3-й ред. житія Леонтія, приходитъ въ Ростовъ съ мн. Борисомъ и называется первымъ ростовскимъ епископомъ вторая ред. житія Авраамія знаетъ Теодора и однакожь говорить о его преемникѣ Иларіонѣ: „то бѣ первый присланный съ мученикомъ Борисомъ отъ кн. Владимира“.

видно, смутно представляло время дѣятельности Авраамія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ первой редакціи не поименованы ни епископы, ни князья, современные Авраамію; въ другихъ его возводитъ въ санъ архимандрита, по совѣщанію съ князьями Владиміромъ и Борисомъ, еп. Теодоръ, въ третьихъ—еп. Фларіонъ, наконецъ въ одномъ—оба ¹⁾). Отсюда понятно происхожденіе и значеніе этихъ княжескихъ и епископскихъ именъ въ житіи. Мѣстное преданіе выводило въ разсказѣ епископовъ, вел. кн. владимірскаго и князей ростовскихъ удѣльныхъ безъ именъ, которыхъ не помнило, переноси позднѣйшія явленія на время Авраамія; въ такомъ видѣ оно и сохранилось въ нѣкоторыхъ спискахъ первой редакціи. Позднѣ книжники выставляли имена, руководясь предположеніемъ, что Авраамій дѣйствовалъ въ самомъ началѣ христіанства на Руси; такъ явились въ первомъ эпизодѣ для епископовъ, современныхъ Авраамію, имена Теодора и Фларіона, а для князей ростовскихъ—Владиміра и Бориса; во второмъ эпизодѣ, гдѣ подлѣ ростовскихъ князей является еще вел. кн. владимірскаго, редакторъ имѣлъ въ запасѣ для послѣдняго имя Владиміра, но для первыхъ не могъ уже подыскать именъ изъ такого ранняго времени и они остались во всѣхъ спискахъ не поименованными ²⁾). Въ виду этихъ именъ

¹⁾ Теодоръ въ сб. Унд. №574, л. 585, въ другихъ Фларіонъ; въ синод. сб. №555: свидѣль же прен. еп. Теодоръ множащуся монастырю. всѣмъ потребамъ и близку гущу. совѣтъ же сотвори еп. Фларіонъ съ князи великими... дабы сотвориши архимаріятю ту обитель⁴.

²⁾ Арх. Филаретъ, относил дѣятельность Авраамія къ концу XI в., отвергаетъ имена епископовъ и кн. Бориса изъ житія, но удерживаетъ имя кн. Владиміра, вѣнчавъ въ немъ Мономаха, и на этомъ основанія относить кончину Авраамія къ самому началу XII в. Но для этого онъ принужденъ строить гор. Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ ян. судятъ Авраамія, раньше чѣмъ строить его лѣтописецъ; притомъ, какъ замѣчено выше, и этотъ князь въ нѣкоторыхъ спискахъ житія не названъ по имени. Р. Свв. окт. стр. 294 и сл.

и того, что житіе молчитъ о Леонтіѣ и Исаиѣ, дѣятельность Авраамія и теперь относятся къ первымъ десятилѣтіямъ христіанства въ Россіи, задолго до этихъ епископовъ¹⁾). Но если можно сопоставлять такіа блѣдныя историческія черты, какія находимъ въ житіяхъ Леонтія, Исаиѣ и Авраамія, и строить изъ нихъ нѣчто цѣлое, то надобно поставить Авраамія близко по времени къ этимъ ростовскимъ епископамъ. Можно указать одинъ сколько-нибудь ясный хронологическій пунктъ, къ которому извѣстія о Ростовѣ XI в. позволяютъ отнести просвѣтительный подвигъ Авраамія: это промежутокъ епископствъ Леонтія и Исаиѣ, 1073—1077 гг., когда ростовская кафедра оставалась не занятой. Христіане были въ Ростовѣ уже при Леонтіѣ, но язычество преобладало и отъ него пострадалъ этотъ епископъ: преемникъ его Исаія, сколько можно судить по неопредѣленнымъ извѣстіямъ его житія, нашелъ уже если не все населеніе города, то большинство христіанами, новокрещенными и не утвержденными въ вѣрѣ. Эту перемену можно приписать проповѣди Авраамія, о которой житіе начинаетъ разсказъ извѣстіемъ, что не всѣ еще въ Ростовѣ приняли крещеніе, когда преподобный выступилъ противъ корепившейся здѣсь идольской прелести. Тогда движеніе христіанства въ Ростовѣ и его области можно будетъ въ общихъ чертахъ воспроизвести по ростовскимъ житіямъ хотя съ нѣкоторой послѣдовательностію

¹⁾ Преев. Макарій въ Ист. Р. Ц. I, 157, прил. 331. Но и онъ принужденъ отвергнуть годъ смерти Авраамія (1010), выставленный въ рукописныхъ святцахъ и въ замѣтѣ одной монастырской рукописи, какъ слишкомъ ранній, хотя имъ, повидимому, и руководились редакторы въ выборѣ именъ князей и епископовъ, упоминаемыхъ въ житіи. Предполагая въ цифрѣ ошибку, преев. пытается поправить ее на 6553 (1045); но и этимъ не устраняется противорѣчіе, въ какое вступаетъ житіе съ другими ростовскими извѣстіями XI в. именно благодаря именамъ князей и епископовъ, внесеннымъ въ житіе наугадъ; Авраамій креститъ Ростовъ все еще славскомъ языкомъ.

и безъ рѣзкихъ противорѣчій. Изложенный выводъ находитъ подтвержденіе въ обмолвкѣ витіеватаго похвального слова, приложеннаго ко второй редакціи житія и по ней составленнаго: хотя житіе представляетъ Авраамія современникомъ ростовскихъ еп. Теодора и Пларіона, слово называетъ его послѣдователемъ Леонтія¹⁾.

Житія двоихъ ростовскихъ святыхъ современниковъ, еп. Игнатія и ордынскаго царевича Петра принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ ростовской нисменности. Архіеп. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что жизнь царевича Петра описана при ростовскомъ еп. Трифонѣ (1462—1467), выводя такое позднее происхожденіе жизнеописанія изъ того, что оно упоминаетъ о правнукѣ Петра. Напротивъ коротенькое житіе еп. Игнатія, по мнѣнію арх. Филарета, неизвѣстно, на чемъ основанному, написано очень рано, при митр. Максимѣ (1283—1305), т. е. вскорѣ по смерти Игнатія въ 1288 г.²⁾ Но удѣлѣло указаніе на то, что оба житія писаны однимъ авторомъ и притомъ житіе царевича прежде. Въ макарьевскихъ спискахъ этого послѣдняго житія, упомянувъ о смерти Игнатія и чудесахъ, ее сопровождавшихъ, авторъ прибавляетъ: «о сплхъ же

1) Рув. Тр. Серг. I. №657, л. 121: „Радуйся, преп. отче Аврааміе, яко послѣдова учениемъ, чудеса же и подвиги благому пастырю вже въ спятителхъ великому Леонтию, его же Г. Богъ етъ востокъ къ-западу посла яко сибѣило пелажое, да просиѣтхъ сущихъ въ тѣхъ невѣдѣніа“.

2) Оба р. д. лят. I. стр. 93 и 112. Р. Свв. июль, прим. 202.—Въ славяннн о Петрѣ царевичѣ особенно потерѣло отъ пропусковъ и поправокъ яснова два мѣста: о покупке Петромъ земля у ростовскаго князя в о тяжбѣ внука петрона Юрія съ ростовскими князьями за эту землю. Списки сказанія: въ Ман. ч мин. июль, стр. 891; Унд. № 5 86, л. 222; сп. поздній, но одинъ изъ самыхъ исправныхъ въ синод. сб. нач. XVIII в. № 84, л. 229; зтогъ сб.-копн съ ростовской соборной рукописи. Списки житія еп. Игнатія: въ синод. сб. 1459 г. № 637, л. 116, въ Макар. ч мин. май (л. 1184 по синод., стр. 891 по усп. сп.), Унд. № 586, л. 171 и синод. № 84, л. 46. Житіе Петра напеч. въ прав. Соб. 1859, I, 360.

чудесѣхъ святителя ни дѣ скажемъ». Дѣйствительно, существующее житіе Игнатія преимущественно наполнено описаніемъ чудесъ, происшедшихъ при погребеніи епископа. Предположить другое житіе, написанное раньше этого, не позволяетъ замѣчаніе послѣдняго: «потомъ же житіе сего преподобнаго не предано бысть писанію доселѣ.» Житія эти написаны раньше половины XV в., ибо одно изъ нихъ—еп. Игнатія занесено уже въ синод. сборникъ 1459 г. Въ житіи царевича есть указанія, по которымъ можно приблизительно опредѣлить время его автора. Послѣдній рассказываемый здѣсь фактъ есть нашествіе Ахмыла, случившееся при ростовскомъ еп. Прохорѣ (+ 1327). Арх. Филаретъ, введенный въ заблужденіе нѣкоторыми списками житія, называющими Ахмыла царемъ, дѣлаетъ предположеніе, что подъ этимъ Ахмыломъ разумѣется ханъ Булатъ Темиръ, панадавшій гъ 1466 г. на нижегородское княжество; но житіе указываетъ здѣсь на событіе изъ времени борьбы кн. Юрія московскаго съ Тверью, очень ясно рассказываемое въ лѣтописяхъ подъ 1322 г. ¹⁾ Въ описаніи этого нашествія житіе дѣлаетъ замѣчаніе, звучащее воспоминаніемъ очевидца, который вмѣстѣ со всей русской землей былъ напуганъ зрѣлищемъ варварскаго полчища, прошедшаго впрочемъ на этотъ разъ безъ вреда для Ростова: «страшно есть, братіе, видѣти рать его (Ахмыла) и все войско вооружено».

¹⁾ Р. Сев. іюнь, прим. 207.—П. С. Р. Лѣт. VII, 198: «Тогоже (6830) лѣта приходи на Русь изъ орды посолъ силенъ, змененъ Ахмылъ, и много пакости чини по низовской земли, и Ярославльъ взи и много христіанъ изсѣче». Ср. Шварцъ, III, 127. Большая часть синодальныхъ житій не называютъ Ахмыла царемъ, а нѣкоторые говорятъ прямо: «въ лето 6830 приде Ахмылъ на русскую землю, и поже градъ Ярославль, и поиде къ Ростоку». Въ томъ, что нашествіе случилось по житію при правнукѣ Петра, не можетъ быть побужденія искать этого событія въ болѣе позднемъ времени: въ 1322 г. были же правнуки кн. Бориса современника и названнаго брата Петра.

Время прибытія царевича въ Ростовъ не опредѣлено. Въ нѣкоторыхъ спискахъ службы ему преставленіе его помѣчено 6761 г. ¹⁾, что противорѣчитъ разсказу житія, по которому Петръ ушелъ изъ орды съ еп. Кирилломъ при ханѣ Беркѣ. Основываясь на этомъ, относятъ событіе ко времени между 1257 г., когда Берка сталъ ханомъ, и 1261, когда Кириллъ оставилъ ростовскую кафедру. Но и разсказъ житія представляетъ нѣкоторыя неясности. При Беркѣ въ ордѣ стало распространяться магометанство и въ 1262 г. встрѣчаемъ уже на Руси отступника, принявшаго магометанство подъ вліяніемъ татарскаго баскака. Царевичъ ушелъ изъ орды еще язычникомъ, незнакомымъ съ новой вѣрой, слѣдовательно въ самомъ началѣ правленія Берки. Но по житію Берка умеръ вскорѣ по уходѣ Петра. Далѣе житіе прямо говоритъ, что еп. Кириллъ крестилъ Петра по смерти Берки, который по нашимъ лѣтописямъ умеръ въ 1266 г., т. е. 4 годами позже Кирилла. Ростовское житіе скорѣе могло смѣшать ордынскія событія, чѣмъ ростовскія, и поставить имя одного хана вмѣсто другаго. По этому заслуживаетъ нѣкотораго вниманія извѣстіе одного списка житія, по которому царевичъ бѣжалъ на Русь въ 6761 г. и слѣд. имя Берки поставлено вмѣсто имени Батыя; такая поправка устранитъ указанныя неясности въ житіи ²⁾.—Житіе царевича отличается тенденціознымъ характеромъ: оно написано съ цѣлію доказать неоспоримость правъ потомства Петрова и монастыря, основан-

¹⁾ Рув. Унд. № 359, л. 1. Въ заглавіи службы по этому списку записано, что она написана въ 7057 г.; это показываетъ, что Петръ царевичъ былъ въ числѣ конныхъ чудотворцевъ, вагонвозованныхъ на московскомъ соборѣ 1549 г.

²⁾ Это извѣстіе находится въ заглавіи житія по списку въ рукописи XVІ в., видѣнной нами у С. Т. Большакова: «житіе блж. Петра... како прииде въ страхъ божій и умалися душею. в прииде изъ орды въ Ростовъ лѣта 6761-го и крестися и проч. Другихъ списковъ съ такою поименованіемъ намъ не попадалось.

наго царевичемъ, на земли и воды, купленныя послѣднимъ у ростовскаго князя Бориса,—и написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжбы, въ которой правнуки Бориса оспаривали эти права. Выраженія житія о Петровскомъ монастырѣ, сочувствіе; съ которымъ оно становится на сторону рода Петрова въ тяжбѣ противъ ростовскихъ князей, прося ему у Бога соблюденія и умноженія живота—все это позволяетъ подозрѣвать въ смиренномъ и худомъ рабѣ, какъ называетъ себя авторъ, инока Петровскаго монастыря. Наконецъ, самый характеръ житія даетъ нѣкоторыя указанія на хронологическое отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ. Основа сказанія—легенда о царевичѣ, продолженная преданіями о судьбѣ его потомства. Чѣмъ позже легенда облекается въ литературную форму, тѣмъ большее развитіе получаютъ ея поэтическія подробности, но тѣмъ блѣднѣе становятся въ ней основныя историческія черты. Легенда о царевичѣ, при всей живости и драматичности ея изложенія въ житіи, остается довольно прозрачною и плохо закрываетъ дѣйствительныя событія, послужившія для ея основой. Царевичъ, подъ вліяніемъ рассказовъ ростовскаго епископа, умилился душею, задумалъ видѣть божницу русской земли и ушелъ тайкомъ въ Ростовъ, гдѣ его осторожно крестили, боясь «исканія отрока» изъ орды. Это не было уже тогда исключительнымъ явленіемъ даже въ Ростовѣ: царевича женили на дочери одного ордынскаго вельможи, жившаго въ Ростовѣ и весьма богатаго, который «преже бяше въ вѣру пришедъ»¹⁾. Царе-

¹⁾ Это извѣстіе сохранили списки житія въ Макар. ч. мня. усп. и синод. Въ другихъ читается только: «князь же покъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда въ Ростовѣ ордынстѣи вельможѣ». Древній текстъ житія, по видимому, затруднялъ писцовъ XVI и XVII в. и этимъ чѣмъ-либо извѣстѣмъ мы пропуски и поправки, замѣтные въ большей части

вичъ также пришелъ съ большими деньгами и крестившись задумалъ построить храмъ около Ростова; за непомерно дороговую ибну, долго занимавшую воображеніе Ростовцевъ и съ поэтической образностью выраженную въ легендѣ, кн. Борисъ уступилъ мѣсто набожному сыну степей, который на предложеніе князя утвердить за нимъ землю грамотами простодушно отвѣчалъ: «азь, княже, отъ отца и матери не знаю землю владѣти, а грамоты сіа чему суть?» Но потомки Бориса начали оттягивать землю у потомковъ Петра, послѣдніе жаловались въ ордѣ,—и авторъ сказанія рѣшительно поддунаетъ читателя не только въ пользу обижаемыхъ, но и въ пользу правосудія ордынскихъ пословъ, разбиравшихъ тяжбу, бросая невыгодный свѣтъ на внуковъ и правнуковъ кн. Бориса. Изъ всего этого позволено заключать, что авторъ жилъ не слишкомъ далеко отъ начала XIV в.—времени тяжбы правнуковъ Бориса съ внуками Петра, но писалъ не стѣняясь ростовскихъ князей, слѣд. послѣ того какъ Москва начала сурово хозяйничать въ Ростовѣ, когда, по выраженію житія Сергія радонежскаго, «наста насилваніе много, сирѣчь княженіе великое досталоса кивел. Ивану Даниловичу» и тяжело пришлось граду Ростову и князьямъ его, «яко отъяты отъ нихъ власть и княженіе»¹⁾. Можно думать, что сказаніе о Петрѣ и житіе Игнатія написаны не позже половины XIV в.—По литературной формѣ житіе царевича—простая повѣсть, чуждая житейныхъ приемовъ, безъ предисловія въ началѣ, безъ похвалы и чудесъ въ концѣ, хотя авторъ

черты его, взмѣненные въ другихъ смыслахъ, наприм. заѣтау о смерти св. Игнатія съ оговоркой автора о житіи его и указаніе извѣстіе о тестѣ царевича.

¹⁾ Тяжба правнуковъ Бориса, князей Федора и Константина съ внуками Петра, но житію, происходила на много лѣтъ до 1322 г., къ которому относится нашествіе Ахмыла, но уже послѣ 1316 г., когда въ Ростовѣ упоминается еще отецъ этихъ князей, Василій Константинъ вичъ. Н. С. Р. I. VII, 187.

называетъ Петра блаженнымъ. Это впрочемъ, условливалось отчасти исключительными обстоятельствами жизни святаго, отчасти особенной задачей автора ¹⁾). Такой литературной формой житіе Петра замѣтно отличается отъ другаго труда тогоже автора, житія эп. Игнатія. Это послѣднее, при всей краткости, составлено искусственно, начинается краткимъ предисловіемъ и сопровождается описаніемъ чудесъ, составляющимъ даже главную часть всей статьи. Житіе это даетъ очень скудный историческій матеріалъ; дѣятельность епископа описана самыми неопредѣленными чертами; не встрѣчаемъ и намека на многіе факты изъ жизни епископа, сохраненные лѣтописями и занесенные въ житіе Петра; остались только слѣды источниковъ, откуда авторъ могъ почерпнуть обстоятельныя извѣстія объ Игнатіѣ ²⁾).

Въ древнѣйшимъ ростовскимъ сказаніемъ о святыхъ при-
мыкаеть по характеру своему житіе Никиты, столпника переяславскаго. Это житіе было рано и сильно распространено въ древней русской письменности. Частой и продолжительной перепиской объясняются многочисленные варианты текста житія въ разныхъ спискахъ; но при этомъ разнообразіи ни въ одномъ спискѣ не находимъ такой переработки первоначальнаго сказанія, которую можно было бы назвать особой его редакціей. Съ другой стороны, списки разныхъ вѣковъ, сохраняя одно и то же основное сказаніе, распадаются на группы по большому или меньшему количеству статей, прибавляемыхъ къ жизнеописанию.

¹⁾ Позднѣйшая редакція, сокращая древнее сказаніе, стремится уже приблизиться къ общему стилю житій. См. житіе Петра въ рук. гр. А. С. Уварова № 211.

²⁾ Съ лѣтописной точностью обозначено время смерти Игнатія: « пребысть въ святительствѣ лѣтъ 26; въ л. 6796 преставися въ Богу священносп. Игнатей мѣс. мая въ 28 день, въ пятокъ по вечерни. » Описание чудесъ при погребеніи съ точнымъ обозначеніемъ именъ лицъ и биогра-

санію. Въ спискѣ половины XV в. житіе является съ наиболѣе простымъ составомъ: повѣсть о жизни и кончинѣ столпника сопровождается однимъ разказомъ о перенесеніи въ его монастырь брошенныхъ убійцами въ Волгу и чудесно найденныхъ крестовъ и веригъ подвижника вскорѣ послѣ убіенія. Списки XVI в. прибавляютъ къ этому пространное и витіеватое похвальное слово столпнику. Наконецъ въ спискахъ XVII в. эта группа статей усложняется прибавкой къ прежнимъ чудесамъ описанія чудесъ позднѣйшихъ, совершившихся въ XVI в. ¹⁾). Это постепенное усложненіе состава житія въ спискахъ разныхъ вѣковъ наглядно представляетъ разновременность его образованія. Архіеп. Фларетъ замѣчаетъ, что житіе и похвальное слово написаны въ одно время ²⁾). Отсутствіе послѣдняго въ спискѣ половины XV в. указываетъ на противное. Притомъ, въ древнѣйшемъ своемъ видѣ житіе ни по составу ни по изложенію не носитъ на себѣ признаковъ тѣхъ искусственныхъ приемовъ, какія развивались въ житіяхъ съ половины XV в. Разказъ его свободенъ отъ назидательныхъ и риторическихъ распространеній: коротенькое предисловіе совершенно одного характера съ предисловіемъ къ житію еп. Игнатія. Напротивъ похвальное слово написано впол-

¹⁾ Списокъ XV в. въ синод. сб. № 637, л. 120. Начало предисловія, обыкновенно опускаемаго въ позднѣйшихъ спискахъ: „Емаа убо я въ послѣднихъ днехъ рода нашего благоволи Богъ въ сихъ странахъ русскихъ многимъ и великимъ въ добродѣтеляхъ мужемъ въсияти“... Съ этимъ сп. сходны по составу, только безъ предисловія, списки Унд. XVI в. № 565, л. 32 и въ нашемъ сб. 1543 г. Списки XVI в. съ похв. словомъ въ синод. сб. мѣл. XVI в. № 639, л. 21, въ Макар. ч. мнн. по усн. сп., май, стр. 1224, сб. волокол. въ моск. енарх. библ. 1548 г. № 648, л. 52, сб. волокол. въ моск. а. акад. № 632. Списки XVII в., довольно рѣдкіе, съ похвалою и чудесами XVI в. въ сб. гр. А. С. Уварова № 127 (по катал. Царск.), л. 13, Милют. ч. мнн., май, л. 1271, синод. № 627 и сб. П. С. Тихоурова. Извлеченія изъ житій въ Ист. Р. Ц. прееосв. Макарія, III, прим. 93.

²⁾ Обз. р. д. лвт. I, стр. 133.

цѣ въ духѣ позднѣйшаго житейнаго краснорѣчія. Наконецъ, въ развитіи искусственнаго состава житій замѣчаемъ общее явленіе, что похвальное слово, написанное одновременно съ житіемъ, чуждо повѣствовательнаго содержанія; напротивъ слово, написанное и прибавленное къ старинному житію позднѣе, обыкновенно повторяетъ главныя біографическія черты послѣдняго. Къ этому второму разряду принадлежит и похвала въ разбираемомъ житіи: сокращая его рассказъ, она дѣлаетъ изъ него иногда дословныя выдержки, перемѣшанныя съ поученіями въ духѣ церковной проповѣди. Позднѣйшіе списки замѣчаютъ эти повторенія и сокращаютъ похвалу, опуская въ ней именно повѣствовательныя заимствованія изъ житія ¹⁾).

Еще темнѣе время происхожденія собственно житія; оно само не даетъ никакихъ указаній на это. Арх. Филаретъ въ одномъ сочиненіи замѣчаетъ, что житіе *по языку* XIII вѣка, а въ другомъ относитъ его къ XV, основывая этотъ выводъ на извѣстіи объ обрѣтеніи мощей Никиты митр. Фотіемъ ²⁾. Первое мнѣніе не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо древнѣйшій извѣстный списокъ житія — половины XV в. и въ языкѣ его

¹⁾ Ципр. въ волокол. сб. № 692. з. 201 и синод. XVI в. № 556. л. 801.

²⁾ Общ. р. д. лѣт. I, стр. 133. Р. Св. май, прил. 281. Здѣсь же (стр. 181) сказано, что мощи Никиты обрѣтены неслѣдственными при митр. Фотіѣ и при Никитскомъ игуменѣ Даніилѣ. Источникъ не указанъ; но имя было очевидно, Ист. р. іер. VI, 1029, гдѣ читаемъ: „Мощи преп. Никиты обрѣтены въ XV ст. при Фотіѣ, митр. московскомъ, и при Даніилѣ игуменѣ, переславскомъ чудотворцѣ“. Но послѣдній умеръ сто лѣтъ спустя послѣ кончины Фотія. Ошибка объясняется тѣмъ, что составитель статьи въ Ист. іер., невнимательно прочитавъ рассказъ о поискахъ Фотія, приписалъ иг. Даніяла, передаващаго этотъ рассказъ, за современника и очевидца фотіевой попытки. Арх. Филаретъ, поправляя эту ошибку по собственному соображенію, сдѣлалъ изъ извѣстнаго Даніяла переславскаго небывавшаго никитскаго игумена. Повѣсть объ иснаніи мощей Никиты Фотіемъ въ статьѣ о чудесахъ XVI в. Милют. ч. явл., май, л. 1291.

трудно отыскать признаки XIII в.; основаніе втораго мнѣнія не точно. Авторъ, описавшій чудеса Никиты въ XVI в., рассказываетъ, что слышалъ объ исканіи мощей святаго отъ Даниїла, основателя Троицкаго переяславскаго монастыря, а послѣднему рассказывалъ объ этомъ со словъ старожиловъ монастыря родственника его, никитскій иг. Іона, у котораго онъ жилъ въ дѣтствѣ. По его разсказу, митр. Фотій, удивляясь, что никто дотолѣ не позаботился открыть мощи прославленнаго подвижника, пытался откопать ихъ: уже отрыли бересту, которой вмѣсто гроба обернуто было тѣло столпника; но онъ не захотѣлъ лежать поверхъ земли, поднялась сильная буря и разрытая могила сама собою засыпалась, — т. е. мощей искали, но обрѣтенія не послѣдовало. Изъ отсутствія намека на это событіе въ житіи скорѣе слѣдуетъ заключать, что оно написано до попытки Фотія (1410—1431). Въ такомъ случаѣ, однако, характеръ житія не позволяетъ отодвигать его слишкомъ далеко въ древность отъ XV в. Подвиги столпника должны были упрочить его память въ мѣстномъ преданіи самою своею рѣдкостью; назидательный мотивъ о внезапномъ обращеніи лихоимца и притѣснителя, каковъ былъ Никита, къ самымъ суровымъ подвигамъ покаянія сообщилъ преданію еще болѣе силы и интереса. Издавна утвердившійся обычай въ связи съ видимыми остатками подвижничества Никиты, долго хранившимися на мѣстѣ: столпѣмъ, крестами, веригами, каменной шапкой Никиты и колодезями, имъ выкопанными, поддерживалъ и развивалъ это преданіе ¹⁾). На этомъ назидательномъ мотивѣ и на

¹⁾ Въ Владим. Сбор. К. Тихомирова, стр. 95, читается, что въ память о подвигахъ Никиты богомольцы донесли, надѣвъ вериги преносимаго и взявъ камень отъ ступеней часовни, гдѣ находится столпъ Никиты, обходить вокругъ нея три раза, держа камень на голошѣ. Прежде вмѣсто камня брали каменную шапку Никиты, въ 1735 г. взятую въ канцелярію московскаго снход. приказа.

втихъ памятникахъ подвиговъ столпника и основано все содержание житія; историческія черты времени, неразлучныя со святымъ преданіемъ, сглажены въ немъ до того, что почти незаметны. Даже о времени жизни Никиты можно только догадываться по указанію житія, что исцѣленный подвижникомъ черниговскій кн. Михаилъ поставилъ въ память этого крестъ около монастыря «въ лѣто 6694, мѣс. мая 16»¹⁾. Такимъ характеромъ отличается обыкновенно устное сказаніе, очень поздно нашедшее себѣ письменное изложеніе. Притомъ это преданіе о столпникѣ, поздно записанное въ житіи, вошло въ него не вполне или по крайней мѣрѣ записывалось въ то время, когда еще не достигло своего полного развитія. На это указываетъ слитіе разсказа житія объ исцѣленіи черниговскаго кн. Михаила съ тѣмъ, какъ передавался этотъ разсказъ въ XVI в. Въ описаніи чудесъ Никиты XVI в. авторъ, повторяя основныя черты разсказа по житію, прибавляетъ къ нимъ новыя, которыхъ нѣтъ въ послѣднемъ: Михаилъ совѣтуется о поѣздкѣ въ Переяславль съ бояриномъ своимъ Феодоромъ; помолвившись о больномъ князѣ, Никита предсказываетъ ему съ

¹⁾ Въ древнѣйшихъ сп. житія (синод. сб. № 637) и многихъ позднѣйшихъ нѣтъ и этого извѣстія; въ другихъ оно вставлено въ видѣ замѣтки, перенесенной съ поля, разрывая грамматическій строй текста. Указаніе на годъ смерти Никиты мы встрѣтили только въ синод. сп. XVII в. № 627; здѣсь статья о убійеніи столпника озаглавлена: „о преставленіи святаго въ лѣто 6701, мѣс. мая въ 23 (л. 43)“. О жизни и общественномъ положеніи Никиты до постриженія житіе знаетъ такъ мало, что по нему нельзя составить яснаго понятія объ этомъ: „Быше нѣкто человекъ Никита именемъ, роженіе и възпитаніе нѣ въ градѣ Переяславѣ; пришедь же въ съвършенъ възрастъ, якоже есть обычай нѣвныи въ юности на злая прилѣжати, такоже и сему Никитѣ, прилѣжа градскимъ судиямъ, и много мнѣтежъ и пакости творяше человекомъ неправеднаго ради мздоиманія, и тѣмъ питаше себе и подружіе свое“. Такъ начинается житію въ синод. сб. № 637; другіе списки, передѣлывая это начало, прибавляютъ, что Никита „бѣ мытаремъ другъ“.

бояриномъ страдальческую кошину отъ нечестиваго цара. Эти черты вошли въ преданіе о Никитѣ, очевидно, подѣ влияніемъ повѣсти о мученической кончинѣ кн. Михаила и боярина его Федора; составленной современникомъ и очень распространенной въ древнерусской письменности; но въ этой повѣсти не находимъ и намека на сношенія кн. Михаила съ переяславскимъ столпникомъ²). Такимъ образомъ источники и взаимное отношеніе различныхъ частей житія уясняются легче, нежели время ихъ составленія. Мы видѣли, что память о святомъ въ продолженіе двухъ столѣтій была достояніемъ устнаго преданія, не переходя въ обряды церковнаго чествованія. Впервые стремленіе къ этому встрѣчаемъ въ попыткѣ митр. Фотія, не имѣвшей желаннаго исхода. Извѣстіе о ней даетъ опору предположенію. Житіе не всегда являлось вслѣдствіе открытія мощей или церковнаго прославленія святаго; иногда бывало наоборотъ. Выше было указано, почему житіе Никиты нельзя считать слѣдствіемъ попытки Фотія. Если въ началѣ XV в. является мысль открыть мощи святаго, то въ этомъ можно видѣть если не влияніе самого житія, передъ тѣмъ появившагося, то дѣйствіе пробужденнаго преданія о святомъ, поведшаго и къ написанію житія, которое по этому можно отнести къ концу XIV или къ нач. XV в. Послѣ Фотія слѣды памяти о святомъ опять исчезаютъ. Даже его поиски въ могилѣ столпника впервые описаны болѣе 100 лѣтъ спустя по преданію изъ третьихъ рукъ. Повѣсть о чудесахъ Никиты XVI в., записавшая это преданіе, не говоритъ о повтореніи попытки. Не смотря на то, что житіе Никиты встрѣчается обыкновенно въ древнѣйшей по уцѣлѣвшимъ спискамъ группѣ сѣверныхъ житій, имени его не находимъ въ мѣсяцесловахъ XV в. между именами Леонтія и Игнатія ростовскихъ, митр. Петра, Сергія радонежскаго и другихъ святыхъ сѣверной

²) См. эту статью въ Милют. ч. мѣн., май, л. 1316 и сл.

Руси, прославленныхъ открытіемъ мощей раньше половины этого вѣка ¹⁾). Изъ этого видно, что онъ чтился только мѣстно. Но память о немъ опять замѣтно оживляется съ начала XVI в.: съ этого именно времени возобновляется рядъ описанныхъ чудесъ его; здѣсь находимъ и другія, относящіяся также къ началу XVI в. указанія на усиленное стремленіе обновить память о святомъ ²⁾). Впервые является мысль устроить въ монастырѣ, гдѣ подвизался Никита, храмъ во имя его, который и былъ воздвигнутъ по благословенію митр. Варлаама (1511—1522); ставить крестъ на мѣстѣ, гдѣ былъ прежде столпъ Никиты; чтители памяти святаго, бесѣдуя о многихъ чудесахъ его, начинаютъ жалѣть, что они еще не описаны. Выше было указано. почему похвальное слово Никитѣ надобно считать произведеніемъ позднѣйшимъ сравнительно съ житіемъ. Съ другой стороны, Никита чтился мѣстно еще до XVI в.: въ началѣ его, еще до построеціи перваго храма во имя Никиты при митр. Варлаамѣ, надъ его могилой была устроена гробница, на которой стоялъ уже образъ столпника; но всецерковное празднованіе Никитѣ, какъ думаютъ, установлено соборомъ 1549 г. ³⁾. Въ четью-минеею митр. Макарія похвальное слово могло попасть и позже этого года; но его находимъ въ волоколамскомъ сборникѣ 1548 г., слѣд. оно написано раньше собора 1549 г. и не по поводу его постановленія ⁴⁾). На приведенныхъ данныхъ можно основать вѣроятность появленія этого слова въ началѣ XVI в. Созданіе храма во имя столпника дѣлало необходимымъ

¹⁾ Преев. Макарія Ист. Р. Ц. IV, 260.

²⁾ Милют. ч. мая. май, л. 1293—1297. Повѣсть съ описаніемъ этихъ чудесъ написана вскорѣ послѣ 1564 г., т. е. послѣ перестройки и преобразованія никитскаго монастыря, предпринятаго І. Грознымъ по личному его усердію къ мѣсту подвиговъ столпника.

³⁾ Преев. Макарія Ист. Р. Ц. VI, 218.

⁴⁾ Сб. волокол. въ моск. епарх. библ. № 648, л. 77.

ежегодное празднованіе его памяти, а слово это по своему содержанию есть именно поученіе, написанное для чтенія въ церкви въ день преставленія святаго и соединяющее прославленіе его съ воспоминаніями изъ его жизни ¹⁾).

ГЛАВА II.

Древнѣйшія житія на сѣверѣ.

Переходимъ къ кругу житій, отличающемуся особымъ характеромъ въ сравненіи съ разобранными выше. Преслѣдуя двѣ основныя задачи исторической критики въ избранной отрасли древнерусскаго историческаго матеріала—разъясненіе того, изъ какихъ источниковъ черпались и какъ, подъ вліяніемъ какихъ историческихъ и литературныхъ понятій обрабатывались сказанія о святыхъ, мы могли добиться очень скудныхъ и смутныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи отъ разсмотрѣнныхъ житій. Изъ формъ историческаго изложенія въ сѣверно-русской литературѣ XII—XIV в. хорошо извѣстна самая простая—лѣтопись. Ясные слѣды указываютъ на существованіе въ ней и другой, болѣе сложной и искусственной формы—біографіи. Но если сѣверный лѣтописецъ этого времени является довольно яснымъ литератур-

¹⁾ Нач. похв. слова: „Се настоятъ, братіе, *святоносное празднество* предшлагаго отца нашего и чудотворца Никиты столпника“. Въ концѣ слова читаемъ: „пресвѣтае *твое успеніе* тчущомъ милости и оставленія грѣховъ *проснмъ*“.

нымъ типомъ, то образъ сѣвернаго біографа остается подернуть тѣлью элементовъ, чуждыхъ историческому изложенію. Во первыхъ авторы этихъ жизнеописаній остаются для читателя лицами совершенно незнакомыми: какъ ихъ понятія и литературныя средства, такъ и имена, общественныя положенія и обстоятельства, среди которыхъ они писали житія, исчезли въ послѣднихъ почти безслѣдно. Далѣе, на всѣхъ разобранныхъ редакціяхъ, за исключеніемъ трехъ, лежитъ сильный отпечатокъ позднѣйшихъ литературныхъ цѣлей и понятій, которыя опредѣлили не только ихъ историческій взглядъ и отчасти фактическое содержаніе, но и литературную форму, внося въ біографію поучительно-реторическіе элементы. Наконецъ, всѣ редакціи безъ исключенія временемъ своего происхожденія слишкомъ удалены отъ описываемыхъ или лицъ и ни одна не основала своего разсказа о жизни святаго на современныхъ или близкихъ къ нему по времени источникахъ. Не книжный писатель составилъ эти житія; до него ихъ сложила мѣстная народная легенда, у которой своя память, свои особые источники и приемы; поздній писатель только записалъ готовую основу, прибавивъ къ ней свои книжныя разсужденія, ничего фактическаго не дающія историку. Среди скудныхъ историческихъ данныхъ, доступныхъ повѣркѣ по другимъ источникамъ, помимо житія, личность его составителя часто совершенно исчезаетъ въ этой легендѣ и нѣтъ средствъ ни указать точно его участіе въ обработкѣ сказаній, ни услѣдить за развитіемъ послѣдняго по всѣмъ темнымъ извилинамъ многолѣтней изустной передачи. Такимъ образомъ разобранныя житія древнѣйшихъ сѣверныхъ святыхъ не могутъ служить ни вѣрными образчиками древнѣйшей сѣверной агіобіографіи, ни чистымъ историческимъ источникомъ: ихъ литературныя приемы и точка зрѣнія на описываемыя лица не принадлежатъ этому періоду, а основныя фактическіе источники не принадлежатъ непосредственно исторіи. Болѣе чистый матеріалъ для исторіографической

производительности до конца XIV в. на сѣверѣ даетъ небольшая группа житій, составившаяся къ этому времени. Біографія является здѣсь съ наименьшей примѣсью стороннихъ элементовъ. Это немногія житія, составленныя современниками или со словъ современниковъ описываемыхъ лицъ: житіе Авраамія, написанное въ Смоленскѣ, Варлаама и Аркадія—въ Новгородѣ, Александра Невского—во Владимірѣ, кн. Михаила тверскаго въ Твери и митр. Петра—въ Ростовѣ. Такимъ образомъ эта группа житій не только представляетъ образцы сѣверно-русской агіобіографіи въ ея первоначальномъ видѣ, но и наглядно описываетъ собой кругъ древнѣйшихъ средоточій книжнаго просвѣщенія на сѣверѣ.

Житіе Авраамія смоленскаго—одно изъ самыхъ любопытныхъ какъ по заключающимся въ немъ даннымъ для исторіи, такъ и по своей литературной формѣ. Въ томъ и другомъ отношеніи оно подвергалось внимательному разбору ¹⁾, къ результатамъ котораго можемъ прибавить нѣсколько критическихъ соображеній, объясняющихъ мысль и характеръ житія. Мысль и характеръ его опредѣлились отношеніемъ автора къ подвижнику и его литературнымъ положеніемъ. Авторъ, инокъ Ефремъ, называетъ себя въ послѣсловіи послѣднимъ изъ учениковъ Авраамія въ смыслѣ самаго недостойнаго. Въ житіи описавъ паружность Авраамія, онъ прибавляетъ, что дѣлаетъ это для тѣхъ, кто не видалъ преподобнаго. Онъ помнитъ и заноситъ въ житіе нѣкоторыя выраженія, сказанныя Аврааміемъ при случаѣ. Такъ, разказывая о гоненіяхъ, понесенныхъ послѣднимъ въ монастырѣ на Селницѣ, Ефремъ добавляетъ: онъ

¹⁾ Списки житія XVI в. въ рукои. Унд. № 272, л. 1 в Мавар. ч. мнн по усн. сп., авт. стр. 2127—2147. Намеч. въ Прав. Собес. 1853, № 9 в 10 по списку половины XVI в. несправному и не волюнѣ Отрывки въ Ист. Р. Ц. преемс. Маварія, III, прим. 106; изложение и разборъ житія тамъ же стр. 47 в 171—175, в въ Ист. Оч. Ф. И. Буслаева; II, 116—122.

самъ говорилъ: «пять лѣтъ терпѣлъ я искушенія, поносимый, безчестимый подобно злодѣю». По всему этому виденъ въ Ефремѣ инскъ Богородицкаго монастыря, основаннаго св. смоленскимъ Игнатіемъ и порученнаго настоятельству Авраамія, — одинъ изъ той немногочисленной братіи, которую Авраамій образовалъ около себя въ томъ монастырѣ, подвергая строгому испытанію каждаго вступающаго. Составленная въ послѣдствіи служба, руководясь житіемъ и мѣстнымъ преданіемъ, соединяетъ въ своихъ молитвахъ имена Авраамія и ученика его Ефрема, говоря о послѣднемъ, что онъ наслаждался божественнымъ учніемъ учителя ¹⁾. Этими отношеніемъ автора къ Авраамію опредѣляются основные источники житія — личные воспоминанія и рассказы очевидцевъ; на послѣдній источникъ не разъ указываетъ самъ Ефремъ, сопровождая свой рассказъ замѣчаніями: это многие знаютъ, этому много свидѣтелей. Можно даже замѣтить, съ какого времени авторъ рассказываетъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ: ссылки на свидѣтелей и очевидцевъ встрѣчаются въ описаніи начальной поры иноческихъ подвиговъ Авраамія и прекращаются въ рассказѣ о другой порѣ, когда онъ сталъ игуменомъ епископскаго монастыря. Тѣмъ же отношеніемъ къ Авраамію объясняется и главная мысль автора житія. Шумное гоненіе, которому подвергли страдалца завистники и невѣжды, должно было перейти смутнымъ и тяжелымъ воспоминаніемъ въ память слѣдующаго поколѣнія. Рассказать ему правдиво печальную исторію, указать друзей и враговъ, снять еще продолжавшіяся, можетъ быть, недоразумѣнія съ памяти учителя — такова цѣль, проглядывающая въ трудѣ Ефрема. Онъ озаглавилъ свою повѣсть «житіемъ и терпѣніемъ преп. Авраамія, просвѣтившагося въ терпѣніи многѣ». Съ особенной энергіей прибавляетъ онъ, перечи-

¹⁾ Преевс. Мав. Ист. Р. Ц. III, прим. 263.

сливъ клеветы, взведенныя «безчинными людьми» на Авраамія: «ина же многа напъ вѣщанія глаголюще, ихъ же блаженный чюжь, истиною реку тако». Этой цѣлью объясняются и неровности фактическаго изложенія въ житіи. Не трудно замѣтить, что существенную часть житія, преобладающую надъ всѣмъ остальнымъ его содержаніемъ, составляетъ рассказъ объ интригѣ, веденой противъ Авраамія мѣстнымъ духовенствомъ здѣсь авторъ особенно разговорчивъ, тщательно раскрываетъ пружины «крамолы», подробно слѣдитъ за ея развитіемъ, ясно указываетъ въ городскомъ населеніи стороны за и противъ оклеветаннаго Авраамія, не забываетъ напоминать его защитниковъ, оставившихъ добрую память въ городѣ, наконецъ собираетъ и выписываетъ подобные случаи изъ церковныхъ преданій, чтобы показать страшныя слѣдствія гоненій на праведника. Все остальное въ жизни Авраамія, что не имѣло прямой связи съ этой крамолы, обращаетъ на себя вниманіе автора гораздо въ меньшей степени; даже дѣятельность его въ монастырѣ св. Игнатія, всего болѣе извѣстнаго Ефрему, изображена имъ слишкомъ кратко для очевидца. — Литературный характеръ житія объясняется литературной средой, въ которой вращался авторъ, инокъ одного изъ смоленскихъ монастырей. Извѣстія XII в. показываютъ, что въ развитіи книжнаго образованія Смоленскъ шелъ въ ряду первыхъ русскихъ городовъ. Само житіе даетъ не одно указаніе на степень развитія письменности въ смоленскихъ монастыряхъ въ концѣ этого вѣка. Изъ книгохранилища подгороднаго Селинскаго монастыря Авраамій бралъ и читалъ житія восточныхъ святыхъ Антонія, Саввы и др., также житіе Феодосія печерскаго, сочиненія Златоуста, Ефрема Сирина и даже нѣкоторыя апокрифическія статьи; игумень этого монастыря, по выраженію житія, былъ такъ хитръ въ божественныхъ книгахъ, что никто не смѣлъ предъ нимъ «отъ книгъ глаголати». Книжныя занятія Авраамія не ограничивались чте-

шемъ: онъ собралъ около себя писцовъ, съ помощію которыхъ составлялъ и переписывалъ новые сборники, извлекая для нихъ наиболѣе важныя статьи изъ прочитаннаго. Этимъ объясняется степень книжнаго образованія, какую обнаруживаетъ авторъ въ своемъ трудѣ. Особенно ясно выступаетъ она въ личномъ авторскомъ элементѣ, введенномъ въ житіе. Это — не простой сухой разсказъ: авторъ начинаетъ и часто прерываетъ его изложеніемъ собственнаго взгляда на разсказываемыя событія, сближеніемъ ихъ съ фактами церковной исторіи. Здѣсь открываются другіе, литературныя источники житія, которые были вмѣстѣ и источниками литературнаго образованія автора. Особенно долго останавливается онъ свое размышленіе на преслѣдованіяхъ, поднятыхъ противъ Авраамія: здѣсь приводитъ онъ для сравненія разсказы изъ житія Саввы, Іоанна Златоуста, припоминаетъ двѣ повѣсти изъ «Златой Чыны». При такихъ книжныхъ средствахъ Ефремъ могъ познакомиться съ литературными приемами искусственнаго житія: онъ начинаетъ свой трудъ предисловіемъ и оканчиваетъ пространнымъ и витіеватымъ послѣсловіемъ съ похвалой святому, — и здѣсь любопытно видѣть, откуда идетъ это искусственное вліяніе: богословско-историческая молитва, которой начинается предисловіе, составлена по образцу предисловія къ Несторову житію преп. Феодосія и оканчивается дословной выпиской изъ него. Изъ того же житія заимствуетъ авторъ извѣстіе о чудесномъ видѣніи, предшествовавшемъ построенію каменной пещерской церкви, предпосылая его своему разсказу объ основаніи монастыря еп. Игнатіемъ. Въ описаніи жизни Авраамія видно также перо знакомое съ стилемъ житій: по близости къ святому, авторъ не могъ не знать подробностей о его юности; но онъ скрылъ ихъ подъ тѣми неопредѣленными чертами, которыми позднѣйшіе слагатели житій прикрывали недостатокъ свѣдѣній о молодости святыхъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить хронологію житія, время его написанія и время жизни описываемаго имъ лица. Авраамій, по замѣчанію Ефрема, подвизался въ иночествѣ 50 лѣтъ; і священіе его въ іеромонаха помѣчено въ житіи временемъ князя смоленскаго и всей русской земли Мстислава, т. е. Мстислава Романовича, княжившаго въ Смоленскѣ съ 1197 по 1214, въ Кіевѣ по 1224 г.; гоненія на Авраамія и возведеніе его въ санъ архимандрита относятся ко времени пережитаго имъ смоленскаго еп. Игнатія, который только однажды упомянутъ въ лѣтописи подъ 1206 г. Изъ всего этого видно только, что Авраамій жилъ въ XII—XIII в. и что прежнее мнѣніе, относившее жизнь Игнатія и Авраамія къ первой половинѣ XII в., ошибочно ¹⁾. Остальныя хронологическія показанія житія такъ неясны, что не даютъ основанія для болѣе точнаго вывода. Преосв. Макарій относитъ кончину Авраамія не далѣе первой четверти XIII в.; арх. Филаретъ въ одномъ сочиненіи—къ 1210 г., въ другомъ не позже 1220; нѣкоторые—къ 1221 г. ²⁾. Всѣ эти догадки основаны на предположеніи, что Авраамій сдѣлался іеромонахомъ очень поздно, лѣтъ черезъ 30 по вступленіи въ иночество, и не пережилъ преемника Игнатіева еп. Лазаря, который около 1220 г. оставилъ катедру и по житію былъ еще іереемъ во время крамолы на Авраамія ³⁾. Но 1) Авраамій, славив-

¹⁾ Ист. рос. іер. III, 65. Ист. свѣд. о мон., А. Ратшица, стр. 492. Ист. г. Смоленска, П. Инякина, стр. 44 и сл.

²⁾ Ист. Р. Ц. III, прим. 107. Обз. р. дух. лят. I, стр. 66. Р. Свв. вѣст., стр. 82. Прав. Соб. 1858, №9, стр. 136.

³⁾ Посл. еп. Симона въ Польяриу въ Пам. рос. слов. XII, стр. 255: «Пашеть же мѣ князи нягвни ростаславля Верхуслава, хотяци тебе поставити епископомъ Новуграду на Антоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто». Если эти слова значать, что катедры въ Новгородѣ и Смоленскѣ не были тогда замѣщены, то очевидно, что онѣ обѣ были свободны одновременно, а Антоній новгородскій былъ смѣщенъ въ 1219 г. П. С. Р. Л. III, 37. Вторично оставилъ онъ катедру въ Новгородѣ въ 1228 г.,

війся просвѣщеніємъ и учительностію, могъ сдѣлаться іеромонахомъ рано; 2) годъ смерти еп. Игнатія неизвѣстенъ, а изъ того, что житіе прямо отъ смерти Игнатія переходитъ къ смерти Авраамія, нельзя заключить, что послѣдняя случилась вскорѣ послѣ первой и не позже удаленія съ каѳедры еп. Лазаря, ибо рассказъ житія, какъ замѣчено выше, отличается неровностію и обстоятельное описаніе жизни Авраамія послѣ крамолы не входило въ программу автора. Поэтому одинаково вѣроятно предположить смерть Авраамія гораздо раньше и гораздо позже 1220 г. Такъ же невозможно точно опредѣлить время написанія житія. По мнѣнію арх. Филарета, оно написано не прежде 1237 г., уже при Монголахъ, ибо авторъ въ послѣсловіи мо-литъ Бога испровергнуть нашествіа поганыхъ измаильскихъ языкъ. По эти выраженія могутъ относиться не къ одному 1237—1240 гг., даже вовсе не къ монгольскимъ нашествіямъ¹⁾. Впрочемъ, можетъ быть, въ хронологической неясности житія виновать не авторъ. Разбирая текстъ житія по большей части списковъ, легко убѣдиться, что позднѣйшіе писцы значительно испортили это древнее произведеніе своими описками и пропусками. Можетъ быть, неудобопонятность его и вызвала позднѣйшую попытку передѣлать Ефремово житіе Авраамія²⁾. Въ этой передѣлкѣ опущены предисловіе и послѣсловіе Ефрема; послѣднее редакторъ замѣнилъ другимъ, имъ самимъ составленнымъ, правоучительнаго содержанія. Въ изложеніи жизне-

зо объ этомъ не могъ писать Симонъ, умершій въ 1226. Изъ этого видна ошибка арх. Филарета, который отнесъ удаленіе Лазаря съ Смоленской каѳедры къ 1224: тогда въ Новгородъ надобно было ставить преемника Митрофану, умершему въ 1223, а не Антонію. Р. Свв. авг., прим. 131.

¹⁾ Тамъ же, прим. 119.

²⁾ Эта передѣлка известна намъ по списку въ синод. сб. XVII в. №477, л. 82—96; здѣсь рассказъ не доведенъ до конца и прерывается описаніемъ гоненій на Авраамія (на мѣстѣ, соответствующемъ стр. 379 ой въ изданіи Прав. Собес).

неописанія также есть пропуски, сокращенія и даже прибавки. Передѣлка особенно коснулась тѣхъ вводныхъ мѣстъ древняго житія, которыми Ефремъ прерываетъ рассказъ, излагая свои размышленія; именно эти мѣста въ сохранившихся спискахъ житія и страдаютъ тьмотой и неправильностию изложенія.

Послѣ Смоленска, средняго члена семьи старшихъ, волостныхъ городовъ, который въ древнѣйшемъ житіи своего святаго обнаружилъ прямую литературную зависимость отъ Юга, отъ старшаго родича своего Кіева, уцѣлѣвшіе памятники заставляютъ предполагать едвали еще не Сольхсе развитіе письменности и литературы въ Новгородѣ, въ самомъ сѣверномъ членѣ этой семьи, и главнымъ образомъ подъ тѣмъ же вліяніемъ. Съ другой стороны, церковная жизнь Новгорода въ первые вѣка христіанства на Руси выставила не мало дѣятелей, которые могли дать поучительное содержаніе для житія. Однакожъ, можно указать очень скудные слѣды литературной производительности Новгорода въ этомъ родѣ. Въ концѣ XVI в. въ письменности выступило незамѣтное дотолѣ преданіе о житіи Автопія Римлянина, написанномъ будто бы ученикомъ послѣдняго Андреемъ около половины XII в.; но, какъ увидимъ, это преданіе является въ такой сомнительной обстановкѣ, что въ немъ поволительно не видѣть никакого дѣйствительнаго факта изъ исторіи новгородской литературы XII в. За тѣмъ древній прологъ сберегъ маленькое житіе Варлаама хутынскаго и благодаря ему же, вѣроятно, сохранилась еще болѣе краткая историческая записка объ Аркадіѣ, епископѣ новгородскомъ: вотъ всѣ памятники новгородской агіобіографіи, извѣстныя до конца XIV в.

Краткое житіе Варлаама несомнѣнно существовало въ концѣ XIII в.¹⁾ Оно носитъ на себѣ типическія черты такъ-называе-

¹⁾ Встрѣчается въ прологахъ XIII—XIV в. Цитруемъ по сп. въ синод. перга. прологъ № 839 (д. 54—55), писанномъ въ Псковѣ и въ 1425 г.

изго проложнаго житія. Позже, рядомъ съ пространными житіями, въ значительномъ количествѣ встрѣчаются такіа краткія проложныя ихъ редакціи. Вопросъ о хронологическомъ отношеніи обѣихъ формъ неизбѣженъ въ литературной исторіи житія. Но только немногимъ изъ краткихъ редакцій есть основанія приписать болѣе раннее происхожденіе сравнительно съ пространными; о большей части трудно сказать, были ли онѣ первообразами послѣднихъ или ихъ сокращенными передѣлками для прочтенія въ церкви въ день памяти святаго. Въ этомъ отношеніи разбираемая редакція даетъ любопытный фактъ для литературной исторіи житій: являясь въ качествѣ проложной рядомъ съ позднѣйшими пространными редакціями, она была **выѣстъ** и древнѣйшимъ ихъ первообразомъ. Пространныя редакціи житія не встрѣчаются въ рукописяхъ раньше XV в.; слѣчал ихъ содержаніе съ краткой, можно замѣтить внутренніе признаки ея старинности. Она вышла изъ среды, гдѣ событія и лица изъ исторіи Варлаама были еще въ свѣжей памяти и достаточно было намекнуть на нихъ безъ поясненій. Разсказъ о кончинѣ Варлаама начинается прямо извѣстіемъ: «егда же... приде изъ Костянтина града Антоній, сверьстникъ его, радъ же бывъ блаженный о такомъ мужи духовному си брату, преда въ руцѣ его монастырь». Позднѣйшія редакціи считаютъ нужнымъ пояснить, что Антоній, предназначенный Варлаамомъ въ преемники, не задолго до того пошелъ въ Царьградъ. Краткое

проданномъ въ (ироткинъ монастырь, какъ сказано въ припискѣ на л. 171. Нач. «Прен. отецъ нашъ Варлаамъ родиси въ Новгородѣ, отъ аѣтру родителю хрестяну и богобоязливу, възпитанъ бысть въ добрѣ наказанія, и грамоту извыче и псаломскан толкованія, и еще унѣ съдѣ, на игры съ уными человекы не возволи изити, отгрѣбаяся всякоя мирскыя вещи». Изъ древняго пролога выѣстъ съ другими проложными статьяи житіе это занесено въ Манаар. ч. мин., гдѣ помѣщено вслѣдъ за позднѣйшими пространными (ноябр. по у.п. сн. стр. 157—159).

житіе рассказываетъ о созданіи Хутынскаго монастыря съ подробностями и намеками, которые были уже непонятны составителямъ пространныхъ редакцій и потому опущены или спутаны ими. Варлаамъ еще до постриженія прямо изъ міра «изиде въ пусто мѣсто, имѣя наставника Бога и отца Перфурья и брата его Θεодора и ину братью, ихъ же житіе и добронравіе индѣ скажемъ.. острижеса виѣ града отъ прозвутера пѣкоего мниха». Пространныя редакціи, не зная, кто этотъ Θεодоръ, опускаютъ и его съ иной братіей и указаніе на другое сочиненіе автора, а Порфирій смѣшиваютъ съ священноинокомъ, постригшимъ Варлаама. Обличая большую отдаленность этихъ редакцій отъ описываемаго лица въ сравненіи съ краткой, указанная особенности ихъ имѣютъ свой источникъ въ сжатомъ и не совсѣмъ ясномъ разсказѣ послѣдней. Трудно рѣшить, что имѣлъ въ виду авторъ житія, общаясь «индѣ» сказать житіе и добронравіе Порфирія и иной братіи; но нѣтъ пужды непременно видѣть въ его словахъ обѣщаніе написать особыя житія этихъ людей. Древняя новгородская лѣтопись разъясняетъ, кто этотъ отецъ Порфирій и кого могъ разумѣть авторъ подѣ «иной братіей». Понятно, что это одно еще не даетъ достаточнаго основанія приписывать лѣтописи и житіе одному автору; гораздо вѣроятнѣе, что авторъ житія намекаетъ на монастырскія записки, которыя онъ велъ вскорѣ по смерти Варлаама, живя въ его монастырѣ, и которыя послужили источникомъ извѣстій о хутынскомъ монастырѣ, занесенныхъ въ новгородскій лѣтописный сводъ. Изъ этого свода узнаемъ, что Порфирій — Прокша Малышевичъ, такой же «вячій» новгородецъ, какъ и Варлаамъ, постригся на Хутынѣ «при иг. Варламѣ» и умеръ въ 1207 г.: братъ его Θεодоръ не извѣстенъ по лѣтописи, но она въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ слѣдитъ за судьбой его сына Вячеслава, внука Малышева, построившаго церковь, заложенную его отцемъ, бывшаго тысяцкимъ, потомъ хутын-

слимъ монахомъ Варлаамомъ, и подробно обозначаетъ его смерть и погребеніе на Хутынѣ въ 1243 г. Тамъ же постриженъ и въ 1247 г. погребенъ сынъ Вячеслава Константинъ. Изъ одного съ Варлаамомъ класса вышелъ вернувшійся предъ смертью его Антоній: это былъ Добрыня, отецъ котораго воевода Ядрей погибъ въ походѣ 1193 г. на Югру; по лѣтописи, Добрыня еще до изгнанія архіеп. Митрофана (1211 г.) возвратился изъ Царьграда съ святыней отъ гроба господня и постригся на Хутынѣ; въ 1211 г. онъ избранъ владыкой Новгородъ и потомъ неоднократно оставялъ кафедру. Вместе съ Антоніемъ могъ быть въ числѣ «иной братіи» Варлаама и Арсеній, изъ хутынскихъ чернецовъ дважды заступавшій мѣсто архіеп. Антонія, но не посвященный въ санъ, потомъ бывший игуменомъ хутынскаго монастыря. Во всемъ этимъ лицамъ лѣтопись относится съ большимъ сочувствіемъ, и особенно останавливается на Арсеніѣ, описывая его добродѣтели, называя его мужемъ кроткимъ, смиреннымъ, зѣло боящимся Бога ¹⁾.

Разсмотрѣнные признаки житія не позволяютъ слишкомъ удалять его происхожденіе отъ времени описываемыхъ имъ событий. Въ послѣдствіи это житіе имѣло долгую литературную исторію и вобрало въ себя циклъ легендъ, которыми окружено было имя Варлаама. Разборъ ихъ найдеть мѣсто въ разсмотрѣніи позднѣйшихъ редакцій житія. Краткая редація свободна отъ этихъ легендъ; но и въ ней, не смотря на раннее время ея списковъ, можно отмѣтить черту, ставшую потомъ основой одной изъ нихъ. Древняя лѣтопись и житіе молчатъ о годѣ смерти Варлаама: двѣ позднѣйшія лѣтописи, новгородская 4-я и софій-

¹⁾ Н. С. Р. Л. III: о Поревріѣ стр. 30, ср. съ 218, о сынѣ его 31, 41, 42, 44, 54, о внукѣ 54, объ Антоніѣ и Арсеніѣ 31, 36—39, 42, 44, 45 и 48, ср. съ 219. Ист. Р. Ц. III, 76. Ср. Р. Свв. арх. Филарета, еввр., прим. 67.

скан относить ее къ 6701 (1192, ноябр. 6). Воспроизводя исторію монастыря по древнему житію, видно, что Варлаамъ съ Порфпріемъ и иной братіей долго жили въ «пустѣ мѣстѣ» отшельниками, не принимая правильной формы монастырскаго братства, которое впервые устроилось по монастырски, когда архіепископъ освятилъ поставленную «чернецомъ» Варлаамомъ малую церковь Преображенія на Хутынѣ, что по древней лѣтописи было 6 авг. 1192, т. е. незадолго до смерти Варлаама ¹⁾. По Пахоміевской редакціи житія, Варлаамъ тогда же заложилъ другую, каменную церковь Преображенія, но не успѣлъ достроить при жизни ²⁾. Сопоставленіе этихъ извѣстій дѣлаетъ вѣроятнымъ извѣстіе о смерти Варлаама въ 1192, т. е. при архіеп. Григоріѣ, умершемъ въ слѣдующемъ году 24 мая. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ древняго житія хоронить Варлаама владыка Антоній; позже встрѣтимъ рядъ легендъ, основанныхъ на тѣсной дружбѣ между Варлаамомъ и архіеп. Антоніемъ, избраннымъ въ этотъ санъ въ 1211 г. Ошибка эта принадлежитъ не автору краткаго житія, которое, очевидно, въ другихъ спискахъ не обозначало имени владыки, какъ всѣмъ еще из-

¹⁾ Степ. мн., лѣтописи новогор. 2-я и 3-я (П. С. Лѣт. III. 129 и 220) и старинныя святцы (по рук. моск. дух. акад. № 209) относятъ ее къ 1243 г. — ошибка, очевидно, происшедшая отъ смѣшенія преп. Варлаама съ Варлаамомъ Прокшиничемъ, на что и указалъ арх. Филаретъ въ Р. Свв., нояб., прим. 72.

²⁾ Познія новгор. лѣтописи смѣшиваютъ эту церковь съ мазой, копченой и ослепленной (П. С. Л. III, 127 и 217). Воскресенская (тажъ же VII, 102) точнѣе замѣчаетъ подъ 6701 г.: „заложн церковь камени Преображеніе чудотв. Варлаамъ хутынский: тогоже зѣта и преставился“. Затрушеніе остается въ примиреніи одного извѣстія древней лѣтописи о иростриженіи Прокша Малышовича при иг. Варлаамѣ, слѣд. не позже 1192, съ другимъ, которое выставляетъ тогоже Прокшу подъ мірекимъ именемъ основателемъ церкви 40 мученикъ въ 1199, если только это имя не поставлено здѣсь по старой памяти вѣсто пѣчорскаго (П. С. III, 25, прим. р.).

вѣстнаго; на это указываютъ и позднѣйшія редакціи, которыя, сдѣлывая древнее житіе, въ рассказѣ о погребеніи Варлаама гакже не называютъ архіепископа по имени. Такъ, по видимому, изъ стиравшихся въ преданіи историческихъ чертъ жизни Варлаама уже въ концѣ XIII в. завязывалась канва легенды.

Разбираемое житіе можетъ служить образчикомъ литературнаго стиля житій, какой усвоила новгородская письменность XIII в. Въ основныхъ чертахъ своихъ опъ тотъ же, что широко развится и твердо заучивался нашими книжниками въ послѣдствіи. Двѣ существенныя особенности его здѣсь уже готовы и выступаютъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ короче житіе. Одна состоитъ въ известномъ выборѣ біографическихъ чертъ для житія. Ихъ не много и почти всѣ онѣ связаны съ рассказомъ объ удаленіи Варлаама и его товарищей въ пустыню, о построеніи монастыря и о смерти святаго; остальные моменты и подробности не остановили на себѣ вниманія біографа. Не одна краткость біографіи тому виной. Рядомъ съ индивидуальными чертами жизни Варлаама нашли мѣсто и тѣ общія типическія черты съ ихъ неизмѣннымъ, заученнымъ выраженіемъ, которыя удобно переносились на всякаго святаго: «родися отъ вѣрпу родителю крестьяну», «унѣ сый на игры съ уныи чловѣкы не изволи изити», въ пустынѣ «не дадыше сна очима своима, боряся съ бѣсы», предсмертныя слова къ братіи: «аще, братіе, тѣломъ отхожу отъ васъ, да духомъ присно съ вами буду» и т. п. Затверженныя по чужимъ литературнымъ образцамъ, эти черты, здѣсь еще краткія и неразвитыя, очевидно, рассчитаны не на любопытство къ дѣламъ и дѣтелямъ прошлаго, а на вниманіе набожнаго слушателя въ церкви. Эта вторая особенность житейнаго стиля замѣтно связана съ первой: изъ жизни святаго берутся лишь такія черты, къ которымъ можно привязать эти общія, готовыя формулы житія. Но слѣдуетъ оговорить въ разбираемой редакціи отсутствіе третьей особенности житейнаго стиля,

развившейся позже: общія мѣста въ жизнеописаніи удерживаютъ еще характеръ историческихъ фактовъ, хотя условныхъ, не переходя въ назидательное размышленіе или витіеватую проповѣдь и не удаляясь отъ первоначальнаго назначенія житія—служить историчечкой запиской или «памятью» о святомъ.

Еще ближе подходитъ къ этому назначенію коротенькая записка объ Аркадіѣ, еп. новгородскомъ, сохранившаяся въ Макарьевскихъ мшеляхъ ¹⁾. Трудно сказать, существовали ли въ письменности Новгорода до XV в. какія-нибудь біографіи другихъ его древнихъ владыкъ, написанныя въ Новгородѣ. Житія нѣкоторыхъ изъ нихъ, составленныя позже, или молчатъ о своихъ древнихъ источникахъ, или дѣлаютъ неясныя указанія на нихъ. Литературная простота записки объ Аркадіѣ лишаетъ вѣроятности предположеніе, что она написана при архіеп. Макаріѣ для его мшелей или въ близкое къ нему время: тогда составили бы болѣе пространное и витіеватое житіе, сообразно съ литературнымъ вкусомъ времени. Помѣщенная въ мшеляхъ Макарія среди краткихъ проложныхъ статей, она, очевидно, вмѣстѣ съ ними выписана изъ стариннаго пролога. Братскій некрологъ, эта записка чужда общихъ мѣстъ житія. По видимому, она была мало извѣстна церковнымъ историкамъ: говоря объ Аркадіѣ, они обыкновенно ограничиваются лѣтописными извѣстіями, начинающимися съ основанія имъ Успенскаго Аркажскаго монастыря въ 1153 ²⁾. Записка представляетъ нѣкоторый интересъ тѣмъ, что сообщаетъ черты жизни Аркадія до этого года, взятая, очевидно, изъ другаго источника, столь же близкаго, какъ и древняя новгородская лѣтопись тѣхъ го-

¹⁾ Здѣсь она дважды перописана подъ 17 сѣнт. съ разныхъ списковъ.

²⁾ Такъ Ист. рос. іер. III, 277; преосв. Макарій въ Ист. Р. Ц. III, 56; Муравьевъ въ Жит. свв. рос. ц. дек., стр. 243 и сл.; Ратшинъ въ Ист. свѣд. о мон., стр. 397; въ Р. Свв. арх. Филарета нѣтъ и статьи объ Аркадіѣ.

довъ, во времени этого епископа (+1163). Аркадій «бѣ нищъ», говоритъ записка, въ молодости повинулъ родителей и постригся въ Юрьевомъ новгородскомъ монастырѣ; здѣсь, достигнувъ сана пресвитера, онъ сталъ потомъ игуменомъ и наконецъ былъ почему-то изгнанъ изъ монастыря. Когда пріѣхалъ изъ Руси въ Новгородъ кн. Изяславъ, онъ полюбилъ Аркадія и поручилъ ему «мѣсто» св. Пантелеймона; отсюда Аркадій удался потомъ въ пустынное мѣсто, гдѣ и основалъ въ 1153 г. свой монастырь ¹⁾. Пантелеймоновъ монастырь около Новгорода упоминается въ грамотѣ кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, гдѣд. существовалъ еще до 1136 г., когда Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Новгорода. Изяславъ, какъ видно, заботился о его благосостояніи: онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ на короткое время въ 1148 г.; къ этому времени можно отнести сохранившуюся грамоту его на земли, выпрошенные имъ у Новгорода для Пантелеймонова монастыря; тогда же поручилъ онъ Аркадію управленіе этимъ монастыремъ, о чемъ говоритъ записка. Въ извѣстіяхъ лѣтописи объ игуменахъ Юрьева монастыря есть пробѣлъ между 1134 г., когда упоминается Исаія, и 1158, когда былъ поставленъ Діонисій. Очевидно, къ промежутку 1134 — 1148 гг. и относятся игуменство Аркадія въ этомъ монастырѣ ²⁾.

Первоначальное житіе св. кн. Александра Невского составляетъ большую рѣдкость въ уцѣлѣвшихъ древнерусскихъ рукописяхъ: повидимому, отдѣльные списки его попадались рѣдко и

¹⁾ „Изде въ пусто мѣсто и созда церковь св. Богородица, *яже стоитъ и до сего дне*“. Лѣтопись: „сзруби Аркадъ игуменъ церковь св. Богородица Успенію и състави собѣ монастырь“. Поля 1188 г. лѣтопись говоритъ о построеніи здѣсь *каменной* церкви успенской. Если при этомъ была сломана аркадіевская деревянная и если слова записки относятся къ самому зданію церкви, то записка написана въ 1163—1188 гг.

²⁾ Ист. рос. іер. VI, 772; V, 451. П. С. Лѣт. III, 10. 6. 13.

старшимъ нашимъ переписчикамъ ¹⁾). Это можно отчасти объяснить тѣмъ, что въ позднѣйшей письменности, наиболѣе сохранившейся, древнее житіе было вытѣснено изъ обращенія нѣсколькими редакціями его, составленными въ XVI в. въ духѣ позднѣйшаго житейнаго стиля. При такой рѣдкости списковъ, первое сличеніе ихъ можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно первоначальнаго состава житія. Въ списокѣ, дополненномъ лѣтописными извѣстіями, есть подробности, не встрѣчающіяся въ другихъ. Сличая этотъ списокъ съ древней новгородской лѣтописью, легко видѣть, что эти подробности не принадлежатъ автору житія: почти всѣ онѣ относятся къ невскому и ледовому побоищу и заимствованы почти дословно изъ новгородской лѣтописи, а авторъ житія — не новгородецъ и опускалъ многое, касавшееся собственно Новгорода ²⁾). Съ другой стороны есть черты, опущенныя въ списокѣ псковской лѣтописи и удержанныя другими; самая крупная изъ нихъ — рассказъ о 6 русскихъ удалцахъ, отличившихся въ невскомъ бою ³⁾). Этотъ

¹⁾ Единственный намъ извѣстный отдѣльный списокъ житія въ рукоп. дух. акад. XVI в. № 576, л. 1—9, и тотъ, кажется, выписанъ изъ лѣтописнаго сборника, судя по началу: „Преставися в. кн. Александру Ярославичу въ лѣто 6771. Славемъ мужество и житіе его“. Другіе списки въ лѣтописныхъ сборникахъ: во 2-ой искѣвской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 2—6) съ пропусками, въ лаврентьевской (тамъ же I, 204—206) безъ конца, въ 1-ой софійской и воскресенской (тамъ же V, 176—181 191; VII, 146—151): здѣсь житіе подновлено и разбито на отдѣльныя статьи, перемежающіяся съ лѣтописными извѣстіями; точно такъ же и въ тверской (тамъ же XV, 375—384).

²⁾ Эти вставилъ (см. П. С. Р. Л. V, 177, 179 и слѣд.; слич. съ новгор. лѣт. тамъ же III, 53 и 54): описаніе нашествія Шведовъ въ 1240 г., перечень шандихъ въ бою новгородцевъ, начало рассказа о ледовомъ побоищѣ и др. болѣе мелкія.

³⁾ Онъ въ сл. лаврент. лѣт. и въ рук. моск. дух. акад. Вслѣдъ за этимъ рассказомъ слѣдуетъ здѣсь другой, также опущенный въ сл. псковской лѣт. — объ избіеніи ангеломъ множества Шведовъ на другомъ берегу Ижеры, гдѣ не дрались Русскіе. Ни того ни другаго извѣстія нѣтъ въ древней овгор. лѣтописи и они принадлежать, очевидно, автору житія.

рассказъ интересовалъ не исключительно однихъ новгородцевъ, ибо далеко не всѣ эти удалыцы вышли изъ ихъ среды: четверо принадлежали къ дружинѣ князя, отъ котораго и слышалъ этотъ рассказъ авторъ, по его собственному показанію: «си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича и отъ ипыхъ, иже обрѣтошася въ той сѣчи».

Авторъ — не новгородецъ: у него нѣтъ обычныхъ выражений новгородца о родномъ городѣ, даже есть напротивъ нѣкоторое разногласіе съ новгородскимъ лѣтописцемъ въ рассказѣ о невскомъ боѣ: умалчивая о подробностяхъ, которыя могли занимать однихъ новгородцевъ и отмѣченныхъ лѣтописцемъ, онъ не безъ удивленія указываетъ, что Александръ поспѣшилъ выступить противъ враговъ «въ малѣ дружинѣ» и потому много новгородцевъ не успѣло присоединиться къ нему, тогда какъ новгородскій лѣтописецъ выводитъ Александра въ походъ только съ новгородцами и ладожанами, не упоминая о княжеской дружинѣ. Авторъ и не псковичъ: послѣдняго трудно предположить въ жесткихъ словахъ, съ какими житіе заставляетъ Александра обратиться къ псковичамъ послѣ ледоваго боя: «О невѣгласи псковичи! аще сего (избавленія отъ Нѣмцевъ) забудете и до правнучатъ Александровыхъ, и уподобитесь Жидомъ» и проч¹⁾. Эти слова, образъ выраженія о ливонскихъ Нѣмцахъ и Шведахъ и другія черты обличаютъ въ авторѣ жителя Низовской земли, владимірца; на это указываетъ и обиліе подробностей въ рассказѣ о погребеніи Александра во Владимірѣ, которыхъ нѣтъ въ новгородской лѣтописи²⁾. По трудно опредѣлить общественное положе-

¹⁾ Такъ по си. 2-й псковской лѣтописи (П. С. Л. IV. 180); по другимъ то говорить авторъ отъ своего лица.

²⁾ Митр. Евгений въ Слов. пис. дух. чина II, 265, основываясь только на томъ, что въ древнемъ новгородскомъ, какъ и въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ, житіе Александра помѣщено подъ 1240 г., признаетъ авторомъ его повомаря Тимоея, который будтобы составлялъ новгородскую

ніе автора: изъ его разсказа видно только, что онъ былъ лицо, стоявшее близко къ Александру. По его признанію, онъ слышалъ о князѣ отъ отцовъ своихъ и былъ «самовидецъ возраста его»; о певскомъ боѣ ему разсказывали самъ Александръ и другіе участвовавшіе въ дѣлѣ, очевидно, дружинники князя; о ледовомъ боѣ онъ такъ же слышалъ отъ «самовидца»¹⁾.

Разсматриваемое житіе далеко не составляетъ полной, обстоятельной біографіи Александра; въ немъ не находимъ многого, что извѣстно о князѣ изъ другихъ источникахъ. Въ немъ нѣтъ даже связнаго разсказа: содержаніе его представляетъ недлинный рядъ отрывочныхъ воспоминаній, отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Александра. Не трудно замѣтить мысль, руководившую авторомъ при выборѣ этихъ эпизодовъ: въ его запискѣ соединены именно такіе черты, которыя рисуютъ не историческую дѣятельность знаменитаго князя со всѣхъ сторонъ, а его личность и

лѣтопись послѣ „иона Іоанна“ и по одному списку въ называетъ себя въ ней подъ 1230 г. Вислѣдствіи наши подтвержденіе этому въ одномъ новгородскомъ прилогѣ, писанномъ, какъ значится въ припискѣ, Тимоѣемъ, пономаремъ церкви св. Іакова въ Повгородѣ въ 1282 г. Р. Ист. Сб. т. III, кн. 3, стр. 293, статья П. С. Обзоръ р. дух. лит. I, 64. Н. 1) самъ авторъ статьи сознается, что годъ въ припискѣ можно прочесть и 6705, какъ и читаютъ арх. Филаретъ, и 6790, какъ находятъ болѣе вѣроятнымъ авторъ; 2) пономарь и составитель лѣтописи въ 1230 году, положимъ, переписать прологъ въ 1282, но былъ конечно гораздо старше Певскаго, родившагося послѣ 1219 г., а въ житіи обѣщаетъ разсказать о немъ и то, что слышалъ „отъ отца своихъ“, чего какъ будто не помнилъ самъ; 3) есть мнѣніе, что Тимоѣей — только позднѣйшій переписчикъ лѣтописи, и упомянутый прологъ служить скорѣе подтвержденіемъ этого. Не говоримъ объ указанномъ разногласіи автора житія и новгород. лѣтописца.

1) Въ сп. псковской лѣт. (П. С. V, 6) сохранилась повидному официальная форма выраженія о хоронившемъ Александра митр. Кириллѣ (+1280), могущая навести на мысль, что житіе писано еще при немъ „се же слышано бысть всѣмъ отъ господина митрополита“. Такъ же и въ рук. моск. дух. акад.; въ другихъ просто: „отъ Кирилла митрополита“.

глубокое впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ, и эти черты переданы въ томъ свѣжестѣ, не потертомъ позднямъ преданіемъ видѣ, въ какомъ ходили онѣ между современниками. Слова, какія сказали ливонскій магистръ и Батый, увидѣвъ Александра, поэтическія черты, въ какія современники и даже участники двухъ громкихъ побѣдъ Александра успѣли уже облечь свои рассказы о нихъ, татарскія жены, стращающія дѣтей словами «Александръ ѣдетъ», отвѣтъ его посламъ папы, сѣверное слово о зашедшемъ суздальскомъ солнцѣ, сказанное митрополитомъ при извѣстїи о смерти князя, — эти и другія черты житія если не всѣ точно отражаютъ дѣйствительные факты, то даютъ историку живо почувствовать, какъ отразилась дѣятельность Александра въ умахъ современниковъ. Источникъ съ такими чертами въ сѣверной письменности получаетъ тѣмъ болѣе цѣны, что ихъ нѣтъ въ современной сѣверной лѣтописи, вообще не любящей рисовать живо явленія времени, и легко замѣтить, что позднѣйшіе лѣтописные сборники въ рассказѣ объ Александрѣ воспроизводятъ эти живыя черты именно по житію, безъ котораго онѣ погибли бы для нихъ и для историка. — Литературная сторона житія дѣлаетъ его явленіемъ не менѣе любопытнымъ для характеристики литературной дѣятельности XIII в. на сѣверѣ. Изложеніе его не чуждо книжной искусственности, хотя очень далеко отъ изысканнаго до невразумительности «добрословія» позднѣйшихъ книжниковъ. Авторъ знакомъ и съ божественнымъ и съ человѣческимъ писаніемъ: онъ умѣетъ кстатѣ привести текстъ изъ ветхозавѣтнаго пророка; характеризуя своего героя, онъ сравнитъ его въ храбрости съ царемъ римскимъ «Вуспесіаномъ» и при этомъ расскажетъ случай, гдѣ послѣдній явилъ свое мужество, рассказывая объ избіеніи Шведовъ ангеломъ въ невскомъ бою, не забудетъ упомянуть о подобномъ чудѣ въ древніе дни, при царѣ Езекии. Далѣе онъ знаетъ, что пишетъ житіе святаго, котораго и самъ такъ называ-

еть. Не смотря на все это, онъ не выдерживаетъ элементарныхъ приемовъ житія, не хочетъ ни начать его приличнымъ описаніемъ благочестиваго дѣтства святаго князя, ни закончить молитвеннымъ обращеніемъ къ новому ходатаю на небѣ. Въ сто этого онъ набрасываетъ въ началѣ повѣсти краткую характеристику взрослоаго князя: ростомъ онъ выше другихъ людей, голосъ его точно труба въ народѣ, лицомъ онъ Іосифъ Прекрасный, сила его — половина силы Самсоновой, и далъ ему Богъ премудрость Соломонову, храбростью онъ Веспасіанъ, царь римскій, — и рядомъ съ этими земными доблестями ни одной иноческой, чѣмъ любили съ дѣтства отличать даже князей позднѣйшія житія. Описаніе кончины святаго авторъ начинаетъ обращеніемъ къ себѣ, которое по наивной изобразительности земной скорби столь же чуждо духу житій послѣдующаго времени: Горе тебѣ, бѣдный человѣче! какъ опишешь ты кончину господина своего? какъ не выпадутъ у тебя зѣлныя вмѣстѣ съ слезами? какъ отъ тоски не разорвется у тебя сердце? оставить отца человѣкъ можетъ, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, есlibъ можно было. Житіеписатель, вышедшій изъ школы Похомія Логовета, сказалъ бы, что авторъ повѣсти объ Александрѣ совсѣмъ не умѣетъ писать житія; такъ, вѣроятно, и думали передѣлывавшіе ее редакторы XVI в., сглаживая въ ней именно эти оригинальные, вольные приемы. Этѣмъ вольнымъ движеніемъ, не стѣсняющимся холодной торжественностью житейнаго языка, оживленъ весь рассказъ житія; замѣтно еще литературное вѣяніе стараго кievскаго или вольнскаго юга подъ этиѣмъ сѣвернымъ, суздальскимъ перомъ, которое съ гибкостью и изобразительностію южнаго лѣтописца вставляетъ въ рассказъ и библейскій примѣръ или текстъ, и сжатую картину ледоваго боя или народной скорби при погребеніи Александра, не даетъ князю, его дружинѣ и другимъ дѣйствующимъ лицамъ дѣйствовать молча, но постоянно выводитъ ихъ съ живою рѣ-

чью и при этомъ иногда мимоходомъ отмѣчаетъ черту современнаго общественнаго взгляда или отношенія къ извѣстному событію: жалостно было слышать, — добавляетъ житіе въ разсказѣ о поспѣшномъ выступленіи Александра противъ Шведовъ, — жалостно было слышать, что отецъ его вел. кн. Ярославъ не вѣдалъ такого нашествія на сына своего милаго Александра, и ему было некогда посылать вѣсть къ отцу, ибо враги уже приближались.

Вслѣдъ за другими книжными центрами древнѣйшей сѣверо-восточной Руси является и Тверь съ памятникомъ исторіографической литературы, съ повѣстью о своемъ князѣ — страдальцѣ Михаилѣ Ярославичѣ. Первоначальное сказаніе о немъ извѣстно намъ въ немногихъ позднѣйшихъ спискахъ; оно не попало въ древнія лѣтописи, а позднѣйшіе лѣтописные сборники занесли его на свои страницы уже въ передѣлкѣ XV в. ¹⁾ По содержанию и основной мысли это сказаніе не житіе въ настоящемъ смыслѣ слова, а повѣсть объ убіеніи кн. Михаила въ ордѣ; но его можно отнести къ разряду житій какъ по сходству литературнаго стиля, такъ и потому, что оно цѣликомъ легло въ основаніе позднѣй-

¹⁾ Ч. Мин. митр. Макарія по усн. сп., ноябрь, стр. 2155—2163; Ч. Мин. Тулунова XVII в., рук. Гр. Серг. А. № 671, л. 129—141. Протопр. Макарій и арх. Физиретъ, разбравъ сказаніе о Михаилѣ, написанное современникомъ, цитуютъ повѣсть, помѣщенную въ софійской и встароселенской лѣтописяхъ (Ист. Р. Ц. V, 178. Обз. р. д. лит. I, стр. 38. Р. Свѣ. ноябрь, стр. 369. И. С. Лѣт. V, 207; VII, 188). Но это — передѣлка XV в., а не первоначальное сказаніе, написанное современникомъ. Хронологическое отношеніе этого сказанія къ редакціи XV в. можно видѣть изъ сличенія одного мѣста въ нихъ. Современникъ замѣчаетъ въ разсказѣ о первой побѣдѣ Михаила въ ордѣ: „якоже обычай есть взимати тамо великое княженіе“. Указанная позднѣйшая редакція должна была уже измѣнить это выраженіе: „якоже и претѣхшіи его князи пяху обычай тамо взимати великое княженіе“. Въ житіи Тулунова первоначальное сказаніе помѣщено вслѣдъ за передѣлкой подъ заглавіемъ: „яко твореніе“.

шихъ передѣлокъ, облеченныхъ уже въ форму правильнаго житія. Встрѣчаемъ въ сказаніи слѣды автора: въ ночь по убіеніи Михаила многіе вѣрные и невѣрные видѣли два свѣтлыя облака надъ тѣломъ его, «еже исповѣдаху намъ со слезами и со многими клятвами»; въ гор. Бездежѣ, гдѣ остановились съ тѣломъ на пути въ Москву, одинъ сторожъ былъ чудесно наказанъ за неуваженіе къ мошамъ святаго и «пришедъ исповѣда ту (въ Бездежѣ была церковь.) іереови бывшая ему, отъ него же слышавше написаномъ». Сказавъ, что убитаго князя отвезли на ночь за рѣку Адежь, «еже зовется горестъ», повѣсть замѣчаетъ: «горестъ бо и бѣ, братіе, тогда въ той часъ, таковую видѣвши пужную смерть господина своего». Въ этихъ словахъ сказывается очевидецъ смерти Михаила, бывший спутникомъ его въ орду, но не сопровождавшій его тѣла оттуда. Въ свитѣ, окружавшей Михаила за нѣсколько минутъ до убійства, повѣсть указываетъ вмѣстѣ съ боярами и слугами отцовъ его духовныхъ, игумена Александра и «двоухъ поповъ». Въ одномъ изъ нихъ и можно подозрѣвать автора. Въ минуту смерти князя, когда бояре и слуги его одни убѣжали къ ханшѣ и тамъ скрывались, другіе были обобраны, побиты и закованы Татарами, духовныхъ, по видимому не тронули и они могли на другое утро услышать отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ разсказъ о ночномъ явленіи надъ тѣломъ князя. Московскій князь отправилъ тѣло убитаго въ Москву «съ своими бояры» и этотъ поѣздъ описанъ въ повѣсти кратко; на другое лѣто той же дорогой вернулся на Русь и Юрій съ сыномъ, боярами и слугами Михаила; по видимому, на этомъ пути авторъ и узналъ отъ бездежскаго іерея о повомъ чудѣ Михала. — Во всей повѣсти авторъ остается вѣренъ своей повѣствовательной задачѣ и не прерываетъ разсказа тѣми поучительными или риторическими распространеніями, которыя вносятъ въ него позднѣйшія редакціи. Эта ровность разсказа характеризуетъ его повѣсть наравнѣ съ разсмотрѣнными новгородскими

житими. Въ ней можно даже замѣтить нѣкоторый рассчитанный подборъ фактовъ: указавъ кратко происхожденіе князя, рассказъ направляется далѣе прямо къ катастрофѣ въ ордѣ и касается только тѣхъ событій, которыя къ ней привели или тѣсно съ ней связаны. Этимъ объясняются нѣкоторые пробѣлы въ повѣсти: рассказавъ о путешествіи князей Михаила и Юрія въ орду въ 1304 г., по смерти Андрея, указавъ такимъ образомъ завязку вражды между ними, авторъ обходитъ 8 слѣдующихъ спокойныхъ лѣтъ великокняженія Михаила и переноситъ рассказъ прямо къ 1313 г., когда затихшая вражда возобновилась. Положеніе автора сообщаетъ интересъ его отношенію къ событіямъ и главнымъ лицамъ сказанія. Очень естественно не найти въ немъ и намека на историческій смыслъ московско-тверской распри; но можно ждать объясненія ближайшихъ мотивовъ и характеровъ враждующихъ князей съ тверской точки зрѣнія. Сквозъ простой рассказъ повѣсти тверской князь выступаетъ у автора величественной фигурой; на его сторонѣ право и великодушіе: онъ готовъ отступить отъ своего великокняжескаго права въ пользу соперника, лишь бы вражда прекратилась, при всякомъ случаѣ выражаетъ готовность пострадать, лишь бы неповинные христіане избѣгнули бѣды смертью его одного; онъ борется одинъ противъ московско-татарскаго союза, при чемъ авторъ умалчиваетъ, что и его герой водилъ изъ орды окаянныхъ Татаръ на Русь, на погибель христіанству. Но любопытно, что соперникъ его Юрій московскій остается въ тѣни и не на него направлено тверское негодованіе автора. Юрій съ низовскими князьями—орудіа Татаръ, невольныя жертвы ордынской жадности и особенно треклятаго Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношеніе тѣмъ болѣе любопытно, что Москва въ началѣ XIV в. не была еще окружена въ глазахъ общества блескомъ, прикрывавшимъ многое, и самъ авторъ не скрываетъ подробностей, несогласныхъ съ его отноше-

пьемъ къ дѣйствующимъ лицамъ разсказа. Увидѣвъ брошенное белъ одежды тѣло Михаила, Кавгадый «съ яростью» обратился къ Юрію: вѣдь онъ братъ тебѣ старшій, все равно что отецъ, зачѣмъ лежить такъ его тѣло? Послѣ убійства и русскіе князья съ боярами, въ одной вежѣ съ ордыпскими, пили вино и хвастались, какую кто вину выдумалъ на пострадавшего князя.

Одинъ грамотей, составлявшій лѣтописный сборникъ въ первой половинѣ XVI в., чувствуя неполноту своего изложенія и свое неумѣніе сочинять новѣсти и украшать ихъ премудрыми словами, извинялъ себя тѣмъ, что онъ не кіянинъ родомъ, ни новгородецъ, ни владимірецъ, но ростовскій поселянинъ ¹⁾. Если эта оговорка указываетъ главнѣйшіе центры книжнаго просвѣщенія въ древней Руси, то любопытно отсутствіе среди нихъ Москвы. Ее не можемъ занести и въ число городовъ, оставившихъ жизнеописанія своихъ мѣстныхъ политическихъ или церковныхъ дѣятелей до половины XIV в. Даже пророкъ и одинъ изъ основателей ея политическаго величія не нашелъ себѣ въ ней русскаго жизнеописателя.

Современникъ митр. Петра и первый его жизнеописатель, ростовскій еп. Прохоръ былъ довольно извѣстнымъ лицомъ въ свое время и въ мѣстной памяти по смерти. Съ его именемъ связана поэтическая легенда объ основаніи Толгскаго монастыря въ 1314. Еще игуменъ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, онъ присутствовалъ на переяславскомъ соборѣ вмѣстѣ съ своимъ епархіальнымъ ростовскимъ архіереемъ Симеономъ и скорѣе потомъ занялъ мѣсто послѣдняго ²⁾. Въ 1319 г. Прохоръ ѣздилъ

¹⁾ П. С. Р. I. XV, 142.

²⁾ Время этого собора не опредѣлено точно; преосв. Макарій предполагаетъ его не позже 1311 г. (Ист. Р. Ц. IV, 18); другіе даже въ 1313. Съ большою точностью относятъ его архіеп. Филаретъ ко второй половинѣ 1310, основываясь на томъ, что патр. Аванасій, своимъ посланіемъ возбудившій этотъ соборъ, отказался отъ каведры въ началѣ 1311 и въ томъ же году

въ Тверь мирить ея князей съ Юріемъ московскимъ, въ 1325 г. съ митр. Петромъ хоронить въ Москвѣ убитаго Юрія, въ августѣ 1327 г., уже по смерти Петра, освящая тамъ же заложенный послѣднимъ успенскій соборъ, а подъ 7 сент. слѣдующаго года лѣтопись говоритъ уже о смерти его самого ¹⁾). Это указываетъ приблизительно на время составленія житія. Разборъ внѣшняго вида его даетъ основаніе для болѣе точнаго опредѣленія. Трудъ Прохора, скоро встрѣтившій сильнаго соперника въ сочиненіи Кипріана, сохранился въ немногихъ спискахъ, въ которыхъ однакъ текстъ его отличается обиліемъ вариантовъ и замѣтными неправильностями ²⁾). Рядомъ съ описками, обычными у писцовъ, встрѣчаемъ варианты, объясняющіе судьбу текста. Когда во владимірскомъ соборѣ объявили о чудесахъ Петра, совершившихся въ Москвѣ вскорѣ по смерти его, по однимъ спискамъ, «почудися в. кн. Александръ Михайловичъ и весь народъ, иже бѣ въ соборѣ» ³⁾; другіе вмѣсто Александра, дѣйствительно бывшаго тогда (въ нач. 1327) великимъ княземъ, ставятъ великаго князя Ивана (Калиту), противрѣча собственному разсказу, что кн. Иванъ, описавъ эти

и. Прохоръ сталъ епископомъ (Р. Свят. дек., стр. 578). Въ русскихъ лѣтописяхъ есть болѣе точныя указанія, подтверждающія это предположеніе. Зной 1310 г., послѣ крещенія, митр. Петръ пріѣхалъ въ Брянскъ и пребылъ тамъ до первыхъ чиселъ апрѣля. Одна лѣтопись сохранила извѣстіе, что Петръ посвящалъ Прохора во епископа 21 марта 1311 г., въ Тверь, съ епископомъ которой только что примирился. П. С. Лѣт. XV, 408.

¹⁾ П. Г. Лѣт. XV, 412; VII, 199—201.

²⁾ По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ четырехъ намъ извѣстныхъ списковъ нельзя назвать исправнымъ и особенно впечатанный преосв. Макаріемъ изъ софійскаго сб. XVI в. (Ист. Р. Ц. IV, 308). Въ рукописяхъ намъ удалось найти только три списка: XV—XVI в. въ синод. сб. № 556, л. 201, XVI в. въ сб. Унд. № 565, л. 42 и солов. № 805, л. 84, съ надписью: „твореніе Прохора, еп. ростовскаго“.

³⁾ По синод. и Унд.

чудеса. послалъ свитоку въ Владимірѣ для прочтенія въ соборѣ, глѣд. не поѣхалъ самъ. Авторъ житія упоминается въ немъ по всѣмъ спискамъ въ формѣ, принадлежащей перу писца, а не автора: на переяславскомъ соборѣ является «преп. иг. Прохоръ», свитоку въ чудесахъ читаетъ во Владимірѣ «преп. еп. Прохоръ». Происхождение этой послѣдней поправки объясняется церковнымъ употребленіемъ, какое получилъ трудъ Прохора и на которое указываетъ его заглавіе по софійскому списку: «преставленіе Петра митр. всея Руси; а се ему чтеніе», т. е. чтеніе въ церкви на 6-ой пѣсни канона святителю. Этимъ же объясняются отчасти многочисленные варианты въ концѣ житія и между ними одинъ, для насъ болѣе другихъ любопытный. Прохоръ ничего не говоритъ о преемникѣ Петра Θεогностѣ, пріѣхавшемъ на Русь въ тотъ же годъ, когда умеръ Прохоръ. Описание оглашенныхъ во Владимірѣ чудесъ святителя заканчивается по софійскому и соловецкому спискамъ словами, обѣщающими конецъ житія: «ты же, св. святителю, памъ испроси грѣховъ оставленіе».... Но житіе оканчивается какъ будто припиской и по видимому не договоренной: «И се пакы ино знаменіе его: создана бысть церкви въскорѣ милостью св. Богородица и Божія угодника, св. святителя Петра митр., а сътвореніе в. ки. Ивана». Одинъ списокъ, наиболѣе исправный, какъ будто чувствуя, что эта приписка не на мѣстѣ, ставитъ ее передъ заключительнымъ обращеніемъ къ святому, передѣлывая послѣднее для чтенія въ церкви на праздникъ святаго ¹⁾). Въ этой припискѣ можно подозрѣвать намекъ на то, что житіе написано до окончанія и освященія угленскаго собора въ Москвѣ (въ августѣ 1327 г.), глѣд. вскорѣ по прочтеніи авторомъ во владимірѣ.

¹⁾ Узд. л. 47: „И се пакы ино знаменіе: создана бысть церковь та въскорѣ милостью св. Богородица. Ты же, святителю Петре, испроси грѣховъ оставленіе празднующимъ любовію память твою, да твоими молитвами сподобимся пріяти жизнь пѣчную о Христвѣ І. Господѣ нашемъ“.

мирскомъ соборѣ свѣтка о чудесахъ Петра. Эти очевидные слѣды передѣлки не позволяютъ съ увѣренностью говорить о первоначальной литературной формѣ труда Прохора. Въ существующемъ его видѣ это — совершенно проложное житіе, изложенное въ сухомъ, сжатомъ разсказѣ. Въ немъ можно отмѣтить нѣкоторыя новыя черты житейнаго стиля, любопытныя въ русскомъ памятникѣ, несомѣнно получившемъ теперешній видъ еще въ первой половинѣ ХІV в., вслѣдствіе того, что митр. Феогностъ, какъ разсказываетъ Кипріанъ, получивъ отъ цареградскаго патріарха разрѣшеніе (въ 1339) почитать память святителя пѣснями священными и славословіями, установилъ « праздникъ свѣтелъ святому ». Прохоръ мало зналъ о жизни Петра на югѣ: онъ упоминаетъ объ его отцѣ Теодорѣ, но не можетъ назвать ни матери его, ни мѣста рожденія святаго, ни монастыря, гдѣ постригся Петръ. Поэтому можно не предполагать особенныхъ источниковъ для его извѣстій, что Петръ началъ учиться грамотѣ 7 лѣтъ и постригся 12 лѣтъ, ибо эти обычныя черты, по примѣру греческихъ житій, вставлялись въ нашихъ, когда не были точно извѣстны дѣйствительныя ¹⁾. Но даже въ позднихъ спискахъ труда Прохора не замѣтно чертъ, внесенныхъ подъ вліяніемъ сочиненія Кипріанова: въ разсказѣ с свѣтительствъ Петра Прохоръ приводитъ извѣстія, какихъ нѣтъ у Кипріана; «градъ славный зовомый Москва», по выраженію послѣдняго, у перваго не болѣе какъ «градъ честенъ кротостію».

Изъ всѣхъ разобранныхъ выше житій съ ихъ редакціями можно набрать десятокъ, достовѣрно или вѣроятно написанный до XV в. Одно изъ нихъ (Авраамія смоленскаго) вполне отличается уже искусственнымъ складомъ, позже усвоеннымъ сѣ-

¹⁾ Незвѣстенъ источникъ замѣтанъ въ одной статьѣ XVI в., что отецъ Петра звался Іаковомъ, а мать Еапраксіей. Опис. Рум. Муз., стр. 514. Кипріанъ знаетъ объ этомъ не больше Прохора.

верной агіографіей, и выше указанъ источникъ этого исключительнаго явленія. Другое житіе (А. Певскаго) — своеобразный, не повторившійся въ древнерусской литературѣ опытъ житія, чуждаго приемовъ житейнаго стиля. Остальныя житія, различаясь между собою свойствомъ источниковъ и фактическаго содержанія, представляютъ нѣсколько общихъ типическихъ чертъ: они писаны для церковнаго употребленія или по крайней мѣрѣ имѣли его, нѣкоторыя несомнѣнно, другія вѣроятно; потому всѣ они имѣютъ характеръ проложной записки, или «памяти» о святомъ, отличаюсь сухимъ, сжатымъ рассказомъ, скудно оживляемымъ рѣчью дѣйствующаго лица или библейскимъ заимствованіемъ; въ нихъ замѣтно уже зарожденіе условныхъ біографическихъ чертъ и приемовъ, составившихъ реторику житій позднѣйшаго времени; но вопреки ей всѣ они, не исключая и двухъ указанныхъ, имѣютъ въ основѣ своей извѣстную исторіографическую задачу, ставя на первомъ планѣ фактическое содержаніе житія и не обращая его въ матеріалъ для церковной проповѣди или нравственно-реторическаго разсужденія. Таковы происхождение и первоначальный видъ древнерусской агіографіи на сѣверѣ.

ГЛАВА III.

Кирилій и Епифаній.

Съ XV вѣка развитіе изслѣдуемой отрасли древнерусской литературы замѣтно принимаетъ иное направленіе. Съ одной стороны усиливается постепенно производительность въ этой отрасли; съ другой—въ ней выработывается новый характеръ, взмѣняющій отношеніе къ ней историка. Для большинства но-

мытъ житій преданіе перестаеъ быть не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ; въ то же время начинаютъ переработывать прежде написанныя житія; развивается особый литературный взглядъ, подъ вліяніемъ котораго составляются новыя житія и новыя редакціи старыхъ, найденныхъ неудовлетворительными. Съ этого времени въ житіяхъ получаютъ господство искусственныя литературныя приемы, устанавливаются сложныя правила и условія; сказаніе о святомъ уже не ограничивается простой исторической задачей сохранить о немъ память въ потомствѣ, но ставитъ на первомъ планѣ другія цѣли. Эти приемы и цѣли не только устанавливаютъ въ житіяхъ особую точку зрѣнія, извѣстный условный взглядъ на описываемыя явленія, но и опредѣляютъ въ нихъ самый выборъ содержания, которымъ можетъ пользоваться историкъ. Если это содержаніе вообще становится гораздо богаче въ сравненіи съ житіями предшествующаго времени, то примѣсь постороннихъ, неисторическихъ элементовъ даетъ ему особую, условную оболочку, которую предварительно долженъ снять съ него историкъ. Это направленіе развивалось въ сѣверной агіографіи подъ иноземнымъ южно-славянскимъ вліяніемъ, проникавшимъ въ нашу литературу двумя путями. Съ юга усиливается въ сѣверной Руси наплывъ славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ, послужившихъ образцами и пособіями для изложенія житій въ новомъ направленіи; въ то же время, въ слѣдъ за письменными памятниками юга, появляются пришлые оттуда же литературныя таланты, которые даютъ нашей литературѣ первые опыты этого искусственнаго изложенія.

Если тотъ составъ, въ какомъ сохранилась древнерусская письменность, можетъ служить отраженіемъ дѣйствительнаго книжнаго движенія въ древней Руси, то съ XV в. въ немъ обнаружилось замѣтное оживленіе, по крайней мѣрѣ въ письменности житій. Количество греческихъ житій, переведенныхъ то-

гда или прежде, достигаетъ значительной цифры и русскіе списки ихъ размножаются. Встрѣчаемъ любопытное указаніе на движеніе этой письменности: въ 1431 г. русскій шнокъ списываетъ на Аѳонѣ до 20 житій и похвальныхъ словъ святымъ въ славянскомъ переводѣ, и вскорѣ, по волѣ игумена Троицкаго Сергіева монастыря, этотъ сборникъ переписывается въ Россіи ¹⁾. Впрочемъ, не въ этихъ переводныхъ житіяхъ можно найти главный источникъ, изъ котораго указанное направленіе русской агіобіографіи съ XV в. почерпнуло свои особенности. Нѣкоторыя изъ этихъ житій — пространныя біографіи съ искусственнымъ составомъ, который могъ служить образцомъ для нашихъ писателей; таковы житія Нифонта, Евѳимія Великаго Макарія Егинетскаго, Аонасія Аѳонскаго, довольно часто встрѣчающіяся въ нашихъ спискахъ XV в., также житія Антонія Великаго и Панкратія, переведенныя по порученію Іоанна, экзарха болгарскаго, и др. Но какъ эти, такъ и масса остальныхъ, краткихъ и простыхъ по составу переводныхъ житій остаются болѣе вѣрны историческому изложенію, междѣ вносятся въ него другихъ литературныхъ элементовъ, нежели болышинство нашихъ съ XV в. Сборники, вообще довольно вѣрно отражавшіе характеръ и движеніе древнерусской письменности, и для разсматриваемаго явленія указываютъ другой болѣе прямой и широкій источникъ. Не внося въ свое изслѣдованіе вопроса о распространеніи и вліяніи южно-славянской письменности у насъ въ XIV — XV в., мы отмѣтимъ въ немъ одну черту, важную по отношенію ея къ развитію русской агіобіографіи съ XV в. Достаточно разсмотрѣть составъ нѣсколькихъ нашихъ сборниковъ XV в., чтобы замѣтить, что преобладающій элементъ въ немъ составляютъ церковно-поучительныя произведенія: слова и поученія на церковные праздники всего болѣе переписыва-

¹⁾ Сб. Тр. Серг. Л. XV в. № 746, л. 336.

лись и слѣдовательно читались; даже житія святыхъ встрѣчаются между ними рѣже; за то значительную долю этой церковно-поучительной литературы составляютъ похвальные слова и поученія на праздники святыхъ; въ десяткѣ торжественниковъ ихъ не трудно набрать до полусотни. Здѣсь встрѣтятся наиболѣе извѣстныя ораторскія имена восточной церкви: Василія Великаго, Афанасія александрійскаго, Іоанна Златоуста, Прокла константинопольскаго, Козмы Веститора и друг.; значительную группу составляютъ оригинальныя славянскія произведенія въ этомъ родѣ; принадлежанія перу двухъ южныхъ славянскихъ проповѣдниковъ, Климента, епископа веллчскаго, и Григорія Цамблака; этотъ послѣдній одинъ написалъ болѣе 10 похвальныхъ словъ и поученій на праздники святыхъ, которые скоро и сплывно распространились въ древнерусской письменности. Сборники такого состава замѣтно размножаются съ XV в. въ нашей письменности. Этой церковно-ораторской литературѣ мы приписываемъ гораздо большую долю участія въ выработкѣ искусственнаго агіобіографическаго стиля у насъ, чѣмъ переводнымъ греческимъ житіямъ: изъ нея составители древнерусскихъ житій широкій рукой черпали литературныя приемы для украшенія своего разсказа; здѣсь всего легче подобрать цитаты для заимствованій, которыя дословно или въ легкомъ перифразѣ переносили они такъ часто въ свои творенія. Подъ вліяніемъ узаконенныхъ похвальныхъ словъ святымъ молитва, или краткая похвала, которой заканчивается иногда разсказъ въ древнѣйшихъ сѣверныхъ житіяхъ, стала отдѣляться отъ него въ позднѣйшихъ, принимая форму особой, иногда очень длинной статьи и сдѣлавшись необходимой частію житія; дѣйствіе тѣхъ же похвальныхъ словъ, переняющихъ ораторское прославленіе святаго съ чертами его біографіи, измѣнило характеръ и самаго фактическаго изложенія въ нашихъ житіяхъ, приближая его къ мысли и тону церковнаго панегирика.

Одновременно съ этимъ вліяніемъ являются у насъ писатели которые даютъ первые литературные образцы новаго агіобіографическаго стили, примѣняя его къ жизнеописаніямъ русскихъ святыхъ; ихъ можно назвать творцами новой агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ или по крайней мѣрѣ ея первыми мастерами. Это были сербы Кипріанъ и Пахомій Логоветъ; между ними почетное мѣсто занимаетъ русскій писатель Епифаній. Для исторіи этого новаго направленія характеристично, что оно обнаруживается прежде всего въ переработкѣ русской біографіи, написанной за нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде, — житія митрополита Петра.

Московская память отнеслась безъ горечи къ Кипріану: положивъ забвеніе на смутныя событія первой половины его святительства, въ которыхъ онъ не всегда игралъ роль невольной жертвы, она сохранила полезную дѣятельность пастыря «велими книжнаго и духовнаго, всякаго благаго любомудрія и божественнаго разума исполненнаго», какъ называетъ его московскій біографъ. Составленное имъ житіе митрополита Петра стало любимымъ чтеніемъ древней Руси и переписывалось съ большимъ усердіемъ. Даже въ народномъ преданіи онъ не прошелъ безслѣдно: ужь въ XV в. на Руси ходило сказаніе о страшныхъ слѣдствіяхъ, какія имѣло неблагословеніе Кипріана для одного литовскаго хозяина, къ которому на пути захватилъ митрополитъ ¹⁾. Кипріанъ не указываетъ въ числѣ сво-

1) Въ сб. Кирилло-бѣлозерск. монастыря 2-й половины XV в., по списку арх. Варлаама въ Уч. Зап. 2-го Отд. П. Ак. Наукъ, кн. V. стр. 17. Изъ многочисленныхъ списковъ Кипріанова житія Петра древнѣйшій намъ извѣстный въ синод. сб. 1459. г № 637, л. 149—174; другой XV в. въ сб. Унд. № 560, л. 92—98. Но здѣсь въ разсказѣ о перенесеніи собора, о преставленіи Петра и въ другихъ мѣстахъ есть пропуски и сокращенія, восстановленныя въ сп. Макара. ч. яви. (по усп. си.), дѣл. стр. 927—938 и 947—948 (листы пережѣваны). См. также синод. сб. № 555,

ихъ источниковъ на житіе, написанное до него ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, а замѣчаетъ только въ предисловіи, что задумалъ написать, «елико отъ сказатель слышахъ». Но онъ несомнѣнно пользовался сочиненіемъ Прохора: легко замѣтить, что послѣднее служило программой для книжнаго Серба, но которой онъ подробнѣе и другимъ литературнымъ стилемъ, но совершенно въ томъ же порядкѣ рассказываетъ событія; притомъ Кипріанъ, нигдѣ не списывая у Прохора, удержалъ однакожь въ своемъ изложеніи нѣсколько отдѣльныхъ его оборотовъ и выраженій. Кипріанъ могъ найти трудъ Прохора неудовлетворительнымъ какъ въ фактическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи: нѣкоторыя черты жизни святителя, извѣстныя Кипріану, опущены у ростовскаго епископа; другія изложены епископомъ кратко на взглядъ митрополита и не освѣщены съ надлежащихъ сторонъ; притомъ Прохоровское житіе—сухой рассказъ современника, тогда какъ отношеніе послѣдующихъ поколѣній къ великому московскому святителю и книжныя понятія самого Кипріана требовали иной формы для литературнаго изложенія его дѣяній. Новые черты, внесенныя Кипріаномъ въ біографію, обнаруживаютъ оба мотива, имъ руководившіе. Онъ прибавляетъ извѣстіе о волинскомъ проношеніи Петра, о состояніи Волыни при Петрѣ и въ его, Кипріаново время, о замыслѣ волинскаго князя, пославшаго Петра въ Царьградъ ставиться въ митрополита, о чемъ умалчиваетъ Прохоръ. Эти волинскія извѣстія вынесены Кипріаномъ изъ продолжительнаго пребыванія въ южной Руси; но у него есть новыя черты и въ описаніи жизни Петра на сѣверѣ: онъ упоминаетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ на сѣверѣ принять Петра, о чемъ также нѣтъ ни слова у Прохора; гораздо подробнѣе

л. 380. Въ томъ же спис. сб. № 637, л. 88—101, служба на преставленіе Петра, составленная Кипріаномъ.

последняго описываетъ переяславскій соборъ, на которомъ, по его разсказу, дѣйствовала противъ Петра цѣлая партія «иноковъ, священниковъ, килзей и бояръ», шумно враждовавшихъ на Петра; приводитъ рѣчь митрополита къ собору, утишившук смятеніе ¹⁾); далѣе вставляетъ знаменитое пророчество Петра Іоанну Калитѣ о Москвѣ и прибавляетъ извѣстіе объ установленіи празднованія Петру преемникомъ его Θεогностомъ, до чего не дожилъ Прохоръ. Съ другой стороны, въ Кипріановской біографіи впервые на сѣверѣ является искусственный стили житій въ полномъ развитіи, со всѣми своими особенностями. Преданіе о видѣніи матери предъ рожденіемъ Петра, записанное Прохоромъ, Кипріанъ не только воспроизводитъ съ новыми чертами, но и прибавляетъ къ нему новое, не разъ повторенное въ другихъ житіяхъ, о чудесномъ дарованіи отроку уснѣха въ книжномъ ученіи; подвижничество въ монастырѣ, гдѣ пострѣлся 12-ти-лѣтній Петръ, настоятельство въ основанной имъ обители на Ратѣ описаны тѣми стереотипными чертами, какія съ того времени твердо усвоила себѣ сѣверная агіобіографія; разсказъ начатъ витиеватымъ предисловіемъ, обильно украшенъ вводными разсужденіями и законченъ краткимъ, не столь же краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ святому. Это предисловіе, похвальное слово и многорѣчивыя нефактическія отступленія, прерывающія разсказъ, стали образцами для позднѣйшихъ писателей житій, которые заимствовали у Кипріана не только ихъ литературную форму, но и мысли, въ нихъ вы-

¹⁾ Мллар. ч. иин. дек., стр. 933: «толика бо можа бысть (на соборѣ) яко бжгъ не безжѣство что бысть на ближнего; и пакы между собой иноци и спяционница, князи и вельможи о зввочъ обогатил на св. Петр: вражду и муще вражшнхъ наущеніемъ, выше же мнози православные храженіемъ св. Духа по св. митрополитѣ поборающе, той же Андрей еи тварьсый, на томъ соборѣ бжше помраченъ лцемъ и умомъ, и проч. Это мѣсто обыкновенно опускается въ другихъ спискахъ, что мѣшаетъ ясному и точному представленію событія.

сказанныя. Наконецъ ясно заявлена Кипріаномъ главная литературная задача житія, усвоенная поездѣйшими агіобіографами: «праведнику подобаетъ похвала, говоритъ авторъ въ предисловіи, и я, привлекаемый любовію къ пастырю, хочу малое нѣкое похваленіе принести святителю». Съ этой стороны объясняется замѣчаніе Кипріана въ предисловіи: «неправедно судихъ таковаго свитителя вѣнецъ не украсень пѣкако оставити, аше и прежде насъ бывшии самохотіемъ преминуша». Онъ зналъ грѣшъ Прохора, но прилагая къ его простому и сухому разсказу высокую задачу агіобіографа, могъ сказать, что вѣнецъ великаго святителя не имѣлъ въ немъ достойнаго украшенія. Впрочемъ не одно литературное похваленіе святаго предшественника имѣлъ въ виду Кипріанъ, составляя его біографію; въ послѣдній послѣдней участвовали и нѣкоторыя практическія побужденія: она была отвѣтомъ на многіе тревожные вопросы времени, силу которыхъ не разъ пришлось почувствовать самому автору. Установленіе въ Москвѣ государственнаго центра, къ которому начала тяготѣть сѣверовосточная Русь, уже въ XIV в. сказалось важными затрудненіями въ русской церковной жизни: съ одной стороны положеніе русской церковной іерархіи между ея высшимъ авторитетомъ въ Царьградѣ и свѣтской властью дома, съ другой—церковное положеніе различныхъ частей Руси, политически раздѣлившихся, — всѣ эти отношенія стали запутываться и требовать новыхъ опредѣленій. Митрополитъ кіевскій и вся Русь живетъ уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ; Кіевъ уже не тянетъ къ себѣ Руси ни княземъ ни митрополитомъ; Москва далеко еще не тянетъ къ себѣ всей Руси княземъ, но тянетъ ее митрополитомъ; послѣдній, основавшись въ Москвѣ, радѣетъ здѣшнему князю; за это жалуются на него патріарху и тверской и литовскій, просятъ себѣ особаго митрополита, галицкій (съ 1340 г. король польскій) особаго. Въ Москвѣ заводится обычай выставлять своего русскаго

кандидата на митрополию въ ущербъ избирательному праву царградскаго патріарха съ его соборомъ; избраникъ московскаго князя Митяй по смерти св. Алексія колеблеть другое право — посвящать избраннаго на русскую митрополию, настанвая на правѣ собора русскихъ епископовъ дѣлать тоже, и съ нимъ соглашались князь, бояре и многіе епископы. Попавъ въ эту путаницу интересовъ въ качествѣ примирителя, уполномоченнаго патріархомъ, Кирианъ дѣйствуетъ въ его духѣ, хотя вопреки его инструкціи: не всегда разборчиво пользуясь обстоятельствами, онъ выступаетъ кандидатомъ на южно-русскую митрополию, орудіемъ и поборникомъ тамошнихъ церковныхъ сенартистовъ, но ставъ кievскимъ митрополитомъ, самъ стремится къ возсоединенію церкви подъ своею властію, дѣйствуетъ противъ своихъ соперниковъ, обвиняя московскаго же князя въ намѣреніи двоить митрополию ¹⁾, и утвердившись въ Москвѣ, вмѣшивается въ дѣла галицкой митрополіи, не воссоединившейся съ кievской, за что получаетъ выговоръ отъ патріарха. Кирианъ вынесъ изъ борьбы ея обычные пріобрѣтенія: враговъ, горькія воспоминанія, раздраженіе и потребность оправдаться, объяснить свои дѣйствія. Самое удобное средство для послѣдняго представляла жизнь митрополита Петра. Святитель, котораго вся Русь призывала въ молитвахъ, прошелъ черезъ тѣ же смуты русской церковной жизни, отъ которыхъ нравственно и матеріально потерпѣлъ Кирианъ. Разсказать объ этомъ значило для Кириана стать подъ защиту великаго имени, осудить враждебныя стремленія и избѣгнуть необходимости разбирать собственныя дѣйствія, о которыхъ хотѣлось молчать. Кириану не удалось возвратити Галичъ русской митрополіи, и рассказывая о цѣли отправления Петра въ Царьградъ, онъ за-

¹⁾ См. посланія Кириана въ Прав. Соб. 1860 г. II. 99 и 104. Здѣсь откровенно высказаны тѣ же тенденціи, которыя потомъ облечены были въ форму біографіи митрополита Петра.

жѣзветъ, что князь волышскій «совѣщааетъ совѣтъ неблагоу», захотѣлъ галицкую епископію въ митрополію обратити; Киприанъ много потерпѣлъ, благодаря избраннику московской свѣтской власти Митяю, и онъ рѣзко выражается о дерзкомъ со-верникѣ Петра, вгуменѣ Геронтіѣ, такъ же избранникѣ свѣтской власти, котораго никто не удерживалъ отъ такого «безсловесія» и патріарха заставляетъ напомнить ему церковныя правила о незаконности мірскаго избранія или самовольнаго по-святительства на святительскій престолъ; когда, рассказываетъ Киприанъ, пріѣхалъ я на Русь въ санѣ русскаго митрополита, «мало что съпротивно прилучи ми ся ради моихъ грѣховъ», т. е. его долго отвергали въ Москвѣ и не разъ сурово изгнали, — в рассказывая о пріѣздѣ Петра на Русь въ санѣ митрополита, онъ замѣчаетъ, что ископный врагъ «малу спону святому сътвори», внушилъ *нѣкоторымъ* нежеланіе принимать его, но они скоро образумились и покорились ему смиренно. Никогда еще яснѣе просвѣчиваетъ изъ-подъ пера Кипріана мысль его — стать подъ сѣнью памяти Петра: если до него, какъ высказываетъ онъ въ предисловіи, оставили вѣнецъ святителя безъ достойнаго украшенія, то и въ этомъ видитъ онъ особый даръ святаго ему, Кипріану, чтобы онъ, стоящій на его мѣстѣ и взирающій на его гробъ, получалъ малую мзду отъ Бога, достойно почтивъ память святаго предшественника: «когда, говоритъ онъ въ послѣсловіи, я заболѣлъ въ Царьградѣ и былъ близокъ къ смерти, я призвалъ на помощь св. Петра, молясь ему: если угодно тебѣ, чтобы я достигнулъ твоего престола и поклонился гробу твоему, облегчи болѣзни мои, — и вѣрѣте мнѣ, съ того часа исчезли тяжкія болѣзни и я пришелъ и поклонился гробу угодиша.» Эта мысль труда Кипріана объясняетъ, почему онъ и не упомянулъ объ отношеніи Петра къ ордѣ, его пастырскую дѣятельность изобразилъ короче Прохора и вовсе опустилъ извѣстіе послѣдняго объ архимандритѣ

Феодоръ, котораго Петръ при жизни избралъ себѣ преемникомъ: все это не относилось прямо къ его цѣли, а послѣднее даже противорѣчило ей, какъ московское нарушение избирательнаго права патріарха. Трудно опредѣлить съ точностію, когда написано житіе. Въ послѣсловіи Кипріанъ упоминаетъ о приѣмѣ, сдѣланномъ ему «съ радостію и честію великою» великимъ княземъ Димитріемъ Иваповичемъ (1381); мысль житія и осторожность, съ какою выражается оно о неприятномъ Кипріану свѣтскомъ вмѣшательствѣ въ дѣла церкви, также показываютъ, что Кипріанъ писалъ его уже по окончаніи церковной смуты, примирившись съ московскимъ княземъ. Но въ первый разъ Кипріанъ прожилъ въ Москвѣ недолго, годъ съ небольшимъ и не совсѣмъ спокойно: въ 1382 г. онъ опять и надолго былъ изгнанъ. Записка о его жизни говоритъ, что житіе Петра написано въ подмосковномъ митрополичьемъ селѣ Голенищевѣ, на досугѣ, среди другихъ книжныхъ работъ Кипріана¹⁾. Вернувшись въ Москву въ 1390 г., онъ нѣсколько лѣтъ былъ занятъ церковными дѣлами и поѣздками по митрополіи и только съ 1397 (до 1404) настало для него вполнѣ спокойное и досужее время, къ которому, повидимому, и относится приведенное извѣстіе. Въ самомъ житіи есть намекъ на то, что оно писано среди другихъ литературныхъ трудовъ и замысловъ автора²⁾.

Около того времени, когда Кипріанъ въ Голенищевѣ трудился надъ житіемъ митрополита Петра, въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ инокъ Епифаній взялся за перо, чтобы приготовить

¹⁾ Милют. ч. мин. сент., л. 554—561: «Связаніе вкратцѣ о премудроствѣ Кипріанѣ митрополитѣ».

²⁾ Въ послѣсловіи, сказавъ о смерти заточеннаго повровителя своего патріарха Филовея, Кипріанъ замѣчаетъ (по сл. житія въ Мил. ч. Мин. дек., стр. 947): „и пакы о семь блаженнемъ патріархѣ индѣ скажемъ.“ Въ другихъ спискахъ это замѣчаніе опущено. Труды Кипріана во всѣ приведены въ извѣстность; неизвѣстно, гдѣ исполнялъ онъ свое общаніе о Филоевѣ.

матеріалы для біографіи своего учителя, преподобнаго Сергія. Блестящій русскій писатель начала XV в., представитель книжнаго образованія своего времени, Епифаній перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ премудраго. Происхожденіе его неизвѣстно. Въ похвалѣ, которой заканчивается житіе Стефана пермскаго, авторъ обращается къ святому съ словами: «помню, ты очень любилъ меня; при жизни твоей и досаждалъ тебѣ, прерирался съ тобою о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ писанія или о строкѣ». Рассказывая о жизни Стефана въ ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова, Епифаній пишетъ, что Стефанъ, прилежно читая святыя книги, любилъ останавливаться на каждомъ стихѣ, чтобы выразумѣть его смыслъ, и встрѣтивъ мужа книжнаго и мудраго, «ему совопросникъ и собесѣдникъ бѣаше, и съ нимъ соводворяшеса и обществоваша и утреваша, распытая шцемыхъ скоропытиѣ». Отсюда заключаютъ, что Епифаній жилъ въ одномъ монастырѣ съ Стефаномъ. Въ предисловіи къ житію онъ говоритъ, что о Стефанѣ онъ знаетъ иное какъ очевидецъ, другое изъ многократныхъ бесѣдъ съ самимъ Стефаномъ, а объ остальномъ спрашивалъ «старыхъ мужъ»; въ житіи онъ иногда называетъ святаго своимъ учителемъ. Это, по видимому, указываетъ, что Епифаній былъ младшій современникъ Стефана. Ниже увидимъ, что рассказъ о томъ, какъ Стефанъ готовился въ ростовскомъ монастырѣ къ проповѣди, изложенъ Епифаніемъ сбивчиво: можно думать, что онъ пришелъ въ этотъ монастырь гораздо позже Стефана, не задолго до ухода его на проповѣдь, т. е. до 1379 г., еще въ молодыхъ лѣтахъ, и вскорѣ перешелъ въ другой монастырь — къ преподобному Сергію. Пахомій въ послѣсловіи къ житію Сергія называетъ Епифанія ученикомъ послѣдняго, жившимъ «много лѣтъ, паче же отъ самого возраста юности» вмѣстѣ съ святымъ. Но сношенія обоихъ друзей не прекратились и по уходѣ Стефана на апостольское дѣло. Изъ Епифаніевскаго житія

Сергий вѣдѣ, что епископъ Стефанъ, въ побѣдахъ своихъ изъ Перми въ Москву, обыкновенно заѣзжалъ къ Сергію, въ лаврскій на пути монастырь его; здѣсь будущій биографъ пермскаго просвѣтителя слушалъ его рассказы о Перми и ея обращеніи къ христіанству; въ похвалѣ своей Стефану онъ сѣтуетъ, что не присутствовалъ при еѣ кончинѣ и больше уже не увидится съ нимъ. Пахомій въ указанномъ мѣстѣ говорить еще, что Епифаній «бѣ духовникъ въ величѣй лаврѣ всему братству». Отсюда выводить, что Епифаній былъ отцомъ духовнымъ и Сергію; но онъ былъ еще молодъ для этого и при кончинѣ Сергія, по видимому, не имѣлъ и степени священника: по крайней мѣрѣ старыя русскія святы и иконописный подлинникъ начала ХVIII в., перечисляя учениковъ Сергія, называютъ Епифанія діакономъ ¹). Считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что послѣдній сталъ іеромонахомъ и духовникомъ обители уже по смерти Сергія. Говоря о Епифаніѣ, обыкновенно указываютъ еще черту его жизни, взятую изъ приписываемаго ему похвального слова Сергію, гдѣ авторъ намекаетъ на свое странствованіе въ Царьградъ, на Афонъ и въ Іерусалимъ ²). Для исторіи извѣстнаго литературнаго направленія на Руси XV в. было бы очень любопытно это извѣстіе объ одномъ изъ первыхъ его представителей, еслибы въ упомянутомъ словѣ не было и другихъ чертъ, обнаруживающихъ въ немъ участіе позднѣйшей руки, какъ увидимъ ниже. Есть хорошій списокъ этого слова по-

¹) Рук. Моск. дух. Ак. № 209. Ф. П. Буглаева—Очерки, т. II, 355.

²) Въ этомъ словѣ авторъ или редакторъ говоритъ о Сергіѣ, что онъ изъ своего монастыря «многочетное и многострадальное теченіе свое препроводи и укрѣпи, не исходя отиудъ отъ мѣста своего въ нѣкия предѣлы развѣи нужди иѣвма, не възсѣя царствующаго града, ни Св. Горы или Іерусалима, ижеже изъ океаннныи и лишанныи разума. Улютъ ииѣ, улыиѣ, ползая сѣмо и овамо и пролавая суду и олоуду и отъ мѣста на мѣсто преходя!» По списку 1505 г. въ рук. Тр. Серг. д. № 466. л. 382.

жов. XVI в., въ заглавіи котораго замѣчено: «твореніе инока Пахомія Святыя Горы»¹⁾). Можеть быть, это указываетъ въ Пахоміѣ не автора, а только позднѣйшаго редактора слова, которое въ такомъ случаѣ имѣло одинаковую судьбу съ житіемъ Сергія, написаннымъ Епифаніемъ, т. е. было дополнено вставками Пахомія. По крайней мѣрѣ форма, въ какой выражено приведенное извѣстіе похвального слова, очень идетъ къ страннической судьбѣ Пахомія, водившей его съ Афона въ Москву, оттуда въ Сергіевъ монастырь, въ Новгородъ, опять въ Москву, потомъ въ Гиріоловъ монастырь на Бѣлоозеро и опять въ Сергіевъ монастырь и въ Москву. Такимъ образомъ Епифаній стоялъ близко къ двумъ самымъ виднымъ дѣлателямъ въ русской церковной жизни второй половины XIV в. и могъ вынести обильный и надежный матеріалъ для ихъ біографій, а пребываніе въ двухъ монастыряхъ, богатыхъ средствами княжяго образованія, поставило его въ уровень съ тогдашними литературными требованіями агиографіи. Многочисленные тексты, приводимые Епифаніемъ въ обоихъ житіяхъ, показываютъ близкое знакомство его съ Св. Писаніемъ; по цитатамъ въ трудахъ его видно также, что онъ читалъ хронографы, палею, лѣтствию, патерикъ и другія церковно-историческіе источники, также сочиненіе черпорица Храбра Въ житіи Сергія онъ приводитъ выдержки изъ житій Аліпія и Симеона столпниковъ, Θεодора Сикеота, Еввимія Великаго, Антонія, Θεодора Едесскаго, Саввы Освященнаго, Θεодосія и Петра митрополита по редакціи Кипріана; наконецъ характеръ изложенія отличаетъ въ Епифаніѣ обширную начитанность въ

¹⁾ Рув. рукокод. въ моск. епарх. библ. № 606, л. 151. Въ книгѣ рукописи приписко: «сія книга княже Дмитресна Ивановича Пѣмого.» Это кн. Д. Ш. Оболенскій-Пѣмой, пострѣженный Грознымъ въ 1565 г.; о немъ въ обиходникѣ Іосифова волоколамьскаго мон. замѣчено: «дача по немъ государская, понеже неволею приведе его Богъ и государь во плочество.» Барамз. по изд. Эйверлянга, IX, прим. 144.

литературѣ церковнаго краснорѣчія. О житіи Сергія онъ самъ рассказываетъ, что принялся за его отдѣлку 26 лѣтъ спустя по смерти святаго, т. е. въ 1417 — 1418 г. Нѣтъ ясныхъ указаній на время, когда написано житіе Стефана: живость чувства скорби, сказывающагося въ похвалѣ Стефану, и нѣкоторыя выраженія въ ней дѣлаютъ вѣроятнымъ мнѣніе, что житіе написано вскорѣ по смерти епископа ¹⁾. Во всякомъ случаѣ оно старше житія Сергіева, написаннаго Епифаніемъ въ послѣдніе годы жизни: судя по тому, что въ послѣднемъ онъ не говоритъ объ обрѣтеніи мощей святаго въ 1421 г., онъ жилъ не долго послѣ 1418 г. ²⁾.

Лѣтописецъ XV вѣка замѣчаетъ въ концѣ краткаго некролога, который онъ приложилъ къ извѣстію о смерти Стефана: «естъ же отъ житія его и книги сложены, имущи тетратей съ двадцать; здѣ же мало вѣчто изрекохъ о немъ» ³⁾. Очеркъ

¹⁾ Пресп. — Макарія, Ист. Р. Ц. V, 231. Архіеп. Фазаретъ (Обзоръ I, 120) думаетъ, что житіе написано спустя годъ по смерти Стефана, скончавшагося въ 1396 г., а плачь церква норжской нѣсколько позже, — неизвестно, на какомъ основаніи.

²⁾ Въ житіи Сергія Епифаній дѣлаетъ намекъ еще на одинъ трудъ, повидимому задуманный имъ, хотя неизвестно, успѣлъ ли онъ его исполнить или нѣтъ. Въ разсказѣ о постриженіи Теодора, племянника Сергіева, бывшаго потомъ ростовскимъ архіепископомъ, замѣчено: „прочая же его дѣланія видѣи напашутся, яко убо много времени подобна требующа слово (синод. № 90, л. 58)“. Сохранившаяся біографія Теодора есть компиляція, составленная въ XVII в., въ которой не находятъ слѣдовъ существованія его дренняго житія. Списокъ ея въ синод. рук. 1723 г. № 580, л. 233—251.

³⁾ Этотъ некрологъ занесенъ въ лѣтописный сборникъ XVI в. (И. С. Р. Лѣт. VIII, 69—70), но въ такомъ видѣ, какой могъ быть данъ ему лѣтописцемъ XV в., «нынѣ въ послѣднее время седмиы тысящи, на остающномъ стѣ» и когда еще живы были «его житію и добродѣтели мнози свѣдѣтели.» Намъ не удалось найти житіе въ си. XV в.; даже въ XVI в. полные списки его рѣдки. Самый ранній намъ извѣстный списокъ начала XVI вѣка въ синод. ч. мин. до-маргарьевскаго состава, № 91, л. 650—777. Житіе издано въ Пам. стар. р. лѣт. IV, 119.

актописца составленъ по житію, написанному Епифаніемъ, которое по размѣрамъ своимъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ древнерусскихъ житій. Это произошло главнымъ образомъ отъ того, что Епифаній далъ въ своемъ трудѣ широкій просторъ какъ краснорѣчію своего пера, такъ и богатому запасу своей начитанности. Былъ ли онъ на Афонѣ и въ другихъ православныхъ центрахъ просвѣщенія или нѣтъ. — но онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему русской книжностью и въ совершенствѣ усвоилъ приемы образцовыхъ произведеній церковнаго витійства на славянскомъ языкѣ, переводныхъ или оригинальныхъ, которыя стали размножаться въ русской письменности съ его времени. По житію Стефана можно составить значительный лексиконъ тѣхъ искусственныхъ, чуждыхъ русскому языку по своему грамматическому образованію словъ, которыя вносила въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность ¹⁾). Риторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсыяны въ житіи съ удивительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ рассказывать и размышлять просто, но облакаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святаго онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они — разные ²⁾). Онъ самъ очень удачно характеризуетъ свое изложеніе, называя его «плетеніемъ словесъ». Столь же щедро разсыпаетъ онъ свою ученость въ обширныхъ экзегетическихъ или церковно-историческихъ отступленіяхъ, которыми часто прерываетъ его рассказъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ выписываетъ иногда 5, даже 8 текстовъ: на вопросъ, какими образомъ апостолы не достиг-

¹⁾ Наприм. *скоромычненіе, быстрость, доблоразумиченъ, умилительство* и т. под.

²⁾ Лам. стар. р. лвт. IV. 160 и 169.

ли пермской земли, онъ дѣлаетъ подробный очеркъ исторіи апостольской проповѣди и потомъ толкуетъ евангельскую притчу о наймѣ дѣлателей челоѣкомъ домовитымъ, примѣняя ее къ Пермьямъ; въ разсказѣ о построеніи Стефаномъ устьвымской церкви онъ останавливается на внутреннемъ смыслѣ факта, что она была освящена во имя Благовѣщенія, и изъясняетъ церковно историческое значеніе марта мѣсяца по палеѣ или другому подобному источнику. Въ повѣсти о борьбѣ Стефана съ пермскимъ вохвомъ Памомъ вставлено многословное богословское прѣпіе между ними, въ которомъ трудно отыскать дѣйствительныя историческія черты, сообщенныя Стефаномъ, и скорѣе можно видѣть полемическое разсужденіе самого автора въ формѣ діалога на тему о превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ. Встрѣчаемъ въ житіи цѣлую статью, составленную изъ текстовъ о призваніи язычниковъ въ христіанскую церковь; за этой статьёй слѣдуетъ другая, еще обширѣе, объ азбукѣ пермской, изобрѣтенной Стефаномъ, гдѣ, подражая монаху Храбру и пользуясь его сочиненіемъ, авторъ излагаетъ происхожденіе еврейскаго, эллинскаго и славянскаго алфавита и потомъ говоритъ о превосходствѣ славянскаго и пермской грамоты предъ эллинской. Наконецъ житіе завершается похвалой святому въ формѣ, обнаруживающей стремленіе къ художественности: въ трехъ статьяхъ («плачахъ») являются съ длинными монологами пермскіе люди, пермская церковь и біографъ, слѣдующіе о кончинѣ епископа, самъ Стефанъ, обращающійся къ Господу съ молитвою о церкви, и Господь, прославляющій пермскаго апостола. Такая оригинальная форма похвального слова безраздѣльно принадлежитъ одному Елифанію: ни въ одномъ греческомъ переводномъ житіи не могъ онъ найти ее и ни одно русское позднѣйшее, заимствуя отдѣльныя мѣста изъ похвалы Елифанія, не отважилось воспроизвести ея литературную форму. Вообще Елифаній въ своемъ твореніи больше проповѣд-

внѣ, чѣмъ біографъ, и въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ идетъ гораздо дальше Кипріяна. Историческій разсказъ о Стефанѣ въ потокѣ авторскаго витійства является скудными отрывками; собравъ ихъ, получимъ фактическое содержаніе, не соответствующее обильнымъ источникамъ, какими, повидному, располагалъ Епифаній и на которые онъ самъ указываетъ въ предисловіи. Младшій братъ Стефана по иночеству, онъ зналъ о немъ иное по слуху или «отъ старыхъ мужъ»; это, очевидно, относится къ первой порѣ жизни Стефана на родинѣ, въ Устюгѣ, и къ тѣмъ годамъ, которые онъ прожилъ въ ростовскомъ монастырѣ до вступленія сюда Епифанія. Другое «я своими очима видѣхъ», замѣчаетъ онъ о времени, проведенномъ вмѣстѣ въ монастырѣ. Потомъ ученики Стефана разсказывали ему о его учительствѣ и управленіи, т. е. о дѣятельности въ Перми: объ этомъ слышалъ онъ разсказы и отъ самого Стефана, встрѣчаясь съ нимъ во время своей жизни въ Сергіевомъ монастырѣ: на это, по нашему мнѣнію, намекаетъ Епифаній словами: «иное же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навѣкъ». Въ самомъ изложеніи Епифанія замѣтны слѣды этихъ бесѣдъ съ Стефаномъ: разсказъ о борьбѣ его съ волхвомъ заканчивается словами епископа, которыя біографъ запомнилъ изъ его разсказа объ этомъ: «преподобный же рече: рѣшѣніе же наше еже съ волхвомъ, въ немъ же мало не скончася надъ нами одно слово, глаголющее: проидохомъ сквозѣ огонь и воду и изведени въ покой; но обаче отшедшу волхву обрѣтохомъ покой». Свойство источниковъ отразилось на изложеніи Епифанія. Въ разсказѣ о проповѣди святаго въ Перми есть живыя черты, схваченныя прямо со словъ Стефана или его сотрудниковъ и оставленныя авторомъ въ нетронутомъ риторикой видѣ: успѣху проповѣди болѣе всего помогло разочарованіе Пермичъ въ своихъ страшныхъ, неприкосновенныхъ идолахъ, которые позволяли Стефану безнаказанно бить ихъ обухомъ въ лобъ и

истреблять, и на угрозу волхва напуститъ боголъ на Стефана новокрещенные отвѣчаютъ: «поспималъ онъ съ славныхъ кумировъ священныя пелены и ихъ безъ вреда износилъ ученикъ и отрокъ его Матвѣйка, нашъ же крещеный Пермькъ; что сдѣлають твои идолы учителю?» Но авторъ при своемъ многословіи не можетъ послѣдовательно изложить ходъ обращенія Перми; онъ передаетъ объ этомъ безъ связи рядъ отдѣльныхъ случаевъ и ихъ иногда не договариваетъ до конца: однажды раздраженная толпа язычниковъ съ луками напала на одинокаго Стефана, онъ держитъ къ нимъ витѣватую рѣчь со множествомъ текстовъ, но чѣмъ кончилось столкновеніе, житіе не говоритъ ни слова ¹⁾). Точно также, кромѣ селенія Устьвыми, гдѣ построена была первая въ Перми церковь съ обителью, Епифаній не указываетъ другихъ мѣстъ дѣятельности Стефана въ Перми. Довольствуясь общими, самыми крупными біографическими чертами, авторъ вообще опускалъ въ разсказѣ подробности или передавалъ ихъ въ неопредѣленномъ видѣ, безъ обстоятельныхъ указаній, какія могъ получить отъ разсказчиковъ многого и не сохранила его память до того времени, когда онъ принялся за житіе ²⁾). Здѣсь же источникъ неясности хронологическихъ указаній житія. Стефанъ постригся въ ростовскомъ монастырѣ юношей, прочитавшимъ уже многія книги Вѣтхаго

¹⁾ Дожакъ. Ч. Мѣн. № 91, л. 678—679. Нам. стар. р. лит. IV, 131—132.

²⁾ Нѣкоторыя изъ оцѣнчыхъ подробностей записаны въ лѣтописяхъ, наприм. о побѣдѣ Стефана въ Понгородѣ въ 1386 г. и въ Москву въ 1390 г. (Н. С. Г. Л. IV, 94. XV, 445). Другія уцѣлѣли въ преданіи: таково извѣстіе, что проповѣдь свою Стефанъ началъ съ зырянскаго села Котласи. при сліяніи Вычегды съ Двиной; таковы преданія объ устьвымской березѣ, которую боготворили Зыряне, и о выселеніи волхва Нама съ упорными послѣдователями изъ Перми. Ист. гор. Соли Вычегодской, А. Сосвина. 1789. Рукон. гр. А. С. Уварова, № 441, л. 123. Волог. Губ. Вѣд. 1850, статья «Устьвымъ», № 9.

и Новаго Заѣта, при ростовскомъ епископѣ Парѣеніѣ, а при епископѣ Арсеніѣ поставленъ діакономъ. Ни о томъ, ни о другомъ епископѣ нѣтъ точныхъ извѣстій въ лѣтописи. Въ спискѣ ростовскихъ епископовъ Парѣеній стоитъ между Петромъ, умершимъ въ 1365 г., и Арсеніемъ; но его нѣтъ между ними въ перечнѣ епископовъ, рукоположенныхъ митрополитомъ Алексіемъ ¹⁾. По отмѣткамъ лѣтописей о времени поставленія нѣкоторыхъ изъ нихъ видно, что епископы исчислены въ перечнѣ въ хронологическомъ порядкѣ рукоположенія: такъ какъ здѣсь за Арсеніемъ ростовскимъ слѣдуетъ Евѣмій тверской, то поставленіе перваго относится ко времени между 1365 г., когда Парѣеній занялъ мѣсто Петра, и 1374 г. ²⁾. По смерти Алексія, повелѣніемъ Митяя, говоритъ житіе, слѣдовательно 1378 г., Стефанъ поставленъ въ іеромонаха. Въ слѣдѣ затѣмъ Епифаній говоритъ объ изученіи Стефаномъ пермскаго языка, о составленіи пермской грамоты и переводѣ русскихъ книгъ на пермскій, потомъ объ изученіи греческаго языка. Эти труды рассказаны не совсѣмъ на мѣстѣ, ибо не могли быть дѣломъ 1—2 лѣтъ, а вскорѣ, «на Москвѣ не сущу шкѣму же митрополиту, Алексію убо къ Господу отшедшу, а другому не у пришедшу», слѣдовательно въ 1379—1380 г. Стефанъ уже отправился въ Пермь. Самъ Епифаній замѣчаетъ, что обращеніе Перми «издавна сдумано быше» у Стефана, а пермскому языку всего скорѣе могъ овъ научиться еще на родинѣ, въ Устюгѣ, вблизи пермскаго края. Въ статьѣ объ азбукѣ пермской ея изобрѣтеніе и переводъ книгъ также отнесены ко времени, когда на Руси не было митрополита; но тутъ же Епифаній замѣчаетъ опредѣленіе, что это было недавно, «яко *млю* отъ созданія міру въ лѣто 6883 (1375)», когда слѣдовательно еще былъ живъ Алексій. Здѣсь

¹⁾ И. С. Р. Л. VIII, 69. Илл. IV, 8 и 62.

²⁾ Илл. IV, 40.

соединены разновременныя извѣстія. Епифаній не зналъ точнаго хода приготовленія Стефана къ проповѣди, которое началось до вступленія Епифанія въ Ростовскій монастырь; но онъ запомнилъ или слышалъ послѣ толки современниковъ о пермской азбукѣ Стефана: до сихъ поръ не было въ Перми грамоты, жили безъ нея; теперь ли, на исходѣ седьмой тысячи, только за 120 лѣтъ до кончины вѣка грамоту замышлялъ? Отсюда видно, что изобрѣтеніе Стефана стало извѣстно около 1372 г. Не книги переводились на пермскій языкъ уже при Епифаніѣ, въ послѣдніе годы жизни Стефана въ Ростовскомъ монастырѣ, и объявлены въ Москвѣ, когда Стефанъ ходилъ туда за благословеніемъ на проповѣдь. Принявъ, что Стефанъ сталъ іеромонахомъ лѣтъ 30-ти, можно приблизительно опредѣлить время главнѣйшихъ событій его жизни. Родившись въ концѣ первой половины XIV в., онъ постригся лѣтъ 18-ти, «еще младъ буда въ уности», около 1366 г., когда епископомъ въ Ростовѣ былъ Парвеній; около 1372 г., при епископѣ Арсеніѣ, онъ сталъ діакономъ и тогда же узнали о его пермской азбукѣ. По лѣтописи, онъ посвященъ въ епископа Перми въ 1383, не имѣя еще по видимому и 40 лѣтъ отъ роду; не задолго до этого старый волхвъ Памъ, убѣждая новокрещенныхъ Пермлянъ отстать отъ Стефана, говорилъ: меня слушайте, старца и вашего давняго учителя, а не этого русина, «уна суца возрастомъ, лѣты же предо мною яко сына и яко внука мнѣ».

Другой трудъ Епифанія не сохранилъ своего первоначальнаго вида, какъ житіе Стефана; но крайней мѣрѣ доселѣ не извѣстнаго списка, который можно было бы признать подлиннымъ текстомъ написаннаго Епифаніемъ житія Сергія, безъ дополненій, внесенныхъ въ него позднѣйшей рукой. Однакожь есть указанія, съ помощію которыхъ можно отдѣлать эти дополненія отъ Епифаніева труда. Во всѣхъ спискахъ его рассказъ о копчянѣ Сергія сопровождается повѣстью о проявленіи монетъ святаго и

рядомъ чудесъ, заключающихся послѣсловіемъ другаго автора, Пахомія Логовета. Въ предисловіи къ житію авторъ излагаетъ программу предпринимаго труда: «нынѣ же, аще Богъ подастъ ми, хотѣлъ убо быхъ писати отъ самого рожденія его, и младенство и дѣтство, и въ юности и во иночествѣ и во игуменьствѣ и до самого преставленія его». Изъ послѣсловія Пахомія Логовета видно, какъ исполнилъ эту программу Епифаній: Сербъ пишетъ объ ученикѣ—біографѣ Сергія, что онъ «по ряду сказаше о рожденіи его и о вѣзрасту и о чудотвореніи (при жизни), о житіи же и о преставленіи». Оба извѣстія согласно говорятъ, что разсказъ Епифанія не простирался далѣе кончины святаго. Этимъ подтверждается приведенное выше его же указаніе, что онъ началъ окончателно отдѣлывать біографію Сергія 26 лѣтъ спустя по смерти послѣдняго (1417—1418), слѣдовательно не могъ имѣть и намѣренія разсказать о обрѣтеніи мощей, происшедшемъ 30 лѣтъ спустя по смерти Сергія. Неизвѣстно, дожилъ ли Епифаній до этого событія; но въ разсказѣ житія о кончинѣ Сергія есть черта, подтверждающая выводъ, что именно здѣсь прервалъ Епифаній свою повѣсть, дописавъ ее раньше обрѣтенія: «не вѣмного же простремъ слово, — пишетъ онъ въ концѣ статьи о смерти Сергія, — кто бо възможеть по достоанію святаго *ублажити?*» Въ этихъ словахъ можно только видѣть обѣщаніе автора приложить къ житію похвалу святому, уже начатую въ статьѣ о кончинѣ его; между тѣмъ въ сохранившихся спискахъ житія далѣе читаемъ разсказъ о проявленіи мощей, очевидно, другаго автора: «приложено же и се да будетъ къ предреченнымъ еже о обрѣтеніи мощей святаго.» Пахомій въ своей редакціи житія Сергія, изложивъ кончину его почти дословно сходно съ Епифаніемъ, опустилъ выписанное обѣщаніе, ибо имѣлъ въ виду разсказать дальше о обрѣтеніи и чудесахъ, за нимъ слѣдовавшихъ. Сочиненіе Епифанія встрѣчается обыкновенно въ спискахъ XVI и XVII в.; списокъ XV

в. — чрезвычайная рѣдкость. Вообще его біографія Сергія была мало распространена въ древнерусской письменности ¹⁾. Это объясняется легко: другой менѣе талантливый, но болѣе популярный писатель Пахомій передѣлалъ трудъ Епифанія прежде чѣмъ онъ распространился въ читающей средѣ, а писцы потомъ охотнѣе переписывали болѣе краткую Пахоміевскую редакцію чѣмъ обширный трудъ Епифанія. Въ библиотекѣ Сергіева монастыря сохранилось 9 списковъ редакціи Пахомія XV в., но не уцѣлѣло ни одного современнаго имъ списка Епифаніева труда; даже отъ XVI в. дошелъ только одинъ его списокъ, если не ошибаемся. Притомъ многія статьи въ Пахоміевской редакціи изложены дословно сходно съ Епифаніевской. Все это вмѣстѣ съ позднѣйшими прибавками, неразлучно сопровождающими Епифаніевскій текстъ въ уцѣлѣвшихъ спискахъ, можетъ возбудить сомнѣніе, принадлежитъ ли этотъ текстъ перу Сергіева ученика, не есть ли онъ произведеніе редактора XVI в., въ иныхъ мѣстахъ передѣланнаго изложеніе Пахомія, въ другихъ переписавшаго его дословно. Это сомнѣніе устраняется однимъ куріознымъ спискомъ житія XV в. ²⁾. Здѣсь статьи, входящія въ составъ Епифаніева труда, расположены не въ томъ порядкѣ, какъ въ другихъ его спискахъ, но текстъ большей части ихъ совершенно одинаковъ съ послѣдними; немногія статьи напротивъ изложены въ томъ видѣ, какъ ихъ передѣлалъ Пахомій, нѣкоторыя наконецъ переписаны дважды, въ одномъ мѣстѣ сходно съ Епифаніевскимъ текстомъ, въ другомъ — съ Пахоміевскимъ. Отсюда видно, что

¹⁾ Основаніемъ для разбора этого труда Епифанія служили намъ списки его XVI в. въ библ. Тр. Серг. л. № 698, л. 1—156, въ сб. волокол. моск. л. аязл. № 641, л. 260—407, въ сб. синод. № 90. л. 1—119 XVI—XVII в. въ сб. мѣст. принадлежавшей и въ Милот. ч. Мп. сент. л. 822—1028, послѣдній безъ предисловія.

²⁾ Этотъ единственный сп. XV в., въ которомъ мы встрѣтили текстъ Епифанія, въ рук. Ундольскаго № 370; первые листы его съ предисловіемъ и началомъ житія утрачены.

уже редакторъ XV в. имѣлъ передъ собой два различные текста житія и одинъ изъ нихъ — тотъ самый, который въ спискахъ XVI вѣка приписывается Епифанію. Далѣе, указанное со-
 либіе не можетъ касаться предисловія къ житію: здѣсь авторъ самъ говоритъ о себѣ какъ объ ученикѣ Сергія и очевидцѣ его послѣднихъ подвиговъ, и въ числѣ старцевъ монастыря, повѣдав-
 шихъ ему о боляе раннемъ времени жизни святаго, называетъ Стефана, его старшаго брата. Но и въ самомъ житіи, рассказывая события начальной поры монастыря, авторъ иногда ссылается на ихъ свидѣтелей и очевидцевъ, которыхъ не могъ застать въ мона-
 стырѣ Пахомій, пришедшій почти сто лѣтъ спустя послѣ того ¹⁾). Наконецъ характеръ изложенія въ житіи Сергія, извѣстные ли-
 тературныя приемы и даже отдѣльныя фразы напоминаютъ перо біографа Стефана перяскаго (Отдѣливъ такимъ образомъ отъ позд-
 нѣйшихъ добавленій подлинный текстъ Епифанія въ редакціи житія, обозначаемой въ спискахъ его именемъ, легко замѣтить и въ самомъ этомъ текстѣ вставки другой руки, впрочемъ очень немногія. Къ разсказу объ основаніи московскаго Андроникова
 монастыря прибавлено извѣстіе о преемникѣ Андроника, игумене
 нѣ Саввѣ и о посмертномъ исцѣленіи послѣднимъ ученика сво-
 его Ефрема. Савва, сколько можно заключать по неяснымъ из-
 вѣстіямъ о немъ, умеръ до 1418 г., и замѣтку о немъ могъ написать Епифаній; но не этому біографу Сергія принадлежитъ
 слѣдующій за тѣмъ разсказъ о построеніи и украшеніи камен-
 ной церкви въ монастырѣ преемникомъ Саввы Александромъ и
 живописцемъ Андреемъ Рублевымъ съ извѣстіемъ о смерти обо-
 ихъ, ибо это было много лѣтъ спустя послѣ 1418 г. ²⁾). Точ-

¹⁾ Эти ссылки въ разсказѣ о постриженіи Сергія и о воскресеніи ото-
 рока.

²⁾ Нѣтъ точныхъ извѣстій о времени, когда правили монастыремъ Анд-
 рониковымъ игумены Савва и Александръ; можно только сказать, что въ
 первой четверти XV в. (Ист. опис. моск. Спасо-Андрон. мон., стр. 8 и

но также въ рассказѣ о кончинѣ Сергія вставлена замѣтка объ ученикѣ и преемникѣ его Никонѣ: «иже послѣди явлена его въ чудесѣхъ показа, предводящее слово скажетъ.» Это намекъ на одно чудо (о Симеонѣ Антоновѣ), рассказанное въ позднѣйшемъ прибавленіи къ труду Епифанія и бывшее уже по смерти Никона.

Житіе Сергія не чуждо литературныхъ особенностей, отмѣченныхъ въ разборѣ житія Стефана: то же неумѣнье разсказывать кратко и ясно, та же склонность вставлять въ разсказъ длинный рядъ текстовъ и вдаваться въ историческое или символическое толкованіе событій. Но это житіе, говоря вообще, богаче фактическимъ содержаніемъ въ сравненіи съ другимъ произведеніемъ Епифанія и сообщаетъ гораздо больше живыхъ чертъ, возможныхъ со стороны современника. Это объясняется многолѣтнею жизнью автора на глазахъ Сергія, близкимъ знакомствомъ его съ мѣстомъ описываемыхъ событій, чего не достаетъ въ житіи Стефана, наконецъ обиліемъ живыхъ свидѣтелей жизни святаго. Не лишены интереса разсѣяныя въ предисловіи къ житію замѣтки Епифанія о томъ, какъ писалась эта біографія. Многие онъ самъ видѣлъ и слышалъ отъ Сергія; другое сообщали ему келейникъ Сергія, «вслѣдъ его ходившій время не мало и възлѣзшій на руку его воду», потомъ братъ святаго Стефанъ, старцы, помнившіе рожденіе и жизнь Сергія до постриженія, другіе старцы, очевидцы постриженія его и дальнѣйшей жизни; для каждой поры въ жизни святаго Епифаній еще

13). По статьѣ о пропавшихъ мощей Сергія въ житіи его и по житіи Никона, Андрей Рубловъ умеръ вскорѣ по кончинѣ каменнаго Троицкаго собора надъ гробомъ Сергія, не задолго до кончины Никона († 1427). Ефремъ былъ вгнуженъ въ Андрониковомъ монастырѣ послѣ Александра. во въ житіи Сергія о немъ замѣчено только, что онъ священноинокъ и ученикъ Саввы, «его же свѣдѣть мнози въ наша лѣта.» Таки могъ связать е Епифаній.

засталъ въ монастырѣ живыхъ свидѣтелей — очевидцевъ. Въ самомъ житіи встрѣчаемъ черты, подтверждающія эти сообщенія автора: онъ могъ назвать по имени священника, который крестилъ Сергія; зналъ діакона Елисея, отецъ котораго Онисимъ, такъ же діаконъ, является въ числѣ первыхъ иноковъ, пришедшихъ въ пустыню къ Сергію, а родственники этого Онисима, по разсказу Епифанія, пришли въ Радонежь изъ ростовской области вмѣстѣ съ отцомъ Сергія и другими ростовскими переселенцами. Пользуясь такими источниками, Епифаній черезъ годъ или два по смерти Сергія первый началъ писать о его жизни, но только для себя, не для публики, «запаса ради и памяти ради»; написанныя такимъ образомъ «лѣнія главизны» о житіи старца, въ свиткахъ и тетрадахъ, не приведенныя въ порядокъ, лѣтъ 20 лежали у автора, ждавшего, не будетъ ли кто другой писать о томъ же. Узнавъ, что никто нигдѣ не пишетъ, Епифаній посоветовался съ старцами разумными и черезъ 26 лѣтъ послѣ кончины Сергія принялся писать его житіе «по ряду», т.-е. приводить въ порядокъ, дополнять и отдѣлывать свои старые свитки и тетради. Но Епифанію, очевидно, не вполне удалось достигнуть этого, и расположеніе отдѣльных «главизнъ» въ его трудѣ по сохранившимся спискамъ не соответствуетъ порядку разсказываемыхъ событій, что затрудняетъ пользованіе житіемъ, какъ историческимъ источникомъ. Это затрудненіе увеличивается еще неясностью хронологическихъ указаній самого автора и ошибками писцовъ. Не разъяснены извѣстія о времени рожденія и смерти Сергія. Шевыревъ прочиталъ въ какомъ-то спискѣ Епифаніевскаго житія его, что святой скончался 6905 г. ¹). Но противъ этого во-первыхъ большая часть списковъ этой редакціи житія, помѣчающихъ время событія 6900 годомъ (25 сент. 1391); во-вторыхъ, всѣ памъ из-

¹) Ист. Р. Словесн. ч. 3, стр. 153.

вѣстные списки Пахоміевской редакціи XV в., числомъ болѣе 10, выставляющіе тотъ же годъ; въ-третьихъ, показанія лѣтописей, которыя записали извѣстіе о кончинѣ Сергія; въ-четвертыхъ, авторитетъ монаховъ Сергіева монастыря, современниковъ Пахомія. Одинъ списокъ Пахоміевской редакціи, писанный въ монастырѣ въ 1459 г., сопровождается припиской руки, переписавшей житіе: «въ лѣто 6900, мѣс. септеврія 25 преставися Сергій чудотворецъ, а живъ лѣтъ 78; въ лѣто 6967, индикта 6, вручѣ лѣто 6... отъ сего лѣта Сергію чудотворцу настала година 67, а Никону игумену 31 година»¹⁾). Далѣе, въ извѣстіи о годѣ смерти Сергія списки житія обыкновенно прибавляютъ замѣтку, что святой жилъ 78 лѣтъ; но въ началѣ житія Епифаній говоритъ, что Сергій родился «въ княженіе великое тверское, при вел. кн. Димитріѣ Михайловичи, егда бысть рать Ахмулова», т.-е. въ 1322 г. Дѣлаютъ различные выходы изъ этихъ противорѣчивыхъ извѣстій одного и того же памятника. Одни стараются примирить несогласныя извѣстія, отыскивая между ними средину: если по одному показанію Сергій родился въ 1322 г., а по другому въ 1318, то полагаютъ время рожденія Сергія между 1318 —

¹⁾ Эта пасхальная приписка 1459 г. въ рук. Тр. Серг. л. № 264, л. 147. Только въ одномъ довольно позднемъ спискѣ епифаніевской ред., по синод. рук. № 90, встрѣтили мы годъ смерти Сергія 6905. Эта ошибка, по вѣроятному объясненію архіепа. Филарета, произошла отъ того, что букву с, которой означивалась цифра (лѣто 6900-е), писцы приняли за цифру и поставили подъ тягломъ. Р. Свит., сент., прил. 264. Кончина Сергія записана подъ 6900 г. въ лѣт. троицкой, софійскихъ и воспресенской; первая, древнѣйшая по составу, передаетъ о Сергѣѣ извѣстія, которыхъ нѣтъ въ житіи и которыя записаны по видимому современникомъ. напр. о болѣзни Сергія въ 1375. П. С. Р. Л. I, 232 и 233. V, 245 VI, 119. VIII, 62. Наконецъ, въ лаврѣ есть Евангеліе, на оладѣхъ котораго въ числѣ другихъ святыхъ изображенъ и преп. Сергій; этотъ оладѣхъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланъ въ мартѣ 1392 г. Ист. опис. Серг. л. М. 1865, стр. 45.

1322 г., приблизительно около 1320 г. ¹⁾). Но хронологическія показанія источниковъ — не миѣнія ученыхъ и мирить ихъ съ помощью середины значить прибавлять къ двумъ несходнымъ и сомнительнымъ показаніямъ источниковъ свое третье, сочипенное. Арх. Филаретъ избралъ другой болѣе рѣшительный путь: принявъ извѣстіе большей части списковъ житія о кончинѣ Сергія въ 6900 г. и о 78 годахъ его жизни, онъ посредствомъ вычитанія получаетъ для рожденія святаго 1313 годъ и затѣмъ отвергаетъ всѣ другія показанія, не примиря ихъ ²⁾). Но кромѣ того, что не указаны причины предпочтенія одного показанія житія другому, новое извѣстіе арх. Филарета вступаетъ въ противорѣчіе съ другими показаніями Епифанія. Сергій постригся 23 лѣтъ, по словамъ Епифанія, слѣдовательно въ 1336—1337г., по выводу Филарета о времени его рожденія; троицкая церковь въ пустынь построена Сергіемъ раньше этого съ помощью старшаго брата Стефана, уже овдовѣвшаго и постригшагося; слѣд. сынъ послѣдняго Иванъ, будущій игумень симоновскій Теодоръ, родился еще раньше; онъ постриженъ уже игуменомъ Сергіемъ, слѣд. не раньше 1353 г., и по разсказу Епифанія 10 — 12 лѣтъ, слѣд. не позже 1347 года, по хронологіи Филарета недостаетъ 6 — 7 лѣтъ, чтобы помирить ученаго изслѣдователя съ ученикомъ Сергія. Далѣе, упомянутая церковь построена въ княженіе Симеона, по разсказу Епифанія, слѣд. не раньше 1341 г., а по хронологіи Филарета не позже 1335 г.: опять недостаетъ 6 — 7 лѣтъ ³⁾). Такъ какъ изъ двухъ противорѣчи-

¹⁾ Преосв. Макарія — Ист. Р. Ц. IV, 352; авторъ принимаетъ извѣстія о смерти Сергія въ 6905 г. и о 78 годахъ жизни святаго.

²⁾ Р. Свят., сент., стр. 126.

³⁾ Это послѣднее противорѣчіе замѣчаетъ самъ Филаретъ, но устраняетъ его посредствомъ натяжки. У Епифанія написано: „священна бысть церави во ния св. Трояца благословеніемъ преосв. архіеп. Теогноста — при вел. кн. Симеонѣ Иваковичѣ, мню убо еже рещя въ начало княженія его.“ Филаретъ замѣчаетъ: „ясно, что Епифаній, говоря объ освя-

выхъ показаній источника одно непременно ложно, остается оценить сравнительно признаки вѣроятности каждаго и принять одно изъ двухъ, или 78 лѣтъ жизни Сергія или рожденіе его въ 1322 г. Елифаній слышалъ отъ старцевъ, что святой родился въ великокняженіе Дмитрія тверскаго, когда была рать Ахмылова; но они не сказали и Елифаній не зналъ, когда, въ какомъ году это было: иначе онъ сообразилъ бы, что въ 1391 году Сергію не было 78 лѣтъ. Еслибы житіе прямо помѣтило событіе 1322 г., въ его показаніи, при противорѣчій съ другимъ, можно было бы усомниться, подозрѣвая ошибку автора или писца; но оно передаетъ извѣстіе въ формѣ, которая сама по себѣ внушаетъ довѣріе. Такова обычная народная хронологія: она считаетъ не годами, а событіями и рѣдко ошибается. Она запомнила, что Сергій родился при великомъ князѣ Дмитріѣ, который въ одинъ годъ съ нашествіемъ Ахмыла и на короткое время «подъялъ» великое княженіе подъ Юріемъ московскимъ. Съ другой стороны, въ годъ смерти Сергія едвали были въ монастырѣ люди, помнившіе его рожденіе и дѣтство; тѣмъ менѣе можно предположить ихъ присутствіе черезъ 26 лѣтъ послѣ, когда дописывалось житіе, а поколѣніе младшихъ современниковъ Сергія въ обители его, къ которому принадлежалъ авторъ, легко могло ошибиться въ счетъ лѣтъ святаго. Вообще въ этомъ послѣднемъ извѣстіи, если даже оно записано самимъ Елифаніемъ, скорѣе можно предположить неточность, чѣмъ въ извѣстіи о времени рожденія; еще менѣе удерживаетъ оно цѣны, если вставлено въ текстъ Елифанія позднѣйшей рукой, что болѣе вѣроятно ¹⁾). Наконецъ, Елифаніево извѣстіе о ценѣ храма при св. Симеонѣ, говорятъ гадательно (тамъ же, прим. 237)²². Но ясно именно не это: Елифаній хорошо знаетъ, что церковь освящена при Феогностѣ и Симеонѣ, а гадательно говоритъ только о томъ, въ какую пору явленія Симеона было это.

¹⁾ Въ большей части списковъ пахоміевской редакціи и притомъ въ древнѣйшихъ это извѣстіе является въ текстѣ вставкой, его разрывающей

времени рожденія Сергія не только согласно съ дальнѣйшими хронологическими показаніями житія, но и бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя темныя черты послѣдняго и возстановляетъ приближительную хронологію главнѣйшихъ событій въ исторіи монастыря. Переселеніе Сергіева отца съ другими ростовцами въ Радонежь Епифаній объясняетъ съ одной стороны московскими насліями, начавшимися въ Ростовѣ при великомъ князѣ Іоаннѣ Калитѣ, слѣдовательно послѣ 1328 г., съ другой — льготами, мановенными переселенцевъ въ Радонежь, который былъ отданъ Калитой меньшему сыну Андрею. Но по двумъ духовнымъ Калиты, писаннымъ въ 1328 г., Радонежь завѣщанъ великой княгинѣ Еленѣ съ меньшими дѣтьми, а не Андрею, которому назначенъ особый удѣлъ ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что эта вещь, какъ называется ее Епифаній, отошла къ удѣлу Андрея вслѣдствіе новаго раздѣла по смерти княгини Елены, которая умерла по лѣтописи въ 1332 г. Находимъ подтвержденіе извѣстію Епифанія: въ 1373 г. Радонежь является по лѣтописи въ вотчинѣ Андреева сына Владиміра, а по духовной Симеона 1353 г. Владиміръ «вѣдаетъ удѣлъ отца своего» ²⁾. Такимъ образомъ переселеніе Сергіева отца въ Радонежь произошло послѣ 1332 г. Съ того времени до удаленія Сергія въ пустыню прошло по житію не мало времени: младшій братъ его Петръ успѣлъ вырасти и жениться, а старшій овдовѣть, имѣя двоихъ сыновей, и постричься; родители ихъ современемъ такъ же постриглись и умерли, проживъ въ иночестве «мало лѣтъ», слѣдовательно не одинокъ годъ. Все это подтверждаетъ извѣстіе Епифанія, что перковь Троицы, которой

и перенесенной съ полей: «чистую свою и священную душу Господени предаетъ, живъ преподобный исѣхъ лѣтъ 70 и 8, въ лѣто 6900». Таятъ въ свод. сп. 1459 г. № 637, л. 44, въ сп. Серг. библ. XV в. № 116 и др.

¹⁾ Собр. гос. грам. и дог. I, №№ 21 и 22; здѣсь же меньшій лѣтъимъ названы дочери Марья и Феодосья.

²⁾ Нян. IV, 39. Собр. гос. грам. и дог. I, № 25.

ушедшій въ пустыню Сергій началъ строеніе монастыря, освященна въ княженіе Симеона, т.-е. не раньше 1341 г. Это извѣстіе высказано авторомъ съ увѣренностію, а прибавленная къ нему догадка, что это было въ началѣ княженія Симеона, подкрѣпляется замѣткой житія въ другомъ мѣстѣ, что отъ начала строенія «мѣста того» прошло болѣе 15 лѣтъ до заселенія его окрестностей, что было еще въ княженіе Іоанна, брата Симеонова ¹⁾. Сергій постригся 23 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ 1345 — 1346 г., и вскорѣ стали приходять къ нему монахи; этимъ объясняется замѣчаніе житія, что Сергій жилъ въ пустынномъ уединеніи, не видя лица человѣческаго, года два «или болѣ или менши, не вѣдѣ (не вѣмъ), Богъ вѣсть» ²⁾. Первымъ монахамъ, просившимся въ пустыню къ Сергію, онъ говоритъ о монастырѣ еще какъ обудущемъ; слѣдовательно братство начало собираться около пустытника едвали раньше 1346. Сергій принялъ игуменство въ Переяславлѣ, въ отсутствіи митрополита Алексія, отъ Аонасія волынскаго, который является въ званіи переяславскаго епископа въ духовной Симеона 1353 г.; это скорѣе можно отнести къ поѣздкѣ Алексія въ Царьградъ въ 1353 — 1354 г., чѣмъ къ путешествію его туда же въ 1456.

Таковъ приблизительно хронологическій порядокъ событій въ первой половинѣ житія; гораздо труднѣе возстановить его во второй. Разсказъ біографа становится подробнѣе, распадается на отрывочные эпизоды, которые, благодаря недостатку хронологическихъ указаній автора, нельзя связать съ другими

¹⁾ Слѣдовательно до 1359 г. Житіе по синод. рук. № 90, л. 62.

²⁾ Тамъ же, л. 44. Въ другомъ мѣстѣ житія (л. 37) читаемъ: «довольна времена в лѣта въ лѣсѣ ономъ пустынномъ мужьвы пребываше твердѣйшаа она душа, несумѣяво претерпѣ безъ приближенія всякого лица чловѣча.» Отсюда видно, что онъ жилъ въ пустынѣ уединенно до постриженія и прихода братія года 3—4 и церковь построена вмѣ въ 1341—1342 г.

извѣстными событіями времени. Можно только замѣтить по нѣкоторымъ статьямъ житія, что въ существующихъ спискахъ онѣ расположены безъ хронологической послѣдовательности. Одною изъ послѣднихъ статей является разсказъ о попыткѣ митрополита Алексѣя уговорить Сергія занять послѣ него престолъ русской митрополіи, что было не задолго до смерти митрополита въ 1378 г.; между тѣмъ гораздо прежде помѣщенъ въ житіи разсказъ о пермскомъ епископѣ Стефанѣ, относящійся ко времени послѣ 1383 г., когда Стефанъ сталъ епископомъ. Еще замѣтите эта непослѣдовательность въ томъ, что между разсказами о Стефанѣ и Алексѣ помѣщенъ рядъ статей о монастыряхъ, основанныхъ подъ руководствомъ Сергія, которые всѣ возникли до посвященія Стефана въ епископы, по нѣкоторыя послѣ смерти Алексія. Первымъ въ этомъ ряду монастырей-колоній является Андрониковъ; о немъ можно только сказать, что онъ основанъ до 1370 г. ¹⁾ Слѣдующій за нимъ въ житіи Симоновъ монастырь основанъ такъ же при Алексѣ, но неизвѣстно въ какомъ году; въ позднѣйшемъ житіи Теодора, племянника Сергіева, находимъ извѣстіе, что онъ, первый игумень этого монастыря, былъ духовникомъ великаго князя Дмитрія и тысяцкаго; отсюда видно, что онъ сталъ игуменомъ до 1374 г., а монастырь, по тому же житію, основался задолго до игуменства Теодора ²⁾. Слѣдующій за Симоновымъ Дубен-

¹⁾ Житіе митр. Алексія, разсказавъ о построеніи Андроникова монастыря, продолжаетъ: „такъ сему бывающу и времени нѣкоему минувшу, св. же Алексѣй митр. отходитъ въ Нижній Новгородъ“. Это было въ 1370 г. П. С. Р. Л. V, 231. VIII, 17. По Ист. рос. іер. (III, 94) монастырь основанъ около 1360 г., по арх. Фларету (Р. Свят., июнь, 78) въ 1361: ни то, ни другое не подтверждается прямыми указаніями источниковъ. Преданіе, приводимое Фларетомъ (тамъ же, стр. 79), естественно относится къ путешествію Сергія въ Рязань въ 1385 г., а не въ Нижний въ 1365.

²⁾ Въ 1374 г. умеръ послѣдній тысяцкий изъ Москвъ, Василій Вельяминовъ, сынъ того Василія Вельяминовича или Протасевича, тысяцкаго

скій монастырь основанъ, по разсказу Епифанія, вскорѣ послѣ побѣды надъ Мамаемъ въ 1380 г. Послѣ него житіе разсказываетъ околоменскомъ Голутвиномъ монастырѣ, время основанія котораго неизвѣстно, и наконецъ о серпуховскомъ Высокомъ, который по лѣтописи построенъ въ 1374 г. ¹⁾). Такимъ образомъ и рядъ статей о монастыряхъ учениковъ Сергіевыхъ не имѣетъ хронологической послѣдовательности. Встрѣчаемъ въ житіи замѣтки, показывающія, что самъ Епифаній затруднялся размѣщеніемъ своихъ старыхъ отрывочныхъ записокъ, когда сталъ приводить ихъ въ порядокъ. Такъ вслѣдъ за разсказомъ объ основаніи Теодоромъ Симонова монастыря онъ помѣстилъ разсказъ о видѣніи ангела, бывшемъ раньше, еще до удаленія Теодора изъ обители Сергія, и замѣчая, что помѣстилъ не на мѣстѣ, переходитъ къ статьѣ о Дубенскомъ монастырѣ съ оговоркой: «сія сказанія преднимъ послѣдуютъ о составленіи монастыря отъ ученикъ святаго еже на Дубенкѣ» ²⁾).

Обширное похвальное слово Сергію, мало распространенное въ спискахъ, обыкновенно усвоется послѣдними «ученику Сергія священноинокѣ Епифанію» ³⁾). Но замѣтка въ упомянутомъ выше волоколамскомъ спискѣ слова показываетъ, что оно приписывалось и перу Пахомія. Ни Пахомій, ни другой позднѣйшій редакторъ Сергіева житія, Симонъ Азарыиъ, говоря о Епифаніѣ, не прибавляютъ извѣстія, что имъ составлено и похвальное слово Сергію. Въ самомъ словѣ встрѣчаемъ два ряда чертъ,

—
же, который былъ духовнѣе сыномъ Теодорова отца Стевана. П. С. Р. Лѣт. VIII. 21. Пик. IV, 39. Житіе Теодора въ рук. синод. библ. № 580, л. 235.

¹⁾ Пик. IV, 39.

²⁾ Синод. № 90, л. 95; ср. л. 103.

³⁾ Самый ранній списокъ его, намъ извѣстный, въ сб. Тр. Серг. л. № 466, илс. въ 1505 г., л. 372—386; въ этомъ же сб. помѣщено и житіе Сергія, но пахоміевской редакціи. Другой си. половины XVI в. въ уюмни. рук. волокол. Юсифова мон. № 606, л. 151.

которыя или принадлежать разнымъ авторамъ, или такъ же противорѣчатъ другъ другу, какъ извѣстія списковъ слова о его авторѣ. Во первыхъ, въ изложеніи слова видны приемы и особенности Епифаніевскаго пера, утомительно-многословнаго и неистощимаго въ тавтологическомъ «плетеніи словесъ», умѣющаго для характеристики нрава Сергія подобрать 18 прилагательныхъ такъ же легко, какъ 25 эпитетовъ для характеристики Стефана въ его житіи. Очевидецъ Сергія сказывается въ выраженіи похвального слова: «дарова намъ (Богъ) видѣти такова мужа свята и велика старца и бысть въ дни наша» ¹). Во всемъ словѣ нѣтъ и намека на открытіе мощей Сергія, изъ чего можно заключить, что оно писано не по поводу этого открытія и раньше его ²). Но съ другой стороны, слово говоритъ уже о рабѣ мощей святаго, которую цѣлуютъ вѣрующіе; авторъ обращается къ святому: «се бо мощій твоихъ гробъ передъ очима нашими видимъ есть всегда». Наконецъ читаемъ выраженія, возможные только въ словѣ, которое произошло въ церкви на праздникъ святаго ³). Все это можно было написать уже по открытіи мощей, когда онѣ были переложены въ раку и установлено празднованіе святому; слѣдовательно слово писано Епифаніемъ гораздо позже житіи. Но въ томъ же словѣ читаемъ: «прочая его (Сергія) добродѣтели ииждѣ скажемъ и многая его исправленія ииждѣ повѣмъ»; слѣдовательно житіе еще не было написано, когда писалось слово ⁴). Но въ такомъ

¹) Рук. Тр. Серг. л. № 466, л. 314 и 378.

²) Т. е. вслѣдъ за житіемъ, около 1418 г., какъ и думаетъ архіеп. Фларетъ. Обз. русск. д. лѣт. I, стр. 120.

³) «Яко възлюбленныхъ чадо отецъ къ духовному веселію нынѣ съзвѣшавъ и яко любители отецъ въ свѣтлей сей церкви радостно приемающіи...»

⁴) На этомъ предположеніи останавливается преосп. Макарій, прибавляя, что слово, вѣроятно, читалось братіи въ день кончины святаго. Ист. Р. Ц. V, 237.

случаѣ тотъ же Енифаній въ предисловіи къ житію Сергія не могъ сказать, что 26 лѣтъ прошло отъ кончины святаго и «никто же не дрѣзняше писати о немъ, ни дальнїи ни ближнїи, ни большїи ни меньшїи». Біографъ разумѣлъ здѣсь писаніе, которое было бы извѣстно другимъ, а не свои старыя записки о Сергіѣ, писанныя *для себя* и не выходившія изъ его келліи; но онъ не могъ забыть своего похвального слова Сергію, которое читалось въ церкви и въ которомъ есть біографическія черты. Изъ всѣхъ этихъ противорѣчій одинъ выходъ — въ признаніи, что въ Енифаніево слово послѣ открытія мощей внесены вставки Пахоміемъ; онъ же могъ сдѣлать и выпи́санное обѣщаніе, собираясь послѣ слова подвергнуть передѣлкѣ и написанное Енифаніемъ житіе Сергія, съ той же цѣлью — приспособить его къ чтенію въ церкви.

Въ Енифаніѣ, какъ писателѣ, встрѣчаемъ два условія, которыя рѣдко соединялись въ нашихъ позднѣйшихъ агіобіографахъ: онъ обладалъ литературнымъ талантомъ, вооруженнымъ обширной начитанностью, и былъ близкимъ свидѣтелемъ событій которыя описывалъ, или зналъ ихъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Притомъ въ еге литературномъ положеніи была особенность, не существовавшая позднѣе: онъ писалъ въ то время, когда стиль житій у насъ только еще устанавливался, не затвердѣвъ въ неподвижныхъ, холодныхъ формахъ. Потому его витійство не знаетъ границъ и часто подавляетъ фактическое содержаніе; потому же изъ всѣхъ образцовыхъ агіобіографовъ онъ былъ наименѣе доступенъ для чтенія или подражанія, чѣмъ объясняется слабое распространеніе его трудовъ въ древнерусской письменности. Сущность фактовъ у Енифанія пострадала отъ ораторской окраски очень мало, меньше чѣмъ въ большинствѣ позднѣйшихъ житій; но сильно потерпѣли ихъ связь и ясность.

ГЛАВА IV.

Пахомій Логоветъ.

Сербъ Пахомій имѣлъ громкое имя между древнерусскими книжниками, а по размѣрамъ и количеству своихъ литературныхъ произведеній едва ли не самый плодовитый писатель древней Россіи. Однакожь извѣстія о немъ въ нашей исторической литературѣ сбивчивы и противорѣчивы. Читая напримѣръ, что Пахомій, родомъ сербъ, пришелъ въ Россію съ Аѳонской горы въ Новгородъ во времена архіеп. новгородскаго Іоны, т. е. около 1460 г., а по смерти этого владыки, слѣдовательно послѣ 1470 г., переѣхалъ изъ Новгорода въ Троицкій Сергіевъ монастырь ¹⁾. Архіеп. Филаретъ также начинаетъ литературную дѣятельность Пахомія въ Новгородѣ, во время архіеп. Іоны, и составленіе имъ житій первыхъ Троицкихъ игуменовъ Сергія и Никона относятъ ко времени послѣ переселенія Пахомія изъ Новгорода въ Троицкій монастырь, хотя не указываетъ, когда это случилось. Другіе приводятъ Пахомія въ Россію гораздо раньше: не смотря на то, что въ нашихъ рукописяхъ онъ называется сербиномъ и іеромонахомъ «Святыхъ Горы», Шевыревъ видитъ въ немъ того болгарина Пахомія, который въ 1410 г. прибылъ на Русь съ митр. Фотіемъ изъ морейской Акакіевой пустыни и потомъ уединился на берегу озера

¹⁾ Слов. истор. о писат. дух. члвч., ч. 2, стр. 154 и слѣд.

Синегя близъ построенной Фотиємъ церкви ¹⁾). Всѣ эти извѣстия не точны. Древнерусскіе писатели такъ же оставили немного свѣдѣній о Пахоміѣ. Не смотря на то, что послѣдній имѣлъ въ Москвѣ значеніе официальнаго агіобіографа, по этимъ свѣдѣніямъ нельзя возстановить съ нѣкоторой стройностью и полнотой его біографію; по съ помощію мелкихъ, часто микроскопическихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ припискахъ на рукописяхъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ древнерусской литературы и въ его собственныхъ многочисленныхъ трудахъ, можно составить перечень этихъ послѣднихъ въ хронологическомъ порядкѣ по крайней мѣрѣ приблизительномъ.

Келарь Троицкаго Сергіева монастыря Симопъ Азарыинъ въ предисловіи къ житію Сергія, написанномъ имъ въ 1635^г г., упомянувъ, что послѣ Епифанія Пахомій описалъ житіе и чудеса Сергія, прибавляетъ, что съ того времени прошло болѣе 200 лѣтъ и никто не рѣшился занести дальнѣйшія чудеса преподобнаго въ книгу житія его ²⁾). Въ припискѣ къ сказанію о обрѣтеніи мощей митр. Алексія, составленному при митр. Макаріѣ въ половинѣ XVI в., замѣчено, что іеромонахъ Пахомій составилъ повѣсть объ Алексіѣ «минувшимъ лѣтомъ мало миѣе седмидесятиѣмъ» по преставленіи св. Алексія ³⁾). Изъ обонхъ этихъ извѣстій можно видѣть, что Пахомій явился на Русь и началъ здѣсь свою литературную дѣятельность гораздо раньше того времени, какое указываютъ митроп. Евгеній и архіеп. Филаретъ. Болѣе опредѣленные указанія извлекаются изъ разсмотрѣнія списковъ составленной Пахоміемъ редакціи житія Сергія. Разбирая это житіе, церковно-историческая критика ограничивается обыкновенно замѣчаніемъ, что Пахомій сократилъ Епифаніевъ

¹⁾ Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, стр. 143 и слѣд. Шенуревъ въ Ист. русск. слов. III, стр. XVIII и 315. Ср. Илл. V, 39.

²⁾ Врем. Общ. Ист. и Др. Р. X, смѣсь, стр. 3.

³⁾ Мвлѣт. Ч. Мвн. мѣѣ, д. 1087.

ское житіе, дополнивъ его описаніемъ чудесъ, совершившихся по открытіи мощей Сергія. Выше одѣлана попытка отдѣлать Епифаніевскій текстъ отъ позднѣйшихъ прибавленій въ редакціи житія, обозначаемой въ спискахъ именемъ Епифанія. Но текстъ и Пахоміева сокращенія не во всѣхъ спискахъ одинаковы: уже въ спискахъ XV в. онъ представляетъ два разныхъ пересмотра или сокращенія Епифаніевскаго оригинала. Разница преимущественно стилистическая; одинъ изъ пересмотровъ стоитъ въ этомъ отношеніи ближе къ тексту Епифанія, другой представляетъ дальнѣйшее сокращеніе его, болѣе измѣняетъ изложеніе подлинника и при этомъ опускаетъ мѣстами нѣкоторыя фактическія черты, удержанныя въ первомъ пересмотрѣ. Уже поэтому можно догадаться, что второй пересмотръ сдѣланъ позднѣе и на основаніи перваго и служилъ окончательной отдѣлкой новой редакціи житія; здѣсь, можетъ быть, причина того, что онъ преимущественно распространился въ древнерусской письменности, тогда какъ первый черновой уцѣлѣлъ въ немногихъ спискахъ¹⁾). Второе сокращеніе встрѣчаемъ уже въ двухъ спискахъ 1459 г.²⁾ Далѣе, позднѣйшія статьи, прибавленныя къ Епифаніевскому житію, не простая копія съ Пахоміевской ре-

¹⁾ Его мы нашли только въ двухъ спискахъ блж. Тр. Серг. л., въ коихъ одинъ XV в. (№ 746, л. 209), другой пис. въ 1524 г. (№ 771). Списковъ втораго пересмотра въ одной лаврской библиотекѣ сохранилось отъ XV в. до 8. О стилистическомъ отношеніи обохъ пересмотровъ можно судить по началу житія. Перв. пер. по № 746: „Бѣ бо нѣкто мужъ благовѣренъ. бѣ же и завономъ сопряженное подружіе ему Маріа. Поучахуся въ заповѣдехъ господнихъ день и ночь, всяческии же добродѣтелии украси сѣху и едини къ Единому душу съ тѣломъ преклонше, моляху Бога, яко да даруетъ имъ отроча“. Втор. пер.: „Бысть бо нѣкто мужъ въ градѣ Ростовѣ, Куріахъ именемъ, благовѣренъ смѣи и бояйся Бога и всякими добродѣтелии украси сѣи. тако и съ супружницею своею Маріею именемъ поучиющийся въ заповѣдехъ господнихъ день и ночь. и едини ко Единому душу съ тѣломъ преклонше, моляхуся“.

²⁾ Синод. сб. № 637, л. 2. Сб. Тр. Серг. л. № 264, л. 112.

дакціи. Последняя во всѣхъ спискахъ обоихъ пересмотровъ сопровождается разсказъ о кошачьей Сергія сказаніемъ объ открытіи мощей его и о 12 чудесахъ, послѣ того совершившихся. Тоже сказаніе и тѣже чудеса находимъ въ спискахъ Епифаніевскаго житія; но здѣсь изложеніе ихъ другое, представляетъ болѣе пространную редакцію сравнительно съ изложеніемъ въ собственно Пахоміевскомъ сокращеніи житія. Въ этой пространной редакціи чудесъ есть указанія на то, что и она принадлежитъ перу того же Пахомія и составлена позднѣе сокращеннаго изложенія ихъ въ его редакціи житія: въ чудѣ 12-мъ авторъ разсказываетъ, что сухорукій Леонтій, вошедши въ церковь во время литургіи, сталъ у раки св. Сергія, «всѣмъ братіямъ предстоящимъ и мнѣ, недостойному Пахомію, писавшему въ то время житіе святаго». Возникаетъ вопросъ, какой изъ двухъ пересмотровъ житія разумѣется въ этомъ замѣчаніи редактора. Въ нѣкоторыхъ спискахъ втораго пересмотра упомянутое 12-е чудо сопровождается еще тремя кратко описанными чудесами, происшедшими въ одно время, 31 мая 1449 г. ¹⁾ Ихъ нѣтъ въ спискахъ перваго пересмотра и они, очевидно, приписаны послѣ, при вторичномъ пересмотрѣ житія, который слѣдовательно относится ко времени между 1449 и 1459 г. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Пахоміевской редакціи житія уцѣлѣла замѣтка автора въ началѣ 12 го чуда: «ниже се да умолчитя еже *не предѣ многими дни* чудо святымъ содѣяся, еже своима очима видѣхомъ» ²⁾. Есть основанія заключать отсюда, что это чудо было

¹⁾ Она помѣщена непосредственно предъ послѣсловіемъ Пахомія въ житіи по си. синод. сб. № 637, л. 54. Въ печатномъ житіи, изданномъ въ полов. XVII в. Симономъ Азарьиннымъ, эти чудеса невѣрно помѣчены 1468 годомъ: самый спасовъ житія въ указанной синод. рукописи, гдѣ они помѣщены, писавъ раньше, въ 1459 г., какъ обозначено въ припискѣ на первомъ листѣ.

²⁾ Напрям. въ синод. сб. XVI в. № 555.

последнимъ изъ совершившихся въ то время, когда Пахомій оканчивалъ свое первое сокращеніе Епифаніева труда о жизни Сергія: въ спискахъ перваго пересмотра прямо за этимъ чудомъ слѣдуетъ заключительное послѣсловіе автора о себѣ; до этого чуда рядъ чудесъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, а за нимъ мѣняется, въ однихъ помѣщается чудо о пресвитерѣ Симеонѣ, въ другихъ указанныя три чуда 1449 г. Итакъ первый пересмотръ житія начать Пахоміемъ до исцѣленія сухорукаго Леонтія и оконченъ скорѣ послѣ него. Въ разбираемыхъ 12 чудесахъ, о которыхъ рассказываетъ Пахомій послѣ обрѣтенія мощей Сергія, ни по краткому ни по пространному изложенію нѣтъ прямыхъ указаній на ихъ время; но можно замѣтить въ ихъ порядкѣ хронологическую послѣдовательность, не трудную для Пахомія, который одни изъ нихъ видѣлъ самъ, другіе узналъ отъ очевидцевъ. Чудо 4-е есть исцѣленіе боярскаго сына Димитрія Кансы, котораго по лѣтописи находимъ между павшими въ бою съ Татарами въ 1438 г., слѣдовательно совершилось до этого года¹⁾. Чудо 3-е съ архим. Игнатіемъ записано авторомъ «отъ свидѣтеля усть», бывшаго очевидцемъ событія; по 8-е «бысть въ наша лѣта», какъ замѣчаетъ авторъ, намекая повидимому, что въ это время онъ былъ уже въ Россіи. Здѣсь разсказывается о знатномъ воинѣ, спасшемся отъ татарскаго плѣна во время нашествія ордынскаго царя Ахмета: описываемыя Пахоміемъ обстоятельства дѣла, удачнаго для Русскихъ въ первомъ бою и кончившагося ихъ пораженіемъ во второмъ, даютъ понятіе, что рѣчь идетъ о нашествіи изгнаннаго изъ орды Улу-Махмета на Бѣлевъ въ 1438 г.²⁾ Во многихъ спискахъ Пахоміевской редакціи втораго пересмотра за исцѣленіемъ сухорукаго слѣдуетъ чудо съ пресвитеромъ Симеономъ, записанное въ Троиц-

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. VIII, 107.

²⁾ Тамъ же. Ср. Ивк. V, 125—127.

комъ монастырѣ съ его словъ. Симеонъ сопровождалъ митр. Исидора на осмый соборъ въ Италию, но бѣжалъ изъ Венеціи съ тверскимъ посломъ, за это былъ скованъ возвратившимся Исидоромъ, но послѣ бѣгства его изъ Москвы освобожденъ и отправленъ въ Троицкій монастырь къ игумену Зиновію. Это случилось, очевидно, между 1441 г., когда бѣжалъ Исидоръ, и 1443, когда умеръ Зиновій. Помѣщеніемъ чуда съ сухорукимъ между событіями 1438 г. съ одной стороны и 1441—1443 съ другой опредѣляется приблизительно его время, а съ нимъ и время первой работы Пахомія надъ житіемъ Сергія. Находимъ библиографическое подтвержденіе этого вывода. Древнѣйшій списокъ Пахоміевской редакціи перваго пересмотра встрѣчаемъ въ лаврской рукописи XV в. между житіями и похвальными словами, сопровождающимися припиской, которая рассказываетъ о происхожденіи сборника ¹⁾. Буквальный смыслъ этой приписки тотъ, что разсматриваемая рукопись есть списокъ, и уже по видимому не первый, съ сборника, составленнаго на Аѳонѣ въ 1431 г. и этотъ списокъ снятъ по распоряженію Троицкаго игумена Зиновія (1432—1443), но при этомъ переписчикъ

¹⁾ № 746: житіе Сергія здѣсь на л. 209—261; на обор. л. 336 скорописью *одного* почерка приписано: „Въ лѣто 6939 списана книга сія въ святой горѣ Аѳонскѣ, въ обители царствѣ, въ лаврѣ великаго Аѳанасія, подъярымъ св. Григоріа Назарыи и преп. отца нашего Петра Аѳонскаго, въ куцѣ св. и славнаго пророка Ісаіи. Преписана (рукою) многогрѣшнаго и сляпеннаго плова Леанасія Русина, послѣдїа же повелѣніемъ господина Зиновія, игумена Сергіева монастыря, списана грѣшнымъ Іоною, игуменомъ угрѣшскимъ“. Эту приписку поняли по видимому такъ, что и житіе Сергія выѣтъ съ прочими статьями въ сборникъ переписано на Аѳонѣ въ 1431 г. (Ист. оп. Серг. Л., изд. 1865 г. стр. 158. Р. Слвт. сент. прим. 231). Но какъ пошло на Аѳонъ въ томъ году житіе, которое Пахомій, по его собственнымъ словамъ, писалъ въ Сергіевомъ монастырѣ и писалъ послѣ чуда 1438 года Приписка прежде всего даетъ понять, что сборникъ, въ которомъ она находится, составленъ не на Аѳонѣ, а въ Россіи, и только выѣтъ въ своемъ составѣ произведеній, списанныхъ на Аѳонѣ въ 1431 г.

внести въ сборникъ и житіе русскаго святаго, въ то время только-что составленное Пахоміемъ. Переписка происходила въ послѣдніе годы игуменства Зиновія, и потому въ сборникъ могло попасть житіе, написанное при томъ же игуменѣ и рассказывающее чудеса 1438 и слѣдующихъ лѣтъ.

Невозможно опредѣлить съ точностію время пріѣзда Пахомія въ Москву къ великому князю, о чемъ говоритъ извѣстіе, обыкновенно помѣщаемое въ заглавіи житія преемника Сергіева, игумена Никола 1). Но около 1440 года Пахомій поселился уже въ Троицкомъ монастырѣ. Съ того времени до 1459 г. здѣсь уцѣлѣли слѣды его пребыванія. Можно думать, что біографія Сергія была первымъ его литературнымъ трудомъ на Руси. Какъ писатель, владѣвшій правильнымъ книжнымъ стилемъ, умѣвшій написать житіе святаго какъ слѣдуетъ, онъ былъ нужный челоуѣкъ въ монастырѣ, объ основателѣ котораго братія еще не могла послушать подобающаго чтенія въ церкви въ день его памяти: житіе, написанное Епифаніемъ, было слишкомъ обширно для этого и притомъ ничего не говорило ни объ открытіи мощей святаго, ни о чудесахъ, послѣ того совершившихся. Съ обрѣтенія мощей уже праздновали торжественно Сергію; но не видно, чтобы до Пахомія была написана особая служба ꙗ память его. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что вмѣстѣ съ житіемъ Пахомій составилъ и службу Сергію, помѣчаемую въ рукописяхъ его именемъ и помѣщенную уже въ сборникѣ 1459 г. 2). Отъ авторства Пахомія переходилъ къ болѣе простому труду переписчика: въ библіотекѣ Троицкой лавры сохранился списокъ книги Симеона Богослова, написанный рукою Пахомія въ 1443 г., и списокъ Палеи, сдѣланный имъ же въ 1445 г.; въ 1459 г., по порученію казначея того же монасты-

1) „Твореніе священноподнока Пахомія, иже приде пзъ Сръбьсва земли къ в. кн. Василію Василіевичу“.

2) Синод. № 637, л. 56.

ря, онъ переписалъ псалмы Давидовы съ толкованіями ¹⁾. Въ то же время продолжалась и литературная дѣятельность. Выше замѣчено, что между 1449 и 1459 г. Пахомій пересмотрѣлъ составленное имъ житіе Сергія и при этомъ внесъ въ него кро- мѣ трехъ чудесъ 1449 г. новую большую статью — сказаніе о пресвитерѣ Симеонѣ. Вѣроятно, въ тотъ же періодъ жизни въ Сергіевомъ монастырѣ (1440—1459) Пахомій написалъ житіе и службу игумену Никону и дополнилъ Епифаніеву біографію Сергія повѣстью объ открытіи мощей его и слѣдовавшими за- тѣмъ чудесами, давъ имъ новую, болѣе пространную редак- цію сравнительно съ изложеніемъ въ его сокращенномъ жи- тіи Сергія. Прямыхъ указаній на время этихъ работъ нѣтъ; но въ дополненіи Епифаніевскаго житія замѣтны заимствованія изъ біографіи иг. Никона. Въ спискахъ не названъ авторъ крат- каго проложнаго житія Сергія; но оно составлено по Пахоміев- ской редакціи житія, въ древнѣйшихъ спискахъ обыкновенно слѣдуетъ за службой Сергію, написанной Пахоміемъ, и вмѣстѣ съ ней встрѣчается уже въ сборникѣ 1459 г. ²⁾. Есть списокъ составленнаго Пахоміемъ житія митр. Алексія съ замѣткой въ заглавіи, что оно написано въ 1459 г., по порученію митр. Іоны и собора святителей ³⁾. Ниже, въ разборѣ этого житія, будутъ изложены основанія, почему можно предполагать, что часть этого новаго труда Пахомія, сказаніе объ открытіи мо- щей св. Алексія и служба ему были написаны раньше, около

¹⁾ Рум. Тр. Сер. л. № 180; въ концѣ книги Симеона на л. 103 тѣмъ же почеркомъ приписано: „многочислаго и послѣдняго Пахоміе, въ лѣто 6951“; въ концѣ Палади на л. 355: „въ л. 6953.“ Въ рукописи Моск. дух. акад. № 23 приписка того же почерка: „списана бысть сія божествен- ныя книги псалмы Давидови повелѣніемъ Сергія старца, Сергіева мона- стыря назначивъ, рукою послѣдняго въ священноиноцѣхъ тахъ іеромонахъ Пахомія сербина, въ лѣто 6967“.

²⁾ Синод. № 637, л. 81—87. Сб. Тр. С. л. XV в. № 116, л. 412.

³⁾ Синод. № 556, рукоп. XV—XVI в. л. 140.

1450 года, вскорѣ послѣ того какъ новопоставленный митр. Іона съ соборомъ русскихъ епископовъ установилъ всецерковное празднованіе памяти Алексія.

Такимъ образомъ Пахомій получалъ значеніе официальнаго агіобіографа и творца каноновъ и пользовался большою литературною извѣстностью въ русской церковной средѣ. Этимъ объявляется приглашеніе, полученное Пахоміемъ изъ Новгорода. Желая увѣковѣчить въ потомствѣ память объ отечественныхъ, особенно мѣстныхъ новгородскихъ угодникахъ, новгородскій архіеп. Іона поручилъ жившему у него Пахомію написать житія ихъ и каноны для церковнаго празднованія ихъ памяти. Такъ пишетъ біографъ Іоны, прибавляя, что владыка не щадилъ имѣн'я для прославленія Божіихъ угодниковъ и щедро вознаграждалъ «искуснаго въ книжныхъ слогиахъ» Серба за его литературные труды множествомъ золота, серебра и соборей. Но здѣсь есть нѣкоторая неясность въ извѣстіяхъ о Пахоміѣ. По разсказу упомянутаго біографа Іоны, когда въ Новгородѣ пріѣхалъ вел. кн. Василій и здѣсь въ январѣ 1460 г. совершилось надъ его постельникомъ чудо преп. Варлаама, Пахомій жилъ уже въ Новгородѣ, у архіеп. Іоны, который поручилъ ему тогда написать повѣсть о случившемся чудѣ и другія сочиненія. Пребываніе Пахомія въ Новгородѣ послѣ того было непродолжительное: къ началу 1462 г. онъ вернулся въ Москву. По этому нельзя не удивиться быстротѣ его пера при томъ количествѣ написанныхъ имъ тогда въ Новгородѣ сочиненій, какое перечисляетъ біографъ архіеп. Іоны. Онъ написалъ сказаніе о чудѣ преп. Варлаама въ 1460 г., житіе этого святаго съ похвальнымъ словомъ и канономъ, также житія блаж. княгини Ольги, преп. Саввы Вишерскаго и предшественника Іоны, архіеп. Евѣмія, съ канонами каждому изъ этихъ святыхъ, наконецъ службу св. Онуфрію, которому былъ посвященъ храмъ въ Отней пустыни, мѣстѣ постриженія Іоны, пользовавшейся потому

его особеннымъ покровительствомъ. По смерти митр. Іоны въ мартѣ 1461 г. владыка новгородскій упросилъ Пахомія написать службу на память этого святителя ¹⁾). Такъ рассказываетъ жизнеописатель-современникъ Іоны, ставя сказаніе о чудѣ 1860 г. на первомъ мѣстѣ въ ряду новгородскихъ трудовъ Пахомія. Но самъ Пахомій въ предисловіи къ житію Варлаама Хутынского пишетъ, что онъ пріѣхалъ въ Новгородъ еще при архіеп. Евѳиміѣ, слѣдовательно раньше марта 1458 г., и этотъ владыка поручилъ ему съѣздить въ обитель Варлаама, чтобы собрать свѣдѣнія о чудесахъ его. Очевидно, Евѳимій желалъ, чтобы написано было житіе Варлаама: до своего архіерейства онъ жилъ нѣсколько времени въ Хутынскомъ монастырѣ; въ позднѣйшихъ спискахъ житія Варлаама сохранилось извѣстіе, что онъ думалъ открыть мощи этого святаго ²⁾). Съ другой стороны, выше указана книга, писанная Пахоміемъ въ 1459 г., по порученію казначея Троицкаго Сергіева монастыря. Остается предположить одно изъ двухъ: или Пахомій писалъ эту книгу, живя въ Новгородѣ, или онъ пріѣзжалъ сюда при архіеп. Іонѣ въ

1) Списки всчисленныхъ житій указаны ниже въ своемъ мѣстѣ. Канонъ Варлааму безъ имени автора въ трефол. XV в. Тр. С. л. № 617 и Унд. № 100, л. 244; канонъ Саввѣ съ именемъ Пахомія въ сб. Рум. XVI в. № 397, л. 25, въ трефол. XVI в. Тр. С. л. № 624, л. 86, Унд. № 101, л. 75; канонъ митр. Іовѣ Рум. № 397, л. 161; архіеп. Евѳимію тамъ же л. 146, Унд. № 101, л. 324; тропарь изъ службы Евѳимію встрѣчаемъ уже въ сб. 1460 года, принадлежавшемъ преп. Герману соловецкому (солов. библ. № 802). Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчаются каноны преп. Онуфрію и ки. Ольгѣ, но безъ имени автора (Рум. № 397, л. 283; Унд. № 101, л. 374).

2) Разсказъ объ этомъ помѣщенъ между посмертными чудесами въ житіи по списку въ Милют. ч. мин. ноябр. л. 262, съ ошибочной хронологической замѣткой въ заглавіи: «О смотрѣніи мощей архіеп. Евѳиміемъ въ лѣто 6968». На время, когда написанъ разсказъ, указываетъ замѣчаніе о лѣтѣ Іванѣ Караманѣ, державшемъ лампаду при осмотрѣ: «четырехъ мѣсцевъ не доживе архіепископа Макарія».

1459 г. уже въ другой разъ. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, есть основаніе сомнѣваться въ точности извѣстія, будто житіе Саввы Вишерскаго написано въ 1460—1461 г., до отъѣзда Пахомія изъ Новгорода. Біографъ архіеп. Іоны заключаетъ свой перечень новгородскихъ трудовъ Пахомія неожиданнымъ извѣстіемъ, что владыка много уговаривалъ Пахомія написать канонъ Сергію радонежскому, хотя служба ему съ двумя канонами давно уже была составлена Пахоміемъ. Іонъ хотѣлось, чтобы Пахомій написалъ ему еще нѣсколько житій и каноновъ; но послѣдній отказался, собиравсь вернуться въ московскія страны. Тамъ ожидало его новое литературное порученіе. Въ предисловіи къ житію преп. Кирилла Бѣлозерскаго онъ пишетъ, что по благословенію мигр. Θεодосія, «овогда повелѣнъ бывъ *тогда* самодръжцемъ в. кн. Васильемъ Васпльевичемъ», онъ отправился въ Кирилловъ монастырь, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія для біографіи святаго. Θεодосій возведенъ на митрополию въ маѣ 1461 г., а в. кн. Василій умеръ въ мартѣ 1462; этимъ опредѣляется время поѣздки Пахомія на Бѣлоозеро. Но изъ словъ автора въ предисловіи можно замѣтить, что эта обширная біографія написана уже по смерти Василія, хотя нельзя опредѣлить, гдѣ и когда именно: едвали не самый древній списокъ ея сохранился въ Сергіевомъ монастырѣ и писанъ около 1470 г. ¹⁾ Въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія (1462—1472) слѣды Пахомія исчезаютъ въ письменности: неизвѣстно, гдѣ онъ жилъ и писалъ ли что-нибудь. Въ 1472 г. онъ снова призванъ былъ къ официальному литературному труду.

¹⁾ Время этого списка, писаннаго рукою Павсія Ярославла и впаденнаго въ сб. Тр. Серг. з. № 764, л. 2—62, опредѣляется припиской въ концѣ его, сдѣланной Павсіемъ: „Господиу игумену Спиридоніу жавои. Троща сіе надписаніе отъ руки грѣшна впока Павсія, отъ усердіа съ любовію, аще и не удобренно, но отъ жалапіа“. Спиридоній игуменствовалъ у Трощы въ 1467—1474 г.

Въ 1472 г. сломали старый Успенскій соборъ въ Москвѣ, основанный митр. Петромъ, и начали строить новый; тогдаже совершенно было открытіе и первое перенесеніе мощей св. митрополита на новое мѣсто и день перенесенія, 1 іюля, положили праздновать по всей землѣ. Современный лѣтописецъ замѣчаетъ, что Пахомію поручено было написать слово объ этомъ событіи и службу въ память его ¹⁾). Слово это, совершенно согласное съ извѣстіемъ лѣтописца о его содержаніи и довольно рѣдко встрѣчающееся въ рукописяхъ, иногда помѣщается въ нихъ 24 авг., по ошибкѣ писцовъ, которые смѣшивали первое перенесеніе со вторымъ, бывшимъ 24 авг. 1479 г. Объ этомъ послѣднемъ ни слова не говоритъ Пахомій въ своей повѣсти, заключая рассказъ извѣстіемъ объ установленіи праздника 1 іюля. Въ самой повѣсти есть довольно ясныя указанія на время ея составленія: авторъ говоритъ, что пишетъ по повелѣнію самодержца и архіерея, «иже того самого блаженнаго Петра высокій престолъ *содержащаго*». Этотъ архіерей, какъ поясняетъ Пахомій, есть митр. Филиппъ; повѣсть ничего не говоритъ ни о паденіи основаннаго этимъ митрополитомъ собора въ 1474 г., ни о смерти Филиппа въ апр. 1473 г., выражаясь о немъ какъ о живомъ еще владыкѣ. Отсюда видно, что она составлена вскорѣ, послѣ событія 1 іюля. Сравнивая ее съ двумя лѣтописными сказаніями о томъ же, находимъ, что она гораздо бѣднѣ послѣднихъ

¹⁾ П. С. Лѣт. VI, 196: „И сдумаша и пренесоша мощи его іюля въ 1, и праздникъ великъ учиниша; и канонъ пренесенію мощей учиниша и слово досѣти о церковномъ замышленіи и о обрѣтеніи чудотворцовъ и о обрѣтеніи Іоннѣ повелѣша Пахомью сербину, мнѣху Сергіева монастыри, иже сотвори два канона“. Это „слово на пренесеніе честныхъ мощей“ въ Макар. ч. мн. авг. стр. 2161. Ср. Рум. № 153, л. 30. Служба въ сб. Тр. Сер. л. 1509 г. № 590; складыванъ начальныи слова и буквы тропарей канона, получимъ: „повелѣніемъ благочестиваго великаго км. Іованна всея Русы, благословеніемъ Филиппа митрополита всеи Русы благодарно принесеси рукою многогрѣшнаго Пахомія сербина“.

подробностями и нѣкоторыя изъ нихъ, по замѣчанію одного лѣтописца, передаетъ не вполне точно; но она писана на праздникъ и изложена въ духѣ витіеватой церковной проповѣди, не стремясь быть обстоятельной исторической запиской о событіи¹⁾. Въ минеяхъ митр. Макарія это слово Пахомія сопровождается сказаніемъ о дальнѣйшей постройкѣ Успенскаго собора по второмъ перенесеніи мощей митр. Петра въ 1479 г. Архіеп. Филаретъ, новидимому, и это сказаніе приписываетъ Пахомію²⁾. Составъ его не поддерживаетъ этого предположенія: оно начинается не прямо съ того, что слѣдовало за перенесеніемъ 1 іюля, описаннымъ въ разсмотрѣнной повѣсти, но повторляетъ послѣднюю, легко передѣлывая изложеніе Пахомія и мѣстами дословно заимствуя у него риторическія украшенія. Это продолженіе Пахоміева слова составлено также въ XV в., вѣроятно вскорѣ послѣ 24 авг. 1479 года³⁾. За нимъ слѣдуютъ въ указанномъ спискѣ два похвальные слова, одно на память св. Петра, другое на перенесеніе его мощей; эти слова также приписываются Пахомію и также едва ли принадлежатъ ему⁴⁾. Витіеватое прославленіе святаго уже изложено Пахоміемъ въ

1) П. С. Лѣт. VI, 194 и слѣд. VIII, 170 и слѣд.

2) Макар. Ч. Мин. авг. стр. 2168. Тоже въ Милют. Ч. Мин. авг. л. 1047. Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лѣт. I, 144 и въ Р. Свят. дек. прим. 206.

3) Оно есть въ рук. Унд. № 232, л. 104, писанной не позже 1497 г. Такъ какъ въ 1479 г., вслѣдствіе новаго перенесенія, празднованіе его было, во лѣтописи, перемещено съ 1 іюля на 24 августа, то и слово Пахомія о первомъ перенесеніи стали потомъ переписывать подъ 24 авг.; точно такъ же служба на перенесеніе 1 іюля, написанная Пахоміемъ, уже въ си. 1509 г. помѣчена 24 авг.

4) Макар. ч. мин. авг. стр. 2173 и 2176. Начъ перваго: „Праведныхъ душа въ рущѣ Божіи“. Начъ втораго: „Се настоитъ, братіе, свѣтоносное призванство“. Первое помѣщено послѣ сказанія о строеніи Успенскаго собора въ указанномъ сб. Унд. № 232, л. 107; въ нѣкоторыхъ спискахъ оно присоединяется къ Клиріоновской редакціи житія св. Петра.

концѣ его слова о перенесеніи 1 іюля; указанныя похвальныя слова — только развитіе этого прославленія, на нѣсколькихъ страницахъ почти дословно сходное въ обоихъ и составленное съ помощію Пахоміева слова, подобно сказанію о второмъ перенесеніи.

Послѣ приведеннаго извѣстія лѣтописца о литературныхъ трудахъ Пахомія въ 1472 г. не находимъ ясныхъ указаній на его дѣятельность; но она еще продолжалась и повидимому не мало лѣтъ. Бромѣ исчисленныхъ произведеній остается значительный и разнообразный рядъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторыя писаны послѣ 1472 г. Древнерусская письменность усвоила ихъ Пахомію, но не оставила извѣстій, когда, гдѣ или по какому поводу были они составлены. Сохранились списки канона св. Стефану пермскому, содержащаго въ начальныхъ словахъ и буквахъ нѣкоторыхъ стиховъ извѣстіе, что онъ писанъ «рукою многорыбнаго Пахомія сербина, повелѣніемъ владыки Филовія епископа» следовательно не раньше 1472 года¹⁾. Списки житія новгородскаго архіепа Моисея называютъ авторомъ его того же Пахомія сербина. Указанное выше лѣтописное извѣстіе 1472 г. называетъ Пахомія инокомъ Сергіева монастыря; неизвѣстно, покидалъ ли онъ послѣ того эту обитель и когда умеръ. Біографія Моисея, по содержанію одного чуда въ ней, могла быть написана не раньше 1484 г.; судя по времени пріѣзда Пахомія на Русь, она была послѣднимъ трудомъ его, написаннымъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Въ службѣ Знаменію Богородицы въ Новгородѣ (чудо 1169 г.) находимъ два канона, оба съ надписью: «твореніе священника Пахомія Логовета»²⁾. Нѣкоторыми чертами изложенія напоминаетъ эти каноны и вооб-

¹⁾ Сп. XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 617, XVI в. въ сб. той же лавры № 624, л. 354, въ сб. Рум. № 397, л. 189.

²⁾ Въ синод. сб. № 447, л. 376, въ сб. Унд. № 378, л. 1, въ рук. гр. А. С. Уварова № 65.

ше приемы пахомиевскаго пера витѣватое похвальное слово Знаменію, обыкновенно присоединяемое въ рукописяхъ къ древнему новгородскому сказанію объ этомъ чудѣ ¹⁾). Наконецъ встрѣчаемъ списокъ житія новгородскаго архіеп. Іоанпа, правда поздній, который показываетъ, что древнерусская письменность усвоила и это житіе перу Пахомія ²⁾). Такихъ указаній, разумѣется, недостаточно для рѣшенія вопроса объ авторѣ двухъ названныхъ произведеній; можно только привести нѣкоторыя соображенія, поддерживающія эти указанія. Главное содержаніе житія архіеп. Іоанна почерпнуто изъ круга мѣстныхъ народныхъ преданій. Имя Іоанна получило важное значеніе въ мѣстной легендѣ благодаря тому, что онъ во время нашествія Суздальцевъ на Новгородъ послужилъ орудіемъ чуда отъ иконы Богородицы, ставшаго любимымъ воспоминаніемъ Новгородцевъ. Память объ этомъ владыкѣ вмѣстѣ съ новгородской стариной оживилась особенно въ XV в., въ эпоху послѣдней борьбы Новгорода съ Москвою. Явленіе его архіеп. Евоиміо въ 1439 г., какъ рассказываетъ житіе, повело къ открытію его мощей и къ установленію панихиды 4 октября всѣмъ князьямъ и владыкамъ, погребеннымъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ именемъ Іоанна, подъ вліяніемъ опасностей со стороны Москвы, должно было оживиться и воспоминаніе о чудѣ 1169 г. Это сказывается въ легендахъ, распространенныхъ изъ Новгорода въ XV в., о знаменіяхъ, подобныхъ чуду XII в., состоявшихъ въ явленіи слезъ на иконахъ Богородицы ³⁾). Не указываемый

¹⁾ Спискъ XVI в. въ синод. сб. № 555, л. 260, въ Мажар. ч. мн. ноябрь. стр. 2451. въ сб. Унд. № 571, л. 41.

²⁾ Оно въ рукописяхъ обыкновенно встрѣчается безъ имени автора; явъ появился только одинъ списокъ XVII в., сходный съ другими, но съ надписью въ заглавіи: „списано бысть священникомъ Пахоміемъ, іермонахомъ в Логовостомъ иже отъ Св. Горы (рук. А. А. Шахова)“.

³⁾ См. наприм. П. С. Лѣт. IV, 127; III, 241 и 136; VIII, 158. Можетъ быть съ однимъ изъ такихъ современныхъ знаменій сближаетъ Па-

въ рукописяхъ поводъ къ составленію двухъ каноповъ Знаменію Пахоміемъ, можетъ быть, побудилъ его написать и похвальное слово объ этомъ чудѣ и житіе архіеп. Іоанна. Труды, предметъ которыхъ заимствованъ изъ церковной исторіи Новгорода, были слѣдствіемъ пребыванія Пахомія въ этомъ городѣ или сношеній съ нимъ, не прерывавшихся и по возвращеніи автора къ Троицѣ. Но трудно догадаться о времени и поводѣ къ написанію четырехъ другихъ произведеній, обозначаемыхъ именемъ Пахомія — повѣсти о страданіи черниговскаго кн. Михайла и его боярина Θεодора съ службой на память ихъ, похвальнаго слова на Покровъ Богородицы и канона въ службѣ св. Борису и Глѣбу¹⁾). Только о первомъ изъ этихъ сочиненій можно сказать, что оно написано раньше 1473 года: биографъ князя ярославскаго Θεодора, писавшій около этого года, зналъ уже повѣсть о Батыѣ, приложенную Пахоміемъ къ сказанію о кн. Михайлѣ.

хоніи древнее чудо въ одномъ стихѣ 2-го ваноца: „Видѣхомъ преславное днесь знаменіе, бывшее отъ божественнаго ти зрака, Мати Божія“. Съ другой стороны, въ слогѣ о Знаменіи и въ житіи архіеп. Іоанна встрѣчаемъ намеки, обличающіе въ авторѣ челоуѣва, который жилъ въ эпоху паденія В. Новгорода. Въ слогѣ о Знаменіи чтимъ, что Богъ показавъ чудо „иконою Матери Своея, яко да посрамятся иконоборцы“. Макар. ч. мн. новбр. стр. 2452. Авторъ житія Іоанна влгаетъ въ уста его предсмертное поученіе въ наставѣ, въ которомъ говоритъ о чудѣ: „того ради се бысть, да посрамятся иконоборцы, да не раслятся обычая наша и да върюю несужѣнною поглянаюмъ съ иконами“. Пять извѣстій о какой либо опасности для новгородской икосты времени Іоанна со стороны иконоборцевъ: но въ 70-хъ годахъ XV в. въ ней бродили мнѣнія такъ-называемой ереси жидовствующихъ, обнаружившіеся между прочимъ въ поруганіи иконъ. На то же время указываетъ увѣщаніе Іоанна въ поученіи къ паствѣ: „якнзя (православниго) бойтеса, за иконобѣрнаго же и нечестиваго князя не предавайтеса“.

¹⁾ Сп. канона кн. Михайлу и бояр. Θεодору съ именемъ автора въ сб. Тр. Серг. г. № 470 и Унд. № 101. Канонъ Борису и Глѣбу въ сб. Тр. г. XV в. № 116 и XVI в. № 646. Слово на Покровъ въ сб. Рум. № 437.

Житія, которыя одни подлежатъ нашему разбору изъ всѣхъ исчисленныхъ разнообразныхъ произведеній Пахомія, распадаются на двѣ группы по отношенію къ нимъ критики. Одни изъ нихъ — только передѣлки прежде написанныхъ и сохранившихся біографій и могутъ быть повѣрены на основаніи послѣднихъ: таковы житія Сергія, митр. Алексія, Варлаама Хутынскаго, архіеп. Моисея и сказаніе о кн. Михаилѣ черниговскомъ. Остальныя стоятъ виѣ такой повѣрки, ибо написаны или прямо по изустнымъ рассказамъ, или на основаніи письменныхъ источниковъ, уже утраченныхъ.

Къ изложеннымъ соображеніямъ о времени написанія и составѣ Пахоміева житія Сергія остается прибавить нѣсколько замѣчаній о значеніи его какъ историческаго источника ¹⁾. Уже древнерусская письменность считала его не самостоятельнымъ произведеніемъ, а только передѣлкой, новой редакціей прежде написанной біографіи: въ большей части списковъ этого житія заглавіе сопровождается замѣткой, что оно «преже списано бысть отъ духовника мудрѣйшаго Елифанія, послѣжде преписапо (или «преведено») бысть отъ священноинокѣ Пахомія Св. Горы». Разборъ отношенія Пахоміевской редакціи, служившей образцомъ для другихъ, къ ея оригиналу дастъ одно изъ указаній на то, для чего и какъ дѣлались эти новые «преводы» или редакціи, наполняющія собою древнерусскую письменность житій. Цѣль Пахоміевой передѣлки житія указывается замѣткой въ одномъ спискѣ службы Сергію, откуда видно, что твореніе Пахомія читалось въ церкви на праздникъ памяти святаго;

¹⁾ Списки перваго пересмотра житія указаны выше. Изъ многочисленныхъ списковъ втораго обозначаемъ здѣсь древнѣйшіе: въ сб. синод. № 637, л. 2, в Тр. С. л. № 264, л. 112 (оба списка 1459 г.), въ сб. той же завры XV в. № 116, л. 355, въ сб. 1505 г. тамъ же № 466, л. 278, въ вологод. сб. Моск. д. вк. XVI в. № 634, л. 1, въ синод. Ч. Мин. домавар. сост. № 169, л. 202, и въ синод. сб. № 555, л. 97.

житіе, написанное Епифаніемъ, не было удобно для этого ни по размѣрамъ, ни по свойству изложенія ¹⁾). Согласно съ такимъ назначеніемъ житіе начинается обращеніемъ къ предстоящей братіи, призывающимъ ее достойно праздновать память святаго. Въ послѣсловіи авторъ выставляетъ главнымъ побужденіемъ къ написанію біографіи посмертныя чудеса святаго, видѣнныя и слышанныя имъ въ обители, которыя онъ первый внесъ въ житіе, ибо при взглядѣ на послѣднее какъ на церковное назидательное слово рассказъ о чудесахъ становится въ его составѣ существенной, необходимой частью. Указанное назначеніе біографіи, съ одной стороны, объясняетъ чрезвычайно широкое распространеніе ея въ древнерусской письменности, съ другой—опредѣлило главныя особенности ея изложенія. Чтобы сообщить своей редакціи размѣры, возможные для церковнаго слова, Пахомій стараетсяъ возможно больше сократить Епифаніевскій оригиналъ, опуская его многочисленныя риторическія отступленія, сжимая иногда десятокъ его листовъ въ 10 строкъ. Но вмѣстѣ съ риторическими отступленіями исчезли подъ перомъ Пахомія и тѣ живыя, дорогія для историка черты, которыя занисалъ въ житіи Епифаній по личнымъ воспоминаніямъ или рассказамъ очевидцевъ, напримѣръ видъ глухой лѣсной пустыни въ то время, когда уединился въ ней Сергій, и постепенное заселеніе ея вмѣстѣ съ развитіемъ монастыря. Такъ изложена редакторомъ бѣльшая половина житія, до статьи объ изведеніи источника; отсель перифразъ чередуется у Пахомія съ дословной выпиской. Далѣе, редакторъ опускалъ факты оригинала, какіе находилъ неудобными для чтенія въ церкви, или измѣнялъ ихъ подробности и причины, чтобы сообщить бо-

¹⁾ Въ сб. Тр. Серг. з. № 466, з. 270 служба Сергію, составленная Пахоміемъ, и на ней *чтеніе*: „Приидите, честное и святое постникъ сословіе“: это—начало предисловія пахоміевской редакціи житія, которая читалась на службѣ.

лѣ назидательности своему изложелію. Епифаній не былъ восквичъ и не смотрѣлъ на событія московскими глазами: какъ въ житіи Стефана онъ упрекнулъ москвичей за недостаточное признаніе подвиговъ пермскаго просвѣтителя, такъ и здѣсь въ правдивомъ разсказѣ о переселеніи Сергіева отца изъ Ростова не задумался выставить главной причиной событія московскія наслія. Пахомій передалъ фактъ безъ объясненія. Сергій, уходя въ пустыню, отдаетъ свою долю отцовскаго наслѣдства у Епифанія младшему брату, у Пахомія — бѣднымъ, ибо такъ лучше сказать въ житіи; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и гадъ, у Пахомія бѣсы преобразались въ звѣрей и змѣй и нападали на Сергія; по разсказу Епифанія, Сергій ушелъ изъ своего монастыря на Биржачъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ братіи не желали имѣть его игуменомъ и во главѣ ихъ былъ родной братъ его Стефанъ, однажды въ церкви изрекшій на Сергія «многа, еже не дѣпо бѣ»; Пахомій нашелъ неумѣстнымъ напоминать братіи объ этомъ нецрїятномъ дѣлѣ и объяснилъ удаленіе Сергія желаніемъ отыскать мѣсто для безмолвія, которое постоянно нарушали богомольцы, во множествѣ приходившіе въ монастырь. Наконецъ, кромѣ этихъ поправокъ, вызванныхъ соображеніями редактора, у него есть неточности, происшедшія отъ недосмотра. Онъ знаетъ о жизни Сергія не больше Епифанія, хотя въ послѣсловіи ссылается на разсказы другихъ братій монастыря; онъ вноситъ въ біографію свои мысли, приемы изложенія, свой прагматизмъ, но не вноситъ новыхъ біографическихъ чертъ. Относясь къ своему труду преимущественно какъ стилистъ, равнодушный къ историческому факту, онъ менѣе заботится о точности и послѣдовательности разсказа. Епифаній внимательно слѣдитъ за постепеннымъ образованіемъ небольшой монашеской общины около радонежскаго пустынника, за ея первоначальной жизнію и развитіемъ монастыря въ связи

съ распространіемъ его извѣстности. Пахомій стираетъ эти любопытныя подробности своими общими мѣстами, не думая о связи событій, и вслѣдъ за описаніемъ уединенной жизни Сергія говоритъ уже о многочисленной братіи, привлеченной къ нему всюду разносившейся славой его подвиговъ, не поясняя, кто видѣлъ эти подвиги пустытника, не выдавшаго лица человѣческаго. Иногда Пахомій безъ всякой причины измѣняетъ порядокъ статей оригинала или, опустивъ одну статью, удерживаетъ ссылку на нее, сдѣланную Епифаніемъ въ другой дальнѣйшей¹⁾). Такимъ образомъ рядомъ съ уцѣлѣвшей Епифаніевской біографіей редакція Пахомія имѣетъ нѣкоторую цѣну какъ исторической источникъ, только благодаря дополнительнымъ статьямъ объ открытіи мощей и посмертныхъ чудесахъ святаго.

Какъ библиографическая исторія житія митр. Алексія, такъ и его фактическое содержаніе представляютъ много темныхъ, едвали даже разъяснимыхъ пунктовъ. Надъ обработкой этого житія трудился рядъ писателей, начинающійся Питиримомъ въ половинѣ XV в. и оканчивающійся чудовскимъ инокомъ во второй половинѣ XVII в. Пахомій только наиболѣе извѣстный авторъ изъ этого ряда. Исторія житія тѣсно связана съ судьбою мощей св. Алексія и начинается съ ихъ обрѣтенія. Сказаніе о немъ было обработано въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Двѣ изъ нихъ встрѣчаются въ спискахъ Пахоміева житія Алексія, одна краткая, другая распространенная, объ 8 или 9 чуде-

¹⁾ Статья о Симоновомъ монастырѣ начинается у Пахомія такъ же какъ у Епифанія: „Прежде убо бесѣдовахомъ еше о Стефанѣ, братѣ Сергіевѣ“. Но рассказъ о постриженіи Стефанова сына Теодора, на который здѣсь ссылается Епифаній, опущенъ у Пахомія. Не на мѣстѣ поставленъ у Пахомія наприм. рассказъ о благословеніи Исавія на молчаніе: у Епифанія онъ слѣдуетъ за статьей о Каржацкомъ монастырѣ, какъ и должно, а не предшествуетъ ей, какъ у Пахомія.

сами ¹⁾). Третья есть передѣлка пространной статьи Пахоміевскаго житія и прибавляетъ къ ея чудесамъ новое—объ исцѣленіи чудовскаго инока хромца, сокращая пространное сказаніе объ этомъ митр. Θεодосія ²⁾). Наконецъ 4-я редакція, съ витіеватымъ предисловіемъ, имѣетъ характеръ церковной бесѣды на праздникъ обрѣтенія мощей 20 мая: это другая передѣлка Пахоміева сказанія, составленная въ Чудовомъ монастырѣ въ XVI в. при митр. Макаріѣ, съ новыми фактическими подробностями и съ прибавленіемъ повѣсти о вторичномъ перенесеніи мощей Алексія послѣ 1483 года ³⁾). Время обрѣтенія мощей опредѣляется въ этихъ редакціяхъ сказанія двумя противорѣчящими другъ другу извѣстіями: *вслѣдствіе* онѣ согласно говорятъ, что это случилось при митр. Фотіѣ, слѣдовательно не позже іюля 1431 г.; но краткая Пахоміевская и четвертая прибавляютъ, что это было спустя 60 лѣтъ по преставленіи Алексія, слѣдовательно около 1438 г. Остается избрать изъ этихъ показаній вѣроятнѣйшее. Извѣстіе о 60 годахъ взято изъ службы на обрѣтеніе мощей, составленной Штиримомъ, въ которой чи-

¹⁾ Первая въ сп. житія синод. № 90, л. 148, въ Макар. ч. мин. по усп. си. февр. стр. 826, въ вологод. сб. Моск. д. янад. начала XVI в. № 634, л. 167. Вторая въ синод. сб. XVI в. № 948, л. 131. Въ Милют. ч. мин. февр. л. 338—365 объ ред. рядомъ. Въ тѣхъ же спискахъ объ ред. сопровождаются двумя похвальными словами, краткими и пространными, скомпонованными неловко изъ краткаго и изъ похвалы Сергію Радонежскому.

²⁾ Она въ Мак. ч. мин. май, по усп. си. стр. 1150, по синод. л. 925. Время ея составленія не ясно. Нѣкоторые признаки указываютъ на конецъ XV вѣка: о чудесахъ изъ конехъ послѣднее, исцѣленіе хромца, относятся въ 1462 г., въ ней замѣчено: „сія вся чудотворенія не во мнозѣхъ лѣтѣхъ сдѣяшася, вже многи суть свидѣтели тѣмъ и донынѣ“; она ничего не говоритъ о вторичномъ перенесеніи, которое было незадолго до 1501 г., когда построенную еще при Алексіѣ церковь Чудъ, изъ которой перенесены были мощи, разобрала, чтобы выстроить новую (И. С. Лѣт. VIII, 240).

³⁾ И. С. Лѣт. VIII, 215. Эта ред. въ Милют. ч. мин. май, л. 1078, о вторичномъ перенесеніи л. 1082.

таемъ: «въ 60-е лѣто обрѣтошася (мощи) невредимы ничимъ же». Но Питиримъ и современники его, разсказами которыхъ пользовался Пахомій, легче могли ошибиться въ числѣ лѣтъ, протекшихъ со смерти Алексія, чѣмъ въ имени митрополита, при которомъ произошло обрѣтеніе, бывшее на ихъ памяти. Притомъ въ одной редакціи житія, правда позднѣйшей, къ указаннымъ противорѣчивымъ извѣстіямъ прибавленъ самый годъ обрѣтенія—1431, которымъ нѣтъ основанія жертвовать для круглой цифры 60 годовъ ¹⁾).

Третья изъ описанныхъ редакцій сказанія сохранила извѣстіе о времени, когда писалъ Питиримъ. Спустя *много* времени по обрѣтеніи, одинъ чудовской іеромонахъ разсказалъ, что ему явился во снѣ Алексій и повелѣлъ еп. Питириму, прѣхавшему тогда изъ Перми и остановившемуся въ Чудовомъ монастырѣ, написать стихиры и канонъ въ память его. Питиримъ «не мало о семъ потрудился и елика бѣ мощна, сице почте святаго». Составленная служба приписана къ митр. Іонѣ, который по совѣщанію съ соборомъ русскихъ епископовъ постановляетъ праздновать память Алексія 12 февр. и обрѣтеніе 20 мая ²⁾. Это, очевидно, относится къ 1447 и 1448 гг., когда Питиримъ былъ въ Москвѣ, участвуя вмѣстѣ съ другими епископами въ соборныхъ совѣщаніяхъ и между прочимъ въ поставленіи Іоны (дек. 1448 г.) на митрополию ³⁾. Въ приведенномъ извѣстіи нѣтъ прямыхъ

¹⁾ Ник. IV, 65. Фотій умеръ въ іюль 1431, а мощи обрѣтены въ маѣ. Поэтому мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ 1431 годъ обрѣтенія, принимаемый арх. Филаретомъ (Р. Свят. февр. стр. 116), чѣмъ 1439, принимаемый преосв. Макаріемъ на основаніи Питиримовой службы (Ист. Р. Ц. V, 239).

²⁾ Макар ч. мн. по усп. сп. май, стр. 1151.

³⁾ Этимъ опровергается мнѣніе преосв. Макарія, что служба составлена на Питиримомъ *тогда* по открытіи мощей (Ист. Р. Ц. IV, 255): 3-я редакція сказанія прямо говоритъ, что явленіе Алексія было «времени уже не малу явмошедшу», по обрѣтеніи.

указанія на то, чтобы тогда же составлено было Птиримомъ и житіе Алексія; но Пахомій главнымъ источникомъ своей біографіи Алексія выставляетъ въ предисловіи писаніе *архимандрита* Птирима, «*иже послѣди бысть въ Перми епископъ*». Эти слова могутъ навести на мысль, что Птиримъ составилъ жизнеописаніе Алексія гораздо прежде службы и своего епископства ¹⁾. Но изъ словъ того же Пахомія можно замѣтить, что онъ выразился не совсѣмъ точно и что Птиримъ написалъ житіе въ одно время съ службой, передъ возвращеніемъ въ Пермь. не имѣя досуга: «*сей убо предиреченный епископъ, продолааетъ Пахомій, иѣчто мало о святѣмъ еписа и канопъ тому во хвалу изложи... прочая же не посигъ, времени тако зовушу*». Притомъ составленіе службы дѣлало необходимымъ «*чтеніе*» или краткую «*память*» о святомъ на 6-й иѣсни канона. Если таково происхожденіе Птиримовскаго житія, то можно найти иѣкоторыя основанія для простой догадки церковныхъ историковъ, приписывающихъ Птириму краткое житіе, сохранившееся въ рукописяхъ и въ одной лѣтописи ²⁾. Оно отличается вполне характеромъ сухой проложной записки, какая требовалась для церковной службы; къ нему приложима замѣтка Пахомія, что Птиримъ не успѣлъ написать всего, если разумѣть здѣсь чудеса и похвалу, которыхъ иѣтъ при этой запискѣ; случая послѣднюю съ Пахоміевскимъ житіемъ, можно замѣтить, что первая могла быть источникомъ втораго, но невозможно пред-

¹⁾ Такъ въ Степ. I, 445, въ Словарѣ дух. пис. II, 168, въ Ист. Р. Ц. пресв. Макарія, V, 239.

²⁾ Макар. ч. ми. по усп. си. фепр. стр. 824—826. П. С. Лѣт. VIII. 26—28. Оба списка представляютъ разные рецензій; первоначальная изъ нихъ повидимому въ лѣтописи. Нач. по си. Мак. мнѣи: «*Сей убо преп. отецъ нашъ Алексій митрополитъ бѣише родомъ боляринъ, славныхъ и нарочитыхъ боляръ*». Позднѣйшая передѣлка этой ред. въ печатномъ московскомъ прологѣ 1641 г. съ ошибками.

положить въ ней его позднѣйшаго сокращенія, ибо она гораздо богаче его фактами и не во всемъ съ нимъ согласна; наконецъ встрѣчаемъ въ ней выраженія, показывающія, что она писана около половины XV в. или не позже 1483 г. 1); Определеніе собора праздновать обрѣтеніе 20 мая и составленіе службы Питиримомъ на этотъ праздникъ вызывало потребность въ особомъ сказаніи объ этомъ событіи, чего не успѣлъ сдѣлать пермскій епископъ. Написать такое сказаніе вмѣстѣ съ службой на 12 февр. и полнымъ житіемъ, по всей вѣроятности, было тогда же поручено соборомъ Пахомію. Къ этому собору всего скорѣе можно отнести замѣтку въ заглавіи Пахоміевой службы на преставленіе Алексія, что она составлена по благословенію митр. Іоны и «прорасуженіемъ еже о немъ честнаго събора святительска» 2). Порученіе собора относительно житія Пахомій исполнилъ позднѣе, въ 1459 г.; по службу и повѣсть о обрѣтеніи, какъ болѣе пужныя для церкви, онъ долженъ былъ написать скоро, около 1450. Это подтверждается припиской къ упомянутой выше 4-й редакціи сказанія о обрѣтеніи, которая указываетъ приблизительно на то же время 3).

1) О началѣ княженія Іоанна II житіе говоритъ: «самъ князь въ орду отходить къ царю, *коже есть обычай*, взяти великое княженіе». Въ Чудосомъ мов. Алексій поставилъ «трапезу велию камену и погребы камены, *сже есть и доныкъ*». Но въ 1483 была заложена новая трапеза, о которой лѣтопись говоритъ: «того же лѣта заложн чудовскій архимандритъ трапезу камену, а старую разруши». П. С. Лѣт. IV, 235.

2) Такъ по сп. службы въ минеѣ 2 й полов. XV в., рул. Тр. Серг. л. № 528, и въ волокол. сб. Моск. а. акад. нач. XVI в. № 634. Такая же замѣтка и въ заглавіи пахоміевского житія Алексія.

3) Милот. ч. мп. май л. 1087: «по преставленіи св. Алексія мшувшимъ лѣтомъ мало миѣе седмидесетимъ пзпн (послѣ Питирима) состави-ся повѣсть сія армонахомъ Пахоміемъ... благословеніемъ Іоны митрополита.» Этѣмъ объясняется происхожденіе двухъ сказаній Пахомія о обрѣтеніи: первое, пространное, вносившееся въ синсиа житія съ особымъ загла-

При разборѣ содержанія Пахоміевскаго житія Алексія надобно имѣть въ виду, что очень рѣдко можно встрѣтить его въ исправномъ спискѣ, безъ очевидныхъ грубыхъ ошибокъ и пропусковъ ¹⁾). Въ предисловіи Пахомій говоритъ, что слышалъ объ Алексіѣ отъ «великихъ и достовѣрныхъ мужъ», изъ коихъ нѣкоторые еще помнили святаго, «прочая же и достовѣрнѣйшая» узпалъ изъ сочиненія Питирима. Если краткое житіе, сохранившееся въ лѣтописи и съ вариантами въ рукописяхъ, дѣйствительно написано Питиримомъ, то оно оправдываетъ отзывъ Пахомія, что епископъ «нѣчто мало» написалъ о святомъ, но не оправдываетъ другаго его отзыва объ этомъ источникѣ, какъ наиболее достовѣрномъ. Это житіе передаетъ очень мало свѣдѣній о жизни Алексія, особенно о самой важной порѣ ея, когда Алексій правилъ митрополіей: о борьбѣ съ югозападными соперниками, о церковныхъ и политическихъ отношеніяхъ митрополита въ Москвѣ не указано ни одного факта; даже изъ монастырей, имъ основанныхъ, упомянуть одинъ Чудовъ. Но и то, что есть въ житіи, не всегда ясно и достовѣрно. Такъ время рожденія Алексія опредѣляется тремя извѣстіями, изъ которыхъ каждое противорѣчитъ двумъ остальнымъ: 1) Алексій родился въ великокняженіе Михаила Ярославича тверскаго, до

вѣмъ, написано раньше житія; второе безъ особаго заглавія, не отдѣленное отъ житія, составлено одновременно съ нимъ и есть только сокращеніе первой редакціи, въ которой Пахомій вставилъ приведенное извѣстіе Питирима о 60 годахъ.

1) Сп. XV—XVI в. въ синод. сб. № 556, л. 140—165. Въ оригиналѣ, съ котораго снятъ этотъ списокъ, листъ похвалы, сопровождающей житіе, вѣроятно, оторвался и попалъ между листами предисловія; писецъ такъ и переписалъ въ, не замѣтивъ безсмысленцы, отсюда происшедшей, и поставивъ библиографъ въ опасность открыть новую редакцію житія. Исправиле другихъ списки XV—XVI в. въ сб. Тр. С. л. № 643, л. 320, въ сб. синод. № 948, л. 118; другіе съ пропусками въ сб. волокод. XVI в. въ Моск. дух. акад. № 634, л. 167, въ сб. синод. № 90, л. 148, № 555, л. 562, и въ Мавар. ч. мин. по усп. си. февр. стр. 326.

убіенія Акинѳова, слѣдовательно въ 1304 г., когда сталъ великимъ княземъ Михаилъ и убитъ его бояришъ Акинѳъ; 2) Алексій былъ 17-ю годами старше вел. кн. Симеона (Гордаго), слѣдовательно родился 1299 г.; 3) Алексій скончался 85 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно родился 1293 г. ¹⁾ У Пахомія въ разсказѣ до вступленія Алексія на митрополию встрѣчаемъ опущенную въ краткомъ житіи легенду о пророческомъ гласѣ, слышанномъ 12-лѣтнимъ боярскимъ сыномъ во время ловли птичекъ. Но, съ другой стороны, Пахомій далеко не воспроизводитъ всего, что есть въ краткомъ житіи: одиѣ черты его онъ опускаетъ, замѣняя ихъ общими мѣстами житій, другія передаетъ неточно, не выкинувъ въ связь и послѣдовательность событій. По краткому житію Алексій родился въ Москвѣ, по переселеніи сюда родителей, при великомъ кн. Михаилѣ тверскомъ и при митр. Максимѣ, до убіенія Акинѳа, и его крестилъ кп. Иванъ Даниловичъ; Пахомій, не разобравъ или не запомнивъ этихъ сложныхъ указаній, рассказываетъ проще, что отецъ Алексія переселился въ Москву во дни великаго кн. Ивана Даниловича, «тогда убо тому великое княженіе держащу», т. е.

¹⁾ П. С. Лѣт. VII, 184. Пяв. III, 102. Въ 1333 г. Симеону было по лѣтописи 17 лѣтъ, слѣд. онъ род. 1316 (П. С. Лѣт. VII, 204). Извѣстіе о 85 годахъ жизни Алексія сочинено биографомъ на основаніи приблизительныхъ, круглыхъ чиселъ, принятыхъ имъ за точныя: 20 лѣтъ жизни до постриженія, 40 лѣтъ иночества до посвященія въ епископа (въ лѣт. 1352). По Пахомію, Алексій постригся 15 лѣтъ; авторъ краткаго житія самъ говоритъ въ началѣ, что Алексій иночествовалъ до епископства около 40 лѣтъ, а въ концѣ для суммы лѣтъ всей жизни беретъ полныя 40. Отнявъ эти прибавки, приближаемъ время рожденія Алексія ко второму извѣстію; но согласить его съ первымъ можно только предположеніемъ, что здѣсь перемѣшаны событія и что указаніе на 1299 г., когда по лѣтописи весь Кіевъ разбѣжался отъ насплій татарскихъ, относится не къ рожденію Алексія, бывшему позже, а къ переселенію его родителей въ Москву въ Чернигова, вызванному тѣмъ же нападѣямъ, какъ прямо говоритъ пахоміевское житіе.

дѣлаеть анахронизмъ почти на 30 лѣтъ. Точно также назначеніе Алексія на митрополию оуб. относитъ исключительно ко времени вел. кн. Пвана Ивановича и ни слова не говоритъ объ отношеніяхъ Алексія къ вел. кн. Симеону и митр. Феогносту, ясно указанныхъ въ краткомъ житіи и подготовившихъ это назначеніе. За то въ описаніе святительства митр. Алексія Пахомій вводитъ новые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ краткомъ житіи. Изъ нихъ разсказъ объ основаніи Андроникова монастыря и о попыткѣ Алексія уговорить преп. Сергія на митрополию Пахомій буквально выписалъ изъ своего житія Сергія ¹⁾. Сверхъ этого Пахомій разсказываетъ о двухъ поѣздкахъ Алексія въ орду: къ царю Бердибеку — довольно близко къ разсказу лѣтописи подъ 1357 г. и къ Амурату, хану съ 1361 г., для исцѣленія его жены, не названной у Пахомія по имени. Нѣкоторыя лѣтописи и житіе по редакціи XVI в., согласно съ сохранившимся ярыкомъ, называютъ царяцу Тайдулой, женой Чанибека, и относятъ ея исцѣленіе къ тому же 1357 г. Принявъ эту поправку, церковные историки однакожь разсказываютъ вслѣдъ за Пахомиемъ о двухъ поѣздкахъ Алексія, относя обѣ къ 1357, одну ко времени Чанибека, другую ко времени сына его Бердибека, въ томъ же году сѣвшаго на мѣсто отца ²⁾. Но ни одна лѣтопись не говоритъ о двухъ поѣздкахъ; по одной ясно видно, что Алексій поѣхалъ еще при Чанибекѣ, но вернулся при Бердибекѣ; согласно съ нею и позднѣйшія редакціи житія говорятъ только

¹⁾ Слѣдующія за разсказомъ объ Андрониковомъ монастырѣ братія псалтиа объ основаніи Алексіемъ монастырей Благовѣщенскаго въ Нижнемъ и Константинаовскаго во Владимірѣ не точны: первый по лѣтописи существовалъ уже въ 1229 г., а второй въ 1276. П. С. Лѣт. I, 192. Ник. III, 59. Алексій только возстановилъ или поддержалъ эти монастыри.

²⁾ П. С. Лѣт. IV, 63. VIII, 10. Ник. III, 208 и IV, 61. Превосв. Марквій въ Ист. Р. Ц. IV, 47. Арх. Филаретъ въ Р. Свят. севр. стр. 95.

объ одной поѣздкѣ ¹⁾). По всей вѣроятности историки впадаютъ здѣсь въ одинаковую ошибку съ Пахоміемъ, различно повторають одно и тоже событіе, заимствуя его изъ разныхъ источниковъ.—Наконецъ, набравъ извѣстій кой-откуда, Пахомій далъ имъ въ житіи случайный порядокъ и спуталъ ихъ хронологическую послѣдовательность; оттого Чудовъ монастырь, основанный въ 1365 году, является у него послѣ нижегородскаго Благовѣщенскаго, построеннаго въ 1370. Такимъ образомъ редакція Пахомія прибавляетъ только новыя ошибки къ Пятиримовскимъ и составлена такъ, что ниже ея въ литературномъ и фактическомъ отношеніи стоятъ немногія житія въ древнерусской литературѣ. Изъ рассмотрѣнной исторіи жизнеописанія Алексія въ XV в. можно извлечь одинъ фактъ, характеризующій московскую письменность этого времени: 70—80 лѣтъ спустя по смерти знаменитаго святителя въ Москвѣ не умѣли написать порядочной и вѣрной его біографіи, даже по порученію великаго князя и митрополита съ соборомъ.

Въ чудесахъ, приложенныхъ Пахоміемъ къ повѣсти о обрѣтеніи мощей, нѣтъ прямыхъ хронологическихъ указаній, но есть намеки, показывающіе, что они всѣ произошли послѣ обрѣтенія, не задолго до составленія Пахоміевскаго житія ²⁾.

Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается особая редакція житія Варлаама Хутынскаго, отличающаяся и отъ краткой первоначальной

¹⁾ Пап. III, 209. Къ этому можно прибавить невѣроятную быстроту, съ какою совершены Алексіемъ таинствъ въ то время страстнн въ орудіи: въ первый разъ онъ поѣхалъ, какъ видно изъ лѣтописи, 18 августа, слѣд. дважды съѣздилъ въ 4 мѣсяца, тѣмъ что въ январѣ слѣдующаго года послѣ Крещенія могъ предпринять уже поѣздку въ Москву въ Кіевъ.

²⁾ Въ 5-мъ чудѣ читаютъ уже канонъ святаго, написанный въ 1448—1449 гг., а въ 4-мъ говорится о славномъ московскомъ мужѣ Владимірѣ, построившемъ церковь Воздвиженія: это—московскій бояринъ Ва. Гр. Ховринъ, построившій на своемъ дворѣ каменную церковь Воздвиженія въ 1450 г. П. С. Лѣт. V, 270. VIII, 123. См. выше стр. 133.

чальной и отъ Пахоміевской, — отъ послѣдней отсутствіемъ предисловія и большей краткостью въ изложеніи одинаковаго содержанія, отъ первой описаніемъ чудесъ при жизни и по смерти Варлаама, чего нѣтъ въ первоначальной редакціи ¹⁾. По нѣкоторымъ признакамъ можно видѣть, что эта редакція есть по времени происхожденія вторая обработка житія, предшествовавшая Пахоміевской. Въ сказаніи о чудѣ Варлаама 1460 г. Пахомій замѣчаетъ, что большой постельникъ великаго князя «издавна имяше у себя житіе преп. Варлаама и часто прочташе того чудеса». Это замѣчаніе не можетъ относиться ни къ Пахоміевой редакціи, составленной не раньше того года, въ январѣ котораго совершилось чудо, ни къ первоначальной, въ которой нѣтъ чудесъ. Разсказъ о «благовѣщаніи отрока», одномъ изъ чудесъ святаго при жизни, вторая редакція, начинается фразой, въ которой можно видѣть хронологическое указаніе: «бѣ бо, рече, тогда князь въ Великомъ Новѣградѣ, якоже обычай есть того града гражданомъ своею волею князя дръжати». Едвали можно было выразиться такъ во второй половинѣ XV в., и Пахомій, воспроизводя это чудо въ своей редакціи, долженъ былъ сказать просто: «прииде князь... его же своею волею себѣ имиху». Наконецъ, описанію посмертныхъ чудесъ разсматриваемая редакція предпосылаетъ замѣтку, что эти чудеса «не предѣ многими лѣты сдѣшася», а послѣднее изъ нихъ, исцѣленіе кн. Константина, по извѣстію въ нѣкоторыхъ спискахъ редакціи, относится ко времени в. кн. Василія Димитріевича, когда Константинъ былъ намѣстникомъ въ Новго-

¹⁾ Списки ея: XV—XVI в., въ синод. сб. № 556, л. 711; XVI в. въ синод. сб. № 948, л. 144, Уид. № 565, л. 58. Нач. „Сей преп. отецъ нашъ Варлаамъ родяся въ В. Новѣгородѣ отъ благоѣрну и христіану родителю, отца именемъ Михаяла“. Первый изъ указанныхъ списковъ оличивается 3-мъ посмертнымъ чудомъ съ кн. Константиномъ Димитріевичемъ; въ другихъ затѣмъ слѣдуютъ позднѣе прибавленныя въ этой редакціи Пахоміево похвальное слово Варлааму и чудо 1460 г.

редѣ, слѣдовательно совершилось въ 1408—1411 г. ¹⁾). Эти чудеса, очевидно, и вызвали въ началѣ XV в. пересмотръ и дополненіе древняго краткаго житія, слѣдствіемъ чего была эта вторая его редакція.

Пахомій въ предисловіи къ своей редакціи говоритъ, что онъ соединилъ въ ней рассказы о Варлаамѣ, которые слышалъ отъ старцевъ Хутыискаго монастыря, куда редакторъ ѣздилъ по порученію архіеп. Евониміа. Это замѣчаніе можно отнести только къ 4 посмертнымъ чудесамъ, которыя пахоміевская редакція прибавляетъ къ 3 прежнимъ, описаннымъ во второй. Главнымъ источникомъ Пахомію служила эта вторая редакція, найденная имъ въ монастырѣ: ее передѣлалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ поѣздки, вслѣдствіе порученія другаго архіепископа—Іоны. Онъ самъ ссылается на этотъ письменный источникъ, сопровождая извѣстіе объ отцѣ Варлаама замѣткой: «матере же того отрока писаніе не яви»; дѣйствительно, вторая редакція, наименовавъ отца, не называетъ матери. Приемы передѣлки и здѣсь тѣже что въ другихъ твореніяхъ Пахомія, составленныхъ по письменнымъ источникамъ: это большею частью перифразъ источника, болѣе многословный и витіеватый, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти дословное заимствованіе. Къ указаннымъ 4 посмертнымъ чудесамъ Пахомій присоединилъ

¹⁾ Въ 1408 г. по лѣтописи этотъ князь пріѣхалъ въ Новгородъ въ качествѣ намѣстника вел. князя Василія Дмитріевича, а въ 1411 г. въ Новгородѣ былъ уже другой князь Сежонъ Ольгердовичъ. П. С. Лѣт. III, 103 и 104. Въ житіи по синод. сп. № 948, л. 153: „повелѣніемъ и посланіемъ брата своего старѣйшаго, великаго князя Василія Дмитріевича, прилучиши ему (Константину) быти въ В. Ноуѣградѣ“. Ср. П. С. Лѣт. VI, 134: составилъ лѣтописи, выписывая пзъ житія это чудо, неточно отнесъ его къ 1407 г. Изъ древней новгор. лѣтописи и древней редакціи житія Михаила Клопскаго видно, что Константинъ и послѣ 1411 г. не разъ бывалъ въ Новгородѣ, но изгнанныкомъ, а не намѣстникомъ старшаго брата. П. С. Лѣт. III, 109. Мая. ч. мн. янв. л. 466.

престранное сказаніе о чудѣ 1460 г. и похвальное слово святому). Разсматриваемыя редакціи житія могутъ служить новымъ примѣромъ того, какъ позднѣйшіе редакторы житій измѣняли посвоему и создавали біографическія черты подъ совокупнымъ вліяніемъ трехъ причинъ: краткости древняго житія, плохо понятаго ими, агіобіографической реторики и мѣстной народной легенды. Сличая извѣстія о Варлаамѣ въ его древнемъ житіи и въ лѣтописи, можно видѣть, что онъ съ нѣсколькими знатыми горожанами удалился въ пустыню, нѣсколько времени жилъ отшельникомъ и потомъ, выстроивъ церковь, образовалъ монастырь. Это послѣднее было въ 1192 г., когда по лѣтописи архіеп. Григорій освятилъ (6 авг.) новую церковь и «нарече монастырь». Въ ноябрѣ того же года Варлаамъ скончался; отсюда видно, что онъ удалился въ пустыню уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, незадолго до смерти. Позднѣйшія редакціи создаютъ изъ этого рассказъ, какъ Варлаамъ еще въ отрочествѣ начинаетъ аскетическое воздержаніе, говоритъ своимъ родителямъ поученіе о силѣ поста и молитвы, вскорѣ, проводивъ ихъ въ могилу, раздастъ имъніе нищимъ и постригается подъ руководствомъ священноинокъ Порфирія, своего наставника, который, какъ мы видѣли выше при разборѣ древняго житія, былъ однимъ изъ знатныхъ новгородцевъ, сопровождавшихъ Варлаама въ пустыню, и самъ постригся у послѣдняго ²⁾). Вліяніе мѣст-

1) Это чудо, возвращеніе къ жизни великокняжескаго постельника Григорія Тумгея, случившееся во время пребыванія вел. князя Василія въ Новгородѣ, было тогда же официально описано, вѣроятно по порученію великаго князя, московскимъ ятровичьимъ дьякомъ Родіономъ Кожухомъ. Благодаря этому чуду, въ Москвѣ съ 1461 г. начали праздновать преп. Варлааму. П. С. Лѣт. VI, 148; тамъ же (стр. 320) и сказаніе Родіона. Повѣсть Похонія есть болѣе книжное переложеніе этого сказанія.

2) Архіеп. Филаретъ, развивая далѣе эти общія мѣста, прибавляетъ, что въ домъ родителей Варлаама пришли странники и изъ нихъ инокъ Порфирій особенно возбудилъ въ душѣ его ревность къ подвигомъ, послѣ

наго преданія обнаружилось на позднѣйшихъ редакціяхъ внесеніемъ въ житіе чудесъ святаго, совершенныхъ при жизни. Подъ дѣйствіемъ того же источника эти редакціи передѣляли извѣстія о другомъ сверстникѣ Варлаама Антоніѣ, бывшемъ потомъ архіепископомъ въ Новгородѣ. Въ разборѣ древняго житія было замѣчено, что на отношеніяхъ этого Антонія къ Варлааму позднѣйшее преданіе основало кругъ легендъ, развивавшійся одновременно съ литературной обработкой житія, но независимо отъ нея. Эти легенды представляютъ два варианта сказанія объ Антоніѣ. По одному изъ нихъ Антоній былъ новгородскимъ владыкою еще при жизни Варлаама: такъ говорятъ повѣсти объ избавленіи Варлаамомъ отъ низверженія въ Волховъ преступника и о пророчествѣ Варлаама, предсказавшаго снѣгъ и морозъ въ Петровъ постъ. Происхожденіе анахронизма въ этихъ преданіяхъ объясняется извѣстіемъ одного изъ нихъ, что по смерти Варлаама архіеп. Антоній установилъ крестный ходъ въ Хутынской монастырь изъ Новгорода въ пятницу первой недѣли Петрова поста ¹). На другомъ вариантѣ построено позднѣйшее житіе Антонія Дымскаго: здѣсь рассказывается, что Антоній, новгородецъ родомъ, постригся у Варлаама, ходилъ по его порученію въ Царьградъ, по смерти Варлаама былъ игуменомъ его монастыря, а потомъ ушелъ оттуда и основалъ свой монастырь на озерѣ Дымскомъ, никогда не бывавъ новгородскимъ владыкою ²). Историческую основу этихъ сказаній легко возстановить по лѣтописи и древнему житію Варлаама:

чего онъ удалялся въ Лясичій монастырь. Авторъ цитуетъ при этомъ древнее житіе Варлаама; но ни въ одномъ древнемъ житіи Варлаама нѣтъ ничего подобнаго. Р. Свят. ноябрь, стр. 321.

¹) Пам. стар. русск. лѣт. I, 278.

²) Это житіе въ поздней рукоп. Унд. № 281. Очевидно, на другаго внока Хутынской обители, быть можетъ, бывшаго въ ней игуменомъ, потомъ основавшаго Дымскій монастырь, редакторы житій перенесли черты сказанія объ Антоніѣ, бывшемъ владыкою въ Новгородѣ.

послѣднее говорить, что послѣ того какъ сверстникъ Варлаама Антоній пришелъ изъ Царьграда, блаженный предъ смертью вручилъ ему свой монастырь, а первая замѣчаетъ въ разсказѣ объ избраніи Антонія на новгородскую кафедру въ 1211 г., что онъ, въ мѣрѣ Добрыня, сынъ воеводы Идрея, прежде того вернулся изъ Царьграда и постригся на Хутынѣ. Поясняя краткое и не совсѣмъ ясное извѣстіе древняго житія, позднѣйшія редакціи создаютъ изъ него сказаніе о пророчествѣ Варлаама, за нѣсколько минутъ до кончины провидѣвшаго приѣздъ Антонія изъ Царьграда въ монастырскую пристань (на Волховѣ) и вручившаго ему игуменство въ своемъ монастырѣ; Пахомій прибавляетъ къ этому, что игумень Антоній окончилъ заложенную Варлаамомъ каменную церковь въ обители и утвердилъ въ послѣдней уставъ ея основателя. Но лѣтописи, говоря объ Антоніѣ, не называютъ его игуменомъ Хутынскимъ; съ другой стороны слова, съ которыми въ древнемъ житіи Варлаамъ обращается къ Антонію: «нынѣ предаю ти его (монастырь) тобѣ, ты же снабди и добрѣ» — не значать непременно, что Антоній сталъ игуменомъ послѣ Варлаама; можетъ быть, послѣдній только поручилъ обитель заботамъ знатнаго брата, подобно тому какъ самъ долго руководилъ братіей, не будучи игуменомъ. Сдѣлавъ Хутынскимъ игуменомъ Антонія, царьградскаго наломника по древнему житію и Добрыню Идрейковича по лѣтописи, позднѣйшія редакціи не знали, по крайней мѣрѣ не говорятъ, что онъ былъ потомъ Новгородскимъ владыкой; этимъ онъ дали опору второму варианту сказанія, по которому тотъ же Антоній основываетъ Дымскій монастырь. Въ обѣихъ редакціяхъ XV в. не замѣтно еще слѣдовъ перваго варианта; но Пахомій знаетъ его, хотя и не записъ въ житіе. Пророчество Варлаама о снѣгѣ, выпавшемъ въ Петровъ постъ и спасшемъ городъ отъ голода, сохраняется въ мѣстной памяти благодаря основаннымъ на немъ крестному ходу и мѣстному обычаю молебствовать въ

Хутынскомъ монастырѣ всѣмъ городомъ во время бездождія или слишкомъ дождливаго лѣта. Объ этомъ обычаѣ говоритъ Пахомій въ похвальномъ словѣ Варлааму, приводя примѣры *пророческаго* дара, даннаго святому; на ту же силу его отверщать бездождіе намекаетъ онъ въ своемъ сказаніи о чудѣ 1460 г. Упомянутыя выше сказанія объ осужденномъ и о слѣгѣ, повидимому, впервые были записаны при митр. Макаріѣ: въ спискѣ Пахоміевскаго житія по Макарьевскимъ минеямъ они помѣщены не на мѣстѣ, послѣ погмертныхъ чудесъ, какъ позднѣйшее прибавленіе, а второе изъ нихъ по нѣкоторымъ спискамъ говоритъ о молитвѣ за царя Ивана Васильевича и царицу Анастасію. Но позднѣйшіе списки помѣщаютъ эти сказанія на своемъ мѣстѣ, въ числѣ чудесъ, совершанныхъ святымъ при жизни¹⁾. Такимъ образомъ обломки противорѣчивыхъ народныхъ сказаній встрѣтились въ одномъ и томъ же житіи, усиливъ путаницу, внесенную въ него редакціями XV в.

Сказаніе о мученической копчнѣ князя черниговскаго Михаила въ ордѣ любонитно для насъ только какъ фактъ для характеристики редакторскихъ пріемовъ Пахомія²⁾. Оно почти не представляетъ новыхъ историческихъ чертъ къ древней повѣсти съ томъ же событіи, написанной вѣроятно вскорѣ по смерти кн. Михаила. Древнѣйшій списокъ этой повѣсти называется авторомъ ея отца Андрея, одинъ изъ позднѣйшихъ — епископа Ивана. последнее извѣстіе по всей вѣроятности есть неловкая догадка

¹⁾ Такъ по св. житію XVII в. въ Милют. ч. мян. ноябр. л. 237.

²⁾ Спис. XVI в. въ сб. Унд. № 565, л. 47, съ надписью: „твореніе ермонова Пахомія Св. Горы“. Нач. „Что реку и что възгаголю?“ Другіе списки безъ имени автора: XV—XVI в. въ синод. сб. № 639, л. 12. № 556, л. 85, въ сб. Тр. Серг. л. № 642, з. 132, № 466—св. 1505 г л. 231; въ этомъ послѣднемъ сб. л. 219 служба Михаилу и Феодору, въ которой „святыхъ два канона—твореніе таха ермонова Св. Горы Пахомія“ Св. кн. Михаилу праздновали заодно со Пахоміемъ. Ист. Р. Ц, пресса Мазарія. IV, 259.

писца, прочитавшаго въ переписанной имъ повѣсти, что отецъ духовный, съ которымъ совѣтовался Михаилъ предъ отъѣздомъ въ орду, звался Іоанномъ ¹⁾). Только въ началѣ сказанія Пахомій вставилъ извѣстіе объ умерщвленіи Михаиломъ пословъ, отправленныхъ къ нему Батыемъ въ Кіевъ; далѣе изложеніе Пахомія—легкій перифразъ Андреева разсказа, мѣстами украшающій его риторическими распространеніями, иногда вводящій въ него новыя фактическія черты сомнительнаго свойства: такъ вельможу Батыева Елдегу, посланнаго предложить Михаилу на выборъ смерть или покорность ханскому приказу, Пахомій заставляетъ вступить въ преніе съ княземъ о вѣрѣ, чего не находимъ у Андрея. При такомъ отношеніи къ источнику естественно, что Пахомій не поправилъ неточности въ разсказѣ послѣдняго, будто черниговскій князь поѣхалъ въ орду добровольно, увлекаемый ревностію «обличити предѣсть» нечестиваго царя, «еи же льститъ крестьяны». Къ сказанію о кн. Михаилѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пошадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пушкенная принятымъ Сербомъ въ древнерусскую письменность: въ такой формѣ, иногда съ вариантами, она встрѣчается въ позднѣйшихъ русскихъ житіяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ.

Критическій разборъ житія архіепа. Моисея встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ, что оно сохранилось въ очень немногихъ

¹⁾ Древнѣйшіе списки въ синод. прологѣ XIV в. № 248, л. 19, тамъ же въ прологѣ 1425 г. № 839, л. 17. По списку въ софійской рукописи XIV—XV в. связаніе имен. преемв. Макаріемъ въ Ист. Р. Ц. V, 409. Въ этомъ сл. обозначенъ авторъ—отецъ Андрей: въ слов. сб. 1558 г. № 805, л. 29 въ заглавіи той же повѣсти замѣчено: «створено Ивановъ епископомъ».

спискахъ и притомъ поздняго времени, XVII—XVIII в. Въ они посятъ въ заглавіи одинаковую помѣтку: «твореніе Пахомія сербина». Но усвоивъ памятникъ одному автору, они не представляютъ одинаковаго текста, распадаются на двѣ редакціи, различающіяся изложеніемъ и составомъ ¹⁾. Житіе начинается предисловіемъ, почти дословно сходнымъ съ предисловіемъ къ Пахоміевской біографіи архіеп. Еввенія; иѣкоторые варианты, отличающіе первое, только затемняютъ рѣчь, вносятъ въ нее грамматическія неурядицы и, можетъ быть, принадлежатъ писцамъ, а не автору. Самое жизнеописаніе составляетъ краткую статью, въ которой по обѣимъ редакціямъ можно замѣтить одну общую литературную основу; но въ спискахъ XVIII в. она изложена гораздо пространнѣе, болѣе развита общими мѣстами, чѣмъ въ спискахъ XVII в., и представляетъ иѣсколько фактическихъ чертъ, которыхъ нѣтъ въ послѣднихъ. Посмертныя чудеса, сопровождающія житіе (о наказаніи разбойниковъ, о архіеп. Сергіѣ и 2 чуда о новгородскомъ купцѣ) также представляютъ значительные варианты въ изложеніи обѣихъ редакцій. Наконецъ, списки краткой редакціи прибавляютъ довольно длинное, несравнимое съ коротенькимъ житіемъ похвальное слово, котораго нѣтъ въ обонхъ спискахъ пространной. Ничто не заставляетъ отвергать преданіе, сохраненное списками житія Моисея, что оно написано Пахоміемъ. Житіе митр. Алексія и Саввы Вишерскаго, принадлежащія ему безспорно, показываютъ, что и онъ, мастеръ житій, могъ написать такую скудную, нестройную біографію, наскоро списаную изъ отрывочныхъ извѣстій и преданій, каково житіе Моисея. Тѣмъ, что

¹⁾ Пространная по изложенію ред. известна намъ по двумъ спискамъ XVIII в. — въ сб. гр. А. С. Уварова № 911 (Царск. № 136), л. 332, въ сб. поморскаго письма, намъ принадлежащемъ, л. 204. Списокъ сокращенъ по ред. XVIII в. въ сб. гр. Уварова № 129 (Царск. № 133), л. 248 по другому сп. XVII в. она являе. въ Нам. стар. русск. лит. IV, 10.

житіе, какъ видно по разсказу объ архіеп. Сергіѣ, могло быть написано не раньше 1484 г., нельзя ни поддержать ни опровергнуть извѣстія списковъ о его авторѣ, ибо мы не знаемъ, когда прекратилась литературная дѣятельность Нахомія. Остаётся вопросъ, какая изъ описанныхъ выше редакцій принадлежитъ Нахомію. Его можно рѣшить только предположеніемъ, при недостаткѣ прямыхъ указаній. Благодаря позднему времени списковъ, по языку обѣихъ редакцій нельзя сдѣлать надежныхъ выводовъ для рѣшенія этого вопроса. Изъ похвального слова, входящаго въ составъ сокращенной редакціи, видно, что оно написано на праздникъ памяти Моисея ¹⁾. Но неизвѣстно, когда начали мѣстно праздновать Моисею. Изъ разсказа объ архіеп. Сергіѣ можно только заключить, что въ 1483 г., болѣе 100 лѣтъ спустя по смерти Моисея, онъ еще не былъ признанъ церковію даже въ числѣ мѣстно-чтимыхъ святыхъ: иначе прѣлжавшій съ Москвы архіеп. Сергій, даже въ припадкѣ московскаго пренебреженія къ павшему Новгороду, не отважился бы обозвать одного изъ его святыхъ смердымъ сыномъ. Любопытно также, что въ 1563 г. царь, перечисляя святыхъ новгородскихъ владыкъ, не называетъ между ними Моисея ²⁾. Это придаетъ нѣкоторую вѣроятность догадкѣ, что похвальное слово съ сокращенной редакціей житія—позднѣйшаго происхожденія сравнительно съ пространной, которая составлена Нахоміемъ ³⁾.

¹⁾ „Пріидемъ же и мы повсечестный праздникъ великаго архіерея Моисея“.

²⁾ А. Ист. I, № 168. Въ XVII в. уже чтли Моисея во святыхъ. Р. Свят. архіеп. Филарета, яп. прим 139.

³⁾ Въ похвальномъ словѣ, въ молитвѣ къ святому читаемъ: „архіерея, Божіа сннителя, иже любовію честное твое торжество сотворяющихъ, освата“. Въ спискѣ гр. Уварова № 429 (л. 232—247) сокращенной редакціи житія предшествуетъ служба Моисею, въ которой каноицъ—„твореніе ярь Садора“. Если это митр. Исидоръ (1603—1619), единственный новгородскій владыка этого имени до XVIII в., то время составленія службы и похвального слова очевидно. Арх. Филаретъ въ указ. мѣстѣ цитуетъ 4 спис-

Изложение этой послѣдней совершенно въ духѣ литературнаго стиля другихъ житій, написанныхъ Пахоміемъ.

Для опредѣленія источниковъ житія находимъ краткую биографію Моисея въ одномъ спискѣ росписи новгородскихъ владыкъ, составленной въ концѣ XVII в. ¹⁾. Невозможно опредѣлить точно время составленія этой краткой простой записки; но она явилась раньше искусственныхъ редакцій житія, обозначающихъ въ спискахъ именемъ Пахомія, и была ихъ источникомъ, а не сокращенной передѣлкой. Обѣ эти редакціи съ большей или меньшей близостью къ ея тексту черпаютъ изъ нея, но не исчерпываютъ вполне ея содержанія; по своему строю и характеру изложенія она очень похожа на древнее краткое житіе Варлаама Хутынскаго и особенно на записку объ архіеп. Аркадіѣ; встрѣчаемъ въ ней даже одинаковые съ нимъ обороты рѣчи, а конецъ ея почти дословно сходенъ съ заключеніемъ записки объ Аркадіѣ. Пространная искусственная редакція житія Моисея болѣе сокращенной воспроизводитъ фактическія черты записки, иногда измѣняя ихъ: такъ записка перечисляетъ монастыри и церкви, построенныя Моисеемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, согласно съ древней новгородской лѣтописью; пространная редакція не выдерживаетъ его, а сокращенная вообще опускаетъ этотъ перечень. Послѣдняя, опуская или передавая источно и другія черты записки, является сокращеніемъ ея или пространной редакціи; но въ ней есть и не лишняя интереса новая черта. О началѣ ереси строгольниковъ нѣтъ извѣстій: лѣтописи упоминаютъ о ней впервые въ 1376 г., когда она уже успѣла разпространиться въ Новгородѣ. По извѣстію сокра-

✱

на службы Моисею, будто бы Пахоміевой, въ библи. Царскаго, въ томъ числѣ и № 133 (гр. Уварова № 429). Но въ двухъ сборникахъ, имѣющихъ значеніе, нѣтъ этой службы, а въ № 133 канонъ въ ней помѣченъ именемъ Исидора.

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. III, 181—182, о спискѣ росписи см. тамъ же стр. 117

щенной редакціи житія Моисея, повторенному и въ похвальномъ словѣ, Моисей ратовалъ противъ стригольниковъ во время своего вторичнаго управленія новгородской епархіей, слѣдовательно еще до 1359 г. ¹⁾). Но трудно угадать источникъ этого извѣстія: его нѣтъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ древней запискѣ о Моисеѣ. — Время перваго чуда и двухъ послѣднихъ въ житіи не указано ясно: второе — объ архіеп. Сергіѣ относится къ 1483—1484 г. и бросаетъ свѣтъ на источникъ и обработку этихъ сказаній. По происхожденію своему рассказъ о Сергіѣ принадлежитъ къ кругу легендъ, сопровождавшихъ паденіе новгородской вольности. Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ должна была пасть и его церковная самобытность. Архіеп. Сергіи, назначенный на новгородскую кафедру въ Москвѣ и изъ москвичей, первый прервалъ собою рядъ туземныхъ излюбленныхъ владыкъ; но онъ только 9 мѣсяцевъ правилъ пастырь и вслѣдствіе болѣзни воротился въ Троицкіи Сергіевъ монастырь. Это послужило источникомъ легенды о немъ, въ разныхъ мѣстахъ передававшейся различно. Наиболѣе прозаическая изъ этихъ мѣстныхъ ея редакцій — московская, по которой Новгородцы волшебствомъ отняли умъ у Сергія за то, что онъ не ходилъ по ихъ мысли. Въ псковскомъ вариантѣ легендарные мотивы имѣютъ каноническую основу: новгородскіе святители, поконившіеся въ Софійскомъ соборѣ, являясь Сергію во снѣ и наяву, поразили его недугомъ за то, что онъ вопреки правиламъ св. отцовъ, при живомъ владыкѣ (Феофилѣ) вступилъ на его престолъ. По народному новгородскому преданію, поэтическому, Сергія наказалъ чудотворецъ Іоаннъ, «что на бѣсѣ ѣздилъ», новгородскій владыка, имя котораго связано съ преданіемъ о чудесномъ спасеніи Новгорода отъ суздальскаго нашествія въ XII в. ²⁾). На-

¹⁾ Пам. стар. русск. лит. IV, 11 и 14.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 236. V, 42.

конецъ въ житіе Моисея занесена четвертая редакція, сложившаяся очевидно въ стѣнахъ Сковородскаго монастыря, гдѣ по гробу Моисей: гордаго москвича покаралъ этотъ свититель за презрительный отзывъ Сергія, захватившаго въ монастырь по дорогѣ въ Новгородъ. Но воспроизводи эту легенду, авторъ житія сгладила ея мѣстные черты общимъ нравственнымъ урокомъ, изъ нея выведеннымъ: Сергію посрамленъ и лишился сана епископскаго за то, что унижилъ угодиика Божія и въ немъ не почталъ епископскаго сана. Это не противорѣчитъ предположенію, что житіе Моисея составлено не новгородцемъ, но по рассказамъ Сковородской братіи и можетъ быть по ея просьбѣ.

Въ разборѣ второй группы Пахоміевскихъ житій труднѣе провѣрить автора, ибо у него не было здѣсь подъ руками старыхъ біографій или онѣ не уцѣлѣли. Первымъ по времени въ этомъ ряду можно признать житіе игумена Никона. Это житіе, краткое, безъ предисловія и похвальнаго слова, составлено Пахоміемъ вѣроятно для службы и обыкновенно встрѣчается въ спискахъ вмѣстѣ съ нею ¹⁾. Здѣсь только въ двухъ мѣстахъ авторъ воспользовался своимъ же трудомъ, житіемъ Сергія; главнымъ источникомъ служили ему «еще въ тѣлѣ обрѣтающагося тоя же обители иноци, свидѣтели извѣстни», т. е. очевидцы Никона, которыхъ, конечно, было еще много во время составленія житія. Однакожь біографія не представляетъ связнаго рассказа не только о всей

¹⁾ Списки XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 116, л. 415, служба л. 421. въ рукоп. Амт. № 370, л. 218, безъ послѣднихъ чудецъ; объ одномъ изъ нихъ только замѣчено: «се же ино (видѣ) сважемъ, писано въ житіи св. Сергія. — Слѣдовъ Антоновъ чудо чти». Это ссылка на поличенное въ той же рукописи сводное житіе Сергія по двумъ редакціямъ, гдѣ уже было рассказано объ этомъ чудѣ: переписывая житій былъ вмѣстѣ и ихъ редакторомъ. Сп. XVI в. въ синод. сб. № 90, л. 119, въ воюков. сб. моск. а. акад. № 632, л. 56, въ сб. Тр. С. л. № 654, л. 20.

жизни Никона, но и о его игуменствѣ въ Троицкомъ монастырѣ. Такъ ничего не сказано о временномъ удаленіи его отъ игуменства на безмолвіе, о чемъ говорятъ позднѣйшая редакція этого житія и житіе Саввы Сторожевскаго. Главное вниманіе автора обращено на заботы Никона о возстановленіи монастыря, разореннаго татарскимъ нашествіемъ 1408 г., и о построеніи новой каменной церкви надъ гробомъ Сергія; но и здѣсь нѣтъ ни слова объ открытіи мощей святаго, происшедшемъ, по разсказу самого Пахомія въ житіи Сергія, при основаніи этой церкви. Кончина Сергія и одно изъ 3 чудесъ Никона (о С. Антоновѣ) изложены почти дословно по житію Сергія; но есть разногласіе съ послѣднимъ во времени кончины Никона. Въ житіи Сергія Пахомій говоритъ, что Никонъ игуменствовалъ 36 лѣтъ, а въ житіи Никона — 37; позднѣйшая редакція этого послѣдняго житія прибавляетъ, что Никонъ скончался 6938 г. Это разногласіе разрѣшается приведенной выше припиской къ Сергіеву житію по списку 6967 г.: если въ этомъ году праздновали 67-ю годовщину памяти Сергія (25 сент.) и 31-ю памяти Никона (17 ноября), то послѣдній жилъ послѣ Сергія 36 лѣтъ и представлялся въ ноябрѣ 1427 года ¹).

Составъ житія архіеп. Евонмія не одинаковъ въ разныхъ спискахъ. Въ большинствѣ ихъ 5 посмертныхъ чудесъ, приложенныхъ къ жизнеописанію и заканчивающихся краткой похвалой святому, сопровождаются новымъ чудомъ, съ особымъ витіеватымъ предисловіемъ и съ надписью: «ино повѣйшее чудо» ²).

¹) Рук. Тр. Серг. л. № 264, л. 147. Игуменомъ Никонъ былъ собственно 30 лѣтъ: Пахомій прибавляетъ къ годамъ игуменства и тѣ 6 лѣтъ, которыя Никонъ провелъ въ безмолвіи. Позднія рукописныя святцы помѣчаютъ кончину его 17 ноябр. 6935 г.

²) Такойъ составъ житія по сп. XVI в. въ синод. сб. № 630, л. 119, въ Мак. ч. мн. яврть, стр. 649, въ сб. Румян. муз. № 154, л. 395, по сп. XVII в. въ Ч. мн. Герм. Тулунова, рук. Тр. Серг. л. № 675, л. 11. Въ св. соф. библ. (напис. въ Пам. стар. русск. лит. IV. 16) къ прежнимъ чудесамъ

Оно написано очевидно послѣ житія и другимъ авторомъ, но не много спустя по смерти Евѳимія: этотъ авторъ уже ссылается на читаемое имъ житіе Евѳимія съ чудесами, а софійскій прото-діаконъ, о которомъ онъ рассказываетъ, былъ современникъ и знакомый Евѳимія. Въ одномъ спискѣ это чудо сопровождается послѣсловіемъ, указывающимъ его отношеніе къ житію: авторъ приписки, выражаясь о Пахоміѣ какъ современникъ, говоритъ, что этотъ Пахомій писалъ о Евѳиміѣ «елика ему повѣдаша, а не все житіе святаго подробну»; отсюда можно заключить, что это чудо описано вскорѣ послѣ Пахоміевскаго житія, которое оканчивалось 5 чудесами съ краткой похвалой святому 1). Замѣчаніе въ приведенной припискѣ, кажется, характеризуетъ составъ Пахоміева труда, а не указываетъ на

прибавлено 5 новыхъ, описанныхъ во второй половинѣ XVI в. Последнее изъ нихъ есть исцѣленіе присланнаго въ Новгородъ царемъ Иваномъ дьяка Андрей Клобукова, который участвовалъ въ ливонскомъ походѣ 1577 г. Въ предисловіи разсказано объ исцѣленіи Никиты Романова, бывшаго новгородскимъ наместникомъ, и къ этому прибавлено извѣстіе: «тажъ и посылаемъ бываше великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ предреченный Пявита и съ нимъ воевода Георгій, нарицаемый Токмывовъ, въ землю Свѣскихъ Пѣмецъ и.. взяша градъ, рекомый Черновъ». Пявита Романовичъ Юрьевъ былъ воеводой большого полка при взятіи Чернова въ 1575 г. Карамз. IX, прим. 412, 426 и 460.

1) Сб. синод. № 630, л. 146: «Бзвгословеніемъ и повелѣніемъ господина преосв. архіепископа Великаго Новаграда Іоны и совѣтомъ игумена Саввы обители Пресв. Богородицы Арханжа монастыря и господина Пахомія, отъ сербскія земли пришедша, мужа благочестива, проходяща иноческоо житіе со всякимъ оисченіемъ добрымъ, и отъ кичности съвршена въ божественномъ писаніи и во всякомъ наказаніи книжномъ и въ философскомъ истинномъ ученіи, емо знаменастъ по степенемъ грамотнѣию и прочъ и философія, яко превзыги ему мудростію и разумомъ всеѣхъ книгчій, отъ сего же Пахомія написано бысть отъ житія великаго святителя и чудотворца отъ великихъ мавля, глаголю Евѳимія, съ великимъ свидѣтельствомъ, елика ему повѣдаша, а не все житіе святаго подробну. Сій бо Пахоміе повлється въ нашей земли многыхъ житія святыхъ написавъ и славословіемъ укрясивъ намыти ихъ дѣйствомъ св. Духа по чыну добръ».

какія-либо позднѣйшія дополненія, въ него внесенныя. Это житіе дѣйствительно отличается неровностью фактическаго изложенія. Самъ Пахомій не указываетъ своихъ источниковъ, а изъ упомянутой приписки видно, что между ними не было письменныхъ. Святительская дѣятельность Еввоимія описана кратко, въ общихъ чертахъ; но гораздо обстоятельнѣе рассказано о Вяжицкомъ монастырѣ и отношеніи къ нему архіепископа, о постройбахъ, сдѣланныхъ имъ въ этомъ монастырѣ. при этомъ Пахомій смутно представлялъ себѣ хронологическое отношеніе рассказываемыхъ событій ¹⁾. Эти пробѣлы и неточности зависѣли отъ свойства источника, изъ котораго черпалъ Пахомій и которымъ служили изустные рассказы Вяжицкой братіи и лицъ, окружавшихъ Еввоимія. За то останавливается на себѣ обстоятельность, съ какою описаны послѣдній годъ жизни Еввоимія и его погребеніе: здѣсь авторъ подробно указываетъ, гдѣ и когда, въ какой день былъ и что сдѣлалъ приближавшійся къ смерти владыка и какъ его хоронили. Выше мы видѣли, что Пахомій пріѣзжалъ въ Новгородъ еще при Еввоиміѣ, повсей вѣроятности въ послѣднее время его жизни (1457—1458). Такимъ образомъ это время онъ могъ описать по личнымъ воспоминаніямъ. Всѣ указанныя обстоятельства объясняютъ особенность, отличающую это Пахоміевское житіе отъ дру-

¹⁾ Сказавъ о обновленіи и украшеніи Софійскаго храма Еввоиміемъ. Пахомій продолжаетъ: „но семъ же“ задумалъ Еввоимій построить себѣ палату каменную. Пзвѣстія объ украшеніи Софійскаго собора находимъ въ лѣтописи подъ 1439 и 1450 гг. а палата каменная построена въ 1433 г. П. С. Лѣт. III, 111. 112. 240. Рассказавъ о построеніи храма св. Николая въ Вяжицкомъ мон., Пахомій продолжаетъ: „прешедшимъ же многимъ лѣтомъ“ Еввоимій, чувствуя близость кончины, пожелалъ построить тамъ же теплый храмъ съ травезою, — какъ будто это было въ послѣдній годъ жизни Еввоимія. Но по лѣтописи храмъ Николая построилъ въ 1438, а теплый съ травезою въ 1439, почти за 20 лѣтъ до смерти Еввоимія. Тамъ же, стр. 112 и 239.

гихъ. Несмотря на первичность изложенія, оно обильно фактами, рѣдко обращается къ помощи общихъ мѣстъ житій и передаетъ много живыхъ біографическихъ чертъ, подмѣченныхъ современникомъ. Благодаря этому, біографія Евѳимія принадлежитъ къ числу немногихъ удовлетворительныхъ трудовъ Пахомія.

Мы видѣли выше, что біографъ архіепископа Іоны ставитъ житіе Саввы Вишерскаго въ числѣ сочиненій, которыя этотъ владыка поручилъ написать Пахомію, когда послѣдній жилъ у него въ Новгородѣ (1459—1461). Самъ Пахомій замѣчаетъ въ концѣ житія, что написалъ его по порученію Іоны. Между посмертными чудесами Саввы у Пахомія есть рассказъ о пріѣздѣ въ Саввинъ монастырь Іоны, который повелѣлъ тогда написать образъ преподобнаго, также составить канонъ и *прочая* въ память его. На основаніи извѣстія въ житіи Іоны этотъ пріѣздъ надобно отнести къ 1461 г., по крайней мѣрѣ не позже. Но съ другой стороны есть извѣстіе, что церковь Іоанна Предтечи въ монастырѣ Саввы поставлена въ 1464 г., а она уже упоминается у Пахомія. Далѣе, нѣкоторые списки житія, называющіе въ заглавіи авторомъ его того же Пахомія, оканчиваются припиской, по которой «списано бысть и изобрѣтено блаж. Саввы житіе священникомъ Геласіемъ, бывшимъ тогда игуменомъ тоя обители, въ лѣто 6972-е» ¹⁾. Трудно понять, что значать эти слова, если не то, что Геласій, вслѣдствіе повелѣнія Іоны написать канонъ и *прочая*, приготовилъ записки о

¹⁾ Такъ по списку вологод. сб. XVI в. въ Моск. дух. вк. № 640, л. 164, и въ сб. XVII в. гр. А. С. Уварова № 133 (по кат. Царск.), л. 448. Въ сб. Моск. дух. вк. № 15 приписка еще яснѣе опредѣляетъ отношеніе Геласія къ Пахомію: «списано же бысть и изобрѣтено блаженнаго житіе иг. Геласіемъ, бывшаго (sic) настоятелемъ тогда тоя обители; вписано же бысть и сохорено рукою смиреннаго священника Пахомія сербина иже отъ Св. Горы». Другіе списки XVI в. въ Мавар. ч. мин. окт. стр. 21 и въ синод. сб. № 630, л. 8. О церкви Іоанна Предтечи въ Кратк. лѣтоп. о монастырѣ преп. Саввы, изд. 2, стр. 2.

жизни Саввы, по которымъ Пахомій уже послѣ 1464 г. составилъ житіе. Каковы бы ни были источники Пахоміевской біографіи Саввы, по содержанию ея видно, что авторъ очень мало зналъ о святомъ. Онъ неопредѣленно говоритъ о происхожденіи и мѣстѣ постриженія Саввы, хотя и родъ Бороздиныхъ, изъ котораго онъ вышелъ, и тверской Саввинъ монастырь, въ которомъ подвизался сначала, были довольно извѣстны въ то время ¹⁾). Изъ тверскаго монастыря авторъ ведетъ Савву прямо на р. Вишеру, не сказавъ, что святой былъ настоятелемъ Саввиной пустыни и оттуда ходилъ на Аоопъ, послѣ чего уже поселился на Вишерѣ. Далѣе Пахомій передаетъ отдѣльные разсказы изъ жизни Саввы анекдотическаго свойства; но исторія монастыря изображена немногими и такими бѣглыми чертами, что біографъ говоритъ объ одномъ изъ учениковъ Саввы, не упоминая даже, что къ отшельнику стала собираться братія. Все это тѣмъ болѣе неожиданно, что Пахомій былъ современникъ Саввы и писалъ житіе немногимъ лѣтъ спустя по смерти его. Впрочемъ, и время кончины Саввы въ житіи не указано прямо. Позднѣйшіе рукописные святцы и въ слѣдъ за ними церковные историки помѣчаютъ ее 1 окт. 1460 г.; но другія извѣстія дѣлаютъ подозрительнымъ это показаніе. По разсказу Пахомія, Савва, умирая, поручилъ свой монастырь попеченію архіепископа Емеліана (Евонмія I, 1424—1429). Это очевидно ошибка: всего вѣроятнѣе, первое ищеское имя Евонмія I поставлено здѣсь вмѣсто имени преемника его Евонмія II; позднѣйшіе писцы и писатели часто смѣшивали этихъ епископовъ. Далѣе Пахомій пишетъ, что Савва предъ кончиной передалъ управленіе обителію старѣйшимъ ученикамъ своимъ Ефрему и Андрею, и

¹⁾ Позднѣйшая краткая редакція (по рукоп. конца XVII в., принадлежавшей Ф. И. Буслаеву) приводитъ подробное извѣстіе о родѣ Саввы, согласно съ родословной книгой. См. Врем. Общ. Пст. и Др. Р. кн. X, 175.

вообще не упоминаетъ здѣсь о Геласіѣ, который однакожь является у него настоятелемъ еще до посѣщенія монастыря Іоной. Наконецъ, по житію Савва скончался на 80-мъ году жизни. Преп. Іосифъ Санинъ называетъ его «начальникомъ» тверской Саввиной пустыни. Такъ обыкновенно назывались основатели. Сохранилась рукопись Саввина монастыря съ припиской, по которой въ 1432 году этому монастырю минуло 35 лѣтъ, слѣдовательно онъ основанъ въ 1397—1398г.; трудно повѣрить, чтобы основатель его былъ тогда 17-лѣтнимъ юношей, если 80-лѣтній Савва скончался въ 1460 г. ¹⁾.

По порученію великаго князя Василя Василіевича и митр. Теодосія Пахомій пріѣхалъ въ Кирилловъ монастырь 34 года спустя по смерти основателя (сконч. 1427), чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о его жизни. Тогдашній игуменъ монастыря Кассіанъ просилъ и съ своей стороны образцоваго агиобіографа написать что-нибудь о Кириллѣ. Въ продолженіе 34 лѣтъ въ монастырѣ не было составлено не только житія, даже черновыхъ нестройныхъ записокъ объ основателѣ. Но Пахомій засталъ еще много очевидцевъ и учениковъ Кирилла, долго жившихъ съ учителемъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Кассіанъ. Авторъ видѣлся и съ Мартиніаномъ, бывшимъ игуменомъ Терапонтова,

¹⁾ Въ сказаніи о святыхъ отцахъ русскихъ Іосифъ пишетъ о Варсоноѣѣ, преемникѣ Саввы: „его же постави настоятелемъ (въ тверской Саввиной пустыни) предній Савва Борозданъ, нарицаемый Ера, иже быше начальникъ обители оной, егда самъ отыде въ Св. Гору. Блаженный же Варсоноѣй 5 лѣтъ пребысть на игуменствѣ, потомъ же отыде въ пустыню“. Вел. Миѣ. Ч., изд. Арх. Кож., вып. I, 554. По житію, Савва пришелъ на Вишеру при новгородскомъ архіеп. Іоаннѣ. Уцѣлѣла другая рукопись, писанная въ Саввиной пустыни при игуменѣ Варсоноѣѣ въ 1416 году (Р. Свят., архіеп. Филарета, март. стр. 28). Отсюда можно заключать, что Савва ушелъ на Леонъ около 1411 г. и пришелъ на Вишеру не позже 1414 г. Въ 1418 г. онъ уже основалъ здѣсь монастырь и построилъ въ немъ церковь, проживъ нѣсколько времени отшельникомъ. П. С. Лѣт. III, 236.

потомъ Троицкаго Сергіева монастыря: въ 1462 г. онъ снова управилъ Терапонтовымъ монастыремъ (въ 15 верстахъ отъ Кириллова) и могъ сообщить Пахомію подробныя свѣдѣнія о Кириллѣ, у котораго постригся еще въ отрочествѣ, въ первые годы существованія Кирилловой обители. Этихъ учениковъ Кирилла спрашивалъ и о святомъ, пишетъ Пахомій въ предисловіи, «и начаша бесѣдовати ко мнѣ о житіи святого и о чудесѣхъ». Въ жизнеописаніи, рассказавъ повѣсть о князѣ и княгинѣ Бѣлевскихъ, онъ прибавляетъ, что слышалъ ее отъ инока Пгиатія, которому передала ее сама княгиня, и при чтеніи этой повѣсти легко замѣтить, что книжный стиль Пахомія не вполне сгладилъ приемы простаго изустнаго разсказа. Авторъ передаетъ имена людей, игравшихъ самую невидную роль въ исторіи обители, и много другихъ мелкихъ подробностей, которыя показываютъ, что житіе писано со словъ иноковъ монастыря. При этомъ авторъ дѣлаетъ еще оговорку, что многое оставлено имъ незаписаннымъ по обилію матеріала или потому, что за давностію позабыто разсказчиками ¹⁾. Единственнымъ письменнымъ источникомъ, какой можно замѣтить въ житіи, была духовная Кирилла, которую Пахомій запесъ въ свой трудъ съ пропусками и поправками ²⁾. Такимъ образомъ Пахомій имѣлъ въ своемъ распоряженіи обильный запасъ свѣдѣній, позволившій ему составить біографію, подобную Епифаніевому житію Сергія. Жизнеописаніе Кирилла — самый обширный и лучшій изъ всѣхъ трудовъ

¹⁾ Сказавъ о погребеніи святого, Пахомій продолжаетъ: „множайша же ни чудеса при животѣ бывша блаженного Кирилла множества ради, и аще же и предъ многими лѣты бывша писанію не предшавша, сія же иѣчто мало отчасти нависана быша“. Списки житія: XV в. въ сб. Тр. Серг. л. № 764. л. 2, пис. Платіемъ Просвяновымъ, XVI в. въ Макар. ч. мин. іюль, стр. 240, въ волокол. сб. 1549 г. въ моск. епарх. библ. № 639. л. 183; неполный сл. въ синод. сб. XV—XVI в. № 556, л. 818.

²⁾ Ср. Макар. ч. мин. въ указ. мѣстѣ, стр. 270 сл. А. Ист. I, № 32.

Пахомія. Для историко-критической оцѣнки этого житія важно, какъ, съ какой стороны воспользовался своими источниками біографъ и какой взглядъ положилъ онъ въ основаніе труда. Здѣсь авторъ не стѣснялся ни скудостью матеріала, отнимающей возможность выбора фактовъ, ни церковнымъ назначеніемъ житія, заставлявшимъ одни факты опускать, другимъ давать извѣстное условное выраженіе. Прежде всего можно замѣтить, что не одни біографическія воспоминанія объ основателѣ, но и самыя взгляды братіи Кириллова монастыря на монашество нашли въ перѣ Пахомія трость книжника скорописца. Извѣстно, что изъ отшельническихъ келлій, разсѣянныхъ въ бѣлозерскихъ лѣсахъ и имѣвшихъ близкія сношенія съ монастыремъ Кирилла, вышелъ въ самомъ началѣ XVI в. шумный протестъ противъ монастырскаго землевладѣнія. Самъ Пахомій былъ равнодушенъ къ этому вопросу, сколько можно заключать по другимъ его житіямъ; но біографія Кирилла даетъ любопытное указаніе, что не одни бѣлозерскіе «пустышники», но и часть братіи богатаго общежительнаго монастыря, каковымъ былъ Кирилловъ во 2 ой половинѣ XV в., была противъ монастырскаго землевладѣнія и въ этомъ смыслѣ направляла перо біографа. Пахомій не говоритъ ни объ одномъ земельномъ приобрѣтеніи Кирилла; рассказывая, какъ бояринъ Ромапъ Ивановичъ хотѣлъ дать послѣднему село, біографъ заставляетъ святаго высказать тѣже самыя аргументы противъ приобрѣтенія сель монастырями, какіе выражены были митр. Кипріяномъ въ посланіи къ игумену Анзисію и потомъ развиты послѣдователями Нила Сорскаго. Ни въ этомъ молчаніи, ни въ этихъ аргументахъ нельзя видѣть факты изъ біографіи Кирилла. Одна грамота согласно съ Пахоміемъ показываетъ, что село боярина Романа отошло къ монастырю уже по смерти Кирилла; но таже грамота насчитываетъ до 6 земельныхъ вкладовъ, принятыхъ Кирилломъ, и до 11 земельныхъ покупокъ, сдѣланныхъ самимъ

основателемъ ¹⁾). Далѣе, главное вниманіе Пахомія обращено, разумѣется, на дѣятельность Кирилла въ новой обители, на тѣ 30 лѣтъ, которыя протекли съ возникновенія монастыря до кончины основателя. Здѣсь находимъ 3 — 4 страницы, изображающія внутреннюю жизнь монастыря по уставу Кирилла; сверхъ этого безъ видной связи, безъ хронологическихъ указаній изложено болѣе 20 краткихъ повѣстей или отдѣльных случаевъ нравоучительнаго характера, рисующихъ нравственное вліяніе Кирилла, его отношенія къ братіи мирянамъ — и только. Постепенный ростъ монастыря, перемѣны, внесенныя имъ въ окрестную пустыню, матеріальныя условія жизни и характеръ братіи — все это изображено очень скудными, мимоходомъ брошенными чертами: очевидно, это не занимало Пахомія и онъ объ этомъ не распространялся. Здѣсь замѣтна разница между нимъ и Епифаніемъ: и у послѣдняго на первомъ планѣ нравственный образъ основателя, какъ примѣръ для подражанія; но онъ слѣдитъ и за исторіей монастыря, не обходитъ его простыхъ житейскихъ отношеній и отмѣчаетъ перемѣны въ окрестной пустынѣ, насколько онѣ вліяли на жизнь монастыря. Указанныя особенности житія Кирилла, отсутствіе связнаго разсказа, анекдотичность и стремленіе изображать дѣятельность святаго только съ извѣстной стороны стали отличительнымъ чертами русскихъ житій послѣдующаго времени.

Житіе Іоанна, архіепископа новгородскаго, по своему происхожденію и источникамъ имѣетъ близкое отношеніе къ времени архіеп. Евонмія и къ Пахоміевскимъ житіямъ Варлаама Хутынскаго и архіеп. Моисея. Выше было указано шаткое извѣстіе, приписывающее и это житіе перу Пахомія. Впрочемъ, кто бы ни былъ его авторъ, главныя черты своего содержанія оно почерпнуло изъ того же круга новгородскихъ легендъ, получив-

¹⁾ А. А. Эвса. I, № 177; см. также житію Кирилла въ А. Ю. № 72.

шихъ литературную обработку въ эпоху паденія Новгорода, откуда черпали и два упомянутыя житія. Въ нашей исторіи не много эпохъ, которыя были бы окружены такимъ роємъ поэтическихъ сказаній, какъ паденіе новгородской вольности. Казалось, «господипъ Великій Новгородъ», чувствуя, что слабѣетъ его жизненный пульсъ, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софію и другія мѣстныя святыни, вызывая изъ нихъ преданія старины. Выше было замѣчено, какъ открытіе мощей Іоанна въ 1439 г. архіеп. Евѡиміемъ вмѣстѣ съ установленіемъ паннихиды 4 октября должно было содѣйствовать оживленію этихъ преданій, особенно объ Іоаннѣ и о чудѣ Знаменія въ 1169 г.; по извѣстію лѣтописи, что Новгородцы приписывали наказаніе архіеп. Сергія ѣздившему на бѣсѣ чудотворцу Іоанну, видно, что эти преданія были распространены въ мѣстномъ населеніи ¹⁾). Изъ того же источника вышло житіе архіеп. Іоанна: почти все его содержаніе состоитъ изъ легендъ о построеніи Благовѣщенскаго монастыря, о Знаменіи, о путешествіи въ Іерусалимъ на бѣсѣ и о мести послѣднего владыкѣ. Разсматривая эти легенды въ связи съ другими, относящимися къ тому же кругу, можно извлечь нѣкоторыя указанія на время, когда составлено житіе. Въ рукописяхъ встрѣчаемъ иногда рядомъ 4 новгородскія повѣсти: о варяжской божницѣ, о Благовѣщенскомъ монастырѣ, о просфорѣ и объ архіеп. Іонѣ ²⁾). По ссылкамъ, какія дѣлаетъ въ нихъ авторъ, видно, что онѣ записаны одной рукой. Такъ въ первой изъ нихъ замѣчено: «сія ми повѣда игумень

¹⁾ Кромѣ сказанія въ житіи Іоанна, съ установленіемъ паннихиды 4 октября связана другая легенда—о видѣніи софійскаго икономара Аарона. П. С. Лѣт. III, 239.

²⁾ Наприм. въ вѣдѣкол. сб. половинны XVI в. въ Моск. д. ав. № 659, л. 355—358. Первые три повѣсти см. въ Нам. стар. русск. лит. I, 251—255 и въ П. С. Лѣт. III, 218.

Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Закхїевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго; втораа начишається словами: «той же чудный мужъ Сергіе повѣда»¹⁾). По извѣстію послѣдней изъ этихъ повѣстей о числѣ лѣтъ архіепископства Іоны видно, что онѣ записаны послѣ 1471 г. Захкей правилъ Хутынскимъ монастыремъ повидимому въ послѣдней четверти XV вѣка; въ 1475 г. по лѣтописи на Хутынѣ былъ еще игуменомъ Наонаилъ, котораго встрѣчаемъ здѣсь въ разсказѣ о чудѣ преп. Варлаама въ 1471 г.; имена Хутынскихъ настоятелей съ начала XVI в. становятся всѣ извѣстны, но между ними нѣтъ Захкея²⁾). На легендарность разсказовъ объ Іоаннѣ намекаетъ самъ авторъ житія, которое, по его признанію, написано не безъ колебаній³⁾). Между письменными источниками, на которые ссылается авторъ, была и одна изъ указанныхъ выше повѣстей, именно о Благовѣщенскомъ монастырѣ: легкій перифразъ ея помѣщенъ въ началѣ житія, а въ другомъ мѣстѣ, пе-

¹⁾ Третья: «Повѣдаше нѣкто отъ благочестивыхъ мужъ»; четвертая: «Повѣда намъ самъ господиць архіеи. Іона.

²⁾ И. С. Р. Л. VI, 201. III, 241. Въ повѣсти объ Іонѣ упоминается, какъ извѣстный погородецъ того времени, Михаилъ Яковлевъ Медоварцевъ, внучкъ той Паталіи, которая пріютила у себя 7-лѣтняго сироту, будущаго владыку Іону. Въ Тр. Серг. Л. есть сб. № 460 съ припиской на л. 354: «написана сія книга Минея въ градѣ Москвѣ, въ монастыри св. и великаго чудотворца Николы Старого, замышленіемъ и рукою многогрѣшнаго Михаила Іаковля сына Медоварцова, поноградца, въ лѣто 7013 (1505)». Можетъ быть, онъ былъ переселенъ изъ Повгорода послѣ 1478 г.

³⁾ Разсказавъ объ открытіи мощей, авторъ продолжаетъ: «Азъ окниный слышахъ о житіи праведнаго мужа, великаго святителя Божіа Іоанна, и невѣріемъ одержимъ быхъ, и ятъ мя нѣкоторый недугъ неспсѣленъ; азъ же уразумѣхъ, яко мое невѣріе увѣрнеть святыи.. Написахъ житіе святаго.. елика изообрѣтохъ написана о святѣмъ.. или же слышахъ отъ неложныхъ свидѣтелей и отъ старецъ многолѣтнихъ». Списки житія въ Мак. ч. мн., изд. Арх. Ком. I, 327, въ синод. сб. № 555, л. 37, въ волокол. сб. половина XVI в. въ моск. д. ак. № 659, л. 149; эти списки безъ пространнаго похвальнаго слова, составленнаго подятею житія.

речисляя построенныя Иоанномъ церкви, авторъ, по нѣкоторымъ спискамъ житія, замѣчаетъ, что первую изъ нихъ была Благовѣщенская, «о ней же преди писахомъ отъ сказанія повѣсти чуднаго мужа Сергія, игумена Островскаго монастыря отъ св. Николы». Въ концѣ житія авторъ призываетъ молитвы Иоанна на «великодержавнаго, скипетръ царства въ Русской землѣ держашаго». Умирая, Иоаннъ поучаетъ новгородцевъ бояться «князя православнаго яко Бога», а за иновѣрнаго не отдаваться, и въ чудѣ Знаменія указываетъ тотъ смыслъ, «да посрамятся икоборцы, да не растлятся обычая наша». Изъ этихъ выражений можно заключить, что и 4 упомянутыя повѣсти и житіе написаны въ концѣ 70-хъ или въ 80-хъ годахъ XV в., когда подчиненіе Новгорода Москвѣ было рѣшено и когда въ немъ стали обнаруживаться икоборческія мнѣнія жидовствующихъ. Повѣсть о Знаменіи въ житіи также есть передѣлка сказанія, встрѣчающагося въ рукописяхъ съ конца XV в. Изъ лѣтописи или другаго письменнаго источника взяты переченьъ церквей и извѣстіе о происхожденіи Иоанна и о томъ, что до архіепископства онъ былъ священникомъ при церкви св. Власія. Но сводя различныя источники, авторъ впалъ въ ошибку: легенду о построеніи Благовѣщенскаго монастыря онъ отнесъ ко времени, когда Иоаннъ былъ еще мрянинномъ; потомъ онъ сталъ іереемъ, по разсказу житія, и наконецъ постригся въ своемъ монастырѣ, откуда былъ избранъ на кафедру; но по лѣтописи этотъ монастырь основанъ въ 1170 г., когда Иоаннъ былъ уже архіепископомъ. Не видно, чтобы сказаніе о путешествіи во Іерусалимъ и о мщеніи бѣса существовало въ письменности раньше жизнеописанія Иоанна; едвали не впервые оно записано въ этомъ житіи по изустнымъ разсказамъ «неложныхъ свидѣтелей».

Пахомій вышелъ изъ средоточія православной греко-славянской образованности XIV—XV в., изъ Святой Горы, и вынесъ отсюда высокое понятіе объ охранительной силѣ родной писъ-

менности для племени: «бяху Угри, замѣчаетъ онъ въ повѣсти о Батыѣ, первое во православіи крещеніе отъ Грекъ приѣмше, но не послѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложить, Римляномъ же яко близъ сунимъ приложаша ихъ своѣй ереси послѣдовати». Пахомія много читали въ древней Руси и усердно подражали приѣмамъ его пера: его творенія служили едва ли не главными образцами, по которымъ русскіе автобіографы съ конца XV в. учились искусству описывать жизнь святаго. Авторъ, приведенной выше притиски къ житію Евомія, выражая взглядъ русскихъ книжниковъ XV в. на Пахомія, называетъ его отъ юности усовершенствовавшимся въ писаніи и во всѣхъ философійхъ, превзошедшимъ всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію. Такой человекъ былъ нуженъ на Руси въ XV в. и потому, когда онъ явился здѣсь, великій князь и митрополитъ съ соборомъ, новгородскій владыка и игуменъ монастыря обращались къ нему съ просьбами и порученіями написать о томъ или другомъ святомъ. Достаточно пересчитать творенія Пахомія, приведенныя въ извѣстность, чтобы видѣть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что новаго внесло оно въ русскую письменность. Пахомій написалъ не менѣе 18 каноновъ и 3 или 4 похвальные слова святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій; изъ послѣднихъ только 3 можно считать оригинальными произведеніями; остальные—новыя редакціи или переложенія прежде написанныхъ біографій. Запасъ русскихъ церковныхъ воспоминаній, накопившійся къ половинѣ XV в., надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ ограниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь эти воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія, въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для про-

стаго историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія. Онъ нигдѣ не обнаружилъ значительнаго литературнаго таланта; мысль его менѣе гибка и изобрѣтательна чѣмъ у Епифанія; но онъ прочно установилъ постоянныя, однообразныя приемы для жизнеописанія святаго и для его прославленія въ церкви и далъ русской агіобіографіи много образцовъ того ровнаго, нѣсколько холоднаго и монотоннаго стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности. Есть еще сторона въ литературной дѣятельности Пахомія, имѣющая нѣкоторое значеніе въ исторіи письменности древнерусскихъ житій. Въ послѣдствіи, при размноженіи этой письменности, многія житія переписывались и распространялись исключительно или преимущественно въ мѣстахъ дѣятельности святыхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно увеличивалась группа житій, имѣвшихъ общее значеніе, вездѣ читавшихся. Самую раннюю и видную часть въ этой группѣ составляютъ вмѣстѣ съ Киприановскою біографіей митр. Петра и древнѣйшими ростовскими житіями творенія Пахомія: благодаря извѣстности автора, его житія не только митр. Алексія или преп. Сергія, но даже архіеп. Евѣимія, Варлаама Хутынскаго и другихъ мѣстныхъ святыхъ стали общимъ достояніемъ древнерусскихъ читающихъ людей и переписывались вездѣ. Гораздо менѣе важны труды Пахомія какъ историческій матеріалъ. Только одинъ изъ святыхъ, жизнь которыхъ онъ описалъ, архіеп. Евѣимій былъ извѣстенъ ему лично. Главными источниками служили ему изустныя рассказы и готовые біографіи. Воспроизводя тотъ или другой источникъ, Пахомій нисколько не заботился о томъ, чтобы исчерпать его вполнѣ, и вслѣдствіе разныхъ причинъ допускалъ много неточностей въ своемъ воспроизведеніи. Большая часть явленій, имъ описываемыхъ, не была извѣстна ему по непосредственному наблюденію; ему не пришлось видѣть возникновенія

и образованія ни одного русскаго монастыря; этотъ недостатокъ непосредственнаго знакомства съ дѣйствительностію онъ восполнялъ риторикой житій, которая многому давала невѣрную окраску. Притомъ многія изъ его біографій писаны для церковной службы и по порученію свѣтской или церковной власти; это заставляло его иное опускать, а другое воспроизводить, какъ нужно было, а не какъ было на самомъ дѣлѣ. Последнее замѣтилъ въ одномъ его трудѣ современный русскій лѣтописецъ ¹⁾). Только біографіи Кирилла и Евѣмія цѣльны и по свойству источниковъ и по обилію содержанія; если бы всѣ остальные труды Пахомія исчезли, въ нашихъ историческихъ источникахъ не образовалось бы слишкомъ замѣтнаго пробѣла.

ГЛАВА V.

Русскія подражанія до Макарьевского времени.

Дальнѣйшее наше изслѣдованіе должно превратиться въ краткій бібліографическій обзоръ. Получивъ въ разсмотрѣнныхъ выше житіяхъ образцы агіобіографіи, русскіе слагатели житій однообразно подражали имъ и въ литературныхъ приемахъ и въ пониманіи историческихъ явленій. Стороны въ ихъ произве-

¹⁾ Связавъ о обрѣтеніи мощей св. Петра въ 1472 г. и о порученіи, данномъ Пахомію, написать слово объ этомъ, лѣтописецъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое быть единственнымъ въ древнерусской литературѣ: „А въ словѣ томъ написа, яко въ тѣлѣ обрѣли чудотворца, невѣрія ради людскаго, занеже кой толико не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ; а того не помянутъ, яко кости наги всточають исцѣвленіа.“ П. С. Лѣт. VI, 196.

действъ, которыхъ должна коснуться критика, опредѣлились не личными условіями писателя, а этимъ историческимъ взглядомъ на явленія, у всѣхъ одинаковымъ, который вычитанъ въ образцахъ и вмѣстѣ съ литературными приемами послѣднихъ составилъ риторическую теорію житія. Личность писателя опять исчезаетъ за этой теоріей, какъ исчезала прежде за многолѣтней легендой, хотя теперь въ большей части случаевъ мы можемъ не только назвать его по имени, но и указать нѣкоторыя черты его жизни. Съ другой стороны, чѣмъ дальше отъ половинны XV в., тѣмъ болѣе русская агіобіографія удаляется отъ городскихъ центровъ, гдѣ составилось большинство прежнихъ житій, и продолжаетъ свое развитіе въ пустышѣ, по многочисленнымъ монастырямъ, здѣсь возникавшимъ, выходя такимъ образомъ изъ предѣловъ того круга общественныхъ явленій, который вѣдала лѣтопись; потому рѣдко представляется возможность съ помощію послѣдней провѣрить или объяснить новыя житія. Между историкомъ и историческимъ матеріаломъ, заключающимся въ этихъ житіяхъ, остается одна упомянутая теорія агіобіографія: критика, приведя въ извѣстность ея дальнѣйшіе памятники, можетъ ограничиться общимъ разборомъ этой теоріи, чтобы выдѣлать изъ нея историческій фактъ.

Выше было замѣчено, какія литературныя вліянія содѣйствовали превращенію прежней краткой записки, или памяти о святомъ, въ историческое похвальное слово, ибо таковы въ сущности витіеватыя житія, которыя писались съ XV в. Эти вліянія замѣтно сказываются въ русскихъ произведеніяхъ второй половины XV в. Явленія церковной и мірской жизни становятся содержаніемъ не простой повѣсти, а церковно-ораторскаго слова. Мы видѣли выше, какъ обрѣтеніе мощей св. митрополита Петра въ 1472 г. подало собору поводъ возложить на Пахомія составленіе витіеватаго слова объ этомъ событіи съ похвалой и двумя канонами святому. Въ 1462 г. у гроба св. митрополита Алексія

исцѣлился хромецъ: глава русской церковной іерархіи митр. Теодосій написалъ пространное слово объ этомъ чудѣ, блестящее произведеніе церковнаго краснорѣчія въ духѣ того времени; ораторское предисловіе въ немъ равняется по объему самому сказанію. Другое произведеніе того же автора, одинаковаго характера съ первымъ, похвальное слово апостоламъ Петру и Павлу обнаруживаетъ источникъ, откуда черпалъ Теодосій свое краснорѣчіе: здѣсь авторъ дословно выписываетъ страницы изъ слова Цамблака на ту же тему, подобно тому какъ послѣдній въ этомъ и другихъ своихъ ораторскихъ твореніяхъ заимствовалъ у Іоанна Златоуста и прочихъ образцовыхъ витій православной церкви ¹⁾. Этими свѣтомъ церковнаго похвальнаго слова окрашивались не одни церковныя явленія: онъ сильно замѣтенъ уже въ житіи великаго князя Дмитрія Донскаго, написанномъ, по-видимому, вскорѣ послѣ его смерти. Авторъ біографіи — начитанный книжникъ, сколько можно судить по его цитатамъ и многорѣчивымъ разсужденіямъ, и писалъ ее для какого-нибудь духовнаго лица ²⁾. Иногда у него замѣтно подражаніе житію Александра Невскаго; встрѣчаемъ литературныя черты, которыя были не во вкусѣ агіобіографіи: картину Донскаго побойща, плачь княгини съ причитаньями надъ умершимъ мужемъ. По

¹⁾ Связаніе о чудѣ 1462 г. въ П. С. Р. Лѣт. VI, 325. Похвальное слово апостоламъ въ сб. Унд. XV в. № 558, л. 75; напеч. въ Изв. 2 отд. Ак. Н. т. III, 322. По отношенію къ характеру церковной литературы того времени и предметамъ, которые она разрабатывала, не лишній фактъ представляеть еще одно произведеніе Теодосія, не занесенное въ перечень его трудовъ (у арх. Филарета въ Обзорѣ I. 141): это кондаки и икосы на усненіе Богородицы — „твореніе Теодосія митр. кіевскаго и игем. Руск“. Солов. сб. XVI в. № 916.

²⁾ Напеч. въ Русск. Ист. Сб. т. III, 81 и П. С. Лѣт. 1V, 349. VI, 104 и VIII, 53, съ пропусками. Въ похвалѣ, приложенной къ житію, авторъ обращается въ лицу, для котораго писана біографія: „пошеже *преподобство* твое испросъ у нашего художества слова, мы приидемъ къ Св. Духу благодати.“

тѣмъ рѣзче выдѣляются въ біографіи черты другаго свойства: въ характеристику князя допущены почти исключительно иноческія добродѣтели; несоразмѣрно длинное и до темноты витіеватое похвальное слово въ концѣ житія разсматриваетъ Донскаго героя только какъ святаго, и перебирая историческія имена, которыми можно было бы характеризовать князя, оно называетъ только праведниковъ обоихъ завѣтовъ. Вторая редакція сказанія о кн. Михаилѣ Ярославичѣ тверскомъ наглядно показываетъ, что вся перемѣна, происшедшая въ русской агио-біографіи съ XV в., состояла въ приемахъ литературнаго изложенія и не вызвала потребности болѣе внимательнаго знакомства съ фактами, относящимися къ жизни описываемыхъ лицъ. Выше, въ разборѣ древней повѣсти о Михаилѣ былъ отмѣченъ признакъ, отличающій во второй ея редакціи произведеніе XV в., хотя въ ней, по обычаю древнерусскихъ позднѣйшихъ редакторовъ, удержаны выраженія начальнаго сказанія, какія могъ употребить только современникъ и очевидецъ описываемыхъ событий¹⁾. Эта позднѣйшая редакція почти дословно повторяетъ текстъ своего оригинала, не только не прибавляя къ нему но-

¹⁾ Списокъ этой редакціи съ предисловіемъ въ Ч. Мнн. Германя Тулузова, рукоп. Тр. Серг. Л. № 671, л. 111; сказаніе здѣсь сопровождается пражской на л. 129: „въ лѣто 6994 записано бысть сіе убіеніе вел. кн. Михаила Ярославича, мѣс. нояврія 17 день“. Это, очевидно, указаніе на время древняго списка, съ котораго копировалъ Германъ. Но редакція сказанія составлена раньше: ее находимъ, только безъ предисловія, въ спискѣ софійской лѣтописи, писанномъ прежде 1481 года (И. С. Лѣт. V, 207 ср. съ замѣчаніемъ о спискѣ кн. Оболенскаго на стр. 77 и слѣд.). Нач. предисловія: „Въиенць убо многоцвѣтень“. Оно сходно съ предисловіемъ во второй редакціи житія ростовскаго епископа Исидора и вѣроятно въ обоихъ житіяхъ взято изъ одного источника. Редакторъ повѣсти о Михаилѣ повторяетъ явно выраженія начальнаго ея автора: „написахомъ“, „исповѣдаху намъ“ и проч. Этимъ объясняется смыслъ замѣтки его въ предисловія: „мы же убо не отъ явѣхъ слышавше, но самовидцы бывше честному его (кн. Михаилу) воснѣтанію“.

выхъ фактовъ. но даже опуская нѣкоторыя фактическія черты его, напримѣръ хронологическія и топографическія помѣтки въ разсказѣ о борьбѣ кн. Юрія московскаго съ Михаиломъ. Передѣлка древняго сказанія предпринята только для того, чтобы прибавить къ нему длинное витиеватое предисловіе и внести въ простой разсказъ современника обильныя реторическія распространенія, тексты, историческія сравненія и т. п.

Характеристическими образчиками комплиментарности, какою отличались подражанія въ русской агиографіи съ половины XV в., могутъ служить сочиненія о князьяхъ ярославскихъ, составленные въ изучаемый періодъ времени: это — двѣ редакціи житія кн. Феодора Чернаго и сказаніе о князьяхъ Василіѣ и Константинѣ. Еще до открытія мощей кн. Феодора въ 1463 г. въ письменности обращалась краткая повѣсть о преставленіи этого князя съ немногими извѣстіями о его жизни: судя по изложенію и нѣкоторымъ подробностямъ въ описаніи кончины Феодора, можно думать, что эта проложная статья была составлена вскорѣ по смерти князя или на основаніи современной ему мѣстной лѣтописи, записавшей эти подробности ¹⁾. Вскорѣ по обрѣтеніи мощей князя описано было и это событіе съ чудесами, его сопровождавшими ²⁾. Великій князь московскій Іоаннъ и митрополитъ Фялиппъ поручили описать жизнь новоявленнаго чудотворца Антонію, іеромонаху Спасскаго ярославскаго монастыря, гдѣ

¹⁾ Сб. Тр. Серг. Л. 1505 г. № 466, л. 366; древнѣе см. въ рук. Рум. муз. 1462 г. № 305, л. 260. Архіеп. Филаретъ ошибочно смѣшиваетъ эту статью съ сочиненіемъ Антонія. Русск. Свят. сент. стр. 81.

²⁾ Въ рукописныхъ статья эта встрѣчается въ двухъ редакціяхъ: въ краткой — въ указаниихъ сб. Тр. С. Л. № 466 (вписана на поляхъ рядомъ съ статьей о преставленіи) и въ полной — въ волокол. сб. 1543 г. въ Моск. дух. ак. № 490, л. 235; этой редакціей пользовался Антоній; она же безъ послѣднихъ чудесъ въ П. С. Лѣт. V, 185—187, разбита по годамъ и перемежана съ другими лѣтописными извѣстіями.

покойся кн. Феодоръ. Биографъ рассказываетъ объ удаленіи архіеп. ростовскаго Трифона съ каедры (1467 г.), а о послѣднемъ самостоятельномъ князѣ Ярославля Александрѣ Феодоровичѣ, при которомъ произошло открытіе мощей его предка, выражается, какъ будто его уже не было на свѣтѣ: отсюда видно, что житіе написано между 1471 годомъ, когда умеръ кн. Александръ, и 1473, когда умеръ митр. Филиппъ ¹⁾). Антоній, знакомый съ образцами русской агіобіографіи того времени, составилъ житіе такъ, чтобы оно было достойно высокаго порученія, возложеннаго на автора. Предисловіе онъ выписалъ изъ житія митр. Алексія, написаннаго Пахоміемъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, но удержавъ выраженія, которыя вовсе не шли къ ярославскому писателю ²⁾). Изложивъ извѣстія о кн. Феодорѣ и о нашествіи Батыя, какія нашлись въ упомянутомъ старомъ некрологѣ Феодора, Антоній прибавилъ къ нему повѣсть о смерти Батыя, измѣнивъ нѣсколько статью Пахомія объ этомъ, и рассказъ объ отношеніяхъ Феодора къ ордѣ. Благодаря этому разсказу, заимствованному повидимому у мѣстнаго лѣтописца и не занесенному въ лѣтописные своды теперь извѣстные, трудъ

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 191. О кн. Александрѣ Антоній говоритъ: „сущу ему тогда старѣйшинствуя въ градѣ томъ, блаженному же Феодору *бл правнуку*“. Составъ и текстъ Антоніева житія Феодора въ спискахъ очень разнообразны вслѣдствіе пропусковъ и сокращеній. Самый цѣльный списокъ, съ предисловіями предъ жизнеописаніемъ и повѣстью объ открытіи мощей, въ сб. Тр. Серг. л. половины XVII в. № 664, л. 313 — 350. Сивскія XVI въ сб. Унд. 1541 г. № 1214, л. 670, его же № 383, л. 31, вологод. въ Моск. дух. ак. № 490, пис. въ 1543 г., л. 226; но статья о проявленіи мощей здѣсь другая, короче и безъ предисловія, написана, по нашему мнѣнію, прежде труда Антонія.

²⁾ Наприм. вслѣдъ за Пахоміемъ Антоній пишетъ о Феодорѣ: „не бо своими очима видѣхъ что таково бываемо, но отъ великихъ и достовѣрныхъ мужей слышавъ въ градѣ томъ, якоже то глаголють, нини своимъ очима видѣша самого святаго, не зѣло бо предъ многими лѣты бѣише.“ Антоній писалъ спустя не менѣе 172 лѣтъ по смерти Феодора.

Антонія имѣеть цѣну между источниками нашей исторіи. Рассказъ о кончинѣ князя выписанъ цѣликомъ изъ того же некролога, а обрѣтеніе мощей и чудеса описаны по статьѣ, составленной раньше сочиненія Антонія; только два чуда—съ архіеп. Трифономъ и съ безвогимъ инокомъ Софоніей изложены у Антонія витіеватѣе, первое словами статьи о Стефанѣ пермскомъ въ Епифаніевскомъ житіи Сергія, второе—словами написаннаго митр. Феодогіемъ сказанія о хромцѣ Наумѣ; наконецъ всей этой статьѣ объ открытіи мощей и чудесахъ Феодора Антоній предпослалъ многорѣчивое предисловіе, въ которомъ легко замѣтить перелѣлку предисловія къ Пахоміеву слову о перенесеніи мощей св. митрополита Петра, не задолго передъ тѣмъ написанному.—Встрѣчаемъ и другую переработку древней записки о кн. Феодорѣ: это—житіе, которое составилъ ижеко Андрей Юрьевъ. Сколько помнится, въ исторіи древнерусской духовной литературы совершенно неизвѣстно имя этого писателя, какъ и его произведеніе: послѣднее, судя по рѣдкости его списковъ, было мало извѣстно и древнерусскимъ грамотеямъ¹⁾. По выраженіямъ автора можно только догадываться, что онъ писалъ въ Ярославѣ. Списокъ его труда, намъ извѣстный, относится къ началу XVI вѣка; въ нѣкоторыхъ словахъ житія можно видѣть

1) Единственный списокъ его нашли мы въ рукоп. начала XVI в. изъ библ. Общ. Пст. и Др. Р. № 56, л. 306—317: „Житіе и жизнь пресв. кн. Феодора ярославскаго. Списано отъ Ондрѣя Юрьева“. Начало предисловія: „О свѣтлая и пресвѣтлая Русская земле и преузвишенная многими рѣками и разноличными птицами и звѣрми и всякою различною тварию, потѣшая Богъ человека, и створиши вся его ради ич чотѣху и ич потребу различныхъ искушеній человеческого ради естества, и потому подарова Госиодъ привосзавною вѣрою, св. крещеніемъ, и исполняя ю великими гряды и домы церковными и пасѣвая ю боголюбивыми книгами, и показуя имъ путь спасенія, и въ же доити пресвѣтлаго свѣта и радости всѣхъ святыхъ и райскія ивица, неоскудна Божія благодати наполнитися, но по дѣломъ нашимъ пріяти противу трудомъ“.

довольно ясный намекъ на то, что оно писано послѣ открытія мощей св. князя, хотя невозможно рѣшить, раньше или позднѣе Антоніевой редакціи ¹⁾). Произведение А. Юрьева любопытно тѣмъ, что риторическій взглядъ на житіе, утвержденный образцовыми агіобіографами XV в., здѣсь сказался еще яснѣе, ибо дѣйствовалъ на редактора одностороннѣе и исключительнѣе; притомъ этотъ редакторъ, сколько можно судить по его имени, былъ не монахъ, можетъ быть даже не изъ бѣлаго духовенства. Антоній, передѣлывая древнюю краткую біографію въ духѣ указаннаго взгляда, считалъ еще необходимымъ пополнить ея содержаніе извѣстіями изъ другихъ источниковъ, хотя сдѣлалъ это не совсѣмъ удачно. А. Юрьевъ, какъ видно изъ его признанія и содержанія новой біографіи, ничего не зналъ о кн. Феодорѣ сверхъ извѣстій древняго некролога ²⁾). Извѣстія послѣдняго онъ цѣликомъ и большею частью почти дословно перенесъ въ свое произведеніе. Но скудное содержаніе своего источника онъ растворилъ въ обильной примѣси общихъ мѣстъ церковнаго панегирика; житіе закончилъ онъ похвалою святому, которая объемомъ немного уступаетъ біографическому очерку. Отсюда видно, что единственной цѣлью, вызвавшей новую редакцію, было «ублажить подробну» новоявленнаго чудотворца. Задачу свою авторъ исполнилъ съ литературнымъ умѣньемъ, дающимъ его труду почетное мѣсто въ ряду русскихъ ретори-

¹⁾ Памятникъ, сказавъ о проявленіи въ Москвѣ свѣтильниковъ-митрополитовъ Петра и Алексія, авторъ продолжаетъ (л. 315): „Тако же въ *мнози*хъ времена прояви Господь сего новаго чудотворца кн. Феодора, спасанъ въ градъ его Ярославль отъ многихъ бѣдъ его“.

²⁾ Въ послѣсловіи читаемъ: „Азъ же многогрѣшный Андрей Юрьевъ, недостойный рабъ, и обрѣтохъ у ижеюго христолюбца писанъ *перечень* житіи св. преподобнаго князя Феодора; азъ же дерзнухъ написати его житіе, не узи ни видѣ (sic) его житія, но надѣяся на его милосердіе и помощи Божія прося и на молитву св. отца надѣяся, и написахъ, елико слышахъ, отъ великихъ малая, елико бысть мощно ииѣ“.

чeskиxъ произведеній XV—XVI в. Хотя не монахъ, Юрьевъ—начитанный грамотей: онъ приводитъ выдержки изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изъ житій Димитрія Солунскаго, митроп. Петра и Алексія, Леонтія ростовскаго по одной изъ позднѣйшихъ редакцій; послѣсловіе его есть легкая передѣлка послѣсловія Пахомія Логовета къ житію преп. Сергія.

Еще любопытнѣе составъ другаго ярославскаго сказанія — о князьяхъ Василіѣ и Константиноѣ. Въ 1501 г. въ Ярославѣ сгорѣла соборная Успенская церковь, и когда начали разбирать обгорѣлые камни, нашли въ церковномъ помостѣ два гроба съ нетлѣнными мощами; на гробахъ прочитали имена святыхъ покойниковъ, князей Василя и Константина. Послѣдовалъ рядъ чудесъ. Такъ рассказываетъ повѣсть о новыхъ ярославскихъ чудотворцахъ, которую нѣсколько лѣтъ спустя сложилъ нѣкто монахъ Пахомій по благословенію мѣстнаго архіепа. Кирилла, въ княженіе Василя Иоанновича, слѣдовательно между 1526 и 1533 г. ¹⁾ Мѣстное преданіе запомнило, что князья-чудотворцы были родные братья Всеволодовичи. Принявъ это извѣстіе за основаніе своей повѣсти, Пахомій началъ ее предисловіемъ, неловко составленнымъ по предисловію серба Пахомія къ житію митр. Алексія или, вѣроятно, по передѣлкѣ его въ разсмотрѣнномъ Антоіевомъ житіи кн. Θεодора. У того же предшественника своего Антоія выписавъ онъ характеристику кн. Θεодора, приспособивъ ее къ своимъ князьямъ-братьямъ. Далѣе, на

¹⁾ Списки этой мало распространенной въ рукописяхъ повѣсти въ сб. Гр. Серг. Л. № 696, л. 158 и № 677, л. 49, съ надписью: „Сія убо повѣсть сложена мною многорѣшными рабомъ Божиимъ мнхомъ Пахоміемъ, по благословенію господина нашего архіепа. Кирилла ростовскаго и ярославскаго, при благоуверномъ великомъ ян. Василю Ивановичѣ“. Повѣсть о князьяхъ сопровождается статьею объ открытіи ихъ мощей въ 1501 г. съ 15 чудесами. Списокъ той же повѣсти безъ предисловія въ рук. Унд. № 294, л. 1.

шедши въ лѣтописи извѣстіе, что ки. Константинъ Всеволодовичъ въ 1215 г. заложилъ въ Ярославлѣ каменную церковь Успенія, биографъ отнесъ это извѣстіе къ своему Константину, князю ярославскому, смѣшавъ послѣдняго съ дѣдомъ его, умершимъ въ 1419 г. и погребеннымъ во Владимірѣ ¹⁾). Далѣе опять по Антонію онъ рассказываетъ о нашествіи Батыя и избиеніи русскихъ князей, прибавляя вопреки лѣтописи, что они погибли при взятіи Ярославля 3 іюля ²⁾). Въ числѣ погибшихъ здѣсь князей были и братья Всеволодовичи ярославскіе, о которыхъ повѣствуетъ Пахомій. Разсказъ оканчивается сказаніемъ о смерти Батыя въ Болгаріи, заимствованнымъ также у Антонія. По лѣтописи, въ татарское нашествіе погибъ Всеволодъ Константиновичъ ярославскій; по родословной книгѣ, у этого Всеволода было двое сыновей, Василій и Константинъ. Первый, по лѣтописи, мирно скончался въ 1249 г. во Владимірѣ, гдѣ въ то время находился случайно; можетъ быть, это и дало Пахомію поводъ назвать его великимъ княземъ владимірскимъ. О судьбѣ Константина въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій. Такимъ образомъ разсмотрѣнные памятники ярославской агіобиографіи обнаруживаютъ съ одной стороны большую заботливость украшать житіе въ литературномъ отношеніи, руководствуясь образцами, съ дру-

¹⁾ Въ спискѣ по рук. Унд. № 204 къ этому лѣтописному извѣстію прибавлены другія, съ новыми ошибками: говорится наприм. объ основаніи тѣмъ же Константиномъ церкви Входа въ Іерусалимъ въ Спасскомъ монастырѣ въ 1218 г. и объ освященіи ея въ 1224 г. епископомъ Спмопомъ и этимъ княземъ. По лѣтописи, это была церковь Спаса, заложенная въ 1216 г. и освященная въ 1224 г. епископомъ Кврилломъ при сынѣ Константина Всеволодѣ. П. С. Лѣт. I, 186 и 190.

²⁾ „И пріиде (Батый) ко граду Ярославлю, и ту побіени быша князя наши, ки. Василій владимірскій и ки. Константинъ и Юрій...“ Въ си. Унд. къ этому прибавлено мѣстное предвнѣе, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ два года съ половиной, отыскивая своего отца: „быше бо той окаянный царь Батый родомъ града Ярѣславля, отъ леса Череможскія“.

гой—такое же равнодушіе къ его фактическому содержанію и къ источникамъ, изъ которыхъ оно черпается.

Въ Твери, кромѣ указаннаго выше пересмотра стараго сказанія о кн. Михаилѣ Ярославичѣ, встрѣчаемъ опытъ жизнеописанія другаго князя, гораздо болѣе любопытный, но сохранившійся въ обломкахъ. Книжникъ ростовскаго края, составляя въ 1534 г. лѣтописный сборникъ, заносилъ въ него цѣликомъ или въ отрывкахъ отдѣльныя историческія сочиненія, какія попадались ему подъ руки ¹⁾. Такъ помѣстилъ онъ въ своемъ сборникѣ извлеченія изъ цѣльнаго историческаго труда о тверскомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ (ум. 1399 г.). Нѣкоторыя указанія на происхожденіе и характеръ этого труда находимъ во вступленіи, которое сберегъ составитель сборника. Текстъ этого вступленія, какъ и всего сборника, сохранившагося въ спискѣ XV в., носитъ слѣды сильной порчи писцовъ; но и въ такомъ видѣ этотъ текстъ отличаетъ у автора перо, хорошо знакомое съ книжнымъ языкомъ времени. Въ испорченномъ началѣ вступленія авторъ хочетъ, кажется, сказать, что не былъ современникомъ кн. Михаила, не видалъ его самъ и пишетъ по порученію тверскаго князя Бориса (правнука Михайлова, княжившаго 1425 — 1461 г.), «иже повелѣлъ ми есть написати отъ слова честь премудраго Михаила». Къ этому князю обращается авторъ въ предисловіи, называя его честною главою, благочестивымъ самодержцемъ. Отсюда видно, что сочиненіе писано около половины XV в. Общія писать «зряще русскаго гранографа», авторъ замѣчаетъ: «отъ Кіева начну даже и до сего богохранимаго Тферскаго града, въ немъ же въспитаніе бысть

¹⁾ Этотъ лѣтописный сборникъ издавъ въ XV т. II. С. Р. Лѣт. подъ именемъ Тверской лѣтописи. Отрывки изъ сочиненія о Михаилѣ помѣщены на столбц. 463—470 подъ заглавіемъ: „Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго“ и проч. Это заглавіе принадлежитъ составителю сборника.

благородному Михаилу», и затѣмъ, выписавъ рядъ прямыхъ предковъ князя отъ св. Владимира, онъ заключаетъ: «доздѣ пишуще, уставихомъ изъ прѣваго лѣтописца въображающе, якоже володимерскій полихронъ степенемъ приведе явѣ указуетъ». Выписанныя ссылки автора подали поводъ признать разсматриваемый отрывокъ особой тверской лѣтописью, составленной при кн. Борисѣ, составитель которой при изложеніи событій, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Михаила Александровича, руководствовался владимірскимъ полихрономъ¹⁾. Но этотъ полихронъ понадобился автору, чтобы изложить родословную князя, сказать «честь мужу, да всѣмъ вѣдомо будетъ, отъ котораго богосаднаго корени таковаа доброплодная отрасль израсте». Вслѣдъ за тѣмъ авторъ излагаетъ программу своего труда о Михаилѣ: «зѣло скоропытнѣ искавше образъ бытіа его, когда родися и како Богомъ утвержаемъ въ крѣпости възраста и колико мужества на земли храбрости показа, наипаче же елми къ Богу вѣру пѣ дѣлехъ стяжа». Ясно, что авторъ хочетъ писать не лѣтопись, а біографію кн. Михаила. Дальнѣйшее изложеніе также чуждо лѣтописныхъ приемовъ. Изъ него составитель сборника приводитъ далѣе два отрывка, изъ которыхъ въ одномъ описана жизнь князя до начала борьбы его съ дядей, тверскимъ княземъ Василиемъ Михайловичемъ, въ другомъ — начало веллкнкняженія самого Михаила. Въ обоихъ отрывкахъ сплошной біографическій рассказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ, при чемъ отрочество князя и его воспитаніе изображено обычными чертами житій. Тверскія лѣтописныя извѣстія о Михаилѣ и его отцѣ, занесенныя какъ въ этотъ тверской лѣтописный сводъ, такъ и въ школовскій и взятыя, очевидно, изъ одного источника, не только не похожи по своему изложенію на выдержки изъ біографіи кн. Михаила, но даже иногда протпво-

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. XV, стр. V.

рѣчатъ извѣстіямъ послѣдней: такъ здѣсь иначе разсказано о Шевкалѣ и избіеніи Татаръ въ Твери, чѣмъ въ тѣхъ сводахъ; по біографіи Михайлъ учился грамотѣ у митрополита Теогноста, а по лѣтописямъ—у своего отца крестнаго, новгородскаго архіепа. Василя ¹⁾). Наконецъ въ другихъ лѣтописяхъ сохранился еще одинъ отрывокъ изъ сочиненія о тверскомъ князѣ Михайлѣ и въ одной изъ нихъ съ признакомъ, что это—отрывокъ именно изъ разбираемаго жизнеописанія князя: въ одномъ изъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводовъ, составленномъ въ началѣ XVI в., помѣщена статья о преставленіи кн. Михаила, которой предпослано въ видѣ предисловія начало выше анализированнаго вступленія къ тверскому жизнеописанію Михаила, съ незначительными переѣнами въ словахъ и безъ искаженій, сдѣланныхъ писцомъ тверскаго сборника ²⁾).—Вотъ повидимому все, что уцѣлѣло отъ біографіи кн. Михаила. Недостають любопытнѣйшихъ страницъ изъ этой біографіи, описанія борьбы тверскаго князя съ дядей Василюемъ и потомъ съ великимъ княземъ московскимъ Дмитріемъ, и мы не знаемъ, какъ изобразилъ эти событія тверской біографъ съ своей мѣстной точки зрѣнія. Судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ его труда, онъ зналъ любопытныя черты изъ жизни Михаила, не попавшія въ извѣстныя теперь лѣтописи, хотя повидимому не былъ его современникомъ. Наконецъ, послѣ біографіи Александра Невскаго это едвали не первый опытъ жизнеописанія въ простомъ смыслѣ слова, гдѣ описываемое лицо разсматривается какъ историческій дѣятель, а

¹⁾ Тамъ же столб. 465—467 ср. съ столб. 415 и съ Плк. III, 137 и 175. См. также П. С. Лѣт. V, 223 и VII, 207.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. IV, 359. Здѣсь вмѣсто кн. Бориса поставлено имя какого-то отца Кирилла, для котораго сдѣлано извлеченіе изъ житія Михаила составителемъ такъ-называемой 4-ой новгородской лѣтописи. Тамъ статья, только безъ предисловія, въ воскресенскомъ сводѣ (П. С. Л. VIII, 73); она есть и въ тверскомъ, но съ сокращеніями и вариантами (тамъ же т. XV, столб. 459 и слѣд.).

не съ точни зрѣнія церковнаго похвальнаго слова, какъ правственный образецъ для подражанія. Изъ предисловія къ біографіи видно, что авторъ имѣлъ подъ руками «русскій гранографъ» «володимірскій полихронъ»; труднѣе проникнуть въ его мѣстные источники. Въ позднѣйшемъ лѣтописномъ сборникѣ сохранилось краткое житіе кн. Михаила ¹⁾). По составу своему оное совершенно одинаково съ запиской о князѣ ярославскомъ Теодорѣ, написанной до Антонія: бѣглый очеркъ жизни князя сопровождается вдвое болѣе обширнымъ описаніемъ его кончины: только здѣсь, въ житіи Михаила, біографическія черты гораздо живѣе и обильнѣе. По сохранившимся остаткамъ біографіи, написанной при кн. Борисѣ, трудно рѣшить, пользовался ли авторъ ея этой запиской ²⁾); но сравненіе разсказа о преставленіи князя по обоимъ житіямъ не позволяетъ предположить, что краткое составлено по пространному: въ первомъ есть много подробностей, какихъ нѣтъ въ послѣднемъ; характеръ князя, его отношенія къ семьѣ, дружинѣ, духовенству, городу, какъ они обнаружались въ посѣднія минуты его жизни, очерчены въ первомъ такъ живо, что этотъ разсказъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ листовъ въ литературныхъ источникахъ нашей исторіи и по происхожденію своему, очевидно, стоитъ гораздо ближе ко времени Михаила, чѣмъ разсказъ біографа, писавшаго при Борисѣ.

¹⁾ Слѣд. IV. 285—296 подъ заглавіемъ: „Повѣсть древняя списана о житіи в. кн. Михаила Александровича тверскаго“.

²⁾ Только въ отрывкѣ о началѣ великокняженія Михаила есть темный намекъ на какой-то источникъ, можетъ быть, на эту записку: „Господь Богъ възвыси и прослави рогъ Тверскія земли, многая благаа и земнаа възсирѣтъ (при кн. Михаилѣ), *якоже речеся*“⁴. Выше у біографа не было сказано ничего, на что можно было сдѣлать такую ссылку; но въ краткомъ житіи читаемъ, что когда Михаилъ сѣлъ на великомъ княженіи, тогда „сынове тверстии многая благаа воспріаша“⁴.

Другое тверское житіе — епископа Арсенія, очень рѣдкое въ рукописяхъ, сохранилось съ прибавкой бѣльшаго или меньшаго количества позднѣйшихъ чудесъ. Въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ 1566 годомъ, авторъ замѣчаетъ, что онъ, смиренный инокъ Феодосій, слышалъ объ этомъ чудѣ отъ монаховъ Желтикова монастыря, гдѣ погребенъ св. епископъ, и самъ видѣлъ человека, съ которымъ совершилось чудо ¹⁾. Съ другой стороны, сохранился списокъ службы Арсенію, относящійся къ началу второй половины XVI вѣка, и здѣсь служба сопровождается припиской съ извѣстіемъ, что канонъ и стихиры въ ней составлены въ 1483 г. въ Желтиковомъ монастырѣ, по благословенію тверскаго епископа Васкіана, рукою многогрѣшнаго инока Феодосія ²⁾. Основываясь на какомъ-нибудь одномъ изъ этихъ указаній и забывая о другомъ, исследователи относятъ составленіе житія къ концу или XV или XVI в., приписывая его перу одного и того же инока Феодосія ³⁾. Очевидно, авторъ канона Арсенію и повѣствователь о его чудѣ 1566 года — разные писатели, раздѣленные цѣлыми вѣкомъ: тожество ихъ именъ — простая случайность. Но въ житіи нѣтъ прямого указанія, что оно написано тѣмъ или другимъ Феодосіемъ. Между тѣмъ есть признаки, показывающіе, что оно составлено въ концѣ XV в., но крайней мѣрѣ раньше чуда 1566 г. Проложное соращеніе его помѣщено уже въ сборникѣ, составленномъ около

1) Списки житія въ рукоп. Унд. начала XVII в. № 286, л. 8, съ двумя посмертными чудесами, описанными, по повѣдному, однимъ авторомъ первое помѣчено 1566 г., второе — 1594; въ первомъ авторъ называетъ себя по имени. Другой сп. XVII в. въ рукоп. Унд. № 1224, л. 50, съ приложеніемъ 26 чудесъ XVII в., изъ которыхъ послѣднія помѣчены 1664 г. Нач. приписокія: „Да есте вѣдуще, братіе, яко нынѣ памѣ прислѣ торжество преч. оти.“

2) Сб. Рум. муз. XVI в. № 397, л. 146.

3) Архiep. Филаретъ въ Обз. русск. д. лит. I. 155. Строенъ въ Опис. рукоп. Царскаго, стр. 55.

половины XVI в.¹⁾). Въ предисловіи къ житію авторъ говоритъ «по многихъ лѣтъхъ еже къ Богу отшествія его (Арсенія) написахомъ отъ части житія его, изыскахомъ духовными мужи, еже слышаху отъ преподобныхъ его устъ». Такъ не могъ написати авторъ, составлявшій житіе во второй половинѣ XVI в., болѣе полутора ста лѣтъ спустя по смерти Арсенія. Наконецъ, по началу предисловія видно, что житіе писано на праздникъ памяти святаго. На этомъ можно основать только вѣроятность мнѣнія, что составитель службы Арсенію въ 1483 г. былъ вмѣстѣ в авторомъ его жизнеописанія, какъ обыкновенно бывало въ литературной исторіи житій. Объ источникахъ біографіи Арсенія читаемъ въ предисловіи, что современники тверскаго епископа. люди, пришедшіе съ нимъ изъ Москвы, писали краткія записки о жизни и чудесахъ его, «на памятьхъ изо устъ», и эти отрывочныя записки много лѣтъ хранились въ монастырѣ на Желтиковѣ, переходя изъ рукъ въ руки между братіей обители: инныя изодрались, инныя обветшали, когда біографъ началъ собирать ихъ для своего труда: «елика изыскахомъ, то и написахомъ», заключаетъ онъ свой рассказъ о собираніи матеріала. Очевидно, въ этихъ запискахъ онъ не нашель обстоятельнаго описанія жизни Арсенія до епископства: современники не допустили бы ошибки, въ какую впалъ біографъ, сказавъ, что Арсеній въ юности еще пришелъ въ кіевскій Печерскій монастырь и постриженъ *иуменомъ* этого монастыря Кипріаномъ, тѣмъ самымъ Кипріаномъ, за которымъ, по рассказу житія, посылалъ великій кн. Дмитрій духовника своего, симоновскаго игумена Феодора, чтобы призвать его на русскую митрополію (1381 г.). Дальнѣйшій рассказъ житія, вообще не богатаго содержаніемъ, ограничивается тремя эпизодами: о поставленіи Арсенія на тверскую епископію, о построеніи имъ монастыря на Желтиковѣ и о кон-

¹⁾ Рум. сб. № 397, л. 418.

чинѣ епископа. Уцѣлѣли источники первой и послѣдней изъ этихъ статей, остатки тѣхъ записокъ современниковъ, на которыя ссылается авторъ. Въ житіяхъ послѣдующаго времени мы часто встрѣчаемъ подобныя ссылки на старыя «памяти», исчезнувшія въ позднѣйшей письменности или доселѣ остающіяся неизвѣстными: въ литературной исторіи житія сохранившіеся остатки ихъ не лишены интереса, какъ образчики для характеристики этихъ черновыхъ записокъ, по которымъ составлялись искусственныя біографіи. Сохранился списокъ церковнаго устава съ витѣватой припиской, изъ которой видно, что онъ писанъ въ 1438 г. при тверскомъ епископѣ Іліи, рукою дяка Андрея, для Успенской церкви (въ Желтиковомъ монастырѣ): рядомъ съ этой припиской помѣщена любопытная записка о пріѣздѣ въ Тверь митр. Кириана и нѣсколькихъ епископовъ въ 1390 г. съ описаніемъ суда надъ тогдашнимъ тверскимъ епископомъ Евоиміемъ и возведенія Арсенія на его мѣсто ¹⁾. Въ одну повгородскую лѣтопись занесена другая записка—о кончинѣ Арсенія, съ ясными указаніями, что она написана однимъ изъ лицъ близкихъ къ епископу, на которыхъ ссылается авторъ житія въ предисловіи ²⁾. Обѣ писаны чистымъ книжнымъ языкомъ того времени; вторая даже начинается правоучительнымъ предисловіемъ, не чуждымъ витѣватости. Сличая ихъ съ жи-

¹⁾ Пергам. рукоп. синод. библ. № 331, л. 277. Эта записка съ измѣненіями занесена въ нѣкоторыя лѣтописи. П. С. Р. Лѣт. XV, 445. Пяк. IV, 195—198. Записка въ уставѣ сопровождается краткимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ объ основаніи Арсеніемъ монастыря на Желтиковѣ въ 1394 г.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. IV, 111, примѣчаніе подъ строками. Здѣсь читаемъ: „Бысть... священному епископу Арсенію тверьскому отъ житія преставитися сицевымъ образомъ: индикта 2, приспѣвшю собору всогадищному, многоштествовахомъ пастырю и учителю своему... въ понедѣльникъ же учение слышахомъ отъ устъ его“. Далѣе видно, что авторъ записки присутствовалъ при кончинѣ епископа. Передѣлка этой записки въ Пяк. V, 30.

тѣмъ, легко замѣтить, что послѣднее по нимъ излагаетъ разсказъ о тѣхъ же событіяхъ.

Вслѣдъ за движеніемъ монастырей-колоній, болѣе и болѣе углублявшихся въ пустыню, и русская агіобіографія съ XV в. идетъ туда же и тамъ находитъ новыя средоточія и новый матеріалъ для своего развитія. Обзоръ нашъ также долженъ перейти отъ житій, составленныхъ въ городахъ, къ тѣмъ, которыя выходили изъ келліи пустыннаго монастыря.

Здѣсь, по всей вѣроятности, написано было въ XV в. «воспоминаніе» объ архіепископѣ новгородскомъ Іонѣ, любопытное и по содержанію и по литературной формѣ. Довольно странно, что это воспоминаніе обыкновенно относятъ къ половинѣ XVI в., прибавляя иногда, что оно написано не раньше царствованія Ивана IV. Въ первыхъ строкахъ записки встрѣчаемъ слова, обличающія въ авторѣ современника не только Іоны, но и предшественника его Евѳимія (ум. 1458 г.): «въ чинъ же и здѣ приложися вспомнати его (Іону) по преп. архіепископѣ нашемъ Евѳиміи, иже восіавшу предъ очима нашими, и добродѣтелей его и благодѣлійъ всеми примателе и свѣдѣтеле суще». Архіеп. Филаретъ возражаетъ на это, что «въ воспоминаніи есть нѣсколько хронологическихъ неточностей, не совсѣмъ умѣстныхъ въ описаніи современника», а о дѣлахъ Іоны въ княженіе Ивана III въ воспоминаніи ничего не сказано, что опять странно въ современномъ описаніи ¹⁾). Послѣднее, разу-

¹⁾ Р. Свят. ноябрь, стр. 309, прим. 23. Продолжая возраженія, историкъ указываетъ на слова житія: „многа исцѣленія бываху отъ тѣлесе святаго даже и доднесь“, а первое чудо будто совершилось въ 1540 г. Это во первыхъ неѣрно, ибо чудо съ Яковомъ Маслагой, которое здѣсь разумѣлъ ученый, въ рукописяхъ помѣчено 1655 г., а во вторыхъ ничего не значить, ибо авторъ воспоминанія разумѣлъ не эти чудеса, совершившіяся и описанныя гораздо позднѣе. Наконецъ, говорятъ арх. Филаретъ, старшій свисокъ воспоминанія, синодальный, писанъ 1608 г. Но оно есть въ Малар. ч. мн. ноябрь, стр. 107—120 по усн. св. Другіе списки въ

мѣется, нисколько не мѣшаетъ вѣрить тому, что говорить авторъ записки, и было бы одинаково странно и въ біографіи, писанной въ XVI в.; хронологическія же неточности неумѣстны вездѣ и возможны вездѣ, а въ воспоминанія объ Іонѣ онѣ скорѣе объясняютъ выписанныя слова, чѣмъ даютъ основаніе сомнѣваться въ ихъ правдивости. Рассказывая въ началѣ о Евонміѣ, авторъ воспоминаетъ о нападеніи Витовта на Порховъ, поставившемъ Новгородъ въ большое затрудненіе, и прибавляетъ: «обаче *послѣди* въздасть ему Господь ердиньскими пари». За этимъ слѣдуетъ рассказъ о пораженіи Витовта Татарами, въ которомъ легко узнать знаменитый въ свое время бой на Ворсклѣ 1399 г., тогда какъ нападеніе на Порховъ, о которомъ говорить записка, было въ 1428 г. Писатель половины XVI в., всего шрѣвѣтнѣе, и не вспомнилъ бы самъ объ этихъ событіяхъ, тѣмъ болѣе что они вовсе не относятся къ біографіи Іоны, или рассказалъ бы о нихъ правильно, по письменному источнику; авторъ воспоминанія, писавшій вскорѣ по смерти Іоны, еще помнилъ ихъ по преданію, но уже забылъ ихъ хронологическое отношеніе. Такъ же объясняются и другія менѣе крупныя неточности въ его рассказѣ ¹⁾. Но въ концѣ рассматриваемаго памятника есть другое указаніе на время его происхожденія, болѣе ясное чѣмъ присвоенное выше: рассказавъ о кончинѣ Іоны, воспоминаніе продолжаетъ: «и *второму* лѣту уже исходящу по успеніи его, и никтоже *доднесь* смрада обонявъ явися отъ гроба его». Ясно, что записка писана въ

сб. Рум. муз. № 154, л. 311, въ сб. Тр. Серг. Л. № 671, л. 1,—оба XVII в. Печ. въ Пам. стар. р. лѣт. IV, 27.

¹⁾ По запискѣ, Іона построилъ въ своемъ владѣніи домъ храмъ во имя преп. Сергія Радонежскаго, первый въ Россіи, послѣ первой поѣздки въ Москву въ 1460 г., а по лѣтописи—послѣ второй въ 1463. Храмъ Грѣхъ Святителей въ Отней пустыни, по запискѣ, построенъ вмѣстѣ съ другими во время святительства Іоны, а по лѣтописи—еще въ 1452 году (тогда Іона былъ игуменомъ. П. С. Лѣт. III, 141 и 240.

кошцѣ 1472 г. Къ этому можно прибавить, что въ житіи митр. Іоны, писанномъ въ половинѣ XVI в., есть ссылка на эту записку объ архіеп. Іонѣ ¹⁾. — Составъ и литературный характеръ записки подтверждаютъ ея раннее происхожденіе. Нѣкоторыя выраженія въ ней даютъ понятъ, какимъ образомъ она явилась. Изъ первыхъ строкъ ея видно, что она служитъ продолженіемъ чего-то: «Вспомянути и блаженнаго нашего пастыря Іону добро поне малымъ словомъ; въ чинъ же и здѣ приложися вспомянути его по преп. архіепископѣ нашемъ Евѡиміи». Записка начинается разсказомъ о томъ, какъ Евѡимій, еще не будучи владыкой, ходилъ посломъ отъ тогдашняго архіепископа Евѡимія I (въ 1428 г.) къ Витовту просить мира и какъ потомъ, ставъ владыкой, онъ трудился за свою паству. Сославшись здѣсь на житіе Евѡимія, написанное по порученію Іоны, записка повторяетъ: «сего же самого... Іону вспомянути приложися нынѣ къ памяти Евѡиміевы». Записка оканчивается не совсѣмъ ясно изложенной замѣткой: «сія ми вспомянушася о приснопамятнемъ семъ архіеп. Іонѣ мала, яже ниіи оставиша, иже болшая памяти писавшен, и елика тиі оставиша аки мала и не вписаша къ прочимъ своимъ писменомъ, мы приложихомъ вспомянути по блаженнемъ Евѡиміи о священнемъ Іонѣ» ²⁾. Здѣсь трудно видѣть указаніе на другое, болѣе полное житіе Іоны; авторъ хочетъ только сказать, что онъ записалъ опущенное другими. Дѣйствительно, у Пахомія въ житіи архіеп. Евѡимія, на которое ссылается авторъ записки, опущены нападепіе Витовта на Порховъ и посольство Евѡимія, бывшаго тогда игуменомъ, а о по-

¹⁾ По сп. Унд. № 322, л. 17: „сугубо ирорекша (архіеп. Іона и митр. Іона) великой ордѣ разореніе и русскому царству распространеніе, яко же явлено бысть въ житіи самого того блаженнаго Іоны новгородскаго“.

²⁾ Такъ читаемъ мы это мѣсто по сп. Мавар. ч. мин. ноябрь, стр. 120; въ Пам. стар. русск. лит. (IV, 35) и въ Р. Свят., арх. Филарета (ноябрь, примѣч. 23) оно ирочтано вначе.

сладнемъ событіи молчатъ и лѣтописи; точно также древнія редакціи житія Михаила Клопскаго молчатъ о первомъ появленіи юродиваго въ Новгородѣ и о встрѣчѣ его съ будущимъ архіепископомъ Іоной, о чемъ рассказываетъ записка. Эти житія по видимому и имѣлъ въ виду ея авторъ, говоря объ «пныхъ, бѣлая памяти писавшихъ». Этимъ объясняется происхождение вписки. Авторъ, несомнѣнно новгородецъ, какъ видно по его выраженіямъ, и можетъ быть отенскій инокъ, переписавъ или прочитавъ житіе Евоніи, рѣшивъ написать въ видѣ обширной приписки или дополненія воспоминаніе и о преемникѣ его, при чемъ кстати рассказалъ черту и о Евоніи, опущенную Нахоміемъ. Такое происхожденіе записки отразилось на ея изложеніи. Авторъ не имѣлъ намѣренія составлять полное и стройное жизнеописаніе: онъ пишетъ, что вспомнилось, и пишетъ пискоро, безъ справокъ и не отдѣлывая своего труда. Этимъ объясняются какъ его фактическія неточности, такъ неправильность и нестройность изложенія. Записка представляетъ наглядный образчикъ тѣхъ первоначальныхъ, черновыхъ записокъ, болышею частію погибшихъ, на которыя такъ часто ссылаются позднѣйшія житія и въ которыхъ, какъ выражается Елифаній про свои черновые записки о преп. Сергіи, «бѣаху написаны нѣкыа главизны о житіи старцевъ памяти ради, аще и не по ряду, но предияи пазади, а задияи напреди». Рассказавъ нѣсколько «главизнъ», или эпизодовъ изъ жизни Іоны до вступленія на новгородскую кафедру и изъ первыхъ лѣтъ святительства (1458—1462), записка говоритъ очень мало о дальнейшей дѣятельности Іоны до кончины (въ ноябрѣ 1470 г.). Самый рассказъ идетъ «не по ряду»: начавъ его временемъ иночества и игуменства Іоны въ Отней обители, авторъ обращается потомъ къ дѣтству его и передаетъ пророчество о немъ юродиваго Михаила; событія одновременныя онъ ставитъ иногда рядомъ, не указывая хронологическаго разстоянія между ними.

Потому же, не смотря на присутствіе книжности въ изложеніи записки, она чужда обычныхъ приемовъ житій. Наконецъ, для критической оцѣнки тѣхъ мѣстъ въ ней, гдѣ она касается отношеній архіепископа къ Москвѣ, необходимо отмѣтить политическій взглядъ автора. Его «воспоминаніе» любопытно потому, что писано въ эпоху, когда окончательно рѣшалась судьба Новгорода. Мы уже замѣчали выше, что тогда были въ ходу легенды о близкой печальной развязкѣ. Происхожденіе этихъ легендъ понятно: сторона, державшаяся Москвы, находила въ нихъ нравственное оправданіе своего образа дѣйствій. Рассказывая о бесѣдѣ новгородскаго владыки съ великимъ княземъ Василюемъ въ 1460 г., когда Іона, ходатайствуя о своей паствѣ, обѣщала князю молиться объ освобожденіи сына его отъ ордынскихъ царей и заплакала о судьбѣ, какую готовить себѣ Новгородъ своими смутами и усобицами, авторъ замѣчаетъ: «проувидѣ бо духомъ, яко людемъ его невозможно до конца содержати въ свободѣ града своего продерговающіяся ради неправды въ нихъ и паслія».

Жизнеописаніе преп. Димитрія Прилуцкаго, другая біографія, вышедшая изъ обители, отдаленной отъ старыхъ средоточій письменности, какъ и не была Вологда, имѣетъ характеръ стройнаго житія, написаннаго по всѣмъ правиламъ агіобіографіи XV в. Всѣ списки называютъ автора его Макаріемъ, игуменомъ основаннаго Димитріемъ монастыря. Время составленія этого житія не ясно. У Макарія нигдѣ нѣтъ намека, чтобы онъ былъ современникомъ и ученикомъ Димитрія; но встрѣчаемъ въ житіи замѣтку, что главнымъ его источникомъ служили автору рассказы Пахомія, который пришелъ изъ Переяславля къ Вологдѣ вмѣстѣ съ Димитріемъ и былъ его преемникомъ по управленію новооснованнаго монастыремъ. Сохранилось еще извѣстіе, что Макарій былъ пятымъ игуменомъ Прилуцкаго монастыря. Съ другой стороны, въ ряду посмертныхъ чудесъ, опи-

санныхъ въ біографіи, встрѣчаемъ разказы о разореніи Вологды Вятчанами во время княжеской усобицы и о нападеніи Дмитрія Шемяки зимой на этотъ городъ. Последнее по лѣтописи было въ 1450 г. ¹⁾ Изъ этихъ извѣстій можно заключить, что Макарій писалъ въ началѣ второй половины XV в. На то же указываютъ и литературныя пособія, которыми пользовался Макарій. Трудъ свой онъ снабдилъ предисловіемъ и похвальнымъ словомъ, написанными съ обычной витіватостію тогдашнихъ нашихъ агіобіографовъ—подражателей. На обработкѣ предисловія у Макарія замѣтно вліяніе предисловія къ Епифаніевскому житію Стефана пермскаго и къ Пахоміевскому житію Сергія; по поводу чуда съ однимъ изъ Вятчанъ приведенъ разказъ изъ житія Стефана Сурожскаго, которое стало распространяться въ нашей письменности повидимому около половины XV в. Сказаннымъ едвали не ограничивается все, что можно сказать съ увѣренностью о трудѣ Макарія: болѣе подробный разборъ его затрудняется тѣмъ, что въ рукописяхъ именемъ одного и того же автора обозначаются двѣ разныя редакціи житія и трудно рѣшить, которая изъ нихъ первоначальная. Говоря о прилуцкомъ игуменѣ—біографѣ, обыкновенно имѣютъ въ виду наиболѣе распространенный текстъ житія, какой находимъ въ Макарьевскихъ мнѣяхъ. Ниже, въ связи съ позднѣйшей переработкой біографіи основателя Прилуцкаго монастыря, будутъ указаны признаки, обличающіе присутствіе позднѣйшихъ элементовъ въ этомъ текстѣ ²⁾.

Какъ источникъ нѣсколькихъ житій, написанныхъ въ XV—XVI в., важна лѣтопись Спасскаго Каменнаго монастыря, составленная Паисіемъ Ярославовымъ. Архіеп. Филаретъ сообща-

¹⁾ П. С. Р. Лѣт. VIII, 123. См. Опис. Спасо—Прилуцк. монастыря, П. Саввантова, стр. 39.

²⁾ См. въ гл. VI.

еть, что Паисій былъ постриженникъ Каменнаго монастыря, не указывая, откуда заимствовано это свѣдѣніе ¹⁾. Авторъ извѣстнаго посланія о причинахъ вражды между монахами кириловскими и іосифовскими называетъ преп. Нила Сорскаго ученикомъ Паисія: повидимому, отсюда заключаютъ, что Нилъ, постригшись въ Кирилловой обители, находился тамъ подъ руководствомъ Паисія ²⁾. Если это правда, то послѣдній около половины XV в. былъ инокомъ Кириллова монастыря. Но во время игуменства Спиридона въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ (1467 — 1474) онъ жилъ уже здѣсь, какъ можно догадываться по списку житія Кирилла Бѣлозерскаго, сохранившемуся въ библіотекѣ лавры и писанному Паисіемъ для Спиридона. Въ 1479 г. онъ сталъ игуменомъ Троицкой обители, по желанію великаго князя, и крестилъ его сына; года черезъ два паденіе иноческой дисциплины въ монастырѣ заставило его отказаться отъ игуменства. Съ тѣхъ поръ не разъ встрѣчаемъ его въ Москвѣ: въ 1484 г. великій князь совѣтуется съ нимъ о митр. Геронтіѣ и уговариваетъ его занять мѣсто послѣдняго; въ 1490 и 1503 г. онъ является въ Москвѣ на соборахъ. Но пѣтъ прямыхъ указаній на мѣсто его постоянного пребыванія послѣ отказа отъ игуменства въ Троицкомъ монастырѣ. Изъ письма архіепископа Геннадія (отъ 25 февр. 1489 г.), въ которомъ онъ проситъ ростовскаго архіепископа Іоасафа вызвать старцевъ Паисія и Нила и посоветоваться съ ними объ исходящей седьмой тысячѣ лѣтъ, можно заключать, что Паисій жилъ въ предѣлахъ ростовской епархіи, въ Кирилловомъ или Каменномъ монастырѣ ³⁾. На это послѣднее мѣсто указываетъ и состав-

¹⁾ Обз. русск. д. лпт. I, стр. 155.

²⁾ Посланіе въ Прибавл. къ твор. св. Отц., кн. X, стр. 505. Русск. Свят. апр. стр. 15. Преп. Нилъ Сорскій. СПб. 1864, стр. УІІІ.

³⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 136. IV. 158. Указ. посланіе о причинахъ вражды. Посланіе Геннадія въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847 г., № 8.

ленная Паисіемъ лѣтопись ¹⁾). Къ заглавію ея обыкновенно присоединяется замѣтка о составителѣ: «той собра отъ многихъ отъ старыхъ книгъ послѣ пожара Каменскаго монастыря (1476 г.)». Однакожъ, большая часть извѣстій лѣтописи относится къ XV в.; провѣривъ ихъ, можно нѣсколько опредѣлить источники и качество всего сказанія. Последнее извѣстіе въ немъ, относящееся къ XV в., помѣчено 1481 г.; отсюда видно, что Паисій составилъ лѣтопись уже послѣ своего игуменства. Онъ сообщаетъ извѣстія объ отдачѣ Каменному монастырю великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ села на р. Пучкѣ, Никольскаго монастыря въ Св. Лугѣ и села въ Засодимѣ: до сихъ поръ уцѣлѣли грамоты объ этихъ вкладахъ ²⁾). Но въ томъ видѣ, какъ сохранилось сказаніе въ рукописяхъ, оно отличается многими неточностями. Смерть ростовскаго архіеп. Діонисія въ 1426 г., по лѣтописи, отнесена въ немъ къ 6903 г.; въ 1452 г. оно даетъ 15 лѣтъ 12-тилѣтнему сыну великаго князя Ивану; по его разсказу, Кассіанъ, игумень Кириллова монастыря, сложивъ съ себя игуменство, возвратился въ Каменный монастырь, мѣсто своего постриженія, еще при вел. князѣ Василіѣ Василіевичѣ, слѣдовательно прежде 1462 г., а по одной грамотѣ онъ игуменствовалъ въ Кирилловомъ монастырѣ еще въ 1468 г. ³⁾). Эти неточности, если онѣ принадлежатъ самому Паисію, можно объяснить тѣмъ, что Паисій составлялъ лѣтопись

¹⁾ Въ рукописяхъ эта лѣтопись, или „сказаніе“ присоединяется обыкновенно къ житію Іоасафа Каменскаго. Оно было мало распространено въ письменности, не попало въ мнѣси Магврія и сохранилось въ позднѣйшихъ спискахъ съ прибавленіемъ извѣстій XVI — XVII в. Сп. XVII в. Унд. № 321, л. 28, в Больш. въ Моск. публ. муз. № 37. По соловецкимъ сп. начер. въ Прав. Соб. 1861 г. I, 199.

²⁾ Дон. къ А. П. I. №№ 10, 16 и 17.

³⁾ А. А. Экси. I. № 85. Въ грамотѣ 1471 г. является уже другой игумень—Игнатій. Тамъ же № 95. Ср. Прав. Соб. въ указ. мѣстѣ, стр. 210.

по памяти, много лѣтъ спустя послѣ пожара 1476 г. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что и немпогія извѣстія о монастырѣ до XV в. взяты лѣтописцемъ изъ устнаго монастырскаго преданія, а не изъ какого-либо стариннаго письменнаго источника. Разсказъ объ основаніи монастыря даетъ понять, что имя основателя, бѣлозерскаго князя Глѣба сохранилось въ преданіи благодаря тому, что рапо было связано съ нѣкоторыми урочищами въ Кубенскомъ краѣ; но отчество князя всѣ намъ извѣстные списки лѣтописи обозначаютъ неправильно, называя его Борисовичемъ, а не Васильковичемъ. По началу сказанія видно также, что составитель его вслѣдъ за преданіемъ смутно представлялъ себѣ судьбу монастыря въ XIII и XIV в. ¹⁾ Паисій называетъ Каменный монастырь «первымъ начальнымъ монастыремъ за Волгою»; между тѣмъ такой же источникъ, какимъ руководствовался лѣтописецъ, преданіе приписываетъ болѣе раннее происхожденіе тремъ другимъ заволжскимъ монастырямъ, Устьшехонскому на Шекснѣ, Глѣденскому около Устюга и Герасимову около Вологды. Изъ монастырскихъ записокъ, можетъ быть, заимствованы Паисіемъ извѣстія объ Александрѣ Буштскомъ и Діонисіѣ Глушицкомъ: по крайней мѣрѣ въ разсказѣ его о послѣднемъ, какъ сейчасъ увидимъ, замѣтна связь съ біографіей Діонисія или ея источниками.

¹⁾ Начало Каменскаго монастыря въ лѣто 6849, при великомъ Иванѣ Даниловичѣ. Въ лѣто 6850 (по другимъ спискамъ 6808)⁴,—и вслѣдъ за тѣмъ разсказывается объ основаніи монастыря кн. Глѣбомъ, слѣдов. въ XIII в. Можетъ быть, здѣсь нѣтъ ошибки, а есть только неясность извѣстія. Ра сказавъ, какъ Глѣбъ построилъ церковь на Каменномъ островѣ для найденихъ имъ здѣсь 23 пустынниковъ и поставилъ имъ строителя старца Феодора, Паисій говоритъ далѣе, что первымъ игуменомъ монастыря былъ Діонисій, пришедшій съ Афона при Дмитріѣ Донскомъ и назначенный послѣднимъ, когда каменскіе старцы пришли въ Москву просить у князя игумена. Передъ тѣмъ монастырь или впервые сталъ организоваться въ правильное братство, или исчезалъ на нѣкоторое время и началъ возобновляться въ княженіе Калиты.

Житіе Діонисія любопытно по обработкѣ своей въ томъ отношеніи, что различные литературные элементы, развивавшіеся въ агіобіографіи, слиты здѣсь такъ слабо, что ихъ легко раздѣлить. Въ основу его положены монастырскія лѣтописныя замѣтки, изложенныя такъ же просто, какъ и сказаніе Паисія, но безъ неточностей послѣдняго и болѣе подробныя. Къ этой лѣтописи редакторъ придѣлалъ длинное витіеватое предисловіе и такое же похвальное слово святому; при составленіи перваго редакторъ замѣтно пользовался послѣсловіемъ Пахомія къ житію Сергія; въ лѣтописный рассказъ вставлены, гдѣ слѣдуетъ, общія мѣста агіобіографіи, реторика которыхъ имѣетъ мало гармоніи съ простымъ изложеніемъ источниковъ. Въ предисловіи редакторъ скрылъ свое имя подъ анаграммой, вложенной по какой то особенной «яиторейной» грамотѣ: бібліографы догадываются, что въ этой анаграммѣ скрыто имя Глушицкаго инока Ирринарха ¹⁾. Въ одной рукописи житіе сопровождается любопытной припиской съ извѣстіемъ, что оно написано въ Покровскомъ монастырѣ на Глушицѣ въ 1495 году ²⁾. Изъ словъ Ирринарха видно, что у него не было подъ руками лѣтописи Паисія: онъ пишетъ, что прилежно искалъ извѣстій о происхожденіи и дѣтствѣ Діонисія, но не могъ узнать ни о родителяхъ его,

¹⁾ Ц. Строевъ въ Оп. библ. Общ. Ист. и Др. Р. стр. 144 Ключъ въ анаграммѣ трудно отыскать потому, что она испорчена переписчиками и писалась различно; наприм. въ Матар. ч. минеяхъ она читается въ одномъ мѣстѣ: „Заквивіархъ Фадавагаонъ“, а въ другомъ: „Заквисіархъ Фавагаонъ“.

²⁾ Рукоп. Тр. Серг. Л. половныи XVI в. № 603, л. 16; въ концѣ похвальнаго слова: „Лѣта 7003 списано житіе преп. отца нашего Дмитрія у Покрова Пречистыи на Глушицѣ при игуменѣ Іоакымѣ, а писалъ Фадавагонъ Заквивіархъ“ и проч. Это—третье чтеніе имени автора въ анаграммѣ. Другіе списки XVI в. въ ч. мин. домавар. состава № 89, л. 1, въ Матар. ч. мин., июнь, по усп. сп. стр. 3, Унд. 1541 г. № 1214, л. 555, Тр. Серг. Л. № 692, л. 581; въ послѣднихъ двухъ спискахъ, какъ и въ другихъ болѣе позднихъ есть пропуски и перемѣны въ порядкѣ статей.

ни объ отечествѣ, «токмо изыскахомъ отъ многа мало постническаго житія его». Согласно съ этимъ онъ начинаетъ свой рассказъ прямо съ поселенія Діонисія на берегу Кубенскаго озера, на мѣстѣ опустѣвшаго Святолуцкаго Никольскаго монастыря, какъ будто не зная, что Глушицкій подвижникъ прежде того, еще юношей Димитріемъ, пришелъ изъ Вологды на Каменный островъ и постригшись подъ именемъ Діонисія, жилъ тамъ 9 лѣтъ, а потомъ удалился на Святую Луку, о чемъ рассказываетъ Паисій. Съ другой стороны, рассказъ о свиданіи Діонисія Глушицкаго съ ростовскимъ архіепископомъ Діонисіемъ дословно сходны у Паисія и Иринарха, и первый даже удержалъ въ своей лѣтописи выраженіе, обличающее въ первоначальномъ авторѣ рассказа жителя Глушицкаго, а не Каменнаго монастыря ¹⁾. Это впрочемъ не значитъ, что Паисій выписалъ названный рассказъ у Иринарха: при короткости разстоянія между Каменнымъ и Глушицкимъ монастырями, лѣтописецъ перваго легко могъ достать часть тѣхъ же глушицкихъ записокъ, которыми пользовался Иринархъ. Существованіе этихъ записокъ очевидно по многимъ указаніямъ житія Діонисія. Въ предисловіи біографъ говоритъ, что писалъ житіе по порученію соборныхъ старцевъ монастыря и писалъ на основаніи того, что сообщили ученики святаго, хорошо его знавшіе, жившіе съ нимъ много лѣтъ, Амфилохій, Макарій и Михаилъ; не видно, чтобы самъ Иринархъ былъ современникомъ и очевидцемъ Діонисія; напротивъ, онъ дѣлаетъ повидимому намекъ, что не засталъ въ монастырѣ и названныхъ имъ учениковъ святаго; «изыскахомъ... елико слышахъ отъ нѣкихъ, яже ученицы его повѣдали тѣмъ». Въ большей части рассказовъ, даже о мелкихъ явленіяхъ въ исто-

¹⁾ Объ иконѣ, данной Діонисію ростовскимъ архіепископомъ при этомъ случаѣ, Иринархъ и Паисій заимчиваютъ: „яже и нынѣ есть *нами* видима“¹⁴. Архiep. Филаретъ ничѣмъ не оправдываетъ своего мнѣнія, будто Иринархъ повторяетъ извѣстія Паисія. Р. Свят. іюнь, прии. 6.

рїи монастыря, точно и въ лѣтописной формѣ обозначенъ годъ событія: это обиліе хронологическихъ помѣтокъ показываетъ, что біографъ пользовался не одними только изустными разсказами. Въ одномъ мѣстѣ, подъ 1412 г. читаемъ о Діонисіѣ слова, которыя едва ли могъ сказать отъ своего лица біографъ, писавшій въ 1495 году: «всѣмъ даяше образъ смиреніемъ и *прежде ны* исхождаше на пѣніе» ¹⁾). Разсказъ о построеніи приходской Воскресенской церкви Діонисіемъ въ 18 верстахъ отъ монастыря оканчивается замѣткой: «яже (церковь) *нынѣ* благодатию Христовою утверждена естъ отъ архіепископа Ефрема града Ростова (1427 — 1454 г.); эта замѣтка также могла быть сдѣлана рукой, писавшей пре жизни Ефрема, а не 40 лѣтъ спустя по смерти его. Наконецъ два разсказа — о посѣщеніи обителя этимъ Ефремомъ и о приходѣ къ Діонисію пермскаго архимандрита Тарасіа въ 1427 г. имѣютъ въ заглавіи одинаковую помѣтку: «а писалъ Макарей, ученикъ Діонисіевъ» ²⁾). Изъ этихъ указаній можно заключить, что редакторъ иѣликомъ переписалъ въ житіи записки современниковъ. И въ разсказѣ онъ не разъ ссылается еще на изустныя сообщенія, сдѣланныя ему старыми людьми. Хотя эпизоды, полученные этимъ путемъ, не всегда удачно расположены между статьями, заимствованными изъ старыхъ записокъ, и замѣтно спутывали хронологическую послѣдовательность разсказа въ біографіи; но благодаря слянію различныхъ источниковъ, развитіе и значеніе Покровскаго Глушицкаго монастыря при жизни основателя изображены съ такою полнотой въ редакціи Принарха, что послѣдняя въ смыслѣ историческаго источника принадлежитъ къ числу немногихъ превосходныхъ житій, какія можно найти въ древнерусской литературѣ.

¹⁾ Макарь. ч. илн. іюнь, стр. 13.

²⁾ Тамъ же стр. 25 и 28.

Съ разобранными выше житіями Димитрія Прилуцкаго и Діонисія Глушицкаго имѣтъ литературную связь житіе Григорія Пелшемскаго. Рѣдкіе списки этого житія представляютъ двѣ редакціи, рѣзко различающіяся между собою: одна изъ нихъ съ предисловіемъ, 3 или 7 посмертными чудесами и длиннымъ похвальнымъ словомъ; другая безъ предисловія, съ 8 чудесами и болѣе краткой похвалой святому ¹⁾). Въ обѣихъ легко замѣтить одну общую основу; вторая повидимому соображала первую, дѣлая въ ней значительные пропуски, но въ остальномъ сохраняя почти дословное сходство съ ея текстомъ. Но кромѣ этого вторая имѣтъ нѣкоторыя фактическія черты, которыя или опущены въ первой или прямо противорѣчатъ ей: къ нимъ относится замѣчаніе о лѣтахъ жизни Григорія и о томъ, что кончина святаго описана со словъ инока Тихона, который прежде служилъ Григорію, а по смерти его постригся въ Пелшемскомъ монастырѣ. Это послѣднее извѣстіе служить единственнымъ указаніемъ, по которому можно заключать, что житіе писано въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка ²⁾). Далѣе, въ первой редакціи не находимъ извѣстія, что Григорій, еще въ юныхъ лѣтахъ покинувъ родителей, постригся въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго, откуда потомъ въ санѣ игумена перешелъ въ монастырь Богородицы (Аврааміевъ) на берегу Галицкаго озе-

¹⁾ Первая въ Мавар. ч. мин. сент. по усп. сп. стр. 1967 и въ рукоп. Унд. XVII в. № 294. Начало: „Добро убо и полезно зѣло иже божественныхъ мужей житіе похваловати“. Вторая въ Милют. ч. мин. сент. л. 1223. Та же редакція въ ч. мин. Троицк. Серг. л. 1657 г. № 664, л. 5-6. Въ сб. той же лавры № 624 помѣщена служба Григорію съ замѣткой: „Сіе написалъ вавонъ и житіе священноиновѣ Митрофанъ“. Едвали это — авторъ житія, а не писецъ.

²⁾ Житіе выражается о Тихонѣ, какъ уже объ умершемъ: „бѣ илїи мнѣхъ, именеъ Тихонъ“. О чудесахъ святаго при жизни житіе замѣчаетъ, что они „множества ради, паче же и предъ многими лѣты бывша писанію не предашася“. Милют. ч. мин. сент. л. 1240.

ра ¹⁾). Но здѣсь вторая редакція противорѣчитъ не только первой, но и самой себѣ: по ея разсказу, Григорій умеръ, имѣя 127 лѣтъ отъ роду (въ 1449 г.); слѣдовательно онъ постригся задолго до рожденія Макарія Желтоводскаго. Вообще разсказъ первой редакціи стройнѣе и болѣе возбуждаетъ довѣрія; повидимому она представляетъ если не первоначальный, то болѣе близкій къ нему текстъ житія сравнительно со второй. Последняя напротивъ, какъ можно предполагать по ея составу и характеру, есть позднѣйшая передѣлка первой, дополненная смутными или невѣрными преданіями. — Разсматривая общую основу обѣихъ редакцій, легко замѣтить въ ней, кромѣ источниковъ Пелшмскаго монастыря, участіе житій Діонисія Глушицкаго и Димитрія Прилуцкаго. Ничто не поддерживаетъ предположенія архіепа. Филарета, что житіе Григорія написано Иринархомъ Глушицкимъ; но очевидно, у послѣдняго заимствованы разсказъ о жизни Григорія у Діонисія и нѣкоторыя черты въ разсказѣ объ основаніи монастыря на Пелшмѣ ²⁾). При составленіи похвалы Григорію біографъ пользовался между прочимъ похвалой въ житіи Димитрія Прилуцкаго. Другое заимствованіе изъ этого житія даетъ новыи образчикъ путаницы, какую вносили редакторы въ составляемая ими біографіи, пользуясь различными источниками. Біографъ Григорія передаетъ любопытный для исторіи

¹⁾ Далѣе разсказывается, что въ 1394 г. Григорій сталъ архимандритомъ въ Ростовѣ и въ 1412 г. удалился къ Діонисію на Глушицу. Первая редакція напротивъ повѣствуетъ, что Григорій по смерти родителей постригся въ Богородицкомъ монастырѣ, оттуда удалился въ ростовскій Богоявленскій, здѣсь при архіепа. Діонисіѣ (1418 — 1426 г.) поставленъ игуменомъ Спасскаго монастыря что на Пескахъ и чрезъ 2 года ушелъ къ Діонисію на Глушицу. Это не противорѣчатъ извѣстію второй редакціи, что Григорій пришелъ на Пелшму за 23 года до кончины, т. е. около 1525 года, но опровергаетъ ея показаніе о приходѣ Григорія на Глушицу въ 1412 г.

²⁾ Обз. русса. лѣт. I, стр. 154.

правовъ разсказъ о ходатайствѣ святаго предъ Димитріемъ Шемакою за жителей вологодскаго края, разоряемыхъ войсками князя. Этотъ разсказъ поставленъ здѣсь въ связь съ выписаннымъ изъ житія Димитрія извѣстіемъ о нападеніи Шемаки зимой на Вологду. Изъ подробностей разсказа видно, что рѣчь идетъ о событіи, описанномъ въ лѣтописи подъ 1450 годомъ, слѣдовательно случившемся уже по смерти Григорія. По самому изложенію разсказа въ разбираемомъ житіи можно замѣтить, что авторъ сопоставилъ два различныя событія: согласно съ своимъ источникомъ онъ говоритъ, что Шемака осаждалъ городъ безуспѣшно, и однако тутъ же замѣчаетъ, что святой приходилъ къ князю «во градъ». Біографъ Григорія, вѣроятно, смѣшалъ Шемаку съ братомъ его Васиціемъ Косымъ, который по лѣтописи удачно напалъ на Вологду въ 1435 г., или неправильно приурочилъ къ разсказу житія Димитрія какое-нибудь другое событіе изъ времени борьбы Шемаки съ Васиціемъ Темнымъ ¹).

Условія развитія русской агіобіографіи въ концѣ XV и началѣ XVI в., можетъ быть, нигдѣ не выступаютъ такъ ясно, какъ въ судьбѣ жизнеописанія основателей Соловецкаго монастыря Савватія и Зосимы. До насъ дошла уже третья редакція этого житія; но при ней сохранились извѣстія о происхожденіи и судьбѣ двухъ первыхъ. Сподвижникъ Савватія и потомъ

¹) П. С. Р. Л. VIII, 99. Въ первой редакціи разсказъ помѣщенъ не вѣрно 1430 годомъ. Догадка о Васиціѣ Косомъ поддерживается тѣмъ, что непосредственно передъ этой статьёй въ житіи помѣщенъ разсказъ о примиреніи Васиція Васильевича съ лядей Юріемъ, относящемся къ 1431 году и ошибочно отнесенномъ во второй редакціи къ 1431 г. Разсказъ этотъ любопытенъ по указанію на отношеніе Григорія къ княжеской расирѣ.

²) Списки XVI в. въ синод. Ч. Мин. доманар. состава № 91, л. 277. въ вологод. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 215, тамъ же въ сб. № 607, въ вологод. сб. моск. епарх. библ. № 609, л. 45.

Зосимы, пережившій обоихъ, старецъ Германъ по смерти Зосимы, слѣдовательно между 1478 и 1484 г., продиктовалъ клирикамъ свои воспоминанія объ основателяхъ. Онъ былъ изъ простыхъ людей, не умѣлъ грамотѣ и «простою рѣчию сказываше клирикомъ, и они клирицы тако писаша, не украшая писанія словесы». Такъ рассказываетъ одинъ изъ редакторовъ житія Досноей, бывший ученикомъ Зосимы, въ статьѣ «о сотвореніи житія начальниковъ Соловецкихъ», которая вошла въ составъ донедѣшнихъ до насъ редакцій житія. Но въ одномъ спискѣ житія сохранилась другая, болѣе полная редакція той же статьи: здѣсь вмѣсто клириковъ, которыми диктовалъ Германъ, Досноей говоритъ только о себѣ ¹⁾). По смерти Зосимы онъ жилъ въ келліи Германа и послѣдній по его просьбѣ рассказалъ ему, что было до прихода Досноева на островъ: «азъ же неразумный како слышашъ, тако и написахъ, не украшая писанія словесы». Для характеристики литературныхъ попятій времени любопытна замѣтка Досноея, что къ продиктованнымъ ему запискамъ нѣкоторые изъ монастырской братіи относились съ пренебреженіемъ и даже насмѣшкой, потому что Германъ былъ человекъ неграмотный и диктовалъ Досноею и клирикамъ простою рѣчию. Впрочемъ эти записки скоро исчезли изъ монастыря: на Соловки пріѣхалъ инокъ съ Белоозера, взялъ записки къ себѣ въ келлію почитать и потомъ увезъ ихъ въ свой монастырь, оставивъ братію «безъ памяти о житіи начальниковъ»; Германа уже не было въ живыхъ. Случилось потомъ быть Досноею въ Новгородѣ и архіепископъ Геннадій, бывший ученикомъ Савватія на Валаамѣ, благословилъ Досноея написать житіе Соловецкихъ подвижниковъ. Ученикъ Зосимы опять принялся за

¹⁾ Эту редакцію статьи мы нашли только въ волокол. сб. моск. дух. ав. № 659, л. 307: здѣсь она пѣ кониѣ житія, послѣ по-смертныхъ чудесъ, а не между ними, гдѣ обыкновенно помѣщается другая редакція статьи.

перо и написалъ, что видѣлъ самъ и что запомнилъ изъ разсказовъ учителя и изъ пропавшихъ записокъ, диктованныхъ Германомъ. Но не считая себя писателемъ, стоявшимъ на высотѣ литературныхъ требованій времени, онъ стыдился явиться къ архіепископу съ своимъ трудомъ правдивымъ, но не украшеннымъ «словесы». Его беспокоила долго мысль, гдѣ найти человѣка, «могущаго украсить, якоже подобаетъ». Проѣзжая по дѣламъ монастыря въ Москву, Досиеей заѣхалъ въ Терапонтовъ монастырь, гдѣ въ заточеніи доживалъ послѣдніе свои годы отверженный митрополитъ Спиридонъ: его и уговорилъ авторъ одобрить свое «грубое писаніе». Въ томъ видѣ, какъ вышло житіе изъ-подъ пера Спиридона, Досиеей отвезъ его къ Геннадію, который похвалилъ соловецкаго біографа за то, что онъ нашелъ такого искуснаго въ книжномъ дѣлѣ излагателя ¹⁾. Эта Спиридоновская редакція житія, написаннаго Досиееемъ, и сохранилась въ рукописяхъ. На литературное участіе Спиридона въ біографіи и на отношеніе его редакціи къ «грубому писанію» Досиеея находимъ нѣсколько указаній. Въ припискѣ къ своей редакціи, сказавъ, что она составлена въ 1503 г. въ Терапонтовомъ монастырѣ, Спиридонъ прибавляетъ: «понужену

¹⁾ Извѣстія о Спиридонѣ скудны и неясны. Лѣтопись гопорить о немъ подл 1476 годомъ: «пріиде изъ Царяграда въ Литовскую землю митр. Спиридонъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя». Карамз. VI, прим. 629, по изд. Эйнерл. столб. 93. Неизвѣстно, когда и какъ попалъ онъ въ заточеніе въ Терапонтовъ монастырь, гдѣ жилъ еще въ 1503 г., которымъ онъ помѣтилъ свою передѣлку Досиееева труда. Вѣроятно, вскорѣ послѣ того онъ умеръ: когда Досиеей привезъ исправленное житіе къ Геннадію, послѣдній сказалъ о Спиридонѣ: «сей человекъ въ нынѣшняа роды *болше* столпъ церковный, понеже измлада извече священная писанія». Это было до іюня 1504 г., когда Геннадій былъ следенъ съ наседры въ Чудовъ монастырь, или до декабря 1505 г., когда онъ умеръ. Досиеей не указываетъ ясно, куда онъ отвезъ житіе къ Геннадію, въ Москву или Новгородъ.

ми суцу отъ нѣкоего мниха, ученика Зосимы блаженнаго, именемъ Досоея, тамо бо ему игуменомъ бывшу въ обители острова Соловецкаго; исповѣда ми подробну вся, ова и написана дасть на памятьхъ, азъ же сіа собрахъ» ¹⁾). Сдѣланный здѣсь намекъ, что Спиридонъ кромѣ записокъ воспользовался и изустными разсказами Досоея, подтверждается послѣднимъ изъ посмертныхъ чудесъ Зосимы, редактированныхъ Спиридономъ: здѣсь разсказъ о явленіи святаго Досоею, бывшему тогда игуменомъ, начинается замѣткой: «се повѣда священноинокъ Досоеей». Въ послѣдствіи Максимъ Грекъ, составляя предисловіе къ Спиридоновской редакціи, писалъ, что Досоеей «написа убо потонку и неухищренно», т. е. кратко и просто, а Спиридона упросилъ «подробну преписати и удобрити достохвальное пребываніе; онъ же отчасти убо исправи и добрословіемъ украси, но не все» ²⁾). Послѣднія слова намекають, повидимому, на отсутствіе въ житіи предисловія и похвалы, считавшихся необходимыми принадлежностями агіобіографическаго добрословія, и на умѣренность риторическихъ украшеній въ разсказѣ: такъ можно заключать по замѣчанію въ указанной статьѣ Максима, что Досоеей и Спиридонъ писали для поморскихъ жителей, не книжныхъ и даже плохо знавшихъ русскій языкъ. Спиридону, очевидно, принадлежитъ легкій стилистическій пересмотръ житія, мало коснувшійся Досоеева текста, удержавшій даже выраженія, которыя могъ написать Досоеей отъ лица своего и своей братіи, но которыя не шли къ Спиридону ³⁾). Впрочемъ Спири-

¹⁾ Синод. Ч. Мин. № 91, л. 325; волокол. сб. моск. епарх. библ. № 609, л. 103. Точно также въ началѣ житія Спиридонъ ссылается на „боголюбивыхъ мужъ, приходящихъ мнхъ отъ острова того“, прибавляя: „и отъ нихъ истязяхъ выалѣ бесѣдами малыми“.

²⁾ Соч. Максима Грека, т. III, стр. 265.

³⁾ Тамъ въ одномъ изъ первыхъ чудесъ Зосимы по смерти, редактированныхъ Спиридономъ, въ разсказѣ о видѣніи старцемъ Тарасіемъ тѣла

доновымъ пересмотромъ не кончилась литературная исторія житія. Разъясненіе ея затрудняется тѣмъ, что позднѣйшія статьи о чудесахъ, постепенно прибавлявшіяся къ житію, въ разныхъ спискахъ размѣщались различно и большею частью въ порядкѣ, не соотвѣтствующемъ времени ихъ появленія. Изъ длиннаго ряда посмертныхъ чудесъ, сопровождающихъ жизнеописаніе, въ редакцію Спиридона входили, по всей вѣроятности, 8 первыхъ, которыя заканчивались указаннымъ выше послѣсловіемъ Досвоя 1). Статья «о сотвореніи житія» прибавлена Досвеемъ, очевидно, уже послѣ Спиридонова пересмотра. Происхожденіе двухъ ея редакцій не ясно: въ наиболѣе распространенной изъ нихъ есть неточности; отсюда можно заключать, что она — позднѣйшая передѣлка переписчиковъ, а первоначальный видъ ея тотъ, въ какомъ сохранилъ ее волоколамскій списокъ житія 2). Въ томъ же списокѣ передъ житіемъ

Зосимы наверху земли читаемъ: „сіе тако видѣвъ старецъ, в исповѣда игумену Исая и многимъ братіямъ тако же исповѣда, *нама же се вѣдущимъ, яко поребохомъ тѣло его въ глубинѣ земля; мы же се слышавше дивихомся*“. Синод. Ч. Мин. № 91, л. 322. Впрочемъ начало житія, какъ видно изъ приведенной выше ссылки біографа, написано самимъ Спиридономъ, и этимъ объясняется анахронизмъ въ разсказѣ о Савватіѣ, будто онъ подвизался въ Кврилловомъ монастырѣ при вел. кн. Василіѣ Василіевичѣ и митроп. Фотіѣ „въ лѣто 6944-е“: этотъ годъ есть время прихода Зосимы на Соловецкій островъ, а княженіемъ Василія Василіевича, т. е. временемъ съ начала 1425 г. опредѣляется время прибытія Савватія на Солонки съ Валаама, куда онъ перешелъ изъ монастыря Квриллова; по соловецкой лѣтописи, Савватій прибылъ на островъ въ 1429 г., а пѣ 1434 скончался (27 сент. 6943). Рукон. солов. библ. № 483.

1) Эти чудеса: явленіе Зосимы Даниилу и видѣнія Тарасія, Митрофана, Іосифа, Герасима, Филимона и Досвоя; сюда же относятся статьи о поставленіи гробницы надъ могилой Зосимы и въ разсказѣ Досвоя о предсмертномъ обѣщаніи святаго, заключающійся краткой похвалой ему.

2) Неточности эти въ извѣстіяхъ, что житіе написано 30 лѣтъ спустя по смерти Зосимы († 1478 г.): Спиридонъ, какъ самъ онъ говоритъ въ

отдѣльно помѣщены два разсказа изъ жизни Соловецкаго монастыря, любопытные по указаніямъ на порчу монастырскихъ нравовъ и потому, вѣроятно, не попавшіе въ другіе списки: одинъ изъ нихъ—о пророчествѣ Зосимы—писанъ 32 года спустя по смерти святаго, т. е. въ 1510 году, и судя по выраженіямъ, тѣмъ же Досиѣемъ, который записалъ въ житіи предсмертное обѣщаніе Зосимы ¹⁾). Бывшій игумень и біографъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ 1510 года: въ числѣ лучшихъ старцевъ монастыря въ грамотѣ 1514 года является и бывшій игумень Досиѣей ²⁾). По этимъ статьямъ, не тронутымъ передѣлкой, можно судить о той простой, «не ухищренной» рѣчи, которой писалъ Досиѣей: это—книжная церковно-славянская рѣчь, только безъ реторики и съ большей примѣсью русскаго элемента сравнительно съ языкомъ образцовыхъ агіобіографовъ XV в. Въ чудесахъ, разсказанныхъ Досиѣемъ, еще въ описываемый періодъ прибавлено 18 новыхъ, описанныхъ соловецкимъ игуменомъ Вассіаномъ: изъ неясныхъ извѣстій о монастырѣ въ началѣ XVI в. можно видѣть только, что онъ былъ игуменомъ между 1514 и 1527 г. ³⁾).

привискаѣ, уже нерасматривала составленное Досиѣемъ житіе въ 1503 г. живя заточникомъ въ Оеринтовоу монастырѣ.

¹⁾ Волокол. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 213; см. этотъ разсказъ въ приложеніяхъ. Другой разсказъ (л. 310) объ инокѣ Мартиріѣ не даетъ указаній ни на автора, ни на время написанія.

²⁾ Опис. Солов. мон. архив. Досиѣей, ч. 1, стр. 67.

³⁾ По одной грамотѣ въ 1514 г. игуменомъ былъ Еввмій, а по другой въ 1527 г.—Варлаамъ; въ промежуткѣ этихъ лѣтъ указываются дѣиный рядъ игуменовъ, о которыхъ нѣтъ болѣе ясныхъ извѣстій въ источникахъ: въ числѣ ихъ былъ и Вассіанъ (Опис. Солов. мон. архив. Досиѣей, ч. 3, стр. 183, ч. 1, стр. 67. Солов. лѣтоп., изд. архив. Павсіеицъ, стр. 12: здѣсь они пересчитываются, повидимому, не въ хронологическомъ порядкѣ, наирим. Варлаамъ поставленъ прежде Еввмія). Чудеса, описанныя Вассіаномъ, только въ немногихъ спискахъ отдѣляются отъ предшествующихъ заглавіемъ: .Сія убо чудеса спасана быша игуменомъ Вассіаномъ тои

Еще къ описываемому времени относятся первые памятники изъ длинной серіи житій и записокъ, вышедшихъ изъ среды учениковъ Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоцкаго и посвященныхъ описанію подвиговъ учителей. Большая часть списковъ пространной біографіи Пафнутія называетъ авторомъ ея Пафнутіева ученика Вассіана, архіепископа ростовскаго ¹⁾. Исследователи, видя въ немъ ростовскаго архіепископа Вассіана, по прозванію Рыло, автора извѣстнаго посланія къ великому князю Ивану III на Угру, бывшаго игуменомъ Сергіева, потомъ Спасскаго монастыря въ Москвѣ и умершаго въ 1481 году, прибавляютъ, что онъ былъ ученикъ Пафнутія и родственникъ Іосифа Савина ²⁾. Трудно угадать источникъ этихъ извѣстій. Въ біографіи Іосифа, написанной крутицкимъ епископомъ Саввой Чернымъ, и въ посланіи рязанскаго епископа Леонида къ царю Федору Ивановичу встрѣчаемъ двоихъ Вассіановъ, родственниковъ Іосифа: одинъ, племянникъ его Топорковъ, поставленъ въ 1525 г. епископомъ въ Коломну; другой, братъ Іосифа, былъ архимандритомъ Симонова монастыря, а съ 1506 года ростовскимъ архіепископомъ. Въ многочисленныхъ извѣстіяхъ XVI в. объ Іосифѣ и его монастырѣ нѣтъ указанія на третьяго Вассіана, родственника Іосифова, и едвали онъ не созданъ перенесе-

же честиныя обители Соловецкія“. Первое изъ нихъ—рассказъ старца Савватія о промышленникахъ, погибавшихъ на островѣ Шумной.

¹⁾ Макар. ч. янв. май, по усп. сн. стр. 109, по синод. сн. л. 123; волокол. сб. Моск. дух. яв. XVI в. № 659, л. 112, № 572, л. 1; сб. Тр. Серг. л. № 791. л. 26, Унд. № 353. (Одинъ поздній списокъ въ рукоп. Унд. XVIII в. № 354 сопровождаетъ заглавіе житія замѣтной: „списано бысть отъ ученика его Іоаннента“; но житіе здѣсь тоже, которое въ древнихъ свискахъ усвоится Вассіану. Ошибка произошла отъ смѣшенія имени автора съ именемъ одного изъ его источниковъ.

²⁾ Слов. истор. о писат. дух. чина, ч. 1, стр. 73. Обз. русск. дух. лит. I, 152. Ист. опис. Тр. Серг. лавры, изд. 1865 г. стр. 73.

вѣсть известій о Вассіанѣ Санинѣ на Вассіана Рыло ¹). По крайней мѣрѣ относительно происхожденія Пафнутіева житія это можно сказать съ нѣкоторой увѣренностію. Авторъ его говоритъ, что многое узналъ онъ о святомъ отъ Іосифа и «отъ древнихъ ученикъ его (Пафнутія), отъ иже *преже* много время съжителствовавшихъ отцу, изначала съпотрудившихся ему» ²). Повидимому авторъ не принадлежалъ къ числу древнихъ учениковъ Пафнутія, не засталъ начальной поры монастыря. Это указаніе не идетъ къ Вассіану Рылу, который уже въ началѣ 1455 года былъ игуменомъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, слѣдовательно самъ былъ однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Пафнутія въ его обители, возникшей въ 1444 г. Въ числѣ своихъ источниковъ Вассіанъ выставляетъ рассказы, слышанные имъ отъ Іосифа, «егда съ нимъ бѣхомъ въ бесѣдѣ»; но трудно угадать, когда Вассіанъ Рыло встрѣчался съ Іосифомъ, пришедшимъ въ Пафнутіевъ монастырь много лѣтъ спустя по удаленіи оттуда Вассіана; самъ Іосифъ въ сказаніи о русскихъ подвижникахъ ничего не говоритъ о ростовскомъ архіепископѣ. Наконецъ рассказъ о пророчествѣ Пафнутія, предсказавшаго Іосифову брату Вассіану архимандритство на Симоновѣ, въ древнѣйшихъ спискахъ житія заключается замѣткой: «еже по мнозѣхъ лѣтѣхъ въ дѣло произыде реченнос». Вассіанъ Рыло умеръ въ 1481 году; но до 1485 г. на Симоновѣ былъ еще архимандритомъ Нифонтъ и предсказаніе Пафнутія исполнилось не раньше 1500 года ³). Вассіанъ Санинъ является въ этомъ

¹) По кормовой книгѣ Іосифова монастыря, составленной въ XVI в., 28 августа въ обители творили память „по архіепископѣ Вассіанѣ по ростовскомъ“, т. е. братъ Іосифа, умершій 28 авг. 1515 года; но не встрѣчаемъ известій о поминованіи другаго архіев. Вассіана, умершаго раньше, 23 марта 1481 г. Волокол. сб. Моск. дух. ак. № 577, л. 298.

²) Макарь. ч. мнѣ. май, по синод. сп. л. 129 и 139.

³) А. А. Эвсп. I, № 56. П. С. Р. Лѣт. VII, 215. Ист. рос. іер. II, 361.

разказѣ «юнымъ зѣло и новопостриженнымъ»; примѣняя къ нему изложенныя указанія, можно заключить, что здѣсь гоюорить о себѣ въ 3-мъ лицѣ самъ авторъ, писавшій житіе въ Симоновомъ монастырѣ или въ Ростовѣ между 1500 и 1515 г. Подобно другимъ житіямъ, трудъ Вассіана представляетъ не послѣдовательный разказъ о жизни Пафнутія, а безсвязный рядъ эпизодовъ, изображающихъ отношенія основателя къ братіи и мірянамъ; но изложеніе его ясно и довольно просто, сравнительно мало страдает риторикой. Въ позднѣйшихъ спискахъ въ разказъ Вассіана внесены двѣ большія вставки: «повѣсти отца Пафнутія» изъ патерика Іосифова монастыря и описаніе 6 исцѣленій, совершенныхъ Пафнутіемъ при жизни 2). — Вассіанъ выставляетъ своими источниками сверхъ личныхъ воспоминаній только изустные разказы, слышанные отъ Іосифа, Иннокентія и Исаи Чернаго, «древнихъ» учениковъ святаго; но онъ имѣлъ подъ руками и литературный источникъ. Сохранилась записка, подробно разсказывающая о послѣднихъ 8 дняхъ жизни святаго. Здѣсь авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, и узнаемъ, что это — Иннокентій, на изустныя сообщенія котораго ссылается Вассіанъ 1). Въ эти дни Инно-

2) Объ этихъ повѣстяхъ см. ниже въ VI гл. разборъ волоколамскихъ житій. Онѣ являются въ житіи уже по спискамъ XVI в., наприм. въ волокол. сб. № 572 и сб. Тр. Серг. л. № 791. Разсказъ о 6 исцѣвленіяхъ слѣдуетъ за этими повѣстями въ спискѣ житія XVII в. въ Малют. ч. мин. май, л. 40 съ замѣткой при первомъ чудѣ: „твореніе Даниила Моисеева“. Вѣроятно, это былъ инокъ Пафнутіева монастыря, вскорѣ послѣ Вассіана описавшій чудеса, опущенныя послѣднимъ.

1) Эта записка въ волокол. сб. XVI в. Моск. дух. як. № 515, л. 395. За молитвой, которой она начинается, читаемъ: „Исповѣдати хочу о тѣбѣмъ свѣтлѣ, святѣмъ и величѣмъ отци нашемъ Пафнутіи, аще и недостоянъ есмь отъ начала житія его исповѣдати“. Ниже читаемъ: „Тяже рече ми старецъ: Иннокентій! Азъ же прилѣжно зрѣхъ на священную его главу, что хочетъ рещи“ (л. 410).

ментій почти безотлучно находился при умирающемъ и какъ одинъ изъ старшей братіи лучше Вассіана зналъ отношенія Пафнутія и подробности его предсмертныхъ минутъ, вспомнилъ слова, имъ сказанныя, и записалъ ихъ повидимому буквально. Разсказъ изложенъ литературнымъ языкомъ времени, но совершенно чуждъ реторики и по задушевной простотѣ, по живой изобразительности, съ какою рисуются въ немъ общественныя отношенія Пафнутія и его характеръ, одиалъ изъ любопытнѣйшихъ въ древнерусскомъ монашествѣ, эта записка принадлежитъ къ числу лучшихъ памятниковъ древнерусской агіобіографіи. Повидимому Иннокентій написалъ свой разсказъ вскорѣ по смерти учителя, еще до удаленія Іосифа изъ его монастыря, т. е. въ 1477 или 1478 году: «не буди миѣ лгати на преподавшаго, понеже и свидѣтеліе суть неложши», говоритъ онъ, увѣряя въ правдивости своего разсказа, и въ числѣ этихъ свидѣтелей, иноковъ монастыря, пришедшихъ навѣстить умирающаго, выставляетъ Іосифа. Въ такомъ случаѣ Вассіанъ могъ узнать записку Иннокентія еще въ Пафнутаевомъ монастырѣ, откуда онъ удалился вслѣдъ за Іосифомъ. Разсказъ о кончинѣ Пафнутія въ житіи, написанномъ Вассіаномъ, есть сокращеніе Иннокентіевой записки, мѣстами очень близкое къ тексту оригинала.—Нѣтъ извѣстій о судьбѣ Иннокентія послѣ Пафнутія. Онъ написалъ еще канонъ своему учителю; замѣтка, сопровождающая заглавіе этого канона въ рукописяхъ, показываетъ, что онъ написанъ до 1531 года, когда митрополитъ съ соборомъ благословилъ пѣть его ¹⁾). Въ руко-

¹⁾ Сб. Тр. Серг. Л. № 791, л. 16: „Канонъ прен. Пафнотію, твореніе ученика его Иннокентія, инока той же обители. Въ державу благовѣрнаго и христолюбиваго православнога царя вел. кн. Василія Ивановича господиномъ преосв. архієпископомъ Даніиломъ, митрополитомъ всея Русіа, съ всеъмъ священнымъ его съборомъ, при игуменѣ Пафнотіа, благословилъ пѣти

писяхъ находимъ еще «сказаніе вкратцѣ» о Пафпутіѣ, состоящее изъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій о преподобномъ. Это сказаніе составлено по житію, написанному Вассіаномъ, съ прибавленіемъ хронологическихъ чертъ, какихъ нѣтъ у послѣдняго. По замѣткѣ въ одномъ спискѣ видно, что оно явилось не позже 1518 года ¹⁾).

Уже въ изложеніи судьбы біографіи соловецкихъ подвижниковъ мы видѣли указанія на паденіе агіобіографическаго стиля, какой установили мастера XV в. Значеніе и причины этого паденія найдутъ мѣсто въ общемъ критическомъ разборѣ житій; здѣсь укажемъ другіе факты, въ которыхъ обнаружилось это литературное явленіе. Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ встрѣ-

канонъ и житіе чести въ лѣто 7039, мѣс. маія в. 1 день“. Нач. канона: „Ново тебѣ пѣніе принести молебнo въ отвѣреніе устъ моихъ, Паѣнотіе богоумре, подаждь ми твоими молитвами благодать“. Тотъ же канонъ въ волокол. сб. XVI в. Моск. дух. ак. № 382, л. 244. Здѣсь за канономъ Иннокентія слѣдуетъ другой подъ заглавіемъ: „Пѣніе молебнo преп. отду нашему игумену Паѣнотію, списано отъ няома многогрѣшна, желающа молитвами его получить грѣхомъ разрѣшеніе“. Біографическія черты изложены въ этомъ канонѣ по житію, написанному Вассіаномъ, а выписанныя выраженія обoихъ канонoвъ какъ будто намекаютъ на то, что второй составленъ прежде Иннокентіева. Вѣроятно, по поводу указаннаго соборнаго постановленія 1531 г. написано обширное похвальное слово Паѣнотію, занесенное уже въ Макар. ч. мнѣн (по усп. си. стр. 127, по синод. л. 141). По выраженіямъ его видно, что оно написано на праздникъ памяти Паѣнотія, авторомъ, жившимъ тогда въ его обители, слѣдовательно не Вассіаномъ, и авторомъ, видѣвшимъ кончину святаго: „явленно предлежитъ нынѣ предъ всѣмъ нами, живущими въ обители преподобнаго сего мужа“; въ другомъ мѣстѣ: „сподобохамя видѣти отца нашего... отсюда къ Богу отшествіе“.

¹⁾ Волокол. сб. № 515, л. 419, № 638, л. 236; въ этомъ послѣднемъ спискѣ замѣчено о Паѣнотіѣ: „въ чернечествѣ живота его 60 и 3 лѣта, а какъ поставило сей монастырь, 74 лѣта“. Начало: „Рожденіе и въспитаніе великаго старца Паѣнотія отъ града Боровска, отъ веси Кудановскія“. Другая краткая редація слѣдуетъ непосредственно за пространнѣмъ Вассіановымъ житіемъ въ обoихъ спискахъ Макар. ч. мнѣн. Начало: „Въ лѣто 6985, маія 1 преставися преп. игумень Паѣнотіе“.

часть повѣсть о строеніи Успенскаго собора въ Москвѣ и о обрѣтеніи мощей митр. Петра ¹⁾). Эта повѣсть не только чужда реторики житій, но не держится строго и въ предѣлахъ церковно-славянскаго языка, допуская въ свое безыскусственное изложеніе особенности чисто-русской рѣчи. Авторъ, очевидно, жилъ въ Москвѣ, былъ близкимъ свидѣтелемъ описываемыхъ событій и писалъ про себя, свободно и откровенно: онъ замѣтилъ многія мелкія, но любопытныя подробности и между ними такія, которыя не позволили бы обнародовать тогдашнія церковныя власти. Въ литературномъ отношеніи эта повѣсть любопытна тѣмъ, что была не черновой запиской, послужившей матеріаломъ для болѣе искусственной обработки, но самостоятельнымъ трудомъ, написаннымъ позднѣе этой послѣдней: авторъ не только читалъ витѣватое оффиціальное слово Пахомія о перенесеніи мощей св. Петра, но даже попраляетъ его въ выписанной выше рѣзкой замѣткѣ. Такимъ же характеромъ отличается рассказъ о чудѣ митрополита Теоноста въ 1474 г., помѣщенный въ томъ же лѣтописномъ сборникѣ ²⁾).

Въ рукописяхъ XVI в. сохранились двѣ редакціи сказанія о юродивомъ Михаилѣ Клопскомъ, отличныя отъ той, которую въ 1537 г. составили сынъ боярскій Василій Тучковъ. Одна изъ нихъ довольно подробно и слогомъ нечуждымъ книжности излагаетъ дѣянія, или «пророчества» Михаила въ Клопскомъ монастырѣ, его кончину и одно посмертное чудо; другая почти тоже содержаніе передаетъ гораздо короче, въ сухомъ не книжномъ рассказѣ, чуждомъ литературныхъ украшеній и близкомъ къ разговорной рѣчи ³⁾ Современный Тучкову лѣтописецъ,

¹⁾ П. С. Р. Л. VI 194 — 221: части этой повѣсти разсѣяны здѣсь между лѣтописными извѣстіями подъ разными годами.

²⁾ Тамъ же, стр. 198.

³⁾ Первая извѣстна намъ по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ, древнѣйшій, въ Макар. ч. мн. вв. по усм. си. стр. 917, другой въ

сообщая извѣстіе о его редакціи житія Михаила, прибавляетъ, что это житіе «и прежде написано бысть, но непрестанно (не пространно) и неявлено, сирѣчь вельми просто» ¹⁾. Самъ Тучковъ въ послѣсловіи къ своей редакціи рассказываетъ, что вмѣстѣ съ порученіемъ написать житіе блаженнаго онъ получилъ отъ новгородскаго архіепа. Макарія и «написаніе чудесѣмъ и жителству св. чудотворца Михаила отъ древнихъ списатель вкратцѣ». Неизвѣстно, зналъ ли Макарій краткую не книжную редакцію; но можно съ увѣренностію сказать, что онъ передалъ Тучкову не ее, а другую, пространную и болѣе книжную: послѣдняя завесена въ его четин-минеи; сличая ее съ трудомъ Тучкова, легко замѣтить, что онъ пользовался именно этой редакціей, тогда какъ участіе не книжной не отразилось ни одной чертой въ твореніи боярскаго сына; поэтому множественное число «древнихъ списателей» въ извѣстіи Тучкова можетъ и не значить того, что онъ получилъ отъ Макарія обѣ редакціи житія. Это ставитъ вѣ сомнѣнія, что пространная редакція «пророчествъ» составлена задолго до 1537 г., въ описываемый нами періодъ, хотя древнѣйшій списокъ ея, намъ извѣстный, не старше древнѣйшаго списка Тучковской редакціи: оба

ч. мин. Германа Тулунова, рукоп. Тр. Серг. л. № 673, л. 219: этотъ сп. писанъ въ 1627 г. Предисловіе въ этой ред. начинается словами: „Многимъ сущамъ преподобнымъ и достойнымъ Богови“. Вторая извѣстна намъ также по двумъ спискамъ XVI в. въ вологод. сб. мисл. дух. арх. № 659, л. 344, и въ рук. Тр. Серг. л. № 735, л. 32, безъ начала и съ другимъ порядкомъ статей чѣмъ въ первомъ спискѣ. Эта редакція безъ предисловія, прямо начинается разсказомъ о приходѣ Михаила въ монастырь: „А пришлоъ ганиуи дни честнаго рождества Іоанна въ ночь, и поиъ Макарій, покандивъ церковь на 9 пѣсни, да пошлоъ въ яелью, ажъ яелья отомчена“. По характеру изложенія и заглавіямъ статей въ обѣихъ редакціяхъ будемъ называть первую пространной, или редакціей „пророчествъ“, а вторую краткой не книжной, или редакціей „чудесъ“.

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 301.

они въ минеяхъ Макарія. Нѣкоторыя указанія на взаимное отношеніе обѣихъ разсматриваемыхъ редакцій можно извлечь изъ ихъ сравнительнаго разбора. Невижная редакція отъ начала до конца представляется сокращенной передѣлкой пространнаго сказанія о пророчествахъ: она опускаетъ не только риторическія распространенія послѣдняго, но и многія фактическія любопытныя подробности, разсѣяныя въ немъ, которыя указываютъ на близость его источниковъ къ описываемымъ событіямъ ¹⁾). Встрѣчаемъ цѣлые эпизоды, опущенные въ краткой редакціи чудесь; далѣе, въ послѣдней нѣтъ указаній на годы и числа, которыми редакція пророчествъ помѣчаетъ многія событія въ своемъ разсказѣ. Наконецъ, можно замѣтить въ краткой нѣсколько неточностей и ошибокъ. Такъ напримѣръ приходъ Михайла въ Клопскій монастырь она помѣчаетъ временемъ Теодосія, «нареченнаго на владычество», между тѣмъ упоминаетъ о пророчествѣ Михайла, который, живя на Клопскѣ, предсказалъ игумену Теодосію, что онъ будетъ избранъ на новгородскую кафедру, но не будетъ посвященъ. Въ житіи нѣтъ прямыхъ извѣстій о томъ, когда Михайла пришелъ въ Клопскій монастырь и когда скончался; но по другимъ надежнымъ источникамъ можно опредѣлить приблизительно время этихъ событій. Ни одна редакція житія Михайла не говоритъ, откуда онъ пришелъ на Клопско, и ничего не знаетъ о прежней его жизни. Біографъ архіеп. Іоны разсказываетъ, что прежде поселенія въ Клопской обители Михайла явился въ Новгородъ, пришедши туда изъ дальней земли и «иного отечества сый», при архіепископѣ новгородскомъ Іоаниѣ, т. е. до 1415 г. Тогда, при

¹⁾ Опущены наприм. слова Михайла къ посланнику Послахну, объявшаему монастырь и наказанному за это: „не кори ты насъ ни моя, а насъ не обиди“. Эти подробности показываютъ, что въ редакцію пророчествъ заносилось свѣжее преданіе о юродивомъ, главнымъ образомъ державшееся на подобныхъ изреченіяхъ, памятныхъ современникамъ.

первомъ появленіи въ Новгородѣ, Михаилъ предсказалъ архі-епископство Іонѣ, бывшему еще мальчикомъ. Одна лѣтопись сохранила извѣстіе, что это было въ 1408 году¹⁾. Неизвѣстно, долго ли жилъ Михаилъ въ Новгородѣ. Когда онъ явился въ Клопскую обитель, въ монастырской церкви Св. Троицы шла служба. Повидимому, это былъ тогда монастырь новый, недавно образовавшійся. По древней новгородской лѣтописи, деревянная церковь Троицы въ монастырѣ построена въ 1412 г.²⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда была построена каменная церковь, Михаилъ жилъ уже въ монастырѣ. Отсюда видно приблизительно время его прихода на Клопско; отсюда же обнаруживается другая неточность краткой редакціи. По ея извѣстію, Михаилъ жилъ въ монастырѣ 50 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно скончался около 1462 года. Но біографъ архіеп. Іоны, современникъ юродиваго, знавшій о послѣднемъ болѣе всѣхъ редакцій его житія, говорить, что онъ умеръ прежде смерти архісп. Евонія, т. е. до 1458 г. Поэтому болѣе довѣрія внушаетъ показаніе пространной редакціи пророчествъ, что блаженный жилъ въ обители 44 года, слѣдовательно умеръ около 1456 года³⁾. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краткая ре-

¹⁾ П. С. Р. Д. III, 235.

²⁾ Тамъ же стр. 105.

³⁾ Нам. стар. русск. лит. IV, 29. Въ рукописныхъ святахъ кончина Михаила помѣчена 1452 годомъ: это показаніе, очевидно, составилось посредствомъ приложениа 41 лѣтъ князи юродиваго въ Клопской обители въ 1408 году, когда по лѣтописи Михаилъ пришелъ въ Новгородъ. Но 1) неизвѣстно, когда Михаилъ пришелъ на Клопско; можно только предполагать, что позже 1408 г.; 2) по разсказу пространной редакціи о Шамльѣ (пророчество 11-е) Михаилъ былъ еще живъ въ годъ смерти этого князя (1453) и повидимому пережилъ его. Краткая редакція впадаетъ въ неточность и въ извѣстіи о Клопскомъ игуменѣ Θεодосіѣ, говоря, что онъ былъ 3 года нареченнымъ владыкой Новгорода: пространная редакція согласно съ древней новгородской лѣтописью показываетъ два года. П. С. Р. Д. III, 110. IV, 120.

дикция впадает в неточности, не выраженные известия источника ¹⁾). Все сказанное не позволяет видеть в редакции пророчеств простую передѣлку краткой книжной повѣсти. Находимъ въ первой замѣткѣ, повторенную и въ послѣдней: послѣ того какъ Михаилъ предсказалъ Шемякѣ неудачу въ борьбѣ съ великимъ княземъ Василіемъ, на вопросъ братіи объ успѣхъ перваго юродивый отвѣчалъ: заблудило пани: съ супротивныхъ бѣлая». Братія, добавочнѣе разсказавъ пророчества, занесли тотъ день, когда божественныя сказанія ст. 1) «гда невозможно заключить, что предсказанія Михаила записывались въ монастырѣ еще при его жизни. Здѣсь открываются источники тѣхъ дѣтальныхъ подробностей и хронологическихъ отмѣтокъ, которыя находимъ въ пространной редакціи и которыми нѣтъ въ краткой. Ибо, что первая редакція ближе послѣдней стоитъ къ этому источнику или по крайней мѣрѣ воспроизвелась имъ шире. Въ самомъ изложениіи редакціи пророчествъ замѣтны слѣды этихъ монастырскихъ записокъ: въ началѣ ея читаемъ, что Михаилъ помыслилъ удивиться отъ міра и пришелъ на Клонско «прежде нѣмнѣхъ немногихъ лѣтъ»: эти слова едвали принадлежатъ редактору, писавшему спустя 60 или болѣе лѣтъ по приходѣ Михаила въ обитель на Клонско. Притомъ этотъ редакторъ — человѣкъ книжный, владѣеть литературнымъ языкомъ времени и умѣетъ украсить разсказъ общими риторическими мѣстами; однакожь неро его часто падаетъ до оборотовъ простой разговорной рѣчи. То и другое можно объяснить вліяніемъ современнаго свитому монастырскаго источника, текстъ котораго отрывками прокрадся въ книжное изложениіе редактора. Наконецъ въ послѣднемъ 12-мъ

¹⁾ Слич. наприм. по объѣму редакціи разсказъ о приходѣ разбойничьихъ въ монастырь. Рус. Тр. С. т. № 735, т. 32, сб. волокол. № 659, т. 345. Макарь. ч. жив. пив. стр. 329, Тудун. ч. жив. № 673, т. 224.

пророчествѣ Михаила о близкомъ паденіи Новгорода редакторъ обличаетъ въ себѣ современника новгородскихъ погромовъ 1470-хъ годовъ: «такъ въ вынѣшняя времена и лѣта,— замѣчаетъ онъ о состояніи вольнаго города предъ падешемъ, — по Божію попущенію велику мятежу бывшу и усобной рати промежи боляръ и множества рати людіи и всего народа въ Великомъ Новѣградѣ». Не смотря на такую близость редакціи ко времени святаго, въ ней есть уже легендарный анахронизмъ,— знакъ, что разсказами о Михаилѣ начинала овладѣвать народная фантазія. Въ помянутой статьѣ о 12-мъ пророчествѣ разсказывается, какъ въ Клопскій монастырь пріѣхалъ посадникъ Иванъ Немиръ благословиться у блаженнаго старца. На слова гостя, что въ Новгородѣ есть теперь литовскій князь Михаилъ Александровичъ, юродивый отвѣчалъ: «то, сынку, у васъ не князь, но грязь» и пророчески описалъ пораженіе новгородцевъ на Шелони и паденіе Новгорода. Житіе помѣчаетъ этотъ разсказъ 6979 годомъ, когда великій князь московскій былъ «гнѣвевъ» на Новгородъ и собирался воевать съ нимъ: по обстоятельствамъ дѣла видно, что редакторъ разумѣлъ конецъ 1470 или начало 1471 года, когда прошло уже болѣе 10 лѣтъ со смерти Клопскаго юродиваго. Въ 1471 г. Иванъ Васильевичъ Немиръ былъ очень старымъ посадникомъ, ибо встрѣчаемъ его въ этомъ званіи уже въ 1435 году ¹⁾. Вѣроятно, дѣйствительное событіе, скрывающееся въ разсказѣ житія, относится къ болѣе раннему времени и подъ Михаиломъ Александровичемъ разумѣется другой литовскій князь, напримѣръ Юрій Семеновичъ, пріѣзжавшій въ Новгородъ въ 1438 году ²⁾. Выше указанъ мотивъ, замѣтный въ поэтическихъ сказаніяхъ о паденіи Новгорода: оглядываясь въ послѣдствіи на погромъ, новгородская

¹⁾ П. С. Р. Л. III, 111. Карамз. VI, прим. 66.

²⁾ П. С. Р. Л. III, 112.

масса, тянувшая къ Москвѣ, любила представлять его карой за боярскія неурядицы, предсказанною святыми людьми. Таже мысль рѣзко выражена въ рассматриваемомъ пророчествѣ Михаила; для нея и понадобилось вызвать изъ могилы юродиваго пророка. Находимъ наконецъ указаніе на пособія, которыми редакторъ пророчествъ пользовался для литературной обработки житія, откуда онъ черпалъ общія мѣста для украшенія своего рассказа: въ 10-мъ пророчествѣ Михаила о нареченномъ владыкѣ Евонміѣ II и въ рассказѣ о погребеніи Михаила встрѣчаемъ буквальные выписки изъ пахоміевскаго житія архіеп. Евонмія ¹⁾. Таковы источники рассматриваемой редакціи, которую мы считаемъ первой литературной обработкой житія. Она любопытна какъ памятникъ, рисующій образъ древнерусскаго юродиваго и значене, какое онъ могъ приобрести въ обществѣ. Но она незамѣнима по рассказамъ о лицахъ, игравшихъ видныя роли въ исторіи Новгорода XV вѣка: архіеп. Евонміѣ Братомъ и преемникъ его Евонміѣ II, посадники Григорій Кирилловичъ Посахно и Иванъ Васильевичъ Немиръ, бояринъ Иванъ Семеновичъ Лошинскій, Димитрій Шемяка — всѣ эти любопытные люди, которые въ лѣтописи мелькаютъ блѣдными фигурами политической драмы, разыгранной между Новгородомъ и Москвой, являются здѣсь съ живыми чертами, съ своими еже-

¹⁾ Ср. эти статьи редакціи пророчествъ съ житіемъ Евонмія въ Пам. стар. русск. лит. IV, 18 и 22. Въ 10-мъ пророчествѣ выписки сопровождаются двумя замѣтками о Евонміѣ: „о немъ же житіи индѣ скажемъ“; „о спѣхъ же добродѣтели индѣ скажемъ“. Отсюда нельзя заключать, что Пахомій составилъ и рассматриваемую редакцію житія Михаила: 1) послѣдняя имеетъ обѣщаніе сказать о Евонміѣ, а пахоміевское житіе Евонмія написано раньше; 2) біографъ архіеп. Іоны прямо говоритъ что послѣдній не могъ уговорить Пахомія написать житіе Михаила или канонъ ему. Приведенныя замѣчанія — или ссылки на житіе Евонмія, которое редакторъ намѣревался переписать, или указаніе на то, что этотъ редакторъ составлялъ лѣтопись о времени Евонмія.

дневными отношеніями. Другая, некнижная редакція рядомъ съ первой имѣеть очень мало цѣны какъ историческій памятникъ, далеко уступая ей въ полнотѣ и точности фактическаго содержанія. Она можетъ представлять нѣкоторый интересъ только по отношенію къ исторіи литературнаго древнерусскаго языка: изложеніе ея далеко не чуждо церковно-славянскихъ грамматическихъ формъ и не можетъ быть признано образчикомъ чисто-русской народной рѣчи XV — XVI в.; все его отличие отъ изложенія первой редакціи состоитъ въ бѣльшей примѣси формъ русскаго языка. Признаковъ происхожденія, близкаго ко времени святаго, какіе есть въ редакціи пророчествъ, не находимъ въ краткой; сравненіе обѣихъ позволяетъ предполагать, что послѣдняя редакція представляетъ позднѣйшую обработку житія. Личность Клопскаго юродиваго превлекала къ себѣ вниманіе массы; люди некнижные, даже вовсе неграмотные желали почитать или послушать о его пророчествахъ и изреченіяхъ и могли затрудняться чтеніемъ первой редакціи, не чуждой искусственности въ изложеніи. Эта потребность и могла вызвать другую, болѣе простую передѣлку житія, составитель которой сократилъ монастырскія записки или, что вѣроятнѣе, первую редакцію житія. Это предположеніе подтверждается изложеніемъ единственнаго посмертнаго чуда (съ купцомъ Мих. Марковымъ) въ спискахъ краткой редакціи. По списку ея въ рукописи Іосифова волоколамскаго монастыря сокращеніе этого чуда — простая выборка изъ текста пространной редакціи, удержавшая вполне книжныя церковно-славянскія формы послѣдней и этимъ рѣзко отличающаяся отъ остальнаго, близкаго къ просторѣчію изложенія краткой редакціи. По списку той же редакціи въ рукописи Троицкой лавры, повидимому немного позднѣйшему, это чудо изложено такъ же просто, тѣмъ же смѣшаннымъ русско-церковно-славянскимъ языкомъ, какъ и вся редакція; рассказъ о чудѣ и здѣсь есть сокращеніе статьи ре-

дакціи пророчествъ, но это сокращеніе сдѣлано независимо отъ того, какое находимъ въ волоколамскомъ спискѣ, и удержало нѣкоторыя черты пространной редакціи, опущенныя въ этомъ спискѣ ¹⁾). Оба сокращенія сдѣланы по одному и тому же подлиннику, которымъ былъ рассказъ въ редакціи пророчествъ.

Въ нашей письменности очень рано составилаь значительная литература о чудотворцѣ Николаѣ Мирликійскомъ. Въ рукописяхъ XV—XVI в. встрѣчается житіе его съ длиннымъ рядомъ чудесъ, въ коняхъ нѣкоторыя совершились и описаны на Руси. Наша церковная историографія признаетъ и все это жизнеописаніе произведеніемъ русскимъ, написаннымъ въ концѣ XI вѣка въ началѣ XII вѣка ²⁾). По изложенію этого житія можно замѣтить, что однимъ изъ источниковъ служила ему переводная біографія, сильно распространенная въ русской письменности XV—XVI в. ³⁾ Въ то же время, къ которому относятъ русское житіе св. Николая, явилась русская повѣсть о перенесеніи его мощей въ городъ Баръ, написанная современникомъ событія, на что указываютъ выраженія автора ⁴⁾). Наконецъ раньше обоихъ этихъ русскихъ сочиненій, вѣроятно, появилось на Руси

¹⁾ Сборн. волокол. вл. моск. дух. ок. № 659. л. 350. Рукон. Тр. С. л. № 735, л. 37.

²⁾ Нач. житія: „Во дни прежнихъ благоволи Богъ възсати писанья“. Оно въ рукон. Унд. XV в. № 258, л. 15, въ сб. Царскаго 1514 г. № 381, л. 4, въ сб. Рум. начала XVI в. № 436, л. 114. См. о немъ у преосв. Макарія въ Ист. Р. Ц. II, 138 и у архіеп. Филарета въ Обзорѣ I, 38.

³⁾ Начало: „Муара нѣкая вещь животоисецъ рука“. Это житіе въ сб. Унд. XV в. № 560, л. 71, въ сб. его же XVI в. № 563, л. 67, въ сб. Царскаго № 381, л. 147. Въ ч. маней Унд. XVI в. № 230. л. 112, повидимому, другой переводъ того же житія.

⁴⁾ Она въ сб. Рум. XV в. № 435, л. 341, въ рукон. Унд. XV в. № 258, л. 1. См. о ней у преосв. Маварія въ Ист. Р. Ц. II, 139 и у арх. Филарета въ Обзорѣ I, 38.

похвальное слово чудотворцу Николаю, по нѣкоторымъ выраженіямъ котораго заключаютъ только, что оно писано для какихъ-нибудь новокрещенныхъ Славянъ ¹⁾). Въ началѣ его изложены біографическія черты, и можно предполагать, что оно служило другимъ источникомъ русскаго житія св. Николая ²⁾). При томъ благоговѣніи, удивлявшемъ иностранцевъ, съ какимъ русскій народъ относился къ памяти Мирликійскаго чудотворца и которое было такъ глубоко, что въ нашихъ историческихъ источникахъ XVI—XVII в. чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить, особенно въ высшихъ классахъ общества, русскаго человѣка съ именемъ этого святителя, — историка литературы можетъ интересоваться вопросъ: рядомъ съ книжными, искусственными по изложенію сочиненіями о св. Николаѣ, каковы исчисленные выше, существовала ли въ нашей письменности простая обработка его [житія, приспособленная къ пониманію не книжнаго большинства, и если существовала, то въ какомъ видѣ и съ какимъ содержаніемъ? Находимъ, что въ рукописяхъ XV—XVI в. была распространена такая не книжная редакція житія, одно изъ куріознѣйшихъ явленій въ древнерусской литературѣ. Ничего опредѣленнаго нельзя сказать о времени и мѣстѣ происхожденія этой редакціи; по извѣстнымъ намъ спискамъ ея видно только, что она ходила уже по рукамъ читателей въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. ³⁾). Сличая эту редакцію съ двумя ука-

¹⁾ Оно въ тѣхъ же сб. Рум. № 435, л. 169 и Унд. № 258, л. 113. См. о немъ у арх. Филарета въ Обзорѣ I, 39.

²⁾ Въ немъ есть наприм. легенда, какъ только-что родившіяся младенца простоялъ 2 часа, пока его омывали. Эта легенда повторена и въ русскомъ житіи, но ея нѣтъ въ переводномъ.

³⁾ Въ синод. сб. XV—XVI в. № 556, л. 629 помѣщенъ конецъ этого житія, разсказъ о первомъ Никейскомъ соборѣ и преставленіи Николая; полные списки въ сб. Унд. XVI в. № 563, л. 100 и въ сб. его же XVI в. № 569, л. 16. Заглавіе и начало: „Слово иже во святыхъ отца нашего Николая о житіи его и о смерти его и о же-

заними выше житіями чудотворца, находимъ въ нихъ очень мало общаго, есть даже прямыя противорѣчія ¹⁾). Содержаніе русской редакціи отличается сильной легендарностью и половина его занята разказами о странствованіи Николая по Арменіи, Сиріи и другимъ странамъ, о распространеніи имъ христіанства, объ исцѣленіяхъ и борьбѣ съ бѣсами. Съ перваго раза можно подумать, что въ нашей редакціи описывается жизнь не того мирликійскаго святаго, о которомъ разказываютъ названныя древнія житія. Однакожь есть прямыя указанія на то, что предметомъ этой біографіи служитъ тотъ самый чудотворецъ Николай, память котораго празднуется 6 декабря, который присутствовалъ на первомъ Никейскомъ соборѣ и котораго «въ латынскихъ земляхъ тѣломъ лежить». Ближайшій источникъ этой русской редакціи находимъ въ «повѣсти о погребеніи» св. Николая, которая была распространена у насъ уже въ XV в. ²⁾). Повѣсть написана совершенно книжно, цер-

ниъ его и о погребеніи. Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, дивная и непреченная творящи чудеса во всей земли, прославилъ еси свѣтлый праздникъ св. Николая. Мы же, братіе, прославимъ твою волю, гдѣ явлъ св. Никола, на кня Миры Ликійскія митрополія, а въ нашихъ русскихъ странахъ весь родъ христіанскій память его честную въ нынѣшній день свѣтло признаютъ“.

¹⁾ По переводному житію, Николай, окончивъ свое образованіе, становится пресвитеромъ и служитъ въ монастырѣ Сіонѣ, построенномъ его дядей, отуда потомъ соборъ мѣстныхъ епископовъ возводитъ его на мирликійскій архіерейскій врсетоль; по русской редакціи, Николай въ 14-лѣтнемъ возрастѣ покидаетъ отечество и много лѣтъ странствуетъ по разнымъ землямъ, приходитъ наконецъ въ Миры и здѣсь патріархъ іерусалимскій Макарій поставляетъ его „епископомъ во всей Ликіи“.

²⁾ (Сборники Унд. XV в. № 560, л. 222 и № 567, л. 55. (Сб. Царскаго 1514 г. № 381, л. 120. Нач. „Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, иже дивная и невсѣдыванная дѣла творя, иже въ родъ и родъ извѣщивалъ еси свѣтлое и всепрямъственное св. Никола събраніе. Людію, племена, языци в все достоинство и многосъбранный и любовразныственныи съборъ мирликійскыи митрополи и весь родъ чело-

ковно-славянскимъ языкомъ съ примѣсю греческихъ словъ и оборотовъ, отзывающихся буквальнымъ переводомъ съ греческаго. Въ одномъ спискѣ, сохранившемъ повидимому первоначальный видъ повѣсти, есть неясный намекъ на ея происхождение: въ молитвѣ о Грѣсахъ - христіанахъ въ Азїи, подвергнувшихся варварскому нашествію, св. Николай проситъ у Бога: «даждь сподолѣніе роду гречьскому и *бомарьскому*»⁴⁾). Опасаясь промаховъ, предоставляемъ специалистамъ ближе опредѣлить какъ источникъ этого, повидимому, южно-славянскаго сказанія, такъ и отношеніе его содержанія къ достовѣрнымъ извѣстіямъ о чудотворцѣ Николаѣ: для насъ оно любопытно только какъ источникъ одного изъ русскихъ памятниковъ, въ которыхъ обнаружилось изучаемое нами паденіе агіографическаго стиля въ русской литературѣ XV — XVI в. Языкъ въ этомъ памятникѣ тотъ же самый, какимъ изложена разобранная выше вторая редакція житія Михаила Клонскаго; русская повѣсть о св. Николаѣ есть простое переложеніе упомянутаго церковно-славянскаго сказанія на этотъ языкъ, изрѣдка сокращающее рассказъ источника. Впрочемъ если церковно-славянская повѣсть явилась къ намъ въ томъ составѣ, какой имѣетъ она въ упомянутомъ спискѣ съ указаніемъ на болгарскую ея редакцію, то русскій редакторъ внесъ въ свое переложеніе этой повѣсти двѣ прибавки: рассказъ объ участіи св. Николая въ засѣданіяхъ Никейскаго собора съ любопытными легендарными подробностями, источникъ которыхъ опредѣлить не беремся, и заключительное обращеніе къ рускимъ сынамъ и дочерямъ, имѣющее видъ похвалы святому.

вѣчьскый свѣтлюю и всепраньственную память св. Николы днесь празднуемъ».

⁴⁾ Сб. Унд. № 567, л. 56.

ГЛАВА VI.

Житія Макарьевского времени.

Именемъ митрополита Макарія можно обозначить цѣлую эпоху въ исторіи древнерусской агіографіи. На это даетъ право уже одно количество литературныхъ памятниковъ, появившихся въ его время подъ близкимъ или отдаленнымъ влияшемъ, отъ него исходившимъ. Древнерусская литература житій не оставила **живописанія** этого знаменитаго собирателя житій, хотя онъ не прошелъ и въ ней безъ всякаго слѣда. Сохранилась повѣсть о послѣднихъ дняхъ его, которую можно принять за матеріалъ для житія, не получившии однакожь дальнѣйшей обработки ¹⁾). Повѣсть эта рассказываетъ о болѣзни и кончинѣ митрополита съ задушевной простотой, не преувеличивая значенія описываемаго лица, и написана, судя по подробностямъ, вскорѣ по смерти святителя какимъ-нибудь близкимъ къ нему человекомъ. Но отсутствіе поднаго живописанія лишаетъ насъ возможности видѣть, какъ древнерусскіе книжники представляли его дѣятельность въ полномъ ея объемѣ и какое значеніе придавали той сторонѣ ея, которая соприкасалась съ движеніемъ древнерусской агіографіи. Впрочемъ характеръ и мотивы, внесенные имъ въ это движеніе, можно разглядѣть въ нѣкоторыхъ явленіяхъ, связанныхъ съ дѣятельностію Макарія. Прежде всего заслуживаетъ вниманія обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія Боровскаго, воспитанія въ преданіяхъ.

¹⁾ Поздній свисокъ этой повѣсти въ рукоп. Большак. въ Моск. губл. муз. № 266.

сферы, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ біографъ выставляетъ преобладающей чертой характера чувство мѣры ¹⁾, эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, къ внѣшнему порядку и благолѣпію и сильнымъ практическимъ смысломъ. Въ такомъ характерѣ источникъ достоинствъ и недостатковъ этой школы. Такой характеръ отразился на пастырской дѣятельности постриженника Пафнутьева монастыря въ Новгородѣ: онъ вводитъ правильное общежитіе въ здѣшніе монастыри, строитъ и украшаетъ храмы, поновляетъ обветшавшіе памятники церковной святыни, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было «велики лѣпо и чудно видѣти» ²⁾. Тоже стремленіе украшать и поновлять ветхое, съ которымъ обращался Макарій къ монументальнымъ памятникамъ церковной старины, онъ прилагалъ и къ памятникамъ литературнымъ. Замѣчательно, что изъ-подъ пера самого Макарія, одного изъ наиболѣе начитанныхъ книжниковъ въ Россіи XVI вѣка, не вышло ни одного канона или похвальнаго слова святому. Но сильное возбужденіе сообщено было русской агіобіографіи двумя явленіями, ознаменовавшими его дѣятельность: это— канонизація русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 г. и составленіе Макарьевскихъ четьихъ-миней.

Въ историческихъ источникахъ XVI в. не находимъ подроб-

¹⁾ Архiep. Вассіанъ въ житіи Пафнута: „бесмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежаше, все въ время творя“.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 301. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ (стр. 286) замѣчаетъ о дѣятельности Макарія въ Новгородѣ: „пресвящ. архіепископъ, по своему благоутробію, болюи хотя украсити В. Новгородъ при своемъ честнѣмъ святительствѣ, прже бо каченъ еше о церквахъ Божіихъ тщалие и великое прилежанію и о обителяхъ великое устроеніе, даже и до самыхъ пещей“.

ныхъ извѣстій о подготовительныхъ работахъ, предшествовавшихъ собору 1547 года; но есть указаніе на то, какъ представлялся соборъ 1549 года; кромѣ того извѣстны списки святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами. Разбирая эти списки и извѣстія о подготовкѣ къ собору 1549 года, можно объяснить происхождение и характеръ разсматриваемыхъ соборныхъ дѣяній. По мысли царя, епархіальные архіереи послѣ собора 1547 г. произвели въ своихъ епархіяхъ обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ, собрали «житія, каноны и чудеса» ихъ, пользуясь указаніями мѣстныхъ жителей. Явившись въ Москву въ 1549 г. съ собраннымъ церковно-историческимъ запасомъ, они соборно «свидѣтельствовали» его и ввели въ составъ церковнаго чтенія и чтенія, установивъ праздновать по этимъ житіямъ и канонамъ новымъ чудотворцамъ. Было бы слишкомъ смѣло подвѣрять къ этимъ епархіальнымъ обыскамъ и соборномъ свидѣтельствovanіи признаки церковно-исторической критики, возбужденной оффиціальнымъ починомъ царя и высшей іерархіи: ни то ни другое не шло дальше собранія и вышшаго осмотра написаннаго, не внося потребности въ болѣе широкое изученіи, въ сводѣ или повѣркѣ агіобіографическихъ источниковъ. Но въ соборномъ свидѣтельствovanіи нельзя не видѣть опыта церковной цензуры, впрочемъ чисто-литературной и притомъ необходимой: вводя труды мѣстныхъ грамотеевъ въ церковное богослуженіе, соборъ естественно долженъ былъ разсмотрѣть, соответствують ли они установленнымъ формамъ церковно-литературныхъ произведеній. Здѣсь открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 и 1549 годовъ: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которые можно было бы ить и читать въ церкви въ день его памяти. Участіе этого источника замѣтно въ актѣ собора 1547 г. Предполагая, что единственнымъ основаніемъ канонизаціи служило повсемѣстно рас-

пространное въ русскомъ обществѣ почитаніе святаго, трудно объяснить составъ списка святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Изъ 12-ти святыхъ, которымъ установлено было всецерковное празднованіе, только двоимъ, Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоить широкую извѣстность въ русскомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 года; остальные приобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности, гдѣ подвизались и покоились по смерти. Остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: житія, канопы или посмертныя чудеса 12 новыхъ чудотворцевъ, внесенныхъ въ списокъ, были написаны до собора и притомъ настолько распространены въ письменности, что легко могли сдѣлаться извѣстными членамъ собора. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе при сопоставленіи списка 1547 г. съ количествомъ русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI в. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 12-ти, принадлежать святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными. Ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислялъ ни князя тверскаго Михаила Александровича, ни князей ярославскихъ Василія и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 году; согласно съ этимъ, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI в. и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ мнѣяхъ Макарія. Съ другой стороны можно замѣтить, что двѣ трети списка составлены по мысли самого митрополита, руководителя собора, подъ влияніемъ его личнаго отношенія къ памяти нѣкоторыхъ

святыхъ и его знакомства съ агіобіографической литературой ¹⁾. Эту случайность выбора, опредѣлившагося первымъ, что представилось вниманію собора изъ русскаго церковно-историческаго запаса, чувствовалъ самъ соборъ 1547 г., къ которому царь обратился съ просьбой собрать по епархіямъ свѣдѣнія объ остальныхъ новыхъ чудотворцахъ. Указанныя условія дѣйствовали и на соборъ 1549 г. Не сохранилось оффиціального списка святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ; ихъ перечисляютъ по догадкамъ и не совсѣмъ точно ²⁾. Но въ одной изъ редакцій житія митрополита Іоны, составленныхъ при митрополитѣ Макаріѣ, встрѣчаемъ рассказъ объ обоихъ соборахъ и общій перечень чудотворцевъ, которымъ они установили церковное празднованіе ³⁾. Изъ этихъ 14 русскихъ святыхъ 6 принадлежатъ новгородской епархіи, а съ другой стороны не встрѣчаемъ мно-

¹⁾ А. А. Эксп. I, № 213. Почти половина списка 12-ти состоитъ изъ именъ святыхъ новгородской епархіи. Тамъ же можно объяснить занесеніе въ списокъ именъ Пафутія Боровскаго, Александра Певскаго и митрополита Іоны: такое усердіе Макарія къ двоимъ послѣднимъ святымъ выразилось въ его запискахъ о написаніи новыхъ житій или похвальныхъ словъ имъ.

²⁾ Преосв. Макарія — Ист. Р. Ц. VI, 218.

³⁾ Рассказъ и перечень см. въ приложеніяхъ. Отсюда видно, что въ 1549 г. канонизованы: новгородскіе архіепископы Евламіи и Іона, Стефанъ пермскій, Іаковъ ростовскій, князья Всеволодъ псковской и Михаилъ тверской, Савва Сторожевскій, Евламіи суздальскій, Авраамій смоленскій, Свѣта Вишерскій, Евфросиній псковской, Ефремъ Перекомскій, Григорій Изяславскій и Максимъ, юродивый московскій; кромѣ того — двое сербскихъ и трие литовскихъ святыхъ. Перечень не полный, можетъ быть по вѣнцу изъ списка 1547 года пропущены имена Михаила Клопскаго, Діонисія Изюшника и Павла Обнорскаго; въ списокъ 1549 года есть основаніе думать еще имена архіепископа новгородскаго Иннонты, царевича ермянскаго Петра, Стефанюта и Мартиніана бѣлозерскихъ. О послѣднихъ см. примѣчаніе на стр. 40 и ниже, стр. 273. Объ установленіи празднованія Иннонту Макаріемъ см. въ концѣ житія въ Пам. стар. русск. лкт. IV, 8—9.

гихъ подвижниковъ, жившихъ до Макарія въ другихъ епархіяхъ; но житія святыхъ, здѣсь перечисленныхъ, были написаны еще до собора или писались во время его по порученію церковныхъ властей. На связь канонизаціи съ движеніемъ литературы житій особенно указываютъ въ упомянутомъ перечнѣ имена Саввы Сторожевскаго, Евфросина, Евѳимія суздальскаго и Ефрема: ихъ нѣтъ въ списокѣ 1547 года; но житія ихъ были написаны вскорѣ, подч. вліяніемъ епархіальныхъ изслѣдованій о новыхъ чудотворцахъ, и соборъ 1549 года, пополняя пробѣлы прежняго, установилъ празднованіе и этимъ святымъ. Наконецъ тѣже условія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на одно изъ основаній которыми руководился соборъ 1547 года, устанавливая однимъ святымъ всецерковное празднованіе, другимъ — мѣстное. Изъ 9-ти святыхъ, поименованныхъ въ списокѣ мѣстныхъ, только одному епископу тверскому Арсенію былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; но послѣднее не попало въ минеи митрополита Макарія. и это подтверждаетъ догадку, что оно съ канономъ осталось неизвѣстнымъ собору или не было ему, представлено; житія остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздастъ и этимъ святымъ церковное чествованіе; по крайней мѣрѣ кромѣ епископа Арсенія это достоверно извѣстно о двоихъ другихъ, обозначенныхъ въ списокѣ мѣстныхъ, о Прокопій и Іоаннѣ устюжскихъ. Это послѣднее обстоятельство открываетъ другой источникъ канонизаціи, церковно-административный. Есть основанія утверждать, что не только большая часть святыхъ, исчисленныхъ въ списокѣ всецерковныхъ, но и нѣкоторые изъ мѣстныхъ, если не всѣ, чтились на мѣстахъ церковнымъ обрядомъ до собора; для первыхъ соборъ расширилъ чествованіе, а для послѣднихъ только подтвердилъ фактъ, уже существовавшій и дѣйствовавшій до толѣ независимо отъ него. Такимъ образомъ есть замѣтная разница въ канонизаціи, совершившейся въ половинѣ XVI вѣ-

на сравнительно съ прежней. Прежде мѣстное празднованіе святому устанавливалъ обыкновенно епархіальный епископъ съ мѣстнымъ соборомъ; всецерковная канонизація была рѣдкимъ явленіемъ; притомъ это и другое являлось случайнымъ и единичнымъ актомъ, который вызывался развитіемъ чествованія извѣстнаго святого въ мѣстномъ или во всемъ православномъ населеніи Руси, открытіемъ мошей, чудесами. Теперь канонизація приданъ характеръ собирательный, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ русскаихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей русской церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 г. «предасть Божіимъ церквамъ» для пѣнія и празднованія всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ, повидному не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ сдѣлалъ соборъ 1547 года; наконецъ церковное признаніе святого становится дѣломъ общаго центрального собора русской церкви, а не епархіальной іерархіи ¹⁾. Это сосредоточеніе канонизирующей власти вмѣстѣ съ руководящей ею церковно-исторической мыслью собрать и обобщить частныя явленія, разсѣяныя на прострaнствѣ вѣковъ и епархій, можно признать однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ проявленій централизаціи, которая развивалась въ русской церкви объ руку съ государственной. Есть указаніе на то, какъ относились къ разсматриваемымъ соборамъ современники и какое значеніе придавали имъ многочисленные русскіе агіобіографы, вызванные ими къ дѣятельности. Одинъ изъ послѣднихъ, летописьниковъ житій Василій, упомянувъ въ біографіи Сав-

¹⁾ Въ XVI в., если не ошибаемся, не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать преп. Пвюлутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, и такое же распоряженіе о преп. Іосифѣ Волоцкомъ въ 1578 г. исходятъ отъ митрополита „со всѣмъ священнымъ его соборомъ“.

вы Крыпецкаго о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ Русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ и Русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ «якоже второй великій Римъ и Царствующій градъ: тамо бо вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ Турокъ, здѣ же въ Рустей земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ». Василій высказалъ не новую мысль: еще раньше выражалъ ее въ своихъ посланіяхъ псковской иногѣ Филоеѣ. Она развилась изъ событій половины XV вѣка: флорентійскій соборъ и паденіе Царьграда уронили въ глазахъ русскаго общества православный авторитетъ Византіи. Мысль, что Русь—последній Римъ, единственное хранилище чистаго православія, должна была внушать особенное вниманіе къ отечественной церковно-исторической святынѣ, и прославленіе русскихъ чудотворцевъ служило ей нагляднымъ выраженіемъ въ формѣ церковнаго обряда. Можетъ быть, указанный взглядъ служилъ однимъ изъ побужденій, вызвавшихъ соборы по дѣлу о новыхъ чудотворцахъ, и въ такомъ случаѣ въ немъ можно видѣть третій источникъ канонизаціи, церковно-исторической. Совокупное дѣйствіе всѣхъ указанныхъ источниковъ канонизаціи должно было утвердить и освятить господство церковно-реторическихъ формъ въ дальнейшей русской агіобіографіи.

Ни въ чемъ такъ наглядно не выразилась мысль митрополита Макарія, вызвавшая разсмотрѣнные соборы, какъ въ его четвѣхъ-мшцеяхъ. По задачѣ, положенной въ основаніе этого сборника, собрать и переписать «всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются», мшцеи Макарія—самое отважное предпріятіе въ древнерусской письменности. Возможность такого предпріятія объясняется съ одной стороны богатствомъ новгородской письменности и матеріальными средствами новгородскаго владыки, не щадившаго «сребра и всякихъ поче-

стей» для различных писарей, съ другой — направлениемъ всей дѣятельности Пафнутьевского постриженника, не отличающагося творческимъ даромъ, но любившаго собирать, приводить въ порядокъ и украшать приготовленное прошедшимъ. Въ этомъ направленіи источникъ мысли объ общей канонизации русскихъ чудотворцевъ. Минеи представляютъ такую же попытку централизации въ области древнерусской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній. Во вкладной записи, написанной Макаріемъ въ ноябрь 1552 года и приложенной къ такъ-называемому успенскому списку мнней, единственному полному экземпляру памятника, собиратель говоритъ: «а писалъ есмь сіа святыя великія книги въ Великомъ Новгородѣ, какъ есмь тамо былъ архіепископомъ, а писалъ есмь и собирать и въ едино мѣсто ихъ совокуплялъ двадцать лѣтъ». Изъ вкладной, приложенной къ новгородскому софійскому списку мнней, видно, что въ 1541 году этотъ списокъ въ составѣ 12 книгъ былъ оконченъ и подаренъ архіепископомъ Софійскому собору; июльская книга этого списка, какъ видно изъ приписки въ концѣ ея, начата и кончена въ 1538 году. Отсюда слѣдуетъ, что работы надъ мннеями Макарій предпринялъ въ 1529 — 1530 г. Но извѣстіе вкладной 1552 г. о 12-тилѣтнемъ трудѣ надъ мннеями въ Новгородѣ не совсемъ точно опредѣляетъ ходъ ихъ составленія. Это извѣстіе относится къ одному софійскому списку, которымъ не завершилось образованіе сборника. Успенскія мннеи, переписка которыхъ кончена къ 1552 году, не простой списокъ съ софійскихъ, а скорѣе другая, болѣе полная и обработанная ихъ редакция: кромя замѣненій въ порядкѣ статей встрѣчаемъ значительное количество произведеній, не попавшихъ въ софійскій списокъ и занесенныхъ въ успенскій; между ними есть памятники, которые впервые явились въ свѣтъ уже послѣ 1541 года,

когда кончены были софійскія миней ¹⁾). Такимъ образомъ миней Макарія слагались долѣе 20 лѣтъ. Ни по цѣли ни по исполненію онѣ не могутъ назваться литературнымъ памятникомъ, не представляютъ литературной обработки запаса, накопившагося въ древнерусской письменности къ половинѣ XVII вѣка. Литературное участіе собирателя въ составленіи памятника ограничилось поправками въ языкѣ статей илч, какъ онъ самъ замѣчаетъ во вкладной 1552 года, «исправленіемъ иностранныхъ и древнихъ пословицъ», переводомъ ихъ на русскую рѣчь. Даже редакторскій надзоръ его едва ли простирался одинаково на весь составъ огромнаго сборника. Собирая и группируя рукописный матеріалъ, Макарій не услѣвалъ ни распределить точно по минейной программѣ все статьи, ни подвергнуть каждую изъ нихъ предварительному просмотру. На это указываетъ и размѣщеніе статей въ сборникѣ и несправность текста въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и наконецъ признаніе самого собирателя, что иное онъ оставилъ не исправленнымъ и среди святыхъ книгъ гдѣ-нибудь могъ пропустить въ сборникъ «ложное и отреченное слово святыми отцы». Не смотря на это, миней не лишены интереса и по отношенію къ литературной исторіи древнерусской агіобіографіи на Сѣверѣ. Къ послѣдней относится небольшое количество памятниковъ, около 40 въ числѣ 1300 всехъ житій, вошедшихъ въ составъ успенскаго списка миней. Но очень многія изъ этихъ русскихъ житій не сохранились въ спискахъ, которые были бы древнѣе макарьевскихъ. Далѣе, въ составѣ этого небольшого отдѣла миней про-

¹⁾ Таковы житія Александра Свирскаго, Юсѳа Волоцкаго, Павла Обнорскаго, Евфросина Псковскаго, Александра Невскаго, митрополита Іоны первое написано въ 1545 г., второе не раньше 1545, третье не раньше 1546, остальные въ 1547. Другія статьи, которыми пополненъ успенскій списокъ, см. въ „Замѣткахъ“ пресв. Макарія о софійскихъ минеяхъ въ Лѣтоп. русск. лѣт. и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, кн. 1. отд. 3. стр. 71.

свѣчиваетъ литературный взглядъ Макарія на житіе. Собира-
тель соединилъ въ своемъ сборникѣ далеко не всѣ русскія жи-
тія, написанныя до 1530 года. Нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно,
остались неизвѣстны Макарію; но отсутствіе другихъ въ его
минеехъ объясняется другой причиною. Собрать всѣ житія, на-
писанныя до миней, но не попавшія въ нихъ, какія теперь из-
вѣстны, легко замѣтить, что это — или краткія житія первона-
чальной неразвитой конструкции или жизнеописанія, отличаю-
щіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица и чуж-
дыя агіографической реторики. У частіе литературнаго взгля-
да Макарія въ составѣ разсматриваемаго отдѣла миней особен-
но ясно обнаруживается на житіи Александра Невскаго: митро-
политъ знаетъ о существованіи древней біографіи князя, напи-
санной современникомъ, но не допустилъ ея на страницы сво-
ихъ миней въ первоначальномъ видѣ, а поручилъ передѣлать
ея по правиламъ господствовавшей реторики житій. При этомъ
онъ самъ сознавалъ, что такое житіе не историческая повѣсть,
и въ чисто-историческомъ сборникѣ, въ Степенной книгѣ по-
мѣстилъ другую передѣлку житія, которая проще и нѣмѣе
изображаетъ жизнь князя. Отсюда видно, въ какомъ смыслѣ
должна была вліять на русскую агіобіографію любовь Макарія
къ церковно-историческимъ литературнымъ памятникамъ и пре-
даніямъ, выразившаяся въ его минеехъ.

Достаточно краткаго бібліографическаго обзора русскихъ жи-
тій, составленныхъ писателями Макарьевского времени и пре-
жде всего тѣхъ, которыя написаны по непосредственному вну-
шенію Макарія, чтобы видѣть, что движеніе, возбужденное въ
русской агіобіографіи сверху канонизаціей и церковно-истори-
ческими наклонностями главы іерархій, только утверждало гос-
подство установившихся литературныхъ формъ житія, не внося
потребности въ болѣе широкое изученіе и въ менѣе услов-
ное пониманіе историческихъ фактовъ.

Первымъ по времени изъ житій, написанныхъ по распоряженію Макарія, была новая редакція біографіи Михаила Клопскаго, составленная въ 1537 году Василиемъ Михайловичемъ Тучковымъ. Неизвѣстно, почему архіеп. Филаретъ назвалъ этого писателя Михаиломъ, смѣшавъ его съ отцомъ, Михаиломъ Васильевичемъ Тучковымъ, дѣдомъ Андрея Курбскаго по матери ¹⁾). Оба Тучковы, отецъ и сынъ были довольно извѣстные люди на Руси въ XVI в. и историческіе источники сохранили о нихъ достаточно свѣдѣній. Авторъ новой редакціи житія Клопскаго юродиваго въ похвалѣ святому дважды называетъ себя недостойнымъ рабомъ Василиемъ; тоже имя находимъ у современника, новгородскаго лѣтописца, который подробно рассказываетъ о происхожденіи новаго житія и называетъ автора сыномъ боярскимъ, тогда какъ Михаилъ Тучковъ уже въ 1512 г. является окольнымъ, еще при великомъ князѣ Василиѣ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, а въ 1537 г. принадлежалъ къ числу старыхъ думныхъ бояръ ²⁾). Столь же ошибочно другое извѣстіе архіеп. Филарета, будто біографъ Тучковъ сталъ потомъ инокомъ Илию, написавшимъ канонъ Михаилу Клопскому и житіе Георгія, мученика болгарскаго. По извѣстію, скрытому авторомъ въ канонѣ, послѣдній написанъ рукою пресвитера Илія по благословенію новгородскаго архіепископа Макарія, слѣдовательно не позже 1542 года ³⁾). Житіе Георгія болгарскаго, по словамъ біографа, того же Илія, составлено

¹⁾ Обзоръ русск. дух. лит. I, стр. 208. Р. Свят. янв. стр. 57.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 301.

³⁾ Минея служ. XVII в. въ Тр. Серг. лѣврѣ № 522: здѣсь въ службѣ Михаилу Клопскому второй канонъ въ начальныхъ словахъ и буквахъ своихъ стиховъ содержитъ извѣстіе: „въ царство благочестиваго христілюбиваго Іоанна всея Руси самодержца, повелѣніемъ и благословеніемъ Макарія, святѣйшаго архіепископа богоспасаемыхъ градовъ Великаго Новаграда и Пскова благодарно сіе лѣніе принесеса всепреп. Михаилу Клопскому рукою пресвитера Илія“. Ср. сб. Рум. № 397, л. 109.

въ 1539 году. Отсюда видно, что еслибы этотъ Илія былъ Василій Тучковъ, мы не встрѣтили бы официального извѣстія, что на царской свадьбѣ въ 1547 г. была только жена Василія Михайловича Тучкова, а самъ онъ болѣлъ, убили съ женою и его мѣсто дружки съ невѣстиной стороны занималъ Морозовъ ¹⁾. Разсказъ самого Тучкова въ послѣсловіи къ житію и извѣстіе современнаго лѣтописца согласно показывают, что побужденіе, вызвавшее новую редакцію, было чисто литературное. Макарій былъ недоволенъ «весьма простымъ» изложеніемъ древней редакціи, и когда къ нему явился за благословеніемъ грамотей сынъ боярскій, пріѣхавшій въ Новгородъ собирать ратниковъ въ походъ и «здѣтка навикшій велики божественнаго писанна», владыка упростилъ его «написать и распространить житіе и чудеса» Михаила, сообщивъ ему для этого древнюю редакцію. Согласно съ этимъ лѣтописецъ разсматриваетъ трудъ Тучкова исключительно со стороны литературной формы: «аше кто прочеть самъ узрѣть, како ветхая попови и колами чудно изложи». При этомъ онъ не можетъ удержаться, чтобы простодушно не выразить своего удивленія впередъ тѣмъ рѣдкимъ въ исторіи нашей литературы явленіемъ, какъ «отъ многоцѣпныя царскія палаты сей храбрый воинъ преженнанный Василей свѣтлое око, я всегда во царскіихъ доухѣхъ живый и мягкая нося и подружіе законно имѣя, и селика разуміи отъ Господа сподобися». Самъ біографъ указываетъ образчики элементовъ своего книжнаго образованія, ссылаясь на житіе митрополита Алексія въ Степешной и на книгу о Гройскомъ плѣненіи, называя Омира и Овидія, Еркула и Ахилла. Въ этомъ книжномъ образованіи боярскаго сына объясненіе литературнаго мастерства и широкаго риторическаго размаха, обнаруженныхъ имъ въ похвалѣ святому и особенно въ пре-

¹⁾ Карамз. VIII. прил. 164.

дисловіи, гдѣ онъ, начавъ съ Адама, изложилъ очеркъ хода искупленія человѣчества и начало христіанскаго просвѣщенія Россіи, прибавивъ кстати новгородскую легенду о жезлѣ апостола Андрея. Но этимъ и ограничилась дальнѣйшая обработка житія въ новой редакціи ¹⁾). Выше было указано, что источникомъ, по которому Тучковъ описалъ жизнь Михаила, служила редакція пророчествъ, которую мы считаемъ первой по времени литературной обработкой житія. Тучковъ не только не расширилъ фактическаго содержанія этой редакціи новыми чертами, но не исчерпалъ и того, что давала она; напротивъ, сокращая/ рассказъ ея въ своемъ переложеніи, онъ впалъ въ неточности и ошибки, причина которыхъ или въ невнимательномъ чтеніи источника или въ особенныхъ соображеніяхъ редактора ²⁾). Встрѣчаемъ у Тучкова одну новую черту, впрочемъ не имѣющую значенія историческаго факта. Уже по древнѣйшей редакціи житія въ пророчествѣ Михаила о паденіи Новгорода замѣтна примѣсь народной легенды. У Тучкова эта легенда является въ болѣе развитомъ видѣ: предсказанію, выслушанному посадникомъ Немиромъ въ 1470 году, здѣсь предшествуетъ пророчество о томъ же, высказанное Михаиломъ архіепископу Евѣмію

¹⁾ Древнѣйшіе списки ея въ Макар. ч. мн. янв. по усл. сп. стр. 941 и въ волокол. сб. Моск. дух. ак. № 659, л. 344, № 632, л. 99: по этому послѣднему списку редакція Тучкова издана въ Пам. стар. русск. лѣт. IV, 36.

²⁾ Такъ у него архіеп. новгородскій Евѣмій, рукоположенный въ 1434 году, вѣдетъ потомъ въ Москву къ митроп. Фотію, умершему въ 1431. Евѣмій вѣзжалъ въ Москву въ 1437 году къ митр. Исидору. П. С. Р. Лѣт. III, 112. Развивая общими риторическими мѣстами рассказъ первой редакціи, Тучковъ по-своему измѣнялъ ея подробности, что легко замѣтить при сравненіи обѣихъ редакцій, особенно въ статьяхъ о приходѣ Михаила на Клоцко, о разбойникахъ, объ архіеп. Евѣмійѣ II. Фактическія черты, прибавленныя Тучковымъ, касаются постороннихъ обстоятельствъ и лучше извѣстны изъ другихъ источниковъ. См. Пам. стар. русск. лѣт. IV, 39 и 44.

уже въ 1440 году, по случаю рожденія у великаго князя сына Ивана, будущаго разорителя обычая вольнаго Новгорода. Другой болѣе простой по изложенію вариантъ этой новой легенды сохранился въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ, составленномъ въ концѣ XVI вѣка ¹⁾). По простотѣ и живости разказа онъ напоминаетъ первую редакцію житія Михаила и, можетъ быть, заимствованъ лѣтописью отсюда, хотя его нѣтъ въ немногихъ сохранившихся спискахъ этой редакціи. Благодаря разсмотрѣннымъ особенностямъ труда Тучкова историкъ едва ли можетъ воспользоваться въ немъ чѣмъ-нибудь фактическимъ, кромѣ 4 посмертныхъ чудесъ, которыя прибавлены здѣсь къ одному, извѣстному по первой редакціи.

Выше было сказано о грѣшномъ пресвитерѣ Іліи, который въ порученію Макарія написалъ канонъ Михаилу Клепскому. Изъ послѣсловія къ другому труду этого Іліи, къ житію Георгия, мученика болгарскаго, узнаемъ, что авторъ былъ іеромонахъ, служившій при домовоі церкви новгородскаго владыки ²⁾).

¹⁾ Тамъ же стр. 45. П. С. Р. Зѣт. VIII, 108. Повидимому, Тучковъ и здѣсь по-своему измѣнилъ подробности источника. Въ лѣтописи Михаилъ пророческуеть „въ монастырѣ на Веряжѣ, пришедшу къ нему архіепископу Евемію“, то есть въ Клепской обители: по разказу Тучкова это было въ Вязицкомъ монастырѣ архіеп. Евдокіи, куда ходилъ Михаилъ почитать владыку. Подъ вліяніемъ этой легенды Тучковъ прибавилъ новую непообразность къ прежнимъ въ преданіи о пророчествѣ Михаила Нещиру: блаженный, провнесшій пророчество Евемію въ день рожденія ии. Ивана, здѣсь говоритъ послѣднику объ этомъ князѣ: „яко, безумни, кому противитися хочете, иже пророкъ роженіа речено о немъ, яко кому обычая ваша премѣнити?“

²⁾ Списки житія въ Макар. ч. мнн. по синод. сп. май, л. 1140, въ рукоп. Унд. XVI в. № 563, л. 640 и XVII в. № 297, Руз. XVII в. № 364, л. 412. Нач. „Иже апостольстѣи наѣстияны сущѣ и приѣмницы дару и силъ“. Въ послѣсловіи читаемъ: „Написано же бысть мученіе его и погнѣши въ Великомъ Новѣградѣ великия Россія, благословеніемъ и повѣстніемъ святѣишаго архіеп. Макарія... лѣта 47-го, а писалъ смиренный мнѣхъ и пресвитеръ Іліи церкви преп. Евеміа Великаго, иже внутри дому архіепис-

Обстоятельства, вызвавшія это житіе, и его характеръ даютъ любопытное указаніе на то, изъ какихъ источниковъ иногда черпались и какъ обрабатывались на Руси южнославянскія церковныя преданія. Плія написалъ житіе въ 1539 году. Незадолго до этого въ Новгородъ пришли съ Афона двое монаховъ, Митрофанъ и Прохоръ. Макарій принялъ ихъ радушно и сталъ спрашивать: какъ стоитъ христіанство и не велика ли нужда отъ поганыхъ? Гости много рассказывали ему о насиліяхъ скверныхъ Сарацынъ и повѣдали между прочимъ о мученіи св. Георгія. Владыка, добавляетъ Плія въ предисловіи, восхитилъ изъ устъ ихъ повѣсть точно пишу сладкую и повелѣлъ мнѣ описать подвиги мученика. Сохранилось болгарское сказаніе о томъ же Георгіѣ, написанное Средецкимъ священникомъ, который былъ очевидцемъ событія и принималъ близкое участіе въ мученикѣ ¹⁾. Сличеніе обоихъ сказаній показываетъ, въ какомъ видѣ болгарское событіе дошло до русскаго читающаго общества. Средецкій священникъ написалъ подробную повѣсть, не чуждую книжныхъ приемовъ житій. Въ основныхъ моментахъ разсказа и въ немногихъ подробностяхъ новгородская повѣсть напоминаетъ болгарскую; въ остальныхъ чертахъ обѣ онѣ такъ далеки другъ отъ друга, какъ будто говорятъ о раз-

скопова В. Новаграда“. Въ спискѣ Макар. ч. мнѣи и Рум. № 364 это мѣсто нѣсколько измѣнено и, очевидно, по опискѣ сказано, что житіе написано въ Псковѣ; вѣроятно, это дало Востокову поводъ сказать въ предисловіи, что первое извѣстіе о Георгіѣ привезено въ Псковъ и отсюда распространилось по Россіи. Оп. Рум. муз. стр. 526 и 596. Краткая ред. житія въ сб. Рум. полованы XVI в. № 397, л. 375.

¹⁾ Оно напечатано по списку сербской редакціи XVIII вѣка г. Гильбердингомъ въ Дѣт. занятій Археогр. Комм. вып. 2. Нач. „Слова потрѣбу зарова намъ създави насъ Богъ, яко да разумеємъ тайны Божіе“. Объ отношеніяхъ автора къ мученику см. стр. 6, 13, 16 и 18. Другое изданіе этого житія въ сербскомъ „Гласникѣ“ 1867 г. кн. IV.

ныхъ мученикахъ. Можно было бы видѣть въ разсказѣ Илія искаженіе болгарской повѣсти, заимствованное изъ другого источника, если бы обиліе противорѣчій, въ какія новгородская біографія вступаетъ съ болгарской, не заставляло подозрѣвать и въ остальныхъ подробностяхъ первой искаженіе дѣйствительныхъ событій ¹⁾. Это объясняется характеромъ источника, изъ котораго черпалъ Илія. Изъ его разсказа видно, что онъ написанъ единственно со словъ афонскихъ пришельцевъ и послѣдніе не сообщили автору письменныхъ матеріаловъ для біографіи Георгія. Изъ словъ Среденкаго священника можно замѣтить, что онъ бывалъ на Аѳонѣ ²⁾. Можетъ быть, афонскіе иноки читали его повѣсть; вѣроятноже, что они знали о мученикѣ по слухамъ. Во всякомъ случаѣ, когда имъ пришлось разсказывать о немъ въ Новгородѣ болѣе 20 лѣтъ спустя послѣ событій, въ ихъ памяти удержались смутныя черты его, къ которымъ Илія прибавилъ отъ себя общія мѣста житій. Но видѣть съ неточными или неясными чертами жизни и страданія Георгія Илія записалъ со словъ пришельцевъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій о янычарахъ и объ отношеніяхъ Турокъ къ завоеваннымъ христіанамъ въ XVI вѣкѣ, извѣстій, которыхъ нѣтъ въ болгарской повѣсти и которыя имѣютъ цѣну показаній очевидцевъ ³⁾.

¹⁾ Цояримъ по разсказу Илія Георгій родился въ городѣ Средцѣ (Софія), былъ сынъ дѣшпаяго вельможи Іованна и пострадалъ 25-ти лѣтъ отъ рожу, 26 мая 1514 года, при митрополитѣ Іереміѣ; по разсказу Среденкаго священника, бывшаго духовнымъ отцемъ Георгія, онъ родился въ городѣ Кратовѣ, былъ сынъ Димитрія, по смерти отца переселился въ Софію, гдѣ занимался кузнечнымъ ремесломъ, и пострадалъ 18-ти лѣтъ отъ рожу, 11 февраля 1515 года, при митроп. Пянкратіѣ.

²⁾ См. лѣт. Археогр. Комм. вып. 2, приложеніи, стр. 6: говоря о митрополитѣ Писонтѣ, мощи котораго покоились на Аѳонѣ, авторъ замѣчаетъ: „семи или грѣшнѣишъ сподобихсе мощи его видети и облобзавти“.

³⁾ Эти извѣстия см. въ началѣ повѣсти Илія.

Вскорѣ послѣ собора 1547 года по порученію митрополита Макарія написаны житія кн. Александра Невского и митр. Іоны. Имена обоихъ значатся въ спискѣ святыхъ, канонизованныхъ названнымъ соборомъ. Въ предисловіи къ житію кн. Александра біографъ прямо говоритъ, что данное ему порученіе было слѣдствіемъ соборнаго изысканія о чудесахъ князя ¹⁾. Этими чудесами ограничивается все, что внесла редакція новаго въ фактическое содержаніе біографіи; самое жизнеописаніе въ ней большею частью дословное повтореніе древней повѣсти объ Александрѣ; только нѣкоторыя черты послѣдней, не соотвѣтствующія приёмамъ позднѣйшей агіобіографіи, сглажены въ новой редакціи или разбавлены общими мѣстами житій. Согласно съ такимъ происхожденіемъ и характеромъ новой редакціи составитель далъ ей заглавіе «похвального слова», а не житія. По нѣкоторымъ выраженіямъ ея видно, что она составлена во Владимірѣ; нѣкоторыя чудеса авторъ записалъ со словъ очевидцевъ, монаховъ здѣшняго Рождественскаго монастыря, гдѣ покоились мощи святаго ²⁾. Въ житіи нѣтъ ближайшихъ указаній на личность автора. Но между службами новымъ чудотворцамъ, канонизованнымъ въ 1547 г., находимъ канонъ кн. Александру, на писанный Михаиломъ, инокомъ названнаго монастыря ³⁾. Очень вѣро-

¹⁾ Эта редакція въ Макар. ч. мин. ноябр. стр. 2233. Нач. „Преблагый человеколюбивый Господь изрядно свою благостыню на сѣгрѣшающихъ показываетъ“. Ниже читаемъ: „Правящу же престолъ русскія митрополія пресвященному Макарію и повелѣніемъ самодержца оному о семъ подвигнуся вседушьяѣ съ всѣмъ священнымъ съборомъ и изыскавшѣ извѣстно съ всяцѣмъ испытаніемъ о чудесѣхъ, бывающихъ отъ честныя его раки, сяде же ему и мене убогаго понудившу спясати сіе похлаленіе“. Житіе сопроваждается 13 чудесами, бывшими „въ послѣднія лѣта“; первое изъ нихъ—явленіе святаго во время Куликовскаго побоища, слѣдствіемъ чего было открытіе мощей князя; остальные относятся къ XVI в., наприм. 7-е помѣчено 1541 г. Макар. ч. мин. ноябр. 2242.

²⁾ Тамъ же стр. 2242 и 2243.

³⁾ Сб. Рум. цѣлов. XVI в. № 397, л. 67. Въ сб. Тр. Серг. л. XVI—XVII в. № 624, л. 148 и въ синод. сб. XVII в. № 447, л. 402 службъ

итю, что этотъ инокъ Михайлъ былъ на соборѣ 1547 г. въ числѣ представителей владимірскаго духовенства и получилъ отъ Макарія порученіе составить разсматриваемую редакцію житія. Этимъ объясняется ошибка архіеп. Филарета, который, смѣшавъ съ владимірскимъ инокомъ Михаиломъ боярина Михаила Тучкова, не бывшаго писателемъ, приписалъ ему вмѣстѣ съ службой св. князю прازیраемую редакцію житія ¹⁾). Догадка о происхожденіи этой редакціи изъ Рождественской обители во Владимірѣ подтверждается однимъ современнымъ источникомъ. Почти въ одно время съ этой редакціей, какъ увидимъ ниже, но независимо отъ нея составлена была другая въ Псковской области біографіей мѣстныхъ святыхъ Василиемъ. Встрѣчаемъ наконецъ третью обработку того же житія, сдѣланную также при митрополитѣ Макаріѣ ²⁾). Біографъ суздальскихъ святыхъ Григоріи, писавшій около половины XVI в., въ похвальномъ словѣ русскимъ святымъ говоритъ о владимірскихъ инокахъ, описавшихъ добродѣтели Александра ³⁾). Если въ формѣ этого извѣстія видѣть опредѣленный намекъ на литературные факты, то мы въ правѣ заключить, что эта третья редакція подобно первой разсмотрѣнной написана въ половинѣ XVI в. инокомъ владимірской обители, гдѣ покоился князь. Въ нее вошла въ сокращеніи, иногда дословно выше описанная первая редакція съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ опущенныхъ тамъ чертъ древней біографіи. Но къ этому присоединены многочисленныя вставки изъ дру-

приослана приписа съ извѣстіемъ о смерти и погребеніи князя и здѣсь такъ же объ авторѣ службы: „сотоворено смиреннымъ инокомъ Михаиломъ тогда же обители, идѣже блаженнаго тѣло лежить“.

¹⁾ Извѣст. I, стр. 208.

²⁾ Сказ. кн. I, 358. Спод. рукоп. № 277, л. 541.

³⁾ Сказ. Тр. С. I. начала XVII в. № 337, л. 584: „Яковъ же кн. Александръ Псковскій, отецъ преподобный, его же любомудріе владимирскіи иноци слышавше и видѣвше почудихася и написаша достойно добродѣтели его.“

гихъ источниковъ: редакторъ старался повидимому соединить въ своемъ разсказѣ всѣ извѣстія объ Александрѣ, какія нашель въ лѣтописи, не забывъ повторить и Пахоміево сказаніе о смерти Батыя. За то изъ чудесъ, приложенныхъ къ первой макарьевской редакціи, онъ взялъ только два. Такой составъ редакціи показываетъ, что она написана специально для Степенной книги. Къ прочимъ двумъ редакціямъ она относится, какъ историческая повѣсть къ церковному панегирику; по крайней мѣрѣ такой характеръ хотѣлъ сообщить ей самъ составитель ¹⁾).

Таково же отношеніе между редакціями житія митрополита Іоны, составленными при Макаріѣ. Въ четьи-минеи занесена риторическая редакція, названная въ заглавіи похвальнымъ словомъ и написанная по порученію Макарія въ 1547 году, въ одно время съ похвальнымъ словомъ кн. Александру и по одинаковому поводу, т. е. вслѣдствіе канонизаціи этихъ святыхъ на соборѣ 1547 года ²⁾). Слово писано неизвѣстнымъ авторомъ на мѣстѣ, гдѣ покоился святой, «посредѣ сего царствующаго и Богомъ спасаемаго града Москвы», и по литературному строю совершенно одинаково съ словомъ владимірскаго инока объ Александрѣ, такъ же отличается витиеватостью, обиліемъ общихъ мѣстъ и скудостью фактическаго содержанія. Другаго характера редакція житія, вошедшая въ Степенную книгу: по составу и изложенію она соответствуетъ помѣщенному тамъ же житію кн. Александра ³⁾). Подобно ему, эта біографія Іоны основана на

¹⁾ Выписывая чужо 1541 года, онъ замѣчаетъ о похвальномъ словѣ Александру: «Сія же различная чудеса довольно писана быша въ торжественномъ словеси его, въ сей же повѣсти сокращено *прочіихъ ради дьякии*». Степ. кн. по синод. рук. № 277, л. 573.

²⁾ Макарь. ч. мѣн. март. по усн. сн. стр. 1887. Нач. «Привѣдѣте, возлюбленніи добріи послушници». Тоже въ синод. сб. № 555, л. 648.

³⁾ Степ. кн. II, 69. Тоже въ рукоп. конца XVI в. Унд. № 322 и Тр. С. Л. № 692, л. 530, въ Ч. Мин. Тулузова № 675, л. 147 и Милютина март. л. 1146. Нач. «Сей святыи и великій во святителехъ Іона

похвальномъ словѣ, опускаетъ или сокращаетъ риторическія мѣста послѣдняго и цѣликомъ выписываетъ изъ него біографическія извѣстія; но эти извѣстія она приводитъ въ связь съ другими событіями времени Іоны и для этого обильно дополняетъ похвальное слово заимствованиями изъ длиннаго ряда другихъ источниковъ ¹⁾. — Но и эта редакція показалаcя неудовлетворительной. Кто-то, прочитавъ ее, исправилъ и распространилъ ея изложение, вставилъ изъ «лѣтописаній» и отдѣльныхъ сказаній новыя статьи о митрополитахъ Кипріянѣ и Фотіѣ, о флорентійскомъ соборѣ, о княженіи Василя Васильевича и о другихъ событіяхъ и лицахъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ судьбѣ Іоны, а для начала буквально выписалъ предисловіе изъ разсмотрѣннаго похвальнаго слова Іонѣ. Такъ составилаcя третья редакція житія, самый полный сводъ извѣстій о жизни митрополита ²⁾. Самое любопытное добавленіе въ этой редакціи рассказъ о соборахъ 1547 и 1549 г., помѣщенный между предисловіемъ и началомъ біографіи, съ перечнемъ святыхъ, которымъ эти соборы установили церковное празднованіе. Здѣсь находимъ извѣстіе, что до собора 1547 г. никто не попытался собрать въ одну повѣсть извѣстія объ Іонѣ, разбѣяныя въ раз-

бствъ родомъ отъ мѣсть гора Галича. Въ поляхъ, заклинающей чудеса Іоны, читави: «пресладеинаго господина нашего архіеа. Макарія, митрополита Руси, вращающаго престолъ твой, въ мнрѣ житіе исправити поспѣши».

¹⁾ Житіе Іоны въ Симоновомъ монастырѣ описана по сказанію преп. Іосифа о святыхъ русскихъ отцахъ, объ Нсидорѣ по повѣсти Симеона Суздальнаго о Флорентійскомъ соборѣ и по чузу съ Симеономъ въ Нахоніевомъ житіи преп. Сергія; рассказъ объ усобицѣ вел. кн. Василя съ Шемякой заимствованъ отъ дѣтскаго источника пророчество митроп. Іоны и повѣсть о городскомъ архіеа Іоны — въ житіа послѣдняго. Біографъ пользовался также повѣстью Натанія о событіяхъ жещей св. митроп. Петра и сказаніемъ о построеньи Десяткаго собора.

²⁾ Списана съ въ рукописи XVI—XVII вѣка, нинѣ принадлежащей.

ныхъ историческихъ сказанiяхъ, и это впервые сдѣлано по распоряженiю названнаго собора, установавшаго празднованiе памяти святаго. Повидимому и эта редакцiя составлена при Макариѣ: такъ можно заключать потому, что она удержала въ похвалѣ выраженiе второй редакци о митрополитѣ.

Изъ разсмотрѣнныхъ житiй можно извлечь нѣсколько чертъ какъ для исторiи Степенной книги, такъ и для характеристики русской агiобиографiи времени Макария. Похвальное слово князю Александру, говоря въ предисловiи о святыхъ русскихъ отцахъ, «ихъ же прослави Богъ въ послѣдняя времена», прибавляетъ: «о нихъ же послѣдъ скажемъ» ¹⁾. Въ этихъ словахъ можно видѣть намекъ на житiя и извѣстiя о русскихъ святыхъ, помѣщенные въ Степенной книгѣ. Если такая догадка основательна, то обработка этой книги начата или задумана послѣ собора 1547 года. Источники биографiй кн. Александра и митр. Ионы, помѣщенныхъ въ Степенной, показываютъ, что онѣ составлены послѣ этого года; притомъ биографiя Ионы разсказываетъ о чудесахъ, совершившихся при мощахъ святителя, когда въ Москвѣ находился принесенный съ Вятки чудотворный образъ Николы Великорѣдскаго. По лѣтописи и сказанiю объ этой иконѣ, она принесена въ Москву въ 1555 г. и отнесена обратно въ 1556 году ²⁾. Изъ этого видно, что Макарьевская редакцiя Степенной составлялась послѣ четырехъ-миней, въ послѣднiе годы жизни митрополита. Особыя редакци житiй для Степенной служатъ еще доказательствомъ, что самъ Макарий и книжники его времени дѣлали различiе между житiемъ для четырехъ-миней и исторической биографiей, какая требовалась для историческаго сборника: въ миней заносилось житiе, облеченное въ реторику похвальнаго слова; для Степенной нужно было жизнеописа-

¹⁾ Макарь. ч. мн. ноябр. стр. 2233.

²⁾ Нян. VII, 237 и 269. Сказанiе въ рукоп. Импер. Публ. библ. изъ Погодяевск. отд. № 935.

ны жите витеватое, но болъе обильное біографическими подробностями.

Приведенныхъ образчиковъ достаточно, чтобы видѣть ходъ развитія и характеръ Макарьевской литературы житій. Іерархическое положеніе Макарія, ставшаго митрополитомъ, давало ему еще больше средствъ для «изряднаго дѣла поискати святыхъ житій», которое, по словамъ іеромонаха Шли, день и ночь занимало его въ Новгородѣ. Мы видѣли, какъ тотчасъ послѣ собора 1547 г. онъ умѣлъ найти писателей и въ Москвѣ и во Владимирѣ для житій мѣстныхъ святыхъ. Подобно этому прямое возмущеніе митрополита и соборное прославленіе святыхъ съ епархіальными обысками всюду пробуждали мѣстныхъ церковныхъ воспоминаній и вызвали длинный рядъ мѣстныхъ грамотель въ литературной обработкѣ этихъ воспоминаній. Въ четвертой дѣлѣ написано было о русскихъ святыхъ не меньше чѣмъ въ сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертыю Макарія. Чтобы точнѣе изобразить эту оживленную агіобіографическую дѣятельность, мы прослѣдимъ ее по мѣстностямъ.

Въ Москвѣ кромѣ обработкы житія митрополита Іоны передѣлывалось и дополнялось житіе митрополита Алексія. Въ спискахъ Макарія помѣщена передѣлка древняго краткаго житія съ новыми ошибками ¹⁾. Изъ приписки къ составленной при Макаріѣ четвертой редакціи повѣсти о обрѣтеніи мощей св. Алексія видно, что послѣ Пахоміевой редакціи житіе святителя много было пересмотрѣно и дополнено спустя 108 лѣтъ по смерти Алексія, слѣдовательно около 1486 года ²⁾. Выше бы-

¹⁾ Макарь. ч. кни. по усн. сл. севр. стр. 824.

²⁾ Макарь. ч. кни. май, л. 1087. Степен. по рукоп. Рум. № 414, л. 412. Ср. выше стр. 136, прим. 3. Сказавъ о Пахоміѣ, приписка продолжаетъ: «Но снзъ же живущимъ лѣтомъ осмимъ по сгу пораспространена повѣсть сіа истинно обрѣтисными сказаніи, яже преже не явлена быша зѣ за непоученіе насвоющаго тогда времени; вписано же бысть послѣ-

ла указаиа третья редакція сказанія о обрѣщеніи мощей, дополненная новыми подробностями о церковномъ прославленіи Алексія и составленная до перенесенія мощей въ церковь его имени, построенную Геннадіемъ въ концѣ XV вѣка ¹⁾). Въ одномъ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ встрѣчаемъ «повѣсть объ Алексѣѣ митрополитѣ», изложеніе которой подновлено, но въ которой сохранилось указаніе, что она составлена до упомянутого вторичнаго перенесенія ²⁾). Къ составу ея приложимы выписанныя слова приписки: это компиляція, составленная по нѣсколькимъ источникамъ, изъ которыхъ главными служили старыя редакціи житія, краткая и Пахоміевская; въ компиляціи чередуются почти дословныя выписки изъ обѣихъ ³⁾). Но обиліе источниковъ не только не помогло новому редактору исправить ошибки прежнихъ, напротивъ ввело его въ новыя: онъ приводитъ извѣстіе Елифанія, что въ началѣ княженія Симеона братъ Сергіевъ засталъ еще Алексія въ Богоявленскомъ монастырѣ, и однакожь откуда-то выводитъ, что Алексій былъ на-

да по благословенію преосв. Макарія, митрополита всея Русіи, въ лѣта царя и вел. кн. Івана Васильевича всея Русіи и при благовѣрномъ сынѣ его царевичѣ Іванѣ, о нихъ же, святителю Христовъ Алексѣе, не престай молитися ко Господу и о сохраненіи Богомъ дарованныя имъ державы“.

¹⁾ Стр. 133. При Маваріѣ къ ней прибавлены чудеса 1518—1519 года, описанныя въ лѣтописи (Шк. VI, 217 и 220. Ц. С. Лѣт. VIII 265 и 267).

²⁾ Шк. IV, 55; она же съ сокращеніями въ списод. сб. № 84, л. 162. Мощи св. Алексія перенесены изъ Благовѣщенскаго придѣла въ храмъ Чуда въ церковь его имени между 1483 г., когда основана эта церковь, и 1501, когда храмъ Чуда разобранъ: между тѣмъ повѣсть, сказавъ, что мощи по обрѣщеніи положены въ Благовѣщенскіи придѣлъ, прибавляетъ: „идѣже суть и до сего дни“.

³⁾ Кроме того изъ лѣтописи взято извѣстіе о бояринѣ Ливовѣ (Шк. IV, 55 и III, 102); изъ Елифаніевскаго житія Сергія выписано извѣстіе объ отношеніяхъ Алексія къ Сергіеву брату Стефану.

мѣстинкомъ у Феогноста 12 лѣтъ и 3 мѣсяца, слѣдовательно взятъ изъ Богоявленскаго монастыря во дворъ митрополита еще въ княженіе Калиты ¹⁾). Въ связи съ этой третьей редакціей житія стоитъ четвертая, составленная по распоряженію Макарія для Степенной ²⁾). Подобно другимъ редакціямъ такого происхожденія она стремится соединить въ себѣ всѣ извѣстія объ Алексѣѣ, найденныя въ источникахъ. Взавъ за основаніе редакцію Пахомія, составитель выписалъ въ нее извлеченія изъ древняго краткаго житія, изъ редакціи выше разсмотрѣнной, изъ біографіи Сергія и особенно изъ лѣтописи; изъ послѣдней вмѣстѣ съ извѣстіями объ Алексѣѣ онъ бралъ и извѣстія къ нему не относящіяся, но помѣщенныя въ источникѣ рядомъ съ первыми, выписывалъ даже цѣлыя сказанія. Съ помощію лѣтописи онъ могъ внести болѣе правильныи хронологическій порядокъ въ расположеніе статей и пытался даже разъяснить нѣкоторыя противорѣчія прежнихъ редакторовъ ³⁾).

Соборъ 1547 г. призналъ московскаго юродиваго Максима мѣстно-чтимымъ. Повѣсть о перенесеніи мощей его въ 1698 г.

¹⁾ Точно также новый редакторъ насчитываетъ 4 года для епископства Алексія во Владимірѣ, хотя въ томъ же лѣтописномъ сводѣ, гдѣ помѣщена эта редакція, сказано, что Алексѣй поставленъ во епископа 6 декабря 1352 года, за 3 мѣсяца до смерти Феогноста, послѣ которой онъ вскорѣ поѣхалъ въ Царьградъ ставиться въ митрополита (Шве. IV, 65 и III, 201).

²⁾ См. въ печатной Степ. и въ рукоп. Рум. № 414, л. 386. Изъ послѣднихъ словъ приведенной выше приписки въ сказанію о обрѣтеніи и перенесеніи мощей, сопровождающему житію по этой редакціи, видно, что послѣдняя составлена не раньше 1554 года, когда родился царевичъ Иванъ.

³⁾ Такъ по извѣстію древняго краткаго житія о 85 годахъ жизни Алексія онъ рассчиталъ, что святой родился при кн. Данилѣ Александровичѣ, когда въ Переяславѣ княжилъ Дмитрій Александровичъ, слѣдовательно до 1294 года, вѣ однакожъ удержалъ извѣстіе, что Алексій былъ 17 годами старше кн. Симеона Гордаго, слѣд. родился 1299 г. Изъ лѣтописи буквально выписана повѣсть о кн. Андрѣѣ широкое. Ср. Ник. IV, 13.

говорить о большой книгѣ житія и чудесъ его, находившейся въ церкви, гдѣ похороненъ блаженный ¹⁾). Есть краткое житіе, повидимому болѣе ранняго происхожденія чѣмъ повѣсть, которое также говоритъ о пропавшѣ первоначальнаго писанія о Максимѣ и оканчивается извѣстіемъ о обрѣтеніи мошей блаженнаго при постройкѣ церкви надъ могилой его и о соборномъ распоряженіи написать канонъ ему ²⁾). Въ рукописяхъ второй половины XVI в. находимъ этотъ канонъ, написанный какимъ-то Теодоромъ. Въ рукописныхъ святцахъ обрѣтеніе мошей помѣчено 13 августа; но и соборъ 1547 года установилъ праздновать Максиму въ этотъ день, а не 11 ноября, когда преставился Максимъ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ заключить, что обрѣтеніе произошло до собора, который на основаніи его канонизовалъ блаженнаго и велѣлъ составить ему службу. Въ сборникѣ житій и службъ новымъ чудотворцамъ, писанномъ въ началѣ второй половины XVI в., помѣщенъ краткій некрологъ Максима, по содержанию близкій къ указанному выше житію и составленный, можетъ быть, по пространному, написанному вмѣстѣ съ службой ³⁾).

1) Рум. сб. XVII—XVIII в. № 364, л. 632: „О святомъ же житіи его и чудесѣхъ глаголютъ мнози, еже была не малая книга написанная. но не вѣчь, како изъ церкви изгубе или кто у прежебывшихъ священниковъ взилъ ради спсаваніа“.

2) Тамъ же л. 326. Нач. „Тяину царепу добро есть таптя“. Въ концѣ л. 328: „п по вѣзовицехъ временехъ (по преставленіи Максима) созиаша церковь надъ гробомъ его во имя пр. Максима Исповѣдника каменную и въ созиаваніи церкви обрѣтены быша честныя его и многоцѣлебныя мощи цѣлы и нетлѣнны. . и повелѣніемъ самодержца и благословеніемъ всего освященнаго собора составиша стихѣры и каноны молебны и праздновати учиниша и предаша всей російстей церкви“.

3) Служба въ сб. Троицк. Серг. л. № 619, л. 282 и волокол. сб. Моск. дух. ак. № 381, л. 44: канонъ — „твореніе Теодора“. Некрологъ въ сб. Рум. № 397, л. 358.

Въ 1558 году къ Пахоміевой редакціи житія преп. Сергія прибавленъ новый рядъ чудесъ ¹⁾. Раньше составлена и занесена въ минеи Макарія опущенная въ критико-библиографическихъ обзорахъ вторая редакція житія преемника Сергіева Никона ²⁾. Николь Маркеллъ въ біографіи Саввы Сторожевскаго, написанной около 1350 года, рассказавъ объ удаленіи Саввы изъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Звенигородъ, замѣчаетъ, «какъ возводятъ на игуменство преп. Никона, якоже и въ житіи его сповѣданъ бысть». Извѣстіе объ этомъ есть только во второй редакціи житія и опущено въ первой, Пахоміевой. Отсюда видно, что новая редакція вызвана соборнымъ постановленіемъ праздновать всю церковію Никону, до тѣхъ чтимому мѣсто. Житіе, написанное вмѣстѣ съ службой Пахоміемъ въ половинѣ XV в., могло показаться слишкомъ краткимъ и сухимъ на литературный взглядъ Макарьевского времени. Такая оценка подтверждается отношеніемъ новой редакціи къ старой. Въ предисловіи авторъ обѣщается собрать и «извѣстнѣйше» изложить свѣдѣнія о святомъ. Но онъ прибавилъ только извѣстіе о временномъ удаленіи Никона отъ игуменства и поправку къ рассказу Пахомія о живописцахъ Андреѣ и Данилѣ ³⁾. За то новый редакторъ обильно распространилъ изложеніе Пахомія общими мѣстами житій и собственнымъ риторическимъ творчествомъ: такъ къ краткому извѣстію Пахомія, что Никона, просившагося въ Троицкій монастырь, Сергій послалъ къ ученику своему, Высоцкому игумену Леанасію, при-

¹⁾ П. Строева Оп. библ. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 144.

²⁾ Макарь. ч. мѣя. ноябрь, стр. 2007. Рун. Тр. С. лавры XVI в. № 692, л. 177. Эта редакція приложена къ печатному житію Сергія, владимію С. Азарьинимъ въ 1646 г. Староп. кн. Унд. № 126, л. 176. Нач. «Кто убо исповѣдати возможесть многая и великая Божія дарованія».

³⁾ Последней работой ихъ, по новой редакціи, было росписание на Троицкаго собора въ Сергіевомъ монастырѣ, а Спасскаго въ Андрониковомъ.

бавленъ длинный діалогъ между Аонасіемъ и Никономъ, въ которомъ первый изображаетъ трудности монастырской жизни, а второй — свою рѣшимость и способность перенести ихъ.

Упомянутое житіе Саввы Сторожевскаго очень скудно біографическимъ содержаніемъ и старается восполнить его длиннымъ рядомъ чудесъ ¹⁾. Самъ авторъ оговаривается въ предисловіи, что не нашелъ свѣдѣній о происхожденіи и воспитаніи святаго и кратиѣ написалъ только объ иноческой его жизни. Здѣсь въ разсказѣ объ игуменствѣ Саввы въ Дубенской обители онъ пользовался житіемъ Сергія, извѣстіе объ игуменствѣ въ Сергіеюмъ монастырѣ заимствовалъ изъ второй редакціи житія Никона. Послѣднія чудеса относятся ко времени Аванасія, игуменствовавшаго до 1550 года; житіе составлено около этого времени, не позже 1552 года, и потому успѣло понасть въ мнѣніи Макарія. Самъ біографъ разсказываетъ о происхожденіи житія, что оно написано по порученію митрополита Макарія, вызванному ходатайствомъ Сторожевской братіи объ этомъ дѣлѣ ²⁾. Повидимому, авторъ не принадлежалъ къ этой братіи. Въ одномъ мѣстѣ житія онъ называетъ себя инокомъ Маркеломъ. Послѣ онъ жилъ и писалъ въ Новгородѣ и мы вернемся къ нему въ разборѣ группы псковскихъ и новгородскихъ житій.

Въ письменности XVI в. встрѣчаются два канона, посвященные двумъ псковскимъ святынямъ, одинъ обрѣтенію мощей св. князя Всеволода, другой знаменію Чирской чудотворной ико-

¹⁾ Макар. ч. мпн. дек. стр. 33, Милют. июнь, л. 1287, волокод. сб. XVI в. въ Моск. дух. ак. № 381, л. 125. Печ. „Ико же убо царскія утвари златомъ украшени съ многоцѣннымъ каменіемъ веселятъ очи зращихъ нашь“. Посмертныхъ чудесъ 26; первыи изъ нихъ, суди по именамъ игуменовъ, относятся къ XV в., послѣднія 17 къ XVI. См. списокъ настоятелей въ Опис. Сторож. монастыря, С. Смирнова, и поправки архіепа. Филарета въ Р. Свят. дек. прилжч. 20 п 22.

²⁾ „Сему убо (Макарію) умолену бывшу отцы обители оная по добру о семъ подвигшуся и мене убогаго понудившу спсвати“.

ны ¹). Авторъ обоихъ названъ пресвитеромъ Филошеемъ. Кроме старца Евфросинова, или Елеазарова монастыря, оставившаго известныя посланія къ псковскому дьяку Мунехину, съ этимъ именемъ является въ одномъ изъ чудесъ преп. Евфросина игуменъ его обители, жившій около того же времени ²). Нетъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія, одно ли это лице или не одно, которому изъ нихъ принадлежатъ указанныя произведенія. До насъ не дошло житія ни одного изъ основателей псковской Печерской обители: но свѣдѣнія о нихъ находимъ въ сказаніи о началѣ этого монастыря, написанномъ однимъ изъ его игуменовъ. Повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, составленная въ началѣ XVII вѣка, рассказывая объ осадѣ Пскова Баторіемъ, замѣчаетъ, что еще за 14 лѣтъ до этого игуменъ Корнилій въ книгѣ лѣтописаніи своею повѣдалъ о видѣніи, предвозвѣщавшемъ осаду. Корнилій умеръ въ 1570 году, за 11 лѣтъ до осады. По извѣстіямъ о Печерскомъ монастырѣ, занесеннымъ въ псковскую лѣтопись, можно предположить, что составитель послѣдней пользовался и лѣтописаніемъ Корнилія ³). Трудно опредѣлить литературное отношеніе этой исчезнувшей монастырской лѣтописи къ повѣсти объ основаніи Печерскаго монастыря, сохранившейся въ немногихъ спискахъ ⁴). Она составлена раньше лѣтописи, въ 1531 году, какъ прямо сказано въ концѣ ея. Авторъ не назвалъ себя въ ней по име-

¹ Рун. № 397, л. 80 и 288.

² Житіе преп. Евфросина въ Пам. стар. русск. лит. IV, 109. Оп. Рус. Му. стр. 597. Обзоръ, арх. Флорета, стр. 185.

³ См. П. С. Р. Лѣт. IV, 293, 295, 302, 303, 306, 310, 312, 316. 318 въ примѣч. и далѣе.

⁴ Волжск. сб. моск. дух. ак. № 659, л. 143—148: эти листы относятся въ той части сборника, которая писана въ 1536 г. Милют. ч. мин. іюль, л. 634. Печ. предисловія: „Вся убо яже въ лѣтѣ и яже подъ лѣтомъ бываешая божиіи благодаренія о человекѣхъ невольно есть таяти“.

ни, но легко догадаться, что это — игуменъ Корнилій ¹⁾. Постриженникъ Печерской обители, пришедшій сюда, когда она только-что возникала изъ своего убожества, Корнилій засталъ еще живыхъ свидѣтелей ея основанія. Онъ слышалъ рассказы стараго Селиши изъ Изборска, который въ молодости ходилъ съ отцемъ на охоту къ Печерской горѣ, когда она была еще покрыта дремучимъ лѣсомъ, бесѣдовалъ о монастырѣ съ Ситъогорскимъ инокомъ Тернуфіемъ, пасынкомъ того земца Швана Дементьева, который около 1470 г. началъ первый разчищать Печерскую пустыню, поставилъ деревню около горы и въ послѣдствіи уступилъ монастырю землю подъ монастырскія постройки. Такіе источники внушаютъ полное довѣріе къ сказанію Корнилія, одному изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ для исторіи монастырской колонизаціи, особенно для опредѣленія связи ея съ земскою.

Самымъ плодovitымъ биографомъ псковскихъ и новгородскихъ святыхъ былъ пресвитеръ Василій, въ иночествѣ Варлаамъ. Онъ разсѣялъ въ своихъ сочиненіяхъ скудныя и неясныя извѣстія о себѣ. Въ 1547 г. онъ написалъ житіе Евфросина по просьбѣ братіи основаннаго этимъ святымъ монастыря, какъ самъ разсказываетъ въ предисловіи. Въ 1550—1552 г. онъ описалъ жизнь и чудеса кн. Всеволода Мстиславича, погребеннаго въ Псковѣ: послѣднее (21-е) чудо помѣчено 1550 г.

¹⁾ Въ ряду Печерскихъ игуменовъ Корнилій, поставленный на эту должность въ 1529 году, слѣдовалъ за Доросемъ и Герасимомъ; въ предисловіи сказанія авторъ пишетъ: „По благословенію отецъ и же прежде мене бывшихъ здѣ игуменъ и священниковъ Дороевъ и Герасима, же быша въ та лѣта, въ нѣмъ строился новый сей монастырь, и по совѣту и проразсуженіемъ всѣхъ же о Христвѣ братіи нашея, повелѣно бысть мнѣ худому и грѣшному написать сія“. Описавъ 6 лѣтъ, слѣдовавшихъ за освященіемъ монастырской церкви въ 1523 году, въ продолженіе которыхъ игуменствовали Дороевъ и Герасимъ, авторъ останавливается и ничего не говоритъ объ управленіи Корнилія, начавшемся въ 1529 году.

и житіе успѣло попасть въ мнѣеи Маварія. Сохранилась редакція житія бн. Александра Невскаго, въ концѣ которой составитель называетъ себя Василиемъ. При сходствѣ литературныхъ приемовъ есть и другія основанія видѣть въ этомъ Василиѣ біографа псковскихъ святыхъ: въ разсказѣ о Ледовомъ боѣ вставлена чисто-мѣстная подробность, содѣйствіе кн. Всеволода Александровича въ сборникѣ, написанномъ въ Псковѣ въ началѣ второй половины XVI вѣка, находимъ краткое житіе Александра, которое составлено по редакціи Василия, очень мало распространенной въ древнерусской письменности ¹⁾. Но нѣкоторые выраженія этой редакціи видно, что она явилась послѣ 1547 года. Въ предисловіи къ біографіи Саввы Крыпецкаго Василій говоритъ, что написалъ ее по просьбѣ Крыпецкой братіи въ 1555 году, вскорѣ по обрѣтеніи мошей ²⁾. Къ житію приложилъ онъ 10 чудесъ, изъ которыхъ первыя совершились еще до обрѣтенія мошей, послѣднія послѣ, между 1555 и 1564 г., слѣдовательно описаны біографомъ позднѣе житія. Разсказывая о обрѣтеніи и чудесахъ, ему предшествовавшихъ, онъ ссылается на слова иноковъ монастыря и не выставляетъ себя очевидцемъ; но изъ разсказа о 10-мъ чудѣ, которое Василию сообщено было въ 1555 г., видно, что онъ жилъ тогда въ Крыпецкой обители. Въ описаніи чудесъ 1558—1564 годовъ онъ называетъ себя уже священноинокомъ Варлаамомъ, замѣчая о преп. Саввѣ и кн. Всеволодѣ, что онъ сподобился «и житія святыхъ тѣхъ и чудодѣйствія ихъ и канонъ написати Саввинъ, еще ми въ то время бѣлыя ризы носяшу и въ мѣрѣ жгушу». Повидному, онъ постригся въ Крыпецкомъ монастырѣ вскорѣ послѣ написанія житія Саввы. Одновременно съ

¹⁾ Русск. Рув. № 397, л. 348.

²⁾ Архив. Филаретъ пишетъ (Р. Свят. авг. стр. 134), что виднѣе инокъ Всеаи, предшествовавшее обрѣтенію, было въ 1547 г. Въ житіи и виднѣе и обрѣтеніе отнесены къ 1554 году. Синод. рув. № 633, л. 41.

позднѣйшими чудесами этого святаго Варлаамъ писалъ житія новгородскихъ владыкъ Никиты и Шифонта и повѣсть о мученикѣ юрьевскомъ Цидорѣ. Въ каждомъ изъ этихъ произведеній онъ говоритъ, что писалъ ихъ по порученію митрополита Макарія; но остается неизвѣстнымъ, гдѣ въ то время жилъ авторъ и почему на него пали эти порученія. Кромѣ канона Саввъ въ рукописяхъ встрѣчаются списки каноновъ Евфросиму и Георгію болгарскому съ именемъ автора пресвитера Василия ¹⁾).

За біографію Евфросина Василий подвергся суровому приговору церковно-историческихъ критиковъ. Порицаніе вызвано главною частью въ содержаніи житія, рассказомъ о спорѣ между Евфросимомъ и представителями псковскаго духовенства по вопросу объ аллилуіи. Болѣе или менѣе остроумно и рѣшительно доказываютъ, что все, рассказываемое въ житіи о борьбѣ Евфросина за сугубую аллилуію и о видѣніяхъ перваго «писателя», создано фантазіей «жалкаго клирика, отдѣленного почти 70 годами отъ Евфросина, чтобы авторитетомъ святаго пустышника и близкаго къ нему по времени біографа освятить собственное мнѣніе ²⁾). Такіе выводы облегчались тѣмъ, что трудъ перваго біографа оставался неизвѣстнымъ. Уцѣлѣлъ списокъ повѣсти, носящей на себѣ признаки того источника, изъ котораго черпалъ Василий: ослабляя отвѣтственность этого біографа передъ критикой, она значительно измѣняетъ отношеніе послѣдней къ самымъ фактамъ, сообщаемымъ въ житіи. Василий замѣчаетъ въ своемъ трудѣ, что прежній біографъ, у котораго онъ выписалъ рассказъ о его сонныхъ видѣніяхъ, писалъ о

¹⁾ Рукоп. Рум. №397, л. 219, 231 и 304.

²⁾ Митроп. Евгений въ Словарѣ писат. дух. чина I, 167 и 170. Рудневъ въ Разсуд. о ересьхъ и расколахъ, стр. 196 и слѣд. Пресовъ. Макарій въ Ист. русск. раск. стр. 32, 37, 66 и друг. Архіеп. Фларетъ въ Ист. Р. Ц. III, 180 и въ Р. Свят. май, прим. 151. Эти возраженія были высказаны уже въ XVII в. Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 500.

Евфросинѣ «нѣкако и смутно, ово здѣ, ово индѣ». Совершенно такова по составу указанная повѣсть. Она носитъ заглавіе «житія и жизни преп. Евфросина»; но это собственно повѣсть о спорѣ по поводу аллилуи; другія извѣстія о Евфросинѣ и его монастырѣ разсѣяны въ ней безъ порядка; авторъ излагаетъ ихъ въ видѣ отступленій отъ основнаго разсказа, по мѣрѣ того какъ ихъ касался послѣдній ¹⁾). Здѣсь есть и разсказъ автора о видѣніяхъ безъ Василіевыхъ поправокъ. Такой составъ повѣсти объясняется тѣмъ, что витіевато разсказываетъ самъ авторъ о своемъ происхожденіи. Сперва онъ принялся за правильное житіе, началъ по порядку разсказывать о рожденіи и жизни святаго до армянскихъ лѣтъ. Но когда дошелъ онъ до разсказа о путешествіи Евфросина въ Царьградъ для отысканія истины объ аллилуи, биографомъ овладѣло недоувѣріе къ своему разуму и способности наложить эту великую тайну. Смущенный чувствомъ безсилья, въ тревожномъ недоумѣніи напрасно брался онъ среди тишины глубокой ночи за «писало и хартію»; утомленный «маяніемъ печали», онъ закрылъ глаза и въ полуснѣ явился ему Евфросинъ съ Серапіономъ, ободряя его на дѣло. Но авторъ принялъ видѣніе за дѣйствіе нечистаго духа, хотя оно повторилось и на другую ночь; зная мало о Серапіонѣ, первомъ старцѣ, пришедшемъ къ Евфросину въ пустыню, онъ пошелъ и подробно распросилъ о немъ своего игумена Памфила ²⁾). Уже загра-

¹⁾ Единственный списокъ повѣсти перваго биографа въ рукоп. Уид. XVI в. № 306, л. 1—112. Первые 14 листовъ заняты предисловіемъ, съ выдуманной витіеватостью трактующимъ о нѣкоторыхъ догматахъ вѣры и необычнымъ какъ типическій образецъ богословствованія древнерусскаго книжничества. Начало: «Ты еси царю единъ І. Христось, животворящій Слово, прежде вѣкъ безъ начала и всездѣ сый».

²⁾ Ижевилъ, третій игумень Евфросинова монастыря, былъ одинъ изъ 4-хъ братьевъ, которые въ разное время постриглись въѣсть въ отшельники у Евфросина; трое старшихъ были одинъ за другимъ первыми игуменами монастыря. Второю изъ нихъ Марзіаній сталъ игуменомъ еще до смерти Евфросина въ 1481 году (А. Эвси. I, № 108). Первый

дывалась въ него мысль «не вершннті житія преподобнаго»; но на третью ночь явилась ему съ святыми старцами сама Богородица, открыла тайну божественной аллилуйи и повелѣла поставить ее во главѣ писанія. Умыніе исчезло, умъ просвѣтлѣлъ и авторъ написалъ новую повѣсть, съ новой задачей и по другой программѣ, вставивъ въ нее части своего прежняго труда, исправленныя и дополненныя при этомъ ¹⁾). Изъ этого разсказа видно, что первый біографъ не былъ очевидцемъ Евфросина, пришелъ въ его монастырь уже по смерти основателя и написалъ свою повѣсть со словъ оставшихся сподвижниковъ святаго въ концѣ XV или въ началѣ XVI в., не позже 1510 г. Послѣднее подтверждается словами, съ которыми онъ обращается къ Пскову: «слыши же убо, паче слыши и зѣло внемли, христороубный граде Пскове, земля *свободная*!» Повѣсть начинается прямо споромъ Евфросина съ Іовомъ и его сторонниками объ аллилуйи; житіе выросло само собой изъ разсказа объ этомъ спорѣ, въ который авторъ вносилъ при случаѣ другія извѣстія о Евфросинѣ и его монастырѣ. Всю эту повѣсть Василій переписалъ въ своемъ житіи почти дословно, позволяя себѣ легкія перемѣны въ слогѣ и изрѣдка сокращая чрезвычайно словообильное и растянутое изложение своего предшественника. Литературное участіе Василія въ новой редакціи ограничилось

біографъ разсказываетъ, что свое видѣніе Евфросина онъ повѣрялъ образомъ, который находился на его гробницѣ и былъ снятъ по волѣ иг. Памфила съ портрета, нарисованнаго еще при жизни святаго. Василій, передавая этотъ разсказъ, прибавляетъ, что архіеп. Геннадій, которому Памфилъ повѣдалъ о жизни и чудесахъ святаго, повелѣлъ «житіе его изложить». Отъ иг. Памфила осталось посланіе, писанное въ 1505 г. (Доп. къ А. П. I, №22) Этимъ опредѣляется нѣсколько время его влеченія.

¹⁾ Въ концѣ разсказа объ явненіи Кононѣ (Унд. №306, л. 67) первый біографъ прибавляетъ: «Сіе же чудо и преданіасяхъ въ житіи святаго и поставивъхъ и въ ряду чудесъ; понеже бо тамо паче нѣчто мало не исправихъ, не побрехохъ бо, дострочно испытуя сказателя, и сего ради здѣся пате исполнихъ исправленія иѣрѣ и поставлахъ въ ряду бывшемъ».

тъмъ, что длинное предисловіе источника онъ замѣнилъ другимъ, поставилъ на своихъ мѣстахъ безпорядочно разсѣянные у перваго біографа рассказы о времени до спора и прибавилъ въ началѣ житія извѣстія о дѣтствѣ святаго, его постриженіи и основаніи монастыря на р. Толвѣ, а въ концѣ чудеса, совершившіяся послѣ перваго біографа, и похвальное слово святому ¹⁾. Такъ падаютъ обвиненія въ вымыслахъ, взводимыя на Василия критикомъ: перо его было послушной тростью книжника—скорописца. Вся отвѣтственность падаетъ на перваго біографа, а его отношеніе къ событіямъ должно ослабить излишнюю подозрительность критиковъ. Онъ не былъ ученикомъ Евфросипа, но былъ настолько близокъ къ его времени и ученикамъ, чтобы не отважиться на чистыя выдумки. Несправедливо было со стороны критики требовать точности равнодушнаго повѣствованія отъ полемическаго сочиненія; не біографъ виноватъ, если напрягали ученое остроуміе, чтобы доказать недѣльность его синовидній. Отдѣливъ легко-уловимыя полемическія неточности въ рассказѣ перваго писателя, найдемъ, что основные факты въ его повѣсти, любопытные для характеристики духовныхъ интересовъ русскаго общества XV вѣка, подтверждаются современными извѣстіями другихъ источниковъ. Въ концѣ предисловія авторъ откровенно признается, что его повѣсть вызвана **чуждыми** рассказами въ церкви по вопросу объ аллилуйи и

¹⁾ Древнѣйшій списокъ Василиева житія Евфросипа въ Макар. ч. ян. (въ синод. сп. май. л. 824). По другимъ спискамъ напечат. въ Пам. стар. русск. лит. IV, 67. Извѣстія, которыхъ нѣтъ у перваго біографа, наприм. о происхожденіи, постриженіи и поселеніи Евфросипа на Толвѣ, получены Василиемъ отъ упоминаемаго имъ въ предисловіи внока Маркелла, жившаго въ обители Евфросипа съ конца XV в. Слѣдующій затѣмъ у Василия рассказъ о Серапіонѣ помѣщенъ первымъ біографомъ въ концѣ повѣсти, вслѣдъ за первымъ видѣніемъ, когда онъ узналъ отъ и. Пимелла объ этомъ сподвижникѣ Евфросипа; слѣдующій у Василия дальше рѣчь рассказовъ о Филаретѣ и его 4-хъ сыновьяхъ вставленъ у перваго автора въ рассказъ о перепискѣ Евфросипа съ архіеп. Евсеиміемъ.

написана съ цѣлю оправдать двоеніе этой пѣсни ¹⁾). Изъ вопроса, съ какимъ архіепископъ Геннадій, современникъ біографа, обращался къ Дмитрію Греку, видно, что разномысліе объ этомъ предметѣ существовало въ концѣ XV в. въ новгородской епархіи. Извѣстіе, что этотъ расколъ волновалъ псковское общество уже въ юные годы Евфросина, т. е. въ началѣ XV вѣка, и онъ папрасно искалъ разрѣшенія вопроса у «церковной чади», подтверждается оффиціальными и литературными памятниками того времени ²⁾). Возможность того, что Евфросицъ нашелъ на Востокѣ, въ греческой церкви подтвержденіе своего обычая двоить аллплуио, указывается извѣстіемъ Дмитрія Грека въ

¹⁾ Унд. №306, л. 10 и 11: „Нынѣ же убо великъ пловель укореншеса и цвѣтетъ влзчець печестія посреди съборья апостольска церкви, и зѣло великъ прахъ впаде отъ невѣдѣнія и всорисъ въ церковномъ оцѣ и се ваче великъ расколъ въ Божіи церкви.. тяжкою бурю на два чина растръгшеса прею, раздѣлишася: двоащен святая аллплугіа ти зазирають со укоровною на травицхъ... Предъ травицями двоащен свѣтятся яло лень предъ ношю или яло солнце предъ мѣсяцемъ. И сего ради прохому ваяъ словожъ... житіе великаго нашего отца Евфросина, да услышавъ бесѣду и повѣсть слова на разумъ вземшо, да сугубъ воимете обонхъ вину, травицхъ кунно же и двоащхъ“.

²⁾ Н. С. Тихомировъ нашелъ въ бібліотекѣ Троицкой Сергіевой завры служебникъ XII в. съ сугубой аллплуіей. Толкованіе, взложенное въ извѣстномъ уязѣ врхіен. Макарія о трегубой аллплуіи (Ист. Р. Раск., преосв. Макарія, стр. 30 и 31), выписано изъ статьи, помѣщенной въ сивскѣ Златоуста XIV—XV в. (рукоп. Сойской библ. № 1264, л. 15 об.): „Уставъ о пѣтти мѣсячюна. Повелѣнье же Божье главолетъ: пѣтню цр҃квн. а молитвѣ часъ, а не яко то пѣтнн блядословци, не отгоннеть сѣтъ завтрени и ты вчернии, не таково, все повелѣню въ уставельми время творяти, не токмо и ангели суть служить Богу беспростани. Иже мнози поють подюцию аллплугіа, а не втрегубна, ни грѣхъ себѣ поють. Пѣти аллплугіа. аллплугіа. аллплугіа, славя Тобѣ, Боже. Аллплугіа речется: пойте Богу“ и т. д. Великій ки. Василій Ивановичъ на смертномъ оарѣ пропозноситъ сугубую аллплуію (Н. С. Дѣт. VI, 271). См. также посланіе митроп. Фотія въ Псковъ 1419 г. (Ист. Р. Раск., преосв. Макарія, стр. 5). Разборъ извѣстія о времени хожденія Евфросина въ Царьградъ въ Пам. стар. русск. лвт. IV, 118.

упомянутомъ посланіи къ Геннадію, и непонятно, почему и восточные иерархи, присутствовавшіе на московскомъ соборѣ 1667 года, симъ образомъ ищше церковные историкъ, видѣли въ этомъ разсказѣ Евфросина біографа клевету на греческую церковь¹⁾. Если архіеп. Геннадій педоумѣвалъ объ аліансѣ и только на основаніи письма Димитрія Грека призналъ безразличнымъ и двоеніе и троеніе, то напрасно находятъ страннымъ и подвергаютъ сомнѣнію отвѣтъ предшественника его Евонмія, который отказался разрѣшить Евфросину спорный вопросъ, положивъ его на совѣсть цареградскаго паломника. Наконецъ фактъ, лежащій въ основаніи повѣсти, что такой формальный и неважный вопросъ способенъ былъ поднять бурю въ псковскомъ обществѣ и получить значеніе великой тайны въ глазахъ Евфросина и его противниковъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго въ виду почти современнаго спора о хожденіи по-солонь и краткаго, но выразительнаго извѣстія новгородской лѣтописи подъ 1476 годомъ: «той же зимы нѣкоторые философовѣ начаша пѣти *Господи помилуй*, а друзѣи *Осподи помилуй*»²⁾.

Въ предисловіи къ біографіи кн. Всеволода авторъ откровенно признается: «а еже отъ младыхъ погтей житіе его не сѣмъ и не обрѣтокъ нигдѣже». Это житіе довольно плохо составлено изъ немногихъ лѣтописныхъ извѣстій о дѣятельности князя въ Новгородѣ и Псковѣ; отъ себя прибавилъ авторъ анахронизмъ, отнесъ дѣятельность князя ко временамъ Ливонскаго ордена, назвавъ его «оборонителемъ и забраломъ граду Пскову отъ поганыхъ Нѣмецъ». Лучше разсказано о обрѣтеніи

¹⁾ Димитрій Грекъ пишетъ Геннадію (сб. волокол. въ моск. дух. ак. № 491, л. 160). Житіе ея вѣнчать, что и у насъ о томъ споръ бывалъ межъ великими князѣ; житіе обоимъ одинако судили... Ино какъ ни молвить человеку, что имамъ, такъ добро.

²⁾ П. С. Р. Лѣт. IV, 130.

и перенесеніи мощей въ 1192 году: здѣсь авторъ имѣлъ подъ рукою «нѣкое малое писаніе» и пользовался изустными разсказами старца клирика Ивана, «добрѣ вѣдуща яже о святемъ повѣствованіи отъ неложныхъ мужей псковскихъ старѣйшихъ». По отношенію къ исторіи Пскова въ первой половинѣ XVI в. не лишены интереса чудеса, разсказанныя со словъ самихъ исцѣленныхъ или очевидцевъ.—Житіе кн. Александра-реторическая передѣлка древней повѣсти современника въ томъ видѣ, какъ она помѣщалась въ лѣтописныхъ сборникахъ XVI вѣка, т. е. съ добавками изъ лѣтописей; Василій даже не приложилъ къ своему труду позднѣйшихъ чудесъ, описанныхъ современнымъ ему владимірскимъ редакторомъ житія; за то онъ смѣлѣе этого послѣдняго измѣнялъ текстъ оригинала, внося въ него свое обычное многословіе. Главными пособіями при этомъ служили ему Антоніево житіе кн. Феодора ярославскаго и Пахоміево сказаніе о кн. Михаилѣ черниговскомъ. Изъ перваго онъ буквально выписалъ обычную лѣтописную характеристику благочестиваго князя, замѣнивъ ею живое изображеніе Александра, сдѣланное древнимъ биографомъ; оттуда же взялъ разсказъ о нашествіи Батыя. По сказанію Пахомія онъ составилъ витиеватое предисловіе къ своему труду и разсказалъ о смерти Батыя. По характеризующій древнерусскаго биографа недостатокъ чувства грани между историческимъ фактомъ и реторическимъ образомъ особенно рѣзко выступаетъ въ разсказѣ Василія о побѣдѣ Александра въ орду: все, что сообщаетъ о путешествіи черниговскаго князя къ хану Пахомій, подражатель его перенесъ на Александра, давъ только другой исходъ разсказу.—Житіе Саввы Крыпецкаго обильнѣе содержаніемъ и по характеру источниковъ внушаетъ болѣе довѣрія. Биографъ пользовался разсказами старцевъ монастыря, которыхъ называетъ самовидцами чудесъ святаго и между которыми не могли еще погаснуть свѣжія воспоминанія объ ос-

казаніи монастыря и объ основателѣ, умершемъ въ концѣ XV вѣка; у Василія, повидимому, были въ рукахъ акты о приобретеніи сель монастыремъ и о введеніи въ немъ общечитія при жизни Саввы. Можно однако замѣтить, что монастырское преданіе о происхожденіи основателя къ половинѣ XVI в. успѣло замутиться. Въ биографіи Саввы Василій словами Тучкова изъ житія Михаіла Клопскаго предупреждаетъ, что ни отъ кого не могъ узнать объ этомъ, но въ похвальномъ словѣ замѣчаетъ, что одни выводятъ святаго изъ Сербской земли, а другіе съ Святой Горы. Въ проложномъ сокращеніи Василіева житія, составленномъ вскорѣ, къ этимъ преданіямъ прибавлено третье, будто Савва родомъ изъ Литвы.—Молчаніе современной псковской и новгородской лѣтописи не позволяетъ опредѣлить степень точности Варламова разсказа объ Исидорѣ и товарищахъ его страдальческой кончины въ городѣ Юрьевѣ. Впрочемъ легко замѣтить въ этомъ разсказѣ несообразности, внушающія подозрѣніе къ мысли, которую старается провести авторъ, будто судьба мучениковъ была слѣдствіемъ стремленія городского начальства обратить ихъ въ католицизмъ, а не уличнаго столкновенія, вызваннаго православнымъ празднованіемъ 6 января. Въ опредѣленіи времени событія у автора есть противорѣчіе: онъ говоритъ, что это было въ 1472 году, при новгородскомъ архіепископѣ Іонѣ, который умеръ въ 1470 году. Вѣроятно и многословное изложеніе повѣсти носитъ сильнѣйшій легендарскій оттѣнокъ; но нѣтъ указаній на источники ея фактическаго содержанія ¹⁾).

¹⁾ Житіе св. Всеволода въ Макар. ч. мин. февр. и въ сб. Рум. XVI в. № 307, л. 390. Первое чудо съ посадникомъ Елисеємъ Камлинымъ повѣщено къ житію 1484 г. Псковская лѣтопись упоминаетъ о посадникѣ Елисеѣ Окуничевѣ подъ 1475 г. (П. С. Р. Лѣт. IV, 250). Предисловіе къ повѣсти и 21-му чуду Василій буквально выписалъ у Тучкова изъ житія Михаіла Клопскаго. — Василіево житіе кн. Александра рѣдко

Въ житіи Нифонта Варлаамъ едва прикрываетъ многословіемъ недостатокъ своихъ свѣдѣній о святомъ. Происхожденіе изъ кievской области и постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ— вотъ всѣ черты біографіи до епископства Нифонта, въ которыхъ можно видѣть дѣйствительные факты. Другая половина житія, описывающая дѣятельность епископа въ Новгородѣ, отпущенія къ митрополиту Клименту и обстоятельства кончины, немного богаче фактами. Біографъ не указываетъ ясно своихъ источниковъ, замѣчая, что объ имени родителей Нифонта «въ повѣстехъ нигдѣже писаніе не объяви». Одною изъ «повѣстей» служило почти дословно переписанное Варлаамомъ изъ Печерскаго патерика сказаніе о Нифонтѣ. Извѣстно, что это сказаніе принадлежитъ къ числу прибавочныхъ статей патерика, входящихъ не во всѣ его списки. Можно прослѣдить его бібліографическую исторію. Въ спискахъ первой Кассіановской редакціи патерика, составленной въ 1460 г., нѣтъ этого сказанія; но въ концѣ патерика встрѣчаемъ рядъ лѣтописныхъ извѣстій о Печерскомъ монастырѣ, въ томъ числѣ и извѣстіе о

встрѣчается въ рукописяхъ; полный списокъ его въ ч. мш. Германа Тулунова, рукоп. Тр. Серг. Л. № 671, л. 158. Нач. „Что реку пли что возглаголю о доблести и мужествѣ и подвижаніи въ молитвахъ?“. Въ рукоп. Унд. № 274 безъ предисловія.—Житіе Саввы въ синод. рук. XVI—XVII в. № 633, л. 15; здѣсь къ 19 чудесамъ, описаннымъ Василиемъ, прибавлены разсказъ „священноенисекяна Геннадія“ о своемъ исцѣленіи и два позднѣйшихъ чуда 1581 и 1598 г. Предисловіе къ житію выписано изъ Тучковской біографіи Михаила; начало: „По страсти Г. нашего І. Христа“. Краткое житіе въ рук. Рум. № 397, л. 38: „Сей убо прер. отецъ нашъ Савва рженіе явѣи и всивтаніе и ангельскаго образа воспріатіе въ туждыхъ странахъ, не свѣиы, ноа земля святой жительство явѣаше.. Но слышяхъ отъ ивѣиыхъ человекъ, въ повѣстехъ обисоимо бѣлше о семъ блаженнейъ Саввѣ: оги глаголютъ, яко отъ Сербскія земли ему пришедшу пия отъ Св. Горы, а ивѣиъ глаголющихъ, яко Латовская страна породи и всисина того“. Повѣсть объ Исидорѣ въ сб. гр. А. С. Уварова № 9:1, л. 320.

Нифонтѣ ¹). Здѣсь читаемъ о постриженіи кн. Святоши въ 1106 г., о вписаніи въ синодикъ имени преп. Феодосія въ 1108, о смерти Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ въ 1156 съ рассказомъ о его предсмертномъ видѣніи, наконецъ о смерти печерскаго архимандрита Поликарпа въ 1182 и о избраніи попа Василія на его мѣсто ²). Первые два извѣстія принадлежатъ еще началу печерскому лѣтописцу и показываютъ, откуда взяты остальные — они записаны въ монастырѣ и изъ его записокъ перенесены какъ въ кievской лѣтописный сводъ, такъ и въ Кассіановскую редакцію патерика. На такое происхожденіе извѣстія о Нифонтѣ указываетъ и его составъ: оно говоритъ сначала о приѣздѣ Нифонта въ Кіевъ и о смерти его, потомъ передаетъ рассказъ Нифонта о его предсмертномъ видѣніи, далѣе краткую характеристику епископа и наконецъ одинъ эпизодъ изъ его жизни — борьбу съ Климомъ. Во второй Кассіановской редакціи патерика, составленной въ 1462 году, эта лѣтописная записка о Нифонтѣ была обработана въ особое сказаніе, въ которомъ части ея приведены въ порядокъ и которое получило въ патерикѣ мѣсто совершенно не по праву между сказаніемъ Нестора о первыхъ печерскихъ черноризцахъ и посланіемъ епископа (имена къ Поликарпу ³). Это сказаніе и заимствовалъ изъ патерика Варлаамъ, вставивъ въ него извѣстіе о смерти и обрѣтеніи мощей современника Нифонтова, кн. Всеволода Мстиславича, о построеніи Нифонтомъ Мпрожскаго монастыря и посла-

¹ См. эту редакцію по новгородскому списку Мокія 1554 г. въ синод. рукоп. № 210, л. 132 и по копіи въ Милют. ч. мнв. (май, л. 430), сохранивъ съ списка 1462 г., сдѣланнаго въ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

² См. эти извѣстія въ П. С. Лѣт. I, 120 и 121. II, 79 и 126.

³ См. эту редакцію по списку XV в. въ рукоп. Рум. № 305, л. 129 и по св. XVI в. въ рукоп. гр. Уварова (по катал. Царск.) № 296, л. 147.

ніе патріарха къ Нифонту. Извѣстіе о Всеволодѣ Варлаамъ взялъ изъ своей біографіи этого князя; источникъ остальныхъ прибавокъ угадать трудно, если имъ не было изустное преданіе Мирожскаго монастыря. Посланіе патріарха, можетъ быть, сочинено самимъ біографомъ; но нѣтъ основанія отвергать извѣстіе о кievскомъ происхожденіи Нифонта, тѣмъ болѣе что мнѣніе, считающее его Грекомъ, есть догадка, не имѣющая достаточной опоры ¹⁾). Не встрѣчаемъ въ житіи ни одной черты, по которой можно было бы заключить, что біографъ пользовался лѣтописью.

Миней Макарія сохранили житіе полоцкой княжны св. Евфросиніи. По составу и литературному характеру оно напоминаетъ риторическія житія XV—XVI вѣка; но живость и обиліе біографическихъ чертъ вмѣстѣ съ остатками стариннаго языка заставляетъ предполагать у біографа какой-нибудь болѣе древній источникъ ²⁾).

Біографическая письменность, возбужденная въ Новгородѣ архіепископомъ Макаріемъ, продолжалась и по отъѣздѣ его въ Москву какъ въ центрѣ, такъ и въ пустынныхъ монастыряхъ новгородской епархіи. Въ 1545 году, 12 лѣтъ спустя по смерти Александра Свирскаго, игуменъ его монастыря Иродіонъ, по внушенію Макарія и архіепископа Θεодосія, описалъ жизнь своего учителя. Постриженникъ Александра, ставшій іеромонахомъ еще при жизни его, біографъ зналъ объ основаніи монастыря и о прежней жизни святаго по разсказамъ самого Александра и его первыхъ сподвижниковъ. Такіе источники внуша-

¹⁾ Пресв. Макарія Пст. Р. Ц. III, 10.

²⁾ Мая. ч. мин. по спод. си. май, л. 1014. Нач. „Благословенъ Господь Богъ Израилевъ“. Архіеи. Филаретъ (Обзоръ I, 58) относитъ житіе къ 1200 году, указывая на пергаменный свисокъ его XIV в. въ Львовскомъ монастырѣ: но безъ сомнѣнія это — житіе Евфросиніи восточной, а не русской.

ить доверіе къ его обширному и обильному любопытными подробностями труду. — Въ тѣсной связи съ этимъ житіемъ стоитъ біографія Ефрема Перекомскаго. Трудно представить себѣ болѣе внѣшнее или безсильное отношеніе біографа къ своему дѣлу. Авторъ почти цѣликомъ переписалъ житіе Александра Свирскаго, поставивъ только другія имена лицъ и мѣстъ и кой-гдѣ легко измѣнивъ ходъ разказа. Это, конечно, дѣлало неизбѣжнымъ искаженіе дѣйствительныхъ событій, чѣмъ объясняется множество противорѣчій, которыя легко замѣтить при чтеніи житія ¹⁾). Такъ читаемъ, будто Ефремъ, умирая, предоставилъ выборъ игумена изъ назначенныхъ имъ кандидатовъ архіепископу Пимену (1552—1570); отсюда можно только заключить, что житіе написано не раньше 1552 г. Въ такомъ случаѣ авторомъ его едва ли могъ быть обозначаемый во всѣхъ спискахъ житія ученикъ Ефрема Романъ, котораго святой уже въ 1486 г. избралъ однимъ изъ кандидатовъ на игуменство; притомъ ученикъ не могъ такъ плохо знать жизнь своего учителя и наполнить его біографію такими ошибками. Житіе говоритъ о празднованіи памяти святаго, которое, какъ извѣстно изъ другаго источника, установлено было въ 1549 г. Есть извѣстіе, что перенесеніе мощей Ефрема произошло въ 1545 г., 22 года спустя по смерти его, при иг. Романѣ. Въ самомъ житіи можно замѣтить, что его хронологическія показанія вообще раньше обозначаемыхъ ими событій; притомъ и по его разказу каменная церковь построена Ефремомъ въ княженіе Василя Изясновича. Изъ этого, повидному, можно заключить, что житіе написано какимъ-нибудь простодушнымъ монахомъ второй половины XVI вѣка, котораго поздніе списки назвали игумен-

¹⁾ Изъ которыхъ изъ нихъ указаны архіеп. Фларетомъ (Р. Свят. септ. 135—140) и въ Ист. р. іерарх. V, 467—472; но составителя обоихъ сочиненій управляютъ ошибки по-своему, исходя изъ предположенія, что основа житія заслуживаетъ доверія.

номъ Романомъ, а Ефремъ преставился не въ 1486 году, а въ началѣ XVI вѣка, чѣмъ устраняются основныя несообразности въ разсказѣ житія ¹⁾.

Неизвѣстно, гдѣ жилъ инокъ Маркеллъ около 1550 г., когда писалъ житіе Саввы Сторожевскаго. Въ началѣ 1555 г. онъ присутствовалъ на московскомъ церковномъ соборѣ уже въ качествѣ игумена Хутынскаго. Новгородская лѣтопись, говоря о пріѣздѣ его въ Новгородъ въ 1555 съ архіепископомъ Пименомъ послѣ собора, дѣлаетъ неясную замѣтку, изъ которой можно заключить, что Маркеллъ жилъ прежде въ Пафнутьевомъ боровскомъ монастырѣ. Но уже въ концѣ 1557 г. онъ оставилъ игуменство, поселился въ Антоніевомъ монастырѣ, «да сотворилъ житіе Никитѣ, епископу новгородскому, и канунъ» и уѣхалъ въ Москву не задолго до открытія мощей Никиты, которое совершилось 30 апрѣля 1558 года ²⁾. Ясно, что эти житіе и канонъ ничего не говорили объ открытіи мощей и были написаны на память преставленія святаго. Встрѣчается въ рукописяхъ канонъ такого содержанія, въ которомъ по начальнымъ буквамъ стиховъ 9-ой пѣсни можно прочесть имя Маркелла. Но между извѣстными редакціями житія Никиты кромѣ статьи Полицарца въ посланіи къ архим. Акиндину нѣтъ ни

¹⁾ Житіе Александра Свирскаго въ Мак. чет. мн. по усп. сп. стр. 2265 сб. Гр. Серг. л. XVI в. № 692, л. 214, въ синод. рукоп. XVI—XVII в. № 874, л. 22. Нач. „Молю же убо преподобство ваше“. Житіе Ефрема въ сб. гр. А. С. Уварова XVIII в. № 911, л. 7. Начало то же. Подобное житію и служба Ефрему есть конія съ службы другому святому, Саввѣ Впшерскому. О перенесеніи мощей въ Ист. рос. іер. V, 473. Въ святцахъ неопредѣленно сказано: „Ефремъ бѣ въ лѣта 6900“. Время рожденія Ефрема обозначено 4-мя цовазаніями, изъ которыхъ 3 противорѣчатъ другъ другу: 20 сент. 6921 г. при царѣ Василіѣ Ивановичѣ, при митроп. Фотіѣ и архіеп. новгородскомъ Евеміѣ, строителѣ Ввицкаго монастыря (1429—1458).

²⁾ Ник. VII, 232. Р. С. Р. Л. III, 157, прим. и, 158. Маркеллъ прожилъ въ монастырѣ Антонія 6 мѣсяцевъ съ 28 окт. 1557 г.

едной, которая не знала бы о обрѣтении мощей святаго; есть только похвальное слово, которое въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщено рядомъ съ упомянутой службой и подобно ей написано на память святаго 30 января. Это слово дѣлаетъ краткій очеркъ жизни Никиты по Поликарпу, опуская рассказъ послѣднихъ оныхъ искушеній печерскаго затворника, и его, по всей вѣроятности, разумѣлъ новгородскій лѣтописецъ ¹⁾. — Гораздо обширнѣе и обширнѣе другая редакція житія Никиты, составленная игуменомъ Іосафомъ, занявшимъ потомъ каеедру вологодской епископін. Она составлена, какъ пишетъ самъ біографъ, по расширенію архіепископа Пимена, который, видя грѣхъ его грѣбу новоназваннаго святаго, «не терпѣлъ безъ наряднаго житія». Іосафъ подробно описалъ эти чудеса и предсказаніе охъ обрѣтении мощей, который и былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Рассказъ Поликарпа о Никитѣ переписанъ у Іосафа почти дословно, а повѣстіе о рожденіи Никиты въ Киевѣ и о постриженіи его въ Печерскомъ монастырѣ въ юности составлены по соображеніямъ редактора: Никита, по рассказу Поликарпа, былъ инокъ кievскаго монастыря, следовательно и родился во градѣ Киевѣ; игумень Никонъ у Поликарпа называетъ Никиту юнымъ, следовательно послѣдній въ юности возрастѣ пришелъ въ монастырь, и изъ этого редакторъ создаетъ бесѣду Никиты съ Никономъ, который передъ постриженіемъ испытывалъ юношу, будетъ ли охъ въ силахъ

¹⁾ Это слово помѣщено въ январской четвъ-минеѣ, писанной іеродіакономъ Герасимомъ новгородцемъ въ 1567 году (рукоп. Е. В. Барсова). Рядомъ съ службой оно въ сб. Тр. С. Л. № 692, л. 35. Пач. „Въ память вѣчную будетъ праведникъ“. Авторъ замѣчаетъ: „Рожденіа шя его и шята и родителема именованіа обрѣствя не возмогохомъ, тожю свѣдѣтельство пріемше ото оныхъ отецъ Печерскаго монастыря иже въ Киевѣ, яко ту во обители ихъ блаженному оному ангельскаго образа сподобльшуся“.

терпѣть труды иночества. Описаніе кончины епископа въ 1108 г. съ указаніемъ лѣтъ святительства составлено по новгородской лѣтописи ¹⁾).

Житіе Никиты вскорѣ еще разъ подверглось переработкѣ, принадлежащей по литературному характеру своему къ довольно обширному кругу житій-поученій, въ которыхъ біографія стоитъ на второмъ планѣ, служа автору лишь канвой для пестрой ткани назидательнаго витійства. Въ Макарьевское время, которое особенно любило такіа редакціи, онѣ являются въ изобиліи и риторическая агиобіографія достигаетъ въ нихъ вершины своего развитія. Въ новгородской письменности подъ вліяніемъ мнѣній Θεодосія Косаго, направленныхъ противъ почитанія святыхъ, произведенія такого характера получили полемическій оттѣнокъ. Движеніе, вызванное этими мнѣніями, совпало съ открытіемъ мощей новгородскихъ святителей Іоны въ 1553 и Никиты въ 1558 г. Эти событія и стали предметомъ двухъ словъ, по своему направленію тѣсно примыкающихъ къ извѣстному сочиненію инока Зиновія. Труды автора «Истины показанія» доселѣ не все приведены въ извѣстность. Было основательно доказано, что похвальныя слова Зосимѣ и Савватію Соловецкимъ писаны не имъ, а сербскимъ монахомъ Львомъ Филологомъ; но при этомъ высказано очень вѣроятное предположеніе, что Зиновій перевелъ эти слова на русскій книжный языкъ XVI в. и потому иногда считался ихъ авторомъ ²⁾. Кроме того ему принадлежитъ одно изъ двухъ похвальныхъ словъ

¹⁾ Ч. Мин. Г. Тулузова, рукоп. Тр. С. Л. № 673, л. 360. Нач. „Иже въ Тролицѣ прославленнаго преблагаго единаго дивнаго во святыхъ его Бога“. Эта редакція чаще встрѣчается безъ предисловія и съ легкой передѣлкой начала жизнеописанія: „Сей блаженный духоносный отецъ Никита рожденіе имѣаше во градѣ Кіевѣ“. См. наприм. солов. сб. № 818. л. 498 и № 222, л. 1.

²⁾ См. статью въ Приб. къ твор. св. отцевъ, ч. XVIII: „Свѣдѣнія о Филологѣ черноризцѣ“, стр. 526.

черниговскимъ мученикамъ, кн. Михаилу и боярину Теодору. Находимъ еще въ рукописяхъ довольно обширное слово о обрѣтении мощей святителя Іоны, и по выраженіямъ этого слова легко узнать въ авторѣ его инокъ Отлъкъ пустыни, гдѣ погребенъ Іона. Въ концѣ, защищая противъ еретиковъ поклоненіе мощамъ и иконамъ, рѣчь незамѣтно переходитъ въ бесѣду автора съ Герасимомъ, однимъ изъ влиропанъ, передъ которыми Зиновій опровергаетъ Θεодосія Косаго въ книгѣ «Истинны показаніе», и самая бесѣда имѣетъ почти дословное сходство съ соответствующими мѣстами этой книги ¹⁾. Изъ того же слова узнаемъ, что раньше его было написано авторомъ другое по поводу обрѣтенія мощей епископа Никиты; въ рукописяхъ встрѣчаемъ это слово, еще болѣе обширное и витіеватое и такъ же пропитанное полемическимъ характеромъ ²⁾. Не смотря на

1) Рум. сб. XVI—XVII в. № 154, л. 336: „О обрѣтении мощей преп. Іоны... и о вѣзняхъ, бывающихъ на насъ отъ Бога. Восприхомъ я нынѣ о отцѣ нашемъ преп. Іонѣ, архіепископѣ В. Певаграда сего; не убо житіе его похвалити нынѣ настойтъ, но обрѣтению мощей его сотворяется память днесь“. Ср. Ист. показ., изд. въ Казани, стр. 499—509 и слово по указ. сп. л. 351—360. О митроп. Манаріѣ слово выражается какъ объ умершемъ; вѣроятно, оно написано въ одно время съ вышней противъ Косаго, т. е. въ 1566—1567 г.

2) Въ словѣ объ Іонѣ читаемъ: „Вину убо явленія и обрѣтенія священныхъ мощей малыми глаголы сказахомъ; приидемъ прочее повѣдати и сіе, како обрѣтѣшася мощи сія. Никиты убо приспомятаемо во свое ему время отдасть уже слово, въ неже по явленіи прославленъ былъ отъ Бога и дивная Божія благодать глаголаша тогда; нынѣ же о обрѣтении мощей архіеп. Іоны глаголемо“. Слово о Никитѣ въ ч. мян. Герм. Туркоца, рукоп. Тр. С. лавры № 673, л. 392—449 подъ заглавіемъ: „О Божіей благодати, бывшей чудеси явленіемъ и прославленіемъ святаго тѣлесе иже во святыхъ отца нашего Никиты епископа“ и проч. Нач. „Великая Божія дѣла глаголати свѣтла языка требуютъ“. Это слово въ рукоп. вѣзньо Іоасафова житія; изъ него авторъ выбралъ нѣсколько чуждыхъ, сопровождающа ихъ оговоркой: „болшая же чудотворенія его во инокѣ свисана быша“. По этому слову составилъ Варлаамъ, бієграфъ иже свисана святыхъ, свою редакцію житія Никиты. Сб. гр. Уварова, по издан. Царя. № 133, л. 52.

обиліе реторики, оба слова важны какъ историческій матеріалъ. Оба они даютъ нѣсколько чертъ для исторіи броженія, произведеннаго въ обществѣ ересями XVI вѣка. Кромѣ того первое изъ нихъ рисуесть яркую картину голода и мора, предшествовавшихъ обрѣтенію мощей Іоны, и сильно бичуетъ земскихъ правителей за ихъ поведеніе во время этихъ народныхъ бѣдствій, замѣчая имъ, что такъ не поступаютъ и Турки. Второе слово гораздо подробнѣе Іоасафа рассказываетъ объ открытіи мощей Никиты и взятіи Ругодива у Ливонцевъ, случившемся въ одно время съ этимъ открытіемъ, и потомъ своеобразно излагаетъ жизнь святаго. И Зиновій знаетъ о ней только по повѣсти въ кievскомъ патерикѣ, авторомъ которой ошибочно называетъ епископа Симона; но онъ не ограничивается риторическимъ ея развитіемъ и едва ли не впервые въ исторіи русской агіобіографіи анализируетъ и подвергаетъ критику рассказъ источника. Въ словахъ Зиновія замѣтно сильное вліяніе сербскаго Филолога, сказавшагося въ изысканной вычурности фразы, обиліи формъ и оборотовъ южнославянскаго книжнаго языка и даже въ литературныхъ пріемахъ. — Тоже полемическое направленіе видно и въ похвальномъ словѣ архіепископу Іоанну, представляющемъ новую редакцію его житія: повторивъ біографическія черты по старой редакціи XV вѣка, оно заставляесть еще святителя па всероссійскомъ соборѣ доблестно посѣвать еретическіе полки и обличать «хулящихъ нераздѣлимаго въ двѣ постагѣ, а четверницу чтущихъ» ¹⁾).

Къ новгородскому кругу похвальныхъ словъ Макарьевскаго времени можно прибавить еще одно — на память блаженнаго Николы Кочанова, по преданію юродствовавшего въ XIV вѣкѣ. Оно встрѣчается уже въ спискахъ XVI в. и писано на празд-

¹⁾ Это слово, рѣдкое въ рукописяхъ, сопровождаетъ житіе Іоанни въ сб. солов. библ. № 991. На время происхожденія его указываетъ молитва за „царя государя нашего иже честію и славою вѣчаннаго“ и т. д.

дѣтъ памяти Николы, а на обновленіе памяти его въ Новгородѣ въ половинѣ XVI в. указываетъ извѣстіе лѣтописи о построении каменной церкви надъ гробомъ его въ 1554 году. Впрочемъ это слово, написанное въ Новгородѣ, имѣетъ мало значенія и литературнаго и фактическаго: общаясь описать жизнь Николы, оно сообщаетъ очень скудныя и неопредѣленныя черты, переплетая ихъ общими мѣстами ¹⁾).

Еще во время Макаріева управленія новгородской епархіей Соловецкая братія посылала монаха Богдана на славянской Югъ съ порученіемъ отыскать тамъ искусное перо для новаго изложенія житія своихъ основателей. Богданъ воротился съ двумя похвальными словами, написанными инокомъ Львомъ Филологомъ. Черты жизни Савватія и Зосимы изложены здѣсь, иногда въ дословныхъ выпискахъ по житію ихъ, составленному Доспоеемъ и Спиридономъ, на которое ссылается самъ Филологъ и которое, очевидно, было ему доставлено Богданомъ; но сербскій редакторъ записалъ при этомъ много новыхъ извѣстій о монастырѣ и его основателяхъ, которыя сообщилъ ему соловецкій инокъ. Въ литературномъ отношеніи торжественныя редакціи Филолога служили такими же образцами для русской агіобіографіи въ ея дальнѣйшемъ риторическомъ развитіи, какими были творенія земляка его Пахомія при образованіи риторическаго стиля житій въ древнерусской литературѣ ²⁾. — И къ старому житію продолжали дѣлать пристройки. Посылка въ чужую землю за жизнеописаніемъ отечественныхъ

¹⁾ Списки XVI в. въ сб. гр. Уварова, по катал. Царск. № 385, л. 46, а въ сб. мѣ принадлежатъ. Нач. „Приспѣ намъ, братіе, свѣтлое преданство и память успенія преблаженнаго“. Ср. П. С. Лѣт. III, 157 и Р. Свят. ар. Фаларета, июль, прим. 288.

²⁾ *Начец.* въ Правосл. Соб. 1859 г. ч. 2 и 3. Новые черты св. *жизни.* во 2 ч. стр. 349—354, 357—360; въ 3 ч. стр. 112 и др. Объ этихъ словахъ см. указанное выше изслѣдованіе въ Приб. къ твор. св. отд. ч. XVIII.

святыхъ всего лучше объясняетъ, почему съ такимъ же порученіемъ обратились къ Максиму Греку. Спиридонъ оставилъ исправленный имъ трудъ Досифея безъ предисловія. Составляя это предисловіе по порученію какого-то «честнаго отца», Максимъ замѣчаетъ, что началъ «еже ко древнему и новая прикладывати». Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ въ 1548 г. при игуменѣ Филиппѣ къ прежнимъ чудесамъ прибавленъ былъ рядъ новыхъ. Вѣроятно, оба труда были составлены если не однимъ авторомъ, то по одному поводу ¹⁾.

Вмѣстѣ съ размноженіемъ пустынныхъ монастырей на сѣверо-восточной окраинѣ Руси въ первой половинѣ XVI в. усилилась здѣсь и агіографическая производительность. Нѣкоторые древніе списки житія Димитрія Прилуцкаго представляютъ другую, вообще болѣе краткую редакцію въ сравненіи съ текстомъ его въ Макарьевскихъ минеяхъ. Въ этой редакціи есть признаки, которые приводятъ къ предположенію, что это — первоначальный текстъ житія, написаннаго игуменомъ Макаріемъ около половины XV в. и передѣланнаго въ послѣдствіи. Встрѣчаемъ въ ней выраженія, указывающія на перваго біографа и опущенныя въ позднѣйшей передѣлкѣ ²⁾. Рядъ чудесъ въ ней прерывается рассказомъ о Димитріѣ Шемякѣ, а въ редакціи Макарьевскихъ миней продолжается пятью новыми чудесами, и въ одномъ изъ нихъ рассказано о построеніи третьей соборной церкви въ монастырѣ. Это, по всей вѣроятности, церковь, построенная, какъ гласитъ сохранившаяся надпись,

¹⁾ Соч. Максима Грека, III, 268. Волокол. сб. моск. епарх. библ. XVI в. № 609, л. 171.

²⁾ Эта редакція въ рук. Рум. полов. XVI в. № 96, л. 286 и въ сб. того же времени, имѣ принадлежащемъ. Чудо 5-е здѣсь начинается замѣчаніемъ, опущеннымъ въ спискѣ Макарьевскихъ миней: „По сякъ же гдѣтехъ и иная ненаписана чудеса, ему же и мы самовидцы бывше“. Ср. Макарьевск. мин. февр. по усп. сп. стр. 224.

Татарами въ 1538 году; между этими чудесами помѣщенъ разсказъ о построеніи новаго храма въ монастырѣ въ 1546 г. ¹⁾). Въ рукописяхъ это житіе пачинаеть появляться не раньше 2-ой четверти XVI вѣка. Изъ всего этого можно только заключить, что оно составлено не задолго до 1538 г. и вскорѣ было дополнено новыми статьями. Отдѣленный столѣтіемъ отъ святаго, біографъ успѣлъ еще воспользоваться не только разсказами многолѣтнихъ старцевъ, но и «списаніями яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго». Около половины XVI в. была уже составлена краткая редакція житія Павла. У ней были повидимому и другіе источники кромѣ пространной біографіи: о страствованіяхъ Павла по монастырямъ и пустынямъ и о созданіи имъ обители на Обнорѣ она сообщаетъ любопытныя извѣстія, которыхъ нѣтъ въ послѣдней ²⁾).

Сравнивая конецъ житія Терапонта съ началомъ житія Мартиніана, легко замѣтить, что обѣ біографіи бѣлозерскихъ подвижниковъ написаны одной рукой и составляютъ одно цѣлое. Первая, разсказавъ о переходѣ Терапонта пзъ основаннаго имъ бѣлозерскаго монастыря въ Можайскъ, прерывается замѣчаніемъ, что онъ и здѣсь не переставалъ молиться о покинутой имъ обители; въ самомъ началѣ второй читаемъ, что Богъ услышалъ молитвы Терапонта и послалъ обители на мѣсто его Мартиніана; въ житіи послѣдняго описана и кончина Терапонта и обоимъ приписана общая похвала. Выраженія житія о Терапонтовомъ бѣлозерскомъ монастырѣ не оставляютъ сомнѣнія, что біографъ здѣшній инокъ ³⁾). Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія Мартиніана извѣстіе о кончинѣ его сопровождается любопыт-

¹⁾ Ч. Мнн. Герява Тулупова въ библ. Тр. С. Л. №673, л. 114.

²⁾ Сб. Рум. №397, пережѣванные листы 355, 352 и 356.

³⁾ Въ указанномъ треологіонѣ Тр. С. Л. № 628, л. 33 есть служба Мартиніану съ надписью въ заставкѣ: „Матеея инока твореніе се“. Можетъ быть, онъ авторъ и обоехъ житій.

нымъ разсказомъ о канонизаціи обоихъ бѣлозерскихъ подвижниковъ, дополняющимъ свѣдѣнія о московскомъ соборѣ 1549 г. Объясняя, почему имѣтъ именъ Ѳерапонта и Мартиніана въ грамотѣ митрополита Макарія 1547 г. о новыхъ чудотворцахъ, авторъ разсказа говоритъ, что послѣ собора 1547 г. игуменъ Ѳерапонтова монастыря привезъ въ Москву житія обоихъ святыхъ и отдалъ митрополиту, который на второмъ соборѣ велѣлъ прочитатъ «книги тыя, житія святыхъ и чудеса» и установилъ праздноватъ память Ѳерапонта и Мартиніана ¹⁾. Разсказъ имѣетъ видъ вставки и его имѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ житія ²⁾. Онъ даетъ право предположить, что оба житія были вызваны обысками о мѣстныхъ чудотворцахъ, произведенными по распоряженію собора 1547 г. Согласно съ этимъ біографъ не разъ намекаетъ, что пишетъ по распоряженію высшей власти, «а не самъ сія изволихъ». Описывая чудеса, слѣдовавшія за открытіемъ мощей Мартиніана въ 1514 году, онъ не выставляетъ себя очевидцемъ, но ссылается на разсказы другихъ. Въ обоихъ житіяхъ онъ пользовался Пахоміевой біографіей Кирплла, выписалъ изъ нея буквально извѣстіе о Мартиніанѣ, читалъ грамоты и уставъ Ѳерапонтова монастыря, въ разсказѣ о борьбѣ великаго князя Василія съ Шемякой ссылается на «книгу лѣтописчія русскія земли» и кромѣ этихъ письменныхъ источниковъ имѣлъ изустные разсказы древнихъ старцевъ, но нигдѣ не упоминаетъ о существованіи старыхъ біографій Ѳерапонта и Мартиніана, до него написанныхъ.

¹⁾ Сб. Тр. С. Л. XVI в. №696 и въ Мелет. ч. ии. янв. л. 395 Нач. житія Ѳерапонта: „Поноше убо краснаи хрѣ сего“. Нач. ж. Мартиніана: „Богъ всемилосердый не навиче презирати угодиия своихъ“.

²⁾ Наприм. въ волокол. сб. моск. дух. вѣд. № 564, л. 223, ж. Ѳерапонта л. 204.

Въ житіи Филиппа Ирапскаго, составленномъ въ концѣ XVІІ вѣка, есть извѣстіе, что святой разсказалъ свою жизнь Каменскому старцу Герману, долго жившему съ нимъ на Ирапѣ, и Германъ, похоронивъ Филиппа, записалъ слышанное отъ него себѣ на память ¹⁾). Находимъ списокъ другой біографіи, къ которой редакція XVII в. относится какъ сокращенная переделка и авторомъ которой названъ Германъ ²⁾). По слогу и нѣкоторымъ мѣстамъ этой біографіи можно замѣтить подновленіе

¹⁾ Оно въ спискахъ новаго писма Тр. Серг. Л. № 24, л. 134 и Унд. № 1234. Къ житію приложено 9 чудесъ 1661—1673 гг.

²⁾ Единственный извѣстный намъ сп. ея въ рукописи поморскаго писма, намъ принадлежащей. Въ заглавіи житія замѣчено: „списано бысть благоускуснымъ монахомъ Германомъ монастыри Св. Спаса, еше есть на Кубенскомъ езерѣ“. Нач. „Бысть во дни благочестивыя державы вел. кн. Василіи Іоанновича московскаго и всея Россіи“. Память о Филиппѣ Ирапскомъ особенно была распространена въ Поморья. Въ позднихъ рукописныхъ святцахъ онъ названъ пустынноикомъ. „иже бысть на морѣ-огаіиѣ у Равцаго острова“, и причисленъ къ свитымъ Архангельскаго края (Рукоп. моск. дух. акад. № 209). Этихъ объясняется легенда о немъ (въ сб. Тр. Серг. Л. XVIІ п. № 651, л. 58), напоминающая своахъ складомъ духовный стихъ: „Съѣждаеть преп. Филипей Рабскій ись Соловецково острова, и пошелъ подѣ море, възсыающу себѣ мѣста, и пришедь къ Выгѣ рѣкѣ, и речеть Выгѣ рѣкѣ: сотворю плоть на тебѣ, куды меня Духъ Господень по тебѣ понесеть, туто хошу Христа умолять. И сядицеса преп. Филипей на плоть, и емля ево тишина, и несеть его за Выгѣ рѣку, и сходя съ плота своего съ Выгы рѣки, и пошелъ въ гору, гдѣ ему ангелъ Господень исповѣдалъ и благовѣстилъ, къ Леванидому кресту надъ Лужаномъ озеромъ: туто тебѣ исповѣдаться, Христа умоляти И створилъ причаствіе къ кресту къ Леванидому, и пача ся Христу молити подъ крестомъ Леванидовымъ по благосвѣствованію ангела Господня, и преклонь колѣны, и пача ся молити Христу, и приидь на преп. Филиппа Прабсвою чракъ, и явился ему ангелъ Господень, и рече ему: востани, отче Филиппъ Ирабскій! сиодобленъ тебѣ столпъ ангелы Господни. И явился ему Пречыстая со ангелы Господни по благовѣствованію ангела Господни: в возбудився отъ сна своего и ужасея бысть отъ видѣнія Преч. Владычицы нашей Богородицы, в педѣ его въ столпъ Преч. Богородица, и поставленъ бысть крестъ Леванидовъ ангелы Господни, в

вставки, сдѣланныя позднѣйшей рукой; но безыскусственность разсказа, въ которомъ Германъ выражается о себѣ въ первомъ лицѣ, и обиліе мелкихъ подробностей заставляютъ думать, что основа этой любопытной біографіи принадлежитъ перу Германа, писавшаго вскорѣ по смерти Филиппа, въ концѣ первой половины XVI вѣка ¹⁾).

Житіе кн. Іоасафа Каменскаго относятъ къ первой половинѣ XVI вѣка. Оно могло появиться не раньше 1547 года: приложенныя къ жизнеописанію предисловіе и похвальный слово буквально выписаны изъ Василиевой біографіи Евфросина ²⁾. Поэтому трудно извлечь изъ этого житія что-нибудь определенное объ авторѣ. По его словамъ, прежде житія онъ написалъ канонъ святому, троцарь и кондакъ. Эта скудная фактами, хотя многословная біографія почти ничего не прибавляетъ новаго къ извѣстіямъ Пансіа Ярославова о князѣ, и самъ біографъ даетъ понять, что не могъ найти другихъ источниковъ. Посмертныя чудеса внушаютъ подозрѣніе: по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, исцѣленіе кн. Романа, племянника кн.

иже бысть, и благоудѣсти ангеломъ Господнимъ гласъ съ небесъ по слови исхоженъ изъ столпа сего послѣ видѣнія Преч. Богородицы“.

1) Передавъ разсказъ Филиппа о себѣ, Германъ замѣчаетъ: „Сія ми вѣкъ святой, азъ же отъ него слышахъ изъ устъ его и писаныхъ на книгѣ ради, чтобы не забыто таково святого и блаженнаго отца житіе“. Рассказавъ о погребеніи Филиппа, авторъ оканчиваетъ житіе замѣткой: „Съ же же пакы возвратившуся въ монастырь Св. Всеволода и Сивка съѣхавъ на Кубенскоу езерѣ, зовомѣ Каменной“. Хронологическія показанія не согласны между собою: оно говоритъ, что Филиппъ преставился въ 1537 г. на 45-мъ году жизни, проживъ 15 лѣтъ на Пранѣ, и что житіе его на Пранѣ относятъ къ 1517 г.

2) Св. русск. дух. лит. I, 212. Пран. Соб. 1861 г. I. 215. Списки XVI в. Уч. № 321 и Больш. въ Моск. Муз. № 37, л. 91; здѣсь же л. 154 сл. же Іоасафу. Въ похвалѣ авторъ житія не выпустилъ даже словъ, не имѣющихъ смысла по отношенію къ Іоасафу: „Ты недовѣдомей тайнѣ Столпа елика сего, мнѣнемъ превозносящагося, пострахилъ еси“.

Іосифа Дорогобужскаго, выписано изъ житія кп. Теодора ярославскаго.

Составитель житія Авраамія Чухломскаго, называя себя инокомъ Протасіемъ, говоритъ, что онъ прожилъ 3 года, «содержа жезло паствы», въ Успенскомъ монастырѣ около Галича, первомъ изъ 4 монастырей, основанныхъ Аврааміемъ; въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ, что былъ и въ Покровской обители около Чухломы, гдѣ похороненъ Авраамій, и видѣлъ чудеса отъ гроба его. Сохранилась грамота Покровскаго Чухломскаго монастыря, подтвержденная царемъ въ 1551 г. при игуменѣ этой обители Протасіѣ ¹⁾). Этимъ опредѣляется приблизительно время составленія житія. На изложеніи послѣдняго замѣтно вліяніе житія Павла Обнорскаго: это оправдываетъ предположеніе, что біографъ Авраамія — тотъ игуменъ Павлова монастыря Протасій, при которомъ въ 1546 г. найденъ въ землѣ гробъ Обнорскаго пустынника и который потомъ перешелъ въ Аврааміевъ монастырь; въ такомъ случаѣ онъ же еще до игуменства въ Павловомъ монастырѣ составилъ записки о Сергіѣ Муромскомъ, послужившія потомъ Іонѣ матеріаломъ для біографіи Сергія и теперь повидному исчезнувшія. Въ житіи Авраамія Протасій пишетъ, что видя чудеса отъ мощей святаго, онъ спросилъ старцевъ той обители, есть ли какія записки о жизни святаго, и иноки принесли ему «мало нѣчто написано о житіи преп. Авраамія, ветхо и издранно, азъ же едва прочтохъ и извѣстно увѣрихся о житіи преподобнаго». Эти записки, очевидно, и сберегли для Протасія въ продолженіе почти 200 лѣтъ любопытныя подробности его разсказа ²⁾).

¹⁾ Акт. Ист. I, стр. 185.

²⁾ Житіе Авраамія очень рѣдко въ рукописяхъ. Сп. XVII в. въ сѣ Тр. С. лавры № 625, л. 304. Нач. „Благодарю тя, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобялъ мя еси недостойнаго повѣдателя быти прен твоего Авраамія“. Здѣсь л. 230 и служба Авраамію. Сокращеніе этой

Житіе устюжскаго юродиваго Проконія, плохо написанное, составлено из отдѣльных эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчїями¹⁾. Это рядъ легендъ, сложившихся изъ различныхъ мѣстныхъ воспоминаній независимо одна отъ другой и не подвергнутыхъ въ житіи искусной обработкѣ. Изъ послѣсловїя къ житію, написанномъ по предисловію Епифанія въ біографіи Сергія, читаемъ: «азъ окаянный написахъ о житїи и чудесахъ его втайнѣ и предахъ сіа Божиимъ церквамъ. иже имѣхъ у себе и церковїи повѣстницы за много лѣтъ, святыя писанныя приготованы быша про такова свята мужа». Разсказъ объ огненной тучѣ въ житіи есть неловкая передѣлка разсказа, отдѣльно встрѣчающейся въ сборникахъ XVI в. Разсказъ о страданїи Проконія во время мороза, по словамъ біограффа, записанъ со словъ юродиваго отцемъ Стефана Пермскаго Свв. Синодомъ; но изложеніе его въ житіи есть передѣлка эпизода изъ житія Андрея цареградскаго. Повидимому, преданїя о Проконїи и его чудеса начали записывать уже во второй половинѣ XV вѣка, когда въ Устюгѣ построили церковь во имя блаженнаго (1471 г.) и начали мѣстно праздновать его память: въ житіи ждѣть чудесъ, приложенныхъ къ житію, больному околь-

1) Впервые въ спис. св. законн. д. л. изъ начала XVIII в. № 871, л. 273, другой еще болѣе краткая ред. въ сб. Болш. XVII в. въ Моск. губ. арх. № 422.

1) Грх. XVI—XVII в. № 361, л. 115, Унд. № 362 и № 600, л. 367, сб. XVII в. Нач. „Искови убо божественное писаніе глаголетъ о святыхъ и юродивыхъ“. За предисловіемъ слѣдуютъ разсказы: о происхожденїи и поселенїи Проконія въ монастырѣ у Варлаама Хутынскаго, объ удивленїи Устюга отъ огненной тучи, о страданїи Проконія во время мороза, сирочествїи Проконія, предсказавшаго 3-лѣтней Марїи, что она будетъ матерью Стефана Пермскаго, и о кончинѣ юродиваго въ 1303 г. Но первому разсказу Проконїи жилъ въ концѣ XII в., второй помѣченъ 1478 г. и оба несогласны съ послѣднимъ.

ничему великаго князя Ивана III послали изъ Устюга вмѣстѣ съ образомъ Проконія стихиры и канонъ ему ¹⁾). Въ житіе внесена повѣсть о построеніи церкви Проконія въ Борисоглѣбской сольвычегодской обители въ 1548 г. и о чудесахъ отъ его образа, тамъ находившагося. Упомянувъ объ этихъ чудесахъ, авторъ житія другаго устюжскаго юродиваго Іоанна замѣчаетъ о Проконіѣ: «его же чудеса и прощеніе въ писаніи его сказа, а о семъ же св. Иванѣ начнемъ накіи пѣсати». Повидимому, эта неясная замѣтка даетъ основаніе считать оба житія произведеніемъ одного автора: по крайней мѣрѣ, оба отличаются одинаковыми приемами и одинаковымъ неумѣньемъ писать. Житіе Іоанна составлено по источникамъ болѣе надежнымъ. Биографъ говоритъ, что писалъ его, живя въ Борисоглѣбскомъ сольвычегодскомъ монастырѣ у отца своего игумена Діонисія, по распоряженію котораго построена была упомянутая церковь Проконія и который до вступленія въ иночество былъ священникомъ при устюжскомъ соборѣ, лично зналъ Іоанна и присутствовалъ при его погребеніи. Этотъ Діонисій сообщалъ сыну свѣдѣнія о блаженномъ и благословилъ его написать его житіе въ 1554 году ²⁾).

Личность упомянутаго выше биографа Іоасафа среди скудныхъ извѣстій остается въ туманѣ. Житіе епископа Никиты онъ написалъ, повидимому, вскорѣ по обрѣтеніи мощей его въ 1558 г. Въ житіи Стефана Махрицкаго онъ замѣчаетъ, что уже писалъ о явленіи мощей и чудесахъ ученикомъ этого святаго Григорія и Кассіана Авнежскихъ, а сказаніе о послѣднихъ могло быть написано не раньше 1560 г. Житіе Никиты было первымъ по времени изъ этихъ трехъ произведеній, но и житіе

¹⁾ Унд. № 362, л. 69. Этихъ чудесъ ХV—ХVI в. здѣсь 18; по хронологическимъ указаніямъ въ нихъ видно, что послѣднія изъ нихъ совершались около половины ХVI в., когда, повидимому, составлено и житіе.

²⁾ Списанъ въ рукоп. Унд. ХVII в. № 320, Больш. въ моск. муз. № 393, л. 62. Нач. „Жизнь богоугодну и житіе непорочно мужа сего“.

Стефана по крайней мѣрѣ начато не позже 1563 г., ибо авторъ принялся за него по порученію митрополита Макарія. Утверждаютъ, что этотъ біографъ—тотъ Іоасафъ, который съ 1560 г. сталъ пермскимъ епископомъ; но ни въ одномъ трудѣ онъ не дѣлаетъ намека на свой епископскій санъ; напротивъ, въ сказаніи объ Аввеежскихъ чудотворцахъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, называя себя смиреннымъ іеромонахомъ, игуменомъ Данилова монастыря, онъ говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ, а о пермскомъ епископѣ Іоасафѣ, призванномъ въ 1560 г. въ Аввеежскій монастырь, выражается въ 3-мъ и рассказываетъ, что два чуда въ сказаніи изложены на основаніи донесенія этого епископа. Наконецъ есть грамота 1566 г., подъ которой вмѣстѣ съ епископомъ Іоасафомъ подписался и «чернецъ Іасафъ, бывший игумень Даниловскій»¹⁾. Но трудно рѣшить, какимъ Даниловымъ монастыремъ правилъ авторъ, переславскимъ или московскимъ²⁾. Главнымъ источникомъ сказанія объ Аввеежскихъ чудотворцахъ служили рассказы Махрицкаго игумена Варлаама, который по порученію митрополита въ 1560 г. на мѣстѣ собиралъ свѣдѣнія о чудесахъ и по донесенію котораго соборъ, установивъ празднованіе Григорію и Кассіану, распорядился составить сказаніе о нихъ. Авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что сказаніемъ своимъ хотѣлъ спасти посмертныя чудеса Григорія и Кассіана отъ забвенія, постигшаго ихъ жизнь. Нѣкоторыя извѣстія о послѣдней онъ записалъ потомъ въ біографіи ихъ учителя Стефана. Но и въ повѣсти о чудесахъ, предшествовавшихъ

¹⁾ Арх. Филар. Обзоръ I, стр. 211. Собр. гос. грам. и дог. I, стр. 556.

²⁾ Есть списокъ службы Іакову Желѣзноборскому съ злѣткой, въ которой, можетъ быть, сохраняется біографическая черта, относящаяся къ нашему Іоасафу: «писано тогоже монастыря смиреннаго игумена Іоасафа». Сб. Тр. Серг. Л. № 625, л. 90. Съ именемъ Іоасафа встрѣчается и служба Аввеежскимъ чудотворцамъ. Сб. той же злѣры № 624, л. 483.

открытію мощей и возобновенію Авнежскаго монастыря, онъ сообщаетъ подробности, дѣлающія ее памятникомъ первостепенной важности для исторіи заселенія сѣверовосточной русской окраины. Сообщаемыя Іоасафомъ извѣстія о происхожденіи біографіи Стефана не лишены интереса по отношенію къ литературной исторіи житія. Спустя почти полтора ста лѣтъ по смерти Стефана, сѣтуя о пренебреженіи, съ каковымъ относились въ монастырѣ къ памяти основателя, игуменъ Варлаамъ отыскалъ въ кладовой краткія записки прадѣда своего Серапіона, лично знавшаго Стефана, вспомнилъ рассказы, слышанные отъ него еще въ дѣтствѣ, и самъ задумалъ описать чудеса святаго, видѣнныя имъ или сообщенныя другими. Съ писаніемъ своимъ онъ явился къ царю и митрополиту, которые и поручили Іоасафу составить новую правильную біографію. Зная очень мало о жизни святаго, Іоасафъ поѣхалъ въ Махрищскій монастырь, чтобы разспросить тамъ игумена и братію. Тѣ показали ему Серапіоновы свитки на хартіяхъ, которыя онъ и воспроизвелъ въ своемъ обильномъ любопытными подробностями трудѣ. Легко замѣтить также, что Іоасафъ пользовался свѣдѣніями изъ житій Сергія радонежскаго и Кирилла бѣлозерскаго, современниковъ и друзей Стефана ¹⁾.

Въ описываемое время, по всей вѣроятности, появились въ Ростовѣ позднѣйшія редакціи житій его первыхъ просвѣтителей Леонтія и Авраамія и новое житіе Исидора, ростовскаго юрודהго XV в. Церковь чтитъ его память уже въ началѣ XVI в. и житіе его занесено въ мнѣси Макарія. Не смотря однако на

¹⁾ Списки сказанія въ чет. мн. Милют. июль, л. 678 в Тулунова въ Тр. Серг. л. № 677, л. 144. Нач. „Коль благъ Богъ Израилевъ“. Позднѣйшій редакторъ вставилъ въ это сказаніе извѣстія о Григоріѣ и Кассіанѣ, дословно выписанныя изъ Іоасафова житія Стефана (сб. Тр. Сер. л. XVII в. № 635, л. 39). Списки этого житія XVI в. въ сб. Тр. С. л. № 692, л. 707 и XVII в. въ синод. № 542, л. 428 съ собственноручными поправками Симеона Полоцкаго. Нач. „Понеже убо преблагій нашъ Владыка“.

сравнительно-недалекое расстояние биографа отъ времени жизни блаженного, содержание этого житія очень смутно и почернуто преимущественно изъ легендарныхъ источниковъ. Здѣсь повторилась связь ростовскихъ преданій съ новгородскими, уже замѣченная нами въ перенесеніи легенды о борьбѣ архіепископа Іоанна съ бѣсомъ на Авраамія ростовскаго. Чудо исчезновенія мантиковъ на пиру у ростовскаго князя есть варіантъ легенды болѣе раннемъ юродивомъ Николѣ Кочановѣ новгородскомъ, рассказъ о спасеніи ростовскаго купца Исидоромъ на морѣ основанъ на легендарныхъ мотивахъ, плохо прикрытыхъ книжной редакціей и одинаковыхъ съ извѣстной новгородской былинной, приуроченной къ лицу новгородца XII в. Сodka Сытинича ¹⁾. — Несравненно важнѣе повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (въ 15 верстахъ отъ Ростова), съ избыткомъ восполняющая отсутствіе житія основателей его Теодора и Павла. Она написана въ самомъ монастырѣ въ началѣ второй половины XVI в., какъ видно по указаніямъ автора и по времени одного ея списка. Рассказъ въ ней очень простъ и сухъ, безъ всякихъ риторическихъ украшеній, но передаетъ событія съ такою полнотою и ясностью, какая рѣдко встрѣчается въ житіяхъ и которой не имѣетъ даже сказаніе Пансіа Ярославова ²⁾.

¹⁾ Макарь. ч. мѣс. май, по синод. сп. л. 764. Унд. XVI в. № 574, л. 648. О чудѣ на пиру у князя авторъ житія замѣчаетъ: „еже едва отъ пѣвкихъ уидѣвшу мѣ“. Память Исидора отмѣчена въ мѣсяцесловѣ начала XVI в. Рум. № 446 (Опис. Рум. муз. Востокова стр. 713).

²⁾ Списокъ этой рѣдкой въ рукописяхъ повѣсти въ сб. Тр. Серг. лавры, пис. около половины XVI в., № 782, л. 449—461. Источники указаны авторомъ въ первыхъ строкахъ: „Еже исперва отъ древнихъ старецъ слышахомъ и мало писанія обрѣтохъ: приде на сію пустыню прен. Теодоръ и всадеся въ ней въ области В. Попаграда, рода же и отечества не обрѣтохъ, и коего монастыря постриженникъ; во многія лѣта безъ цѣляя здѣ пребысть“. Рассказавъ о построеніи мг. Θεοφιλοу каменной церкви Благовѣщенія, освященной въ 1526 г., авторъ прибавляетъ: „О

Къ самымъ обширнымъ и лучшимъ біографіямъ Макарьевскаго времени принадлежить житіе Даниїла переяславскаго, преставившагося 7 апрѣля 1540 г. Оно написано 13 лѣтъ спустя по смерти Даниїла неизвѣстнымъ по имени ученикомъ его, по двойному приказу царя и митрополита. Близость біографѣ къ описываемому лицу отразилась на тонѣ и изложеніи житія: онъ рассказываетъ просто о старцѣ, котораго любилъ и уважалъ, не облекая дѣйствительныхъ явленій въ условныя формы житій и не дѣлая обычнаго подбора біографическихъ чертъ ¹⁾). Біографъ замѣчаетъ, что до него жизнь Даниїла никакъ не была описана, хотя нѣкоторые и начинали; можетъ быть, онъ же сдѣлалъ и сокращеніе своего труда, помѣщенное въ Степенной ²⁾). Въ житіи Даниїла подробно рассказано и объ открытіи имъ въ 1539 г. мощей князя смоленскаго Андрея; погребеннаго при одной изъ приходскихъ церквей въ Переяславль. Присланнымъ изъ Москвы слѣдователямъ о мощахъ Даниїлъ показывалъ въ «старыхъ книгахъ» службу Андрею, стихиры и канонъ, по которымъ, говорилъ онъ, еще недавно праздновали ему въ церкви, при которой онъ поконлся. Кто-то въ Переяславль выписалъ цѣликомъ этотъ рассказъ изъ житія Даниїла и придѣлавъ къ нему небольшое вступленіе, пустилъ подъ именемъ житія кн. Андрей ³⁾). Немного позднѣе біографіи Даниїла

семъ же по преставленіи Феодосіевъ ясно повѣда многимъ намъ ростовець мастеръ церковный Григорей Борисовъ“, который строилъ ту церковь. Послѣ Феодосія повѣсть упоминаеть еще о двухъ игуменахъ.

¹⁾ Синод. рукоп. XVI в. № 926, Унд. XII в. № 301. Нач. „Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, всегда прославляемый присными своими угодавли“. Далѣе: „умилхси, яко мнози требуютъ еже о св. старцѣ писаніи видѣти... истодостойную руку прострохъ и по умѣ собрахъ, яке отъ усть самого старца слышахъ, иная же отъ ученикъ его и отъ ниѣхъ нѣвоихъ слышахъ“.

²⁾ Степ. кн. ч. 2, стр. 218. Мвлют. ч. мвл. апр. л. 299.

³⁾ Рук. Тр. Серг. л. № 696, л. 221, Рум. № 371, л. 228 съ службой. Догадки о кн. Андрей у архіеи. Филарета въ Русск. Свят. олт. 27.

прибавленъ былъ къ житію другаго мѣстнаго святаго Никиты рядъ чудесъ XVI в. съ разсказомъ о преобразованіи и перестройкѣ монастыря Иваномъ Грознымъ. Эти чудеса описаны, кажется, игуменомъ Никитскаго монастыря Вассіаномъ и даютъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для исторіи монастырской жизни въ XVI вѣкѣ ¹⁾).

Мѣстнымъ біографомъ суздальскихъ святыхъ, не уступавшимъ въ усердіи псковскому Василию, но умѣвшимъ стать даже выше его по достоинству своихъ произведеній, былъ инокъ Спасскаго Евхиміева монастыря Григорій. Извѣстія о немъ еще темнѣе. Одни относятъ его литературную дѣятельность къ концу XV или къ началу XVI в., другіе ко второй половинѣ XVI вѣка ²⁾. Болѣе точное опредѣленіе можно извлечь только изъ мелкихъ и неясныхъ указаній, разсѣянныхъ Григоріемъ въ его твореніяхъ. Кажется, эти творенія еще не все приведены въ извѣстность. Соборный ключарь Ананія Федоровъ, собиравшій въ по-

Впрочемъ уже въ XVI в. даже въ Переяславѣ мало знали объ Андрѣ. Разсказъ вѣдъ, что онъ 30 лѣтъ служилъ пономаремъ при Никольской церкви и только по смерти его изъ забытаго при немъ „писаньца“ узнали, кто онъ. Но Даниилъ уже не могъ найти этого писаньца и въ бѣсѣхъ съ вел. княземъ и митрополитомъ признавался: „глаголють же о семъ кн. Андрѣ въ повѣстехъ нѣщии сице, аще истина суть, единъ Богъ вѣсть“. Синод. № 926, л. 103. Въ сб. Тр. С. л. № 696 вслѣдъ за житіемъ Андрея выписано нѣсколько чудесъ Даниила, въ которыхъ князь выставленъ уже переяславскимъ священникомъ, знакомымъ Даниилу.

¹⁾ См. выше стр. 49. По си. въ Милют. ч. мн. май, л. 1325 разсказъ о чудѣ во время построенія соборнаго храма въ монастырѣ въ 1561—1564 г. заканчивается анаграммой, какъ любилъ обозначать свои стихи древнерусскіе писатели: „Аще хочещи увѣдати ния игумену тоя обителю второе первымъ начальстауй, двоесотное сотнымъ слагай (sic), а съ пятидесятнымъ, оромъ наверхетася (Васьнявъ)“.

²⁾ Арсен. Филаретъ въ Обзорѣ I, стр. 173, въ Р. Свят. іюнь, прим. 54, смот. прим. 220. Строевъ въ Опис. рукоп. Царск. стр. 46. Митроп. Каледскій въ Словарѣ дух. пис. I, 104 относитъ Григорія даже къ XVII в., а ключарь А. Федоровъ къ XIV—XV.

ловилъ XVIII в. матеріалы для исторіи Суздаля, приписываетъ Григорію житія Евенмія, Евфросиніи и суздальскаго епископа Іоанна съ канонами этимъ святымъ, также канонъ епископу Θεодору. Но въ древне-русскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ имя тогоже автора еще на похвальномъ словѣ новымъ русскимъ чудотворцамъ со службой имъ и на житіи Козмы Іахромскаго; по многимъ признакамъ ему принадлежить и канонъ этому святому ¹⁾. Въ житію Евенмія біографъ прибавилъ 14 посмертныхъ чудесъ его, въ которыхъ описалъ и открытіе мощей святаго въ 1507 году; нѣкоторые изъ этихъ чудесъ совершились послѣ игумена Кирилла, а онъ еще правилъ монастыремъ въ 1518 году ²⁾. Притомъ первыя чудеса Григорій описываетъ по рассказамъ другихъ, но въ описаніи дальнѣйшихъ, начиная съ 10-го, выставляетъ себя «самовидцемъ»; отсюда можно заключить, что онъ вступилъ въ монастырь Евенмія послѣ освященія каменной церкви въ 1511 г., описаннаго имъ въ первомъ отдѣлѣ чудесъ. Наконецъ сокращеніе этого житія встрѣчаемъ въ спискѣ 1543 года ³⁾. Изложенныя указанія подтверждаются

¹⁾ Историч. собраніе о градѣ Суздаль въ 22 кн. Врем. Общ. Ист. и Др. Росс. стр. 119 и 130. Въ сб. Тр. Серг. лавры нач. XVII в. № 337 помѣщены сочиненія, обозначенныя именемъ „смирненнаго Григорія, чернца въ обители св. Евенмія града Суздаля“: л. 483 служба Евфросиніи, л. 309 житіе Евенмія (ср. ч. мин. Тулунова № 695, л. 1), л. 538 служба Евенмію, л. 557 служба новымъ русскимъ чудотворцамъ, л. 571 слово похвальное новымъ чудотворцамъ (ср. Больш. въ Моск. публ. муз. № 422, статья 46-я), л. 593 служба св. Іоанну. Житіе Евфросиніи въ рукоп. Унд. нач. XVII в. № 308, Тр. Серг. л. № 664, л. 399, синод. № 869. Ж. Іоанна въ рукоп. Унд. XVII в. № 318, въ сб. Рум. № 164 съ пережѣнами. Ж. Козмы въ рукоп. Нип. публ. библ. отд. Погод. № 729, л. 54; служба въ сб. Рум. № 371, л. 464.

²⁾ См. грамоту этого года въ рукоп. Рум. № 52, л. 38.

³⁾ Волокол. сб. въ Моск. дух. акад. № 490, л. 249. Тоже въ рукоп. Унд. XVI в. № 310. Архіеп. Филаретъ (Р. Свят. аур. прам. 1) ссылается на ключаря Θεодорова, говоря, что Григоріево житіе Евенмія передѣлано и дополнено чудесами по вождѣ митроп. Макарія Махрацскаго

словомъ «на память всѣхъ святыхъ русскихъ новыхъ чудотворцевъ». Самое заглавіе, повидимому, даетъ понять, что слово вызвано соборомъ 1547 года; но при отсутствіи ранняго списка его трудно извлечь подтвержденіе этой догадки изъ именъ упоминаемыхъ въ немъ святыхъ: въ позднѣйшихъ спискахъ писцы по произволу дополняли перечень Григорія именами святыхъ, воздѣе признаныхъ церковію, или своихъ мѣстныхъ. Впрочемъ и при этихъ прибавкахъ можно замѣтить въ словѣ черту, доказывающую, что оно составлено вскорѣ послѣ собора 1547 года: изъ святыхъ, прославленныхъ соборомъ 1549 года, въ перечнѣ Григорія встрѣчаемъ или только мѣстнаго чудотворца Евѳимія или вмѣстѣ съ нимъ немногихъ другихъ, случайно занесенныхъ писцомъ. Въ этомъ словѣ есть намекъ на то, что оно написано послѣ житія Евѳимія ¹⁾). Указанными ображеніями нѣсколько уясняется исторія житія Евфросиніи. Оно сопровождается двумя отдѣльными статьями, чудомъ 1538 г. и повѣстью объ установленіи мѣстнаго празднованія Евфросиніи съ нѣсколькими чудесами. Изъ этой повѣсти, написанной суздальскимъ епископомъ Варлаамомъ, узнаемъ, что житіе долго оставалось неизвѣстнымъ въ Суздали и въ 1577 — 1580 г. случайно найдено Варлаамомъ въ Махрицкомъ монастырѣ, куда унесъ его изъ Евѳиміева монастыря монахъ Савватій «для переписанія чудесъ». Варлаамъ замѣчаетъ при этомъ, что житіе написано «нѣкомъ инокомъ Григоріемъ» ²⁾). На основаніи толь-

иномуемъ Варлаамомъ, который дознавалъ и житіе Евфросиніи. Ни у Федорова, ни въ житіи Евѳимія нѣтъ такого извѣстія, а житіе Евфросиніи дозволилъ суздальскій епископъ Варлаамъ.

¹⁾ Въ предисловіи по сп. Тр. С. л. № 337, л. 573: „преже малыхъ дней намъ бесѣдовахъ о св. Евѳиміи, общахомся и о сихъ побѣдovati“. Буквальный смыслъ этихъ словъ указываетъ лишь на отношеніе праздника новыхъ чудотворцевъ (17 июля) къ дню памяти Евѳимія (1 апрѣля); въ такъ нельзя было выразиться, не написавъ прежде о Евѳиміи.

²⁾ Сб. Тр. Серг. л. № 664, л. 414. Варлаамъ называетъ Савватіа бывшимъ игуменомъ, не указывая, въ какомъ монастырѣ. По грамотамъ

ко этихъ словъ архіепископъ Филаретъ думаетъ, что оно написано не позже 1540 года; но отсюда слѣдуетъ лишь то, что Варлаамъ, ставъ епископомъ въ 1571 г., уже не засталъ въ Суздаль Григорія. Изъ разсказа Варлаама видно, что авторомъ, который описалъ чудо 1558 г. какъ очевидецъ, былъ не онъ, а можетъ быть упоминаемый имъ игуменъ Савватій, если не самъ Григорій. Такимъ образомъ литературную дѣятельность послѣдняго можно отнести ко второй четверти XVI вѣка. Григорій былъ запоздалымъ біографомъ: кромѣ Козмы Ичромскаго, жившаго въ концѣ XV в., остальные описанныя имъ лица отдалены отъ него на 100, на 200, даже на 300 лѣтъ. Это отразилось сильно на характерѣ его твореній. Изъ нихъ только житіе Евонмія имѣетъ цѣну по своему содержанию; остальные болѣе похожи на витіеватыя похвальныя слова, въ которыхъ сквозь реторику, занятую у Григорія Цамблака, Епифанія и другихъ образцовъ, проглядываетъ лишь скудное и смутное преданіе ¹⁾). Въ этомъ отношеніи особенно любопытно довольно объемистое житіе Козмы: здѣсь среди словообильныхъ и напыщенныхъ назиданій и размышленій, путающихъ ходъ разсказа, съ трудомъ можно уловить двѣ-три ясныя біографическія черты.

Слѣдствія запоздалости еще сильнѣе обпаружились на муромской агіобіографіи. Въ рукописяхъ была распространена съ XVI в. двѣ службы муромскимъ святымъ: одна изъ нихъ на память кн. Константина и дѣтей его Михаила и Феодора принесы-

извѣстнъ Савватій, игуменъ Евонміева монастыря около 1565. Сб. Рум. № 54 п. 59.

¹⁾ Предисловіе въ житію Епимія есть подражаніе предисловію Пахомія въ житію Сергія, а предисловіе къ житію еп. Іоанна почти цѣлкомъ выписано изъ предисловія Епифанія къ житію тогоже святаго; слово на память русскихъ чудотворцевъ есть близкое подражаніе написанному Григоріемъ Цамблакомъ похвальному слову св. отцамъ, въ постѣ просіявшимъ.

вается «господиу Михаилу мпиху», въ другой на память Петра и Февроніи первый канонъ написанъ «Похомиемъ михомъ», второй тѣмъ же Михаиломъ. Эти службы составлены были около 1547 года, когда соборъ установилъ мѣстное празднованіе муромскимъ чудотворцамъ; можетъ быть, авторамъ ихъ принадлежить и литературная обработка сказаній о тѣхъ же святыхъ, хотя въ рукописяхъ нѣтъ прямого указанія на это ¹⁾). Легенда о Петрѣ, поді. которымъ повидимому разумѣется умершій въ 1228 г. въ иночествѣ муромскій князь Давидъ Юрьевичъ, не можетъ быть названа житіемъ ни по литературной формѣ, ни по источникамъ, изъ которыхъ почерпнуто ея содержаніе; въ исторіи древне-русской агиографіи она имѣетъ значеніе только какъ памятникъ, ярко освѣщающій неразборчивость, съ какою древне-русскіе книжники вводили въ кругъ церковно-историческихъ преданій образы народнаго поэтическаго творчества. Повѣсть о ки. Константиѣ и его сыновьяхъ сохранилась въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Въ полномъ своемъ составѣ она содержитъ сказанія о древнѣйшемъ состояніи города Муромъ, о водвореніи въ немъ христіанства Константиномъ, о возстановленіи города ки. Юріемъ, далѣе поэтическую легенду о епископѣ Василіѣ и разсказъ о обрѣтеніи мощей муромскихъ просвѣтителей въ 1553 году ²⁾). Эта повѣсть имѣетъ чисто-историческую ос-

¹⁾ Сб. Тр. Серг. л. XVI в. № 6:9, л. 146 и 222, и синод. XVI в. № 630, л. 196 и 210. По разсказу житія ки. Константина, служба ему была написана за много лѣтъ до обрѣтенія мощей въ 1553 г. Архіеи. Филаретъ говоритъ, что повѣсть о Петрѣ и Февроніи написана монахомъ муромскимъ; но ни въ спискахъ, указанныхъ имъ при этомъ, ни въ другихъ нами видѣнныхъ мы не нашли такого извѣстія (Обзоръ I, стр. 211).

²⁾ Таковъ составъ ея по списку въ синод. не переплетенномъ сб. XVI—XVII в. № VI, л. 39—114. Нач. „Павелъ, св. апостолъ, церковный учитель, свѣтло всего міра“. Съ пропусками и сокращеніями она въ списокѣ, изданномъ въ Пам. стар. русск. лит. I, 229. Тамъ рѣчь безъ сказанія о Муромѣ и легенды о еп. Василіѣ облечена въ фор-

пову; но едвали можно воспользоваться ея подробностями. Редакція ея несогласна въ показаніяхъ о времени событія, изъ которыхъ ни одно впрочемъ не заслуживаетъ вѣры: полная относитъ прибытіе Константина въ Муромъ къ 6731 (1223) году, замѣчая однакожь, что это было не много послѣ св. Владимира; краткая неопредѣленно обозначаетъ событіе цифрой 6700. Притомъ въ мѣстномъ преданіи, на которомъ основана повѣсть, авторъ не нашлъ уже живыхъ дѣйствительныхъ чертъ событія и долженъ былъ замѣнять ихъ приемами риторическаго изобрѣтенія и чертами, взятыми изъ разсказа лѣтописи о крещеніи Кіева. Наконецъ въ повѣсти есть эпизодъ, относящійся къ гораздо позднѣйшему времени и позволяющій видѣть, какъ авторъ распорядился фактами: разсказывая о возстановленіи города Мурома кн. Юріемъ Ярославичемъ, онъ говоритъ, что и этотъ князь пришелъ изъ Кіева и «устроилъ» въ Муромѣ епископа Василя ¹⁾. Поэтому было бы напрасно пытаться примирить всѣ черты повѣсти, не предполагая въ нихъ ошибокъ, съ сохранившимися извѣстіями лѣтописи о древнемъ Муромѣ ²⁾. Помогая лишь установить въ самомъ общемъ видѣ основной фактъ, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ, повѣсть сообщаетъ нѣсколько извѣстій объ остаткахъ языческихъ обрядовъ на Русѣ и намѣковъ на ея отношеніе къ восточнымъ инородцамъ въ XVI в.

му показанаго слова въ сб. Тр.-Серг. л. XVII в. № 800. л. 70. Краткая редакція. въ которой опущены риторическія отступленія, но распространены по лѣтописи разсказъ о св. кн. Глебѣ, въ Милют. ч. мп. май, л. 1169.

¹⁾ По лѣтописи Муромъ обношенъ въ 1351; въ 1355 Юрій былъ изверженъ, а еп. Василій поставленъ уже въ 1356. Пик. III, 193 и 205

²⁾ Такъ жезан видѣть въ кн. Константины дѣйствительное историческое лицо, предполагають, что подъ этимъ христіанскимъ именемъ скрывается Ярославъ Святославичъ († 1129); во изъ сказанія Давида Падомлика извѣстно, что христіанское имя этого князя было Пандратій.

Къ описываемому времени относятся два одиночныя житія, изъ которыхъ одно составлено въ Колязинскомъ монастырѣ, а о другомъ даже трудно сказать, гдѣ оно написано: это житіе новгородскаго архіепископа Серапіона. Авторъ житія Макарія Колязинскаго говоритъ, что оно составлено въ 64-й годъ по смерти преподобнаго, слѣдовательно въ 1546—47 г. передъ самымъ соборомъ о новыхъ чудотворцахъ или тотчасъ послѣ него. Можно повѣрить его извѣстію, что рассказы о Макаріѣ, идущіе отъ его первыхъ сподвижниковъ, дошли до біографа отъ людей, изъ которыхъ «ниги и самого святаго своимъ очима видѣша». Изъ сказанія преп. Іосифа о русскихъ пустышникахъ выписано извѣстіе объ ученикахъ Макарія. Біографъ замѣчаетъ, что до него никто не писалъ житія Макарія; но вѣроятно онъ пользовался краткой запиской о немъ, составленной по рассказамъ монахини родственницы святаго и любопытной какъ по своему простому изложенію, такъ и по біографическимъ чертамъ, не воспроизведеннымъ въ пространномъ житіи ¹⁾). Точно также не вошло въ послѣднее много любопытныхъ чертъ, записанныхъ Досіеємъ Топорковымъ въ волоколамскомъ патерикѣ. Этотъ третій очеркъ жизни Макарія составленъ по рассказамъ Іосифа Санина; Досіеѣй писалъ свои воспоминанія, по-видимому не раньше 1547 года, ибо говоря о чудесахъ по обрѣ-

¹⁾ Волокол. сб. вѣ моск. дух. ак. № 515, л. 423 и слѣд. „Лѣта 7032, марта во 2 день, пыталъ вн. Юрьи Ивановичъ Стрѣтенскіе старицы Евроскиніи Васильевской, жона Кожина, о житіи преп. Макарія чудотворца, отъ назовыхъ родителей родися, и каково бысть житіе его. И старица Евроскиніа сказывасть: поминла маму его, которая его кормила, а звали ее Евандьею, а жила 106 лѣтъ. Начало житіи Макарьева сице бысть“ и т. д. Житіе Макарія въ Мавар. ч. мав. март. стр. 789, синод. сб. № 555, л. 608, волокол. сб. моск. д. ак. № 632, л. 136, сб. Тр. Серг. л. № 692, л. 463. Первый изъ этихъ списковъ отличается отъ другихъ нѣкоторыми вариантами в пропускахъ: нѣтъ статьи о первыхъ ученикахъ Макарія Маркелѣ и Сергіѣ; чудеса по обрѣщеніи 16, въ другихъ 90.

теиіи мошей Макарія, онъ замѣчаетъ: «якоже о нихъ въ писаніи свидѣтельствуеть»). Это писаніе есть сухой и длинный перечень чудесъ приложенный авторомъ житіи къ разсказу объ открытіи мошей въ 1521 году. Краткость этого разсказа, которая, какъ и неполнота самого жизнеописанія, объясняется, можетъ быть, спѣшностью работы, вызванной соборомъ, заставила повидимому вновь и подробнѣе описать обрѣтеніе мошей вскорѣ послѣ соборной канонизаціи Макарія 2). Наконецъ и перечень чудесъ подвергся передѣлкѣ: новый редакторъ распустилъ ихъ прежнее сухое изложеніе, придѣлалъ къ нимъ витѣватое предисловіе, и въ такомъ видѣ они встрѣчаются въ нѣкоторыхъ спискахъ житія. Но напрасно считаютъ этого позднѣйшаго редактора чудесъ какого-то Макарія, какъ видно изъ приложенной къ статьѣ анаграммы, авторомъ разсмотрѣннаго житія: прибавленное имъ къ прежнимъ одно новое чудо относится уже къ 1584 году и въ послѣсловіи ясно указано, что онъ описалъ только чудеса по «прежнимъ тетрадемъ» 3). — Въ житіи Серапіона легко замѣтити цѣль біографа оправдать архіепископа отъ обвиненій, взводимыхъ на него сторонниками Юсифа. Эта тенденція только усиливаетъ интересъ біографіи.

1) Синод. сб. XVI в. № 927, л. 25—27: о немъ ниже.

2) Изъ повтореннаго въ этомъ описаніи перечня чудесъ видно, что оно составлено между 1539 годомъ, которымъ пожчено одно изъ послѣднихъ чудесъ, в 1548, въ которому относится списокъ его въ волокол. сб. моск. епарх. библ. № 648, л. 118. Нач. „Присно убо чловѣколюбіе Божіе проповѣдати должни есмы“. Этотъ сборникъ писанъ въ 1548 г. „замышленіемъ“ Е. П. Воронинной, какъ сказано въ припискѣ.

3) Сб. Тр. Серг. л. № 692, л. 488, № 802, л. 17. Нвч. „Се нынѣ время благопріятно“. Въ заключительной статьѣ „о списателѣ чудесемъ по преставленіи пр. Макарія“, сказавъ, что онъ описалъ чудеса по просьбѣ возгнанныхъ иноковъ Серапіона и Филарета, авторъ продолжаетъ: „я вашихъ прежнихъ тетрадей никакже не повредихъ, не почернилъ вгдѣже, ни имени не премѣнилъ въ чудесѣхъ, но лаче распрострапилъ и рѣчи премѣнилъ удобь пріятель видѣ“.

Иосифъ и его приверженцы много писали въ свою защиту; гораздо менѣе извѣстно, какъ представляла дѣло и оправдывалась противная сторона. Можно поэтому пожалѣть, что биографъ Серапіона самъ ослабилъ интересъ своего труда излишней подражательностію. Все предисловіе и начало житія онъ дословно выписалъ изъ слова Льва Филолога на память Зосимы соловецкаго: еще не ожидая, что участіе Серапіона въ спорѣ о монастырскихъ селахъ изложено словами анонимнаго житія Іосифа и подражаніе этому сочиненію замѣтно даже въ разсказѣ о распрѣ Серапіона съ Іосифомъ. На время составленія житія указываетъ прибавочная статья въ одномъ спискѣ о переложеніи мощей Серапіона: здѣсь разсказано, что вслѣдствіе провала въ мѣстѣ и двухъ чудесныхъ явленій святаго мощи его въ 1559 г. были вынуты изъ земли и положены въ новомъ гробѣ ¹⁾).

Іосифовъ волоколамскій монастырь оставилъ много извѣстій о себѣ за XVI в. въ припискахъ, разсыпанныхъ по многочисленнымъ рукописямъ его библіотеки. На сильное участіе монастыря въ умственномъ и литературномъ движеніи на Руси XVI в. еще яснѣе чѣмъ эта библіотека указываетъ длинный рядъ литературныхъ произведеній, написанныхъ въ стѣ-

¹⁾ Сп. XVI в. Унд. № 367. Нач. „Лѣно же ми въ настоящемъ плетеніи глаголь“. Ср. Прав. Собес. 1859, ч. II, 353 и 510, также ж. Іосифа, соч. неизвѣстныхъ в изд. г. Невоструевымъ, стр. 39. Догадка арх. Филарета, что житіе Серапіона написано ученикомъ его Іаковомъ, не поддерживается ни выраженіями житія объ Іаковѣ ни временемъ сочиненія, которыми пользовался биографъ (Р. Свят. март. стр. 94). Открытіе и переложеніе мощей въ указанномъ сп. по ошибкѣ обозначено 7007 годомъ: по указанію на игумена Іоасафа и келаря Ааріана, при которыхъ это совершилось видно, что слѣдуетъ читать 7067. Оп. Тр. Серг. Лавры, изд. 1865 г. стр. 85. Лѣтоп. намѣстниковъ, келарей и проч. въ Лѣт. знн. Археогр. Ком. IV, 79. Святцы относятъ кончину Серапіона въ 7067 г., смѣшывая его, очевидно, съ годомъ переложенія; въ службѣ читаемъ: „многими лѣты погребенны быша честныя мощи твои“. Милют. ч. мн. март. л. 420.

пахъ этого монастыря или людьми, изъ него вышедшими. Судя по количеству и качеству этихъ произведеній, можно сказать, что ни одинъ русскій монастырь не обнаружилъ литературнаго возбужденія, равнаго тому, какое находимъ въ обители Юсифа. Послѣ трудовъ самого Юсифа большую часть этихъ произведеній составляютъ житія. Выше мы видѣли, что братъ Юсифа и инокъ его монастыря въ самомъ началѣ XVI в. описалъ жизнь Пафиутія, дѣда той партіи въ русскомъ монашествѣ XVI в., которую звали «осифлянами» и которая, какъ бы ни судилъ о ней историкъ, была крупной общественной силой, стоящей его вниманія. Прочія житія посвящены жизнеописанію подвижниковъ, жившихъ въ волоколамской колоніи Пафиутьева монастыря, и главнымъ образомъ основателя ея, отца «осифлянъ». Жизнь его описана въ трехъ біографіяхъ, составленныхъ совершенно независимо одна отъ другой. Одинъ изъ біографовъ, Савва Черный, епископъ крутицкій, писавшій въ 1546 году по благословенію митрополита Макарія, говоритъ прямо, что въ теченіе 30 лѣтъ по смерти Юсифа никто ни изъ родственниковъ, ни изъ учениковъ не написалъ о немъ. Отсюда видно, что очеркъ жизни Юсифа, составленный племянникомъ его Досвеемъ въ видѣ надгробнаго слова, написанъ въ одно время съ сочиненіемъ Саввы или позднѣе. Третье житіе, принадлежащее неизвѣстному автору, сохранилось въ рукописи, писанной повидимому задолго до 1566 года, но составлено не раньше 1540-хъ годовъ ¹⁾). Сочиненія Саввы и этого неизвѣстнаго біографа принадлежать по содержанію своему къ числу луч-

¹⁾ Всѣ три житія изданы г. Невоструевымъ. Указываемое намъ сходство Саввы съ Досвеемъ въ одномъ мѣстѣ такъ далеко, что едвали можно видѣть въ немъ заимствованіе (Саввино ж. стр. 9, прим. 31). Неизвѣстный біографъ выражается объ иноцѣ Діонисіѣ Звенигородскомъ какъ объ умершемъ; въ одномъ сб. сохранилась приписка съ извѣстіемъ, что этотъ инокъ умеръ въ 1539 г. (волокол. сб. моск. д. ак. № 577, л. 298).

шихъ житій въ древнерусской литературѣ и притомъ хорошо дополняютъ, даже иногда поправляютъ одно другое. Оба биографа хорошо знали жизнь Іосифа: первый былъ его постриженникомъ и ученикомъ; второй сообщаетъ такія подробности, которыя могли быть почерпнуты только изъ очень близкаго къ Іосифу источника. Но при этомъ одинъ большею частью распространяется именно о томъ, о чемъ умалчиваетъ или говоритъ кратко другой; иногда даже въ разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи одинъ выставляетъ на первый планъ черты, опущенныя или мимоходомъ замѣченныя другимъ. Очень трудно разъяснить личность любопытнаго неизвѣстнаго биографа. Единственный списокъ его труда, отысканный въ библіотекѣ Іосифова монастыря, попалъ въ нее (въ 1566 г.) со стороны, вмѣстѣ съ другими рукописями изъ библіотеки кн. Д. П. Оболенскаго — Нѣмага; на этомъ списокѣ есть замѣтки, сдѣланныя рукою противника Іосифовскихъ мѣній, иногда довольно рѣзкаго; авторъ нигдѣ не дѣлаетъ и намека, что онъ былъ ученикомъ Іосифа, даже зналъ его лично, называетъ его просто черноризцемъ и даетъ понять, что писалъ не въ его монастырѣ ¹⁾). Останавливаясь на себѣ также мягкость автора въ отношеніи къ противникамъ Іосифа, отсутствіе рѣзкихъ выраженій онихъ, которыхъ не чуялъ Савва. Наконецъ чтеніе этого житія затрудняется изысканной вычурностію изложенія, которою оно замѣтно отличается отъ другихъ житій XVI в. и какую находимъ только у одного писателя того времени, у Зиновія Отенскаго. Не этотъ ли ученикъ Максима Грека, въ вопросѣ о монастырскихъ селахъ разошедшійся съ учителемъ и приставшій къ осифлянамъ, написалъ и разсматриваемое житіе? — Разсказъ Досифея, вообще краткій и не вездѣ точный, любопытенъ нѣкоторыми чертами, наприм., о дѣтствѣ и родителяхъ Іосифа, объясняющимися род-

¹⁾ Житіе Іосифа, сост. неизвѣстныхъ, стр. 4 и 56.

ственной близостью автора къ послѣднему. Указанная замѣтка Саввы, что до него никто не писалъ объ Іосифѣ, поддерживаетъ намекомъ Досноея, что онъ писалъ свое слово «по мнозѣ времени» послѣ смерти Іосифа ¹⁾. Уцѣлялъ другой еще болѣе любопытный трудъ Досноея. Въ сѣверной агіобіографіи не замѣтно наклонности составлять патерики, подобныя кіевопечерскому; обыкновенно ограничивались простыми сборниками житій святыхъ извѣстной мѣстности. Попытка составить нѣчто похожее на патерикъ была сдѣлана Іосифомъ въ его сказаніи о русскихъ пустынножителяхъ. Ближе подходитъ къ этой формѣ малоизвѣстныя воспоминанія объ Іосифѣ и его учителѣ Пафнутіѣ ²⁾. Авторъ ихъ указываетъ на себя замѣткой въ предисловіи: «также и ученика (Пафнутіева) отца Іосифа надгробными словеса почтохомъ и мало объявихомъ о жительствѣ его, кто и откуда бѣ, еже отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ въ его обители и индѣ». Онъ обѣщаетъ написать, что слышалъ отъ Пафнутія, Іосифа или отъ ихъ учениковъ и что самъ видѣлъ въ ихъ обителяхъ. Неизвѣстно, гдѣ постригся Досноей; но по разсказу епископа крутинскаго Саввы, въ 1484 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вассіаномъ былъ уже инокомъ и помогалъ Іосифу въ построеніи церкви. Въ надгробномъ словѣ Іосифу онъ говоритъ, что удалился изъ монастыря дяди по его благословенію, можетъ быть, въ Пафнутіевъ монастырь. По указанной выше

¹⁾ «Слово надгробное преп. иг. Іосѣу. Сказаніе о житіи его, откуда и кто бѣ», изд. г. Пеноструевымъ, стр. 23 и 28.

²⁾ Синод. сб. XVI в. № 927, л. 2—40. Сочиненіе безъ заглавія, начинается словами: «Понже убо мнози вначала отъ отецъ начаша чинити повѣсти преже бывшихъ отецъ, въз же ти сожителствовахъ и отъ нихъ слышаша, нана же сами видѣша и слышаша, странствующе по монастыремъ». Но на об. 1-го бѣлаго листа записано: «Черница Васіана Фатеева, бывшаго архимандрита Вотницкаго монастыря, тверскаго уѣзда, письмо о житіи вкратцѣ преп. иг. Іосѣа Волоцкаго». Сб. писанъ раньше 1568 г., когда умеръ Вассіанъ.

ссылка Досмоея на писаніе о чудесахъ Макарія Колязинскаго можно думать, что онъ писалъ свои воспоминанія не раньше 1546 года. Излагая программу своихъ записокъ, онъ самъ называетъ ихъ патерикомъ ¹⁾). Согласно съ такимъ названіемъ авторъ въ первой части излагаетъ рядъ назидательныхъ изреченій и бесѣдъ Іосифа, рассказы его и другихъ иноковъ довольно разнообразнаго содержанія; вторая часть состоитъ изъ 5 повѣстей Пафнутія о морѣ въ 1427 г. и нѣсколькихъ рассказовъ Іосифа и другихъ о бл. Георгіи Васильевичѣ, о митрополитѣ Петрѣ, о нашествіи Татаръ и т. п. ²⁾). Въ этихъ разнообразныхъ рассказахъ много любопытныхъ чертъ для характеристики не только монастырской жизни XV и XVI в., но и всего древнерусскаго общества.

Въ томъ же сборникѣ помѣщены небольшія біографіи двоихъ сотрудниковъ Іосифа, Кассіана Босаго и его ученика Фотія, похожія одна на другую по своему складу и изложенію ³⁾). Авторъ второго житія называетъ себя въ немъ по имени: это ученикъ Фотія Вассіанъ, рукою котораго писанъ сборникъ. Рассказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Фотія написанъ авторомъ со словъ другихъ учениковъ этого старца: повидимому, Вассіанъ сталъ Возмицкимъ архимандритомъ раньше смерти Фотія 9 марта 1554 г. Авторомъ житія Кассіана Босаго считаютъ этого Фѣ-

¹⁾ Тамъ же л. 6: „Сего ради изволахъ по словѣ трудившихся (sic) писаніемъ изложити въ патерицѣ по отческому преданію перифе о отци Пафнутіи и о ученицѣхъ его и елика отъ него они слышаша, потомъ же по отцѣ Іосифѣ и о ученицѣхъ его и елика отъ него слышавомъ и сами видѣхомъ, такоже во инѣхъ монастырехъ пребывая, елика слышавъ и самъ видѣхъ и елика отъ сущихъ въ мірѣ слышавъ, потщахся писанію предати таковая... глаголющихъ ради и неправѣ мудрствующихъ, яко въ нынѣшняя времена такова знаменія не бываютъ“.

²⁾ Лишь эта часть извѣстна по другимъ спискамъ и была внесена потомъ въ житіе Пафнутія.

³⁾ Синод. сб. № 927, л. 104—112 и 172—177.

тія ¹⁾). Вассіанъ поставилъ его имя надъ двумя произведеніями, помѣщенными въ томъ же сборникѣ: надъ поученіемъ противъ сквернословія и службой преп. Іосифу, представленной митроп. Макарію, который «благословилъ старца Фотія въ кельи по ней молитвовати и до празднованія соборнаго изложенія» ²⁾). Есть указаніе, заставляющее думать, что житіе Кассіана написано не Фотіемъ: рассказывая о пожарѣ, остановленномъ молитвой Кассіана, авторъ прибавляетъ: «миѣ же въ та времена лучшє быти въ келарехъ». Въ житіи Фотія есть извѣстіе, что онъ много лѣтъ былъ уставщикомъ, но нѣтъ и намека на келарство; напротивъ Вассіанъ замѣчаетъ, что учитель его «не желаше старѣйшинства или подстарѣйшиною быти». Сходство литературныхъ приемовъ и даже нѣкоторыхъ выражений заставляетъ предполагать одного автора обоихъ житій. Оба написаны просто, безъ реторики, безъ предисловія и похвальныхъ словъ. Пользуясь трудомъ Саввы въ біографіи Кассіана, авторъ въ обоихъ житіяхъ сообщаетъ много новыхъ и драгоцѣнныхъ чертъ для характеристики жизни Іосифова монастыря въ первую половину XVI в.

Рядъ волоколамскихъ біографовъ XVI в. завершается Евѣиміемъ Турковымъ, постриженникомъ и игуменомъ Іосифова монастыря (1574—1587); впрочемъ его литературная дѣятельность развѣ только началомъ своимъ относится къ Макарьевскому времени. Въ бібліотекѣ Іосифова монастыря сохранилось нѣсколько книгъ, писанныхъ его рукою, съ автобіографическими замѣтками. Между ними есть канонникъ, содержащій въ себѣ черновой списокъ сочиненій Евѣимія, молитвъ, предсмертной исповѣди, канона на исходъ души и канона «за друга умерша», съ поправками автора ³⁾). Въ довольно обширной исповѣди ав-

¹⁾ Архив. Филаретъ въ Обзорѣ дух. лят. I, стр. 213.

²⁾ Синод. сб. № 927, л. 178 и 160.

³⁾ Волокол. сб. въ моск. дух. арх. № 412.

торъ изложилъ свои предсмертныя размышленія и нѣсколько чертъ изъ своей жизни. Евѳимій пишетъ просто, но его изложеніе проникнуто теплымъ чувствомъ и обличаетъ въ авторѣ литературный талантъ. Такимъ же характеромъ отличается раньше составленная имъ записка о Ѳеодосіѣ, бывшемъ архі-епископѣ новгородскомъ: это исполненный задушевной скорби рассказъ о послѣднихъ дняхъ учителя ¹⁾. Здѣсь же Евѳимій записалъ любопытныя извѣстія о взятіи Подолска, происшедшемъ въ одно время со смертію Ѳеодосія, въ февралѣ 1565 г.

ГЛАВА VII.

Перечень позднѣйшихъ житій и редакцій.

Столѣтіемъ позже мисей митрополита Макарія составлены были два новыхъ сборника такого же рода, заслуживающіе нѣкотораго вниманія въ исторіи древнерусской письменности житій. Одинъ изъ нихъ написанъ по порученію Троицко-Сергіевского архимандрита Діонисія рукою монаха Германа Тулупова изъ Старицы въ 1627—1632 гг., другой составленъ священникомъ посадской церкви Сергіева монастыря Іоанномъ Милютинымъ и его сыновьями въ 1646—1654 гг. По составу своему тѣ и другія четьи-миней отличаются бѣльшимъ однообразиемъ отъ Макарьевского сборника: въ нихъ вошли почти исключительно памятники историческаго содержанія, житія и сказанія. На этихъ минеяхъ отразилось движеніе древнерусской агіобіографіи до половины XVII вѣка: въ сборникѣ Макарія житія русскихъ свя-

¹⁾ Волод. сб. въ моск. дух. ак. № 512, л. 213: это автографъ Евѳимія.

тыхъ составляютъ незамѣтную группу; въ обѣихъ новыхъ сборникахъ имъ отведено много мѣста, въ мнѣсяхъ Милютина ихъ болѣе сотни, не считая отдѣльныхъ сказаній. Но при этомъ оба составителя руководились различными взглядами на свое дѣло. Германъ старался дать мѣсто въ своемъ сборникѣ всему, что находилъ подъ руками: онъ не только переписывалъ памятники цѣликомъ, даже охотно помѣщалъ рядомъ разныя редакціи одного и того же памятника. Милютинъ не обращивался задачей писца и собирателя. Онъ говоритъ, что пользовался для своего сборника монастырскими мнѣями и прологами, писанными Германомъ Тулуповымъ, прибавляя, что писалъ «съ разумныхъ списковъ, тщая обрѣсти правая»; но дорожа мѣстомъ и временемъ, онъ старался сокращать и даже иногда передѣлывать памятники, любилъ опускать въ житіяхъ предисловія и похвальные слова. Это отнимаетъ много цѣны у его обширнаго сборника и позволяетъ обращаться къ нему для изученія извѣстнаго памятника только при недостаткѣ другихъ списковъ ¹⁾).

Литературное однообразіе житій послѣ Макарія позволяетъ ограничиться перечнемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, насколько можно возстановить его по уцѣлѣвшимъ указаніямъ. Въ 1567 г. іеромонахъ Ошевенскаго монастыря Θεодосій написалъ обширное и превосходное по содержанію житіе основателя его преп. Александра ²⁾). Сопровождающій біографію обстоятельный рассказъ о происхожденіи ея открываетъ, какимъ образомъ не

1) Мнѣя Германъ въ бібліотекѣ Тр. Сер. лавры, Милютинскія въ синодальной.

2) Списки: XVI в. Унд. № 276 безъ начала, XVII в. синод. рук. № 413 и сб. Германа Тулунова въ Тр. Серг. л. № 694. Θεодосій пользовался житіемъ Александра Сварскаго, наприм. порядокъ жизни въ Ошевенскомъ монастырѣ (синод. № 413, л. 57) описанъ словами Продіана. Служба, составленная Θεодосіемъ, въ той же синод. рук. № 413 и сборн. Тр. Серг. л. № 625, л. 218.

смотря на 88 лѣтъ, отдѣляющихъ ее отъ смерти Александра, дошло до автора столько любопытныхъ подробностей о жизни святаго. Братъ Александра Леонтій, вскорѣ по смерти его постригшись въ монахи въ Ошевенскомъ монастырѣ, началъ диктовать клирикамъ разсказы о жизни святаго. Около 1530 г. игуменъ Маркелль, обобравъ монастырь, уѣхалъ въ Москву и взялъ съ собою записки. На дорогѣ его убили и записки пропали. Но къ отцу Феодосію, священнику села, гдѣ родился Александръ, часто приходилъ племянникъ послѣдняго, и будущій біографъ, еще свия за азбукой, слышалъ много о жизни пустышника. Поэтому отецъ автора переселился въ село на Оиѣгу, не далеко отъ монастыря, и здѣсь посѣщалъ ихъ іеромонахъ Керилій, читавшій диктованныя Леонтіемъ записки и самъ участвовавшій въ ихъ составленіи. По смерти отца занявъ его мѣсто и потому оидовѣвъ, Феодосій постригся въ Ошевенской обители. Здѣсь онъ не нашелъ никакого писанія объ основателѣ, но засталъ еще древнихъ старцевъ и родныхъ Александра, и пополнивъ ихъ разсказами свои свѣдѣнія о немъ, написалъ біографію. Такіе всточники позволяли автору приложить къ жизнеописанію въ длинномъ рядѣ посмертныхъ чудесъ не менѣе любопытный разсказъ о дальнейшей судьбѣ монастыря. Позднѣе, можетъ быть для чтенія въ церкви, по труду Феодосія составлено было сокращенное житіе, въ которомъ меньше содержанія, но больше реторики ¹⁾).

Около того же времени составлено житіе Кассіана Учемскаго. Авторъ его—бывшій игуменъ Учемскаго монастыря, гдѣ засталъ уже немногихъ учениковъ Кассіана. Кромѣ этихъ учениковъ о Кассіанѣ разсказывалъ біографу знавшій его Терапонтовскій старецъ Силуанъ. Учемскіе игумены XVI в. не всѣ извѣстны;

1) Единственный св. его встрѣтили мы въ явнеѣ Г. Тулунова № 69, ч. 216 - 237. Нач. „Якоже небо уграждаетъ звѣздами“.

изложенные признаки указываютъ повидимому на игумена Порфирія, по просьбѣ котораго въ 1560 г. подтверждена одна грамота Учехскаго монастыря ¹⁾.

Біографъ Александра Күштскаго говоритъ, что слышалъ отъ «отецъ» своихъ рассказы объ Александрѣ, сообщенные имъ сотрудниками святаго Савватіемъ и Симеономъ; по неясному намеку въ похвальномъ словѣ можно заключать, что оно съ житіемъ написано во время царя Ивана Грознаго. Къ житію приложено 22 посмертныхъ чуда: 20-е помѣчено 1575 годомъ и имъ въ нѣкоторыхъ спискахъ оканчивается житіе, которое повидимому написано около этого времени ²⁾. Выписавъ, что нашелъ объ Александрѣ въ сказаніи Паисія Ярославова, авторъ прибавилъ немного новыхъ извѣстій, не лишенныхъ впрочемъ интереса. Въ изложеніи онъ старался подражать житію Діонисія Глушицкаго, откуда почти дословно выписалъ предисловіе.

Монахъ Сійскаго монастыря Іона написалъ житія Антонія Сійскаго, Сергія Нуромскаго и Варлаама Вадскаго. Сохранившіяся указанія позволяютъ возстановить исторію перваго изъ этихъ житій ³⁾. Іона въ послѣсловіи пишетъ, что составилъ

¹⁾ Списки этого рѣдкаго житія въ Мелют. ч. мин. май, л. 1183 и въ сб. синод. типогр. библ. № 1615. Нач. „Отцы и братія и боговзбранніи людіе.. Бывшу ми нѣкогда въ обители его и на мѣстѣ его стоящу и жезъ настырскій въ рудѣ, имѣи, и еще отъ ученикъ его ту застахъ.“

²⁾ Ч. Мин Г. Тулунова № 677, л. 61, сб. гр. Узорова по катал. Царскаго № 124, л. 82, ч. мин. Мелют. июнь, л. 516. Нач. „Се бо нынѣ о семъ блаженнемъ свѣтлымъ учителѣ славнымъ Павелѣ воиіотъ“. Въ похвалѣ читаемъ: „ирародительъ благовѣрнѣйшаго и высшаго царя и государя Іоанна Васильевича, самодержца всея Русіи, вел. князь кievскій Владимиръ“ и проч. Последнее чудо 1559 г. повидимому прибавлено послѣ.

³⁾ Списокъ Іонна житія Антонія XVII в. въ сб. солов. библ. № 230 съ службой, составленной тѣмъ же авторомъ, и въ рукоп. Унд. № 284. Нач. „Понеже великихъ свитыхъ мужъ добродѣтели писати иреподобно есть“. Посмертныя чуда описаны позже житія: въ нихъ рассказываетъ о постройкѣ новой церкви въ монастырѣ, начатой въ 1589 г.

свой трудъ въ 7086 (1577 — 78 г.). Вскорѣ написана была другая редакція житія царевичемъ Цзавожъ, сыномъ Грознаго. Изъ его подробнаго разказа о происхожденіи этой редакціи можно видѣть, что побудило Сітскаго игумена Питирима съ братіей поручить Іонѣ составленіе житія: тотчасъ по окончаніи послѣдняго игумень съ ученикомъ Антоніа Филооеемъ поѣхалъ въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи празднованія святому. Игумень съ другимъ Антоніевымъ ученикомъ, глгоборскимъ архіепископомъ Александромъ, упростилъ царевича написать житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службой. Царевичъ исполнилъ просьбу въ 1579 г. Онъ называетъ «первымъ писателемъ» Антоніева житія Филооеея. Іона, по его словамъ, **извѣсталь житіе по разказамъ учениковъ Антонія, «памятуховъ житію его», въ часахъ которыхъ упоминаетъ и Филооеея.** Но одно изъ посмертныхъ чудесъ повѣствуетъ, объ инокѣ, который первый началъ писать о святомъ, но былъ остановленъ порицаніемъ прочей братіи, которая кричала: «преже сего никтоже дерзну писати, а сей убо пишеть и житія святыхъ составляетъ». Это извѣстіе можно отнести къ Филооеею, но не къ Іонѣ, писавшему по просьбѣ братіи: очевидно, послѣдній воспользовался и не конченными записками перваго, котораго царевичъ назвалъ начальнымъ биографомъ Антонія. Царевичъ прибавляетъ, что Питиримъ и Филооеей принесли ему «списаніе о житіи» святого, «зѣло убо суще въ легкости написано». Это — трудъ Іоны, какъ видно изъ сличенія обѣихъ редакцій. Царевичъ написалъ новое предисловіе и сократилъ два первые разказа въ трудѣ Іоны; далѣе онъ дословно повторилъ послѣдняго и даже не опустилъ его послѣсловія, не назвавъ только автора по имени, но удержавъ черты, вовсе не идущія къ царственному московскому писателю. Строгій отзывъ царевича о своемъ не-точникѣ несправедливъ: самъ онъ не прибавилъ ни одной новой черты къ разказу Іоны, далеко не воспроизвелъ его обиль-

наго любопытными подробностями содержанія и превзошелъ его развѣ риторикой, не вездѣ удачной ¹). — Въ припискѣ къ житію Сергія Нуромскаго, сдѣланной позднѣе, инокъ Іона говоритъ, что написалъ его въ 1584 году, когда былъ игуменомъ въ Глушицкомъ монастырѣ, куда Нуромская братія обратилась къ нему съ просьбой описать жизнь своего основателя. Уцѣлѣвшія въ актахъ Глушицкаго монастыря извѣстія объ игуменѣ Іонѣ относятся къ тому же 1584 г. и не позволяютъ опредѣлить, долго ли жилъ тамъ біографъ. Складъ предисловія и приписки въ этомъ житіи не оставляютъ сомнѣнія, что авторъ его тотъ же Сійскій инокъ. Въ 1589 г. онъ уже изъ Сійскаго монастыря посланъ былъ на Вагу; тамъ дѣла задержали его всю зиму, заставивъ долго пробыть въ монастырѣ Варлаама: и здѣсь братія, давно скорбѣвшая, что некому написать житіе основателя, умолила заѣзжаго біографа воспользоваться «остаткомъ древнихъ отецъ» для жизнеописанія Варлаама. Ни на Нурмѣ ни на Вагѣ Іона не засталъ учениковъ основателей; этимъ объясняется скудость обѣихъ біографій сравнительно съ житіемъ Антонія. Но и немногія свѣдѣнія о Сергіѣ и Варлаамѣ, записанныя Іоной, получены имъ изъ надежныхъ источниковъ. Въ житіи Сергія онъ перечисляетъ рядъ иноковъ, преемственно передававшихъ одинъ другому въ продолженіе столѣтія повѣсть о жизни святаго, пока около половины XVI в. послѣдній изъ нихъ, игуменъ Павлова Обнорскаго монастыря Протасій не записалъ преданія въ своихъ «свиткахъ», которыми Іона пополнилъ изустные рассказы братіи. На подобныхъ источникахъ основано и житіе Варлаама ²).

¹) Спискъ редакціи царевича въ рукоп. Унд. XVI в. № 285 в гр. А. С. Уварова XVII в. № 385 (по катал. Царск. № 86), безъ приписки, въ которой авторъ рассказываетъ о происхожденіи своего труда; она напечатана у Барамз. IX, примѣч. 612 по изд. Эйнерлинга.

²) Объ Іонѣ см. грамоты Глушицкаго мон. въ Ист. рос. іер. III, 711 и 720. Сп. житія Сергія XVII в. въ солов. сб. № 1007, л. 27, Унд.

Житіе Геннадія Гостромскаго виѣсть съ службой ему на писанъ ученикъ его и игумень основанаго имъ монастыря Алексѣя. Въ наставленіи къ братіи по поводу житія авторъ просить отвезти его трудъ на просмотръ къ царю Федору и митрополиту Дионисію: слѣдовательно біографія написана въ 1584 — 1587 гг. Она отличается свѣжестью біографическихъ чертъ и простотою изложенія: авторъ владѣеть книжнымъ языкомъ, но мало заботится о риторикѣ. Онъ цѣлкомъ помѣстилъ въ жизнеописаніи и духовное завѣщаніе, продиктованное Геннадіемъ: «бѣ бо Геннадій не умѣяше грамотъ»¹⁾).

Немного позже составлено житіе Геннадіева учителя Корнилія Комельскаго. Авторъ называетъ себя постриженникомъ Корнилія и нѣкоторые рассказы въ своемъ трудѣ оканчиваетъ замѣчаніемъ, что слышалъ ихъ отъ самого святаго. Изъ грамоты патріарха Іова, писанной 21 февр. 1600 г. по поводу установленія празднованія Корнилію, узнаемъ, что игумень Іосифъ представлялъ церковному собору въ Москвѣ канонъ святому и житіе съ чудесами. Въ одномъ спискѣ житія уцѣлѣла замѣтка автора, что оно писано въ 1589 г. «рукою многорѣшнаго Наванала Корнильевскаго»²⁾. Наваналъ, повидимому, не былъ

№ 369, л. 102, Гр. Сврг. заврш. № 667, л. 82, стъ 98 чудесами. Нач. „Вселя убо добродѣтель“. Ж. Варлаама въ рукоп. Унд. XVI в. № 291, ч. мни. Г. Тулунова № 677, л. 231, синод. XVIII в. № 619; чудесъ 24. Нач. „Богъ прославляемъ въ совѣтѣхъ святыхъ“.

1) См. приписку въ концѣ службы Нахоію Нерехотскому въ синод. сб. № VI, л. 133. Ж. Геннадія съ службой того же автора и „сказаніемъ иг. Алексѣя къ пастырю“ Геннадіева доп. въ синод. рукоп. XVI—XVII в. № 929; тоже въ ч. мни. Г. Тулунова № 673, л. 312. Нач. житія: „Въ Троицѣ единаосущней Отца и Сына и Св. Духа встпнствую“.

2) Списки въ синод. рукоп. XVIII в. № 608, л. 55 съ службой, Унд. XVII в. № 369, л. 171, съ припиской автора въ мни. Германа Тулунова № 676, л. 509. Нач. „Разумъ убо православнымъ хрстіаномъ“. Ср. А. А. Эксп. II, № 222.

знакомъ съ житіемъ Геннадія и рассказываетъ о послѣднемъ не совсѣмъ согласно съ Алексѣемъ; рассказъ его богаче Алексѣева труда біографическими подробностями, но такъ же простъ и ровень, даже сухъ и сжатъ, что возвышаетъ его цѣну. — Къ тому же времени, къ концу XVI в. можно отнести составленіе уцѣлѣвшаго житія другаго комельскаго пустынника Иннокентія. Это краткая записка, очень скудная извѣстіями и исполненная неточностей ¹⁾. Біографъ говоритъ, что иѣногда въ монастырѣ «много писанія о святомъ бысть», но въ 1538 г. казанскіе Татары вмѣстѣ съ монастыремъ сожгли и эти записки. Біографъ писалъ по уцѣлѣвшему преданію, многое забывшему или спутавшему; единственнымъ письменнымъ источникомъ служило ему краткое завѣщаніе, приложенное Иннокентіемъ къ собственноручному списку монастырскаго устава учителя своего Нила Сорскаго.

Позднѣйшій писецъ житія Герасима Болдинскаго называетъ автора его, игумена Антонія, учепикомъ Герасима; но это извѣстіе не подтверждается ни его словами въ житіи ни его некрологомъ, написаннымъ въ Вологдѣ въ XVII вѣкѣ; напротивъ онъ вездѣ ссылается только на рассказы «достоверно повѣдущихъ», не выставляя себя очевидцемъ. Житіе написано по просьбѣ монаховъ-учениговъ Герасима и, какъ видно по выраженіямъ автора, въ Болдинскомъ монастырѣ, слѣдовательно не позже 1586 года, когда авторъ сталъ вологодскимъ епископомъ. Біографія отличается обстоятельностью разсказа. Уцѣлѣлъ письменный источникъ ея, любопытный по происхожденію. Передъ

¹⁾ Единственный намъ извѣстный списокъ въ сб. гр. А. С. Уварова нач. XVIII в. № 107, л. 64 безъ предисловія. Авторъ не знаетъ, что Иннокентій пришелъ въ Нилу еще до основанія послѣднимъ скита, странствовалъ съ учителемъ по Востоку и умеръ раньше Нила; напротивъ онъ рассказываетъ, что Иннокентій ушелъ въ скита въ пустыню уже по смерти Нила.

смертью Герасимъ призвалъ къ себѣ Болдинскихъ иноковъ и игуменовъ другихъ основанныхъ нѣхъ монастырей и въ присутствіи ихъ продиктовалъ извѣстія о своей жизни и послѣднія наставленія братіи. Эту предсмертную автобіографію или «изустную память» Герасима, переписанную «съ подлиннаго слово въ слово» въ 1576 г. по приказу соборныхъ старцевъ и игумена Антонія, послѣдній дѣлякомъ внесъ въ свое твореніе, дополнивъ ее разказами учениковъ основателя ¹⁾). По труду Антонія была потомъ составлена другая редакція житія, нѣсколько короче и проще изложенная ²⁾).

Казанскій митрополитъ Гермогенъ, въ 1594 г. составившій сказаніе о мѣстной чудотворной иконѣ Богоматери, вскорѣ по обрѣтеніи мощей Гурія и Варсонофія, въ 1596 или 1597 г. описалъ жизнь этыхъ первымъ свѣтлей христіанства въ Казани ³⁾). При литературномъ искусствѣ повѣсть Гермогена скудна извѣстіями: о жизни Гурія и Варсонофія до пріѣзда въ Казань авторъ замѣчаетъ, что не нашель «отъ младенства знающихъ житіе ихъ и отечество извѣстно»; по и дѣятельность ихъ въ Казани изображена въ общемъ очеркѣ, хотя авторъ и по близости ко времени ихъ жизни и по своему положенію въ Казани не могъ не знать подробностей.

¹⁾ Списокъ этой памяти въ рукоп. Унд., писанной въ Переяславѣ въ 1663 г. № 301, л. 126. Антоніево житіе Герасима въ сб. Унд. 1686 г. № 600, л. 161. Нач. „Елицѣ убо духомъ Божиимъ подвижъ суть“. Послѣдній пзъ 17 чудесъ описаны другимъ авторомъ: 15-е помѣчено 1590 г., когда Антоніи уже не было на свѣтѣ.

²⁾ Она въ рукоп. XVII в. Имп. Публ. библ. Погод. ота. № 711, безъ предисловія; она сообщаетъ болѣе подробное извѣстіе о Сверхковомъ монастырѣ съ любопытнымъ разказомъ о бояринѣ Салтыковѣ соваринна въ остальномъ сочиненіи Антонія.

³⁾ Сп. XVII в. въ сянод. сб. № 109 и XVIII в. въ рукоп. Унд. № 299 съ службой. Нач. „Повѣсть повѣсна яко близъ очима зрится“.

Житіе Антонія Римлянина въ сохранившихся спискахъ XVI—XVII в. приписывается Андрею, ученику и преемнику Антоніеву по управленію монастыремъ. Въ самомъ житіи Андрей не разъ называетъ себя по имени: по его словамъ, онъ, священноинокъ Андрей, принялъ постриженіе въ обители Антонія, былъ его послушникомъ и ученикомъ; умирая, Антоній призывалъ его къ себѣ, сдѣлалъ его своимъ духовнымъ отцомъ и сообщилъ ему свѣдѣнія о своей жизни, завѣщавъ ему описать ее по смерти. Изъ другаго достовѣрнаго источника извѣстно, что Андрей былъ поставленъ игуменомъ въ 1147 и умеръ 1157. Въ концѣ житія читаемъ, что порученіе написать его было повторено Андрею тогдашнимъ епископомъ Нифонтомъ (+ 1156). Но встрѣчаемъ въ житіи черты, которыя могла занести только позднѣйшая рука. Было уже замѣчено другими, что новгородецъ первой половины XII в., говоря о гривенномъ слиткѣ серебра, на который Антоній нанялъ рыболововъ, не могъ написать въ поясненіе, что въ то время у новгородцевъ не было денегъ, а лили они серебряные слитки и ихъ употребляли въ торговлѣ. Но точно также преемникъ Антонія, описывавшій жизнь его по порученію епископа Нифонта, не имѣлъ пужды прибавлять къ имени послѣдняго замѣтку: «бѣ бо въ то время ему святительскій престолъ держашу». Далѣе, житіе говоритъ въ началѣ, что Антоній прибылъ въ Новгородъ въ 1105, а въ концѣ читаемъ: «поживе съ пришествія своего до игуменства лѣтъ 14»; ученикъ Антонія не могъ не знать, что послѣдній поставленъ игуменомъ въ 1131 году ¹⁾. Повѣряя житіе современной Андрею лѣтописью, находимъ въ немъ другія несообразности, невозможныя со стороны современника описываемыхъ событій. Разбирая житіе, замѣчаютъ, что извѣстіе его о построеніи Антоніемъ каменной церкви въ монастырѣ при епископѣ

¹⁾ П. С. Лѣт. III, 6.

Житіе есть анахронизмъ, внесенный позднѣйшимъ редакторомъ. Но въ житіи почти все событія изъ жизни Антонія на Русь отнесены къ времени Никиты; только поставленіе въ игумены и воцѣна Антонія обозначены временемъ епископа Нифонта; житіе какъ будто и не подозреваетъ, что между этими епископами былъ Іоаннъ (1108—1130), ко времени котораго относится все, что рассказываетъ житіе съ основанія обители Антонія до его игуменства ¹). Между указанными противорѣчіями житія есть одно, дающее ключъ къ объясненію элементовъ, изъ которыхъ сложилось житіе. Зная, что Антоній посвященъ въ игумены при Нифонтѣ (по лѣтописи въ началѣ 1131 г.) и пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1105 г., біографъ однакожь увѣряетъ, что Антоній прожилъ 14 лѣтъ отъ «пришествія» до игуменства и заложилъ церковь въ монастырѣ «во второе лѣто по пришествіи». Въ этомъ двойномъ противорѣчій есть не подозреваемая самимъ біографомъ правда: церковь основана по лѣтописи въ 1117 г., слѣдовательно «пришествіе» отнесено къ 1116, ровно за 14 лѣтъ до игуменства. У біографа несомнѣнно были вѣрные письменные источники. Однимъ изъ нихъ, вѣроятно, служило краткое древнее житіе Антонія, подобное первой редакціи житія Варлаама Хутынскаго. Въ рассказѣ объ основаніи монастыря біографъ упоминаетъ о духовной грамотѣ Антонія. Подлинникъ ея исчезъ, но въ монастырѣ сохранились позднѣйшіе списки двухъ грамотъ Антонія ²). Одна изъ нихъ имѣетъ видъ купчей и подана была игуменомъ въ 1573 г. царю по поводу тяжбы монастыря съ новгородскими посадскими за землю; другая похожа на духовное завѣщаніе основателя. Въ обоихъ легко замѣтить черты, не позволяющія считать ихъ под-

¹) П. С. Р. Лѣт. III, 4—6.

²) Онѣ напечатаны въ Ист. рос. іер. III, 123—126 и у Карам. II, прил. 210. См. Ист. рос. іер. III, 144 и 154—175.

дѣлками; но обѣ смущаютъ своей вѣшной формой. Въ монастырскихъ актахъ XVI в., относящихся къ тяжбѣ, вездѣ упоминается списокъ только съ одной «духовной купчей ободной» грамоты Антонія, а выдержки приводятся изъ обѣихъ: повидимому, это двѣ части одной духовной и купчая, поданная царю. Есть лишь выписка того мѣста изъ послѣдней, которое было нужно для судебного процесса: Участіе позднѣйшей руки, измѣнившей подлинный видъ грамоты, замѣтно и въ опредѣленіи цѣны Антоніевой покупки рублями, а не гривнами. Это помогаетъ объяснить извѣстіе грамоты, будто Антоній поселился на мѣстѣ обители по благословенію епископа Никиты, умершаго за 10 лѣтъ до ея основанія: въ подлинникѣ, вѣроятно, имя епископа не было обозначено и вставлено потомъ по догадкѣ. Извѣстія житія, заимствованныя изъ этихъ источниковъ, помогаютъ отдѣлать отъ нихъ черты другаго происхожденія, поставленные рядомъ съ ними и нерѣдко имъ противорѣчащія. Въ духовной Антоній пишетъ, что онъ не принималъ имѣнія ни отъ князя ни отъ епископа, но купилъ для монастыря на свои деньги село Волховское у посадничьихъ Ивановыхъ дѣтей Семена и Прокофія; житіе, цитируя духовную, говоритъ объ этой покупкѣ, но выше, въ концѣ повѣсти о чудесномъ прибытіи Антонія въ Новгородъ превращаетъ этихъ посадничьихъ дѣтей въ посадниковъ Ивана и Прокофія Ивановичей, которые по просьбѣ епископа даромъ отводятъ подъ монастырь землю въ селѣ Волховскомъ. Въ духовной Антоній не говоритъ, откуда взялъ 170 гривенъ на покупку села и тонн; житіе, выписывая это мѣсто духовной, прибавляетъ отъ лица Антонія, будто деньги взяты «изъ Пречистыя сосуда, сирѣчь изъ бочки» ¹⁾. Такъ біографъ ставилъ рядомъ подъ покровомъ одинаковаго авторитета документаль-

¹⁾ Ср. Ист. іер. въ указ. м. стр. 123—125 съ Пров. Собес. 1858 г. ч. II, стр. 314, 171 и 321.

ныя и легендарныя черты. Можно замѣтить, что легенда о путешествіи Антонія изъ Италіи именно и вноситъ путаницу въ житіе: авторъ какъ будто не знаетъ, какъ расположить, съ какими извѣстіями другія источяниковъ сваяать части этой легенды, и расположилъ ихъ невѣрно. Происхожденію и элементы этой легенды лежатъ за предѣлами нашей задачи; но нѣкоторыя соображенія о ходѣ ея развитія необходимы для подтвержденія вывода, что не перо XII в. записало ее въ томъ видѣ, какъ она изложена въ житіи. Житіе рассказываетъ, что по смерти Антонія, когда ученикъ его Андрей открылъ епископу и всѣмъ людямъ города тайну прибытія святаго въ Новгородъ, «оттолѣ начатъ зватися Антоній Римлянинъ». Но ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ памятникахъ, составленныхъ до половины XVI в., имя его не является съ такимъ эпитетомъ. Само житіе впадаетъ здѣсь въ любопытное противорѣчіе: по его словамъ, до самой кончины Антонія никто не зналъ «тайны о пришествіи его» кромѣ Никиты и Андрея, а въ рассказѣ о тяжбѣ съ рыбаками за бочку Антоній торжественно на судѣ за 30 лѣтъ до смерти объявляетъ, что въ Римѣ бросилъ эту бочку въ море, скрывъ въ ней священные сосуды. Изъ приложенныхъ къ житію похвалы и статьи о чудесахъ видно, какъ съ половины XVI в. подъ вліяніемъ воскресавшаго преданія объ Антоніѣ впервые выходили изъ забвенія памятники, связанные съ его именемъ: игумень Веніаминъ около 1550 г. торжественно поднялъ лежавшій дотолѣ въ прелебреженіи на берегу Волхова камень, на которомъ приплылъ Антоній; около 1590 игумень Кириллъ открылъ въ ризницѣ морскія трости, приплывшія съ этимъ камнемъ, и реставрировалъ на немъ образъ Антонія, стертый временемъ. Многолѣтняя тяжба за землю, купленію Антоніемъ, не могла остаться безъ дѣйствія на обновленіе преданія о немъ въ памяти мѣстныхъ жителей. — Назложенныя замѣчанія, повидимому, помогаютъ объяснить происхожденіе житія. Въ со-

хранившихся списках оно обыкновенно начинается втѣеватымъ предисловіемъ и сопровождается похвальнымъ словомъ, статьей о чудесахъ и длиннымъ послѣсловіемъ, изъ котораго узнаемъ, что чудеса описаны постриженникомъ Антоніева монастыря Нифонтомъ въ 1598 г. въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, куда онъ переселился вслѣдъ за игуменомъ Кирилломъ, около 1594 г. Нифонтъ приписываетъ себѣ только повѣсть о чудесахъ, но при этомъ даетъ понять, что прибавилъ эту повѣсть къ прежде сдѣланному собственноручному списку житія ¹⁾. Разсмотрѣнное выше содержаніе послѣдняго не позволяетъ считать его твореніемъ Антоніева ученика, которому оно приписывается. По литературнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ древней Руси, ипой грамотей, передѣлавъ старое произведеніе, смотрѣлъ однакожь на свою передѣлку только какъ на новый списокъ подлинника и усвоилъ первому автору, что онъ могъ написать, хотя и не написалъ. Живя въ монастырѣ Антонія, Нифонтъ первый возбудилъ мысль открыть и прославить его мощи. Потомъ онъ много хлопоталъ объ этомъ. Для успѣха дѣла необходимо было представить властямъ приличное житіе святаго съ чудесами и похвалою. Въ монастырѣ, вѣроятно, было преданіе, что краткая записка о святомъ составлена Андреемъ. Передѣлывая и дополняя другими источниками эту записку къ торжеству открытія мощей, послѣдовавшаго въ 1597 году, Нифонтъ не только поставилъ надъ біографіей имя Андрея, но и считалъ себя въ правѣ говорить въ ней отъ лица послѣдняго. Наконецъ новый біографъ самъ указываетъ на происхожденіе анахронизма, который онъ допустилъ, отнесши событія жизни Антонія до игуменства ко времени епископа Никиты: имя ничѣмъ не памятна-

¹⁾ Слѣд. рук. № 609, л. 151 - 159: „повелѣ ми (пг. Кирилл) сія вся доздѣ написати чудеса преподобнаго; а прочая же напередѣ написана бша въ книзѣ сеѣ, а здѣ же азъ сія вся тогда написахъ себѣ памяти ради въ обители живоначальныя Троицы“. Ср. Оп. Рум. муз. стр. 210.

въ преемника его Иоанна заблудсь, а мысль открыть мощи Антонія пришла Нифонту, по его словамъ, немного послѣ обрѣтенія мощей Никиты.

Въ житіи основателя Сыпанова монастыря Пахомія, очень мало распространеномъ въ древнерусской письменности, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на время и мѣсто его написанія; лишь въ нѣкоторыхъ неясныхъ признакахъ можно относить его появленіе къ концу XVI вѣка ¹⁾. По его дѣльный, внушающій до глубины престои разсказъ показываетъ, что поздній биографъ имѣлъ подъ руками надежные источники извѣстій объ этомъ подвижникѣ XIV в.

Распространенное въ рукописяхъ житіе митроп. Флиппа составлено кѣмъ-то въ Соловецкомъ монастырѣ, по порученію игумена и братіи, вскорѣ по перенесеніи туда мощей святителя изъ Отроча монастыря въ 1590 году. Авторъ замѣчаетъ: «никтоже яже о немъ написавъ намъ остави, тѣмъ же и азъ отъ нѣхъ достовѣрно повѣдающихъ о немъ слышахъ»; но въ разсказѣ объ игуменствѣ Флиппа онъ нигдѣ не выставляетъ себя очевидцемъ рассказываемаго ²⁾. Этимъ объясняются нѣкоторыя

¹⁾ Единственный намъ извѣстный сп. житія конца XVI или нач. XVII в. въ поперелетенномъ синод. сб. № VI, л. 134—155 съ однимъ посмертнымъ чудомъ, совершившимся надъ ученикомъ Пахомія Принаркомъ. Предисловіе къ житію—передѣлка предисловія къ житію Евросипіа полоцкой. Нач. „Благословевъ Господь Богъ Израилевъ“. Передъ житіемъ помѣщена служба Пахомію съ наставленіемъ, какъ изображать на иконѣ Пахомія и Геннадія костромскаго.

²⁾ Сп. житія XVI—XVII в. въ сб. Рум. № 361, л. 196, XVII в. Унд. № 381, волокол. сб. моск. дух. ак. № 660, л. 24, Большая. въ моск. публ. муз. № 28, л. 1. Въ первомъ изъ нихъ, которымъ пользовался Карамзинъ (т. IX, прим. 173—205) сохранилась записка автора, опущенная въ другихъ: рассказывая о дѣятельности Флиппа въ Москвѣ, онъ говоритъ: „не отъ много слышахъ, но свѣдѣхъ“. По этой редакціи, перенесеніе мощей было въ 21-й годъ по смерти Флиппа, но другой—въ 1590 августа 8. Предисловіе въ первой редакціи составлено по житію Герасима Болдинскаго, написанному Антономъ; начало тоже.

неточности въ разсказѣ его о жизни Филиппа и на Соловкахъ и въ Москвѣ. Сохранилась другая редакція житія, составленная тамъ же: она во многомъ повторяетъ первую, короче описываетъ управление Филиппа русской церковію, но представляетъ много новыхъ и любопытныхъ чертъ въ разсказѣ о заточеніи Филиппа и особенно о его хозяйственной дѣятельности въ монастырѣ на Соловкахъ ¹⁾.

Еще царствованіе Бориса Годунова пріятель его патріархъ Іовъ написалъ житіе царя Ѳедора. Оно изложено слишкомъ официально для литературнаго произведенія и при обиліи реторики слишкомъ бѣдно содержаніемъ для біографа-современника стоявшаго такъ близко къ самому источнику описываемыхъ событій. Въ рукописяхъ встрѣчается служба преп. Іосифу Волоцкому съ извѣстіемъ, что въ 1591 г. соборомъ установлено всецерковное празднованіе его памяти и по этому поводу исправлены были для печатнаго изданія тропарь, кондакъ, стихирь, канонъ и изъ литургій вся служба Іосифу. Въ службѣ одинъ канонъ— створеніе Іова патріарха ²⁾.

По порученію того же патріарха составлена была пятая, самая обширная и витѣватая редакція житія кн. Александра Невского. Изъ приписки къ ней видно, что авторъ ея—воло-

¹⁾ Единственный сл. второй ред. безъ начала въ рукоп. Унд. XVII в. № 380, л. 35. Первая редакція упоминаетъ мимоходомъ о приставѣ Степанѣ Кобылинѣ, мучившемъ Филиппа къ заточенію, потомъ постриженомъ и заточенномъ въ Каченный монастырь. Второй редакторъ разсказываетъ подробности о заточеніи Филиппа со словъ старца Симеона, бывшаго сл. Кобылина. Заточену ому бывшу на Соловкахъ. На время второй редакціи есть намекъ въ извѣстїи ея, что на мѣстѣ желѣзныхъ пострѣженныхъ Филиппомъ, нынѣ построены новые каменные: можетъ быть, это тѣ, которыя были поставлены послѣ пожара, истребившаго каменныя въ 1601 г. по Соловецкой лѣтописи. Солов. рукоп. вѣд. дух. ак. № 483.

²⁾ Житіе Ѳедора въ Пяк. лѣт. VII, 316—359. Канонъ Іосифу въ ермол. сб. моск. дух. ак. № 381.

годекій архієпископъ Іона Думинъ. Его трудъ—компиляція, составленная по запискѣ Александра біографа-современника, по дѣтописи и по двумъ редакціямъ житія, написаннымъ по порученію митрополита Макарія; новый редакторъ прибавилъ отъ себя новыя реторическія украшенія, 4 чуда 1572 года и пространное похвальное слово. Сводя и передѣлывая сказанія прежнихъ біографовъ, Іона однакожь ведетъ разказъ отъ ихъ лица и приписываетъ имъ слова, которыхъ не находимъ въ ихъ сочиненіяхъ: такимъ образомъ въ біографіи, написанной по благословенію Іона, читаемъ, что авторъ бесѣдуетъ съ плѣнными, взятыми Александромъ въ Ледовомъ бою, и получаетъ отъ митрополита Макарія приказаніе написать житіе Александра, и слушаетъ разказъ старца Рождественскаго монастыря во Владимірѣ о чудѣ хизая Александра въ 1572 году ¹⁾.

Много дѣтъ спустя по смерти Нила Столбенскаго († 7 дек. 1554 г.), около 1580 г. въ пустыню его пришелъ изъ сосѣдняго Никольскаго Рожковскаго монастыря іеромонахъ Германъ и ушедши черезъ 3 года, воротился туда около 1590 г. Самъ уроженецъ той мѣстности, Германъ по разказамъ окрестныхъ жителей составилъ записки о жизни и чудесахъ Столбенскаго пустынника, и считая себя «недовольнымъ писаніемъ», долго думалъ, гдѣ найти человѣка, способнаго по этимъ запискамъ написать житіе Нила. Узнавъ опъ, что есть въ Болдинскомъ Герасимовомъ монастырѣ такой человѣкъ, инокъ Филовей Пиро-

¹⁾ Милют. ч. мн. нолбр. л. 1055, Унд. XVII в. №№ 275 и 1271: въ послѣднемъ анаграммѣ, въ которой скрыто имя втора; она напечатана по рукоп. Царскаго въ III т. Зап. Археол. Общ. и разобрана въ т. IV стр. 140. Нач. житія: „Якоже въ чувственныхъ видяемое силнее“. Іона, «фронтно, прежде шлазъ въ Рождественскомъ монастырѣ и не прекращала сношеній съ нимъ, ставъ въ 1589 г. епископомъ вологодскимъ: о чудѣ 1572 г. разказала ему монахъ этого монастыря Антоній; въ 1600 г. онъ положилъ въ ту же обитель списокъ твореній Максима Грека на цюкинь души своей по смерти. Опис. рукоп. Царскаго, стр. 200.

говъ, и въ 1598 г. въ Москвѣ на соборѣ встрѣтившись съ Болдинскимъ игуменомъ Феоктистомъ, онъ вручилъ ему свои «писки» о жизни и чудесахъ Нила съ просьбой поручить Филоею составленіе житія. Разказы странствующихъ иноковъ о Нилѣ уже давно пробудили въ Филоеѣ «желаніе несытно» писать о немъ, и когда Феоктистъ принесъ ему записки Германа, онъ составилъ по нимъ житіе, стихиры и канонъ Нилу, дополнивъ извѣстія Германа разказами странствующихъ иноковъ, бывавшихъ на Столбномъ островѣ ¹⁾. Такъ составилось одно изъ любопытнѣйшихъ житій. Филоею замѣчаетъ, что «писалъ съ того вданнаго письма Германомъ»; можно заключать изъ этого выраженія, что записки послѣдняго цѣликомъ вошли въ редакцію Филоея, который удержалъ въ своемъ изложеніи даже ссылку на разказы «жителей Останковскихъ», принадлежащую, очевидно, Герману ²⁾. Сохранившаяся записка послѣдняго о составленіи житія показываетъ, что онъ не хуже Филоея владелъ книжнымъ языкомъ. Житіе составлено вскорѣ по полученіи записокъ, впрочемъ не раньше 1599 года, къ которому относится послѣднее изъ описанныхъ въ немъ чудесъ. Впослѣдствіи, еще до обрѣтенія мощей въ 1667 г. составлена была другая редакція житія, въ которой простой разказъ Филоея, особенно въ началѣ, украшенъ реторикой и распространенъ общими мѣстами житій ³⁾.

¹⁾ Эти извѣстія извлечены изъ предисловія Филоея къ житію и записки Германа, помѣщенной Тулузовымъ передъ житіемъ въ рукоп. Тр. Серг. л. № 672, л. 85. Въ рукоп. Унд. XVIII в. № 345 то же житіе со службой. Германъ былъ первымъ строителемъ монастыря на Столбномъ островѣ и скончался въ 1614 году; духовную его см. въ Ист. опис. Ниловой пустыни, В. Успенскаго, стр. 109. Нач. житія: „Благословенъ Богъ и Отецъ Госиода нашего“.

²⁾ Унд. № 345, л. 41; Филоею говоритъ о себѣ, что не бывалъ въ Ниловой пустыни.

³⁾ Она изъ рукоп. Унд. XVIII в. №№ 346 п 347, въ обѣихъ безъ предисловія; нач. „Сей преп. Нилъ рожденіе и воспитаніе имѣ отъ области и предѣлъ В. Цоваграда“.

Повѣсть о псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, написанную игуменомъ Корнилиемъ, продолжали другіе и въ началѣ XVII в. рядъ отдѣльныхъ сказаній сведенъ былъ въ одно цѣлое ¹⁾. Самая любопытная статья въ этомъ сводѣ—описаніе монастырѣ, составленное «въ пастолщій сей во 111-й (1603) годъ». Объ осадѣ Пскова Батеріемъ разсказывалъ автору Печерскій игумень Тихонъ, очевидецъ событія; дополняя повѣсть Корнилія, онъ ссылается на разсказы, слышанные имъ отъ Тихонова преемника Никона: въ повѣсти объ осадѣ монастыря Полянами въ 1614 г. авторъ является участникомъ въ защитѣ обители. Трудно рѣшить, принадлежатъ ли эти указанія различнымъ авторамъ отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ сводъ, или одному редактору его, жившему въ Печерскомъ монастырѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Въ спискѣ повѣсти начала XVII в. сохранилось извѣстіе, что три сказанія—о началѣ Печерскаго монастыря, объ осадѣ его и Пскова въ 1581 г.—впервые собраны въ одно цѣлое инокомъ Григоріемъ при игуменѣ Никонѣ ²⁾. Сообщаютъ еще, не указывая источниковъ, что Корниліево сказаніе дополняли въ 1587 г. игумень Мелетій и потомъ Іоакимъ (игумень съ 1593 по 1617 г.), что извѣстную повѣсть объ осадѣ Пскова въ 1581 г. написалъ іеромонахъ Псковскаго Едсазарова монастыря Серапіонъ ³⁾. Составитель

¹⁾ Этотъ сводъ въ солов. рукоп. кав. дух. арх. № 609; списокъ помѣченъ 1632 годомъ. Здѣсь повѣсти о монастырѣ предшествуютъ описъ монастырскихъ зданій: въ повѣсти переписана большая часть Корниліева сказанія, въ которомъ прибавлены извѣстія о первомъ Печерскомъ пустыинникѣ Маріѣ, о дѣятельности Корнилія и о его преемникахъ; затѣмъ слѣдуютъ статьи объ осадѣ Пскова и монастыря въ 1581 г., о переложеньи мощей Марка и Іоны при иг. Іоакимѣ, о намѣщеніи Полянокъ въ 1614 г. и о чудесахъ Печерской иконы.

²⁾ Руков. г. Воеводина; см. Москвит. 1843, г. № 9, стр. 139.

³⁾ Опис. Печерск. монастыря, изд. въ Д-рѣ въ 1821 г. стр. 52. Архіеп. Фларетъ въ Обз. русск. дух. лит. 1, стр. 214 и 225. Митр. Евге-

разсматриваемаго свода, въ своемъ сокращеніи этой повѣсти передавая разсказъ ея о видѣніи Богородицы на стѣнѣ Пскова кузнецомъ Дороеемъ, прибавляетъ, что читалъ объ этомъ «въ писаніи пѣвца Митрофана».

Встрѣчаемъ писателей, соединявшихъ свои труды надъ одной и той же литературной работой. Въ рукописяхъ сохранилась служба великому князю московскому Даниилу, написанная по благословенію патріарха Іова воеводою Семеномъ Романовичемъ Олферьевымъ и инокомъ переяславскаго Даниилова монастыря Сергіемъ. Неизвѣстно, ими ли составлено и житіе князя, встрѣчающееся въ спискахъ XVII в. Рядъ посмертныхъ чудесъ въ немъ оканчивается извѣстіемъ о возстановленіи Даниилова монастыря въ царствованіе Ивана Грознаго. По словамъ житія, «сказаніе, еже во древнихъ лѣтописаніихъ явлено, сіе и здѣ предложися»; новаго въ житіи развѣ только взглядъ на характеръ и дѣятельность князя, любопытный по своему противорѣчію фактамъ, которые излагаетъ самъ біографъ ¹⁾. По сохранившемуся описанію чудесъ Романа, угличкаго князя XIII вѣка, чудотвореніе отъ мощей его началось 3 февраля 1605 г. и тогда же, по порученію патріарха Іова, казанскій митрополитъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ мощи святаго князя, а Семенъ Олферьевъ съ инокомъ Сергіемъ написали повѣсть о немъ, стихиры и каноны. Житіе съ первыми чудесами погибло во время разоренія Углича въ 1699 году; сохранилась только служба князю и описаніе чудесъ съ 2 по 12 марта 1605 года ²⁾. По ви-

ній въ Слов. выс. дух. чинз. ч. 2, стр. 200. Повѣсть издава въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. I.

¹⁾ Рукоп. Унд. XVII в. № 300, Рум. № 157, л. 169, Милют. ч. мнн. март. л. 110. Житіе напеч. въ Степен. I, 377.

²⁾ Обѣ статьи въ рукоп. Унд. XVII в. № 363, описаніе чудесъ въ сб. Тр. Серг. лавры XVII в. № 628, л. 88. Въ лѣтописи никонимъ извѣстіе, что мощи Романа обрѣтены и внесены въ соборную церковь

дяному, одного из названных писателей имелъ въ виду архіепископъ Филаретъ, сообщая извѣстіе, будто *углицкій* инокъ Сергій въ 1610 г. описалъ чудеса Паисія углицкаго и передѣлалъ записки о его жизни¹⁾. Въ рукописяхъ встрѣчаемъ двѣ редакціи житія Паисія, краткую и пространную съ повдѣйшими прибавленіями. Изъ разсказа автора о происхожденіи послѣдней видно, что она составлена послѣ литовскаго погрома на основаніи какой-то «исторіи», вѣроятно, лѣтописной повѣсти о городѣ Угличѣ²⁾. Въ ней можно замѣтить нѣсколько анахронизмовъ; но присутствіе мелкихъ подробностей въ разсказѣ о нѣкоторыхъ событіяхъ и хронологическихъ помѣтокъ, согласныхъ съ другими извѣстіями объ Угличѣ, заставляетъ думать, что авторъ пользовался довольно древнимъ и обстоятельнымъ письменнымъ источникомъ. Въ краткой редакціи по-

Углича въ 1595 году (Ист. VIII, 32 и 33. Лѣтоп. о мног. мѣст. стр. 43). Это извѣстіе неточно: по житію Паисія углицкаго, мощи обрѣты ны спустя немного лѣтъ по освященіи церкви въ монастырѣ Паисія въ 1482 г. и за 120 слишкомъ лѣтъ до разоренія Углича Литвой, слѣдовательно около 1485 г. По актамъ извѣстемъ архимандрита переславскаго Данилова монастыря Сергій въ 1580 и 1584 гг. Собр. гос. грам. и дог. I, стр. 587. А. А. Эксп. I, стр. 212.

¹⁾ Обзоръ р. дух. лит., I, стр. 312; въ Р. Свят. іюнь, прилѣч. 34 авторъ не повторилъ своего извѣстія о Сергій.

²⁾ Краткая безъ предисловія въ Милот. ч. ми. іюнь, л. 260. Пространная—въ нашей рукописи, писанной въ Угличѣ въ 1776 г. Нач. «Имяѣ тубо, отцы и братія, подобаетъ намъ свѣтлое сіе торжество праздновати». Въ концѣ разсказа о чудесахъ Паисія при жизни biografъ замѣчаетъ: «многа писанія послѣди литовскаго разоренія не обрѣтаются уже, потреблены бо суть вся отъ тѣхъ злыхъ чловѣкъ и сожжена бына, и лѣтописецъ гр. Углича тогда же погубе, и сія едва въ ризницѣ преп. отца обрѣтохомъ, да и то вся встѣвшя и издрава несъма и едва можно разобрати; сія же мало отъ тѣхъ списавше и здѣ въ житіе преп. отца приличная положихомъ и исполнихомъ житіе святого отъ оная исторіи, имяѣ нами обрѣтеныя, яже преже доселѣ тая исторія невѣдома бѣ, и житіе преподобнаго вкратцѣ писашеса, то сіе имяѣ всправва и пространно написаса».

что всѣ эти подробности и хронологическія указанія опущены; въ остальномъ она большею частью дословно сходна съ пространной; но трудно рѣшить, была ли она позднѣйшимъ сокращеніемъ этой послѣдней или однимъ изъ ея источниковъ. Ни въ ней ни въ пространной редакціи нѣтъ яснаго подтвержденія извѣстія, будто житіе Паисія написано инокомъ Сергіемъ въ 1610 году ¹⁾). Существованіе старой мѣстной лѣтописи подтверждается «повѣстью о градѣ Угличѣ», составленной во второй половинѣ XVIII вѣка ²⁾). Она начинается болѣе курьезными чѣмъ любопытными преданіями и догадками о происхожденіи и древнѣйшей исторіи Углича, обычными въ старыхъ и новыхъ нашихъ историческихъ описаніяхъ городовъ; но въ дальнѣйшемъ изложеніи выступаютъ ясно мѣстные лѣтописные источники. Для насъ эта повѣсть любопытна тѣмъ, что вмѣстѣ съ извлеченіями изъ сохранившихся житій угличскихъ святыхъ Кассіана и Паисія она приводитъ отрывки изъ житій, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ рукописныхъ библіотекахъ. Такъ находимъ въ ней обстоятельный рассказъ объ ученикѣ Паисія Вассіанѣ Рябовскомъ, по складу своему не оставляющій сомнѣнія, что онъ выписанъ изъ житія Вассіана; не менѣе любопытно сказаніе о современникѣ Паисія, ростовскомъ инокѣ Варлаамѣ, въ 1460 г. основавшемъ монастырь близъ Углича на рѣкѣ Улеймѣ ³⁾).

¹⁾ Архiep. Филаретъ относитъ составленіе пространной редакціи къ концу XVII вѣка, не указывая основаній. Въ обѣихъ редакціяхъ житіе сопровождается 27 всемирными чудесами, изъ которыхъ 2-е помѣчено 1574 годомъ, 21-е относится ко времени царя Василия Шуйскаго. Въ пространной къ этому прибавлено 4 позднѣйшихъ чуда, изъ которыхъ одно помѣчено 1654 г.

²⁾ Она извѣстна намъ по рукописи Пискарева въ Моск. публ. муз.

³⁾ О Вассіанѣ см. л. 53, о Варлаамѣ л. 67. Повѣсть писана послѣ 1764 года, когда упраздненъ монастырь Вассіана; однакожь упоминая о восстановленіи его въ 1616 году, она прибавляетъ что онъ „донынѣ стоитъ неврушивъ славно“: такъ, очевидно, говорило житіе Вассіана.

При патриархѣ Іонѣ въ два литературнаго прославленія памяти святыхъ трудился кн. С. Шаховской. По порученію патриарха написалъ онъ похвальное слово свитителямъ Петру, Алексію и Іонѣ; кромѣ того известно его похвальное слово устюжскимъ юродивымъ Прокопію и Іоанну и повѣсть о царевичѣ Дмитріѣ углицкомъ. Въ обоихъ первыхъ произведеніяхъ авторъ обнаружилъ хорошее знакомство съ риторическими приемами агіобиографіи; но биографическія свѣдѣнія его о прославленныхъ святыхъ ограничиваются тѣмъ, что онъ нашелъ въ ихъ житіяхъ ¹⁾.

Въ духовной Столбенскаго строителя Германа, писанной въ 1614 году, упоминается канонъ Василию, московскому блаженному. Въ повѣствованіи Евсимія Туркова, игумена Іосифова монастыря, писанномъ въ концѣ XVI в., встрѣчаемъ этотъ канонъ съ извѣстіемъ, что онъ — твореніе старца Мисаила Соловецкаго ²⁾. Сохранилось житіе блаженнаго, очень скудное биографическимъ содержаніемъ, но многословное и скорѣе похожее на похвальное слово чѣмъ на житіе; чудеса, приложенныя къ житію, начались въ 1588 году; въ рукописяхъ житіе, кажется, появляется не раньше XVII вѣка: это указываетъ приблизительно на время его составленія ³⁾.

Въ предисловіи къ житію Кпрілла Новозерскаго, выписанномъ изъ житія Евсимія Великаго, нѣтъ указаній ни на автора ни на время появленія житія; рядъ посмертныхъ чудесъ не одинаковъ въ разныхъ спискахъ и трудно угадать, гдѣ остано-

¹⁾ Слово свитителямъ въ Милют. ч. мин. окт. л. 447; слово Прокопію и Іоанну въ рувон. Унд. № 362, л. 197.

²⁾ Опис. Ниловой Стол. пустыни, В. Успенскаго, стр. 110. Рувон. половец. въ моск. дух. акад. № 412. Въ Соловецкомъ уставѣ иг. Филиппа, составленномъ въ 1563 году, въ спискѣ братіи упомянутъ одинъ ннокъ Мисаилъ. Рувон. слов. въ казанск. дух. ак. № 1127.

³⁾ Списки: Унд. № 293, гр. А. С. Уварова по катал. Царск. № 135, л. 453, № 265, л. 51. Нач. „Благословенъ Богъ въ Отець Господь“.

вылся биографъ и откуда начинаются позднѣйшія прибавки 3). Слово объ открытіи мощей Кирилла, написанное въ половинѣ XVII вѣка очевидцемъ событія, рассказываетъ, что въ 1648 г. братія Новоезерскаго монастыря послала боярину Борису Морозову житіе Кирилла съ чудесами при жизни и по смерти. Изъ посмертныхъ чудесъ 14-е помѣчено 1581 годамъ, а о 17-мъ авторъ замѣчаетъ: «се новое и преславное чудо, еже видѣхомъ очію нашею». Наконецъ одно чудо Кирилла при жизни биографу сообщилъ Діонисій, первый по времени сотрудникъ и ученикъ святаго, пришедшій къ нему въ пустыню въ 1517 г. Изъ всего этого можно заключить, что житіе писано въ первые годы XVII в. монахомъ, вступившимъ въ монастырь Кирилла въ концѣ XVI в. Въ этомъ житіи можно замѣтить нѣсколько мелкихъ неточностей; но весь запасъ біографическихъ извѣстій почерпнуть повидимому изъ хорошихъ источниковъ: кромѣ изустныхъ сообщеній учениковъ Кирилла авторъ намекаетъ и на записки, замѣчая, что «древле бывшая знаменія и чудеса отцемъ Кирилломъ списана прежними отцы», потрудившимися въ его обители.

Сохранилось витиеватое описаніе чудесъ Кирилла Челмскаго въ XVII вѣкѣ, составленное во второй половинѣ этого столѣтія Іоанномъ, священникомъ села около Кириллова монастыря. Сообщая двѣ-три біографическія черты о Кириллѣ и называя его братомъ Корнилія Комельскаго, Іоаннъ признается, что

3) Въ спаски житія XVII в. Нач. „Единородный Сынъ Слово Божіе“. Ср. житіе Елевмія В. въ рукоп. Унд. XV в. № 558, л. 318. По сп. Царск. № 126 житіе оканчивается чудомъ 1612года, по сп. Унд. № 328 и Милют. ч. мпн. февр. л. 100 — чудомъ 1620, по сп. Тр. Серг. лавры № 696, л. 75 — тремя чудесами 1627 года, по сп. гр. Уварова № 459), л. 93—чудомъ 1638 г. Архіеп. Фларетъ, останавливаясь на второй изъ этихъ группъ, полагаетъ, что житіе писано въ 1620 г. Русск. Свят.февр. примѣч. 18. Слово на обрѣтеніи мощей напеч. въ чтен. Общ. Ист. и Др. 1864 г. кн. 3

больше ничего не знает. о святомъ, но что были записки о его жизни, пропавшія во время литовскаго разоренія. Въ известномъ намъ спискѣ къ этимъ чудесамъ приложена повѣсть о жизни Кирилла, начинающаяся прямо разсказомъ о пришествіи Кирилла на Челму гору въ лѣто 6824-е: начала и нѣкоторыя частей въ среднѣй, очевидно, не достаетъ ¹⁾. Біографія оканчивается разсказомъ объ исцѣленіи старца Антонія, который въ дѣтствѣ постигнулъ Челмскаго пустышника. Подробности о жизни Кирилла и особенно Челмской обители по смерти его не позволяютъ думать, что біографія составлена на основаніи поздняго изустнаго преданія, которое было для Іоанна единственнымъ неточнымъ свидѣніемъ о Кириллѣ; притомъ біографическія извѣстія Іоанна не вполнѣ согласны съ этимъ житіемъ. Но разсказъ, на которомъ прерывается послѣднее, не даетъ достаточнаго основанія думать, что оно составлено въ половинѣ XV в. Изложеніе его проца Іоаннова описанія чудесъ, не отличается свладомъ и пріемами позднѣйшаго времени; притомъ едвали можно считать писателемъ половины XV в. біографа, который говоритъ о Кириллѣ, что онъ подражалъ многимъ угошникамъ, просіявшимъ въ сѣверной Чудской странѣ по различнымъ городамъ и островамъ морскимъ; наконецъ и въ этомъ житіи братомъ Кирилла является Корнелій Комельскій, свидѣательно оно написано, когда прошло достаточно времени для такой ошибки, т. е. въ концѣ XVI или въ началѣ XVII. Эту

¹⁾ Это житіе чрезвычайно рѣдко: мы знаемъ его по списку въ померской рукописи, намъ принадлежащей. Чудеса 1622—1674 гг., описанныя Іоанномъ, начинаются предисловіемъ: „Тайну цюреву добро тавтв со опасеніемъ“. Разсказъ о пришествіи Кирилла на Челму начинается словами: „Що смотрѣнію убо Божію дошедь преподобный отецъ нашъ Кириалъ чудотворецъ на мѣсто оно, глаголемое Челма гора, отъ града Каргопола 42 воурица, на усть Челмы рѣки, надъ озеромъ Челмозеромъ, о ней же извѣщеніе и гласъ Божій слышавъ“.

ошибку можно объяснить только предположеніемъ, что біографъ смѣшалъ Комельскаго пустышника съ Корнилиемъ Палеостровскимъ, о которомъ рано забыли даже въ Онежскомъ краѣ ¹⁾).

Дружина Осорьинъ, сынъ муромскаго помѣщика и біографъ своей матери Іудіаніи, извѣстенъ по грамотамъ 1625—1640 гг. какъ губной староста города Муромъ. Біографія матери написана имъ вскорѣ по погребеніи другаго сына ея въ 1614 году, когда открыли ея гробъ ²⁾). Разборъ этого житія — дѣло историко-литературной критики, которая уже не разъ обращалась къ нему. Черты помѣщичьяго быта XVI—XVII в. въ этой біографіи отступаютъ для читателя на второй планъ передъ ея литературнымъ значеніемъ: это собственно не житіе, а мастерская характеристика, въ которой Осорьинъ нарисовалъ въ лицѣ своей матери идеальный образъ древнерусской женщины. Послѣ повѣсти современника объ Александрѣ Невскомъ Осорьинъ едва ли не впервые выводитъ читателя изъ сферы агиографіи и даетъ ему простую біографію свѣтской женщины, даже передъ смертью не сподобившейся ангельскаго образа. Необычной за-

¹⁾ Можно указать одно неясное подтвержденіе этой догадки. Въ сохранившейся службѣ Корнилию Палеостровскому есть извѣстіе, что онъ родился въ Исковѣ (см. статью г. Барсова „Палеостровъ“ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1868 г. кн. 1, прим. 2). Въ житіи Кирилла нѣтъ извѣстій о мѣстѣ его рожденія, но указано мѣсто постриженія — монастырь Ачтонія Рязянина. Въ послѣднемъ, какъ и на Палеостровѣ, главный храмъ по имя рождества Богородицы. Я основателемъ новыхъ монастырей нѣтъ обычай воспроизводить въ нихъ храмъ обители, изъ которой вышли. Арх. Филаретъ, вѣроятно, пользовался выдержками изъ житія Кирилла и потому написалъ, что оно составлено въ XV в. и дополнено чудесахъ при патр. Шибояѣ. Р. Свит. дек. прим. 108.

²⁾ А. А. Экси. III, №№ 163, 210, 295, 297. Житіе напеч. въ Пам. стар. русск. зпт. I, 63 съ пропусками. Нач. предисловія: „Благословенъ Богъ Отецъ Всевѣржитель“. Въ концѣ житія по сп. въ нашемъ поморскомъ сб. л. 168: „Мы же о житіи ея никому не повѣдохомъ, дондеже преставися

даче труда соответствовать и его естественная форма: начавъ его предисловіемъ въ духѣ житій, Осорьинъ описалъ жизнь матери не безъ литературныхъ украшеній; но сыновнее чувство позволило ему выйти изъ тѣсныхъ рамокъ агіографии и обойтись безъ ея условныхъ трюковъ и приемовъ.

Житіе затверженка Принарха, подвизавшагося въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, написано ученикомъ его Александромъ по завѣщанію учителя и, какъ можно думать, вскорѣ послѣ его кончины въ 1616 г. Одно изъ послѣднихъ посмертныхъ чудесъ, приложенныхъ къ житію, помѣчено 1633 годомъ, а послѣднее 1693; но по изложенію ихъ видно, что они записывались воздѣле житія постепенно, разными людьми и даже, въ разныхъ мѣстахъ ¹⁾. Простой рассказъ Александра, сообщая нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ исторіи Смутаго времени, особенно ярко рисуетъ паденіе монастырской дисциплины и нравственную распущенность, обнаружившуюся въ русскомъ монашествѣ съ половины XVI в.

Нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ жизни сельскаго населенія на дальнемъ Северѣ даетъ длинный рядъ чудесъ, приложенныхъ къ сказанію свѣ. Артемій Веркольскомъ, писанному жителемъ Верколы по благословенію митрополита новгородскаго Макарія (1619—1627). Этотъ рядъ, начинаясь съ 1584 года, оканчивается чудомъ 1618 и съ 1605 г. записывался авторомъ со словъ самихъ исцѣленныхъ: повидимому сказаніе

сынъ онъ Георгій, и коняюще гробъ его обрѣтихомъ мощи святыхъ, и оттолкъ понудихся свѣсати житіе святыхъ“.

¹⁾ Списки XVIII в. въ слов. сб. кав. дух. акад. № 888, л. 89, въ рукоп. Унд. № 314, гр. А. С. Уварова № 838 и изъ раскопк. рукоп. моск. дух. акад. № 437. Нач. „Сей преп. отецъ нашъ Принархъ родился града Ростова, веси Кондакова отъ христіану родителю.“

составлено вскорѣ по принятіи епархіи Макаріемъ въ управленіе¹⁾).

Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается простое по составу и изложенію житіе Макарія Желтоводскаго, безъ ясныхъ указаній на время и мѣсто написанія²⁾). Германъ Тулуновъ помѣстилъ въ сборникѣ 1633 г. другую, болѣе пространную редакцію житія, составленную бойкимъ перомъ, съ изысканной витіеватостью. Этотъ редакторъ, сказавъ, что и до него писали о Макаріѣ, прибавляетъ: «еже что отъ слышавшихъ и видѣвшихъ и писавшихъ извѣстихся, сіе просто и вообразихъ». Біографическія извѣстія этой редакціи взяты изъ первой болѣею частью съ передѣлкой изложенія, иногда въ дословномъ извлеченіи³⁾). Патріархъ Филаретъ въ 1619 г. писалъ царю, что произведено церковное слѣдствіе о чудесахъ Макарія, спрошены 74 исцѣленныхъ; патріархъ обѣщалъ прислать и житіе съ подлинной росписью чудесъ⁴⁾). Въ новой редакціи прибавлено къ чудесамъ прежней еще 6 и первое изъ нихъ помѣчено 1615 годомъ; но цѣль намекъ ни на церковное слѣдствіе, ни на многочисленныя исцѣленія, о которыхъ писалъ Филаретъ.

Житіе Галактіона, сына казненнаго кн. Ивана Бѣльскаго, любопытно чертами, характеризующими древнерусскій взглядъ на отшельничество⁵⁾). Лѣтъ черезъ 30 по смерти Галактіона

1) Сб. Гр. Серг. л. XVII в. № 696, л. 185. Нач. „Иже преже псѣхъ сый и вская за всѣхъ подобаетъ истинному чловѣку вѣдати“. Въ Младот. ч. мн. іюль, л. 1338 безъ предисловія

2) Унд. № 332, слов. сб. № 229. гр. Уварова по катаал. Царск. № 743, л. 289—сп. 1692 года: только 3-е изъ 10 посмертныхъ чудесъ помѣчено 1532 годомъ.

3) Сб. Гр. Серг. л. № 694, л. 340 съ похвальнымъ словомъ. Нач. „Что убо похвала благовѣрню и что яко утвержденіе“.

4) Письма русск. государей, изд. Археогр. Комм. № 18.

5) Унд. № 296 новаго письма. Предисловіе составлено по второй редакціи житія Макарія Желтоводскаго; начало тоже. Канонъ написанъ

(— 1642), по повелу иераршиха жителеми Вологды храма и обители въ искусственной пустыни Галактиона, архієпископъ вологодскій Варлаамъ (1627—1645) поручилъ составить его житіе одному изъ иноковъ, вступившихъ въ новый монастырь. Впоследствии прибавили къ житію чудо 1652 года, записанное казначеемъ Ефремомъ и братіей со словъ исцѣленного.

Въ XVII в. соловецкая братія произвела новый рядъ сказаний о святыхъ. Повѣсть о сотрудникахъ Зосимы и Савватія Германіи составлена, какъ видно, вскорѣ по обрѣтеніи мощей его въ 1627 году: описывая кончину Германа, біографъ, соловецкія иноки, писавшій, по его словамъ, въ старости, замѣчаетъ, что слышалъ объ этомъ давно, еще въ юные годы, отъ старца, который помнилъ, «како преставися и гдѣ погребесе авва Германъ»¹⁾. Біографъ самъ указываетъ источникъ своихъ свѣдѣній о жизни Германа: «что обрѣтаемъ въ житіи прендобныхъ о семь пестрищѣ, то и пишемъ». Его повѣсть—выборка извѣстій о Германіи изъ старой біографіи Савватія и Зосимы, изъ которой дословно выписаны и рассказъ Дослоея о ея составленіи.—Сохранились записки о соловецкомъ игуменѣ Принариѣ (1614—1626), составленные соловецкимъ монахомъ, потомъ коллегіисемъ игуменомъ Пларіономъ²⁾. На время составленія ихъ указываетъ одну изъ прибавленныхъ позднѣе

былъ позднѣе, по порученію вологодскаго епископа Павла (1716—1725), какъ видно изъ слова объ Иосифѣ Знонкіевскомъ.

¹⁾ Это житіе усилко иновать въ Милот. ч. ивн. севр. л. 512. Ср. сб. XVII в. Унд. № 640, л. 271, Больш. въ моск. публ. муз. № 28, л. 96. Къ житію приложено 6 чудесъ, совершившихся въ Тотмиѣ отъ образа Германіона, написаннаго въ 1612 г. Праздновать память Германа въ Соловецкомъ монастырѣ разрѣшено холмогорскимъ архієп. Авнасіємъ въ 1690: грамота объ этомъ въ солов. сб. наз. дух. ак. № 182, л. 14.

²⁾ Солов. рукоп. XVII в. № 238. Эти записки, очевидно, дополнены другою рукою, въ концѣ повѣсти замѣтившей: «письменному же повѣствованію преданы оныи (чудеса) отъ старца Пларіона обители сей».

видѣній монастырскаго кузнеца, которому во снѣ Ирнархъ велѣлъ сказать Пларіону, чтобы онъ не кичился своимъ умомъ: это было въ 1644 г. Въ запискахъ изложено рядъ отдѣльныхъ разсказовъ о посмертныхъ явленіяхъ Ирнарха разнымъ инокамъ и бѣломорскимъ промышленникамъ, со словъ которыхъ они записаны безъ притязаній на литературное искусство: только въ началѣ переданъ одинъ эпизодъ изъ послѣднихъ дней игуменства Ирнарха.—Соловецкій монахъ Сергій, потомъ ипатьевскій архимандритъ, бывшій очевидцемъ перенесенія мощей Іоанна и Логгина Яренгскихъ въ 1638 году, вскорѣ послѣ того написалъ витѣватое сказаніе объ этихъ чудотворцахъ, не лишённое литературнаго искусства и оригинальныхъ приемовъ¹⁾. Онъ говоритъ, что нашелъ о чудесахъ святыхъ «на хартіяхъ написано невѣждами простою бесѣдою, не презрѣхъ же сего неукрашено оставить». Еще въ концѣ XVI в. соловецкій монахъ Варлаамъ, жившій въ Яренгѣ въ качествѣ монастырскаго прикащика и приходскаго священника, написалъ тетради о явленіи и чудесахъ Іоанна и Логгина. Въ одной соловецкой рукописи сохранились отрывки изъ этихъ тетрадей вмѣстѣ съ другими записками и документами по дѣлу о яренгскихъ чудотворцахъ, служившими матеріаломъ для Сергіева сказанія²⁾.—По указаніямъ на разложеніе монастырскаго общежитія и на условія монастырскаго житія въ Поморскомъ краѣ XVII в. очень любопытно житіе соловецкаго постриженника Даміана Юрьегорскаго. Оно составлено не позже половины XVII вѣка: въ двухъ приложенныхъ къ нему чудесахъ ясно указано, что они записаны особо послѣ житія, а первое изъ нихъ относится къ 1656

¹⁾ Оно въ рукоп. Имп. публ. библ. Погодинск. отд. № 728, л. 36. Нач. „Еже убо тѣсное разумѣ“.

²⁾ Солов. рукоп. № 182, л. 120—154. Кромѣ первыхъ чудесъ Іоанна, описанныхъ Варлаамомъ, здѣсь помѣщены: записка Мартиніана объ одномъ изъ явленій, письмо изъ Соловецкаго монастыря о написаніи образа

году ¹⁾). Незавѣстно, въмъ в гдѣ написано это житіе. Впослѣдствіи составленъ былъ рядъ повѣстей о соловецкихъ пустынникахъ первой половины XVII в., изъ греды которыхъ вышель Даміанъ, в здѣсь находимъ извѣстие, что эти повѣсти писаны самими монахами, жившими на Соловкахъ; однимъ изъ нихъ были монахъ Иларіонъ, жившій около соловецкой пустыни Даміана: повозможному, это авторъ записокъ объ Присархѣ ²⁾). Двѣ изъ этихъ повѣстей—объ Андрѣ и Даміанѣ—выписаны изъ указанного житія послѣдняго.—Чудеса Савватія и Зосимы продолжали записываться въ Соловецкомъ монастырѣ и послѣ игумена Филиппа въ рукописяхъ XVII в. встрѣчается рядъ ихъ, идущій до половины XVII в. Въ нихъ есть любопытныя историко-географическія указанія и разсѣяно много древнихъ чертъ изъ жизни Поморья того времени. Въ 1679 г. по порученію соловецкаго архимандрита Макарія службы соловецкимъ основателямъ и записки о нихъ Максима Грека и Досифея съ позднѣйшими чудесами, исправленныя, соединены были въ одинъ сборникъ, которому дали названіе Соловецкаго патерика ³⁾).

Двѣ части, изъ которыхъ состоитъ житіе Адриана Ионскаго, повѣсть о жизни его и слово объ открытіи мощей въ

Иоанна въ 1607 г., грамота поморскаго митроп. Макарія Корольскому вл. Герасиму 1624 г. съ порученіемъ произвести слѣдствіе о чудесахъ Иоанна и Логгіана, слѣдственный актъ и записка о перенесеніи мощей.

¹⁾ Это житіе безъ чудесъ въ Милют. ч. мн. есвр. л. 1177; полный списокъ въ вшей поморской рукописи, л. 301. Нач. «Сей убо рабъ Божій родися близъ Студенаго моря на Онегѣ рѣцѣ въ Турчасовскомъ селѣ».

²⁾ Солов. рукоп. новаго письма въ наз. дух. ак. № 1195, л. 37: говоря о пустынникахъ, уединившихся на островѣ около 1632 года, повѣствователь замѣчаетъ: „слышахомъ же о нихъ отъ старыхъ соловецкихъ жителей, изряднѣе же отъ монаха нѣвоого Иларіона, жившаго въ Александровой пустыни; что близъ Даміановыхъ пустынь».

³⁾ Вологод. рукоп. конца XVII в. въ моск. дух. ак. № 610.

1626 г. съ чудесами, за тѣмъ слѣдовавшими, писаны въ разное время. Въ первой, подвергшейся позднѣйшимъ поправкамъ, уцѣлѣли указанія на автора, писавшаго въ концѣ царствованія Ивана Грознаго: онъ молится о побѣдѣ надъ поганымъ царемъ Девликеріемъ ¹⁾). Слово о мощахъ составлено въ 1626—1643 гг., когда совершились рассказанныя въ немъ чудеса, которыя авторъ описываетъ какъ очевидецъ или со словъ исцѣленныхъ. Составители обѣихъ частей житія плохіе грамотеи: старался выражаться по-книжному, они постоянно впадаютъ въ тяжкія грамматическія ошибки и сбиваются на разговорную рѣчь. Зато безыскусственный рассказъ обоихъ полонъ любопытныхъ подробностей объ отношеніяхъ пустынниковъ къ крестьянамъ, о монастырскомъ и сельскомъ бытѣ XVI и XVII в.

Житіе Адріана и Терапонта Монзенскихъ принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ источниковъ для исторіи дrevнерусской колонизаціи, но испорчено противорѣчіями въ хронологическомъ счетѣ, какой ведетъ оно описываемымъ событіямъ. По недостатку извѣстій едвали возможно вполне разъяснить эти противорѣчія. Біографъ приводитъ извѣстіе, что Терапонтъ представился въ 1585 году, проживъ въ Монзенскомъ монастырѣ 2½ года ²⁾). Но по счету самого автора голодъ 1604 г. былъ

¹⁾ Списокъ житія нашии мы только въ рукоп. Увх. XVII в. № 273 съ службой на обрѣтеніе мощей. Нач. «Бысть вѣнкій черноризецъ, рекомый Бестужъ». Мѣсто погребенія Адріана оставалось неизвѣстнымъ до 1625 г. Въ описаніи жизни читаемъ: „не явмы повѣдати *изъ та времена*, гдѣ его смуташа и сврыша“; легко замѣтить здѣсь поправку. Предсмертное показаніе Іоны о мѣстѣ погребенія Адріана, упоминаемое въ словѣ о мощахъ, сохранилось и почти дословно сходно съ рассказомъ слова объ этомъ: повидямому, слово писано тѣмъ же иг. Лаврентіемъ, которому Іона далъ это показаніе (А. Ист. III, № 14).

²⁾ Сб. XVII в. гр. Уварова № 415 (по катал. Царскаго № 118), л. 28—206. Нач. „Бысть вѣнкій юноша именемъ Аимось“. Арх. Филаретъ, ссылаясь на этотъ списокъ, говоритъ, что кончина Терапонта въ немъ помѣчена 1591 годомъ. Но 1) ему, вѣроятно, доставлена была неточная

13 лѣтъ спустя по смерти Ферапонта: точно также по его смерти Адрианъ скончался въ 1619 чрезъ 30 лѣтъ по смерти Ферапонта; притомъ Моисеенскій монастырь основался не раньше 1595, когда собратъ Адриана Пафиутій, собравшійся идти съ нимъ на Монзу, сдѣлаался Чудовскимъ архимандритомъ; наконецъ, по ходу разсказа въ житіи, Ферапонтъ былъ еще живъ во время ссоры Моисеенской братіи съ игуменомъ Павлова Обперскаго монастыря Топлемъ, который занималъ это мѣсто въ 1597—1605 гг. 1). Біографъ говоритъ, что кончалъ житіе чрезъ 39 лѣтъ по смерти Ферапонта. Но оно написано много лѣтъ спустя по приходѣ автора въ обитель, когда онъ сталъ уже строителемъ монастыря и ермопавомъ, а онъ самъ говоритъ, что вступилъ въ монастырь въ 1626. Повидному, Ферапонтъ умеръ въ 1598—1599 г. и хронологическія замѣтки біографа не всѣ точны; надежда его указанія на упоминаемая имя лица. Написавъ біографію, онъ послалъ въ Прилуцкій Дмитріевъ монастырь попросить у игумена Антонія для повѣрки своего труда записокъ его о Моисеенскомъ монастырѣ, но узналъ, что Антоній уже нѣтъ на свѣтѣ; следовательно житіе написано около 1644 года, когда умеръ Антоній 2). Эти хронологическія неточности отчасти объясняются источниками біографа. Поступивъ послушникомъ въ келью втораго игумена Моисеенскаго Григорія, онъ прочиталъ у него «краткое писаніе» о началѣ монастыря. Потомъ въ Прилуцкомъ монастырѣ иг. Антоній, бывшій духовникомъ Адриана, далъ ему писаніе, въ которомъ «много написано быша» о Моисеенскомъ монастырѣ и о Ферапонтѣ. Біографъ читалъ долго это писаніе, но не снялъ съ него копию,

конъ съ спискомъ, вслѣдствіе чего онъ передѣлалъ по-своему и другія черты житія. 2) поправкой онъ не устранилъ противорѣчій послѣдняго.

1) Вологодск. Еврх. Вѣдом. 1866 г. № 5.

2) Если справедливъ показаніе г. Саввантова въ Оп. Спасо-Прилуцк. мон. стр. 42.

а впоследствии оно утонуло на Двинѣ вмѣстѣ съ другими вещами Антонія. Было и другое писаніе о жизни и чудесахъ Терапонта, составленное первымъ Монзенскимъ игуменомъ, такъ же Антоніемъ по имени, перешедшимъ потомъ въ Воскресенскій солигалицкій монастырь; но когда біографъ явился къ нему попросить этихъ записокъ, ихъ авторъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ объявилъ ему, что онѣ сторѣли вмѣстѣ съ его книгами въ Солигаличѣ. Такимъ образомъ біографъ дополнялъ сообщенное Григоріемъ краткое писаніе лишь изустными разсказами современниковъ Терапонта и тѣмъ, что удержалось въ его памяти изъ записокъ Адриана духовника. Изъ послѣднихъ чудесъ въ житіи видно, что авторъ сталъ потомъ игуменомъ монастыря; но по недостатку извѣстій нѣтъ возможности угадать имя этого третьяго Монзенскаго игумена. Интересъ біографіи увеличивается простотою изложенія и состава, которая сообщаетъ ей характеръ первоначальныхъ необработанныхъ записокъ.

Сохранилось краткое житіе московскаго юродиваго Іоанна—Большаго-Колпака съ извѣстіемъ, что оно написано въ Москвѣ въ 1647 г. «рукою многогрѣшнаго простаго монаха, а не ермонаха». Любопытнѣе болѣе обширная и простымъ языкомъ изложенная записка о кончинѣ и чудесахъ Іоанна, которой пользовался авторъ житія. Въ чудесахъ, относящихся къ 1589—1590 гг., много любопытныхъ указаній для топографіи Москвы въ XVI в., и судя по ихъ изложенію, они извлечены изъ памятной книги Покровскаго собора, въ которую записаны были вскорѣ по смерти Іоанна въ 1589—90 г. повидимому тогдашнимъ протопопомъ собора Димитріемъ ¹⁾).

Житіе Тихона Луховскаго съ 70 посмертными чудесами со-

¹⁾ Два списка житія въ синод. сб. XVII в. № 850, л. 289 и 815 съ стилистическими и фактическими вариантами, первый съ припиской о времени составленія житія. Записка тамъ же, л. 928.

ставлено въ 1649 году, какъ видно по послѣднему изъ нихъ ¹⁾). Жизнь святаго описана кратко по преданіямъ, какія хранились въ обители, образовавшейся потомъ на мѣстѣ уединенія Тихона, и между окрестными жителями; но эти скудные извѣстія довольно богаты по указанію на начало города Луха и нѣсколькимъ характеристичнымъ чертамъ русскаго отшельничества въ XV—XVI в. Чудеса извлечены биографомъ изъ памятныхъ монастырскихъ книгъ, въ которыя они записывались со времени обрѣтенія мощей Тихона въ 1569 г.

Въ печатныхъ изданіяхъ житія Никандра Псковскаго 1799 и 1804 г. читаемъ, что въ 1686 г. было церковное свидѣтельство «о семъ пустынникѣ и дѣлѣ, производившія дѣло, «сложивше службу и обрѣвше житіе и чудеса» преподобнаго, пресрводимаго эти преданія въ Москву ²⁾). По въ этихъ изданіяхъ сохранились слѣды, показывающіе, что обыкновенная коммиссія только передѣлала прежде-написанную біографію. Уже въ 1684 г. одно изъ чудесъ было вписано въ готовую книгу житія и чудесъ Никандра; въ предисловіи къ печатной редакціи авторъ пишетъ, что слышалъ о святомъ, «отъ ученикъ его, исперва съ нимъ добръ жителствовавшихъ». У біографа, написанаго 105 лѣтъ спустя по смерти Никандра, эти слова могутъ значить, что онъ воспользовался старымъ житіемъ, составленнымъ учениками святаго. Въ рукописяхъ сохранилось житіе Никандра, относящееся къ печатному изданію какъ болѣе простая и древняя редакція ³⁾). Впродолженіе XVII в. до 1686 г.

¹⁾ Мелют. ч. мѣн. іюнь, л. 728 безъ предисловія; другой сп. въ сб. XVII в. Больш. въ Моск. публ. муз. № 422 не полонъ. Чудеса относятся къ 1569—1649 гг.; послѣднее—«мынѣшнво 157 года».

²⁾ Въ старосеч. библ. Улѣ. №№ 588 и 598. Нѣч. «Все человѣческое естество многоразличными образы суетъ повинуся».

³⁾ Она въ свѣдѣл. рукоп. XVII в. № 620 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 55, безъ предисловія и повѣсти о свидѣтельствѣ мощей; посмертныхъ чудесъ въ первомъ сп. 8, во второмъ 3, въ печатныхъ изданіяхъ

къ прежнимъ чудесамъ приписывались дальнѣйшія, внесенныя въ печатную редакцію; по одному изъ нихъ, относящемуся ко времени новгородскаго митрополита Аѳеонія, видно, что старая біографія написана еще въ первой половинѣ XVII в. Редакція 1686 г. составлена, какъ видно по ея намскамъ, тогдашнимъ игуменомъ Никандрова монастыря Евѳиміемъ. Она не вездѣ точно воспроизводитъ старую редакцію. Въ хронологическихъ показаніяхъ обѣ противорѣчатъ себѣ и другъ другу.

Въ Вологдѣ въ 1649 г. записаны очевидцемъ 25 чудесъ Герасима, совершившихся въ 1645—1649. Авторъ говоритъ, то до него была написана повѣсть о древнихъ чудесахъ сятаго, погибшая во время разоренія Вологды. Любопытнѣе-чудесъ извлеченное откуда-то и предпосланное имъ лѣтописное извѣстіе о приходѣ Герасима въ 1147 г. на рѣку Вологду и объ основаніи имъ монастыря въ дикомъ лѣсу, гдѣ потомъ образовался городъ Вологда. Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ въ рукописяхъ встрѣчается некрологъ біографа Герасима Болдинскаго, вологодскаго епископа Антонія, составленный въ Вологдѣ повидимому въ началѣ XVII вѣка, съ двумя чудесами 1598 г. ¹⁾).

Основатели Черногорскаго монастыря на Пинегѣ не были причислены къ лику святыхъ; но вмѣсто житія ихъ сохранилась повѣсть объ основаніи обители и о двухъ чудотворныхъ иконахъ, въ ней находящихся, владимірской и грузинской. На время составленія повѣсти указываетъ послѣднее чудо, совершившееся «въ нынѣшнее настоящее время», въ 1650 г. Авторъ—инокъ Черногорской обители, который вмѣстѣ съ другими помогалъ въ 1603 г. первому игумену ея Макарію въ расчист-

18 ян 19. Предположеніе архіеп. Филарета въ Обзорѣ дух. лит. I, стр. 332 ни на чемъ не основано.

¹⁾ Сб. нач. XVIII в. гр. Уварова № 107, л. 69, в вѣст. поморскій сб. л. 285.

кѣ пустыни ¹⁾). Повѣсть даетъ любопытныя указанія на движеніе и средства монастырскаго колонизаціи въ далекомъ сѣверномъ краѣ.

Нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ исторіи Смутаго времени сообщаетъ житіе астраханскаго архіепископа Θεодосія. Въ 1617 г. въ Москву пріѣзжалъ изъ Астрахани протопопъ съ «явленнымъ епискомъ» чудесь Θεодосія и съ просьбой перевезти тѣло его изъ Казани въ Астрахань. Житіе оканчивается разсказомъ объ этомъ перенесеніи и написано повидимому немного послѣ того по порученію мѣстныхъ церковныхъ властей, на что указываетъ оффиціальныи тонъ разсказа, много ослабляющей интересъ біографіи ²⁾.

Пожаръ въ 1596 г. истребилъ повѣсть о жизни и чудесахъ Арсенія Комельскаго, хранившуюся въ его монастырѣ. Послѣ игумень и братія нашли въ кладовой малую хартію о жизни Арсенія и поручили составить житіе иноку Іоанну, который переписалъ хартію, дополнивъ ее разсказами братіи и чудесами XVII в. Эти чудеса относятся къ 1602—1637 гг., но послѣднія изъ нихъ, повидимому, приписаны къ житію послѣ. Впрочемъ самъ Іоаннъ намекаетъ, что писалъ житіе, когда самовидцевъ Арсенія уже не было въ монастырѣ: оттого разсказъ его при своей простотѣ не богатъ подробностями, сухъ и потривоченъ ³⁾.

¹⁾ Солов. сб. XVII в. № 871, л. 279—302, и № 989. Нач. „Божія иѣкая тайны великаго челоуѣколюбія мило предъ нашими родомъ явлена быша“. По поводу чудеснаго звона въ пустынѣ при основаніи обители авторъ замѣчаетъ: „мы же дивимомся о чудеси томъ“. Ср. повѣсть съ грам. въ Акт. Ист. II, № 72; III, № 166.

²⁾ Глѣдкій си. житія въ рукоп. Унд. № 385. Нач. „Единородный Сынъ Слово Божіо. На послѣднемъ листѣ помѣтка „1654 г.“ указываетъ на время списка.

³⁾ Это рѣдкое житіе извѣстно намъ только по си. XVIII в. въ сб. гр. Уварова № 107, л. 47. Нач. „Слава Тебѣ, Христа Боже, сотворшему всяческая“. Посмертныхъ чудесь 17.

Въ одной рукописи XVII в. находимъ чудо новгородскаго архіепископа Іоны съ крестьяниномъ Яковомъ Маселгой, записанное въ 1655 году, и 8 другихъ чудесъ, относящихся по видимому такъ же къ половинѣ XVII в. и любопытныхъ какъ по нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ, такъ и по безыскусственному изложенію, напоминающему разсмотрѣныя выше редакціи житій Николая чудотворца и Михаила Клопскаго ¹⁾).

Въ XVII в. составленъ рядъ сказаній о подвижникахъ Кожеозерскаго монастыря, получившій отъ позднѣйшаго писца названіе лѣтописи. Сказаніе объ основаніи монастыря и о первомъ строителѣ его Серапіонѣ написано какимъ-то монахомъ, пришедшимъ въ Кожеозерскій монастырь во второй годъ по смерти Серапіона — 1613. Это очеркъ, не лишенный любопытныхъ указаній, но вообще краткій и не вполне точный въ подробностяхъ, хотя авторъ писалъ по рассказамъ сотрудниковъ Серапіона ²⁾). Житіе Никодима Кожеозерскаго сохранилось въ двухъ редакціяхъ: кромѣ извѣстной подробной повѣсти есть краткая записка о немъ, болѣе древняя и остававшаяся неизвѣстною ³⁾). Составитель этой послѣдней не называетъ себя по имени, а пишетъ, что явленіяхъ митрополита Алексія и Троицкаго архимандрита Діонисія Никодимъ «за семь мѣсяць до отшествія своего сказа миѣ смренному». Симонъ Азарьинъ въ житіи Діонисія говоритъ, что постриженникъ Кожеозерскаго мо-

¹⁾ Сб. Рум. № 151, л. 370—380.

²⁾ Списокъ 1741 г. въ солов. рукоп. № 182, л. 17—25. Нач. „Сей убо приведенный мужъ старецъ Серапіонъ, якоже повѣдана ми о немъ уже многа лѣта съ нимъ чужахъ“. Авторъ говоритъ, что Серапіонъ пришелъ на Кожеозеро въ 1566 году; но самъ Серапіонъ въ челобитной къ царю 1595 г. пишетъ, что строилъ монастырь 36 лѣтъ. Акт. Ист. I, № 246.

³⁾ Пространное житіе съ чудесами въ той же солов. рукоп. № 182, л. 25. Безъ чудесъ оно напеч. въ Прав. Соб. 1865 г. I, 204. Краткую редакцію нашли мы въ синод. сб. XVII в. № 850, л. 531—533.

настыря Боголюбъ Львовъ объ этихъ явленіяхъ «отъ преп. инокъ Никодима пустынножителя утѣрился и отъ его Никодимовыхъ устъ слышавъ такованъ, и писанію предаетъ». Въ другомъ мѣстѣ житія Симонъ замѣчаетъ, что онъ читалъ эту «повѣсть» Боголюбъ. По этимъ и другимъ указаніямъ всего вѣроятнѣе, что Боголюбъ былъ авторомъ краткаго житія. Почудесамъ, приложеннымъ къ пространной редакціи, видно, что она составлена въ 1649—1677 гг. какиѣ-то Кожезерскимъ іеромонахомъ, который не зналъ Никодима при жизни и писалъ о немъ по рассказамъ другихъ. Онъ не указываетъ прямо въ числѣ своихъ источниковъ на краткую записку, но послѣдняя вся вошла въ его рассказъ большею частію дословно. Сравненіе обѣихъ редакцій даетъ рѣдкую въ древнерусской агіографіи возможность видѣть, что такое тѣ первоначальныя памяти или записки, о которыхъ такъ часто говорятъ позднѣйшія украшенныя редакціи, и какъ онѣ передѣлывались въ послѣднія. Новый редакторъ прибавилъ рассказы «самовидцевъ житію» Никодима о его отшельнической жизни, о которой очень кратко говоритъ записка; сверхъ того онъ переплелъ рассказъ послѣдней общими біографическими чертами, почерпнутыми изъ древнерусскаго понятія о подвижницѣ, а не изъ какого-либо фактическаго источника.

Житіе Ефрема Новоторжкаго сохранилось въ поздней и плохой редакціи, которая состоитъ изъ безсвязнаго ряда статей и всего мѣнѣе говоритъ о жизни Ефрема. Біографъ рассказываетъ преданіе, будто въ началѣ XIV в. тверской кн. Михаилъ, разоривъ Торжокъ и обитель, увезъ древнее житіе Ефрема въ Тверь, гдѣ оно скоро сгорѣло; въ 1584—1587 гг. при митрополитѣ Діонисіѣ установлено было празднованіе Ефрему и «благоскусные мужи града Торжка» сложили ему службу. Біографъ передаетъ смутныя біографическія черты и даже немногія извѣстія о святомъ и его братьяхъ въ кievскомъ патерикѣ и другихъ древнихъ памятникахъ заимствованъ не прямо изъ

источниковъ, а изъ сообщенія іеромонаха Юрьева монастыря Іоасафа, которое вставлено въ житіе безъ всякой литературной связи съ нимъ. Сказаніе о перелесеніи мощей въ 1690 году, приводя извѣстія пзъ этого житія, называетъ его «древнимъ писаніемъ» ¹⁾. На время составленія житія указываетъ послѣднее изъ приложенныхъ къ нему передъ похвалой чудесъ XVI—XVII вѣка, относящихся къ 1647 году: авторъ описалъ его какъ современникъ. Похвальное слово сопровождается еще однимъ чудомъ 1681 г., которое, какъ видно изъ его предисловія, описано позднѣе тѣмъ же авторомъ.

Въ половинѣ XVII в. составлена повѣсть о обрѣтеніи мощей Геннадія костромскаго въ 1644 г. съ двумя чудесами, изъ которыхъ одно любопытно по разсказу о борьбѣ за земельный вкладъ въ монастырь между дворяниномъ, хотѣвшимъ постричься, и его матерью ²⁾. Около того же времени написана повѣсть о обрѣтеніи мощей Даниїла переяславскаго съ чудесами XVII в. — едвали не тогдашнимъ игуменомъ Данилова монастыря Тихономъ, который въ 1652 г. вмѣстѣ съ ростовскимъ митрополитомъ Іоною свидѣтельствовалъ мощи святаго ³⁾. Къ житію Антонія Сійскаго прибавленъ рядъ статей о чудесахъ XVII в. до 1663 г., описанныхъ въ разное время разными

¹⁾ Оно приложено къ житію по списку XVIII в. гр. Уварова № 105 (по катал. Царск. № 94), л. 108. Другіе списки въ рукоп. XVII в. Больш. вл. моск. публ. муз. № 419 и гр. Уварова нач. XVIII в. № 162, л. 119. Нач. „Тайны царепы добро есть хранима“. Сп. службы XVI в. въ сб. гр. Уварова по катал. Царск. № 378, л. 223, и № 563, л. 522. Мы не могли проверить извѣстіе, приводимое архіеи. Филаретомъ по рукоп. истерб. дух. акад. (Обзоръ дух. лит. I, стр. 223), будто житіе Еврема написано въ 1572 г. Іоасафомъ; разсматриваемая редація во всякомъ случаѣ составлена не Іоасафомъ и не въ XVI в.

²⁾ Эта повесть прибавлена къ житію въ нашемъ поморскомъ сб. л. 183.

³⁾ Рукоп. 1663 г. Унд. № 301, л. 84. Здѣсь (л. 125) и запись Іоны о свидѣтельствѣ мощей.

авторами; изъ нихъ повѣсть о чудотворной иконѣ въ монастырѣ написана вскорѣ послѣ пожара въ 1658 г. Сійскимъ игуменомъ Θεодосіемъ ¹⁾).

Краткія извѣстія объ Продіонѣ Плоезерскомъ съ чудесами его въ XVII в. были записаны по поводу церковнаго слѣдствія о жизни и чудесахъ его, произведеннаго въ 1653 г. архимандритомъ Кириллова бѣлозерскаго монастыря Митрофаномъ (1652—1660). О свѣдѣніяхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, въ спискахъ повѣсти замѣчено: «и то имъ, архимандритомъ Митрофаномъ, здѣ вкратцѣ изобразися» ²⁾).

Позднѣйшій біографъ Трифона Печенгскаго говоритъ, что первое житіе, писанное «самовидцами», пропало во время разоренія монастыря Шведами въ 1589 г., но читатели святаго сохранили свѣдѣнія о немъ въ малыхъ книжкахъ и краткихъ запискахъ, изъ которыхъ и составила уцѣлѣвшая біографія ³⁾. При чтеніи житія легко замѣтить разницу въ изложеніи двухъ его половинъ: въ первой жизнь Трифона до основанія монастыря описана стройно, но въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ она хранилась въ памяти позднихъ иноковъ этого монастыря; вторая составлена изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ разсказовъ. Житіе написано во второй половинѣ XVII в. не раньше Никонова патріаршества, если последнее чудо, относящееся къ этому времени, не прибавлено къ житію другой позднѣйшей рукой. Пользованіе скуднымъ фактическимъ содержаніемъ біографіи въ связи съ извѣстіями лѣтописи не представляло бы особенныхъ затруд-

¹⁾ Эти чудеса приложены къ житію Антонія въ солов. рукописи, писанной 1666 г. въ Сійскомъ монастырѣ, № 230, л. 293, и въ рукоп. Унд. № 284, л. 203.

²⁾ Рукоп. 1746 г. въ Имп. публ. библ. отд. Погод. № 726 и нашъ поморскій сб. л. 315.

³⁾ Списки XVIII в. въ солов. рукоп. № 182, л. 86 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 287. Начатъ вѣроятно въ Препосл. Собес. 1859 г. II, 94.

ней, еслибы ихъ не создали изслѣдователи. Когда Трифонъ просвѣщаль Лопарей на Печенгѣ, тоже святое дѣло дѣлалъ на Колѣ соловецкій монахъ Теодоритъ, о которомъ любопытныя біографическія свѣдѣнія сообщилъ сынъ его духовный, кн. Курбскій въ своей исторіи царя Ивана ¹). Курбскій не въ всѣ періоды жизни Теодорита зналъ одинаково и особенно неясно изобразилъ его дѣятельность на далекомъ Сѣверѣ. Однакожь по его указаніямъ можно видѣть, что Теодоритъ прибылъ на Колу не задолго до 1530 года; чрезъ 20 лѣтъ, просвѣтивъ мѣстныхъ Лопарей и основавъ при устьѣ Колы Троицкій монастырь, онъ повинулъ Сѣверъ и въ 1551—1552 г. сдѣлался архимандритомъ Евѣиміева монастыря въ Суздаль ²). Курбскій ни слова не говоритъ о Трифонѣ; но изслѣдователи старались съ точностію опредѣлить его отношеніе къ Теодориту ³). Однимъ хотѣ-

¹) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 126—142.

²) Бувально понимаемое извѣстіе Курбскаго, что Теодоритъ съ Митрофаномъ прожили на Колѣ лѣтъ 20 и потомъ поѣхали въ Новгородъ къ архіеп. Макарію, противорѣчитъ и предшествующему и дальнѣйшему разсказу Курбскаго. Преосв. Макарій поправляетъ 20 на 12 и полагаютъ начало проповѣди Теодорита послѣ 1542 г. (Ист. Р. Ц. VI, 326). Но по разсказу Курбскаго видно, что Теодоритъ первый началъ просвѣщать Лопарей около Колы, которые были крещены въ 1531 г., когда для нихъ освятили двѣ церкви въ Колѣ. Притомъ Левъ Филологъ, имѣя въ виду движеніе средъ Лопи въ 1531—1535 гг., со словъ соловецкаго монаха еще до 1542 г. написалъ, что „единдушно вси живущіи неразумніи людіе въ просвѣщенію притескани“. Мы думаемъ, что Теодоритъ прожилъ на Колѣ всего 20 лѣтъ и что Курбскій записалъ вѣрныя черты, переданныя ему самимъ Теодоритомъ, но перемѣшалъ ихъ хронологическій порядокъ. Извѣстіе лѣтописца о просвѣтительной миссіи изъ Новгорода на Колу въ 1531 г. можно сопоставить съ разсказомъ Курбскаго о возвращеніи Теодорита изъ Новгорода „съ нѣкоторыми другими“. Духовникъ Макарія, Теодоритъ не былъ ли тѣмъ соборнымъ священникомъ, котораго тогда послали на Колу?

³) Архіеп. Филарета—Р. Свят. ден. стр. 550—559. Прав. Соб. въ указ. мѣстѣ, стр. 89—94. Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, іюль, стр. 257—292.

лось заставить обоихъ просвѣтителей дѣйствовать вмѣстѣ, и они достигли этого очень просто. Упомянувъ о старцѣ, котораго нашель Теодоритъ въ Кольской пустынѣ и съ которымъ прожилъ тамъ лѣтъ 20, Курбскій прибавляетъ: поминется миѣ, звали его Митрофаномъ; ясно, заключаютъ изслѣдователи, что это — мирское имя Трифона, и согласно съ такимъ выводомъ передѣлываютъ во-своему извѣстія и Курбскаго и Трифонова биографа. Другимъ хочется доказать, что оба просвѣтители не знали другъ друга, и разъясняя житіе Трифона, они спрашиваютъ: когда Трифонъ, подготовивъ Лопарей къ крещенію, испросилъ у новгородскаго архіепископа разрѣшеніе построить церковь на Печенгѣ, почему владыка тотчасъ не послалъ туда священника? Исно, отвѣчаютъ они наперекоръ житію, что Трифонъ просвѣтилъ Лопарей и началъ строить церковь во время междуархіепископства (1509—1526) въ Новгородѣ ¹⁾). Сличеніе житія Трифона и сказанія Курбскаго съ другими источниками дѣлаетъ лишними подобныя догадки. Максимъ Грекъ и Левъ Филологъ со словъ соловецкихъ монаховъ согласно съ лѣтописью говорятъ, что въ 1520-хъ годахъ среди Мурманской и Кандалакской Лопи обнаружилось сильное движеніе къ христіанству. Если о Теодоритѣ не сохранилось особаго преданія въ мѣстномъ населеніи, это объясняется тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ многихъ виновниковъ этого движенія, забытыхъ позднѣе приходившими русскими поселенцами ²⁾). Неизвѣстны сѣятели христіанства на Кандалакскомъ берегу, откуда въ 1526 г. явились въ Москву Лопари съ просьбой объ антиминсахъ и священникахъ; но извѣстіе лѣтописи о такой же

¹⁾ Соч. Максима Грека III, 266. Прав. Соб. 1859 г. II, 352. II. С. Р. Лѣт. V, 73. VI, 282, 289 и 296.

²⁾ Развѣ на мѣстѣ сохранялась память о старцѣ Теогиостѣ, распространявшемъ христіанство на Помѣѣ во 2-й половинѣ XVI вѣка? А. А. Эхп. I, № 288.

присылкѣ въ Новгородъ съ Колы въ концѣ 1531 г. указываетъ на плоды дѣятельности іеродиакона Θεодорита съ старцемъ Митрофаномъ. Въ 1534 и 1535 г. по порученію архіепископа іеромонахъ Ілія объѣзжалъ инородческія поселенія новгородской епархіи, истребляя въ нихъ остатки язычества; Трифонъ, по его житію, встрѣтивъ этого Ілію въ Колѣ, упросилъ его освятить построенную за 3 года передъ тѣмъ церковь на Печенгѣ и крестить Лопарей. Трифонъ бывалъ въ Колѣ; Курбскій пишетъ, что Θεодоритъ въ концѣ своей жизни ѣздилъ съ Вологды въ Колу и на Печенгу. Такимъ образомъ оба просвѣтителя, дѣйствуя въ разныхъ мѣстахъ, почти въ одно время достигли успѣховъ, основали монастыри и легко могли завязать взаимныя сношенія ¹⁾).

Житіе княгини Анны Рашиянской скорѣе можно назвать риторическимъ упражненіемъ въ біографіи: крайне скудныя свѣдѣнія объ Аниѣ авторъ такъ обильно распространилъ сочиненными діалогами и общими мѣстами, что среди нихъ совершенно исчезаютъ историческія черты. Авторъ пользовался сказаніемъ о кн. тверскомъ Михаилѣ, но воспроизводилъ его не совсемъ точно. Къ житію прибавлены повѣсть о обрѣтеніи мощей въ 1649 г., о перенесеніи ихъ ростовскимъ митроп. Варлаамомъ (+ 1652) и о чудесахъ въ XVII в. По нѣкоторымъ указаніямъ видно, что перенесеніе и чудеса описаны отдѣльно отъ житія, первое прежде, вторыя послѣ и повидимому другимъ авторомъ, «самовидцемъ бывшимъ чудесемъ ея, писаникъ же предати замедлившимъ»; послѣднее чудо 1666 г. описано особо отъ прежнихъ и прибавлено къ нимъ послѣ. Отсюда вид

¹⁾ Мѣсто Троицкаго Θεодоритова монастыри указываютъ близъ Колы гдѣ нынѣ владѣище. Опис. Колы, Рейнеке. Свб. 1830.

но, что житіе составлено около 1650 г. по поводу обрѣтенія мощей ¹⁾).

Житіе Іова, основателя Ущельскаго монастыря на Мезени, — необработанная записка безъ литературныхъ притязаній. О происхожденіи Іова авторъ ничего не знаетъ; первыя біографическія свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ благословенной грамоты 1608 г., данной Іову новгородскимъ митр. Писидоромъ, изъ которой въ запискѣ сдѣлано извлеченіе. Къ этому прибавленъ краткій разсказъ объ основаніи монастыря на Ущельѣ въ 1614 г. и о смерти Іова отъ разбойниковъ въ 1628. Записка о жизни Іова сопровождается длиннымъ и сухимъ перечнемъ чудесъ 1654—1663 гг., при описаніи которыхъ она, очевидно, составлена ²⁾).

Для исторіи нравственной жизни древнерусскаго общества любопытна повѣсть о священникѣ Варлаамѣ, который жилъ въ Болѣ, при царѣ Иванѣ и наказалъ себя за убійство жены тѣмъ, что съ трупомъ ѣздилъ на лодкѣ, не выпуская весла изъ рукъ, по океану мимо Св. Носа, «дождею мертвое тѣло тлѣнію предастся», и потомъ подвизался инокомъ въ пустынь около Керети. Несмѣртныя чудеса Варлаама, ставшаго покровителемъ бѣломорскихъ промышленниковъ, авторъ записывалъ со словъ спасшихся отъ потопленія и пріѣзжавшихъ въ Кереть, гдѣ по-

¹⁾ Свод. рукоп. XVII в. № 622 съ службой на перенесеніе мощей и канонамъ на обрѣтеніе. На первомъ листѣ рукописи почеркомъ XVII в. записано, что „въ 186 г. патр. Іоакимъ сей книгѣ—живое списаніе о Аняѣ Кашянскіе, сложеніе кашянскаго поха съ причетники и съ своимъ сродники, указалъ быти въ своей ризной казѣ въпредъ для спору“; по въ спискѣ нѣтъ прямого подтвержденія извѣстія, что этотъ похъ—Василій, писавшій со словъ пономаря Никифора (Указ. Свод. библ. прессы. Саввы, стр. 174).

²⁾ Едва ли не единственный св. житія въ сб. XVIII в. гр. А. С. Уварова № 426 (по катал. Царск. № 130), л. 122. Послѣ прибавлены 8 чудесъ 1700—1741 г.

конлся Варлаамъ: одно изъ этихъ чудесъ записано въ 1664 г. и указываетъ приблизительно на время составленія повѣсти. По всей вѣроятности, авторъ былъ монахъ, жившій въ Керети въ качествѣ сельскаго священника и прикащика Соловецкаго монастыря, которому съ 1635 г. принадлежала вся эта волость.¹⁾

По порученію казанскаго митрополита Лаврентія (1657—1673) монахъ свіяжскаго Успенскаго монастыря Іоанпъ написалъ житіе основателя этого монастыря, казанскаго архіепископа Германа съ чудесами и надгробнымъ словомъ; послѣднее, какъ видно, было даже произнесено авторомъ публично въ Казани. Житіе и слово изложены очень вптѣвато, «широкими словами», по выраженію автора, по скудпы извѣстіями²⁾. Поздній біографъ откровенно признается, что многого не знаетъ о Германѣ и не нашелъ никого изъ его современниковъ; не разъ онъ проситъ читателя не требовать отъ него подробностей, ибо темное облако забвѣнія покрываетъ память святаго, благодаря отсутствію старыхъ записокъ о немъ.

Житіе Трифона, просвѣтителя пермскихъ Остяковъ, упоминаетъ о смерти ученика его Досвоя, жившаго 50 лѣтъ по смерти учителя, слѣдовательно написано не раньше 1662 го-

¹⁾ Сп. этой повѣсти нашли мы въ солов. сб. № 482, л. 155—162. Нач. „Преп. отецъ Варлаамъ въ лѣта бѣ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича, рожденіе и воспитаніе ихъ въ Керетской волости“.

²⁾ Списокъ XVIII в. мы нашли только въ рукоп. гр. А. С. Уварова № 792, л. 70—267. Нач. „Умо промыслительный мой! въ тебѣ убо въ настоящее сіе према бесѣдную“. Послѣ прибавлены къ труду Іоанна новыя чудеса 1675—79 гг. съ любопытной заимкой о раскольникахъ въ Казанскомъ краѣ (л. 204). Есть въ житіи и неточности: такъ причиной низверженія митр. Филаппа выставленъ отказъ его благословить царя на разгромъ Полгорода, что было уже послѣ низверженія; точно также Германъ не могъ зашищать Филаппа въ 1568 г. по тому поводу, о чемъ много говоритъ житіе. Арх. Филаретъ по ошибкѣ называетъ авторомъ житія митр. Лаврентія (Обзоръ русск. дух. язв. I, 351).

да ¹⁾. Но событія жизни Трифона были еще свѣжи въ памяти неизвѣстнаго біографа: на это указываютъ многочисленныя и любопытныя подробности въ его разсказѣ. Онъ ищетъ подъ руками письменныя источники, ссылаясь на посланія Трифона, точно обозначаетъ грамоты, полученныя имъ въ Москвѣ. Хотя въ началѣ біографія онъ старался подражать Епифаніеву житію Сергія, во въ дальнѣйшемъ изложеніи это не помѣшало ему разсказывать простоудшно и откровенно, не заботясь по видимому о томъ, въ какомъ свѣтѣ изображаетъ Трифона его разсказъ.

Въ некоторыхъ спискахъ XVII в. въ житіи Прокопія устюжскаго съ чудесами, описанными въ XVI в., прибавленъ рядъ новыхъ чудесъ 1631—1674 гг.; последнее изъ нихъ есть любопытная для исторіи народныхъ повѣрій легенда о бѣсноватой Соломоніи, записанная устюжскимъ помещикомъ Яковомъ въ 1671 г. Эти чудеса сопровождаютъ двумя похвальными словами, написанными, суди по упоминаемымъ въ нихъ святымъ, въ XVII вѣкѣ ²⁾.—Во второй же половинѣ XVII в. описана жизнь другихъ юродивыхъ, Симона юрьевецкаго и Прокопія вятскаго. Житіе перваго сохранилось въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Около 1635 г. послано было изъ Юрьѣвца въ Москву къ патріарху Іоасафу писаніе о житіи и чудесахъ Симона. Редакція житія, по видимому наиболѣе близкая къ этому писанію по происхожденію и литературному сходству, оканчивается

¹⁾ Списки XVIII в. въ сб. гр. Уварова № 911, л. 93 и въ нашемъ поморскомъ сб. л. 69; по другимъ спискамъ житіе издано въ Прав. Соб. 1868 года г. Шестаковымъ. Изъ замѣчанія въ предисловіи, что житіе писано авторомъ для *прочихъ* инокъ, не видѣвшихъ святого, ничего нельзя заключить объ отношеніи біографа къ послѣднему, ибо все это мѣсто дослѣдно списано у Епифанія.

²⁾ Унд. № 362, л. 148 и 161. Повѣсть о Соломоніи напеч. въ Нам. стар. русск. лат. I, 153.

посмертнымъ чудомъ 1639 года ¹⁾). На время составленія житія Прокопія намекаетъ единственное посмертное чудо 1666 года ²⁾). Эти житія обильны разсказами, иногда проникнутыми юморомъ и ярко рисующими беззащитность русскаго общества передъ нравственнымъ авторитетомъ въ его деспотическомъ проявленіи, на что такъ жаловались русскіе іерархи въ XVII в. — Во второй половинѣ того же вѣка записывались чудеса Сильвестра Обнорскаго, какъ видно по разсѣяннымъ въ нихъ хронологическимъ указаніямъ; къ этой запискѣ прибавлено краткое извѣстіе о кончинѣ Сильвестра въ 1375 г. Но не сохранилось и намекъ на существованіе житія ³⁾).

Житіе Симона, Воломскаго пустынника, по содержанію своему принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ источниковъ для исторіи монастырской колонизаціи въ XVII в., но составлено довольно куріозно. Оно начинается предисловіемъ Пахомія Логоѣта къ житію митрополита Алексія въ томъ малограмотномъ видѣ, какой давали ему псковской біографъ Василій или какой-нибудь другой подражатель Пахомія: здѣсь читаемъ, что авторъ лично не зналъ святаго и пишетъ «отъ слышанія», по разсказамъ неложныхъ свидѣтелей и главнымъ образомъ по житію, прежде написанному «отъ нѣкоего слагателя». Но изъ самого житія оказывается, что біографъ зналъ Симона и многое описалъ по его разсказамъ, что житіе святаго никѣмъ прежде не было на-

¹⁾ Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 273. Нач. „Сей бѣ блаженный рожденіе и воспитаніе Плесскаго уѣзду села Оделева“. Біографъ писалъ по разсказамъ людей, знавшихъ Симона (+1593), и безъ притязаній на литературное искусство. Другая, болѣе пространная и витѣватая редакція (въ рукоп. Имп. публ. библ. отд. Погод. № 757) доводитъ рядъ чудесъ до 1695 г. Нач. „Подобаше убо нервѣе достоично воспоминаути возлюбленнаго родителя, кто и откуду бяху“.

²⁾ Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 333 в Унд. новаго письма № 361.

³⁾ Солов. рук. XVIII в. № 182, л. 163; послѣднее чудо (23-е) отно- сится къ XVII в.

писано ¹⁾). Воспоминанія современника и очевидца сказываются въ живости біографическихъ чертъ и обстоятельности разсказа, чѣмъ отличается разсматриваемое житіе. Въ посмертныхъ чудесахъ точно обозначено время каждаго—знакъ, что они записывались въ монастырскую книгу чудесъ со словъ исцѣленныхъ. Эти чудеса относятся къ 1646—1682 годамъ; послѣдній годъ указываетъ приблизительно на время составленія житія.

Сохранилась малоизвѣстная записка о Макаріѣ, основавшемъ Высокоезерскій монастырь въ 1673 г. и не записанномъ въ русскія святны. Въ 1683 г. его едва живаго отъ разбойничьихъ встязаній нашель какой-то священникъ Іосифъ Титовъ и причастилъ; «и повелѣ ми многогрѣшному попу Іосифу житіе свое писати прикончинѣ живота своего и сказа мнѣ вся подробну, азъ же многогрѣшный попь житіе его списахъ и въ пустыни оставихъ въ церкви Божіи» ²⁾).

Условия монастырской жизни и отношенія монастырей къ мѣстному населенію въ центральныхъ областяхъ очень живо обрисованы въ житіи Лукіана переяславскаго, основателя монастыря въ ялѣксандровскомъ уѣздѣ (владимірской губ.). Житіе составлено около 1685 г. и, кажется, по надежнымъ источникамъ, однимъ изъ которыхъ служили грамоты, данныя монастырю при Лукіанѣ и послѣ него ³⁾).

¹⁾ Единственный, кажется, списокъ въ синод. рукоп. XVII в. № 406. Нач. „Иже святое житіе пожившихъ“. Въ описаніи подвиговъ Симона въ пустыни замѣчено: „труды же его бяху таковы, яковы же отъ устъ его слышахонъ“. Разсказъ объ убіеніи Симона оканчивается словами: „уже гдѣи доволна никондоша по убіеніи святого, ни отъ кого же преписана и брегана“.

²⁾ Списокъ въ русск. XVIII в. Е. В. Барсова.

³⁾ Списокъ въ рукоп. Тр. Серг. л. новаго писма № 37, л. 15. Предъ житіемъ помѣщена повѣсть о чудотворной иконѣ, которая еще до Лукіана

Житіе Мартирія Зеленецкаго не богато фактическимъ содержаніемъ и слишкомъ часто обращается къ видѣніямъ и другимъ легендарно-реторическимъ приѣмамъ агіобіографіи; но передавая немногія свѣдѣнія о Мартиріѣ, оно умѣетъ точно указать мѣсто, дѣйствующія лица и обстоятельства разсказываемаго событія. Это объясняется источникомъ, бывшимъ у автора. Мартирій оставилъ записки о своей жизни; по отрывку изъ нихъ, изложенному г. Буслаевымъ, видно, что біографъ пользовался ими. Архіепископъ Филаретъ увѣряетъ, не указывая источника, что это житіе написано Корниліемъ, который до 1667 г. былъ игуменомъ Зеленецкаго монастыря и въ 1695 г. возвратился туда на покой, оставивъ управление новгородской епархіей ¹⁾).

Архіеп. Филаретъ вслѣдъ за митр. Евгеніемъ ошибается, говоря, что сказаніе о жизни и чудесахъ Симеона верхотурскаго написано сибирскимъ митр. Игнатіемъ ²⁾). Это сказаніе состоитъ изъ нѣсколькихъ статей и Игнатію принадлежитъ лишь первая изъ нихъ, повѣсть объ открытіи мощей въ 1694 г., которое Игнатій описываетъ какъ главное дѣйствующее лицо при этомъ. За этой повѣстью слѣдуютъ безъ хронологическаго порядка чудеса въ селѣ Меркушинѣ по открытіи мощей и повѣсть о перенесеніи ихъ въ 1704 г. изъ Меркушина въ Верхотурье съ дальнѣйшими чудесами до 1731 года ³⁾). Эти статьи

въ 1594 г. принесена была на мѣсто, гдѣ потомъ возникла его обитель. Эта повѣсть написана въ началѣ XVIII в. и ссылается на житіе Лукіана.

¹⁾ Это житіе извѣстно намъ только по списку, издашному въ Пам. стар. русск. лит. IV, 52: здѣсь нѣтъ никакихъ указаній на автора. Разсказъ Мартирія о своемъ видѣніи въ Истор. Оч. Ѡ. П. Буслаева, ч. 2, стр. 392. Архіеп. Филаретъ (Обзоръ дух. лит. I, 360 и Р. Свят. мартъ, стр. 9) прибавляетъ, что житіе написано въ 1695 г.

²⁾ Обз. дух. лит. I, 367. Р. Свят. сент. стр. 57. Слов. пис. дух. чина, изд. 2, I, 197.

³⁾ Унд. № 375. Сказаніе Игнатія очень вѣтievато и учено. Нач. „Благій и всеблагій и прелобгій Богъ о Божіемъ угодницѣ благопосиѣши повѣсть начать“.

составлены разными авторами: такъ разсказъ о чудѣ 1696 г. написанъ кѣмъ-то изъ свиты іеромонаха Израїля, посланнаго Игнатіемъ для обзорѣнія епархіи; чудеса въ Меркушинѣ записаны священниками села, которымъ поручилъ это Игнатій и одними изъ которыхъ былъ Іоаннъ. Во всѣхъ этихъ статьяхъ есть любопытныя черты епархіальнаго управленія въ XVII—XVIII в.

Когда писалось житіе Елеазара Анзерскаго, никого изъ учениковъ пустышника не было въ живыхъ; біографъ упоминаетъ о смерти патрiарха Никона и о его подробномъ житіи, говоритъ объ епископ. вписанной этимъ Никономъ въ Анзерскомъ скиту 63 лѣтъ назадъ. Никонъ пришелъ къ Елеазару не раньше 1635 г. Тѣмъ образомъ житіе составлено около 1700 г. Біографъ даетъ повѣсть, что до него жизнь Елеазара никѣмъ не была описана, что онъ собралъ свѣдѣнія о святомъ «точно отъ слышанія» и лишь нѣкоторыя изъ чудесъ послѣдняго времени «въ памяти обрѣтается»¹⁾, но что въ Поморіи ходили по рукамъ другія записки о чудесахъ Елеазара: такъ нѣкто изъ Каргополя говорилъ, что у него есть немалая повѣсть о нихъ, которой не могъ достать біографъ. Однимъ изъ первыхъ учениковъ Іисуса Анзерскаго въ житіи его является монахъ Макарій²⁾. Послѣдній въ 1710 г. по порученію Іисуса составилъ вкладную книгу, или систематическую опись вещамъ, пожертвованнымъ въ Анзерскій скитъ; здѣсь записатьъ и вкладъ каргопольскаго купца, приказнаго чудовскаго бурмистра Івана Андреева—«списанныя имъ чудеса преп. Елеазара»³⁾. При житіи и въ повѣсти о Соловец-

¹⁾ Они кратко перечислены въ житіи (напеч. по соловецкимъ спискамъ въ Прав. Собес. 1860 г. янв. и севр.), стр. 245 и 246.

²⁾ Солов. рукоп. № 1014.

³⁾ Анзерск. рукоп. въ солов. библ. № 2, гл. 6, л. 71. Макарій предпослалъ описи любопытное предисловіе, въ которомъ называетъ себя постриженникомъ Елеазарова свята.

ких пустынножителяхъ помѣщали «свитокъ» или автобіографическую записку Елеазара, подлинникъ которой будто бы хранился въ Анзерской бібліотекѣ и въ которой Елеазаръ преимущественно рассказываетъ о своихъ искушеніяхъ и видѣніяхъ. Нѣтъ основанія отвергать подлинность этой записки; но біографъ о ней не упоминаетъ и въ житіи трудно указать черту изъ нея заимствованную.

Обзоръ новыхъ житій XVII в. закончимъ двумя записками, составленными въ началѣ XVIII вѣка, но основанными на болѣе раннихъ источникахъ. Повѣсть о чудесахъ Пертоминскихъ чудотворцевъ съ характеристическими чертами монастырской колонизаціи въ Поморскомъ краѣ составлялась постепенно: одни изъ чудесъ записаны были до свидѣтельства мощей въ 1694 году, другія послѣ, какъ видно изъ указаній неизвѣстныхъ составителей описанія ¹⁾.--Въ 1630-хъ годахъ у монаховъ вологодской Заоникіевской пустыни было уже написано житіе основателя ея Іосифа (+ 1611). Въ 1717 г. экономъ этой обители Сергій нашелъ въ Кирилловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ у одного христіянина книгу о явленіи чудотворнаго Заоникіевского образа и жизни Іосифа и принесъ ее въ свою обитель, гдѣ въ то время готовились къ построенію каменной церкви и обновили часовню надъ забытымъ гробомъ Іосифа; эконому Сергію поручено было записывать чудеса отъ этого гроба и отъ образа Богородицы. Неизвѣстно, сохранилась ли найденная Сергіемъ книга; но любопытныя извѣстія объ Іосифѣ и его монастырѣ, извлеченныя изъ нея и изъ рассказовъ ста-

¹⁾ Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 255 рядъ чудесъ доведенъ до 1694 года, въ слов. сб. № 182, л. 181 прекращается въ началѣ XVIII вѣка; здѣсь и служба, о которой въ повѣсти (л. 200) замѣчено, что по переломленіи мощей въ 1694 г. вгугену велѣно было „принти въ Москву, да тамо сочинявшѣ службу прѣядобныхъ отъ чудесъ, повелѣніемъ царевымъ въ тисненіе предати повелѣть“.

риновъ, находитъ въ словѣ на память Іосифа ¹). Оно написано еще до окончанія каменной постройки и, какъ видно, тѣмъ же монастырскимъ историографомъ Сергіемъ.

Въ началѣ XVIII в. составлено житіе переяславскаго затворника Корнилія, въ началѣ второй половины того же столѣтія описана жизнь суздальскаго митрополита Иларіона, въ концѣ XVIII в. или въ началѣ XIX написаны житія Феодосія тотемскаго и Антонія Дымскаго ²). Первое и послѣдніе еще строго держатся прежняго стиля житій, второе значительно отстываетъ отъ него, приближаясь къ тону и приемамъ простой біографіи, каково наиримѣрь жизнеописаніе патріарха Никона, составленное Шумеринымъ.

Между этимъ старымъ стилемъ житій и простой біографіей лежала еще ступень, чрезъ которую прошло древнерусское житіе въ своемъ литературномъ развитіи. Разсмотрѣнные выше житія XVII в. въ выборѣ біографическаго содержанія и въ его изложеніи остаются вѣрны господствующему направленію русской агіобіографіи XV—XVI вѣка, отличаясь отъ нея вообще меньшимъ литературнымъ искусствомъ. Но уже во время Мака-

¹) Въ нашемъ поморскомъ сб. л. 51—54. Нач. „Тѣмъ иереву добро есть хрании“. Сергіи нашелъ въ больницѣ Кириллова монастыря древняго старца Авраамія, который въ молодости, лѣтъ за 80 до этого, былъ пономаремъ въ Заоничевской обители; тогда, говорилъ онъ, „живущи въ обители вси памятію житіе Іосифа проповѣдоваху, аще писанію претно ияху, но болѣ рѣчию всѣхъ услажаху“.

²) Ж. Корнилія въ рукоп. Унд. новаго письма № 1043; тропарь и кондакъ написаны, по извѣстію біографа, Димитріемъ Ростовскимъ, свидѣльствовавшимъ мощи Корнилія въ 1705 г. Ж. Иларіона въ рукоп. Унд. XVIII в. № 418; издано въ Москвѣ въ 1859 и въ Прав. Собр. 1869 г. Ж. Феодосія извѣст. въ моск. сввод. типогр. въ 1806 г. Ж. Антонія въ рукоп. Унд. новаго письма № 281 съ службой; рассказъ объ отношеніяхъ Антонія, родившагося по житію въ 1206 г., къ Варлааму Нутыскому, умершему раньше, основанъ на ошибочномъ извѣстіи о смерти Варлаама въ 1243 г. Ср. выше стр. 144.

рія, въ житіяхъ, составленныхъ для Степенной книги, стало замѣтно стремленіе дать преобладаніе біографическому разсказу надъ общими реторическими мѣстами житія и изобразить дѣятельность святаго въ связи съ другими историческими явленіями его времени. Тоже стремленіе видѣли мы въ редакціи житія Александра Невскаго, составленной Юной Думнымъ. Въ XVII в. можно собрать небольшую группу произведеній такого же характера. Они стремятся изученіемъ и сводомъ разныхъ источниковъ достигнуть большей біографической полноты сравнительно съ прежними житіями. Впрочемъ историкъ пріобрѣтаетъ очень мало отъ бѣльшей части этихъ ученыхъ редакцій: составители ихъ стояли слишкомъ далеко отъ времени жизни описываемыхъ лицъ и могли воспользоваться лишь источниками и безъ нихъ извѣстными. Только біографія Троицкаго архимандрита Діонисія даетъ понять, какія любопытныя подробности могли попасть въ житіе подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда на задачи біографа, если послѣдній стоялъ достаточно близко къ описываемымъ событіямъ. Авторъ этой біографіи Симонъ Азаринъ довольно любопытное лицо. Слуга книжны Мстиславской, онъ больной пришелъ къ архимандриту Діонисію лѣтъ за 9 до его смерти, получилъ отъ него исцѣленіе и 6 лѣтъ служилъ ему келейникомъ. Въ 1630 г. Троицкія власти послали его строителемъ въ приписной монастырь на Алатырь и онъ не видѣлъ кончины своего учителя въ 1633. Скоро онъ воротился въ обитель Сергія, въ 1634 г. сдѣлался казначеемъ монастыря, а спустя 12 лѣтъ келаремъ. Вѣроятно, въ монастырѣ пріобрѣлъ онъ книжное образованіе и литературный навыкъ. Онъ оставилъ много собственноручныхъ рукописей и нѣсколько произведеній, дающихъ ему мѣсто среди хорошихъ писателей древней Россіи. Его изложеніе, не всегда правильное, но всегда простое и ясное, читается легко и пріятно, даже въ тѣхъ обязательно - витиеватыхъ мѣстахъ, гдѣ древнерусскій писатель не могъ отказать

себѣ въ удовольствіи быть невразумительнымъ. По волѣ царя Алексѣя Михайловича Симонъ приготовилъ къ печати житіе преп. Сергія, написанное Епифаніемъ и дополненное Пахоміемъ, подновивъ слоги его и прибавивъ къ нему рядъ описанныхъ имъ самимъ чудесъ, которыя совершились послѣ Пахомія въ XV — XVII в. Эта новая редакція вмѣстѣ съ житіемъ игумена Никона, похвальнымъ словомъ Сергію и службами обоимъ святымъ напечатана была въ Москвѣ въ 1646 г. Но мастера печатнаго дѣла отнеслись съ недобвѣріемъ къ повѣсти Симона о новыхъ чудесахъ, напечатали изъ нея 35 рассказовъ, нѣкоторыя неохотно и съ поправками, остальные опустили вовсе. Въ 1653 г., восстанавливая первоначальный видъ своего сказанія, Симонъ прибавилъ къ нему обширное предисловіе, въ которомъ изложилъ свои мысли о значеніи Сергіевой обители и сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній касательно исторіи житія ея основателя ¹⁾. Здѣсь онъ говоритъ, что нѣкоторыя изъ новыхъ чудесъ онъ самъ видѣлъ, другія отыскалъ въ лѣтописныхъ книгахъ и въ сказаніи Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря. Одновременно съ этими трудами работалъ онъ надъ житіемъ Діонисія. Этотъ трудъ былъ вызванъ просьбою Кожеозерскаго монаха Боголѣна Львова, предполагаемаго автора записки о Пустыниикѣ Никодимѣ, жившаго нѣсколько времени до постриженія въ Сергіемъ монастырѣ. Въ 1648 г. житіе было уже готово и послано къ Боголѣпу; но считая его еще не вполне отдѣланнымъ, авторъ долго нерѣшался распространять его. Онъ дополнилъ біографію новѣйшими чудесами до 1654 года, когда она получила окончательную отдѣлку. Симонъ смотритъ на обязанности біографа гораздо строже сравнительно съ большинствомъ древнерусскихъ писа-

¹⁾ Оно напечатано по рукоп. моск. дух. ял. С. Смирновымъ во Времен. Общ. Ист. в. Др. в.м. X.

телей житій: онъ разборчивѣе въ источникахъ и заботится не только о полнотѣ, но и о фактической точности жизнеописанія. Онъ хорошо зналъ 6 лѣтъ изъ жизни Діонисія, прожитыхъ подъ одной съ нимъ кровлей; многое сообщилъ ему самъ Діонисій; остальное онъ старался изучить по рассказамъ наиболѣе достоверныхъ свидѣтелей. Такъ о молодости Діонисія ему повѣдали Троицкіе старцы, земляки архимандрита, Гурій и Германъ Тудуповъ, учившіе Діонисія грамотѣ. Руководясь мыслью, что «Богъ не хочетъ ложными словесы прославляемъ быти и святымъ негодно есть затѣйными чудесы похваляемымъ быти», Симонъ для успокоенія своей совѣсти и недовѣрчивыхъ читателей старался достать отъ самихъ рассказчиковъ или другихъ знающихъ людей письменное подтвержденіе сообщенныхъ ему изустныхъ рассказовъ. Повѣсть объ инокѣ Дороеѣ, слышанную отъ учителя его Діонисія, онъ читалъ многимъ и возбудилъ сомнѣніе; біографъ послалъ ее для повѣрки къ соборному московскому ключарю Ивану Насѣдкѣ, сотруднику Діонисія въ дѣлѣ исправленія книгъ и самовидцу Дороеевыхъ подвиговъ. Иванъ отвѣчалъ посланіемъ, въ которомъ подтвердилъ и дополнилъ собственными воспоминаніями рассказъ Симона, и послѣдній цѣликомъ приложилъ это посланіе къ своему рассказу. Кончивъ біографію и отправивъ одинъ списокъ къ Боголѣпу, Симонъ давалъ другой читать многимъ старшимъ современникамъ Діонисія. Встрѣтивъ недовѣрчивыя замѣчанія отъ нѣкоторыхъ, онъ отослалъ всю біографію къ тому же ключарю, «да видитъ и судитъ, аще сія тако есть». Насѣдка «въ строкахъ поисправилъ и поисполнилъ» пробѣлы въ трудѣ Симона и возвращая его, прислалъ автору свою обширную записку о той порѣ жизни Діонисія, когда онъ стоялъ близко къ послѣднему. Записка распространяется именно о томъ, что кратко изложено у Симона, и рассказывая еще проще послѣдняго, рядомъ съ превосходнымъ очеркомъ бѣдствій Смутнаго времени сообщаетъ любо-

пытныя свѣдѣнія о дѣятельности Діонисія и о его противникахъ. Симонъ не внесъ этой записки въ текстъ своего труда, «да не како на свой разумъ преложу чужъ трудъ»: едвали не впервые въ древнерусской литературѣ житій встрѣчаемъ здѣсь строгое различіе между своимъ и чужимъ. Наконецъ для устраненія педовѣрія Симонъ приложилъ къ біографіи вмѣстѣ съ запиской Насѣдки рядъ другихъ документовъ, подтверждающихъ его разсказъ ¹⁾.

Мы видѣли, что Епифаній задумывалъ біографію Сергіева племянника Θεодора; неизвѣстно, была ли она написана. Сохранившееся житіе его съ очеркомъ позднѣйшей судьбы Симонова монастыря составлено по довольно-большому количеству извѣстныхъ источниковъ, къ которымъ оно не прибавляетъ почти ничего новаго ²⁾. Главнымъ изъ нихъ были Епифаніево житіе Сергія и лѣтописныя извѣстія XIV вѣка; можно также замѣтить выдержки изъ житій митроп. Алексія, Кирилла Бѣлозерскаго, кн. Дмитрія Донскаго, Леонтія ростовскаго, митроп. Іоны и изъ сказанія Іосифа о русскихъ подвижникахъ. Эта ученая компиляція не отличается ни искусствомъ изложенія ни стройностью состава и часто дѣлаетъ отступленія изъ текста. По исторіи Симонова монастыря, прерывающейся на времени царя Михаила,

¹⁾ Синод. рукоп. № 416 — автографъ Азарыина: служба Діонисію, составленная біографомъ, л. 1—9, житіе л. 10—103; далѣе л. 103—467 записка Ивана Насѣдки и остальные приложения: грамота царя объ исправленіи требника, защитительныя рѣчи Діонисія, Арсенія Глухаго и Ивана Насѣдки, обвинительная рѣчь послѣдняго противъ Антонія Подольскаго, изысканіе его же о прибавкѣ „и огнемъ“ въ 40 главахъ и два посланія восточныхъ патріарховъ о томъ же. Въ синод. рукоп. № 85, являя и въ изданіи 1824 г., записка Насѣдки внесена въ текстъ житія, а остальные приложения опущены.

²⁾ Синод. рукоп. 1723 г. № 580, л. 232—251. Только въ разсказѣ о Θεопантѣ и Кириллѣ есть нѣсколько чертъ, которыхъ не находимъ въ извѣстныхъ житіяхъ обоихъ.

можно думать, что житіе составлено около половины XVІІ вѣка. — Такова же третья редакція житія тверскаго князя Михаила Ярославича. Основой ея послужила вторая редакція, дополненная извѣстіями изъ лѣтописи и новыми риторическими распространеніями; составитель прибавилъ къ житію новое предисловіе, витіеватую и длинную похвалу, надгробный плачь княгини изъ житія Дмитрія Донскаго и два сказанія: о обрѣтеніи мощей князя въ 1634 г. и о переложеніи ихъ въ 1654. Это послѣднее событіе подало тверскому архіепископу Лаврентію поводъ установить празднованіе Михаилу и по всей вѣроятности составить новую редакцію житія ¹⁾. При томъ же Лаврентіѣ, по благословенію патріарха Никона, установлено праздновать день перенесенія мощей другаго мѣстнаго святаго, епископа Арсенія; и въ 1655 г. составлена служба на этотъ праздникъ. Къ чудесамъ XVІ в. въ житіи Арсенія прибавлено 26 новыхъ (съ 1606 по 1664 г.); но житіе не подверглось при этомъ новой обработкѣ. Приложенная къ чудесамъ похвала Арсенію есть подражаніе похвалѣ кн. Михаилу и, можетъ быть, написана тѣмъ же авторомъ ²⁾. — Съ біографіей кн. Михаила сходна по строю и характеру новая редакція житія Теодора, князя ярославскаго. Самъ составитель объясняетъ свою задачу: «о немъ же преже сего обрѣтаеми суть многія повѣсти глаголемы и пи-

¹⁾ Списки XVІІ в. въ рукоп. Унд. № 341, л. 12, и № 1209, л. 18; сокращеніе этой ред. въ рукоп. Унд. XVІІ в. № 1255. Нач. „Начтоже теильшии души блажайше зрѣти ко всякой добродѣтели иростирающіиса“. На авторъ — архіепископа указываетъ новидимому выраженіе въ разсказѣ о переложеніи мощей: „узиколигома и гробъ его святаго открывати въ церковное славословіе“, если только форма глагола не есть здѣсь слѣдствіе обычной у древнерусскихъ писателей нетвердосги въ церковно-славянскомъ спряженіи.

²⁾ Рукоп. Унд. XVІІ в. № 1224, по почерку и форматку сходная съ указаннымъ сп. житіи Михаила Унд. № 1209; новые чудеса на л. 80 — 118 безъ конца.

шемы, но обаче не во единомъ мѣстѣ, ова въ лѣтописаниихъ, шия же индѣ. прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, и отъ всѣхъ сихъ да соберется нынѣ во едину словесную пленицу». Впрочемъ главнымъ источникомъ служили прежнія редакціи, которыя авторъ дополнилъ немногими извѣстными изъ лѣтописи. Вновь написаны и прибавлены къ житію похвальное слово, вѣтвлатое подражаніе Пахомію, и сказаніе о новомъ перенесеніи мощей въ 1658 году, подавшемъ поводъ къ установленію мѣстнаго праздника 13 іюня и очевидно къ составленію новой редакціи кѣмъ-либо изъ братіи Спасскаго монастыря въ Ярославѣ¹⁾.

Въ XVII в еще разъ переработано было житіе митрополита Алексія²⁾. Въ литературномъ отношеніи эта редакція одинъ изъ лучшихъ древнерусскихъ памятниковъ этого рода по грамотности изложенія, искусству разсказа и стремленію отрѣшиться отъ условныхъ формъ и общихъ мѣстъ житія. Менѣе удовлетворительно ея фактическое содержаніе. Біографъ старался изучить жизнь святаго по всѣмъ доступнымъ ему источникамъ: кромѣ Пахоміевой и Макарьевскихъ редакцій житія онъ пользовался лѣтописями и грамотамъ XIV вѣка, предпослалъ житію краткій и не совсѣмъ точный очеркъ исторіи Московскаго княжества и сообщилъ двѣ-три біографическія черты, кото-

¹⁾ Эта ред. въ нашей рукоп. времени импер. Анны. Нач. „Поволевіи почитати обаче древній законъ“. Къ этой ред. приложенъ составленный по ней синаксарь, или проложной очеркъ жизни святаго.

²⁾ Синсокъ этой ред. въ синод. сб. XVII — XVIII в. № 596, л. 13. Нач. „Много зѣло украшаютъ царство діадима, багряница и самовластный скиптръ“. Къ біографіи приложены вѣты, на которые ссылается біографъ, ханскіе ярлыки и копія съ найденной въ казнѣ разавской митрополіи подлинной грамоты Алексія на Черный Яръ съ его собственноручной подцисью по-гречески (Авт. Ист. I, № 3). Къ ярлыкамъ біографъ присоединилъ замѣтку: „иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобъ познаваемо рѣчью писани быша (л. 34)“.

рыхъ нѣтъ въ прежнихъ редакціяхъ ¹⁾). Но и онъ не могъ устранить неточностей и противорѣчій въ этихъ редакціяхъ: такъ по его счету Алексій епископствовалъ во Владимірѣ 4 года, жилъ 85 лѣтъ и родился въ 1292 году, хотя и у него святи- тель остается старше Симеона Гордаго 17 годами. Житіе оканчивается извѣстіемъ о перенесеніи мощей въ 1686 г. и со- ставлено при патр. Адрианѣ (1690—1700) монахомъ Чудова монастыря, судя по вниманію, съ какимъ авторъ останавливается на этой обители, на упадкѣ въ ней прежняго строгаго благочи- пія; библиографическія знанія біографа наводятъ на мысль, что это—извѣстный справщикъ книгъ и сотрудникъ Елифанія Сла- винецкаго Евѳимій, которому приписываютъ повѣсть объ упо- мянутомъ перенесеніи мощей ²⁾).—Біографъ Аванасія Высоцкаго также пытался сдѣлать ученый сводъ всѣхъ извѣстій объ этомъ ученикѣ Сергія, но далъ слишкомъ много простора своимъ ораторскимъ отступленіямъ и при скудости источниковъ довѣрялъ смутному преданію болѣе, чѣмъ слѣдовало ученому біографу ³⁾. Вирши, которыми оканчивается житіе, съ извѣстіемъ, что оно написано въ 1697 году, подтверждаютъ догадку, что авторъ его—извѣстный слагатель виршъ Каріонъ Истоминъ ⁴⁾.

¹⁾ Наприм. замѣчаніе о знакомствѣ Алексія съ греческимъ языкомъ и о его переводѣ Новаго Завѣта съ извѣстіемъ о переводѣ съ греческаго книги Литургіарія митр. Кларіаномъ (л. 16), также извѣстіе о древнемъ благочипіи, установленномъ въ Чудовомъ монастырѣ Алексіемъ (л. 26).

²⁾ Арх. Филаретъ въ Обз. русск. дух. лит. I, стр. 370.

³⁾ Такъ онъ съ большей увѣренностью повторяетъ ошибочное преданіе объ избраніи Аванасія на патриаршій престолъ въ Царьградѣ, о чемъ Симонъ Азаринъ въ предисловіи къ чудесамъ Сергія говоритъ еще порѣшительно, съ оговорками. См. житіе Аванасія въ рукоп. Унд. XVII—XVIII в. № 268, л. 83.

⁴⁾ Архiep. Филаретъ въ Обз. русск. д. лит. I, стр. 380 и Р. Свят. сент. стр. 48. Повидному къ разсматриваемому разряду житій принадлежатъ новая редакція житія Варлаама Хутынскаго, хранящаяся въ его монастырѣ и приписываемая Софронію, Лихуду (Слов. пис. дух. чина,

Къ разсмотрѣннымъ редакціямъ приближается по свойству источниковъ сказаніе о чудотворной Овинновской иконѣ и о Пансіѣ Галицкомъ: авторъ пытался связать смутное преданіе, хранявшееся въ галицкомъ Пансіевомъ монастырѣ, съ лѣтописными извѣстіями о времени Димитрія Донскаго и Василя Темнаго, но сдѣлалъ это неудачно, съ пропусками и ошибками ¹⁾. Въ извѣстіи намъ снискѣ новѣсти нѣтъ прямыхъ указаній на время ея составленія: только по скудости извѣстій о Пансіѣ и складу рѣчи можно догадываться, что это очень позднее произведеніе. — Тѣмъ же невозможно опредѣлить, когда написано было ~~жизніе~~ ^{жизніе} Арсенія Киевскаго престои первоначальной редакціи, ~~было книжнѣмъ уроченіемъ~~, существованіе котораго доказываетъ ~~съ трудомъ~~ ^{отрывкомъ} нѣчто, сохранившися въ рукописи XVII вѣка. Средствъ ~~отрывкомъ~~ ^{отрывкомъ} стрѣлка съ соотвѣствующимъ жѣстомъ въ печатномъ изданіи ~~жизніе~~ ^{жизніе} преводитъ въ мысли, что послѣднее имѣло источникомъ эти старыя записки объ Арсеніѣ, собравшъ ихъ въ нѣкоторыхъ жѣстахъ, и придавъ книжный складъ ихъ простому изложению ²⁾.

стр. 248. (въ русск. д. лѣт. I, стр. 363); но ея не нашли мы ни въ одной изъ рукописныхъ бібліотекъ, которыми пользовались.

¹⁾ Это сказаніе извѣстно намъ только по рукописи XVII в., принадлежащей Н. С. Тихонравову, № 57 безъ трехъ первыхъ листовъ. Историческія свѣдѣнія автора о времени Пансіа такъ скудны, что онъ сознается въ незнаніи, „каковыя ради вѣны“ началась усобица между вел. кн. Василіемъ и его дядей Юріемъ, и невѣрно относитъ смерть послѣдняго къ 1429 году, прѣдвѣщая: „нако же вел. кн. Георгій Дмитріевичъ въ Москвѣ вриде, ко время ли взятія града Галича вел. княземъ московскимъ пѣшецу ему сушу, или по взятіи града яковымъ-любо образомъ приде, о семъ мы въ галицескихъ древнихъ лѣтописцехъ не обрѣтохомъ (л. 44)“.

²⁾ Отрывокъ въ сб. Тр. Серг. л. № 806, л. 244—246. Печатное житіе изд. въ вѣтерб. синод. типогр. 1850 г. съ службой и похвальнымъ словомъ. Изъ 6 посмертныхъ чудесъ одно 4-е помѣчено 1573 г.

ГЛАВА VIII.

Общія замѣчанія.

Описавъ въ хронологической связи отдѣльныя явленія, изслѣдователь чувствуетъ потребность еще разъ взглянуть на свой матеріалъ, чтобы собрать разсѣянные наблюденія и свести ихъ въ общіе критическіе выводы. Въ литературѣ житій это легче и нужнѣе чѣмъ въ какой-либо другой отрасли древнерусскихъ историческихъ источниковъ. Житіе по существу своему состоитъ изъ двухъ элементовъ совершенно различнаго происхожденія и свойства: это ораторское произведеніе, церковная проповѣдь, предметомъ которой служатъ тѣже религиозно-нравственныя истины, какъ и въ простомъ церковномъ словѣ, но разсматриваемыя не въ отвлеченномъ анализѣ или практическомъ приложеніи, а на извѣстныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Оба эти элемента, литературный и историческій, имѣли свою судьбу въ развитіи древнерусскаго житія, но при этомъ трудно найти другой родъ литературныхъ произведеній, въ которомъ форма въ бѣльшей степени господствовала бы надъ содержаніемъ, подчиняя послѣднее своимъ твердымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Она представляетъ первую и главную преграду, стоящую между историкомъ и историческимъ фактомъ, который заключается въ житіи: ея изученіемъ долженъ начаться критическій разборъ житія.

Начиная этотъ разборъ съ самой виѣшней стороны, нельзя не остановиться на неравномѣрномъ распредѣленіи житій въ древнерусской письменности. Почти до половины XVI в. русское житіе вообще довольно рѣдкое явленіе въ сборникахъ; еще рѣже сборники, составленные изъ однихъ русскихъ житій. Съ половины XVI в. напротивъ послѣднія начинаютъ стѣснятъ

другіе отдѣлы литературы. Такъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ теперь древнерусскихъ рукописныхъ собраніяхъ: мнительный библіографъ, дорожающій временемъ, съ трудомъ отыскавъ два-три близкіе къ автору списка житія, явившагося до половины XVI вѣка, болѣею частью долженъ ограничиться тоскливымъ взглядомъ на массу позднѣйшихъ списковъ, не отвѣщая на внимательный просмотръ каждаго. Разумѣется, самая литература житій стала быстро разрастаться послѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ и меньше пострадала въ письменности отъ времени: на обоихъ этихъ обстоятельствахъ едвали достаточно для объясненія указанной неравномѣрности. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что любовь къ старой книгѣ была знакома русскимъ грамотеямъ XVI—XVII в. едвали въ меньшей степени чѣмъ позднѣйшимъ московскимъ библіографамъ. Есть основанія думать, что значительная доля дѣйствія въ этомъ отношеніи принадлежала развитію въ читающемъ обществѣ охоты къ чтенію житій отечественныхъ святыхъ. Ниже увидимъ, что этотъ фактъ не остался безъ вліянія на литературную исторію житія.

Можно замѣтить другую черту въ письменности житій уже болѣе литературнаго свойства. Житія многихъ извѣстныхъ церкви святыхъ древней Россіи не сохранились даже въ преданіи и повидимому вовсе не были написаны. Значительное количество уцѣлѣвшихъ житій—позднѣйшія переработки или редакціи исчезнувшихъ біографій. Наконецъ изъ сдѣланнаго выше обзора можно видѣть, какое большинство житій дошло до насъ въ нѣсколькихъ, иногда многочисленныхъ редакціяхъ: 150 житій, разсмотрѣнныхъ нами, представляютъ до 250 редакцій. Редакція вообще настолько важна для критической оцѣнки житія, чтобы разсмотрѣть внимательно ея происхождение.

Въ самой формѣ распространенія житій лежалъ элементъ редакціи: письменность отдавала первоначальный текстъ и со-

ставъ литературнаго произведенія на жертву недосмотрамъ и производству писца. Личный авторскій элементъ цѣнился очень мало и мало имѣлъ правъ на болѣе высокую цѣну. По своему сложному строю житія были наиболѣе доступны измѣненію, а по содержанію своему они преимущественно составляли тотъ отдѣлъ произведеній, который переписывали для собственной душевной пользы или для тѣснаго кружка: согласно съ такимъ ограниченнымъ назначеніемъ считали естественнымъ сокращать или дополнять ихъ при перепискѣ по личному разумѣнію или вкусу и съ такими перемѣнами пускать въ дальнѣйшее обращеніе. Совѣтъ игумена Алексѣя, біографа Геннадія костромскаго, чтобы переписчикъ «ся тшалъ на прямыя точки и запятыя, да не погрѣшилъ бы ся разумъ писанію, якоже мы душу полагаемъ за истинныя словеса и за точки», можно объяснить авторскимъ страхомъ передъ тѣмъ крайнимъ пренебреженіемъ, съ какимъ писцы относились къ тексту литературныхъ памятниковъ.

Не лишены значенія въ литературной исторіи редакцій нѣкоторыя внѣшнія случайности, соединенныя съ письменной формой распространенія житій. Иногда житіе, написанное на черномъ, на свиткѣ, благодаря равнодушію или безграмотности братіи, ложилось въ кладовую безъ употребленія, портилось и потомъ извлекалось на свѣтъ Божій въ такомъ видѣ, который дѣлалъ необходнмымъ новую обработку. Иногда біографія, составленная для немногочисленной братіи, долго обращаясь среди нея въ единственномъ спискѣ, исчезала въ рукахъ стороннихъ читателей или погибала во время пожара, непріятельскаго нашествія, вслѣдствіе разброда братіи: все это заставляло потомъ воспроизводить по памяти утраченное житіе.

Изучая движеніе литературы древнерусскихъ житій въ хронологической послѣдовательности, можно замѣтить, какъ постепенно выступаютъ и дѣйствуютъ совокупно съ болѣе или меньшей силой разнообразныя общія причины редакцій, лежа-

шии въ самокъ свойствѣ житія, въ его происхожденіи, содержаніи и назначеніи. Агіобіографія стремилась соединить въ себѣ много разнородныхъ цѣлей и каждая изъ нихъ требовала особой формы для житія. Простая біографическая записка о безвѣстномъ подвижникѣ, составленная для памяти вскорѣ по смерти его, ставилась недостойной прославленнаго святаго послѣ открытія мощей и установленія ему празднованія: это вызывало новую обработку житія. Притомъ святой не умиралъ и по смерти, ибо «кости наши» продолжали источать исцѣленія: память о немъ и въ древнія и въ позднія времена вѣчно колебалась между исторіей и легендой, постоянно обновлялась новыми чудесами и подъ влияніемъ ихъ разрасталась новыми біографическими чертами. Это загробное продолженіе біографіи создавало потребность въ дополнительной передѣлкѣ житія. Кромѣ того житіе составляло часть богослуженія, служило чтеніемъ въ службѣ на память святаго: это дѣлало необходимымъ для житія известныи объемъ и особыя условныя формы, которымъ не всегда соответствовали редакціи, вызванныя указанными побужденіями. Наконецъ, независимо отъ всѣхъ этихъ условій церковнаго происхожденія, древнерусская агіобіографія, какъ литературная форма, имѣла свой историческій ростъ: измѣнялся самый взглядъ на житіе, изъ задачи и приемы, и каждая смѣна сопровождалась новой переработкой житій, стоявшихъ въ кругу дѣйствія новаго взгляда. Таковы общія и главнѣйшія условія, которыми можно объяснить происхожденіе и размноженіе редакцій, не говоря о другихъ, частныхъ и имѣвшихъ болѣе ограниченное дѣйствіе. Легко замѣтить, что въ этихъ условіяхъ сказались главнѣйшіе моменты литературной исторіи житій: побужденія, заставлявшія часто по нѣскольку разъ мѣнять форму житія, были тѣ самыя, которыми опредѣлились литературные приемы агіобіографа и точка зрѣнія, съ которой онъ разсматривалъ историческія явленія.

На свойствахъ этой точки зрѣнія и на всей литературной исторіи древнерусскаго житія замѣтно сказывается дѣйствіе среды, въ которой зародилось это житіе и съ которой главнымъ образомъ связано было его распространіе. Разсматривая житіе критически, не слѣдуетъ забывать, что оно входило въ составъ богослуженія, читалось въ церкви во время службы святому на шестой пѣсни канона вслѣдъ за кондакомъ и икосомъ. Разсматривая содержаніе и форму этихъ кондаковъ и икосовъ, не трудно замѣтить ихъ литературное родство съ житіемъ. Кондакъ кратко передаетъ въ повѣствовательной формѣ основныя черты дѣятельности святаго; икосъ на основаніи этихъ чертъ излагаетъ похвалу святому, начиная каждую черту возгласомъ «радуйся». Такимъ образомъ въ этихъ пѣсняхъ содержится литературная программа житія. Таковы именно по своему строю древнѣйшіе памятники сѣвернорусской агіо-біографіи, житія Леонтія и Игнатія Ростовскихъ, Варлаама Хутынскаго, митрополита Петра: это распространенныя кондаки и икосы, въ которыхъ главныя біографическія черты сопровождаются прославленіемъ святаго обыкновенно съ тѣмъ же возгласомъ «радуйся». Объ этихъ именно житіяхъ рукописи сохранили прямыя указанія на ихъ церковное происхожденіе или употребленіе: ихъ помѣщали въ прологахъ или среди службы святому послѣ 6-й пѣсни канона. Этотъ первоначальный типъ житія, который всего точнѣе назвать проложнымъ, господствовалъ въ сѣвернорусской литературѣ житій до конца XIV вѣка, какъ видно по уцѣлѣвшимъ памятникамъ того времени. Но онъ не исчезъ и послѣ, когда развились и утвердились другія формы житія: пока древнерусская агіобіографія хранила свой старый строго-церковный стиль и не превратилась въ простую біографію, до тѣхъ поръ существовала потребность имѣть рядомъ съ пространнымъ украшеннымъ житіемъ и его краткое проложное изложеніе. } Если

въ XV — XVII в. появлялась такая украшенная редакція, почти безошибочно можно предполагать при ней и проложную, очень часто помѣщавшуюся въ рукописи рядомъ съ первой. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда падали прежнія церковныя формы житія, составитель новой редакціи жизнеописанія князя ярославскаго Теодора, которой уже коснулись новыя литературныя требованія, считалъ однакожь необходимымъ приложить къ своему труду его сокращеніе, давъ послѣдному церковное заглавіе «синаксаря», хотя проложная редакція этого житія существовала уже въ XV в.

Потомъ литературная форма житія получила дальпѣйшее развитіе. Въ началѣ и концѣ біографіи появились части, содержаніе и цѣль которыхъ составляло не воспроизведеніе историческаго явленія; передъ біографическимъ разсказомъ явилось ораторское предисловіе; прежняя краткая похвала въ концѣ проложнаго житія расширялась въ пространное похвальное слово и отдѣлилась отъ біографіи въ видѣ особой статьи; чудеса сдѣлались существенной и необходимой частью житія; въ самомъ біографическомъ разсказѣ развились именно тѣ типическія черты, которыя обобщали историческое мѣстное и индивидуальное явленіе, приближая его къ общему христіанскому идеалу. Церковно-ораторскіе элементы житія стали на первомъ планѣ, закрывъ собой элементы исторіографическіе. Житіе превратилось въ стройное и сложное архитектурное зданіе, въ однообразныя формы котораго стремились облекать разнообразныя историческія явленія. Трудно обозначить съ точностію время, когда литературная форма житій получила такое развитіе. Какъ произведенія мѣстныя, они подчинялись въ этомъ отношеніи развитію мѣстныхъ литературныхъ силъ, которое въ разныхъ пунктахъ древней Россіи было не одинаково. Въ одно время встрѣчаемъ житія, принадлежащія по своему строю къ разнымъ эпохамъ въ литературной исторіи древнерусской агіо-

біографіи. Въ Ростовѣ въ концѣ XII и въ XIII в. сказанія о святыхъ получали простую неразвитую обработку; въ житіи епископа Игнатія, которое можно относить къ половинѣ XIV вѣка, впервые встрѣчаемъ робкую попытку предпослать разсказу краткое предисловіе. Напротивъ смоленская письменность уже въ XIII в. имѣла житіе мѣстнаго святаго, ни въ чемъ не уступающее искусственнымъ житіямъ XV—XVI в., вооруженное витіеватымъ предисловіемъ, частыми риторическими отступленіями въ разсказѣ и не мелче краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ въ видѣ авторскаго послѣсловія. Это, какъ мы видѣли въ разборѣ житія Авраамія смоленскаго, объясняется ближайшимъ вліяніемъ кievской письменности, происходившимъ отсюда болѣшимъ знакомствомъ съ литературными образцами, которое раньше возлагало на составителя житія болѣе сложныя требованія. Въ болѣе отдаленныхъ городахъ, при меньшихъ литературныхъ средствахъ, долѣе ограничивались болѣе простой проложной формой житія. Можно впрочемъ замѣтить, что съ XV в. указанный искусственный стиль становится господствующимъ и въ сѣвернорусскихъ житіяхъ. Выше ¹⁾ мы пытались указать литературный матеріалъ, съ помощью котораго возводились такіа зданія, и зодчихъ, давшихъ образцы такой литературной постройки: житіе, получившее свою первоначальную основу въ пѣсняхъ церковной службы, въ дальнѣйшемъ развитіи приняло въ себя элементы церковнаго слова, и вліятельнѣйшими руководителями въ этой переработкѣ были писатели, пришедшіе со стороны, незнакомые непосредственно съ мѣстными условіями, среди которыхъ выросли описываемыя ими лица, но твердо знавшіе тотъ идеалъ, который лежитъ въ основѣ агіо-біографіи, и литературные приемы, необходимые для достойнаго его изображенія. Сообразно съ своимъ характеромъ и лите-

¹⁾ Стр. 80 и слѣд.

ратурными источниками эта новая форма, оставшаяся съ тѣхъ поръ господствующей въ древнерусской литературѣ житій, была такъ же близка къ богослуженію, какъ и проложная: въ старыхъ спискахъ службы прен. Сергію Радонежскому находимъ указанія, что на шестой пѣсни канона читались или украшенная Нахоміева редакція житія этого святаго, или проложное ея сокращеніе, сдѣланное тѣмъ же писателемъ. Сообразно съ тѣми же источниками въ дальнѣйшемъ развитіи новой формы постепенно исчезала грань, отдѣляющая житіе отъ церковнаго панегирика: если въ Макарьевское время появился рядъ новыхъ редакцій житій, названныхъ похвальными словами, то съ другой стороны подъ заглавіемъ житія можно встрѣтить похвальное слово, лишенное біографическаго содержанія.

Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развивались пошибы, въ нѣкоторыхъ чертахъ отъ него отступавшіе. Выше разсмотрѣна группа житій XVI и XVII в., въ основаніи которыхъ можно замѣтить чисто-исторіографическую цѣль: не покидая приемы искусственнаго стиля, стараясь держаться на высотѣ стореиторическихъ требованій, они однакожь стремятся расширить свое фактическое содержаніе почти общими мѣстами житія. Не много раньше начали появляться произведенія другаго характера, въ которыхъ мы указали паденіе господствующаго стиля житій: мало заботясь о фактическомъ изученіи, неизвѣстные составители ихъ еще меньше думали о стилистической обработкѣ, отступали не только отъ принятыхъ въ агіобіографіи приемовъ риторическаго изобрѣтенія, но иногда и отъ обязательнаго для нея церковнаго языка, приближаясь въ своемъ изложеніи къ живой рѣчи.

Оба видоизмѣненія установившагося стиля были переходомъ отъ житія къ простой біографіи. Есть нѣкоторый интересъ въ изслѣдованіи происхожденія этихъ видовъ: оно поможетъ не преувеличивая оцѣнить ихъ значеніе въ общемъ дви-

жеви древнерусской литературы; притомъ условія, заставлявшія отступать отъ господствующаго стили, бросають свѣтъ на основные элементы этого послѣдняго, разсмотрѣніе которыхъ составляетъ главный вопросъ въ литературной критикѣ житія. Если изложенное выше предположеніе объ источникѣ, изъ котораго житіе заимствовало свою основную мысль и первоначальныя литературныя формы, имѣеть долю вѣроятности, легко понять, что житіе должно было получить очень специальное литературное значеніе: не всякая біографія заслуживала названія житія и не всякое лицо, заслуживающее біографіи на нашъ взглядъ, могло стать достойнымъ предметомъ житія. Житіе было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни и только она имѣла право на такое изображеніе. Единственный интересъ, который привязывалъ вниманіе общества, подобнаго древнерусскому, къ судьбамъ отдѣльной жизни, былъ не исторической или психологической, а нравственно-назидательный: онъ состоялъ въ тѣхъ общихъ типическихъ чертахъ или нравственныхъ схемахъ, которыя составляютъ содержаніе христіанскаго идеала и осуществленіе которыхъ, разумѣется, можно найти не во всякой отдѣльной жизни. Для такого изображенія судьбы лица нужна не критика, не фактическое изученіе. Но и для древнерусскаго агіобіографа были невзбѣжны случаи, когда вопросъ объ историческомъ фактѣ выступалъ наверхъ передъ этими нравственными схемами: такъ бывало, когда лице, за жизнеописаніе котораго онъ брался, стояло слишкомъ близко къ историческимъ событіямъ, занимавшимъ общество, а самъ онъ былъ слишкомъ близокъ къ описываемому лицу, чтобы забыть подробности этихъ событій или пренебречь ими. До XVI вѣка, когда устанавливался искусственный стиль житій, сравнительно большую ровность и полноту фактическаго изложенія и меньшую склонность къ общимъ риторическимъ распространеніямъ можно замѣтить въ житіяхъ князей. Стремленіе измѣнить задачи жи-

та, обратить его въ полный сводъ извѣстій разныхъ источниковъ о лицѣ и его исторической обстановкѣ обнаружилось въ XVI и XVII в. особенно въ житіяхъ князей и высшихъ представителей церковной іерархіи. Естественно, что встрѣча съ явлениями, удалившимися отъ церковной сферы въ тѣсномъ смыслѣ, заставляла и писателя въ выборѣ біографическаго матеріала выступать изъ тѣсныхъ рамокъ житія, намѣченныхъ въ кондакѣ и икосѣ. Но и въ кругу монастырской жизни, стоявшей въ сторонѣ отъ главныхъ центровъ мірскихъ общественныхъ интересовъ и служившей преимущественнымъ разсадникомъ типовъ для житій, біографу встрѣчались поможенія, ~~вотрѣча~~ ~~уславивши~~ его внимательность къ простымъ житіямъ ~~и~~ ~~подробностямъ~~ описываемой жизни. Съ половины XIV в. развитіе монастырской колонизаціи выставило необозримый рядъ подвижниковъ, основывавшихъ монашескія общины въ дѣсныхъ пустыняхъ. Благоговѣющее воспоминаніе, которое основатель оставлялъ по себѣ въ братствѣ и окрестномъ населеніи, большею частію не скоро облекалось въ формы церковнаго чествованія, но возбуждало желаніе сберечь, записать черты его жизни, пока онѣ были свѣжи въ памяти. Въ этомъ отношеніи любопытно признаніе перваго біографа Даниила Переяславскаго, что его заставило приняться за перо желаніе всѣхъ знавшихъ и любившихъ святаго старца видѣть и почитать, его житіе. До церковной канонизаціи жизнеописатель имѣлъ больше простора для своего пера: онъ и тогда искалъ въ описываемомъ лицѣ знакомыхъ ему чертъ идеальнаго типа, но ничто не заставляло его избѣгать и простыхъ житейскихъ подробностей, не подходившихъ подъ принятыя въ житіяхъ обобщенія, ибо онъ писалъ свою повѣсть не для церковной службы, дѣлавшей такіа обобщенія обязательными для біографа, а для читателей-современниковъ, въ памяти которыхъ подробности о жизни знакомаго имъ человѣка и въ своемъ реальномъ видѣ

еще не потеряли живаго интереса. Такимъ образомъ здѣсь большая простота біографическаго разсказа, близость его къ дѣйствительности была слѣдствіемъ того, что онъ по своему происхожденію и назначенію удалялся отъ церковной службы. Думаемъ, что этимъ обстоятельствомъ преимущественно объясняется появленіе и размноженіе съ XV в. простыхъ біографическихъ записокъ, авторы которыхъ, не принимая на себя обязанности писать полную біографію и не стѣсняясь рамками житія, тѣмъ съ болѣею простотой и откровенностью излагали наиболѣе близкія и дорогія для нихъ воспоминавія. Характеръ этихъ записокъ раздѣляютъ и житія, написанныя до канонизаціи, независимо отъ церковной службы, образчики которыхъ мы видѣли въ біографіяхъ Іосифа Санина, Данила переславскаго и во многихъ другихъ житіяхъ XVI—XVII вѣка: свободныя отъ условій, налагаемыхъ церковной службой, писанныя подъ вліяніемъ мысли о любимомъ и уважаемомъ старцѣ, а не о святомъ, прославленномъ церковію, они отличаются живостію чертъ и близостію къ дѣйствительнымъ явленіемъ жизни.

Удаленіе отъ непосредственнаго вліянія церковнаго богослуженія сказывалось не на одномъ выборѣ біографическаго содержанія житія: можетъ быть, еще замѣтнѣе отражалось оно на изложеніи этого содержанія. Древнерусское писательство не сходило съ той наивно-искусственной ступени развитія, когда литературная форма, соотвѣтствующая извѣстному содержанію, создавалась не столько сущностью самого предмета и настроеніемъ авторской мысли, сколько назначеніемъ литературнаго труда и чисто-внѣшними, условными приѣмами слога и общихъ мѣстъ. Смотря по этому назначенію, одинъ и тотъ же предметъ или излагался простой, безыскусственной рѣчью или наряжался въ торжественную одежду пышныхъ словъ и ухищренныхъ оборотовъ, хотя при этомъ высота мысли и сила чувства явля-

лись очень часто въ обратномъ отношеніи къ литературному стилю. Для древнерусскаго писателя выборъ литературной одежды, идущей къ извѣстному предмету и случаю, облегчался тѣмъ же, изъ чего въ послѣдствіи Ломоносовъ создалъ свою теорію трехъ слоговъ, то-есть существованіемъ книжнаго церковно-славянскаго языка рядомъ съ русской разговорной рѣчью. Этими условіями объясняется рѣзкая разница въ тонѣ и изложеніи между двумя сказаніями о постройкѣ московскаго Успенскаго собора въ XV вѣкѣ, — торжественнымъ словомъ церковно-официальнаго происхожденія и лѣтописной повѣстью, составленной тайкомъ отъ церковныхъ властей и противъ нихъ, хотя авторъ, какъ видно, хорошо владѣлъ и книжною церковно-славянскою рѣчью. Даже одинъ и тотъ же писатель, ученикъ Пафнуція Николентія, въ воспоминаніяхъ объ учителѣ выражается далеко не тѣмъ изыскомъ, какимъ изложилъ службу на память его. Въ житіи и житіи Геннадія Костромскаго, написаннымъ довольно правильнымъ книжнымъ языкомъ, біографъ присоединилъ наставленіе касательно своего труда, и здѣсь строки книжнаго склада чередуются съ фразами, выраженными простой разговорной рѣчью. Удаляясь отъ своего первоначальнаго источника, агиографія встрѣчала другое условіе, также содѣйствовавшее упадку ея искусственнаго стиля. Этотъ стиль былъ доступенъ читателямъ, имѣвшимъ хорошее книжное образованіе, то-есть очень немногимъ въ древнерусскомъ обществѣ; можно замѣтить даже, что многимъ составителямъ житій онъ былъ не подъ силу и они часто отступали отъ него съ видимымъ прискорбіемъ. Между тѣмъ въ письменности XVI в. сохранились указанія, что житія распространялись и съ любовью читались не только въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ обществѣ. Списываніе житія стало для грамотныхъ людей однимъ изъ проявленій усердія къ памяти святого, дѣлалось по обѣту въ болѣзни. Сборникъ житій русскихъ святыхъ, написанный въ 1548 г. «замышленіемъ государыни

Олены Ивановны Васильевы жены Михайловича Воронцова, рукою многогрѣшнаго Гаврилки Данилова сына Чудинова» и поступившій въ бібліотеку Іосифова волоколамскаго монастыря вмѣстѣ съ другими рукописями кн. Д. И. Оболенскаго-Нѣмага, нѣтъ никакого основанія считать исключительнымъ явленіемъ. Около тогоже времени сынъ устюжскаго намѣстника кн. И. А. Оболенскій, воеводствовалъ въ томъ же городѣ, въ минуту семейнаго горя велѣлъ принести книгу житія Зосимы и Савватія соловецкихъ «и нача чести, сидя на одрѣ своемъ». [Варианты, представляемые текстомъ наиболѣе распространенныхъ житій въ многочисленныхъ спискахъ XVI и XVII в., могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ мысли, что самое усиленіе переписки житій для публики, не посвященной въ тонкости высокаго слога, упрощало ихъ изложеніе, насколько это зависѣло отъ писца. Нѣтъ сомнѣнія, это обстоятельство дѣйствовало и на составителей житій: по крайней мѣрѣ Максимъ Грекъ въ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ увѣряетъ, что Досиѣей писалъ о Савватіѣ и Зосимѣ «неухищренно», безъ добрословія, между прочимъ для того, чтобы стать въ уровень съ образованіемъ большинства своихъ читателей, сѣверныхъ поморянъ, «якоже бы возможно тамо живущимъ человекомъ глаголати же и прочитати», и что даже Спиридонъ, украшая добрословіемъ Досиѣевы записки, умѣрялъ свое литературное искусство тѣмъ же соображеніемъ. Въ связи съ быстрымъ размноженіемъ пустынныхъ монастырей стояло третье условіе, которое еще сильнѣе двухъ вышеуказанныхъ содѣйствовало ослабленію стилистической изысканности въ литературѣ житій XVI и XVII в. Большинство житій, появившихся до этого времени, написано было въ городахъ и монастыряхъ, бывшихъ средоточіями книжнаго образованія, гдѣ не было недостатка въ литературныхъ мастерахъ своихъ или чужихъ для изображенія подвиговъ еще многочисленныхъ дѣятелей, прославленныхъ церковію: Широка

го развитія книжности иѣтъ основанія предполагать и въ старыхъ городскихъ монастыряхъ: биографъ Ефрема новоторжскаго рассказываетъ, что въ XIV в. однажды въ монастырѣ его не оказалось ни одного инока, умѣющаго читать, и даже въ XVI в. службу Ефрему сложили «благодѣтельные» горожане Торжка, а не иноки обители. Распространеніе монастырей въ глухихъ пустыняхъ сѣверо-восточной Руси не только не подняло, даже понизило прежній уровень книжнаго образованія среди монашества: братства этихъ многочисленныхъ новыхъ обителей составлялись преимущественно изъ окрестнаго темнаго населенія и не находили въ нихъ даже тѣхъ средствъ и побужденій къ книжному образованію, какія существовали въ старыхъ монастыряхъ, близкихъ къ большимъ городамъ. Въ XV—XVI в. встрѣчаемъ извѣстія, что иныя основатели пустынныхъ монастырей не умѣли читать. Въ половинѣ XVI в. пустынные монастыри имѣли уже за собою обширную преданіями и намятными дѣятелями исторію, и съ того же времени въ житіяхъ встрѣчаемъ перѣднія указанія на рѣшительный недостатокъ литературныхъ свѣдѣній, которымъ страдали пустынные братства, когда нужно было изложить въ яриличномъ книжномъ видѣ воспоминанія о собственныхъ основателяхъ. Выше въ обзорѣ житій XVI в. мы не разъ встрѣчали случаи и слѣдствія такого недостатка литературныхъ рукъ. Дреданіе о святомъ успѣвало утратить много живыхъ чертъ, прежде чѣмъ получало письменное изложеніе, и иногда получало его не отъ инока, знакомаго непосредственно съ жизнью и исторіей монастыря, а отъ случайнаго гостя, заѣзжаго грамотея. Ученаки Макарія Калаязинскаго и позднѣйшіе иноки его монастыря, передавая другъ другу рассказы объ учителѣ, 63 года ждали, не возмется ли кто написать по нимъ правильное и подробное житіе. Извѣстія о жизни Сергія Обнорскаго передавались изъ устъ въ уста иноками сосѣдняго Павлова монастыря въ продолженіе ста лѣтъ, пока игуменъ этой обители Про-

тасій не записалъ ихъ въ своихъ свиткахъ, по которымъ уже около 200 лѣтъ спустя послѣ кончины святаго игумень опять чужаго Діонисіева монастыря на Глушицѣ составилъ біографію Сергія, а братія Сергіева монастыря только «въ скорби и печали бяше зѣло», что житіе доселѣ не написано «и въ забытьіе приде многимъ». Въ продолженіе 122 лѣтъ жизнь Варлаама Своеземцева оставалась не описанной «простоты ради инокъ» обители его, всѣ «памятухи» уже вывелись, преданіе о святомъ начинало гаснуть, а монахи сѣтуя все ждали, не напишетъ ли имъ кто житія, пока не посѣтилъ и ихъ проѣздомъ тотъ же біографъ Сергія Обнорскаго. Часто случалось, что въ пустынномъ монастырѣкъ были еще живы старцы-памятухи основателя, но житіе поручалось какому-нибудь «новоуку,» недавно постриженному, никогда не видавшему святаго, но грамотному монаху. По литературѣ житій XVI и XVII в. легко можно слѣдить за дѣйствіемъ разсматриваемаго условія: чѣмъ дальше углублялась она въ глухія пустыни, тѣмъ больше краски ея тускнѣли, литературныя приемы и слогъ становились проще. Въ большинствѣ вышедшихъ отсюда житій пріятно читать ровный и простой, хотя не совсѣмъ правильный грамматически рассказъ; однимъ изъ лучшихъ образчиковъ ихъ можно назвать житіе Арсенія Комельскаго; но, какъ легко замѣтить по ихъ предисловіямъ, эта ровность рассказа происходила отъ того, что біографы едва могли справляться съ общими мѣстами и ораторскими отступленіями и старались избѣгать ихъ въ рассказѣ. Біографъ Адріана Пошехонскаго, очень желая выражаться по церковно-славянски, даже съ пожертвованіемъ грамматики, часто однакожь долженъ былъ отказываться отъ своего желанія, а составитель житія Александра Куштскаго повидимому даже плохо понималъ церковно-славянскую рѣчь съ отвлеченнымъ содержаніемъ: пародируя въ своемъ трудѣ предисловіе къ житію Діонисія Глушицаго, онъ внесъ въ него та-

кія перемѣны и ошибки, какія дѣлають, копируя мало-понятныя слова.

Разсмотрѣнныя условія позволяютъ сдѣлать выводъ, что искусственность стили житій находилась въ обратномъ отношеніи къ ихъ литературному распространенію: этотъ стиль падалъ и упрощался по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ производительности житій и ихъ читателей. Совокупное дѣйствіе этихъ условій произвело небольшой рядъ памятниковъ агіобиографіи, въ которыхъ церковно-реторическіе приемы низведены до полного паденія. Съ этими памятниками связаны нѣкоторыя историко-литературныя предрасудки. Въ рѣдкомъ изъ житій искусственного склада, появившихся съ XVI вѣка, не встрѣтимъ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ на старыя свитки, малыя хартіи, первоначальныя записки, послужившія матеріаломъ для этихъ житій. Шевыревъ, въ историко-литературныхъ изысканіяхъ вообще скучавшій предварительной критикой источниковъ, относится къ этимъ первоначальнымъ запискамъ съ широкими предположеніями: онъ высказываетъ общую мысль, что «житія первоначально слагались по изустнымъ преданіямъ простою рѣчью» и уже потомъ рукою какого-нибудь ритора наряжались въ цвѣты школьнаго краснорѣчія, и что «эти простыя первоначальныя преданія», къ сожалѣнію, не сохранены хартіями и живущія развѣ въ устахъ мѣстнаго населенія, были бы для насъ драгоцѣннѣе украшенныхъ редакцій. Въ этихъ словахъ дана привлекательная тема для историко-литературныхъ изслѣдованій, которую безъ сомнѣнія будутъ усердно разрабатывать. При извѣстной степени неосторожности въ обращеніи съ историческими фактами и выводами, изъ общей мысли Шевырева довольно легко извлечь рядъ частныхъ положеній: первоначально житія вообще являлись въ простонародномъ, неважномъ изложеніи, что подтверждается извѣстной безыскусственной повѣстью о Михайлѣ Клопскомъ, уцѣ-

лѣвшимъ образчикомъ такихъ первичныхъ редакцій: такъ какъ всѣ или почти всѣ искусственныя житія родились изъ редакцій, изложенныхъ простою рѣчью, то послѣднія можно разсматривать какъ особый цѣлый отдѣлъ древнерусской литературы, противоположный первымъ; такъ какъ отличительной чертой этого новаго отдѣла служить простая, народная, а не книжная, то-есть не церковно-славянская рѣчь, то въ немъ можно видѣть колыбель или первые ростки чисто-національной литературы въ древней Руси ¹⁾). Шевыревъ считалъ первоначальныя записки потерянными: по видимому его взглядъ на нихъ основанъ на отзывахъ, какіе дѣлаютъ о нихъ позднѣйшіе искусственные редакторы. У послѣднихъ иногда находимъ замѣчанія, что они пользовались старыми записками, составленными «бѣлако и смутно» или «простыми словесы», «простыми письмены» и т. п. Къ удовольствію осторожныхъ историковъ литературы сохранилось достаточно указаній для того, чтобы разъяснить значеніе этихъ отзывовъ, сохранились остатки, безспорно принадлежащіе къ отдѣлу первоначальныхъ редакцій, по которымъ составлялись украшенныя житія. Къ числу этихъ остатковъ относится повѣсть, о которой позднѣйшій біографъ отозвался, что она написана «нѣлако и смутно»: это повѣсть перваго «списателя» о Евфросинѣ псковскомъ, которой пользовался біографъ этого святаго Василій. Находимъ, что отзывъ Василя относится къ составу ея и вовсе не къ языку: эта повѣсть нестройный рядъ рассказовъ, не приведенныхъ въ порядокъ; по риторической изысканностью изложеніе ея даже превосходитъ Василю редакцію житія и обнаруживаетъ въ авторѣ большую твердость въ церковно-славянской рѣчи чѣмъ эта редація. Столь же мало опоры находятъ мысли Шевырева и въ другомъ

¹⁾ Эти положенія высказаны въ трудолюбивомъ изслѣдованіи г. Некрасова „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“.

выражении «простыми словами». Прежде всего подобные отзывы составители искусственных житий часто прилагали къ своимъ собственнымъ творениямъ: такіе изысканные граммати, написанные руку въ книжкахъ дѣлѣ, какъ біографы Саввы Сторожевского, Ефросина Суздальской, митрополита Фѣлиппа или біографъ Антонія Сѣвскаго царевичъ Иванъ не преминуть предупредить читателя, что пишутъ «простыми словами», «простыми слогами», «простонарѣчіемъ». Хартіи дѣйствительно не даютъ возможности проверить сравненіемъ каждый отзывъ позднѣйшаго біографа о вѣнчанномъ изложеніи первоначальныхъ записокъ. Но генералъ, или фактъ, который трудно доказать, нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ; возмозныхъ, исследователя и здѣсь не остается безъ близкихъ указаній. Выше, разбирая гравісты о Франсискѣ чудотворцахъ, мы видѣли, съ какою пренебреженіемъ соловецкій монахъ Сергій, искусный книжникъ, отзывался о наденныхъ имъ хартіяхъ, писанныхъ «небѣдами про-тою бесѣдою». Часть этихъ хартій, по которымъ Сергій составилъ свое украшенное сказаніе, утеряла. Здѣсь находимъ «грамотку» соловецкаго дворника къ Никольскому игумену о написаніи образа Іоанна, допросы граммати съ показаніями крестьянъ о чудотворцахъ, допосланіе патриарху о чудесахъ ихъ, написанныя обычнымъ канцелярскимъ языкомъ подобныхъ бумагъ; но ни у кого не пайдется столь смутнаго понятія о литературѣ, чтобы увидѣть въ этихъ дѣловыхъ официальныхъ актахъ цѣлый отдѣлъ литературы и притомъ колыбель литературы чисто-національной: иначе необходимо было бы въ первомъ ряду національныхъ писателей древней Руси поставить дяковъ строчившихъ приказные свитки. Далѣе здѣсь сохранились отрывки изъ записокъ Варлаама и Мартиніана о чудесахъ Іоанна и Логгина. Одинъ изъ отрывковъ оканчивается извѣстіемъ: «и въ Мартиніану истинно видѣвшую и благословихся у нея (исцѣленной) и всѣмъ сказа яже

о ней, азъ же сіе написахъ просто брэнною рукою безъ украшенія». Достаточно элементарнаго знакомства съ церковно-славянскою грамматикою, чтобы удержаться отъ вывода, что записки, такъ изложенныя, написаны на языкѣ народномъ или близкомъ къ разговорной рѣчи. И царевичъ Иванъ остался недоволенъ изложеніемъ Іонина житія Антонія Сійскаго, сказалъ, что оно «зѣло въ легкости написано», хотя оно не меньше его собственной редакціи удовлетворяетъ требованіямъ искусственнаго житія и только меньше жертвуетъ общимъ мѣстамъ обстоятельностью и точностью разсказа. Такимъ образомъ «простыя словеса» не указываютъ, покрайней мѣрѣ не всегда указываютъ на простонародную, разговорную рѣчь въ отличіе отъ книжной церковно-славянской: они противопологались «широкимъ словесамъ», какъ выразился біографъ архіепископа казанскаго Германа, то-есть изложенію, широко пользующемуся источниками реторическаго изобрѣтенія и украшенія, и означали простой разсказъ на томъ же книжномъ церковно-славянскомъ языкѣ, но безъ реторическаго размаха, безъ общихъ мѣстъ; разница слѣдовательно въ стилѣ, а не въ грамматикѣ. Но если въ жалобахъ немногихъ искусственныхъ житій на простоту рѣчи первоначальныхъ записокъ нѣтъ твердаго основанія видѣть непременно намекъ на чисто-народное изложеніе, то совершенно несправедливо считать послѣднее общимъ отличительнымъ признакомъ всѣхъ первыхъ редакцій. Имѣемъ достаточно уцѣлѣвшихъ памятниковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: отъ XV в. сохранились кромя повѣсти о Евфросинѣ отрывки изъ записокъ учениковъ объ Арсеніѣ, епископѣ тверскомъ, Діонисіѣ Глушицкомъ, уцѣлѣла записка Инокентія о Пафнутіѣ и образчикъ языка, какимъ писалъ соловецкій біографъ Досноей; отъ XVI в. дошла записка Филовея, считавшаго себя малокнижнымъ, о составленіи житія Нила Столбенскаго, автобіографія Герасима Болдинскаго, записки Германа о Филиппѣ Ирапскомъ, первая

записки о кончинѣ и чудесахъ московскаго юродиваго Іоанна; еще больше подобныхъ остатковъ отъ XVIII в., каковы первая редакція житія Никодима Кожезерскаго вмѣстѣ съ записками объ основателѣ Кожезерскаго монастыря, необработанныя записки объ архимандритѣ соловецкомъ Принархѣ, о Пертомнискихъ чудотворцахъ и многія другія, указанныя выше. Изложеніе этихъ записокъ и отрывковъ неодинаково по степени живности, но ни въ одномъ памятникѣ не переходитъ въ чисто-народную рѣчь; во всѣхъ преобладаетъ церковно-славянскій языкъ съ большою или меньшею примѣсью особенностей русскаго языка. Оба эти элемента, какъ очень хорошо извѣстно, неразлучны въ памятникахъ древнерусской литературы XV—XVII вв.; измѣнилось только ихъ количественное отношеніе: по мѣрѣ приближенія къ XVIII в. въ книжной рѣчи утверждалось все болѣе особенностей живаго русскаго языка. Симона Азарьина или Пвана Насѣдку трудно заподозрить въ недостатокъ книжнаго образованія; но они писали уже языкомъ, который во времена Пахомія Логовета или митрополита Макарія называли бы «простонарѣчіемъ». Было бы впрочемъ не совѣтъ вѣрно видѣть въ этомъ постепенное обрусѣніе церковно-славянскаго языка въ книжной рѣчи на Руси, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ можно замѣтить, что и нѣкоторыя особенности этого языка упрочиваютъ себѣ мѣсто на ряду съ русскими, сливаются съ ними въ книжной рѣчи. Въ этомъ, если не ошибаемся, состоялъ историческій ростъ литературнаго языка древней Руси, закрѣпленный потомъ авторомъ «Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ». Въ литературѣ житій это измѣненіе языка шло рядомъ съ общимъ упрощеніемъ агіобіографическаго стиля, и мы пытались указать условія, содѣйствовавшія этому. Но встрѣчаемъ памятники, въ которыхъ то и другое достигаетъ наибольшей степени. Въ письменности житій XV—XVII вв., бывшей у насъ подъ руками, можно набрать небольшую группу такихъ произведеній. Кромѣ сказанія о Ми-

хантѣ Клопскомѣ и двухъ разсказовъ Антонія Галичанина сюда относятся русская редакція житія Николая чудотворца, чудеса новгородскаго архіепископа Іоны и нѣкоторыя изъ чудесъ Іова Ущельскаго ¹⁾). Преобладаніе оборотовъ и формъ разговорной рѣчи, безыскусственный складъ разсказа, совершенно чуждаго общихъ мѣстъ и риторическихъ украшеній, сообщаетъ этимъ произведеніямъ простонародный колоритъ. Но и ихъ языкъ нельзя назвать чисто-народнымъ, разговорнымъ, ибо онъ не имѣетъ недостатка въ церковно-славянскихъ формахъ ²⁾). Еще важнѣе по отношенію къ разсматриваемому вопросу происхожденіе этихъ памятниковъ. Въ разборѣ безыскусственной редакціи житія Михаила Клопскаго указаны основанія, позволяющія усомниться въ ея хронологическомъ первенствѣ; названная лѣтописная повѣсть и редакція житія чудотворца Николы безспорно написаны послѣ искусственныхъ сказаній; остальные статьи входятъ въ составъ житій какъ позднѣйшія прибавки. Неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ составлены редакціи житій Махаила Клопскаго и чудотворца Николы; но чудеса Іоны и Іова, какъ и разсказы Антонія, описаны очевидно въ ихъ монастыряхъ и вмѣстѣ съ запиской игумена Алексѣя показываютъ, что такимъ язы-

¹⁾ Тѣже особенности замѣтны въ одной лѣтописной повѣсти о построеніи Успенскаго собора и обрѣтеніи мощей св. митроп. Петра (см. о ней выше стр. 209) и въ запискѣ игумена Алексѣя о составленномъ имъ житіи Геннадія костромскаго. Разсказы Антонія Галичанина о своихъ предсмертныхъ видѣніяхъ, переданные посѣщавшему его брату, внесены потомъ въ число чудесъ Павла Обнорскаго. Смерть Антонія помѣчена въ разсказахъ 1526 г. Можетъ быть, это — тотъ Антоній, которому, по извѣстію житія Сергія Нуромскаго, ученикъ Сергія и Павла Алексѣй сообщалъ разсказы о Сергіѣ, а братъ, посѣщавшій Антонія и записавшій эти видѣнія, тотъ ученикъ его и оградникъ Геннадій, которому Антоній передалъ полученные отъ Алексѣя свѣдѣнія (см. видѣнія Антонія въ вологод. сб. Моск. дух. ак. XVI в. № 491, л. 160 и № 530, л. 390).

²⁾ Въ редакціяхъ житій Михаила Клопскаго и чудотворца Николы встрѣчаются формы *рече, хоцю, прсшеде, имаша убѣзсати* и т. п.

комъ писывали и монахи. Притомъ можно крѣпко сомнѣваться въ широкомъ народномъ распространеніи этихъ памятникѣвъ: тогда списки ихъ въ сохранившейся древнерусской письменности не были бы такъ рѣдки. Наконецъ можно не распространяться о неточности вывода, будто первоначально житія составлялись «по изустнымъ преданіямъ», и доселѣ живущимъ въ устахъ мѣстнаго населенія: въ большинствѣ случаевъ первыя записки составлялись учениками святаго по личнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ другихъ очевидцевъ и свободны отъ тѣхъ «преданій», которыя разывались изъ нихъ въ послѣдствіи: притомъ многіе изъ этихъ учениковъ, подобно біографу Даниїла переяславскаго или Александра Свирскаго, приступали прямо къ настоящимъ искусственнымъ житіямъ, не слагая записокъ простою рѣчью.

Итакъ наблюденія надъ ходомъ литературы житій съ XV в. до конца XVII приводятъ насъ не къ тѣмъ выводамъ, какіе замѣчены въ словахъ Шевырева: первоначальная обработка житія простою рѣчью не была явленіемъ не только общимъ или обыкновеннымъ, но даже частымъ, а памятники, доселѣ приведенные въ извѣстность и изложенные языкомъ дѣйствительно близкимъ къ народной, разговорной рѣчи, не были первоначальными редакціями или безспорно настолько вѣроятно, что трудно доказать противное. Впрочемъ чтобы признать народность редакцій, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, повидному итъ необходимости доказывать, что онѣ—первоначальныя. Напротивъ, кто вздумаетъ искать въ житіяхъ зачатковъ національной литературы, тотъ не долженъ забывать, что по самому происхожденію и развитію этой отрасли литературы у насъ можно скорѣе ожидать искомаго отъ вторичныхъ редакцій или же не ограничивать поисковъ тѣмъ, что написано книжной рѣчью. Последняя сама по себѣ слишкомъ виѣшій признакъ, чтобы служить руководствомъ для такого искателя. Необходимо предварительно убѣдиться, была ли она естественнымъ и нераз-

лучшимъ выраженіемъ чисто-народнаго взгляда или вызывалась условіями, имѣющими въ себѣ очень мало литературнаго. Думая, что «простыя словеса» не означаютъ непременно простаго разговорнаго языка, можно однакожь встрѣтить немногія извѣстія о памятникахъ, въ которыхъ по самымъ обстоятельствомъ ихъ происхожденія нельзя предполагать большой книжности. Такъ записки, диктованныя никогда не учившимся грамотѣ Германомъ соловецкимъ, по всей вѣроятности стояли по изложенію ниже обычнаго книжнаго стиля времени. Такими записками, даже изложенными не простонародной, а только простой книжной рѣчью, не удовлетворялись ни монастырская братія, среди которой онѣ составлялись, ни мірская публика: надъ разсказами Германа смѣялись въ Соловецкомъ монастырѣ, хотя малограмотность многихъ тамошнихъ иноковъ изъ окрестнаго населенія заставляла Досиея и Спиридона упрощать книжное добрословіе въ своихъ трудахъ по жизнеописанію Соловецкихъ оспователей. Большая часть первоначальныхъ записокъ, изложеніе которыхъ имѣтъ основанія считать чисто-разговорнымъ, погибала, не выходя за ограду монастыря, не распространяясь въ свѣтскомъ обществѣ: при первой возможности ихъ старались замѣнить житіями, обработанными въ правильномъ книжномъ стилѣ. Такимъ образомъ простая рѣчь считалась случайной необходимостью, временнымъ недостаткомъ, который извинялся только уровнемъ книжнаго образованія автора или его читателей. Тѣмъ или другимъ изъ этихъ условій или обоими вмѣстѣ объясняется происхожденіе и разсматриваемыхъ некнижныхъ записокъ. Какъ историческій матеріалъ онѣ дѣйствительно были бы драгоценны при достаточной близости ихъ составителей къ описываемымъ событіямъ, но драгоценны не грамматическими особенностями изложенія, а главнымъ отношеніемъ къ излагаемому предмету, позволяющимъ взглянуть на него въ непосредственномъ его видѣ, безъ освѣщенія,

какое кладеть на него авторская мысль; ту же цѣну имѣеть исправно составленный дѣловой историческій актъ. Для національнаго литературнаго произведенія требуется еще другое условіе: нужно, чтобы въ немъ сказывалась самостоятельная работа народной мысли, творческой или анализирующей, надъ извѣстными явленіями. Если легендарная вставка въ безыскусственную русскую редакцію житія чудотворца Николая подобно ея эпилогу принадлежитъ русскому перу, то именно она дасть памятнику нѣкоторое народно-литературное значеніе: иначе трудно признать послѣднее въ плохомъ переводѣ иноземнаго сказанія да родную разговорную рѣчь, какимъ является эта редакція въ остальномъ своемъ содержаніи. У Пафнутіева ученика Иннокентія, у Симона Азарыина, даже у Епифанія можно найти болѣе народно-литературныхъ элементовъ чѣмъ въ этой редакціи или въ подобной ей по изложенію повѣсти о Михаилѣ Клопскомъ: тамъ сквозь книжное изложеніе и раздражательные приемы иногда пробивается живая самобытная мысль, попытка вдуматься въ русское явленіе или образъ русскаго цюка, нарисованный пезаимствованными красками. Такимъ образомъ литературная особенность образчиковъ древнерусскаго «простоначрѣчія» въ письменности житій ограничивается повидимому тѣмъ, что они написаны нелитературнымъ языкомъ. Такія произведенія встрѣтимъ во всякой литературѣ во всякое время; но литература истинно-національная не то же, что черновыя или малограмотныя записки.

— Обзоръ движенія литературы житій показываетъ, что господствующій въ ней стиль измѣнялся сообразно съ близостью къ той или другой изъ двухъ сферъ, въ предѣлахъ которыхъ совершалось ея развитіе, т. е. къ церковному богослуженію или къ ищущей казидательнаго чтенія публикѣ. Отъ первой ея стиль получалъ свои начальные очертанія и основные мотивы; вторая, развивая и упрощая ихъ, приближала житіе къ про-

стой біографіи. Обѣ создавали рядъ условій церковныхъ, общественныхъ, чисто-литературныхъ, которыя имѣли свои доли дѣйствія на міросозерцаніе житій и которыя не бесполезно разсматрѣть прежде чѣмъ подвергнуть анализу это послѣднее. Эти условія можно свести къ тремъ вопросамъ: чѣмъ вызывались и подѣ какими внѣшними вліяніями писались житія, какими побужденіями распространялись они въ обществѣ и какъ то и другое отражалось на понятіяхъ и настроеніи, съ которыми «списатель» житія приступалъ къ своему дѣлу. Попытка разъяснить эти вопросы дополнить бѣглый обзоръ литературной исторіи житій очеркомъ процесса, которому подвергалось каждое при своемъ созданіи. Рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, какіе проходило житіе отъ своего зарожденія до читателя, мысли и чувства, которыя его вызывали и имъ вызывались, оставляли замѣтный отпечатокъ не только на морали житія, но и на воспроизведеніи историческихъ фактовъ, изъ которыхъ она извлекалась.

Сами подвижники не чуждались мысли о своей біографіи. Позднѣйшій редакторъ житія Антонія Римлянина не находилъ повидимому ничего сомнительнаго въ извѣстіи, что святой, умирая, заповѣдалъ ученику изложить въ біографіи сообщенныя ему свѣдѣнія о своей жизни. Точно такъ же затворникъ Иринархъ, по словамъ его ученика-біографа, свою жизнь и подвиги «повелѣ мнѣ по преставленіи своемъ написать и предати церкѣви Божіи, чтущимъ и послушающимъ на пользу души, на исправленіе добрыхъ дѣлъ». Основателями монастырей при этомъ могло руководить практическое побужденіе. Можно замѣтить, что ихъ сильно заботила, особенно при ненадежномъ составѣ братіи, дума о судьбѣ водвореннаго ими въ новомъ монастырѣ «чиста» жизни, единственнымъ обезпеченіемъ котораго болѣею частію была ихъ личная энергія, личное вліяніе, какое они имѣли на устроенную ими монашескую общину. Житія

обильны печальными указаніями на легкость, съ какою забывалось и разорялось въ обители преданіе основателя вскорѣ по смерти его. Отсюда понятно, какое тревожное значеніе заключалось въ наставленіи братіи, влагаемомъ въ уста умирающаго «начальника» едвали не въ каждомъ житіи, какъ общее мѣсто завѣщанія: «якоже видѣсте мене творяща, тако и вы творите по моемъ отшествіи». Это побужденіе заставляло основателя сообщать черты своей жизни въ бесѣдахъ съ братіей, даже въ духовныхъ грамотахъ, что мы видѣли въ завѣщаніи Герасима Болдинскаго. Еще сильнѣе дѣйствовало оно въ преданнѣйшихъ ученикахъ, которыхъ основатель оставлялъ въ монастырѣ по своей смерти. Они составляли въ обители кружокъ, который усердно поддерживалъ и распространялъ воспоминанія объ учителѣ, иногда бичуя ими нарушителей отеческаго преданія. Древній старецъ передавалъ біографу Юсифа Заонкиевскаго свое воспоминаніе, что немного спустя по смерти пустытника братія обители, уже имѣя описаніе его жизни, больше любила рассказывать о ней по памяти, изустной рѣчью. Любопытное признаніе дѣлаетъ постриженникъ и біографъ Кориплія Комельскаго, написавшій его житіе уже 52 года спустя по смерти его: «мы бо аще и недостойни есми ученицы его паричатися, но во звѣстныхъ словесѣхъ память держимъ святаго старца, но между собою во обители его пребывающіи глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ души наша памятію отца нашего». Такое изустное храненіе памяти о старцѣ поддерживалось обстоятельствами, иногда надолго оставившими братію безъ письменной повѣсти объ основателѣ, напримѣръ отсутствіемъ людей способныхъ къ этому дѣлу или случайной утратой написанной біографіи. Поздніе читатели святаго сойдутся, посѣтуютъ о чудесахъ святаго, «яко не паписуютъ ихъ, но въ забвеніи полагають», и кто-нибудь расскажетъ, что знаетъ: такъ читаемъ въ одномъ изъ чудесъ Ники-

ты переяславскаго XVI в. Въ кругу этихъ хранителей отеческаго преданія жизнь старца рано получала то благоговѣйно-настроивающее гиперболическое освѣщеніе, въ которомъ черты ея, теряя мелкія подробности, выростали въ символическіе образы или нравственно-назидательныя правила. Здѣсь записываніе воспоминаній или преданій о святомъ считалось не только правомъ желающаго, но и нравственной обязанностью учениковъ или позднихъ иноковъ его обителл. Біографъ Александра Ошевенскаго Θεодосій говоритъ, что рѣшился писать о немъ не по собственному мудрованію, но «святаго произволеніемъ» и руководимый скорбью, что столько лѣтъ труды и чюдеса святаго остаются не описанными; оправдываясь въ сдѣланныхъ пропускахъ недостаткомъ извѣстій, онъ прибавляетъ: «намъ же о семъ золъ отвѣтъ, аще слышимъ и лѣнностію не напишемъ». Сѣтуя, что отъ скудости вѣры и нерадѣнія доселѣ не описаны «чудная дѣла» благодѣтеля, жизнеописатель Елеазара Анзерскаго замѣчаетъ: «и самъ онъ о семъ попоситъ ны, яко забываемъ его». При такихъ побужденіяхъ жизнеописаніе иногда предпринималось кѣмъ-нибудь изъ братіи безъ сторонняго впушенія или разрѣшенія, какъ свободное литературное дѣло. У біографовъ встрѣчаемъ признанія, что оно могло выйти изъ личнаго усердія писателя къ памяти святаго, изъ желанія «волею послужити преподобному», по выраженію упомянутаго выше Θεодосія. Авторъ житія Геннадія костромскаго замѣчаетъ: «никто же намъ възбращаетъ писати житія святыхъ мужей, также и преподобныхъ отецъ нашихъ пустынелюбивыхъ». Впрочемъ въ самомъ свойствѣ житія лежала причина ограниченія этой литературной свободы. Выше указано специальное значеніе житія, какъ особой установленной формы литературнаго изображенія жизни, которую церковь и общество признали святою. Но агіобіографія не всегда шла рядомъ съ церковнымъ прославленіемъ святыхъ или сопровождала его: въ

періодъ самага сильнаго своего развитія она часто опережала церковную канонизацію. Двпжимый благоговѣйнымъ воспоминаніемъ, біографъ часто брался за перо прежде, чѣмъ могъ быть увѣренъ, получить ли его трудъ церковное употребленіе, прославить ли церковь память описываемаго имъ старца своимъ чествованіемъ. Признаніе біографа Варлаама Важскаго показываетъ, что могло быть предпринято житіе пустынножителя, котораго и въ его монастырѣ и въ окрестномъ населеніи «мняху аки проста людина, а не единого отъ святыхъ». По-видимому этимъ объясняются рѣдкія впрочемъ извѣстія о противодѣйствіи, какое иногда встрѣчала въ обители попытка описать жизнь ся основателя. Нѣкоторые изъ братіи Сіійскаго монастыря подняли крамолу на перваго Антошіева біографа, крича: «прежде сего никтоже дерзну писати, а сей убо пишеть и жити святыхъ составляетъ: ини же отъ сихъ крамолуюше на святого хулу дерзнуша глаголати». Въ сказаніи объ Іосифѣ Заопи-ківскомъ встрѣчаемъ замѣтку, что чудеса его долго оставались не описанными «страха ради навѣтъ». При строго-церковномъ взглядѣ на житіе и при неувѣренности, получить ли память подвижника церковное значеніе, попытка жизнеописателя могла представляться произвольнымъ и преждевременнымъ мудрованіемъ. Въ томъ же условіи мы указали одну изъ причинъ появленія простыхъ біографическихъ записокъ, предшествовавшихъ правильнымъ житіямъ. Съ XVI в. передѣлка послѣднихъ изъ такихъ старыхъ записокъ становится почти общимъ явленіемъ въ пустынныхъ монастыряхъ. Обстоятельства, при которыхъ одна литературная форма жизнеописанія переходила въ другую, указываютъ на степень зависимости житія отъ оффиціальной церковной среды. Древнерусскіе писатели не считали первоначальныхъ записокъ о святыхъ житіями: біографъ Александра Ошевенскаго, подробно изложивъ исторію этихъ записокъ, замѣчаетъ однакожь, что до него «еще не бѣ ни отъ

когоже списано житіе святаго». И такъ съ понятіемъ житія неразлучно соединяли только извѣстную литературную форму жизнеописанія. Съ другой стороны житіемъ не исчерпывалась задача агіобіографа: обыкновенно оно выходило изъ старыхъ записокъ вмѣстѣ съ службой. Епископъ Варлаамъ въ описаніи чудесъ Евфросиніи суздальской, объясняя, что подобаетъ святымъ, перечисляетъ стихиры, канонъ и житіе. И такъ житіе было слѣдствіемъ церковной канонизаціи или ея подготовленіемъ.

Не смотря на охоту, съ какою составители древнерусскихъ житій рассказываютъ исторію своихъ трудовъ, изъ ихъ рассказа не всегда видны частные поводы и побужденія, вызывавшія житіе. Всего чаще оно является слѣдствіемъ порученія, возложеннаго на біографа братіей монастыря, которому принадлежалъ описываемый подвижникъ. Иногда это порученіе объясняется желаніемъ разувѣрить общество, что святой—«простъ людинъ», какъ въ житіи Варлаама Важскаго, или, какъ въ житіи Елеазара Анзерскаго, нравственной обязанностью братіи почтить своего благодѣтеля. «яко толпкихъ благъ виновна намъ бывша ходатая, ꙗко пустыню содѣла жилище душеспасительное намъ, и пищу и потребная намъ у самодержцевъ испросивъ безтрудно, — како бо не довяше его о Бозѣ почитати надгробными пѣснями»? Біографъ Герасима Болдинскаго объясняетъ возложенный на него трудъ соображеніемъ братіи, «яко нехѣно есть безпамятну пребывати таковому свѣтилѹ: како можетъ явленъ быти безъ писанія послѣ него сущимъ инокомъ»? Впрочемъ можно не забывать и практическаго побужденія, не высказываемаго ясно біографами, но очевиднаго изъ обстоятельствъ, среди которыхъ обыкновенно появлялось и которыми сопровождалось житіе. Процвѣтаніе обители зависѣло отъ отношенія къ ней мірскаго общества, окрестнаго населенія, а это отношеніе опредѣлялось святыней; существовавшей въ монастырѣ. Если не было чудотворнаго образа, такой

святыней становился основатель или позднѣйшій подвижникъ, оставившій по себѣ благоговѣйное воспомнаніе въ монастырѣ и окрестныхъ жителяхъ. День его кончины собиралъ послѣднихъ въ обитель на богомолье. Сначала пѣли панихиды, которыя потомъ съ появленіемъ тропаря и кондака замѣнялись молебнами преподобному, и такимъ образомъ устанавлилось мѣстное его чествованіе. Естественнымъ выраженіемъ вѣры къ преподобному, утверждавшейся въ мѣстномъ населеніи, являлись чудеса. Мѣстное народное чествованіе и появленіе чудесъ были самыми обыкновенными побужденіями, заставлявшими монастырь дать своимъ воспомнаніямъ о преподобномъ церковно-литературную обработку въ формѣ стихирь, канона и житія. Поэтому біографы болышею частію приурочивали житію ко дню памяти святаго, помѣщая въ предисловіяхъ выраженія, характеризующія біографію какъ церковное поученіе на этотъ день. Повидимому этимъ же объясняется та особенность болышей части монастырей, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ чудотворному образу, что въ нихъ не встрѣчаемъ подвижниковъ, память которыхъ перешла въ церковное празднованіе.) Не всегда возможно прослѣдить всѣ моменты въ развитіи мѣстнаго чествованія извѣстнаго святаго, но можно замѣтить, что оно часто опережало церковную канонизацію, утверждалось въ мѣстномъ населеніи независимо отъ церковныхъ властей, даже иногда противъ ихъ воли. Любопытны въ этомъ отношеніи извѣстія въ житіи юродиваго устюжскаго Прокопія. Въ 1458 г. пришедшій съ Москвы «нищій человекъ» Іоаннъ, собравъ рассказы устюжанъ о Прокопѣ, заказалъ написать образъ его и построилъ надъ могилой блаженнаго «часовню малу», гдѣ поставилъ образъ на поклоненіе приходящимъ, то-есть самовольно установилъ чествованіе святаго, еще не признашаго церковію. Соборнымъ іереямъ и діаконамъ «вниде въ сердца лукавый помысль», не захотѣли они творить памяти блаженному,

прогнали Іоанна, разорили и разметали его часовню и унесли образъ Прокопія. Но въ 1471 г. устюжскіе ратные люди, вo-ротившись изъ похода въ Нижній, по обѣту построили надъ могилой Прокопія церковь во имя его, сдѣлали гробницу, на которой поставили образъ блаженнаго, «и отъ того времени начаша праздновати честно и торжественно праздникъ блаженнаго Прокопія мѣсяца іюля въ 8-й день». Во всемъ этомъ житіе не указываетъ участія церковной власти и только въ 1547 г. московскій церковный соборъ утвердилъ мѣстное празднованіе Прокопію 8 іюля. Въ 1539 г. Даниилъ переяславскій, хлопоча объ открытіи мощей кн. Андрея смоленскаго, «его же никтоже помняше», представилъ царю и митрополиту древній образъ его и стихиры съ канономъ изъ старыхъ книгъ, свидѣтельствуя при этомъ, что онъ, Даниилъ, «не предъ многими лѣты своимъа очима видѣ память ему сотворяему во храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху, и службу ему совершаему, и стихѣры и канонъ имени его пѣваемы; нынѣ же не вѣмъ, чесо ради таковъ святъ мужъ ни отъ когоже помнаемъ». Между тѣмъ ни митрополитъ Іоасафъ, какъ заявили присланные въ Переяславль духовные слѣдователи, и никто изъ высшей іерархіи ничего не зналъ объ этомъ святомъ. Почитатели памяти Іосифа Заоникіевскаго изъ братіи и мірянъ три раза строили часовню надъ его гробомъ, и три раза ее ломали и метали «въ грязь» по распоряженію властей, въ чемъ участвовали и нѣкоторые изъ братіи, мѣшалъ вмѣстѣ съ тѣмъ записывать чудеса отъ гроба пустынника и служить по немъ панихиды. Житіе Мюнзенскихъ чудотворцевъ рассказываетъ, что строитель Адрианъ напрасно сопротивлялся требованіямъ окрестнаго населенія пѣть Ѳерапонту молебны вмѣсто панихидъ и послѣ Литовскаго нашествія принужденъ былъ уступить, когда совершилось новое исцѣленіе отъ гроба пустынника. Обыкновенно чудеса, въ которыхъ выражалась мѣстная народная вѣра къ святому, давали дѣлу церковное

движеніе. Починомъ монастырской братіи или мірянъ составлялась опись или «язвенный списокъ» этихъ чудесъ, который посылали на разсмотрѣніе церковныхъ властей. Когда слѣдователи спросили Даніила, на какомъ основаніи онъ открылъ мощи ки. Андрея, онъ указалъ на чудеса, совершившіяся при обрѣтепіи. Дальнѣйшій ходъ видоизмѣнялся сообразно съ литературными средствами братіи или другими случайными обстоятельствами. Если братія имѣла готоваго грамотея, она вмѣстѣ съ чудесами представляла церковному собору на разсмотрѣніе житіе и службу. Чудеса Корнилія Комельскаго подали поводъ игумену монастыря въ 1589 г. благословить одного изъ братіи на составленіе службы и житія святаго, который потомъ были представлены патріарху съ соборомъ. Но изъ патріаршей грамоты объ установленіи всецерковнаго празднованія Корнилію въ 1600 г. видно, что задолго до этого въ монастырѣ былъ построенъ придѣлъ во имя Корнилія, хотя остававшійся еще не освященнымъ, и святому праздновали уже «въ монастырѣ и на Вологдѣ въ соборѣ и въ вологодскомъ уѣздѣ»; вологодскій архіепископъ, сообщая эти свѣдѣнія на церковномъ соборѣ въ Москвѣ, не дѣлаетъ однакожь и намекъ на участіе епархіальной власти въ обсужденіи или по крайней мѣрѣ въ церковномъ утвержденіи этого мѣстнаго народнаго чествованія. Но очень часто дѣло, возбужденное поданной описью чудесъ, вызывало со стороны епархіальной или центральной церковной власти порученіе написать житіе и службу. Если монастырь того святаго, о которомъ шло дѣло, былъ скуденъ книжными людьми, это порученіе ложилось на посторонняго писателя, вовсе не принадлежавшаго къ тому монастырю; иногда оно входило въ число задачъ духовной комиссіи, назначавшейся для повѣрки описи чудесъ на мѣстѣ. Такими обстоятельствами вызвана была на свѣтъ большая часть трудовъ Пахомія Логовета. На Марвелла пало порученіе митро-

полита написать житіе Саввы Сторожевскаго вслѣдствіе ходатайства самой братіи въ Москвѣ найти ей біографа. Во время Макарія такой ходъ жизнеописанія святыхъ получилъ особенную силу, благодаря личной заботливости митрополита о литературной обработкѣ историческихъ воспоминаній русской церкви: мы видѣли выше цѣлый рядъ біографовъ съ официальнымъ характеромъ, подобно Пахомію Логовету трудившихся надъ житіями святыхъ разныхъ мѣстностей, гдѣ не доставало способныхъ литературныхъ рукъ для этого. Махришскій игуменъ Варлаамъ съумѣлъ описать видѣнныя и слышанныя имъ чудеса Стефана, которыя потомъ представилъ царю и митрополиту; но послѣдніе, помысливъ, что «толпа свята мужа не подобаетъ оставити житія его и чудесъ безъ написанія», поручили этотъ трудъ бывшему Даниловскому архимандриту Іоасафу, который до этого времени очень мало зналъ о Стефанѣ и его чудесахъ. Въ XVII в. жители Вологды, видя чудеса отъ гроба Галактіонова, сошлись въ большое собраніе и обратились къ архіепископу съ просьбой о построеніи храма: архіерей, разспросивъ благоговѣйныхъ людей, истинныхъ и правовѣрныхъ, о житіи отшельника «и совѣщавъ съ народы», велѣлъ имъ построить храмъ на могилѣ Галактіона и братію собрать, а одному изъ этой новой братіи составить житіе подвижника. Впрочемъ, обобщая различныя обстоятельства, вызывавшія и сопровождавшія житіе, трудно соединить въ этомъ обобщеніи всѣ частныя случаи, которые связывались съ его появленіемъ. Иногда послѣднее ускорялось извѣстностью старца въ высшихъ столичныхъ кругахъ, участіемъ, какое онъ принималъ въ церковныхъ или гражданскихъ событіяхъ своего времени. Окончательную рѣшимость колебавшемуся біографу Данила переяславскаго сообщило повторенное повелѣніе царя и митрополита, объясняющееся тѣмъ, что старецъ «и самому благочестивому царю, такоже и первосвятителю знаемъ бѣ и почитаемъ отъ

нихъ, егда бѣ въ жизни сей, по преставленіи же и у самого самодержца, также и у преосвященнаго митрополита Макарія воспоминаемо бяше житіе его».

Нѣтъ сомнѣнія, на индивидуальныя особенности извѣстнаго житія оказывали нѣкоторое дѣйствіе тѣ или другія обстоятельства его происхожденія; выше мы старались объяснить, какъ нѣкоторыя изъ нихъ содѣйствовали упрощенію стиля, господствовавшаго въ агіобіографіи XV—XVII в. Но въ житіяхъ, стремившихся выдержать строгія требованія послѣдняго, это дѣйствіе мало замѣтно и имѣло второстепенное значеніе: здѣсь, изъ какихъ бы частныхъ обстоятельствъ ни выходило житіе, ихъ разнообразное дѣйствіе сглаживалось близкимъ или отдаленнымъ надзоромъ, который постоянно чувствовалъ надъ собой писатель. Упомянутыя наиболѣе обыкновенныя побужденія, вызывавшія житіе, важны въ томъ отношеніи, что указываютъ на необходимость для житія при самомъ появленіи или въ послѣдствіи подвергнуться официальной церковной повѣркѣ. Если житіе не было слѣдствіемъ церковнаго прославленія святаго, оно писалось съ мыслью вызвать это прославленіе или ускорить его. Только первоначальныя біографическія записки и небольшая группа житій, приближавшихся по характеру къ простой біографіи, не имѣли ни такого происхожденія ни такой цѣли. По чьей бы мысли ни являлось житіе, но возникая изъ одинаковыхъ побужденій съ стихирами и канонами и получая одинаковое назначеніе, оно естественно создавало потребность въ извѣстной установленной нормѣ и въ церковномъ надзорѣ для писателя. Въ монастыряхъ сознавали эту потребность. Однимъ изъ побужденій, удерживавшихъ біографа Данила переяславскаго отъ рѣшимости писать житіе, было наставленіе, слышанное имъ отъ учителя: въ бесѣдахъ съ братіей Данилъ «не повелѣваше никомуже самохотѣніемъ писати повѣсти пѣнія о святыхъ, аще не извѣщеніе нѣкое бу-

детъ отъ Бога или отъ власти царскія и святителскія». Ученикъ Кассіана Босаго Фотій, написавъ для себя канонъ на память Іосифа, нашель необходимымъ однакожь представить его на разсмотрѣніе митрополиту, чтобы получить отъ послѣдняго благословеніе читать свой трудъ и молиत्वовать по нему въ келліи. Тотъ же игуменъ Алексѣй, который такъ рѣшительно говоритъ о свободѣ писать житія святыхъ мужей, дѣлаеть завѣщаніе своему преемнику и братія отвезти составленныя имъ службу и житіе Геннадія «въ царствующій градъ на свидѣтельство» царю, митрополиту и церковному собору, «пріятно ли царю и святителю и вселенскому ихъ собору наше писаніе, достойно ли почитать житіе и чудеса преподобнаго, повелятъ ли пѣти канонъ и стихиры святаго, достоинъ ли есть дѣлатель пишущій мзды своей». Съ XVI в. обыкновенно глава іерархіи съ церковнымъ соборомъ, съ участіемъ государя и всего санкцита, «свидѣтельствовали» представленное ему житіе съ службой и своимъ благословеніемъ «пѣти канонъ и житіе чести» вводилъ послѣднія въ церковное употребленіе. Довольно полно описанъ этотъ процессъ соборнаго «свидѣтельствованія» въ повѣсти объ открытіи мощей Никандра, псковскаго пустынника. Въ 1686 г. коммиссія, состоявшая изъ тамбовскаго епископа, архимандрита Хутынскаго монастыря, игумена Лисицкаго монастыря и ключаря повгородскаго Софійскаго собора, положивъ обрѣтенныя мощи въ новый гробъ, помѣстила ихъ въ церковной стѣнѣ. Потомъ сложивъ службу и описавъ житіе съ чудесами, то-есть составивъ новую редакцію біографіи, препроводили оба произведенія въ Москву къ патріарху. Патріархъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составилъ соборъ въ церкви Св. Апостола при патріаршемъ домѣ, повелѣлъ справщику печатнаго двора іеродіакону Каріону прочитать вслухъ присланныя службу и житіе, и нашедши свидѣтельство достовѣрныхъ мужей истиннымъ, постановилъ праздновать преп. Никандру, а

оригиналь житія переслать въ Никандровъ монастырь «для чтенія и послушанія къ душевной пользѣ братіи и всѣхъ православныхъ христіанъ». Впрочемъ назначеніе комиссіи для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ не было всегдашнимъ явленіемъ въ такихъ случаяхъ; притомъ ея повѣрка могла коснуться только описанія посмертныхъ чудесъ. Ни она ни церковный соборъ бдльшею частію не имѣли возможности повѣрить критически самыя факты біографіи. Потому обыкновенно принимали готовое житіе, если оно было удовлетворительно въ литературномъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ подвергали его новой обработкѣ. Эта обработка и то, что довольно часто она поручалась писателю, мало знакомому съ жизнью поваго святаго, раскрываетъ истинный характеръ соборнаго «свидѣтельствованія». Есть и прямыя указанія на этотъ характеръ въ источникахъ. Служба и житіе Іосифа Санина разсмотрѣны были церковнымъ соборомъ въ 1578 г. при установленіи празднованія ему въ основанной имъ обители. Въ спискахъ службы находимъ разсказъ о томъ, какъ установлено было всецерковное празднованіе Іосифу. Въ 1591 г. повелѣніемъ царя и патріарха исправлены были тропарь и кондакъ, стихиры, канонъ и вся служба преп. Іосифу на литургіи, и эту исправленную службу «свидѣтельствовали на вселенскомъ соборѣ» царь и патріархъ и весь синклитъ, и совѣтомъ всего собора узаконили и утвердили праздновать преп. Іосифу повсюду 9 сентября на его преставленіе и «въ печатныхъ минеяхъ въ тойже день повелѣ государь царь выпечатати тропарь и кондакъ и стихиры и канунъ и всю службу». Точно также для установленія всецерковнаго празднованія Корнилю Комельскому въ 1600 г. патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами и прочимъ духовенствомъ соборнѣ слушали стихиры, канонъ и житіе чудотворца, и когда мѣстный архіепископъ засвидѣтельствовалъ, что чудеса писаны неложно, доложили въ Успенскомъ соборѣ

царю и «извѣщали», что стихиры, канонъ и житіе Корнидія «писаны по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ». Такимъ образомъ соборный на дворъ имѣлъ чисто формальное значеніе для агіобіографіи: онъ охранялъ ея установленный стиль, повѣрялъ вѣрность житія церковно-литературной нормѣ, «образу и подобію, якоже и прочимъ святымъ».

Одну изъ неясныхъ сторонъ въ судьбѣ древнерусскаго житія составляетъ распространеніе его въ читающемъ обществѣ. Между тѣмъ разъясненіе этого вопроса представляетъ не одну бібліографическій интересъ: оно могло бы помочь опредѣленію степени и свойства того дѣйствія, которое древнерусскій читатель оказывалъ на біографа. Если бы наша древняя письменность была лучше изслѣдована по сохранившимся остаткамъ, она несомнѣнно дала бы нѣсколько положительныхъ выводовъ и для рѣшенія этого вопроса. Безъ того остается ограничиться замѣчаніями, основанными на бѣгломъ, поверхностномъ обзорѣ наиболѣе извѣстныхъ древлехраняищъ. Если древнѣйшія житія въ сѣверной Руси по происхожденію и назначенію своему были тѣсно связаны съ церковной службой, очень естественно предположить, что они первоначально распространялись главнымъ образомъ въ письменности, имѣвшей церковное употребленіе. Повидимому до XV в. небольшой кругъ русскіхъ житій святыхъ, признанныхъ церковію, сосредоточивался преимущественно въ прологахъ. Въ послѣдствіи изъ пролога широко развились другія формы письменности, заимствовавшія у него систему церковнаго мѣсяцеслова для расположенія своего содержанія. Осложняясь въ содержаніи и расширяясь въ объемѣ, прологъ превратился въ четьи-минеи, очень распространенныя въ древнерусской письменности, судя по многочисленнымъ разбитымъ ихъ экземплярамъ, сохранившимся въ рукописныхъ бібліотекахъ. Упрощеніемъ четьи-минеи были разнообразныя по составу торжественники, наполняющіе письменность XVI вѣ-

ка: какъ и въ четвѣхъ-минелѣхъ, житія были любимою и главнѣйшей частью въ ихъ составѣ и вмѣстѣ съ поученіями и сказаніями, рѣже одни, располагались въ календарномъ порядкѣ праздниковъ, съ которыми были связаны. Легко замѣтить, что эти торжественники распространялись по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и сходные съ ними по связи съ церковнымъ мѣсяцесловомъ: третофологи, сборники церковныхъ службъ, выбранныхъ изъ служебной миней. Распространенію тѣхъ и другихъ и притомъ съ чисто русскимъ содержаніемъ содѣйствовали церковные соборы XVI в. о новыхъ чудотворцахъ, значительно расширившіе русскіе святцы и внесшіе большое количество русскихъ житій и каноновъ въ обязательное церковное употребленіе. Въ одно время съ такими сборниками, посвященными на себѣ болѣе или менѣе ясные признаки церковнаго происхожденія, были въ большомъ ходу другіе, черпавшіе преимущественно изъ тогоже литературнаго запаса, но по составу независимые отъ церковнаго мѣсяцеслова. Большею частью въ нихъ даже невозможно уловить ни опредѣленнаго порядка въ составѣ, ни образа въ подборѣ содержанія; повидимому тѣ и другое опредѣлялось книжными средствами писца и вѣсусами читателя. Въ такихъ сборникахъ можно искать указаній для разъясненія разсматриваемаго вопроса: обращаясь внѣ церковной среды, они разнообразіемъ и подвижностью своего содержанія явнѣе обнаруживаютъ важныя интересы древнерусскаго читающаго общества. Можно замѣтить, что съ XV в. чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе размножаются сборники, наполненные исключительно житіями, и между ними все сильнѣе становится русскій элементъ. Наконецъ съ XVI в. во множествѣ являются отдѣльные списки русскихъ житій. Изъ этого можно заключить, что интересъ къ подвижникамъ русской церкви постепенно усиливался въ русскихъ читателяхъ и по мѣрѣ этого письменность житій теряла церковныя формы. Въ этомъ выводѣ, извлеченномъ изъ движенія

письменности житій, мы встрѣчаемся съ высказанными выше замѣчаніями, основанными на движеніи агіобіографической литературы. Повидимому объ съ различныхъ сторонъ объясняютъ одинъ и тотъ же фактъ въ литературной исторіи житія: если извѣстныя литературныя условія, удалявшія житіе отъ его церковнаго источника, упрощая его искусственный стиль, тѣмъ самымъ облегчали его распространеніе въ мірскомъ читающемъ обществѣ, то съ другой стороны это распространеніе становилось однимъ изъ литературныхъ условій, содѣйствовавшихъ тому же упрощенію. \ Отрывочныя извѣстія о томъ, какъ писались житія по многочисленнымъ пустыннымъ монастырямъ сѣверовосточной Руси въ XVI и XVII в., подвергаютъ воображеніе изслѣдователя сильному искушенію создать изъ нихъ картину оживленнаго движенія, какое получила тамъ въ то время литература житій. Не дожидаясь церковнаго признанія, возбуждаемая собственнымъ усердіемъ и вниманіемъ, даже требованіями окрестнаго населенія, братія всѣми силами хлопочетъ о составленіи правильнаго житія своего основателя; не находя достаточно грамотнаго монаха среди себя, пользуется заѣзжимъ, обращается въ Москву къ митрополиту съ просьбой найти и назначить ей біографа, даже не дожидаясь правильнаго житія, слѣшшитъ, «дождеже есть остатокъ древнихъ отецъ»; хотя нестройно, «неудобренно» записать на малыхъ хартіяхъ и свиткахъ драгоценныя воспоминанія. И тѣмъ отрывочнѣе такія извѣстія, тѣмъ полнѣе готова дорисовать картину неосторожная фантазія, создавъ для этихъ житій быстрое распространеніе и широкій кругъ читателей. Въ тѣхъ же пустынныхъ монастыряхъ встрѣчаемъ убѣдительныя примѣры равнодушія, съ какимъ относились къ жизнеописанію святаго ближайшіе читатели, монахи его монастыря. Первоначальными біографическими записками обыкновенно пренебрегали, ихъ не переписывали и мало читали; потому онѣ перѣдко пропадали прежде чѣмъ являлось правиль-

ное житіе) Германа соловенкаго многіе изъ братіи наградили пре-
небреженіемъ и насмѣшкой за усердіе къ сохраненію воспоминаній
о Савватіѣ и Зосимѣ и до самой смерти его въ монастырѣ не
позаботились переписать диктованныя имъ записки, оригиналь
которыхъ былъ потомъ увезенъ гостившимъ на Соловкахъ
пріѣзжимъ монахомъ. Точно также около 1484 г., лѣтъ черезъ
пять по смерти Александра Ошевенскаго, родственникъ его про-
диктовалъ клирикамъ записки о преподобномъ; спустя болѣе
42 лѣтъ послѣ этого, около 1530 года, когда первоначальный
экземпляръ записокъ погибъ гдѣ-то вмѣстѣ съ увезшимъ его
игуменомъ, въ монастырѣ не оказалось ни одного запаснаго спис-
ка, и составляя житіе въ 1567 году, Θεодосій долженъ былъ
прибавить: «писанія бо нимаю обрѣтохъ, пзгинуша бо писанія
небреженіемъ». Этимъ же объясняется, почему такъ рѣдки спис-
ски житій основателей Челябинскаго, Моисеенскаго, Юрьегорскаго,
Ущельскаго, Воломскаго и многихъ другихъ монастырей. Вообще
среди неясныхъ извѣстій о распространеніи житій въ письмен-
ности встрѣчаются указанія, не дающія права преувеличивать
его. (Сохранились сборники XVI и XVII в., въ составѣ которыхъ
замѣтенъ мѣстный историческій интересъ, въ которыхъ соеди-
нены сказанія и житія святыхъ извѣстнаго города или края,—
сборники новгородскіе, ростовскіе, вологодскіе и т. п.; но ихъ
вообще немного въ существующихъ рукописныхъ библіотекахъ.
Къ тому же приводятъ наблюденія надъ извѣстными намъ
рукописными собраніями немногихъ монастырей, принадлежав-
шихъ впрочемъ къ числу самыхъ книжныхъ въ древней Россіи.
Монастырскія библіотеки должны были довольно вѣрно отражать
на себѣ объемъ и движеніе мѣстныхъ книжныхъ интересовъ.
Значительная часть каждой изъ нихъ составлялась изъ руко-
писей, оставшихся послѣ умершихъ монаховъ. Последніе кро-
мѣ рукописей, написанныхъ или пріобрѣтенныхъ ими въ
монастырѣ, отказывали въ монастырскую казну и книги, ко-

торыя приносили съ собой изъ міра. Надписи, встрѣчающіяся на рукописяхъ, отличаютъ книгу казенную, которую выдавали изъ казны по кельямъ для чтенія и «на списокъ», отъ книги келейной извѣстнаго монаха. Наконецъ книжные люди изъ мѣстныхъ жителей нерѣдко дѣлали въ монастырь вклады книгами. По описи библіотеки Іосифова волоколамскаго монастыря XVI в. насчитываютъ до 189 именъ, принадлежавшихъ духовнымъ или мірянамъ, которые дѣлали книжные вклады въ этотъ монастырь или рукою которыхъ писаны рукописи, въ немъ хранившіяся. Вскорѣ по основаніи Черногорскаго монастыря на Пинегѣ ярославскій гость, построившій въ немъ церковь, пожертвовалъ обители «многообразныя премудрыя книги, числомъ яко 147 книгъ». При такомъ образованіи библіотекъ въ извѣстнѣйшихъ монастыряхъ не удивительно встрѣтить въ какомъ-нибудь изъ нихъ собраніе житій и сказаній, связанныхъ съ городомъ или краемъ, очень отдаленнымъ отъ этого монастыря. Въ соловецкой библіотекѣ встрѣчаемъ книги, писанныя въ Калугѣ и пожертвованныя постриженниками или богомольцами изъ этого города. Но еслибы подъ вліяніемъ исторической любознательности житія имѣли живое обращеніе среди мѣстнаго читающаго общества, это отразилось бы на составѣ монастырскихъ библіотекъ особеннымъ обиліемъ списковъ житій, связанныхъ съ историческими преданіями края, въ которомъ находился монастырь. Составъ монастырскихъ библіотекъ, принадлежавшихъ къ числу самыхъ крупныхъ въ древней Россіи, не подтверждаетъ этого. Биографіи Трифона Печенгскаго, Варлаама Керетскаго, Елеазара Анзерскаго, архимандрита Принарха, сказанія о Пертоминскихъ и Яренгскихъ чудотворцахъ соловецкая библіотека сохранила въ одномъ или двухъ спискахъ. Житія Вассіана Босаго и ученика его Фотія вмѣстѣ съ патерикомъ Досіоея Топоркова уцѣлѣли, если не ошибаемся, только въ автографѣ составителя ихъ Вассіана, понашемъ въ синодальную библіотеку; точно также записка

объ архіепископѣ Θεодосіѣ сохранилась только въ одной рукописи Іосифова монастыря, писанной рукою самого автора Еввимиѣ Туркова. Напротивъ бібліотеки обоихъ монастырей сохранили во множествѣ списковъ рядомъ съ житіями ихъ основателей біографіи ростовскихъ просвѣтителей Леонтія и Авраамія, Варлаама Хутынского, святителей Петра и Алексія, Сергія Радонежскаго. Это объясняется судьбою Елифаніева житія Сергія въ письменности. Выше было сказано, что рядомъ съ 9 списками Пахоміевой редакціи, сохранившимися въ рукописяхъ Сергіевской бібліотеки отъ XV вѣка, трудъ Елифанія не уцѣлѣлъ ни въ одномъ современномъ имъ спискѣ даже въ этой бібліотекѣ: онъ имѣлъ только историко-литературное значеніе, тогда какъ по редакціи Пахомія творили память святаго въ церкви.

Эти наблюденія заставляютъ ограничить умѣренными размѣрами дѣйствіе литературной или исторической любознательности на распространеніе житій среди мѣстнаго читающаго общества; они же помогутъ правильно понять значеніе отрывочныхъ извѣстій объ этомъ распространеніи. Въ стѣнахъ монастыря житіе имѣло не одно церковное употребленіе: его читали всей братіи за трапезой въ день памяти святаго. Въ концѣ службы Антонію Сійокому списки сохранили замѣтку: «на трапезѣ бываетъ утѣшеніе братіи великое и чтемъ житіе преподобнаго» ¹⁾. Но тоже побужденіе, которое вызывало въ братіи монастыря заботу о составленіи житія основателя, заставляло ее стараться о распространеніи написаннаго житія между мірянами. Біографъ Геннадія костромскаго проситъ братію перелгать его писаніе «на новыя скрижали» и раздавать ихъ «по странамъ православнымъ христіаномъ». Когда бояринъ Борисъ Морозовъ благополучно укрылся въ 1648 г. отъ московскихъ мятежниковъ на Бѣлоозеро, братія Кириллова Новоезер-

¹⁾ Умд. № 284, л. 36.

скаго монастыря поспѣшила послать ему образъ и списокъ житія своего основателя. При чтеніи житія и чудесъ святаго, рассказываетъ современникъ, сердце боярина освѣтилось «яко нѣкоею зарею пресвѣтлою, наполнился радости и веселія вся внутренняя его и отъ великія тоя скорби и печали во утишіе и радость преложися». Изгнанникъ поѣхалъ поклониться гробу Кирилла и вмѣстѣ съ «милостыней довольною» положилъ здѣсь обѣтъ построить по возвращеніи въ Москву новую каменную церковь, основаніе которой повело къ обрѣтенію мощей Кирилла и къ прославленію его монастыря. Если вмѣстѣ съ распространеніемъ житія распространялась и вѣра къ святому, то послѣдняя въ свою очередь должна была содѣйствовать дальнѣйшему размноженію списковъ житія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія извѣстія, въ которыхъ списываніе житій является дѣломъ благочестиваго усердія или обѣта за исполненіе молитвы къ святому, за исцѣленіе? Николай чудотворецъ, по русскому сказанію о немъ, передъ кончиной молится за тѣхъ, кто «напишетъ слово житія» его или «напишетъ кто образъ подобія» его, наравнѣ съ тѣми, кто поставитъ церковь во имя его или подастъ милостыню ищимъ. Года черезъ два по написаніи житія Саввы Крыпецкаго пономарь приходской церкви въ Псковѣ, питавшій великую вѣру къ святому и исцѣлившійся у гроба его отъ зубной боли, имѣлъ у себя канопъ и житіе его и «прочиташе себѣ съ вѣрою». Такую же вѣру къ Саввѣ имѣлъ одинъ посадскій въ Псковѣ, «понеже слышалъ баше житіе и чудодѣйствіе святаго». Монахъ Каменскаго монастыря и дьякъ города Любима, страдая зубною болью, дають обѣтъ списать канонъ и житіе Геннадія костромскаго. Въ описаніи чудесъ епископа тверскаго Арсенія читаемъ, что тверской попъ. потомъ переселившійся въ Москву, племянница котораго исцѣлилась вѣрою къ святителю, писалъ въ Желтиновъ монастырь къ архимандриту и братіи, прося выслать ему канонъ, житіе и

чудеса Арсенія. Получивъ ихъ, онъ «нача вскорѣ преписовати чудеса святаго, да быша были въ дому его на прочтаніе и на послушаніе вѣрнымъ». Впрочемъ побужденія, привлекавшія къ житіямъ читателей, и дѣйствіе, какое они производили на послѣднихъ, въ этихъ извѣстіяхъ легче разглядѣть между строками, чѣмъ опредѣлить по прямымъ и яснымъ указаніямъ. Въ чудѣ Варлаама Хутынскаго 1460 г. читаемъ, что постельникъ великаго князя издавна имѣлъ у себя и читалъ житіе съ чудесами святаго и положилъ на себя обѣщаніе со временемъ постричься въ его монастырѣ. Поселянинъ ростовскаго уѣзда позвалъ къ себѣ на обѣдъ священника и послѣдній за столомъ началъ рассказывать житіе Макарія Баялинскаго; юный сынъ поселянина, прославленный въ послѣдствіи затворникъ. Иршархъ слышалъ этотъ рассказъ и сказалъ: «и азъ буду мнихъ таковъ же». Во время боловецкаго игумена Филиппа, устюжскій воевода кн. Оболенскій, опасно побивъ свою княгиню, проникнутый горемъ и раскаяніемъ, велѣлъ принести себѣ книгу житія и чудесъ соловецкихъ чудотворцевъ; утѣшенный чтеніемъ, онъ далъ обѣщаніе постронть храмъ во имя Зосимы и Савватія. Царѣдка проскользнуть у біографа намекъ на то, что жизнь и судьба монастыря возбуждала въ мірскомъ обществѣ что-то похожее на историческое любопытство, съ которымъ оно обращалось къ дѣятельности основателя; Біографъ Корнилія Комельскаго пишетъ въ предисловіи: «мы убо здѣ въ монастыри сѣдяще, отъ многихъ слышимъ, помышляющимъ и глаголющимъ, како въ малое се время сей святѣй обители цвѣтущей и впредь поступающей, паче же вѣдяще и члпъ и устроеніе и благочиніе веліе и просяще каждо ихъ: дадите намъ житіе написаю святаго старца вашего, господина нашего Корнилія». Сильнѣе этихъ частныхъ случаевъ должны были подѣйствовать на пробужденіе въ обществѣ историческаго интереса въ отношеніи къ отечественнымъ святымъ соборы о новыхъ чудотворцахъ: выше,

разсматривая эти соборы, мы указывали признаніе одного біографа въ этомъ смыслѣ, замѣтивъ притомъ, что самые соборы были отчасти вызваны усилившимся вслѣдствіе событій XV в. вниманіемъ русскаго общества къ преданіямъ русской церкви. Впрочемъ на отношеніе общества къ житію всего яснѣе указываетъ литературный строй и характеръ послѣдняго, и разсмотрѣнныя отрывочныя извѣстія любопытны потому, что подтверждають это указаніе фактами изъ исторіи письменности житій.

Писатель стоялъ между двумя разсмотрѣнными моментами въ судьбѣ житія, между двумя средами, контролирующей и читающей, и на перо его производили давленіе требованія обѣихъ, далеко не одинаковыя, хотя сходныя во многомъ. Если литературное развитіе измѣряется силой; съ какою печать авторской личности выступаетъ на литературномъ произведеніи, то при первомъ знакомствѣ съ житіями легко подумать, что въ нихъ древнерусская литература достигла своего высшаго развитія. Здѣсь повидимому нѣтъ той эпической и безличности, изъ которой такъ рѣдко выходилъ древнерусскій писатель. Никто не любилъ такъ много поговорить съ читателемъ о себѣ, о чувствахъ, пережитыхъ во время литературной работы, какъ составитель древнерусскаго житія. Одна черта ослабляетъ это первое впечатлѣніе. Надъ жизнеописаніемъ дѣятелей отечественной церкви испытывали свои силы самые разнообразныя писатели, люди различныхъ общественныхъ положеній. Но историкъ литературы напрасно будетъ обѣщать себѣ богатые выводы отъ изученія этого разнообразія. Онъ замѣтитъ разницу въ книжномъ мастерствѣ, въ количествѣ и качествѣ матеріала, у немногихъ даже вышнія мелкія индивидуальныя особенности; но въ литературныхъ пріемахъ, въ историческихъ и общественныхъ взглядахъ, въ чертахъ, какими каждый характеризуетъ свою авторскую личность, и пріѣзжій сербъ и сынъ боярскій и царевичъ и представители всѣхъ ступеней церковной

ієрархіи отъ пономаря или простаго монаха до патріарха какъ дзѣ капли воды похожи другъ на друга. Исследователь даже чувствуетъ себя въ затрудненіи передъ той заботливостью, съ какою древнерусскіе біографы предвосхищаютъ у него работу: ему нечего обобщать, нѣтъ нужды по мелкимъ, отрывочнымъ и случайнымъ чертамъ путемъ утомительнаго наблюденія воспроизводити общій образъ древнерусскаго агіобіографа; такъ старательно послѣдній заботился самъ спрятать свою дѣйствительную, живую личность подъ ходичими чертами общаго типа. Впрочемъ анализъ и этихъ чертъ не бесполезенъ въ критическомъ отношеніи, ибо онѣ характеризуютъ тотъ кругъ древнерусскихъ понатій, въ которомъ стоялъ біографъ и подъ вліяніемъ котораго обрабатывались историческіе факты житія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ораторская мантія, въ которую составитель житія облакаетъ свою литературную личность. Онъ говоритъ не какъ наблюдатель, въ тишинѣ келіи изучившій и обдумавшій описываемыя явленія, а какъ витія съ церковной кафедрѣ передъ многочисленными слушателями; мысль его гораздо болѣе обращена къ публикѣ, чѣмъ къ предмету рѣчи. Возстановленіе факта, завершающее усилія и сомнѣнія простаго повѣствователя, для него черновая, предварительная работа, которую онъ оставилъ далеко за предѣлами момента когда взялся за писало и хартію. Онъ прошелъ и то состояніе, торжественнаго самосозерцательнаго покоя, въ которомъ навсегда поселяются самоувѣренные историки, посвятившіе свою многолѣтнюю ученую жизнь начертанію пяти съ половиной мѣсяцевъ изъ исторіи маленькаго народа. Авторъ житія идетъ дальше, въ область практическихъ выводовъ; онъ **настроиваетъ** свой тонъ на высокую дидактическую ноту и **призываетъ** своихъ «нослушателей» къ духовной трапезѣ, **чтобы предложить имъ «негибнущую» пишу поученій духовныхъ.** Но это право учителя пріобрѣталось цѣною тяжелой внутренней

борьбы. И некоторые биографы въ своихъ авторскихъ исповѣдяхъ повѣдали тѣ душевныя тревоги и сомнѣнія, которыя переживали они прежде, чѣмъ достигали необходимой писателю житія ясности и торжественности мысли. Стоять ли они близко къ святому или знаютъ его только по преданію, пишутъ ли по собственному побужденію или по внушенію со стороны, они изображаютъ свой трудъ священнымъ дѣломъ, въ преддверіи котораго писателя ждетъ борьба противоположныхъ чувствъ. Многія побужденія поселяли въ немъ «желаніе насытно» писать о святомъ: любовь къ святому старцу «яко огнемъ» распалаетъ и томить его помыслъ, великое усердіе влечетъ его къ нему «якоже нѣкіимъ долгимъ ужемъ и нудитъ глаголати же и писати»; онъ скорбитъ, что забвеніе и перазуміе лишаетъ современное ему слабое поколѣніе, въ которомъ мало спасаемыхъ, такой душевной пользы, вѣдѣнія житія святаго; возбуждаетъ его чаяніе мзды будущихъ благъ, предстоящей «дѣлателью пишущему» наравнѣ съ слушателями и сказателями житія. Но его удерживаетъ собственное душевное недостоинство, нечистота многострастнаго сердца, худость и невѣгласіе ума; его мучитъ недоумѣніе, призванъ ли онъ къ подвигу писателя, какъ дерзнетъ онъ на дѣло выше своей силы, гдѣ обрѣтеть онъ словеса потребныя, подобныя дѣяніямъ святаго, ибо чудныя дѣла «свѣтла языка требуютъ». Такъ остается онъ молчать «аки бездѣлецъ въ размышленіи, недоумѣніемъ погружаяся и печалію оскорбляяся, желаніемъ побѣждаяся». Три года говоритъ биографъ Данила переяславскаго, борояся я съ мыслію, писать или не писать. Онъ обращается къ старцамъ, въ отвѣтахъ разумнымъ, съ вопросомъ, достоинъ ли писать, и старцы отвѣчаютъ, что нѣтъ нужды терять душевную пользу; и утѣшеніе, доставляемая житіемъ святаго. Тогда онъ простретъ грубую десницу и примется писать «помалу» о житіи старца. Но тутъ врагъ начнетъ смущать его «рзвратнымъ помыс-

ломъ», какъ показать людямъ свое писаніе, не имѣющее ни украшенія въ рѣчахъ, ни слога праваго, ни псаломскихъ приреченій: такое писаніе не принесетъ похвалы святому и только навлечетъ на автора посмѣхъ и поруганіе. Онъ повергаетъ свой трудъ, уже доведенный до кончины преподобнаго, и не радить о немъ долгое время. Потомъ опять встанетъ онъ мыслію точно отъ сна, возьмется за продолженіе стараго труда, и вновь смущенный, испытаетъ еще нѣсколько смѣнъ унынія и бодрости, пока неоднократныя явленія святаго старца въ легкой дремотѣ біографа не успокоятъ его мятущихся мыслей: тогда съ сердечной радостью и душевнымъ веселіемъ онъ беретъ за перо и послѣ, перечитывая свое сказаніе, «какъ сладкаго брашна напитывается». Тамъ разсказываетъ о себѣ біографъ Монзенскихъ чудотворцевъ. Или поразить его еще болѣе тяжкій недугъ сомнѣнія въ дѣйствительности чудесъ святаго, недовѣрія къ разсказамъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и облѣпившись онъ бросаетъ начатый трудъ съ пренебреженіемъ. Успокоившись въ келліи послѣ вечернаго пѣнія, онъ видитъ себя въ невѣдомомъ больномъ храмѣ, въ который входитъ святой съ малымъ прутомъ въ рукѣ и съ гнѣвнымъ взоромъ обращается къ нерадивому и не довѣрчивому біографу: зачѣмъ берешься за дѣло не по силамъ, а взявшись, зачѣмъ не кончаешь?—Не прогнѣвайся на меня, отче, за медленность, отвѣчаетъ біографъ со слезами: я старъ и не могу стерпѣть такой страсти; если оскорбишь меня, я ужъ не назову тебя отцомъ и бѣгу изъ твоей обители. Преподобный старецъ, мало ослабився, говоритъ плачущему слезно писателю: не говори много, не прекословь, падн ницъ. Падаетъ на помость виноватый, простираетъ руки и ноги, святой назнаменаетъ его трижды неслышно, безъ боли. Съ рыданіемъ онъ пробуждается, ему сведо правую руку и персты едва складываются для крестнаго знаменія. Получивъ чрезъ нѣсколько дней исцѣленіе у гроба преподобнаго, онъ немедленно доканчива-

еть прерванную повѣсть. Такъ повѣдалъ о себѣ біографъ Александра Ошевскаго, закончивъ разсказъ славами: «нынѣ же еще бы и многае сихъ обрѣлъ, не облѣнился бы уже писати, еще бы понудилъ старость свою за любовь святаго, елика сила баше». Въ этихъ признаніяхъ, безъ сомнѣнія, не одни рѣторическіе образы, хотя нельзя не замѣтить въ нихъ нѣкоторой доли условнаго, нѣкоторыхъ принятыхъ, обычныхъ формъ. По этимъ исповѣдямъ любопытно наблюдать, чѣмъ возбуждаются авторскія смятенія біографа, куда преимущественно направляется и на чемъ успокоивается его мысль. Всего тревожище занимаетъ его вопросъ, призванъ ли онъ къ своему дѣлу, угодно ли будетъ святому его писаніе, съумѣетъ ли онъ изобразить его дѣянія достойнымъ образомъ. Извѣдка, если жизнеописатель зналъ святаго по чужимъ разсказамъ, набѣгало на него сомнѣніе въ посмертныхъ чудесахъ; но это было слѣдствіемъ минутнаго упадка духа, нравственнаго бездѣйствія, а не испытующаго напряженія мысли, и такъ смотрѣлъ на это самъ біографъ, спѣша «помалѣ въ чувство пріити и познати свое согрѣшеніе». Въ его авторской исповѣди не встрѣтимъ намека, чтобы біографическій фактъ имѣлъ для него цѣлу самъ по себѣ и разсматривался имъ независимо отъ нравственно-практическихъ выводовъ. Это впрочемъ было неизбѣжно при томъ литературномъ отношеніи, въ какомъ біографъ стоялъ къ описываемому святому. Онъ не разсматривалъ послѣдняго со стороны, какъ явленіе минувшаго, какое бы хронологическое разстояніе ни лежало между ними. Духовное присутствіе среди насъ человека, давно отшедшаго въ иную жизнь, которое для насъ имѣетъ метафорическое значеніе теплаго воспоминанія, для древнерусскаго біографа было впечатлѣніемъ живой дѣйствительности. Онъ постоянно чувствовалъ надъ собой его строгій отеческій взглядъ, бесѣдовалъ съ нимъ «аки явѣ» и при этомъ неясно сознавалъ, гдѣ кончается дѣятельность бодрствующаго воображенія и начиналось сонное

мечтаніе. Видѣнія святаго вызывали въ немъ вопросъ, не сонныя ли это мечты въ самомъ дѣлѣ; но онъ спѣшилъ отогнать этотъ вопросъ, какъ внушеніе невірія. То, что онъ на самомъ дѣлѣ переживалъ изъ описываемой имъ авторской борьбы своей, было усиленъ подняться на такую высоту созерцанія, на которой было возможно такое рѣшеніе такого вопроса, и въ этомъ усиленъ мысль его незамѣтно переходила черту, отдѣляющую міръ дѣйствительныхъ житейскихъ явленій отъ міра, гдѣ нѣтъ исторіи, а живутъ одни идеалы. Отсюда онъ бралъ свѣточъ и мѣрило для описываемыхъ имъ событій прошедшаго; изъ этого же источника заимствовалъ онъ главнѣйшую силу своего біографическаго авторитета въ глазахъ тѣхъ, для кого писалъ свою повѣсть. Здѣсь источникъ его торжественнаго дидактизма, цѣльности и ясности взгляда, для котораго повидимому нѣтъ неразгаданной тайны, который видитъ насквозь всѣ земныя дѣянія. На извѣстной высотѣ сами собой исчезаютъ нестройные звуки и мелкія явленія дольней жизни, которыя стоящій внизу наблюдатель напрасно силится соединить въ гармоническое впечатлѣніе. Кропотливый изслѣдователь строго-научнаго направленія, измучившій голову микроскопическими гипотезами, въ правѣ позавидовать спокойствію, съ какимъ иной составитель житія начинаетъ свой разсказъ: а изъ какого града или веси и отъ каковыхъ родителей произошелъ такой свѣтильникъ, того мы не обрѣли въ писаніи, Богу то вѣдомо, а намъ довольно знать, что онъ горняго Іерусалима гражданинъ, отца имѣетъ Бога, а мать — святую Церковь, сродники его — всеощныя многослезныя молитвы и непрестанныя воздыханія, ближніе его — неусыпные труды пустынные. Простое историческое мышленіе не выходитъ изъ области дѣйствительныхъ фактовъ и простой біографъ злоупотребить своимъ литературнымъ полномочіемъ, если перейдетъ за черту этой области, которую торопятся пробѣжать писатель житія.

Начиная общій разборъ житія, мы замѣтили, что оно, какъ литературное произведеніе, соединяетъ въ себѣ два особые элемента, церковно-ораторскій и историческій. Въ обзорѣ развитія литературы житій и въ очеркѣ обстановки, среди которой появлялось каждое изъ нихъ, мы пытались разъяснить различныя условія, дѣйствовавшія на эту литературу. Обобщая эти условія, замѣтимъ, что они касались главнымъ образомъ перваго изъ указанныхъ элементовъ, что вся литературная исторія древнерусскаго житія почти исчерпывается судьбою его стиля. Сухая сжатая повѣсть пролога распустилась въ пышныя, даже напыщенныя формы церковно-историческаго слова; но по основной мысли, по взгляду на событія и выбору біографическаго содержанія житіе въ томъ и другомъ видѣ оставалось вѣрно модели, — если позволено такъ выразиться, — какую представляли церковныя пѣсни. Не вся литература житій могла держаться на трудной высотѣ такого стиля и въ нѣкоторыхъ памятникахъ онъ падалъ въ двухъ направленіяхъ. Одни, расширяя выборъ біографическаго содержанія, вводили въ него черты, выходившія изъ рамокъ обычной программы житій, не требовавшіяся основною мыслию церковнаго панегирика. Два условія вызывали біографа на такое отступленіе: если описываемая жизнь была тѣсно связана съ крупными общественными событіями или если она описывалась прежде, чѣмъ становилась достоинствомъ церковнаго чествованія, дѣлавшаго обязательнымъ для біографа пзвѣстный выборъ фактическаго матеріала. Въ связи съ послѣднимъ условіемъ шло упрощеніе ораторскихъ приемовъ изложенія, возвращавшее житіе къ сухости проложнаго разсказа и иногда отступавшее даже отъ строгихъ требованій церковнаго, то-есть литературнаго языка. Мы указали три условія, содѣйствовавшія этому: однимъ изъ нихъ былъ литературный взглядъ древнерусскихъ писателей, по которому житіе, не имѣвшее церковной торжественности въ своемъ проис-

хожденіи и назначеніи, требовало болѣе простаго изложенія; другимъ условіемъ было вліяніе на біографовъ массы читателей, которой былъ недоступенъ изысканный высочій стиль житій, а третьимъ — недостатокъ книжнаго образованія въ пустынныхъ монастыряхъ, изъ которыхъ вышла болѣшая часть житій XVI и XVII в. Но оба эти уклоненія не имѣли широкаго дѣйствія въ изучаемой литературѣ и мало измѣняли внутреннія свойства житія, существенныя для исторической критики: оба удерживали тѣже приемы обработки и взгляды на явленія, какіе свойственны искусственному стилю, хотя одно внимательнѣе изображало время и обстановку дѣятельности описываемаго лица, а другое упрощало литературныя формы біографіи. Въ томъ же направленіи дѣйствовали условія, окружавшія появленіе и распространеніе каждаго житія. Оффиціальныи церковныи надзоръ бодрствовалъ только надъ установленнымъ стилемъ житія; простыя біографическія записки не годились для церковной службы и мало распространялись даже въ неоффиціальной читающей средѣ; послѣдняя искала въ житіи не знакомства съ событіями прошедшаго, не историческаго знанія, а назидательныхъ примѣровъ для практической жизни; подчиняясь этимъ вліяніямъ, и біографъ думалъ не столько о самыхъ явленіяхъ изображаемой имъ жизни, сколько о способѣ и тонѣ ихъ изображенія.

Таковъ, если не ошибаемся, смыслъ условій, дѣйствовавшихъ на литературную обработку житія. Остается изучить происхожденіе другаго, реальнаго элемента житія, рассмотреть ихъ историческій матеріалъ, свойство источниковъ, изъ которыхъ онъ почерпался. Эта задача гораздо труднѣе: для ея разъясненія находимъ меньше ясныхъ указаній и они труднѣе поддаются обобщенію. Такую оцѣнку необходимо производить надъ каждымъ житіемъ особо и каждое требуетъ при этомъ отъ изучающаго особыхъ приемовъ, ибо представляетъ очень разнооб-

разныя основанія для такой оцѣнки. Это было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей сдѣланнаго выше подробнаго обзора изучаемой литературы. Изъ него можно впрочемъ извлечь нѣсколько общихъ руководящихъ наблюдений. Нельзя не замѣтить, что качество матеріала, каковымъ могъ располагать составитель житія, было неодинаково въ разныхъ частяхъ біографіи. Обыкновенно она составлялась въ томъ мѣстѣ, гдѣ прервалась дѣятельность описываемаго лица, и по источникамъ, какіе здѣсь могъ собрать жизнеописатель. За весьма рѣдкими исключеніями мѣсто, гдѣ епископъ или основатель монастыря находилъ покой отъ земныхъ трудовъ, видѣло лишь послѣднюю, иногда непродолжительную часть его дѣятельности и только о ней сохраняло ясныя воспоминанія. Прѣжняя жизнь лица часто проходила совсѣмъ въ другомъ далекомъ краѣ и біографъ могъ найти о ней лишь смутныя и неполныя извѣстія. Весьма немногіе біографы находились въ положеніи Епифанія при составленіи имъ житія Сергія Радонежскаго, находили около себя живыхъ свидѣтелей разныхъ періодовъ жизни святаго. Къ этой обычной въ житіяхъ неполнотѣ источниковъ необходимо быть тѣмъ внимательнѣе, что біографы старались скрыть ее помощію риторическаго изобрѣтенія. Главное значеніе въ литературѣ житій по широтѣ дѣйствія и внутреннему качеству имѣли изустные источники. Первое мѣсто между ними занимаютъ живые свидѣтели, «самовидцы и памятухи» святаго, къ числу которыхъ могъ принадлежать и самъ біографъ. Последнее впрочемъ было сравнительно рѣдкимъ случаемъ: изъ 60 новыхъ житій и редакцій, составленныхъ въ Макарьевское время и рассмотрѣнныхъ выше, можно насчитать не болѣе 12, которыя безспорно принадлежатъ очевидно описываемыхъ святыхъ или въ которыхъ можно подозревать перо современника. Чаше оставшіеся самовидцы передавали свои воспоминанія о святомъ біографу, который не зналъ его лично. Въ монастыряхъ дорожили «остаткомъ древнихъ отецъ»,

по выражению біографа Варлаама Вязскаго, видѣвшихъ святаго или помнившихъ его житіе, я старался сберечь ихъ показанія. За ними слѣдуютъ «достоверные сказатели», чрезвычайно разнообразныя по степени достоверности: къ нимъ относились и люди, получившіе свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святаго, и люди, до которыхъ эти свѣдѣнія доходили въ видѣ смутной легенды, не помнящей своего происхожденія. Впрочемъ различное отношеніе самовидцевъ и достоверныхъ сказателей къ святому само по себѣ не всегда точно опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ источниковъ житія. Между измѣчивыми по составу древнерусскими общинами не было ничего волнообразнаго монастырскаго пустыннаго братства. Отъ учениковъ, заставшихъ послѣдніе годы жизни старца, біографъ не могъ получить такихъ полныхъ свѣдѣній, какія хранились гдѣ-нибудь между людьми, не знавшими святаго, но слышавшими о немъ отъ болѣе раннихъ его сотрудниковъ, давно разставшихся съ нимъ или умершихъ до написанія житія. Лучшимъ указателемъ при оцѣнкѣ такихъ источниковъ можетъ служить моментъ появленія житія, хотя опредѣлять его иногда всего труднѣе. Изустный источникъ можетъ быть обильной струей, но по самой природѣ своей очень слабо защищенъ отъ скорой порчи: связь, мѣсто и время, дѣйствующія лица и мелкія, но характеристичныя подробности событій быстро исчезали или спутывались въ памяти старцевъ—очевидцевъ. Здѣсь одна изъ причинъ неопредѣленности, блѣдности чертъ, которой вообще отличается рассказъ искусственнаго житія. Невозможно точно опредѣлять степень участія въ житіяхъ письменныхъ источниковъ сравнительно съ изустными; сами біографы выражаются объ этомъ не всегда ясно и достоверными сказателями называютъ иногда составителей первоначальныхъ записокъ. Вообще, не ставя воспроизведенія факта главной задачей свѣдѣнія труда и ища самой надежной опоры

для своего повѣствовательнаго авторитета не въ свойствѣ фактическихъ источниковъ, писатель житія бѣльшею частію не считалъ нужнымъ подробно разсказывать читателю, откуда добытъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Это равнодушіе въ значительной степени объясняется и обстоятельствами, окружавшими написаніе житія. Ближайшей публикой, которую прежде всего имѣлъ въ виду біографъ, была братія одного съ нимъ монастыря, которая сама хорошо знала, чѣмъ онъ могъ воспользоваться для своего труда. Поэтому онъ ограничивался иногда замѣчаніемъ, что отважился на такой трудъ потому, что «извѣстно вѣдаетъ паче инѣхъ» житіе святаго и можетъ пользу сотворить, и предупреждая недовѣрчивые вопросы, прибавлялъ: да не подумаетъ кто-нибудь, что я не знаю истины о святомъ и писалъ неправо, что я не могъ столько лѣтъ помнить все, чѣмъ написалъ; нѣтъ, не говорите такъ, ибо я писалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и не дай миѣ Богъ лгать на святаго, да не будетъ этого. Вообще очень немногіе говорятъ о своихъ поискахъ съ цѣлію собрать матеріалъ для житія или провѣрить свой разсказъ, но крайней мѣрѣ не говорятъ съ такою подробностію, какъ Монзенскій біографъ или Симонъ Азаринъ; по видимому немногіе даже и производили подобные поиски. Опредѣляя поэтому участіе письменныхъ источниковъ въ литературѣ житій приблизительно, глазомъромъ, едвали ошибемся, скажемъ, что имъ должно отвести второстепенное мѣсто передъ изустными. Послѣ самовидцевъ и достовѣрныхъ сказателей всего чаще авторы житій ссылаются на старыя записки или свитки, о которыхъ не разъ была рѣчь выше. Бѣльшая часть ихъ погибла, вытѣсненная изъ письменнаго обращенія житіями. По уцѣлѣвшимъ запискамъ Иннокентія о Пафнутіѣ Боровскомъ, Германа о Филиппѣ Прапскомъ, неизвѣстныхъ авторовъ о Михаилѣ Клопскомъ, Евфросинѣ и Сикандрѣ-псковскихъ и Серапіонѣ Кожеозерскомъ, точно также по отзывамъ житій о

и въ которыхъ изъ пропавшихъ записокъ видно, что біографу иногда доставались обширныя и исполненныя любопытныхъ подробностей рассказы, не лишеныя и книжнаго искусства. Но едвали не чаще встрѣчался онъ съ «писаніями вкратцѣ». По образцамъ, какіе сохранились въ краткихъ запискахъ о Макаріѣ Калязинскомъ, Никодимѣ Кожеозерскомъ, Макаріѣ Высокоозерскомъ, можно видѣть, что эти писанія вкратцѣ были очень похожи на проложныя житія, передавая немногія наиболѣе крупныя біографическія черты въ простомъ рассказѣ. Сравненіе записокъ того и другаго рода съ правильными житіями, по нимъ составленными, позволяетъ заключить, что авторы послѣднихъ иногда сокращали первыя, чаще вставляли ихъ цѣликомъ въ свои труды среди извѣстій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ; позднѣйшій редакторъ житія Серапіона Кожеозерскаго почелъ достаточнымъ просто переписать повѣсть стараго біографа, прибавивъ къ ней по мѣстамъ въ скобкахъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Вообще авторство и простое переписываніе въ древнерусской литературѣ житій жили не дальше другъ отъ друга, чѣмъ живутъ теперь въ русской учено-исторической литературѣ; древнерусскій писатель житія по крайней мѣрѣ давалъ обыкновенно свое освѣщеніе наивному разсказу старей записки и допускалъ извѣстную разборчивость въ матеріалѣ, отличая важное отъ второстепеннаго и опуская или перерабатывая ту или другую черту источника сообразно съ своею основною мыслью и съ требованіями агіобіографіи. Чтобы поставить свой рассказъ въ связь съ общими историческими событіями, въ которыхъ принималъ участіе описываемый святой, біографы обращались иногда къ общей лѣтописи. Но любопытнѣе было бы разъяснить существованіе и характеръ частныхъ, собственно монастырскихъ лѣтописей и опредѣлять ихъ отношеніе къ житіямъ. Возможность такой лѣтописи, какъ отдѣльнаго, исключительнаго явленія, доказывается трудомъ Паисія Яро-

славова; по исключительныя обстоятельства, вызвавшія это произведеніе, возбуждаютъ вопросъ, насколько можно обобщать такое явленіе. Обитель на Каменномъ островѣ—старинный княжескій монастырь, не имѣвший прославленнаго церковію основателя. Послѣ монастырскаго пожара 1476 г. Паисій собралъ и изложилъ въ лѣтописной формѣ нѣкоторыя черты изъ исторіи монастыря; но онъ не былъ очевидцемъ и даже современникомъ бѣльшей части разсказываемыхъ имъ событій и записалъ ихъ какъ любознательный книжникъ, желавшій сберечь, что нашель о мѣстѣ своего постриженія во «многихъ старыхъ книгахъ». Такая желѣтописная форма дана была первоначальной, составленной въ первой половинѣ XVI вѣка, краткой редакціи сказанія о Тихвинскомъ монастырѣ, въ которой записаны извѣстія о чудотворной иконѣ 1383, 1393, 1395 и 1507 годовъ ¹⁾). По такимъ образчикамъ нельзя судить, насколько былъ распространенъ между первыми братствами, собиравшимися около основателей, обычай записывать современныя событія, касавшіяся ихъ новооснованныхъ обителей. Столь же мало объясняютъ дѣло немногія краткія редакціи житій, изложенныя въ лѣтописной формѣ на основаніи пространныхъ житій или другихъ источниковъ. Таково указанное выше повѣствованіе о Пафнутіѣ Боровскомъ; таковы два сказанія объ Іосифѣ Волоцкомъ и его монастырѣ: въ одномъ изложены выбранныя изъ Саввиной біографіи Іосифа главнѣйшія черты жизни святаго, другое есть сдѣланная по приказу царя Федора Ивановича «выпись о началѣ Іосифова монастыря, о преп. игуменѣ Іосифѣ, какъ пришелъ на мѣсто сіе и которые по немъ игумены были и сколько на игуменствѣ жили и гдѣ на властехъ были ²⁾). Отыски-

¹⁾ Волокол. сб. моск. дух. акад. половины XVI в. № 659, л. 425—428.

²⁾ Выше стр. 208. Сказанія объ Іосифѣ въ волокол. рукоп. моск. дух. акад. XVI в. № 577, л. 296, и № 564, л. 73 и 75.

вая слѣды монастырскихъ записей современнаго описываемымъ событіямъ происхожденія, можно остановиться на житіи Діонисія Глушицкаго, написанномъ Принархомъ: среди рассказовъ, неопредѣленностью чертъ указывающихъ на изустные источники, здѣсь встрѣчаемъ рядъ извѣстій, сохраненныхъ біографомъ въ той первоначальной несвойственной житіямъ формѣ, какую имѣли они въ погодной монастырской записи; Принархъ называлъ и имена этихъ лѣтописцевъ. Признаки того же происхожденія носятъ на себѣ нѣкоторые рассказы въ древнѣйшей редакціи житія Михаила Клопскаго; объ одномъ пророчествѣ блаженнаго прямо замѣчено, что монахи записали тотъ день, когда оно было сказано. Ратманъ сольвычегодскаго магистрата Алексѣй Соскинъ, составляя въ 1789 г. исторію своего города, нашелъ старинную лѣтописную записку объ основателѣ монастыря на Соигѣ Симонѣ, имѣвшую повидимому близкое ко времени жизни пустышника происхожденіе ¹⁾). Въ рукописяхъ монастырскихъ библиотекъ встрѣчаются отрывочныя, разсѣянныя писцами или читателями, лѣтописныя замѣтки, касающіяся исторіи монастыря ²⁾). Сохранилось извѣстіе о «лѣтописаніи», которое велъ

¹⁾ Рукоп. гр. А. С. Уварова № 441, л. 172. Записка начеч. въ Ист. росс. іер. VI, 170: только приходъ Симона на Соигу у Сосиппа помѣченъ 7046, а не 7047 г.

²⁾ Для примѣра дѣлаемъ выдержку изъ „лѣтописца“, веденнаго игуменомъ Исаевова монастыря Евиміемъ Турковымъ (волокол. рукоп. москов. дух. влад. № 412, л. 116 и 119): „Въ лѣто 7090, ноября въ 19, преставися благовѣрный христолюбивый государь нашъ царевичъ Иванъ Ивановичъ всеа Русіи, сынъ благочестиваго и богомудраго цари и государя вел. кн. Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, а далѣ по немъ государь нашъ, отецъ его, въ домъ Пречистыя злата и сребра и бисера много множество.— Въ лѣто 7071 преставися старецъ мой Θεодосій, архіепископъ бывшій В-Новограда и Пскова, феврала 26, господинъ великій. Охъ, охъ! — Лѣта 7077 преставися старецъ Θεодосіе Плещеевъ, ученикъ архіепископа Θεодосіа, ноября 24. Смерть, смерти! — Лѣта 7086 преставися старецъ Θεодосіе Нямской, братъ старецъ Мартиѣ (матери Евиміа) юлія 2.—Престависи отецъ

въ послѣдніе годы своей жизни игумень псковскаго Печерскаго монастыря Коршилій, заноса въ него современныя событія, касавшіяся этой обители. Трудно найти другія болѣе ясныя указанія на монастырскія лѣтописи, которыя могли служить источникомъ для житій. Слѣды ихъ, указанные выше, првводятъ повидимому только къ мысли, что между братствами пустынныхъ и городскихъ монастырей очень мало былъ распространенъ обычай записывать, что совершалось среди нихъ и вокругъ, и біографъ очень рѣдко могъ пользоваться такимъ источникомъ; лѣтописную форму въ большинствѣ извѣстныхъ случаевъ принимали сказанія, составленныя гораздо позднѣе описываемыхъ событій и иногда на основаніи уже готоваго житія. Была практическая потребность въ одной записи, требовавшей показанія современника и самовидца, и можно предположить, что всего чаще лишь такую запись находилъ поздній жизнеописатель, если не было старыхъ біографическихъ записокъ: для совершенія ежегодной памяти по святомъ нужно было записать время его кончины, а для образа—нѣкоторыя черты его наружности. Такое предположеніе подтверждается большимъ количествомъ житій, повидимому составленныхъ исключительно по изустнымъ источникамъ даже не первой руки и однакожь умѣющихъ обозначить если не годъ,

игумену Иванъ Ивановъ сынъ въ л. 7033, ноября 14, а Иванъ Турковъ лѣтъ, въ иноцѣхъ Іевъ, 7024 лѣтъ, марта 17, а Иванъ Жуконъ 7057, а подружіе его Анна въ лѣто 7077.— Пострижеса многогрѣшный Евламей лѣта 7059, юля иъ 5 день, при игуменѣ Гурьѣ, Нѣиковыхъ князей послужильцѣ (первоиъ архіеи. казанскоиъ)⁴. — На послѣднихъ листахъ исалтври Тр. Серг. завры XVI в. № 327 приисаво. „Того же (7055) лѣта далъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ чудотверцу Сергію 3000 рублевъ. Того же лѣта купиша монастыремъ село Бужевино съ деревнями, даи на немъ 1000 рублевъ. Того же лѣта далъ кн. вел. Иванъ Васильевичъ къ Благовѣщенію на Квржачъ 12 деревень волостныхъ въ вотчину, да въ Цяннемъ Новѣгородѣ далъ Живоначалной Троицѣ и чудотворцу Сергію 7 деревень въ Стрѣлицѣ“.

то число мѣсяца, когда преставился святой, и описать именно тѣ черты его наружности, которыя нужны для иконописца.

Житіе не оканчивалось кончиной святаго и для изображенія посмертнаго продолженія его дѣятельности біографъ гораздо чаще находилъ въ монастырѣ обильныя записки, похожія на лѣтопись. Посмертныя чудеса основателя были явленіями въ монастырской жизни, которыми болѣе всего дорожила братія. Указанія на монастырскую книгу чудесъ встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ благодаря небрежности или малограмотности монаховъ не сохранялось никакихъ записокъ объ основаніи и первоначальной судьбѣ монастыря. Пространное, правильно составленное житіе безъ посмертныхъ чудесъ — чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Напротивъ иногда повѣсть о жизни святаго по объему и содержанию является не болѣе какъ бѣглымъ предисловіемъ къ гораздо болѣе обширному и тщательнѣе составленному описанію чудесъ. Біографическій рассказъ въ житіяхъ вообще отличается недостаткомъ хронологическихъ и другихъ указаній, необходимыхъ для полнаго воспроизведенія обстановки событія. Напротивъ изложеніе чудесъ рѣдко лишено такихъ подробностей: имя, возрастъ и общественное положеніе исцѣленнаго, мѣсто его жительства и разстояніе отъ обители, годъ, число мѣсяца и обстоятельства, при которыхъ совершилось чудо, — все это біографъ обыкновенно обозначалъ съ точностію, показывающею, что онъ пользовался записью, составленною тотчасъ послѣ событія, по горячимъ слѣдамъ. Эти особенности сообщаютъ описанію чудесъ живость и свѣжесть, которой оно рѣзко отличается отъ утомительнаго, однообразнаго біографическаго рассказа житій; ими же объясняется особенная любовь, съ которой изслѣдователи литературы относятся къ чудесамъ. Есть и прямыя указанія на приходскія или монастырскія лѣтописи чудесъ и на процессъ ихъ составленія. При церкви въ Яренгѣ, селѣ на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, со времени яв-

дѣнія мощей Іоанна и Логгина около половины XVI в., велись тетради, въ которыхъ служившіе при этой церкви соловецкіе монахи преемственно записывали чудеса угодниковъ. Въ монастырѣ Тихона Луховскаго съ открытія мощей пустышника въ 1569 г. непрерывно записывали чудеса его до 1649 года, когда составлена указанная выше редакція житія его, и одно изъ этихъ чудесъ, случившееся въ 1583 году, самъ исцѣленный сынъ боярскій «въ памятныхъ книги подписа своею рукою». Въ поздней редакціи сказанія о Толгской чудотворной иконѣ находимъ замѣчаніе, что о чудесахъ ея пространно пишется въ той обители. Сольвычегодскій ратманъ и историографъ Алексѣй Соскинъ пишетъ, что въ Христофоровой пустыни на Малой Боряжемкѣ и у сольвычегодскихъ обывателей есть лѣтописи объ этой обители, въ которыхъ записаны чудеса, въ ней совершившіяся со времени ея основанія Христофоромъ въ половинѣ XVI вѣка; въ своемъ повѣствованіи Соскинъ приводитъ длинную выписку изъ этихъ лѣтописей ¹⁾. При возстановленіи обители Юсифа Заоникіевскаго въ началѣ XVIII в. поправили часовню надъ его гробомъ, который украсили пѣною, начали пѣть панихиды по пустышникѣ для приходящихъ богомольцевъ и поручили эконому записывать совершающіяся чудеса. Лѣтописаніе чудесъ не прекращалось съ появленіемъ житія, но примыкало къ нему, какъ его естественное продолженіе. Очень часто позднѣйшія прибавки не обозначались въ спискахъ житій никакой замѣтной чертой и отсюда происходитъ одно изъ главныхъ затрудненій для изслѣдователя при опредѣленіи времени, когда появилось житіе, если въ послѣднемъ нѣтъ прямыхъ указаній на это. Мы видѣли, что послѣ Досіоея къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ прибавлено было въ XVI и XVII в. нѣсколько новыхъ серій чудесъ. Послѣ Пахомія Логовета въ XVI в. описывались изъ

¹⁾ Солов. сб. № 871, л. 305. Ружоп. гр. А. С. Уварова № 441, л. 173.

выя, имъ опущенныя или послѣ него случившіяся чудеса Варлаама Хутыискаго, и нѣкоторыя изъ нихъ живо рисуютъ упадокъ дисциплины въ старыхъ богатыхъ монастыряхъ, обнаружившійся въ XVI вѣкѣ ¹⁾). Обыкновенно чудеса записывались со словъ тѣхъ, съ кѣмъ они совершились, съ соблюденіемъ отбѣнговъ изустнаго разсказа, и въ такомъ видѣ переносились біографомъ изъ старыхъ записей въ житіе. Есть много указаний на то, что люди, умѣвшіе писать, сами записывали случившіяся съ ними чудеса и присылали записки въ монастырь или приходили туда и собственноручно вносили ихъ въ монастырскую памятную книгу. Между чудесами Антонія Сійскаго XVII в. помѣщена записка игумена Строкиной пустыни Евѣмія: живя въ Сійскомъ монастырѣ, онъ заболѣлъ глазами и исцѣлившись, переселился въ Строкину пустынь въ 1662 году, гдѣ началъ было писать о своемъ исцѣленіи, но остановился, подумавъ, «яко просто прилучися таковая вещь, безъ причѣщенія, и не поймутъ ми вѣры»; возобновленіе болѣзни и вторичное исцѣленіе заставили его продолжать писаніе, которое потомъ было внесено въ повѣсть о чудесахъ Антонія. Въ 1683 г. одинъ дворянинъ самъ описалъ совершенное молитвой къ Никандру псковскому исцѣленіе своей дочери и это писаніе послалъ въ Никандровъ монастырь со многою милостыней хлѣбной и денежной: «мы же, прибавляетъ монастырскій редакторъ отъ лица братія, пріемше сіе писаніе, прочтохомъ е предъ всѣми и повелѣхомъ сія вписати въ книгу житія и чудесъ преподобнаго». Вскорѣ послѣ кончины московскаго юродиваго Іоанна инокъ Трифонъ изъ Орѣшка прислалъ протопопу Покровскаго собора, гдѣ погребенъ былъ блаженный, письмо съ описаніемъ соверпившагося тамъ чуда и это письмо внесено было въ записную книгу чудесъ

¹⁾ Увд. № 292, л. 42—88: 21 чудо Варлаама первой половины XVI в. Тр. Серг. Л. № 792, л. 161—217: 22 чуда егоже съ 1440 до 1572 года, когда они были описаны.

Іоанна, находившуюся въ томъ соборѣ. Случалось, что вдали отъ монастыря составлялись, и оставаясь ему неизвѣстными, долго ходили по рукамъ обширныя сказанія о чудесахъ его основателя; впоследствии и они пріобщались къ монастырскимъ запискамъ. Такимъ порядкомъ записыванія чудесъ объясняется большее разнообразіе ихъ литературнаго изложенія въ житіяхъ сравнительно съ біографическимъ рассказомъ; по этотъ же порядокъ дѣлалъ ихъ сказателей трудно уловимыми для какого-нибудь высшаго церковнаго надзора. Если чудо совершалось внѣ монастыря, считали достаточнымъ придти ко гробу святаго отслужить молебенъ и потомъ повѣдать игумену съ братіей (бывшемъ исцѣленіи или видѣніи): игумень повелитъ монастырскому лѣтописцу предать чудо писанію и лѣтописецъ только прибавитъ въ концѣ рассказа: «мы же, сія слышавше, прославихомъ Бога и писанію предахомъ, да не будутъ чудеса, дѣмаея преподобнымъ, въ тимѣніи многолѣтнаго забвенія покровены». Въ 1652 г. «прохожій человекъ», отецъ котораго съ семьей оставовился въ Вологдѣ на пути изъ Москвы въ Каргополь, послѣ вечерни въ трапезѣ разсказалъ братіи Галактіонова монастыря, какъ брату его, страдавшему огненной болѣзнью, на дняхъ явился во снѣ Галактіонъ и исцѣлилъ его отъ недуга; чрезъ нѣсколько дней разсказчикъ привелъ въ обитель своего брата для подтвержденія разсказа; мыже, иноцы, живущіи въ Галактіоновѣ пустыни, сія отъ того Стефана и брата его Іова видѣвше и слышавше, написахомъ вкратцѣ на пользу слышащимъ». Выше мы замѣтили, что чудеса были естественнымъ выраженіемъ вѣры къ свитому, распространявшейся въ окрестномъ населеніи; этимъ объясняется взглядъ послѣдняго на оглашеніе чудесъ какъ на нравственную обязанность къ чудотворцу. Этотъ взглядъ раздѣляли и книжные люди, записывавшіе чудеса: по мнѣнію жизнеописателя Александра Ошевенскаго, скрыть чудо — дѣло невѣжества и неразумія, за которое должно будетъ дать

отвѣтъ Богу. Испытавъ чудо надъ собой или увидѣвъ его надъ близкимъ человѣкомъ, крестьянинъ считалъ долгомъ сходить въ монастырь, чтобы тамъ попросить братію предать его писанію. Когда біографъ Монзенскихъ чудотворцевъ оканчивалъ свой трудъ, пришла въ монастырь крестьянка и спрашивала, кто пишетъ чудеса Терапонта, чтобы рассказать ему исцѣленіе своего сына. Монастырь не углублялся въ анализъ явленій, доходившихъ до него изъ нравственной жизни окрестнаго населенія, но старался быть ея вождемъ и указателемъ: значительная, если не болѣшая часть чудесъ въ каждомъ житіи выходила изъ среды самой братіи. Встрѣчаемъ извѣстія, что новыя чудеса торжественно читались въ церкви передъ всѣмъ народомъ; но это дѣлалось не съ цѣлю повѣрить точность прочитаннаго разсказа. Въ монастырской братіи и среди мірскаго общества относились неблагоклонно къ мысли о такой повѣркѣ даже и тогда, когда она выходила не изъ личнаго сомнѣнія, а изъ церковныхъ требованій и производилась церковнымъ порядкомъ. Въ литературѣ житій до XVII в. есть любопытныя указанія на эту целюбовь къ повѣркѣ: легенда и біографъ бичуютъ не только мірянь за простое любопытство, съ какимъ заглядывали въ гробъ чудотворца, но и представителей іерархіи, являвшихся съ официальнымъ порученіемъ осмотрѣть мощи и повѣрить чудеса, если они съ излишнимъ усердіемъ относились къ своей задачѣ. Лѣтъ черезъ 10 по открытіи мощей вн. ярославскаго Феодора и его сыновей біографъ разсказывалъ о наказаніи, постигшемъ мѣстнаго архіерея и церковнаго слѣдователя за недовѣрчивость. Архіепископъ Трифонъ послалъ протопопа, мужа рѣчистаго, грамотѣ гораздаго и гордаго, дозрѣть мощей чудотворцевыхъ, рассмотреть, «исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ». Протопопъ не вѣрялъ этимъ чудесамъ, подозревая, не игуменъ ли Спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой «на прельщеніе человѣкомъ», чтобы приобрѣсти богатство, «еже прино-

шаху граждане на молебны, къ рацѣ ихъ приходяще». Когда онъ съ такими мыслями приступилъ къ осмотру мошей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю, у него отнялись языкъ, руки и ноги и онъ лежалъ въ разслабленіи, каясь въ своемъ оканствѣ. Лѣтопись говоритъ, что Трифонъ отписался отъ своей епископѣи, «бѣ бо боленъ велми», и удалился въ Спасскій монастырь. Ярославскій біографъ указываетъ причину болѣзни: услышавъ о бѣдѣ съ протопопомъ, владыка, раздѣлявшій его невѣріе и подозрѣніе въ волшебствѣ, содрогнулся и былъ пораженъ разслабленіемъ, удалился на покой въ монастырь къ мощамъ ярославскихъ чудотворцевъ и прожилъ тамъ до смерти, «плачяся грѣховъ своихъ». Біографъ Даніила переяславскаго рассказываетъ, что когда митрополитъ и посланные имъ духовные слѣдователи потребовали у Даніила слишкомъ строгаго отчета, на какомъ основаніи онъ искалъ и открылъ мощи кн. Андрея смоленскаго, «егоже никтоже помняше», старецъ предсказалъ всѣмъ имъ различныя несчастія, вскорѣ исполнившіяся. Не лишено интереса, какъ выразилось въ этомъ дѣлѣ броженіе, произведенное въ Новгородѣ ученіемъ Косаго. Зиновій Отенскій въ словѣ объ открытіи мощей епископа Никиты рассказываетъ, кто памѣстникъ, стоя у гроба, усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились въ продолженіе 450 лѣтъ; но когда архіепископъ снялъ передъ нимъ покровъ съ мощей, епархъ «зазрѣ своему невѣрованію». Тогда же явились къ архіепископу «попы града», чтобы выразить свое сомнѣніе о повоявленныхъ мощахъ. Владыка, «невѣріе ихъ потязая», подвергнулъ ихъ церковному наказанію, «седмицу едину внимати себѣ повелѣвъ», и когда потомъ открылъ имъ гробъ Никиты, «общемою волею попы съ народы просили у владыки разрѣшеніа ежегодно приходить ко гробу Никиты всѣмъ городомъ для молебнаго пѣнія. Тотъ же Зиновій въ словѣ объ открытіи мощей архіепископа Іоны съ горечью вспоминаетъ о похулвшемъ ихъ архимандритѣ Иларіонѣ, го

вора, что онъ былъ другъ и «станиникъ» известнаго покровителя еретиковъ Кассіана, епископа рязанскаго, и его присутствіе при торжествѣ помѣшало нѣкоторымъ въ храмѣ почувствовать благоуханіе отъ мощей. Въ XVII в. повидимому стали внимательнѣе относиться къ открытію мощей и строже повѣрять записи исцѣленій, чтобы устранить «затѣйныя чудеса», какъ выразился Симонъ Азаринъ. Во второй половинѣ этого вѣка осудили какъ лживыя писанія повѣсть о Евфросинѣ псковскомъ, къ которой отнеслись съ полнымъ довѣріемъ на Стоглавомъ соборѣ, и житіе Анны кашпикской съ чудесами, которое ни по литературному характеру ни по свойству источниковъ не отличается отъ многихъ житій, прежде написанныхъ и не подвергнувшихся такому осужденію. Біографы начинаютъ высказывать мысль, что нельзя записывать и распространять чудеса, которыя не были надлежащимъ образомъ провѣрены и засвидѣтельствованы: жизнеописатель Іуліанія Лазаревской, упомянувъ о многихъ исцѣленіяхъ по открытіи мощей ея, прибавляетъ: «мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство». Въ бѣльшей части житій не находимъ слѣдовъ церковной оффиціальной повѣрки записанныхъ въ нихъ чудесъ; нѣкоторыя повидимому безъ нея составлялись и распространялись между читателями. Канонизаціи 1549 г. предшествовали «обыски о новыхъ чудотворцахъ», производившіеся епархіальными архіереями, которые, собирая житія, каноны и чудеса мѣстныхъ чудотворцевъ, руководствовались при этомъ показаніями мѣстныхъ жителей всякаго званія. Описанія этихъ обысковъ не сохранились, но о нихъ можно судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ обыскнымъ актамъ XVI и XVII в. Въ послѣднихъ есть черты, любопытныя для характеристики источниковъ, которыми пользовались біографы при описаніи чудесъ. Чудеса были необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія святаго. Въ древней Руси извѣстно было правило, которое требовало для

церковнаго признанія открывшихся мошей, «да сотворять три чудеса: глухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ; и аще сотворять чудеса, то отъ Бога и отъ св. апостолъ; аще ли не сотворять тѣхъ чудесъ, то не пріимите ихъ».

Въ 1634 г. по мысли мѣстнаго архіепископа открыли гробъ кн. Михаила Ярославича тверскаго, не вынимая его изъ земли; чрезъ нѣсколько дней, какъ только копавшій могилу древодѣлецъ разсказалъ о совершившемся исцѣленіи его руки, архіепископъ съ соборомъ духовенства и дѣтьми боярскими святительскаго двора поднялъ гробъ изъ земли и поставилъ на приготовленномъ мѣстѣ въ храмѣ; потомъ начали приходить къ гробу больные и пѣть молебны. Это правило дѣлало необходимымъ официальное церковное слѣдствіе для повѣрки чудесъ на мѣстѣ, если мощи открывались вдали отъ высшей церковной власти и не по ея почину. Порядокъ этого церковнаго процесса описанъ въ грамотѣ холмогорскаго архіепископа Аванасія, посланной въ Соловецкій монастырь въ 1690 году¹⁾. Отвѣчая согласіемъ на просьбу братіи праздновать въ монастырѣ память преп. Германа, онъ прибавляетъ, что этого нельзя сдѣлать безъ воли великихъ государей съ патріархомъ и безъ свидѣтельства, «не яко уничижая его (Германа) преподобство, но храня цѣлость святыя церкви догматовъ, яко издревле во св. православной вѣрѣ нашей обыкоша о св. Божіихъ угодникахъ предлагатися прежде о житіи и чудесѣхъ ихъ свидѣтельства достовѣрныя, по свидѣтельству же со благоволенія общаго православныхъ монарховъ и архипастырскаго составляются имъ службы и капоны и тако устрояются праздновать, безъ свидѣтельства же и безъ благословенія государскаго и святѣйшаго патріарха никакоже сіе состоятися и прочно быть можетъ». Выраженныя Аванасіемъ правила подтверждаются въ главныхъ чертахъ цер-

¹⁾ Сб. солов. библ. № 182, л. 14.

ковнымъ процессомъ объ Іаковѣ Боровицкомъ, производившимся въ 1544 году. Уже тогда ничего не знали о жизни Іакова и житіе его не было написано. Но сохранились акты, относящіеся къ процессу; не имѣя литературнаго значенія, они послужили потомъ матеріаломъ для столькоже витіеватаго, сколько скуднаго фактическимъ содержаніемъ слова о явленіи мошей Іакова ¹⁾. По челобитью Боровицкихъ обывателей, духовенства и мірянъ, новгородскій архіепископъ Θεодосій послалъ въ Боровичи соборнаго софійскаго священника съ діакономъ «смотри ти мошей Іаковлихъ», давно лежавшихъ тамъ у часовни, «и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники». Освидѣтельствовавъ мощи Іакова, посланные опрашивали про житіе его мѣстныхъ священниковъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ, «сколь онъ давно тутъ лежитъ и есть ли на него тутъ памятухи и знахари». Ничего не узнавъ объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершившихся у гроба Іакова исцѣленіяхъ и составили имъ опись, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мошей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ «обыскъ», архіепископъ послалъ его къ митрополиту и по грамотѣ послѣдняго нарядилъ новую комиссію для торжественнаго перенесенія мошей отъ часовни къ новой церкви, прибавивъ въ своемъ посланіи къ Боровичанамъ: «и на перенесенье бы естя честныхъ мошей вы, дѣти боярскія и старосты и рядовичи и вси православные крестьяне шли съ женами и съ дѣтьми своими, и рацѣ бы естя св. мощи предали честно и благоговѣйно со свѣщами и милостынями, елико ваша сила». Съ тѣхъ поръ въ Боро-

¹⁾ Акты см. въ сб. Тр. Серг. лавры № 654, л. 74 и синод. № 234. Слово о явленіи мошей выѣстъ съ повѣстью патр. Никона объ Иверскомъ монастырѣ напечатано было въ книгѣ „Рай мысленный“, изданной въ типографіи этого монастыря въ 1659 г.

вичахъ ежегодно праздновали день перенесенія и начали записывать дальнѣйшія чудеса; по свидѣтельству Еп. Славинецкаго, запись прекратилась на 616-мъ чудѣ: это— сухой перечень исцѣленій, вѣрный образчикъ старыхъ монастырскихъ лѣтописей чудесъ, едвали даже заслуживающій названія литературнаго памятника. Новыя черты разсматриваемаго церковнаго процесса открываются въ дѣлѣ о Яренгскихъ чудотворцахъ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о нихъ патріарху въ 1624 г. изъ Яренги подана была «чудесемъ роспись». По указу патріарха митрополитъ новгородскій поручилъ своему сыну боярскому вмѣстѣ съ игуменомъ Никольскаго Корельскаго монастыря повѣрить эту роспись на мѣстѣ, «окольными монастыри и государевыми черными и монастырскими волостями и всякими людьми сыскати всякими сыски накрѣпко», какъ явились чудотворцы въ Яренгѣ и какія совершили здѣсь чудеса. Исцѣленныхъ ставили передъ комиссіей, которая спрашивала каждаго изъ нихъ накрѣпко объ обстоятельствахъ исцѣленія. Данную или «сказку» сыскивали или повѣряли ихъ родомъ и племенемъ, а показанія родимцевъ— «окольными тутошними всякими людьми». Для этого комиссія, побывавъ въ Яренгѣ, объѣхала и всѣ окрестныя волости ближнія и дальнія, «для разсылки и письма имея съ собою изъ волости въ волость поповъ и дьяконовъ и земскихъ церковныхъ дьячковъ». Церковное порученіе, возлагаемое на игумена и боярскаго сына, митрополитъ называетъ «государевымъ дѣломъ», и по обстановкѣ его трудно отличить объ обыкновенныхъ дѣлѣ тогдашняго гражданскаго управленія. Показанія, снятыя съ мѣстныхъ жителей и скрѣпленныя руками отцовъ ихъ духовныхъ, комиссія отправила въ Новгородъ въ дворецкій приказъ митрополита. Въ позднѣйшихъ описаніяхъ чудесъ подпись духовнаго отца является однимъ изъ главныхъ доказательствъ дѣйствительности чуда. Такъ въ житіи Корнилія переласвакаго исцѣленные подають братіи монастыря «подлинныя извѣстія», иногда

собственноручно ими написанныя и сфрѣпленные отцами духовными. Открывъ мощи Симеона въ Меркушинѣ, тобольскій митрополитъ Игнатій указалъ всѣмъ сообщать о чудесахъ его священикамъ Меркушина, которымъ поручилъ записывать эти рассказы; обыватель Верхотурья, повѣдавшій меркушинскому іерею о совершившемся съ нимъ чудѣ, посланъ былъ воеводой въ Тобольскъ къ митрополиту съ «письмомъ» объ этомъ чудѣ.

Разсматривая различныя условія, дѣйствовавшія на литературу житій, мы приводили разсѣяныя въ ней указанія съ подробностію, можетъ быть, превышающей задачи изслѣдованія. Съ помощію этихъ разсмотрѣнныхъ условій попытаемся отдать себѣ окончательный отчетъ въ литературномъ и историческомъ содержаніи житія. Мы видѣли, какъ измѣнилась его литературная форма; но съ житіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова считали неразлучной ту искусственную форму, которая установилась и господствовала въ древнерусской литературѣ съ XV вѣка: какъ проложныя краткія памяти, такъ и простыя безыскусственныя записки разсматривались только какъ матеріалъ для правильныхъ житій или являлись вслѣдствіе позднѣйшей переработки послѣднихъ вызванной особенными обстоятельствами. Внѣшнія черты этой искусственности вышли изъ взгляда на житіе, какъ на церковное поученіе: онѣ состояли въ тѣхъ общихъ мѣстахъ, которыя въ видѣ предисловія и похвалы начинали или заканчивали собою біографическій рассказъ или въ видѣ ораторскихъ отступленій переплетали этотъ рассказъ нравственно-назидательными толкованіями излагаемыхъ событій. Нѣтъ нужды останавливаться на происхожденіи и свойствахъ какъ этого взгляда на житіе, такъ и этихъ общихъ мѣстъ: выше было указано, что литературной колыбелью житія была церковная пѣснь, а публикой — общество, которому былъ чуждъ простой историческій интересъ. Эти общія мѣста древнерусская агіобіографія усвоила по чужимъ образцамъ.

Но безъ преувеличенія можно сказать, что въ этомъ отношеніи русскіе ученики пошли гораздо дальше учителей. Въ переводныхъ греческихъ житіяхъ, обращавшихся въ нашей древней письменности, не найдемъ, говоря выраженіемъ Епифанія Премудраго, такого «плетенія словесъ», какимъ старался украсить свой трудъ древнерусскій біографъ. Разсказъ Кипріяна и Пахомія Логовета кажется сухимъ и скатымъ сравнительно съ изложеніемъ ихъ русскихъ подражателей XV—XVI в. Въ Макарьевское время нашли Пахоміеву біографію Никона Радонежскаго неудовлетворительной именно въ литературномъ отношеніи и передѣляли въ болѣе украшенномъ стилѣ. Въ житіяхъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на строгость, съ какою біографъ смотрѣлъ на свою задачу, но только съ литературной стороны. Ему было недостаточно одного умѣнья писать книжнымъ языкомъ: изложивъ свою повѣсть по-церковнославянски, но безъ риторическаго добрословія, онъ подобно Досіею Соловецкому или Герману Столбенскому цѣлые годы продержитъ ее въ своей келліи, боясь явиться передъ читателемъ въ неустроенномъ видѣ, пока не найдетъ опытнаго мастера, который пожроетъ его разсказъ блескомъ широкихъ словесъ. «Какъ везти къ архіепископу, пишетъ Досіею о своемъ трудѣ, стыжуся, понеже истину написахъ, но удобрити якоже бы сложно недоумѣхся». Слагатель самыхъ витеватыхъ житій всего усердиѣ проситъ у читателя снисхожденія къ простотѣ своего пера, «понеже извитія словесемъ не вѣмъ, ни рѣшенія притчамъ навыхохъ, ни у философвъ учихся, грамотикѣи же и риторикѣи никогдаже прочитахъ». Любопытно, что въ древнерусской литературѣ житій первый голосъ, хотя раздавшійся въ пустынѣ, противъ философскаго извитія, наполняющаго «воздухъ словесы», поднялъ пріѣзжіи литературный мастеръ: въ предисловіи къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ Максимъ Грекъ одобряетъ Досіею именно за простоту изложенія, которой тотъ стыдился,

и противопологая ее суетной философской рѣчи, прибавляетъ: «наши же христіанскія похвалы, Богу приносимыя и святымъ Его, аще и проста бывають неухищренными глаголы, но благодарна и нескрыта и явствена всѣмъ на пользу слышащимъ». Зато недостатокъ біографическихъ свѣдѣній, при увѣренности въ литературномъ искусствѣ, никогда не оставаивалъ древнерусскаго писателя; напротивъ Андрей Юрьевъ взялся за новую редакцію житія князя ярославскаго Θεодора, чтобы создать блестящій памятникъ витійства во вкусѣ времени, но не воспроизвести вполнѣ и тѣхъ извѣстій о князѣ, какія авторъ нашелъ въ старомъ краткомъ житіи его. — Общія мѣста житій не ограничиваются назидательными отступленіями: они открываются тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ могутъ показаться біографическіе факты. Типическій образъ святаго, какъ онъ рисуется въ житіяхъ, слишкомъ извѣстенъ, чтобы воспроизводить его здѣсь во всей полнотѣ. Въ немъ рядомъ съ чертами индивидуальными, имѣющими значеніе дѣйствительныхъ фактовъ, легко замѣтить черты общія, однообразно повторающіяся едва ли не въ каждомъ житіи. Эти послѣднія по характеру своему двоякаго рода. Однѣ настолько широки, что не характеризуютъ жизни одного лица и, разумѣясь сами собою, не даютъ ничего новаго для его біографіи. Рѣдкій біографъ не начиналъ своего разсказа извѣстіемъ, что святой родился отъ благочестивыхъ, христіанскихъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно возродился крещеніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, зналъ или не зналъ біографъ что-нибудь о родителяхъ святаго. Таковы же описанія юности святаго и его первыхъ опытовъ въ иночествѣ, очень пространно и очень однообразно излагаемыя въ житіяхъ: это отвѣченныя характеристики благо нравной юности и строгаго иночества вообще, а не черты изъ жизни Антонія Сійскаго или Арсенія Комельскаго; ихъ содержаніе есть лишь развитіе заглавія біографіи, ибо безъ этихъ чертъ

описываемая жизнь не могла бы стать предметом житія. Другія черты, не столь широкія по объему, имѣють условное значеніе: это біографическія гипотезы, необходимыя для полноты картины. Къ числу обычныхъ чертъ такого рода относятся извѣстія, что святой, родившійся въ глуши древперусской деревни, именно на седьмомъ году выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христова, и біографъ заносилъ это въ разсказъ, хотя бы ничего не зналъ о дѣтствѣ святаго. Черты того и другаго рода проходятъ по всему житію и ихъ такъ много у біографа, что онъ могъ изъ нихъ однихъ составить довольно стройный біографическій очеркъ. Любопытна въ этомъ отношеніи попытка, на которую отваживается авторъ упомянутаго выше слова о явленіи мощей Іакова Боровицкаго: не зная рѣшительно ни одного живаго факта изъ жизни Іакова, онъ направляетъ ладью малохудожнаго своего слова по глубокому морю достохвальныхъ исправленій святаго и на многихъ страницахъ «воспоминаетъ по-возможному досточестно» его подвиги. — Есть наконецъ третій элементъ, входящій въ характеристику искусственнаго стиля житій: это извѣстный выборъ біографическаго содержанія. Какъ бы ни было житіе богато живыми подробностями, оно не удовлетворитъ историка. Біографъ освѣщаль описываемую жизнь только съ нѣкоторыхъ и во всѣхъ житіяхъ все съ однихъ и тѣхъ же сторонъ, оставляя въ тѣни другія, для изслѣдователя самыя важныя. Отсюда происходитъ однообразіе впечатлѣнія, выносиваго изъ чтенія житій, различныхъ по литературной обработкѣ и по качеству біографическаго матеріала. Этимъ же объясняется въ нихъ недостатокъ внутренней стройности, плохо закрываемый архитектурной правильностью ихъ внѣшней формы. Говоря вообще, житіе есть лишь рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, изображающихъ торжественныя минуты въ

жизни святаго; будничные промежутки между ними оно обходило или вскользь бросало на них блѣдный свѣтъ. Таковъ былъ-разсчитанный планъ, отличавшій житіе отъ повѣствованія другаго рода: едва разговорившись о простыхъ житейскихъ подробностяхъ жизни Корнилія Комельскаго, біографъ его спѣшить остановиться, замѣчая: «сказанія бо (изустнаго разсказа) дѣло сіе, а не житія повѣсть».

Таковы главные приемы искусственной агіобіографіи. Наша задача не ставитъ изслѣдователя въ необходимость разсмотрѣть эти тѣ пути, которыми эти приемы проникали въ нашу старинную письменность, ни всѣ подробности ихъ развитія у нашихъ древнихъ книжниковъ. То и другое входитъ въ кругъ специальныхъ вопросовъ литературной исторіи житія. Для насъ важнѣе опредѣлить значеніе этихъ приемовъ для древнерусскаго біографѣа, чтобы видѣть, какъ перо его обрабатывало описываемыя явленія. Простаго анализа искусственнаго стиля житій достаточно, чтобы замѣтить, что житіе и историческое повѣствованіе различно относятся къ предмету и второе не можетъ брать явленія въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ первое. Надобно разобратъ взглядъ древняго біографа на историческія событія и на свою задачу, чтобы не спрашивать его о томъ, на что онъ отвѣчать не думалъ, и не смотрѣть на вещи его глазами, которыми мы смотрѣть не можемъ.

Всѣ условія, вліявшія на литературу житій, клали въ основу житія церковно-моралистической взглядъ на людей и ихъ дѣянія. Было бы однакожь большою ошибкой думать, что біографъ святаго сходится въ точкѣ зрѣнія съ историкомъ-моралистомъ, для котораго поучительны въ исторіи и уклоненія отъ нравственнаго идеала. Древнерусское міросозерцаніе, на которомъ стоялъ біографъ, не любило подниматься на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣлимъ это міросозерцаніе, сказавъ, что оно искало только непосредственнаго навиданія. Когда Епи-

фаній спрашивавъ у старцевъ разумныхъ, писать ли ему житіе Сергія, они очень наглядно выразили эту точку зрѣнія: «якоже нехъло и не подобаетъ житія нечестивыхъ пытати и писати, еице не подобаетъ житія святыхъ мужъ оставляти и не писати». Біографъ Варлаама Важскаго подробно указываетъ, чего именно искалъ древнерусскій читатель въ житіи: «святыхъ житія страхъ Божій вселяють въ душу, безстрашіе отгоняють, злыхъ престатіе, благихъ пріятіе вводятъ; тѣхъ бо житія зряще, въ чувство своихъ дѣлъ приходятъ, престатіе злыхъ помышляютъ; свѣтъ бо есть святыхъ житія и просвѣщеніе душамъ нашимъ». Задачей біографа передъ такими требованіями было извлечь изъ описываемой дѣятельности практическіе уроки жизни, представить въ біографическихъ чертахъ правственные парадигмы Мірѣ, изъ котораго онъ бралъ необходимые для такого обобщенія образы, не былъ родной ему по происхожденію: это было восточное пустынночество, идеальную догму котораго онъ находилъ въ твореніяхъ отцовъ церкви объ иночествѣ, а практическое осуществленіе—въ патерикахъ и житіяхъ древнихъ христіанскихъ пустынножковъ.

Понятно равнодушіе, съ какимъ біографъ относился къ біографическому факту въ его дѣйствительной просодѣ. Этотъ фактъ имѣлъ для него цѣну только той стороною, которая укладывалась въ описанныя выше нормы или общія мѣста житій. Въ житіяхъ и связанныхъ съ ними церковныхъ службахъ можно найти много убѣдительныхъ доказательствъ этого равнодушія. Жизнь Ефрема Перекомскаго изображена почти буквально словами житія Александра Свирскаго. На Прокопія, юродиваго устюжскаго, біографъ его перенесъ цѣликомъ рассказъ изъ житія Андрея, юродиваго цареградскаго. Въ службѣ Ефрему, Перекомскому повторены черты жизни, изложенныя въ службѣ Савѣ Вишерскому. Въ библиотекѣ Троицы Сергіевой лавры есть мартовская служебная миная конца XVI вѣка, сохранившая на

себѣ слѣды церковнаго употребленія. Незвѣстный составитель ся задумалъ написать службы и тѣмъ святымъ этого мѣсяца, которые не имѣли ихъ въ минсѣ, находившейся у него подѣ руками. Для этого онъ воспользовался готовыми службами той же мартовской мины и дословно или въ переработкѣ бралъ изъ однихъ стихиры, изъ другихъ каноны, иныя переписывалъ цѣликомъ на имя другаго святаго. Такъ случилось, что мирно скончавшійся въ Твери епископъ Арсеній въ канонѣ «мученическимъ увязеся вѣнцомъ», ибо этотъ канонъ выпиcанъ изъ службы исповѣданію Теофілакту. Въ другой рукописи той же бібліотеки сохранилась служба на обрѣтеніе мощей Филиппа Ирапскаго, воспѣвающая его даръ составлять церковныя пѣсни и творенія противъ ересей, — чорты, не имѣющія ничего общаго съ извѣстнымъ житіемъ русскаго пустытника Филиппа, уединявшагося на Ирапѣ ¹⁾). Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житій отвлеченность, которая дѣлала его неувидимымъ для простаго повѣствованія: дорожа лишь той стороной явленій, которая обращена къ идеалу, біографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ историческаго факта. Часто кажется, что въ разсказѣ житія таится мѣткое наблюденіе, живая черта дѣйствительности; но при анализѣ остается одно общее мѣсто. Между мелкими сочиненіями Максима Грека есть похвальное слово «нѣкоему пречудному древнему мученику, его же имя невѣдомо»: не указано, гдѣ, когда и кѣмъ совершень описанный въ немъ подвигъ цѣломудрія, и только въ концѣ замѣчено, что это сообщено Павломъ Фивейскимъ великому начальнику иноковъ Антонію: Это слово стоитъ на одинаковой точкѣ зрѣнія съ житіями.

¹⁾ Служ. мин. въ Тр. С. л. № 541. Служба Филиппу въ рукоп. той же библ. № 654, л. 45, передъ выписанной выше (стр. 274) легендой о Филиппѣ.

Эта точка зрѣнія опредѣлила и отношеніе біографа къ русской исторической дѣйствительности. Онъ искалъ въ послѣдней отраженіи другаго, хорошо знакомаго ему міра и цѣнилъ ее настолько, насколько она отражала этотъ міръ. Иногда онъ начиналъ житіе очеркомъ распространенія апостольской проповѣди, и въ словахъ его звучитъ чувство народной гордости, когда онъ передаетъ легенду о путешествіи на Русь апостола Андрея? Въ XIV и въ XVII в. онъ говоритъ о русскомъ общественномъ порядкѣ одинаковымъ языкомъ будто никакой перемѣны не произошло въ промежуткѣ. Зато онъ не былъ невнимателенъ къ судьбамъ церкви за предѣлами Руси и съ половины XV в. мысль его часто обращается къ непрерывающему умножаться сонму русскихъ пустынножителей, какъ къ живому доказательству, что Русская земля теперь прямая и единственная наследница древняго благочестія. Онъ любилъ повторять то мѣсто изъ Пахоміева предисловія къ житію Сергія, гдѣ книжный сербъ спрашиваетъ, откуда засвѣтился этотъ свѣтильникъ, не изъ Іерусалима ли или не съ Синая ли, и потомъ отвѣчаетъ: нѣтъ, изъ Русской земли, которая долго была омрачена кумиролуженіемъ и недавно сподобилась святаго проевѣщенія, но уже озарилась многими свѣтилами, «якоже той превзыти иже исперва просвѣщеніе пріемшихъ». Лѣсцая русская пустыня становилась продолженіемъ опустѣвшей Фивайды. Чѣмъ эта пустыня съ ея своеобразными условіями и обитателями отличалась отъ древней египетской, это не занимало русскаго инока-біографа. Онъ не скажетъ, хотя бы и зналъ, какъ и сколько деревьевъ и починковъ явилось въ лѣсу подъ руководствомъ проникшей туда братіи; но онъ подробно расскажетъ о борьбѣ основателя съ тѣми же бѣсовскими «страхованіями», какія древній отшельникъ встрѣчалъ въ восточной пустынѣ.

Безспорно, древнерусскій біографъ своимъ историческимъ взглядомъ смѣлѣе и шире лѣтописца обнималъ русскую жизнь.

Можно даже сказать, что древнерусская мысль не поднималась выше того исторического пониманія, какое усвоила и развила литература житій. Въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи нашего умственнаго развитія.

Указавъ, какое значеніе придавалъ біографъ историческому факту и какъ его обрабатывалъ, легко понять, что житіе и историческая біографія смотрятъ на лицо прямо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица насъ занимаетъ болѣе всего борьба вѣчно борющихся историческихкихъ стихій, личности и среды, ее окружающей; взаимное отношеніе той и другой стороны служить лучшей характеристикой обѣихъ. Степень нашего интереса къ жизни лица опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ развило оно среди этой борьбы свою внутреннюю силу и самобытность и насколько стало выше окружающихъ условій, общаго уровня. Совѣтъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходилъ святой, разсматривается въ немъ только какъ вѣщная помѣха, ничего не дающая лицу и настолько слабая, что святой прямо изъ колыбели становился выше ея и уже въ дѣтствѣ училъ родителей правильному пониманію задачи жизни. Между общими мѣстами житій часто встрѣчаемъ бесѣду отрока съ матерью, которой его воздержаніе въ пищѣ и молитвенное бдѣніе внушаютъ тревожныя опасенія за здоровье сына: я не слышалъ, — отвѣчаетъ онъ на ея упреки и увѣщанія, — я не слышалъ, чтобы родители желали зла своимъ дѣтямъ: обьяденіе и плотоугодіе не поставятъ насъ предъ Богомъ. Тѣ многообразныя сочетанія личныхъ и общественныхъ условій, которыя производятъ такое безконечное разнообразіе характеровъ и которыя привязываютъ вниманіе наблюдателя къ судьбамъ людей живущихъ и отжившихъ, не имѣли никакой цѣны въ глазахъ біографа; да едвали и жизнь, изъ которой онъ бралъ явленія, давала обильный матеріалъ для такого наблюденія. И здѣсь, какъ въ понятіяхъ біографа, высшей задачей нравственнаго

развитія для лица было отрѣшиться отъ «долу влекущихъ мудростей, паче же всего не имѣти своея воли». Для житія дорога не живая цѣльность характера съ его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит подъ извѣстную норму, отражаетъ на себѣ извѣстный идеалъ. Собственно говоря, оно изображаетъ не жизнь отдѣльнаго человѣка, а развиваетъ на судьбахъ его этотъ отвлеченный идеалъ. Вотъ почему всѣ лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются передъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвести портреты: тѣ и другія изображенія даютъ лишь «образы безъ лицъ». И въ древнѣйшихъ и въ позднѣйшихъ житіяхъ неизмѣнно повторяется одинъ и тотъ же строго опредѣленный агіобіографическій типъ; только въ послѣднихъ черты его иногда становятся живѣе, какъ въ рисунокъ царскаго мастера Симона Ушакова оживаетъ и становится выразительнѣе прежній иконописный типъ.

Ясно, въ чемъ повѣствователь уклонится отъ исторической дѣйствительности, если цѣликомъ воспроизведетъ фактическое содержаніе житія, даже отложивъ общія мѣста его. Впрочемъ остаются нѣкоторые просвѣты въ литературномъ покровѣ, который житіе клало на явленія дѣйствительности. Изъ условий, при которыхъ писались житія, видно, что самыми надежными и болѣе другихъ доступными основаніями для критической оцѣнки каждаго такого историческаго источника служить моментъ его написанія и отношеніе автора къ святому. Отъ того и другаго много зависѣла не только достовѣрность біографическаго разсказа, но и самый выборъ біографическихъ чертъ. Общія мѣста отчасти были неизбѣжны для біографа, не располагавшаго достаточнымъ запасомъ свѣдѣній о святомъ. Житія, написанныя по личнымъ воспоминаніямъ автора, значительно отступа-

ютъ отъ обычныхъ приемовъ агіобіографіи. Если они дають много мѣста реторикѣ и общимъ мѣстамъ, то не превращаютъ ихъ въ біографическія черты. Епифаній въ біографіи Стефана пермскаго, объясняя съ обычнымъ краснорѣчіемъ процессъ зарожденія и развитія въ юношѣ мысли о суетѣ земнаго и объ отреченіи отъ міра, вставляетъ въ свое размышленіе слова Евангелія о тѣхъ, кто во имя Христа оставляетъ родителей и сродниковъ. Продолжное сокращеніе Епифаніева труда, передавая это мѣсто подлинника, превращаетъ размышленіе біографа въ положительный фактъ: оно рассказываетъ, что Стефанъ рѣшился оставить міръ, услышавъ однажды въ церкви чтеніе указаннаго евангельскаго текста. Обзоръ источниковъ житій даетъ замѣтить, что біографъ очень рѣдко имѣлъ одинаково полныя и точныя свѣдѣнія обо всѣхъ періодахъ описываемой жизни. Въ житіяхъ основателей монастырей такіа свѣдѣнія ограничивались болѣею частью временемъ жизни святаго въ новомъ монастырѣ. Вотъ почему рассказъ о судьбѣ святаго до этого періода въ житіяхъ особенно обилецъ общими мѣстами и даетъ мало годнаго историческаго матеріала. Но и описаніе жизни основателя въ новой обители не свободно отъ общихъ мѣстъ. Анализъ взгляда біографа на историческія явленія и его отношенія къ факту указываетъ, гдѣ нужно искать и въ этомъ описаніи живыхъ слѣдовъ дѣйствительности. Обобщенію, превращенію въ типическія формулы житія подвергались такіа явленія русской жизни, которыя напоминали собой идеальныя образы восточныхъ житій. Напротивъ, гдѣ являлись условія мѣстной древнерусской дѣйствительности, мало похожей на древнехристіанскую восточную пустыню, тамъ біографъ чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи: онъ не находилъ для нихъ готовыхъ красокъ въ своихъ образцахъ и старался говорить о нихъ меньше или вводилъ ихъ въ свой рассказъ въ первобытной простотѣ. Съ той же стороны получаютъ значеніе цѣннаго историческаго

материала и чудеса. Выше объяснено, что изъ всѣхъ частей житія описаніе посмертныхъ чудесъ святаго наиболѣе надежно по своимъ источникамъ. Какъ повѣсть о ежедневныхъ явленіяхъ монастырской жизни, въ которыхъ обитель приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ обрестнымъ грѣшнымъ міромъ, это описаніе—незамѣнимый матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего на его изложеніи наименѣе замѣтна печать обычныхъ приемовъ житій, общихъ мѣстъ и условныхъ представлений: по литературной формѣ своей это болѣею частію близкое воспроизведешіе наивнаго разсказа самихъ исцѣленныхъ. Далѣе, здѣсь біографъ покидалъ свою обычную невнимательность къ обстановкѣ, мелкимъ подробностямъ событія и передавалъ обстоятельно разсказъ источника или свои собственные воспоминанія. Въ-третьихъ, описанія чудесъ—почти единственныя литературныя источники для исторіи монастырей по смерти ихъ основателей. Еще важнѣе то, что они болѣею частію единственныя записки о какомъ-нибудь темномъ уголкѣ Россіи, въ которыхъ мѣстное населеніе является съ своими нравственными и физическими недугами, иногда съ своими этнографическими и культурными особенностями. Наконецъ трудно указать другой отдѣлъ древнерусскихъ историческихъ памятниковъ, въ которомъ съ такою откровенностью и полнотою высказались бы потаенныя понятія какъ біографа, такъ и всего общества.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1.

Записка Иннокентія о послѣднихъ дняхъ учителя его
Пафнут'я Борсвскаго (къ стр. 205).

О Господи, спаси же! О Господи, поспѣши же!

Владыко мой Господи Вседръжителю, благимъ подателю, Отче Господа нашего І. Христа! прійди на помощь мнѣ и просвѣти сердце моё на разумніе заповѣдей Твоихъ и отверзи устнѣ мои на исповѣданіе чудесъ Твоихъ и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое святое, яко Ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на Тя въ вѣкъ. Аминь.

Възагающе мя Господу Иисусу Христу и того свѣту, всенепорочнѣй Матери и угоднику ея, о нсмъ же мнѣ нынѣ слово, азъ же окаянный что имамъ рещи, невѣжда сый и грубъ, паче грѣховъ исполнеаъ?

Исповѣдати хочу о тацѣмъ свѣтнѣѣ, свѣтѣмъ и белицѣмъ отци нашемъ Пафнутіи, аще и не достоинъ есмь отъ начала житія его сповѣдати, ниже пакы онъ требуаше сія отъ мене, понеже Божій человекъ выше нашея похвалы, но души своей на воспоминаіе, паче же на обличеніе, да не реку на осуженіе, не вѣмъ како получивши сожительство такова мужа и многымъ лѣтомъ единокровенъ быти и толка ученія его насладитися и любви его со многымъ изобиліемъ воспріяти, аще и дерзостно ми есть рещи, якоже инъ никтоже.

Въ лѣто 6985, индикта 10, по святомъ же и честнѣмъ праздницѣ пасхы, въ четвергъ 3 недѣли, названтее Георгіева дни, въ 3 часъ дни, позва мя старецъ походити за монастырь. Егда же изыдохомъ, тогда начатъ шествовати къ пруду, егоже създа многымъ трудомъ своимъ. Егда же придохомъ на заплотъ, узрѣ потокъ нодный, явльшійся подъ мостъ, и начатъ мя учити, како заградити путь водѣ. Мнѣ же о семъ рехшу: азъ иду съ братьями, а ты намъ указывай, ему же рехшу: нѣсть ми на се упражненіи, понеже ино дѣло имамъ неотложно, по обѣдѣ имамъ нужае дѣло,—пакы старецъ възвратися въ монастырь уже времи литургіи. Егда же свершился божественная служба, тогда съ братьями въ трапезу по обычаю шествоваше и пища причастия.

Егдаже 6-му часу скончавшюся, тогда приде ко мнѣ ученикъ старцевъ юинный Варсануѣе и рече ми: старецъ Пачиотей посла къ тебѣ, поиди, идже ти самъ повелѣхъ. Мнѣ же смутиншюся о семъ, скоро востахъ и идохъ къ старцу, и отворивъ дверь, и видѣхъ старца сѣдяща на сѣнникѣ у днереи на одрѣ въ велицѣхъ устроеніи, ничтоже глаголюща ко мнѣ. Азъ же рвхъ ему: что ради не изыдеши самъ? нужи не имаши. Блаженный же рече ми: нужу имаѣ, ты не въси, понеже съзудъ хочеть раздрѣшится. Мнѣ же недоумѣющюся и понеже страхомъ обнѣтъ быхъ о необычныхъ его глаголѣхъ, не смѣяхъ ничтоже рещи и изыдохъ, на неже мя дѣло посла. Пояхъ съ собою братію, ихъ же ми повелѣ и преже со старцемъ быншая ученика его Варсануѣя, Зосиму и Малха, и мало тружьшемси възвратихомся изъ монастырь, ничтоже усьпѣше, понеже много мятежъ въ душахъ имѣюще. И обрѣтохъ старца въ кѣльи сѣдяща. Тогда глагола ми: скоро пошли ко книзю Михаилу, чтобы ко мнѣ самъ не ѣхалъ ни присылалъ никого ни о чемъ, понеже ино ми дѣло приде. Егда же приспѣ нечерни время, тогда не нозможе ити съ братіями на вечернее правило. По отпущеніи же нечерни братія придоша къ кѣльи старца увѣдѣти, что ради не приде въ соборъ. Старецъ ни единому не понелѣ внити къ себѣ, рекъ: въ утреній день да сберутся вси братія. Такоже и на павечернее правило не возможе нати, мнѣ же не отступающю его, рече бо ми: нъ сій же день четвертокъ имаѣмъ премънитися немощи моея. Мнѣ же дивншюся о необычныхъ глаголѣхъ, таже повелѣ ми паче нечерницю проглаголати, таже отпусти ми ити въ кѣлью мою. Мнѣ же не хотищу едва изыдохъ. Тогда не обрѣтохъ покоя всю ночь, но безъ сна пребывахъ, мнозицею и къ кѣльи старца приходяхъ въ нощи и не смѣяхъ внити, понеже слышахъ его не сияща, но молящася, ученику же его юну сущу, ничтоже отъ сихъ въдищу, точию сну прилежащу. Егда же бысть часъ утрени, тогда вжегъ свѣщу, поидохъ, понеже запонѣдъ имаѣмъ отъ старца преже многихъ лѣтъ во время пѣннїи приходити и часомъ времена являти. Повелѣ братія поити на утренее славословіе, мнѣ же повелѣ у себе полунощницю и завтреню проговорити, самъ же встанѣ сѣдѣше, дондеже скончавъ. Егда же бысть день, пятку сущу, тогда по молебномъ пранизѣ священници и вси братіи придоша благословитися и видѣти старца. Старецъ же повелѣ всѣмъ безъ возбраненіи входитьи и начатъ съ братією прашитися. Старецъ же нѣставъ сѣдѣше. Призучи же ся въ то время старецъ Кирилова монастыря, ему же имя Діонисіе, художествомъ часовникъ; тогда и тѣ възвзе съ братьєю прощеніе прїяти. Діонисію же много молящася, дабы его благословилъ рукою старецъ, ему же и слышатя не хотящу, много же стужаше о семъ. Тогда оскръбивши рече старецъ: что отъ мене, господине старецъ, отъ грѣшнаго челоуѣка ищещи благословенія и помощи? я самъ въ часъ сїй требую много молитвы и помощи. Ему же я смѣшшу, старецъ же пакы воспомнну и глагола: что сему старцу на мысли? Я сѣзю, самъ себѣ не могу помощи, а онъ отъ

мене руки требъаше. Братія же всеи собравшимся и немощнымъ и слѣпотою стражающимъ и по прошеніи не хотицимъ стыти, старецъ же понуди отыти кождо въ келью свою. Бѣ же тогда братія числомъ 95. Миѣ же не отступающу отъ старца ни на малѣ часть, старецъ же о всемъ мѣлчаше, развѣ только молитву Исусову непрестанно глаголаше. Егда же 'приспѣсть литургія, приде священникъ благословится по обычаю, понеже обычай имѣють священники на всякъ день благословитися у старца, нѣ кѣлью приходяще. Священникъ же поиде на божественную службу. Самъ же начать облачитися въ ризы своя, понеже хоташе ити въ святую церковь къ божественнѣй службѣ, миѣ же ему съ братьеюво всемъ помогающу. Егда же свершися святая литургія, вземъ святыя дары, изыде изъ церкви, братіямъ его провожающимъ, шествуя съ посохомъ, опочивая мало, не дадише себѣ свершентъ прикоснуться братія или водити весьма, но со многымъ опасеніемъ приближахомся ему. Егда же бысть въ кѣльи, отпусти братію, самъ же излеже немощи ради. Миѣ же оставшу у старца, аще о чемъ помянетъ, ничтоже о пици рече, точю повелѣ ми сыти мало поды сладчае дати себѣ жажди ради. Отнелже разболѣши, ничтоже вкуси. По малѣ часть присла ки. Михайло Андрѣевичъ діакона своего увидѣти, что ради не повелѣ ему старецъ у себе быти, якоже рѣхъ прже, и что придучися старцу. Миѣ же связавшу, что князь присла, ему же ничтоже отвѣщавшу, точию отпустити повелѣ: нѣсть ему у мене ни о чемъ дѣла. Въ то же время привезоша грамоты отъ предѣла тверскаго да деньги золотые, миѣ же живишу ему, онъ же не повелѣ къ себѣ внити пришедшимъ. Азъ же, вземъ грамоты и деньги, принесохъ въ кѣлью къ старцу, таже явихъ ему: азъ прочту грамоты предъ тобою. Старецъ же не повелѣ прочести, повелѣ отдать принесшимъ. Миѣ же глаголющю: повели миѣ взяти, намъ то надобе, старецъ же оскорбися на ми и зирѣти ми, рекъ сице: ты возмешь, нио то я взяхъ. Обычай же имѣше старецъ нсегда Пречистые имя нарицати и надѣжу имѣти, и рече: еще, брате у Пречистой есть братія чѣ пити и ѣсти; они прислали не моя ради пользы, но отъ мене грѣшнаго требуютъ молитвы и прощенія, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощенія. Азъ же ничтоже мно рѣхъ, точю прощенія проси о всемъ, и отпустихъ я отъ монастыря со всемъ, и испытахъ ихъ, о ней же вещи приидоша, и вся тако суть, якоже ми старецъ рече.

Обычай же бѣ старцу: сгда кто отъ братія въ немощи ишадше, тогда старецъ приходяше къ брату и воспоминаше ему послѣднее покааніе и святыхъ даронъ причащеніе; о себѣ же ничтоже о сихъ глаголаше, намъ же дивящимся, еда како еѣ забненіе приде о сихъ старецъ. По малѣ часть приде церковный служитель глагола: время вечерни приближися. Намъ же глаголющимъ, старецъ начать осызати ризы свои. Миѣ же въпросившу: како хочешь изыти, еда нужи ради кося? Ему же рекшу: имамъ ити къ вечерни, начахомъ старца облачити въ ризы его; таже взять посохъ свой, намъ же спомогающимъ

ему со обою страну, не дадеше старецъ примати за рѹцѣ, развѣе за ризы помогахомъ ему. Егда же приде нѣ церквѣ, тогда ста на своемъ мѣстѣ, азъ же ему уготовихъ сѣдалище. Старець же, на посохѣ рѹцѣ положъ, таже главу приклонивъ, стояше. Егда же братіа начаша стихиры пѣти, тогда старецъ начатъ пѣти съ братією по обычаю. Обычай же имѣше старецъ ни единого стиха мимоити съ молчаніемъ, но нсегда поше съ братією. Егда же случашеся не услышати ему стихи или коего слова нѣ стихѣ, тогда повелѣваше кононарху пѣки възвращатися множицею и повтораше стихи, дабы извѣстно разумѣлъ. Скопч: нѣ же быхши всчерни, начешу священнику понахиду, понеже преданіе снятыхъ отецъ по обычаю церковному въ пятюкѣ нчеръ всегда поминованіе о усопшихъ бываеъ, братіа хотяще стада въ кѣлюю вестц, ему же не хотяшу, рече бо: азъ требую паче слышати, понеже мѣнъ нужнѣйше, къ тому не возмогу слышати. Братіа же начаша пѣти *Блаженни непорочни*, старецъ же усердно припѣваеъ братьямъ, якоже братіамъ мнѣти, еда како легчае ему бысть. По скончаніи правила излѣзе старецъ изъ церкви. Идушу же ему въ кѣлюю, священници же и прочая братія шествуютъ по старецѣ провожающе. Егда же приде нѣ кѣлюю, тогда отпусти всѣхъ съ благословеніемъ и прощеніемъ и самъ у всѣхъ простися. Мнѣ же и яному брату, именемъ Варсаноуію, не отлучающуся ни единого часа, старцу же изаегшу изнеможеніа ради тѣлеснаго, намъ же безмолвствующимъ, и по малѣ часѣ приде пономарь, проси благословенія на павечернее правило. Старець братіямъ повелѣ пѣти, самъ же не возможе поити, мнѣ повелѣ у себе проговорити навечерницу. По соборномъ отпѣтїи пакы приде Арсеніе, азъ же рѣхъ ему: азъ иду нѣ кѣлюю, ты же возми свѣтиликъ, възжи да посѣди у старца, дондеже приду. Обычай же бѣ старцу никогдаже по манечернѣмъ правилѣ свѣщѣ или свѣтиднику горѣти, но всегда въ ноци молитву творяше, множицею же сѣдя усынаше, вервицу нѣ рукахъ держаше, Иисусову молитву глаголаше. Егда же възженъ бысть свѣтиликъ, старецъ же во изнеможеніа лежаше, азъ же, пріемъ благословеніе, идохъ въ кѣлюю мою малаго ради покоя. Едва уснухъ отъ многихъ помыслѣ о старцѣ, пакы же скоро убудися, нсташъ и идохъ въ кѣлюю старца. Старець же лежаше, молитву творяше. Азъ же, сотворъ молитву, възвѣстихъ ему утринъ часѣ. Старець же не возможе поити, азъ же глаголахъ ему полунощницу и прочее правило, онъ же вѣсташъ сѣдѣше, моляшеся. Егда же бысть день, обычай же бѣ многолѣтній старцу на всякъ день молбены пѣти, или праздникъ или простъ день, иногда дващи, множицею и три случашеся. Братіа же начаша пѣти въ соборѣ, мнѣ же повелѣ у себе проговорити канонъ Иисусовъ, таже Пречистой похвалный. Егда же изглаголахъ, тогда же мало умалчашъ, таже съ тихостію вѣсташъ, гачахъ себѣ часы глаголати. Старець же вѣстанъ сѣдѣше, азъ же въпросихъ: что ради вѣсташъ сѣдѣши? еда нонъ хочеши изыти? Ему же рекушу: сего ради сѣвю, ты часы глаголаеши, ъ мнѣ асжатъ? Мнѣ же удивльшуся

глаголюму трезвѣнію бл. женнаго, и малѣ же начать понужда-
ти ни божественную службу, азъ же възвѣствѣхъ служителю
церковному; старецъ же начать облачатися къ разы своя,
намѣ же спомогающимъ ему. Старцу же пришедшу въ цер-
ковь, стоящую же ему на обычномъ мѣстѣ, сгда же свершися
божественная служба, старцу по обычаю вземшу св. доры,
гзлѣзе изъ церкви. Егда же бысть нѣ къдѣи, азъ же уготовахъ
ему малыя потребности, еда како вкусити восометѣ. Отнезѣже
разболѣся, ничтоже вкуси, разѣв воды мало медомъ услажны,
сава познаватися сытѣ, меду же кислаго или квасу никакоже
вкусн. Мнѣ же понужающу вкусити немощи ради, старецъ же
рече ми: не токмо не полезно есть, но и пагубно піаному у-
мрети. Мартирію же діакону сушу, тогда по старцеву благо-
ловнію ииушу службу на трапезѣ представляти медъ и пи-
ко братьямъ, тогда ему пришедшу благословитися у старца,
что повелитъ брати взяти на трапезу пити. Старецъ же пове-
лът ему медъ лучшей вѣгда взимати на трапезу, рекъ сице:
братѣ да пьютъ послѣ мене, міряне то попіютъ. Азъ же рѣхъ
ему: днесь и самъ вкуси, понеже суббота есть, еще же пятде-
сятница, но писано въ правилехъ: аще и велика нужда бу-
детъ, ино три дни поповститися болящему причащенія ради свя-
тыхъ таинъ; мене же видиши немощна суца; аще Господь
сподобитъ и Пречыстая Богомати, заутра хощу причастити-
ся св. тайнамъ. Мы же почюдихомся великому его опасенію,
преже помыслихомъ, якоже напредѣ рѣкохъ, сгда како въ заб-
леніе праде о сихъ старецѣ, а онъ отнезѣже разболѣся, отъ
того часа посту прнлежаше, а намѣ ничтоже о сихъ яви. Та-
же братію отпусти нѣ трапезу ити на обѣдъ, самъ же мало
упокоися немощи ради, братѣ же заповѣда, да не стужаютъ
ему ни о чемъ, дондеже сподобится божественнаго причаще-
нія св. даровъ. Се же ему обычай бѣше многозѣтній: сгда
хотяше причаститися св. тайнамъ, тогда всю недѣлю пребы-
ваше молча не токмо отъ мірянъ, но и съ братією не глаго-
лаше и о нужныхъ всцехъ, ни живущему съ нимъ въ кѣли
что глаголаше. Постъ же ему всегда обыченъ бѣше. Намѣ же
отшедшимъ каждо въ кѣлю свою, по малѣ врѣмени посыла-
еть ученика своего и ц. изыв: етъ священягга, именемъ Исаія.
Преже не бѣ ему обычай сего призывать. Священнику же
ишедшу въ кѣлю старца и стоящу, старецъ же съ смирені-
емъ начать глаголати ему о духовныхъ дѣлехъ. Священнику
же о семъ недоумѣющуся, начеже страхомъ и трепетомъ одер-
жимъ о старцевыхъ глаголѣхъ, якоже самъ извѣствоваше
мнѣ. Таже повелѣваетъ ему покааніе прочести и прочая по
ряду и благослоніе пріемлетъ и прощенію сподобляется, пре-
же отъ Бога прощенный. Въ то же время присылаеть князь Ми-
хайло Андрѣевичъ духовника своего попа Ивана старца по-
сѣтити, и самъ князь много желаше ѣхати къ старцу, но не
смѣваше безъ повелѣнія; аще ли не повелитъ ему быти у себе
старецъ, да благослонитъ и проститъ его старецъ и сына его
кн. Ивана. Старецъ же не поселѣ ц. пу Ивану къ себѣ внити

ниже бесѣды сподобитися. Онъ же много братію моляше, ни единого обрѣте довести его до старца. Послѣжде и ко мнѣ приходитъ со княжымъ словомъ, чтобы видѣти старца и княземъ повелѣнная глаголати. Мнѣ же вѣднущу старецемъ разумѣ и твердостю нрава, не смѣющу о томъ и глаголати, ему же много на се ми нудящу, азъ же единъ идохъ къ старцу и сказахъ ему, что князь Михайло прислалъ попа Ивана тебе видѣти и чтобы еси благословилъ и простилъ князи Михайла и сына его князя Ивана; ему же молчащу, азъ же не обрѣтъ дрѣзновенія къ старцу, по малѣ часъ восхотѣхъ изыти, сотворивъ метаніе. Преподобнаго же она глава ни тогда ми скорбяща отпустить, рече бо ми: динлюся князю, съ чѣмъ присылають: сына моего благослови князи Ивана, а князь Василей ему не сынъ ли? самъ на ся раздѣлился, Богъ вѣсть, гдѣ имать обрѣсти миръ и благословеніе. Таже рече ми: ни о чемъ ему у мене дѣла нѣтъ; аще и самъ князь бы былъ. Азъ же и нехотя сія вся извѣстихъ поцу Ивану. Онъ же не увѣрися моими словесы, на ину мысль преложися, восхотѣ вечерняи ждати, да сподобится бесѣды и благословенія отъ старца. Егда же бысть время вечерни, тогда съ старцемъ идохомъ въ церковь. Попъ же, предваривъ южными словами, скоро вниде въ церковь, хоти получитьи желаемое. Старець же, ощутивъ пришествіе попа, скоро вниде нъ свѣтлый олтарь. Егда же поплъ изыде изъ церкви, таже и отъ монастырн, тогда ста ещъ издѣвъ изъ церкви, идяще въ кѣлюю свою; таже отпустивъ братію, ктому ничтоже бесѣдуя, понеже на всеобщное пѣніе съ братію готовишеся, рече бо: ктому прочее не мощно ми будеть напредѣ свершити. Мы же мнѣхомъ: изнеможенія ради тѣлеснаго сія глаголетъ; послѣжде разумѣхомъ, нко отшествіе свое назнаменаше намъ не явъ, но яко да не оскорбитъ насъ. Таже понелъ мнѣ у себе Святыи Троица канонъ проговорити, самъ же бѣ но мнозъ поднизъ. Мало по захоженіи солида самъ воздвиже братію на всеобщное бдѣніе, понеже на се много усерденъ бѣ, братіямъ же дивншимся многому его тцанію; никакоже ослабѣ, дондеже свершися всеобщное правило, уже дни освѣтающу умаленія ради ношнаго. Тогда понелъ Іосифу крылошанину правило ему обычное свершати, таже и къ св. причащенію молитвы изглаголавъ. Старець же начатъ поспѣшати со многымъ тцаніемъ, шествуи во св. церковь, священнику же повелъ свершати святую литургію, самъ же пребысть въ сятѣхъ жрътвеницъ до причащенія божественнаго тѣла и крове Христа Бога нашего. Егда же свершися божественная служба, старецъ приде въ свою кѣлюю, брати провожающимъ его, мнѣ же мало нѣчто уготовльшу, аще нищю причаститися восхощеть, — отнелиже разболѣхъ, ничто же вкуси, — братьимъ же понудившимъ на се. Старець же не восхотѣ насъ оскрѣбити, не естеству желающу, мало нѣчто вкуси, паче же братію понуди испи отъ уготованыхъ ему; онъ же отъ многоаго труда упокоися мало.

Въ то же время отъ великаго князя Ивана Васильевича скоръ достигоша посланія, понеже нѣкимъ мановеніемъ или отъ

Бога или отъ скоропришедшихъ чловѣкъ возвышено бысть ему. Посланный же Феда Викентіевъ приходитъ ко мнѣ и рече ми слово великого князя: доведи мя до старца до Пафотія, князь великій послалъ къ нему грамоту свою. Азъ же рѣхъ ему: ничтоже отъ мірянъ входитъ къ старцу, ниже самый князь, аще ли же истину ти реку — ни пославый ты выйдеть. Онъ же рече ми: и ты донеси посланіе и возвѣсти ему. Азъ же, взявъ запечатано посланіе, принесохъ къ старцу и сказахъ ему вся подробну реченная посланнымъ. Старець же ми рече: отдай мѣ посланіе папы принесшему, да отнесеть пославшему: уже коуму ничтоже требую отъ міра сего, ниже чести желаю, ниже страха отъ міра сего боюся. Азъ же рѣхъ ему: вѣмъ и азъ о тебѣ, сія тако суть, но Бога ради намъ полезное сотвори, понеже хоцеть князь великій о семъ оскръбитися; не разгнѣви его. Старець же паки рече ми: истину вамъ глаголю, не разгнѣвите Единого, ничтоже вамъ уснѣветъ гнѣвъ чловѣчскій; аще ли же Единого разгнѣвите, еже есть Христосъ, ничтоже вамъ помощи можетъ: а чловѣкъ аще и разгнѣвается, паки смирится. Азъ же не смѣяхъ ничтоже рещи, точю изшедъ рѣхъ ему вся предреченія и посланіе отдахъ, онъ же и не хотя скоро изыде изъ монастыря и съ посланіемъ. Въ тожъ время приспѣ посланный отъ матери великого князя, Христолюбивыя и благочестивыя великія книги Марин, понеже велику вѣру имѣше къ Пречистые монастырю и любовь къ своему богочольцу старцу Пафотію, якоже нѣзъ никгоже; аще и не бѣ преже такова, но добродѣтелию старцевю усугуби старцею преложеніе свое на благое къ старцу со истиннымъ покаяніемъ. Таже и отъ великія княгини Софьи Грекини приспѣ посланный съ посланіемъ, еще же и денги златые приноситъ. Мнѣ же старцу возвѣстившу, старецъ же никакъ отъ принесенныхъ взяти повелѣ, паче же оскорбися многого ради стуженія. Многае же азъ оскорбихся, молву творя старцу пришедшимъ на се иудящимъ мя по слову посылающихъ; азъ же, изшедъ отъ старца, отпустихъ ихъ и со златомъ. Не токо же отъ князь и отъ княгинь, но и отъ прочего народа, отъ бояръ же и отъ простыхъ со всѣхъ странъ приходящихъ, мы же о сихъ ничтоже старцу рещи смѣяхомъ, понеже искусихомся отъ предреченныхъ. Паки же придохъ къ старцу, тогда рѣхъ ему: добръ немощь, государь Пафотей! Старець же рече ми: ни такъ ни сякъ, видиши, братъ, самъ, болъ не могу, понеже изнеможеніе тѣлесное приде, а выше силы ничтоже ощущаю отъ болѣзни. Отъ пици же ничтоже вкушаше, питаемъ бо бѣ Божию благодатію; аще и повелитъ что устроити на вкушеніе, егдаже принесена будутъ, тогда сладкъ похваляше и глаголаше братіи: ядите, а я съ вами, понеже добра суть, видящимъ, якобы рещи по Лѣствицику, чрѣво-обьястна себе показоваше. Пища же его бѣ всегда братнее угоженіе, самъ же всегда худѣйшая избярвше; не тѣмо о пици, но и келейное устроеніе вся непотребна. Еще же и рязы его, мантия, риска, овчая кожа, сандалія ни единому отъ просящихъ потребна быша; бесѣда же его вся проста, сладкъ бесѣ-

доваше, не токмо братіямъ, но п мірскимъ и страннымъ, не по чловѣкоугодію, но по Божію закону вся глаголаше, паче же дѣлы творяше, яе устыдѣся никогдаже лица княжка или боярска, ни приносочъ богатыхъ умягчися когда, но сильнымъ крѣпко закону соблюденіе глаголаше и заповѣдемъ Божіимъ, простымъ же такоже бесѣдоваше, братію нарицаше, никтоже отъ бесѣды его изыде скорбенъ когда, многымъ же и сердечныя тайны бесѣдоу отваръзаше, они же отходяще чюднѣше славляху Бога, прославляющаго свои угодники. И что много глаголю? Аще сія вси по единому начну изчитати, не довѣтеть ми все время живота моего, но сія вси совокупивъ, вкутацѣ реку: ничимъ же скудеиъ бѣ въ добродѣтелехъ дивный сей древнихъ святыхъ, глаголю же Феодосіа; Савы и прочыхъ святыхъ Паки же ноци наставши, прѣсреченный братъ Варсоноѣе вжизеть по обычаю свѣщникъ, старцу же сего не требующу, якоже прѣже рѣхъ, но намъ не терпящимъ свѣтло душъ нашихъ во тмѣ оставити: Мнѣ малаго ради покоя отшедшу въ кѣлю, паки помалѣ возвратихся къ старцу. обрѣтохъ его не спяща, Исусову молитву глаголюща, брата же сѣдяща и дрѣмлюща; азъ же възвѣстяхъ старцу часъ утреди, онъ же братіямъ нѣ соборъ по обычаю вся повелѣ свершати, мнѣ же повелѣ у себе обычная правити, якоже всегда обычай ему бѣше.

Понедѣлнику же наставшу, во время божественныя службы, паки старецъ въ св. Божію церковь шествуя со многымъ трудомъ, братіямъ помогающимъ, по свершеніи божественныя службы братіямъ выпрашающимъ, аще что похощеть вкусити, старцу же не хотящу, токмо мало насыиваше сыты, якоже прѣже рѣхъ. Егда же упокоися мало старецъ, азъ же отъ многихъ помыслъ боримъ, како кощеть послѣ старца быти строеніе монастырское, понеже старецъ ничтоже о сихъ глаголетъ, аще вопрошу его о семъ или ни, таже сотвори хъ молитву, ему же отвѣщавшу аминь, тогда начахъ со умиленіемъ глаголати.

Вспросъ Иннокентіевъ. Государъ Паснотей! повели при своемъ животѣ яписати завѣщаніе о монастырскомъ строеніи, какъ братіи по тебѣ жити и кому игумену быти повелиши,—старцу же молчащу.

Отвѣтъ Паснотія старца. Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старецъ, слезамъ изю очію текущимъ: Блюдите убо сами себе, братіе, какъ чпнъ церковный и строеніе монастырю хощете имѣти; пѣснанаго правила никогдаже прѣставляйте, свѣщамъ вжизанія просвѣщайте, свѣщеници держите честно, яко же и азъ, оброка ихъ не лишайте, божественныя службы да не оскудѣвають, тѣми бо вся посиются, трапезы отъ любостранна не затворите, о милостыни попецѣтесе, просяща потребная тѣа не отпустите, отъ міра приходящихъ бесѣдъ удаляйтеся, въ ручнѣмъ дѣлѣ тружאותесе, сердце свое храните вснѣмъ трезвнѣнемъ отъ помыслъ лукавыхъ, по павечернѣмъ правилѣ бесѣдъ не творите другъ со другомъ, каждо во своей кѣльи да безмолвствуетъ, соборныя молитвы не отлучайтеся никакою

яужсю развѣ немощи, весь уставъ и правило църковное кротко и нематежяо и молчаливо, и просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите; аще бо тѣхъ заповѣданная мною не презрите, вѣрую Богови Вседержителю и того все-непорочнѣй Матерс-свѣту, не лишитъ Господи всѣхъ благыхъ ему своихъ мѣста сего. Но вѣкъ, яко по отшествіи моемъ Пречистые монастыря будетъ мятежнѣкъ, много, мно, душою мою смути и въ братіа мятежь сотвори; но Пречистая Царица митежники утолпѣ и бурю мимо ведеть и своему дому и плечю живущей братіи тишину подасть.—Аще ли же реченная вамъ, братіе, не вѣрна мятежа, не буди мнѣ згати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтелие суть иложни: прѣдоша тогда братіа на посѣщеніе старца, Іосифъ, Арсеней и Варсановей и келейникъ старцевъ, сія слышавше, дивляхуся, что хотять сія быти. Отцы и братіе! Господа ради простите ми сіе, понеже написахъ сіи, не судя братіи своей; не буди то, но почюдихся старцеву прореченію, понеже сія вскорѣ въ дѣло произыдоша; единъ день пятокъ безмолвствова, въ оный же день старца во гробѣ положихомъ; прочая же напереді явлена будутъ. Егдаже старецъ сія изглагола, таже умолаче изнеможенія ради тѣлеснаго, дни уже скончавающуся. Таже ноцъ препроводи въ обмытыхъ правяяхъ.

Третьему дни седмици наставшу вторнику, таже пакы отъ утра начинаеть безмолвіе, не повелѣ себѣ стужати ни единому отъ братіи, желаше пакы причастникъ быти тѣлу и крови Христовѣ, понеже празднику наставши прѣполовеніе пятидесятници. Мнѣ же съ молчаніемъ сѣдѣящу у старца со ученикомъ его, старецъ же глаголаше псалмы Давидовы со гласомъ не отъ единого ни отъ двою, но отъ многихъ избраніе твори, таже премѣняя пояше молбены, Пречистой похвалный канонъ, таже и Одагитрѣй, еще же и *Многими сдражимъ напастями*, таже и по Евангеліи стихъ Богородици: *Не остави мене въ челоуическое предстою*. Се же беспрестани творяше не единою ни дваши, но и множицею пакы таже начинаше, намъ же дивящимся необычному его гранесословію, но понеже не смѣяхомъ ни о чемъ же подвигнути слова, токмо ужасохомся, что хочеть сіе быти. Еще же, и якоже преже рѣхъ, заповѣда яе стужати ему. Дни же прѣшедшу, ничтоже мно не глаголаше, точю псалмы и прочая. Ноцѣ же наставши, мнѣ ему обычное правило изглаголавшу, всю же оную ноцъ безъ сна прѣпроводи въ велицѣ трудѣ, мало сѣдаше, а множае стояше. Егдаже бысть день, пакы Іосифъ сверши ему причастное. Старцу же спѣшно готовящуща, таже понужаше насъ къ църкви, мы же съ нимъ шествующе, спомогахомъ ему мало, таже въ св. шрѣтвенницѣ сѣдѣяще уготовихомъ ему. Божественнѣй же службѣ свершившиси, пакы причастникъ бываеть тѣлу и кровѣ Христовѣ. По отпущеніи же службы пзыде изъ църкве. Се же бѣ ему обычай многолѣтнѣй: не преже священникъ служивый излѣзе отъ олтаря, никогдаже наиде изъ църкве, не прѣемъ благословеніи отъ служащаго священника. Егдаже бысть въ кѣльи, таже ставъ въ сѣнѣхъ, братіи со обою страну стоящимъ,

възрѣ душевнымъ окомъ на братію, а чюственымъ на образъ Владыченъ и Пречистые его Богоматере, двѣ святѣи иконѣ имѣя, таже исполни очи слезъ, въздохнувъ глаголаше: Господи Вседръжителю! Ты вѣси вся испытанія сердца и помыслы, аще кто поскорбитъ мене ради грѣшнаго, въздажь ему, Господи, сторицею въ се время и въ будущей вѣкъ животь вѣчный; аще ли кто порадуется о моей смерти грѣшна челоувѣка, не постави ему, Господи, грѣха (зреть бо сія обоя въ братіи). Мы же слышаще сія, ужасохомся, кождо свою съвѣсть въ себѣ судію имать, паче же азъ окаанный. Сія изъглаголавъ, таже жь повелѣ себе въ кѣлюю ввести; пакы начатъ утѣшителна словеса глаголати братіи и радостнымъ лицемъ, якоже забыти намъ пречреченныхъ глаголь, коуждо по своѣей совѣсти, якоже преже рѣхъ, себѣ зазрѣвшу; глаголаше бо не ошущати выше силы болѣзни. Мы же, сія видяще, мѣхомъ: хоцеть легчае ему быти. Братіа же понуждаху егр и пиши: причаститися, старецъ же не хотяше, токмо мало вкушаше нужа ради сыты, якоже множицею преже рѣхъ, таже братіи подаваше, глаголя: пійте чашю сію, чада, пійте аки послѣднее благословеніе, азъ бо ксему не еще отъ сея пію или вкушу. И еще ксему многа утѣшительна словеса изглаголь, таже въздеже на обычномъ своемъ мѣстѣ, на немъ же и къ Господу по единомъ днп отыде. Отци и братіе! да никтоже ми зазреть, понеже множицею себе именую. Увы моему окаашеству! Аще ли себе умдѣчу, вся имамъ ложна писати. Таже рече ми старецъ: Пнокентей! Азъ же ирилѣжно зрѣхъ на священниую его главу, что хоцеть рещи. П глагола: есть у мене сосудъ меда, прислали ми поминка, не помню, какъ его наричють.—Братья же рекоша: кузня.—Возми себѣ, благословяю тя, полеже нужу мою исполнялъ еси,—миѣ же о семъ много почюдившуся, что мене грѣшнаго и нѣ таковѣи немощи благословенія своего сподобя. Таже братію со многымъ обрадованіемъ отпусти, паче же понуди ити въ трапезу, понеже обѣду входъ. Азъ же не терпяжъ нимало отлучитися старца, пакы възвратихся скоро. обрѣтохъ его по обычаю лежаща на своемъ мѣстѣ, молитву творяща. Азъ же съ молчаніемъ стояхъ, таже по малъ часъ сотворь молитву, глаголахъ ему: Государь Паснотей! не лучшасть тебѣ, понеже всю недѣлю ничтоже вкусилъ еси пиши. чему, господине, молчиши? что еси здумалъ, кому приказываси монастырь, братіи ли или великому янзю? о чемъ не глаголещи? Ему же рекшу: Пречистой, таже по малъ глагола ми: брате Пнокентей! правду ли се ты глаголещи?—Миѣ же молчащу, еда како смутихъ старца.—Миѣ, брате, кто приказываеъ? Пречистая сама Царица изволила, паче же възлюбила на семъ мѣстѣ прославити свое имя и храмъ свой воздвигла и братью совокупила и мене нищаго много время питала и покоила и съ братьею, и миѣ пакъ въ гробъ зрящу смертному челоувѣку, себѣ не могущу помощи, сама Царица какъ начала, такъ и устрейти имать полезное моему дому. Вся самъ, не княжьскою властью, ни богатствомъ сильныхъ, ни златомъ ни серебромъ воздвижеса мѣсто сіе, но изволеніемъ Бо-

внмъ и Пречистые Его Матери хотвнємъ. Не требовахъ отъ земныхъ князь даровъ кыпхъ пріати или приложита здѣ и хотлцмъ даяти та, по всю надежу и упованіе положихъ о всемъ на Пречистую Царицу до сего дня и часа. въ онъ же разлучити матъ Содѣтель и Творецъ душу отъ тѣлесе, и по отсюду отшествіи Пречистаа же Царица покрытье своєю милостію отъ насилія мрачныхъ и лукавыхъ духовъ, и въ страшный день праведнаго суда вѣчныя мя избавить муки и со избранными причтеть. Ащели и я нѣку благодать получю, не премолчу о васъ молитву твори къ Господу. Сице убо посѣшште, чистѣ живѣте, ни якоже при мнѣ точю, но велии паче по отшествіи моемъ со страхомъ и трепетохъ сдѣ спасеніе содѣлывающе, да добрыхъ ради вашхъ дѣлъ и азъ почю и по мнѣ пришедшеи вселятея добръ, и по есвчании велемъ покой обряцете, и каждо въ немъ же званъ бысть, въ томъ да пребываетъ; своихъ мѣръ, братіе, не переходите, не полезаво бо вамъ се, но и душевредно; надъ немощныи братьями чювствомъ или паче рещи и обычаемъ не возноситея, но длѣготрпите о нихъ, якоже своихъ удовомъ. Ей, чада, успѣшште добродѣтелями! — Сія я ина полезива глаголавъ, умолче изнеможенія радъ.

По малѣ часѣ скоро приходитъ посланный отъ содержащаго въ то время престола русьскія митрополія Горонта пресвященнаго посѣщенія ради, нося миръ и благословеніе старцу. Таже пакы отъ великаго князя Ивана Васильевича скоро приходятъ Феодоръ, протополь его Благовѣщенскій, такъ же и отъ предреченныхъ княгинь, отъ великіе княгини Грекини Юрьи Грекъ, о псежъ приходятъ ко мнѣ, понеже къ старцу не получиша входа, глаголюще ми слово великаго князя, чтобы и всяко видѣти старца и бесѣды отъ него сподобитися, понеже много оскорбился, не врісчше извѣщенія отъ преже посланныхъ. Мнѣ же о семъ не имѣюшу дръзновенія не довести токмо, но в явнтіи старцу, они же мною о семъ стуживша мя, азъ же всячески отлагахъ, вѣды мужа крѣпості и неславолюбивыи его нравъ, не могахъ мнѣ извѣститися никако, и не хотя въшедъ сказахъ старцу о посланныхъ. Старець же много на мя оскорбися, таже рече ми: что тебѣ на мысли? не даси же ми отъ міра сего ни единъ часъ отдохнути: не вѣси, 60 лѣтъ угажено міру и мірьскимъ чловѣкъмъ, княземъ и бояромъ, и въ срѣтенне имъ сованоса, и въ бесѣдѣ съ ними махьячено, и вслѣдъ по нихъ такоже сованоса, а того и не вѣмъ, чесею ради, нынѣ познахъ, нѣкая ми отъ всего того полза, но паче души испытаніе о всемъ. Господь пакы своимъ милосердіемъ, не хотя безъ покаянія смерти грѣшнику навести, дастъ кнѣ грѣшному 6 день покаянія ради, ино пакъ ты мнѣ не давешъ покоя ни на единъ часъ, наводиши на мене міряне. Уже къ тому и азъ гвѣлія не вмажъ изыти, да не стужаютъ мя. — Азъ же множае оскорбихси, не токмо не получивъ отвѣта посланнымъ, но яко старца смутихъ; азъ же изшедъ вся сказахъ пмъ, понузавахъ я изыти изъ монастыря. Имъ же и не хотящимъ отыдоша, уже вечеру сушу, таже уклоньшеса припочи-

ша въ веси близъ живущихъ человекъ. Отъ часа же того ни о чемъ же смѣяхъ стужити старцу, точюю обычное правдоношное свершаахъ. Старець же ктому не уже на се понуди мя, понеже всю ночь пребысть безъ сна, псалмы Давыдовы гранесловнне, таже Иисусову молитву глаголаше. Се же бѣ ему обычай многолѣтний: по всякомъ правилѣ никогдаже Иисусову молитву не оставляше, вервнцу въ рукахъ держаше. Егдаже бысть день, паки старецъ по обычаю повелѣваше священнику ранѣ литургію свершати, понеже и самъ мысляше ити, пачеже слѣшаше, глаголаше бо себѣ: се день приде, братьи же взирающимъ между собою, что се глаголаше, не вѣмы. Азъ же въпросихъ ѿ: государь Пафотеѿ! о коемъ дни глаголеши: се приде день? Старець же рече: о томъ дни, о немъ же преже глаголахъ вамъ. Азъ же начахъ именувати дни: недѣля или понедѣльникъ или вторникъ? Старець же рече: сей день четвертокъ, о немъ же и преже рѣхъ вамъ,—намъ же недоумѣвающимся о семъ, понеже многа о себѣ назнаменоваше къ отшествію, таже паки сокрываше, ничтоже явлена о себѣ глаголаше. Старцу же паки начинающу шествіе творити къ церкви, тычашеся и егда приближися къ дверемъ, хотя излѣзти на монастырь, Іосифъ возвѣсти ему преже бывшихъ посланикъ паки пришествіе въ монастырь, не токмо же тѣ, но и иныхъ множество, еще же намѣстнику града Василью Феодоровичю и тому тогда приспѣвшу, понеже и преже того ему бывшу не получи входа къ старцу. Тогда, собравшеся вси, стояху предъ церковію на путѣ, имъ же старцу хотящу шествовати. Егда же услыша старецъ приходъ ихъ, что стояще ожидаху его, тогда и не хотя паки обратися, паче же оскорбися, понеже възбраниша ему къ церкви шествіе. Таже отпусти братію ити въ соборъ, самъ же сѣде въ снѣхъ. Старець же глаголаше: и кто же ми сіе сотвори точию Инокентей, тому се повелѣвшу. Азъ же и рещи не смѣихъ, что о семъ неповиненъ есмь. Егда же пздохомъ къ церкви, единъ братъ у него оста Арсеней, старецъ же самъ утверди двери келіа, да никтоже видетъ. Егда же свершися божественная литургія, не увѣдѣша старца, тогда вси разумѣша, яко не возможно имъ видѣти старца иже слышати гласъ его, и не хотяще скоро разыдошася каждо своимъ путемъ, паче же Богу се устроившу по писанному: помыслъ праведнаго пріятнѣ Ему есть. Азъ же по божественній службѣ скоро возвратихся къ старцу, обрѣтохъ и еще двери утвержены, брату же у него присѣднику, о немъ же преже рѣхъ. Егдаже внидохъ, обрѣтохъ старца въ кѣльи възлегша на лавици подъ преднимъ окномъ, на монастырь же не повелѣ окна нимало утворити, на весь день не повелѣ себѣ стужати и до вечерни. Братьи же мѣлчаца, старецъ же глаголаше о вѣкомъ человекѣ, яко умрети имать, намъ же недоумѣвающимся, мнѣхомъ, еда кто возвѣсти ему. Азъ же вопросихъ его: о комъ се глаголеши, мы не вѣмы.—Старець же рече: о немъ же вы глаголете, яко болить, а онъ покаяся умрети хотяше. Намъ же сіа вся недоумѣнна суть. Таже братію отпусти, повелѣ въ трапезу ити. Азъ же отъ того часа не

внидохъ отъ старца. Егдаже изыдохъ братія, тогда рече ми старецъ: преведи мя на другую страну келія, понеже тамо имать покой отъ мятежа сего, таже и уснути хочу, понеже утрудихся; да никтоже отъ братіи входитъ ко мнѣ до вечера, ниже окна отверзи, ниже двери отвори, занеже по вечерни братія пріити хотить. Азъ же вся сія разсмотривъ, не къ тому сомнѣхся, но извѣстнѣ увѣрихся. яко отыти житія сего хощеть старецъ, понеже ми и въ началѣ немощи своя рекъ старецъ, яко союзъ хощеть разрѣшиться. Азъ же отишествію нужныхъ начяхъ выпрашати: государь Пасхотей! егда прѣставившись, звати ли протопопа или иныхъ священниковъ изъ горади проводиши тебе къ гробу? Старецъ же рече ми: никакоже не мози звати, понеже великъ мятежь хощеши сотворити чинъ; да никтоже увѣсть, дондеже погребете мя въ землю своимъ священникомъ; молихся о семъ и проводиши и на гробѣ прѣстити и земли предати. Азъ же вопросихъ: гдѣ велиши себѣ гробъ ископати и въ земли положить? Старецъ же ми рече: идѣже еси Климъ Гуменики положилъ, съ тѣмъ ми погребите, а гроба не купи дубова, на ту шесть денегъ колачей купи, да раздѣлиши нищиямъ, а мене зубкомъ оберти да подъ страну подкопавъ положи, — мнѣ же сдѣяному сія съ нимъ глаголющу, ученику же его спящу. Братьямъ же всѣмъ безиоловствующимъ, а овѣмъ почивающимъ, полуденному часу наставлю. Азъ же умлъчяхъ, еда како старецъ заснеже. Старецъ же началъ молити Господа Бога Вседержителя о спасеніи души своей, еще же и Пречистую Владычицу нашу Богородицу о всемъ и имъ Ея нарицаше и всю надею на Царицу полагаше о души своей: Възбранъ, Дѣво, конца моего руки бѣсовскія мя исхити и суда и прѣнія и страшнаго испытанія и мытарствъ горькихъ и князя лютаго, Богомати, и вѣчнаго осуженія. Таже молише Пречистую, да сотворитъ попеченіе о боговозданнѣмъ Ея монастырѣ: Ты, Царице, создала, Ты и промыслила о полезномъ дому своему и въ имъ Твое собравшихся въ святѣмъ мѣстѣ семъ сподоби угодити Сыну Твоему и Богу нашему чистотою и любовію и мирнымъ устроеніемъ. Обычай же бѣ старцу никогда же нарицати свой ему монастырь, но Пречистые, Та создала, ниже стерпѣ слышати его монастырь нарицающу кому, но и велии о семъ запрещаніе, глаголаше бо: аще не Господь созиждеть дому, всеу труднѣшася зиждущи. Старцу молящуся, якоже преже рѣхъ, азъ же възбудихъ ученика его спяща и жестокими словесы прѣтихъ ему и нерадива и непотрѣбна нарицахъ его: не видиши ли старца въ послѣднемъ издыханіи, — а ты не трепещеши ни трезвишися! Таже повелѣхъ ему стояти у старца, мнѣ же изшедшу воиъ виѣ келія простуженія ради, възсклоншу ми ся малаго ради покоя, и скоро уснухъ. Спящу же ми ощутихъ гласы поющихъ и абіе со ужасомъ вскокихъ, вскорѣ дверь отверзъ внидохъ въ кѣлю, обрѣтохъ старца на обычномъ мѣстѣ лежаща, ученика же у одра предстояща; азъ же его възпросихъ: кто отъ братіи былъ здѣ? Онъ же, никто, рече; мнѣ же ему сказавшу слышаная, онъ же рече ми: отвели же ты възшелъ еси, старецъ начатъ пѣть *Блаженіи непорочки во путь*

ходящей въ законъ Господни, — таже и стихи припѣваше, еще же и *Руцѣ Твои сотвори мѧ и создастѧ мѧ, къ симъ же и Благословенъ еси, Господи, научи мѧ оправданіемъ Твоимъ, Святыхъ ликъ обрѣте* — и прочая тропари. Азъ же рѣхъ ему: отходить старецъ къ Богу, припадохомъ со ученикомъ къ ногама старца и облобызахомъ нозѣ его, таже надклоншеся надъ перси ему, прогаше благословенія и прощенія конечнаго. со многымъ трудомъ недовѣдомъ получихомъ сія: старецъ не уже къ тому внимаше словесымъ нашимъ. — Молитва. Царю небесный всеисильный! молю Ти ся, Владыко мой Иисусе Христе, милостивъ буди души моей, да не удержана будетъ противныхъ лукавствомъ, но да усрящють ю ангели твои, проводяще ея сквозѣ проныртвѣ тѣхъ мрачныхъ мытарствъ и наставляюще ю къ Твоего милосердія свѣту. Въмъ бо и азъ, Владыко, яко безъ твоего заступленія никтоже можетъ изыти козней духовъ лукавствія. — Таже къ тому ничтоже могій глаголати ивлѣнѣ; аще и глаголаше, но мы уже не можемъ разумѣти глаголаныхъ. Таже на немъ же одрѣ лежаше, начать отвращатися шуя страны, на десную обращатися. Сего же николи преже не сотвори. Мнѣ же сего не разумѣющю, пакы обращахъ и дващи и трищи, старецъ же пакы, аще и едва можаше двизатися, пакы обращашеся, еще же ми и глаголаше нѣкаа словеса, но азъ же не разумѣвахъ, языку уже оскудѣвающю отъ конечнаго изнеможенія. Тогда разумѣхъ, яко видить нѣкаа отъ необычныхъ приходящая, братьимъ же ничтоже отъ сихъ вѣдящимъ: якоже преже рѣхъ, не повелѣхъ себѣ стужати отъ обѣдня часа до вечери; аще ли кто отъ братьи и приходяаше азъ же глаголахъ, яко утишился старецъ. Не смѣхъ никому же рещи, яко отходить къ Господу, понеже ходѣтъ молва велика быти. Уже вечернему правилу приспѣвшу, братьямъ по обычаю свершающимъ, азъ же и ученикъ его терпиховѣ ожидающе, понеже не возмогохомъ отъ старца въ соборъ ити, присѣдохомъ у одра его. Егда же вечернее правило свершашеся, тогда старецъ опрятася и нозѣ простеръ и руцѣ на прѣсѣхъ крестаобразно положъ, азъ же рѣхъ ученику его: сяди ту; подрѣжп старца, посмотрю на монастырь, уже ли братья отпѣли суть; мнѣ же и окна не дошедшу, ученикъ старцевъ възва со ужасомъ: Инокентей, Инокентей! Азъ же скоро обратився, рѣхъ: что видиши? Ояъ же рече ми: воздихну ста; ещѣ. Мнѣ же зрящу пакы легко отдохну, помалѣ третичсю. понеже трети дохновеніи предаетъ святую свою душу въ руцѣ Божіи, Его же изъмлади възлюби, и къ тому не обрѣгеся духъ въ старца, понеже усну вѣка сего сномъ, нозѣ простеръ п руцѣ на перьсѣхъ крестаобразно положъ, приложися къ святымъ отцемъ, ихъ же и житію поревнова. Въ той часѣ предстѧ свещенници и братія дверемъ келіи старца, хотяще увѣдѣти, что бысть старцу. Намъ же къ тому гакти не могушимъ, азъ же и ученикъ старцевъ и живъ братъ, его же множицею помянухъ, ва лицахъ знаменіи обносящимъ, паче же слезамъ лѣющимся, множицею п гласы испущахомъ со ученикомъ старцевымъ, не могуще терпѣти

конечнаго разлученія, понеже солнцу зашедшу душъ нашихъ прежде единого часа всемірнаго солнца зашестия. Тогда же братіа сотвориша надъ нимъ плачь великъ, и тако взявше его несоша въ ветхую церковь, понеже вечеру сущу не возмогахомъ того погребенію предати. Воутри же уранише дни наставшу. пятку сущу, въ 1 часть, ископавше братія гробъ, тѣло преподобнаго земли предахомъ. Никто же отъ мірьскихъ человекъ ту обрѣтесе въ то время, ни одру коснуся, ни въ гробъ полагаема узрѣ кто. Егда же погребомъ старца, тогда нѣщии приидоша отъ града, повѣдающе намъ, яко весь градъ подвижеси, не точю игумены и священници и мниси, но и содержашіи того града намѣстници и прочій общій народъ уже путь начинаютъ шествовати, аще не быша предварили прежененіи скорошествоници, бывшіи въ монастыри, повѣдающе имъ, яко всеу трудится, желаемого не получите, понеже аще и мы уранихомъ, ничтоже возмогахомъ видѣти отъ надѣемыхъ трудъ нашихъ безъ успѣха. Они же, сія слышавше, велику тщету себѣ вмѣниша быти, окаяющесе сами и глаголюще, яко не достойни быхомъ такєва рыба Божіа поне одру прикоснутися. Мнози же отъ велможъ скоро въ монастырь приидоша, аще и не видѣша преподобнаго, поне со мноюю любовію гробу его поклонивася. Такожде и общій народъ, весь день отъ града приходише, поклавяхуся гробу преподобнаго.

II.

Слово иже во святыхъ отца нашего Николы, о житіи его и о хоженіи его и о погребеніи (къ стр. 218).

Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, дивная и неизреченная творилиши чудеса во всей земли; прославилъ еси свѣтлый праздникъ св. Николы. Мы же, братіа, прославимъ тую землю, гдѣ жилъ св. Николае, на нияхъ Мира Дилійскія митрополіа, а въ нашихъ русскихъ странахъ весь родъ христіанскій память его честную въ нынѣшній день свѣтло правдуемъ, и въ нынѣшній день всю вселенную чудеса своими просвѣтилъ. и деть отъ житіа сего, святителства престола оставивъ, и восходитъ на небеса къ Божію престолу поклонитися Троицѣ, Отцу и Сыну и Св. Духу. Нынѣ вся его митрополіа святаго и честнаго мира полна естъ благоуханія, и нынѣ чини ангельети прославляютъ его память, и нынѣ райскія врата величаются, что въ нихъ прошесть св. Николае, и нынѣ вси вѣрнии православнии христіане честное и святожитіе свѣтло празднуемъ. Онъ бо свое стадо честно упасъ и ангельское житіе на земли доживъ, человекомъ угоди не творилъ и единосушій Троицѣ непрестанно служилъ въ молитвахъ и бдѣніихъ день и ночь. А отъ юности мяса и вина не вкушалъ, отъ субботы до субботы только хлѣба вкушалъ и воды, а коли ся праздникъ великій пригодятъ, и онъ тогда оwoць ѣлъ. А дѣла его были честны и святы и любимы свя-

тому, а на честныхъ его погахъ плюсыянки до глѣзну, а въ жезла мѣсто носилъ честный крестъ, поминая слово Христова, реченное и написанное св. евангелистомъ Матѣемъ: *аще кто вослощеть во слѣдъ Мене поити, отверзется себѣ и во слѣдъ Мене идеа и царство небесное наследитъ*. И св. Николае измлада оставилъ славу и богатство сего суетнаго свѣта и желая наследити царство небесное, не опочивая день и ночь, моляся Богу, и научи люди слову Божию истиннымъ писаніемъ. Во дни дѣло его въ церкви на молитвѣ, а въ ночи безъ сна пребывая, моляся Богу. Отъ рожества его лѣтъ 14 пошолъ по пророка слову Давида: *яко птица иду во пустыню*, а при себѣ держалъ образъ животворящаго креста Господня и всю бжовскую силу поправъ. И дошедъ Кесарія Филипповы, и жилъ трп лѣта, тѣсный и скорбный путь ходяше, чистоту душевную и тѣлесную соблюды, а недужныхъ, приходящихъ къ нему съ вѣрою, силою Христоною исцѣляя. Въ тѣя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ до Кесарія и вси христіяне Грскове побѣгли въ подгоріи тѣсная, а св. Николае видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не моци противитися людемъ христіянскимъ противу поганыхъ, въ той часъ св. Николае прослезися и падъ на земли молися Богу за христіяны (*Молитва*). И воставъ отъ земли и простеръ руцѣ на небо, и молитву исполнивъ, и прилете къ нему съ небеси голубъ, глаголя ¹⁾: дерзай, Николае, избранникъ Божій! услышана бысть молитва твоя и сокрушася языцы поганіи. Тогда Николае прииде въ рать христіанскую, не могъ его видѣти никтоже, заше облакъ свѣтелъ покры его, и начать глаголати христіаномъ: учините знаменіе Христова на лицахъ вашихъ крестъ и не возможетъ прикоснутися вамъ мечъ поганыхъ. Они же вопросиша: ты кто еси? — Азъ есмь Николае, грѣшный рабъ Божій. И христіяне вси какъ единымъ усты воскричали гласомъ великимъ: Боже святаго Николае! помози намъ. И знаменоваша лица своя знаменіемъ честнаго и животворящаго креста, и ударивася на рать поганыхъ, силою Божіею и молитвою св. Николае побиха граждане поганскія пришедшая языки. И увидѣлъ св. Николае поганыхъ погибель, и возрадовася и нача пѣти исаломъ сій: *Далъ вси знаменіе болящимся тебе, Господи, еже убѣжити отъ лица лука*. И тако вси людіе прославиша Бога, и забыли отъ того дни отъ поганыхъ горькія и наирасныя смерти. И въ той день царіе христіанстїи и князи гречестїи и вельможи и вси людіе того града, мужи и жены и чада ихъ, почали искати св. Николае, хотиху ему честь и великія дары даяти, и много искаше его и съ слезами, и не моглоша его обрѣсти нигдѣже. А св. Николае не хоти имъ явитися, тогоже часу вошолъ отъ нихъ во страны Генсарейскїаи ходилъ во Арменїи годъ и 9 мѣсницъ, и крестивъ ихъ и научи вѣровати въ Бога живаго, и прокаженныа ихъ очистилъ и отъ всякихъ болѣзней исцѣ-

¹⁾ Въ болгарской редакціи: „и прииде ему гласъ съ небесе глаголющъ“.

жилъ, и прошедъ Арменію, и пошолъ во Амполію Асирейскую ¹⁾. И тамо была церкви во имя архистратига Божія Михаила, и въ той церкви былъ сто дисей, а не видалъ его никтоже. Таже въ день недѣльный вошли люди въ церковь на молитву въ храмъ св. Михаила и пришла дѣвица, духомъ нечистымъ одръязима. И начаша людие пѣти въ церкви, и въ той часть вшелъ бѣсъ въ дѣвицу и нача мучити и бити ея. Таже духъ нечистый началъ усты тоя дѣвица кричати, глаголю: о Николае, чѣо силу имаши надъ бѣсы! чему насъ мучиши? И услышали бѣса глаголюща дѣвицы тоя устами и почали дѣвятися, чѣо глаголетъ бѣсъ, кто есть Николае и кого именуешь бѣсъ, и гдѣ есть. И бѣсъ рече людемъ: не видите ли его, предъ церковию стоитъ, уже сто дисей есть, какъ ту пребываетъ. И избѣжа бѣсъ изъ дѣвицы, вышолъ изъ церкви, и дѣже стоитъ св. Николае моляся, и вскричалъ гласомъ великимъ: о Николае, чѣо силу имаши надъ бѣсы! не вели ми поити въ муку. Тогда св. Николае поринулъ бѣса на землю и вложилъ свой малый палець въ уста его и тако рекъ св. Николае: тебѣ глаголю, душе нечистый, повѣдай ми, какъ еси вшелъ въ дѣвицу сію. И бѣсъ рече: на единомъ мѣстѣ подъ яблонію видѣхъ ю спящу и позавидѣхъ чистотѣ и красотѣ лица ея и видохъ въ ню того ради, чѣо быхъ засушилъ и погубилъ чистоту и красоту лица ея. И рече ему св. Николае: поиди въ Меленитскую рѣку, чѣо воды въ ней ивѣтъ, только единъ песокъ, и тамо буди мученъ до скончанія вѣка. Бѣсъ же услышалъ мученіе свое и пошолъ плачася, дѣвица же яко отъ сна встала отъ недуга своего ²⁾.— И не хоти славы міра сего, и отай вышолъ изъ града и пошолъ во Антиохію, въ святой градъ, и жилъ въ немъ дней 12, съ святыми отцы моляся, и молитву исполнивъ, и отголъ пошолъ въ Римъ къ св. апостолу Петру. Идучи путемъ, и почалъ молитися, глаголю: съблуди мя, Господи, занеже далече путь иду. И какъ скончалъ молитву, и стрѣлъ его бѣсъ, всякимъ лихомъ исполненъ, и очи его какъ огнсны, а зубы его какъ звѣряны, а пласы на главѣ его какъ вельблужьи. И какъ узрѣлъ бѣса св. Николае, и позналъ его лукавство и почалъ пѣти псаломъ сій: *Отъ сраженія бѣса полуденнаго надееть отъ страны тысяща*. И услышалъ бѣсъ молитву его и паде лицемъ къ землѣ, и рече ему св. Николае: ты кто еси, гдѣ идиши?—И рече ему бѣсъ: азъ есмь ангелъ свѣта, иду учить людей во правду.— И рече ему св. Николае: чѣо реклъ еси, нечистый душе, иже ангеломъ свѣта называешися? знаю бо, чѣо бѣсъ еси, темный преступникъ, идиши многихъ предъсгити.— И глагола ему бѣсъ: чему хулы дѣеши ва мене?—И рече ему св. Николае: право нынѣ глаголю тебѣ: бѣсъ еси нечистый;

¹⁾ Въ болгарской редакція: „во Анамію Сурьскую“.

²⁾ Св. Николай тайно уходитъ въ городъ Кургу, по болгарской ред. въ Кипръ, гдѣ къ нему приносятъ 45 прокаженныхъ. Святой имаетъ въ хъ масломъ и велитъ 7 разъ погрузиться въ Фареванъ, рѣкъ Адамасовой, отъ чего они исцѣляются.

Такъ смѣлъ еси именовать себе ангеломъ свѣтъ?— И видѣ бѣсъ, что не мощи противитися си. Николаѣ, и постыдѣвся бѣсъ, наклонилъ главу свою. Тогда рече ему св. Николае: не имаше уже убѣжать отъ руки моея, темный бѣсе! заклинаю тя именемъ великимъ мученія твоего, скажи мнѣ дѣло свое, какой законъ имаше отъ сатаны. И рече ему бѣсъ: я хожу въ сонмы и пѣры людскія, дѣлаю влагаю помышленія и рѣчи злыя и душегубства и свары межи людей. И разгнѣваясь св. Николае и емъ его, и поринулъ подъ нога свои нача бити его, духъ же нечистый нача хулити, глаголя: чему мя мучиши, свяоче Божій? пусти мя и поиду въ путь свой. И св. Николае, связавъ ему руки и нога знаменіемъ креста, назнаменовалъ землю, и разступися земля на 60 и 5 лактій, и винулъ его тамо и опять назнаменовалъ крестомъ землю, и съступися земля, какъ преже была. Таже св. Николае пошолъ безъ пакости и потомъ Господь Богъ посла ангела блаости и до Рима. И пришолъ къ Риму и стрѣте его весь градъ, и пошолъ къ церкви св. апостола Петра и молился три часы, исполнився храмъ честнаго благоуханія и темьяна. И жилъ въ Римѣ 4 дни, и пораниваясь полъ въ церкви Божіи и уча люди св. пианіемъ, добрыхъ дѣлъ смиренію и чистотѣ. Изъ Рима пошолъ въ Египеть Александрейскій, и прешедъ ову страну Иердана, и тамо ходилъ 5 лѣтъ и всѣхъ немощныхъ исцѣлялъ и здравы были. А въ тыхъ пяти лѣтѣхъ яденіе его было: отъ недѣли до недѣли вкушалъ бобу (сухаго и воды мало ¹).— Св. же Никола, объшедъ страны асурійскія и варварскія, и приде въ Мярскій градъ Ликии, и кипяше лице его и руки и нога святымъ миромъ, и весь градъ благоуханія честнаго отъ мира исполнися, и вси немощни исцѣляхуся, слѣзи прозирали, глушіи слышали, хромии ходили и прокаженни очистилися, а которіи нечистымъ духомъ одрѣжени, и отъ тыхъ бѣсы отбѣгали и здравы стали родъ христіанскій. Услышавъ же его патріархъ іерусалимскій Макарей, и призва преп. отецъ и рече имъ: слышала есмо, во градѣ Ликійскомъ есть человекъ, именемъ Николае, житіе имѣеть къ Богу чисто и твореть чудеса многа и множество многое поганыхъ въ вѣру христіанскую обратилъ; поидемъ во градъ Ликійскій и увидимъ, каковъ онъ человекъ есть ²).— И всѣхъ немощныхъ исцѣлялъ своимъ благословеніемъ и благодатию Св. Духа. Нечистые же души гдѣ голи услышали св. имя его, оттолъ бѣсы отъ человекъ отбѣгали и немощни здравы стали именемъ его свитымъ. А гдѣ власть святительства его и гдѣ преже ходилъ въ коихъ странахъ, всѣхъ чудеса творилъ, яко апостолъ Христовъ, больныхъ исцѣлялъ и бѣсы отъ человекъ проиналъ. Кто можетъ

¹) Въ одномъ городѣ Ассвринъ онъ исцѣляеть княжескаго сына отъ бѣсы, напущеннаго на него за грѣхъ родителей, и этимъ заставляеть горожанъ вѣровать во Христа.

²) Патріархъ идетъ въ Ликійскій городъ, бесѣдуетъ съ Николаемъ и ставитъ его епископомъ всей Ликии

исповѣдати святая и дивныя и преславныя чудеса св. Николы, скорлаго помощника и теплаго заступника! Усты своими святыми менши говорилъ, а больши нестервечныя и преславная чудеса творилъ въ странахъ и естъ немощнымъ здравіе подавалъ.

Еще же повѣдаю вамъ о милости Христовъ и Пречистой Его Матери къ св. чудотворцу Николѣ. И еще онъ коли живъ былъ на семь свѣтъ, на своемъ престолѣ во градѣ Мирѣ, при велицемъ дари Костянтинѣ, и бысть пръвѣкъ вселенскій съборъ на окаяннаго и проклятаго Арія, на зломысленника Христова. Было тамо въ Никей на томъ святомъ и пръвомъ съборѣ святыхъ отецъ 300 и 18, и св. Николае былъ съ св. отцы въ томъ же числѣ. Царь съзъ слушати, а святіи отци почали спиратися съ окаяннымъ еретикомъ Аріемъ, покладая ему чудное и святое писаніе о Христѣ Исусѣ Сына Божіа, сътворителя небу и земли, противу его еретическаго ересю, почали ему усты затворити писаніемъ св. пророкъ и св. апо- столъ, а онъ, еретикъ Аріи злочестивый, несправедливо хулы глаголя на Господа наше о Исуса Христа Сына Божіа. И св. Николае вставъ удари его по лицу окаяннаго и злочестиваго Арія. И тогда вси св. отци почало речати съ великимъ гнѣвомъ на св. Николу о томъ удареніи и почали вемъ съборомъ снимати съ него санъ святительскій, и разжегше плиту, почали ему брду прищипывати, гаволя, не годеться намъ, святымъ сущимъ, рукою дрязву бити; дрязвемъ святое писаніе и божественное въ нашемъ разумѣ, тмъ намъ годне бити злочестивыхъ и окаянныхъ еретиковъ. И какъ довершеше събора и препрѣше окаяннаго Арія, и отъ церкви отлучили и проклиаи, и за тмъ почали вемъ съборомъ снимати святительскій санъ съ св. Николы, и уже хотѣхъ приступити къ нему, и въ той часъ узрѣлъ самъ царь Костянтинъ и вси св. отци: Господь нашъ Исусъ Христосъ изъ облакъ подаетъ св. Николѣ Евангеліе, а съ другія страны Пречистая Мати Христа Бога нашего подаетъ ему пѣфору свою. И какъ то великое чудо увидѣлъ царь, и вси св. отци събора тогда благословили его и не сняли съ него святительскаго сана его и сами ся благословили у него. Видите ли, братіе, и примехъ въ разумѣ, какъ святителю не велитъ рукою дрязву бити, виноватаго не велитъ своего рукою бити, а кто виноватъе окаяннаго Арія? Св. же Николае за едно удареніе святительства сана хотѣлъ остати своего, чтобы не самъ Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ и Пречистая Его Мати указали ся царю и св. отцемъ того св. събора, и для того чуда предивнаго милостію Господа нашего Исуса Христа и Пречистой его Матери тоже онъ опять сталъ святитель. Того ради пишутъ на иконахъ образъ св. Николы и Спасовъ образъ во облацѣ и Пречистой Его Матери надъ нимъ во облацѣ.

И живъ же св. Николае лѣта с. тоу годна и честна и свята, и приходъ часъ отыти ему суетнво сего свѣта и поити въ вѣчный покой царства небеснаго къ вышнимъ силамъ; понеже св. Николае вѣдалъ духомъ Божіимъ день и часъ смерти

своимъ, и тогда сталъ на молитвѣ, моли Бога о всѣхъ христiанiихъ, и въ той часъ увидѣлъ ангелы Божiи, пришедша къ нему, и убоявся и вострепеталъ. Видимо, братiе, какъ св. Николае вострепеталъ и ужаснулся и увидѣлъ ангелы Божiа, а вѣдѣалъ, что съ ними пребывати имаетъ въ царствiи небеснѣхъ. А мы, грѣшнии, грѣховъ наполнени, како не убоимся св. ангелъ Божiихъ, коли придуть немилостивно разлучити душа наша отъ тѣлесъ нашихъ! О бѣда намъ слѣпымъ, что не хотимъ видѣти пути Божiа! А коли св. Николае увидѣлъ св. ангелъ Божiихъ, и страхъ великый объялъ его и рече тако: се уже исполнися время вѣка моего и се уже пршлось часъ мой поити мнѣ ныншнимъ силамъ невидимаго Отца. И поклонися св. Николае ангеломъ Божiимъ и рече имъ: добръ пришли есте ко мнѣ, свитiи ангели Божiи, добръ придѣте ко мнѣ, слугы Св. Троица, добръ пришли есте, огнеобразнии ангеломъ начальници и свѣта неприступнаго, добръ пришли есте ко мнѣ, хотите взяти душу мою отъ мене. Услышавше же ангели, и удивившася терпѣнiю св. Николы, и какъ первый Михаилъ архангелъ показа ему печатъ страшнаго и пресвятаго Божества, увидѣвъ же св. Николае печатъ Божества, и началъ молитися, рекущи: Господи Иисусе Христе и Единородный Сынъ, Слово Божiе! услыши молитву мою и моленiе мое вниши по милости своей. Да коли прѣбгнетъ кто въ церковь имени моего, подай ему, Господи, хотѣнiе сердца его, а кто прѣбгнетъ отъ сильныхъ мучительствъ, подай ему, Господи, помощь на враги его, Господи Боже мой! А кто въ бури или на мори или на рѣкахъ тонуть начнетъ и призвуть имя мое, утѣши, Господи, бурю и помози имъ, кто мя призываетъ на помощь, Господи Боже мой! Коли кто поставитъ церковь во имя мое, подай ему, Господи, помощь надъ враги его видимыми и невидимыми. А кто крестъ твой поставитъ, а мене въ помощь къ собѣ призветъ, покори, Господи, ему вся сушности егo. А кто принесетъ свѣчу или просфору или свѣчякъ или кандиль или кутью въ церковь мою или убогихъ накормитъ и милостыню дастъ мене ради, помози имъ, Господи, надъ враги ихъ и избави ихъ отъ грѣхъ ихъ и дай же имъ, Господи, во царствiи небеснѣхъ водворитися, Господи Боже мой! А кто напишетъ слово моего житiа или напишетъ кто образъ моего подобiа, и угодоби ихъ, Господи, во православиѣ христiанствѣ вѣрѣ и даруй имъ разумъ св. твоего Духа. И дни же, Господи, всѣмъ христiаномъ нищу райскую нищу рабскую на судъ твоего праведнаго, Господи Боже мой! надежнымъ надежа, погибшимъ милостивъ буди имъ. И сталъ св. Николае по молитвѣ, и въ той часъ пришлоу гласъ къ нему съ небеси, глаголю: угодниче Божiи Николае! чего просиши у Господа Бога твоего о людехъ, кто тя призываетъ ва помощь, всѣмъ падесть Господь Богъ милость свыше того тебе ради, любовниче св. Троица! И уже часъ крѣшлось и паде ницъ на землю св. Николае и умоле ч языкомъ, и тако приступили къ нему св. ангелы Божiи взяти св. душу его отъ тѣла, и цѣловаше песносша на небо, а св. тѣло его лежаше на одрѣ, яко солнце.

Исполнися храмъ благоуханіа отъ мира тѣли его святаго. И увѣдали вси гражане града Мира, что уже преставися отъ житія сего свѣта суетнаго св. Николае, и почали стекатися вси люди *(Плачъ сирота и погребеніе)*.— Таже, братіа, православнїи христїане, прославимъ Христа Бога нашего, что намъ чароваль таковаго свѣтильника. А кто, братіе, мало тому иметь вѣрити или не иметь тому вѣрити, что о семъ истини есть писана, а кого бѣсъ научилъ и самъ безуменъ будетъ, не имый ума своего крѣпка, и онъ тое помыслить, колко есть чудесъ св. Николая: гдѣ ни приходитъ, кто его призываетъ съ вѣрою и помолится ему, недѣлныя его помощь и борзъ къ милости, теплѣ на заступленіе, въ Латынскихъ земляхъ ѿломъ лежить, а на небеси святаа его душа, а въ пастъ въ Руси милосердіе его и чудеса неизреченна: слѣпіи прозирають, гдусїи слышатъ, нѣміи глаголють, хроми ходять и бѣспїи чисти и здрави стали. Кто можетъ сказати милость и чудеса св. Николая! Таже, любимая братіа, русїи сынове и дщери, воздвигнемъ сердца и рудъ и помолимся св. чудотворцу Николаю съ чистою вѣрою и воскликнемъ внутрь великимъ гласомъ, глаголюще тако: св. Николае! умоли о насъ Пречистую и съ нею умоли Христа Бога нашего, чтобы насъ грѣшныхъ православныхъ христїанъ избавилъ отъ оного поганихъ наспай и снаго закона, и освяти церкви христїанскїа и утверди ихъ непорушны до скончанїа вѣки, и намъ ты подай твердый разумъ по единомъ крещенїи стѣяти до скончанїа вѣка нашего, поклонятся намъ и славити единосущную Троицу, Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣдовъ. Аминь.

III.

Пророчество отца нашего Зосимы, начальника монастырю нашему (къ стр. 203, примѣч. 1).

Се же рече ученику своему: се азъ, чадо, отхожу отъ васъ тѣломъ, а душою всегда съ вами буду; да и се вамъ буди разумно: аще имамъ дерзновеніе предъ Богомъ, то распространить Богъ мѣсто се и буде монастырь великъ; аще ли ни, то оскудѣтъ. И мы, братіе, се видяще, разумѣемъ: Богъ прославилъ мѣсто се и монастырь величествомъ пространенъ и устроенъ всякимъ устроенїемъ, молитвами отца нашего Зосимы. И се конечное слово вздохнувъ и рече ми: чадо! будетъ незлобовъ велика у васъ и будутъ брани велики. И се, братіе, пишу вамъ, да не забвено будетъ пророчество отца нашего Зосимы. Сбысть же се намъ прореченїе его за 30 лѣтъ и 2 лѣтъ по преставленїи его. Приде къ намъ человекъ болярскїй и потомъ два чинахъ и по лѣтъ единомъ два и всѣ приша иноческїй образъ; и одинъ отъ нихъ по трїехъ лѣтъхъ прїатъ священничества сынъ. И начаша тѣ мисли, иже преже быша болярскїе люди, жити и превозносящися высокоумїемъ гордяся,

и присовокупшиша къ себѣ иныхъ брагью ласкордствомъ по своему ихъ обычаю и начаша ропотъ вздвизати на игумена, которой ихъ постригъ, именемъ Исаи, также и на иныхъ брагью начаша величаніемъ гордиться, и воздвигоша на игумена брань велику, хотяще своего священника поставити на игуменство, и много о семъ брань вздвизающе не по единому лѣту. Игуменъ Исаія много скорбей претрпѣвъ, и уже не могъ терпѣти и остави игуменство. И по малехъ днехъ нарекоша своего священника на игуменство, и по семъ поидоша въ В. Новгородъ къ владыцѣ благословеніе взяти, и владыка его не благословидъ на игуменство, но иного посла на игуменство въ монастырь. По малъ времени вздвигоша и на сего брань велику и тако и того сгнаша съ игуменства и по малъ времени варекоша игумена, егоже не благословидъ владыка, съвятники его, а нынѣ братія не хотѣли, и о томъ въ братіи стада брань и нелюбови велика, а игуменъ нареченой нача не любити братію, которіи его не хотѣли на игуменство, а къ владыцѣ посылалъ по два лѣта трижды благословеной грамоты просити, и владыка ему не далъ. И братія учали говорить, которые его не хотѣли игуменомъ: игуменъ, уже ты много убытка монастырю чинишь, посылаешъ къ владыцѣ по благословеную втретью, и владыка тебѣ не дасть благословеной и не благословляетъ, и ты намъ не игуменъ. И игуменъ нача злѣ глаголати съ озлобленіемъ, и братія у него взяли посохъ игуменской сялоу, да и сами нарядясь поѣхали къ Москвѣ къ великому князю, и игуменъ послѣ нихъ послалъ старца, своего съвятника, съ грамотою на берегъ, велѣлъ тѣхъ старцевъ бити и грабити, хотѣлъ ихъ уняти, чтобы они не шли къ Москвѣ. *(Здѣсь прерывается рассказъ изъ сборника).*

IV.

Соборы о новыхъ чудотворцахъ ¹⁾.

Сего блаженнаго отца нашего Іоны мнози повѣдаху добродѣтели же и чудодѣйствія и многія въ различныхъ повѣstechъ на многія части писана обрѣтахуса, и ни единъ же отъ трудолюбивыхъ потшася списати сіа во едину повѣсть и соборному трѣзвестію предложити, дождеже приде времѣ въ лѣто 7055, внигда божественною ревностію подвижемъ, благочестивый и

¹⁾ Къ стр. 225 и 241 (Ср. Стогл. изд. въ Казани, стр. 41). Поречень чудотворцевъ въ этой статьѣ выѣстъ съ содержащей его редакціей житія Іоны доселѣ оставался неизвѣстнымъ въ бібліографіи дреннерусскихъ историческихъ источниковъ; печатаетъ его по другому списку, найденному послѣ напечатанія означенныхъ страницъ и болѣе исправному сравнительно съ тѣмъ, который тамъ указая. Въ примѣч. 3 на стр. 225 юрод. Максимъ, канонизованный въ 1547 г., по недосмотру занесенъ въ списокъ канонизованныхъ 1549 г.

Богомъ вѣнчанный царь и вел. кн. Иванъ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, Божиимъ благоволеніемъ гдѣ благоумныя доброты просіятыя разумъ его, вселенныи одаренію св. Духа, возжесть отъ всея душа, еже ему Богу на память возведе, иже въ Русской земли царскии еси державы смирное богатство взыскати и собрати иже отъ мнози времехъ и донынѣ сокровено и забвенію предано, великія свѣтилники, поувѣйшія чудотворцы, овѣхъ своиа царскиа очима видѣвъ, а овѣхъ же отъ многихъ извѣстныхъ самовидецъ слышавъ, Богомъ прославленны многими и неизреченными чудесы, и вси приходящии къ нимъ съ вѣрою всякъми многоръ зличнымъ недугомъ исцѣленіе получаху и всякъ праведный гнѣвъ Божій моленіемъ ихъ на милосердіе оставити претворемъ и вся блага и потребная молитвами ихъ исправляются. И праздновати же повсюду симъ великимъ свѣтилникомъ не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныа раны со св. мощми бяху, ту и славыи быша. И сего ради христілюбивый царь и вел. кн. Иванъ възвѣщаетъ боголюбивѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага просити отъ него, еже отъ многого благоговѣнія и любви имѣти желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ оставити праздноство въ святыхъ Божиихъ церквахъ повсюду, якоже и прежнимъ иже въ Руской земли провозгавшимъ поимымъ чудотворцемъ. Пресвященнѣйшій же митр. Макарій возрадовася душою, видѣвъ, яко Божиимъ хотѣніемъ сицево бысть тишине и утра благочестиваго царя, и вкупѣ Богомъ подвиженны, созываютъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ и архимандритовъ и игуменовъ и весь священнический и иноческій чинъ всея рускіа митрополия. Егда же свидошася отъ предѣлъ своихъ въ царствующій градъ Москву, и тогда Богомъ вѣнчанный царь и вел. кн. Иванъ со отцемъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ многое моленіе простираетъ, во всемъ иже въ русіекомъ царствіи его архіепископомъ и епископомъ, да кождо ихъ пощится во своихъ предѣлахъ, въ градехъ и въ селехъ и въ монастырехъ и въ пустыняхъ о тѣхъ великихъ чудотворцехъ новыхъ извѣстно и достоѣнно изсвѣдѣтельствовати всіми священными мужми и иноки и пустынники и боголюбивыми князьями и бояры и богобоязливими людьми, гдѣ коегождо чудотворца Богъ прославилъ великими званеніи и чудесы отъ колыхъхъ временъ и въ какъ дѣта. И святители же, слышаще таковое благое начинаніе и повелѣніе, паче же смирномуудрое моленіе и теплѣйшую вѣру Богомъ вѣнчаннаго царя, радостію духовною и желаніемъ сердечнымъ безъ законныи собирають любовтруднымъ подвигомъ и подобоачалнымъ собраніемъ каионы и житія и чудеса, отъ многихъ временъ чудодѣйствуемы. тѣхъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей всѣхъ предприреченныхъ чиновъ, и всторойждо свититель отъ своихъ предѣлъ яко многоцѣнный даръ Богу и яко всеплодну жрътву и яко приношеніе пріятно првнесошь въ богоспасаемый градъ Москву на боголюбивый соборъ къ благочестивому царю и

вел. кн. Ивану и пресвященному Макарію, митрополиту всея Русіи. Вкупѣ же съ ними бяху и честніи архимандриты и игумены и весь освященный соборъ и предложиша сіа во приобщеніе церковному уставу пѣти и праздновати симъ въ предняя лѣта, якоже и прочимъ святымъ, отъ вѣка Богу угождавшимъ. Якоже преже сихъ въ Руской земли въ чудествѣхъ во сѣившихъ, имъ же перванъ къ Богу предтеча отъ русскихъ родовъ богомудрая вел. княгини *Ольга* и св. внучъ ея равноапостольный вел. кн. *Владимиръ*, нареченный въ св. крещеніи *Василей*, имъ же вся Русская земля просвѣтися св. крещеніемъ, его же благородная чада, Христови мученицы *Борисъ* и *Глебъ* и егоже корени вел. князь и мученикъ Христовъ *Михаилъ* черниговскій и спострадавый съ нимъ бояринъ его *Теодоръ*, князь же *Теодоръ* ярославскій и съ чадами своими *Давидомъ* и *Коньстантиномъ* преподобіемъ и правдою Богу угодиша; также и величии святїи святителие и чудотворцы, русьстїи митрополити *Петръ* и *Алекскій* и ростовстїи чудотворцы святїи святителие *Леонтїе* и *Исаїа* и *Инатїй*; преподобніи же и богоносніи отцы и чудотворцы *Антонїй* и *Теодосїй* пещерстїи, *Никита* переяславскій ¹⁾, *Варлаамъ* новгородскій, *Сергїй* рязанскій, *Кирилъ* бѣлозерскій, *Дмитрїй* прилуцкій, *Дерлмїй* ростовскій, ихъ же памяти церкви Божїа прѣла есть праздновати отъ прежнихъ временъ, когда который прославися. Также и симъ новѣйшимъ чудотворцемъ подобообразно празднество съ прежними святыми съчеташа, съ ними же тогда и сего преславнаго въ чудотворенїихъ, великаго въ архїересхъ, пресвященнаго архїепископа *Юны*, митрополита всея Русїи, пчмѣти праздновати уставшии и житїе его повелѣша собрати во единаго писанїе, идѣже обрѣтахуся по различнымъ частемъ написано. Святыхъ же сихъ, иже съ св. Юною ново Богомъ прославленныхъ, имена суть сїи: святїи святителие, *В. Новаграда* архїепископи *Иванъ* и *Евфимїе* и *Юна* ²⁾, и пермскій епископъ *Стефанъ*, и тѣерскій епископъ *Арсенїй*, ростовскій епископъ *Іаковъ*, сербскій архїепископъ *Арсенїй*. И святымъ праведнымъ имена: блаженный вел. кн. *Александръ* Невскій, псковскій кн. *Всеволодъ*, муромстїи князь *Петръ* и княгини *Февронїа*, муромстїи же князь *Костантинъ* и чада его *Михаилъ* и *Теодоръ*, и клопскій *Михаилъ*. Святымъ же мученикомъ имена: вел. кн. *Михаилъ* тѣерскій, *Святїи* бѣлоградскій, *Иванъ* и *Антонїй* и *Еостафїй*, иже въ Литвѣ пострадаша. Преподобнымъ же имена: *Пахнотїй* боровскій, *Николъ*, ученикъ *Сергїевъ* чудотворцевъ, *Савва* сторожевскій, *Макарїй* колязненскій, *Діонисїе* глушицкій, *Нивелъ* комельскій, *Саватїй* и *Зосїма* Соловетстїи, *Александръ* свирскій, *Евфимїе*

¹⁾ Этимъ опровергается предположеніе церковныхъ историковъ о канонизации *Никиты* въ 1549 г., повторенное нами на стр. 49, когда имъ былъ неизвѣстенъ печатаемый перечень новыхъ чудотворцевъ.

²⁾ Въ другомъ спискѣ за этими именами слѣдуетъ вставка на поляхъ: „также и епископи тогоже града *Никита* и *Изаѣнтъ*“.

суждальскій, *Авраамі* смоленскій, *Савва* вешерскій, *Евфросині* псковскій, *Евремъ* червокомскій, *Григорій* иже на Пелшымъ рѣцѣ. Святѣмъ же иже Христѣ ради уродивымъ имена: *Максимъ* московскій, *Илиа* и *Прокопій* устюжскіи. И сихъ всѣхъ святѣя памяти празднуемъ и ликостуемъ по настоящаго мѣсяца дне в числу кождождѣ преставленія и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ.

V.

Сказаніе иг. Алексѣя къ пастырю дому боголѣпнаго Преображенія и преп. Аввы Геннадія (къ стр. 303).

Яко тако, пастырю и брате, молитва и моленье досточудныхъ подвижниковъ идетъ къ пастырю и началнику кождождѣ св. мѣста. Во святыхъ мѣстѣхъ не всякъ человѣкомъ въ чудотворцахъ быти; Богъ дѣйствуетъ чудотвореніе тамъ, гдѣ которые добродѣтельное житіе проходили. Иже како днѣмъ прогоняетъ пчелы, тако и пьянство св. Духа отгоняетъ отъ чедовѣковъ. Сей же преп. авва Геннадіе чюдился пьянству. Иныи братія наша любятъ пьянство, якоже и азъ; ния же игумене малыхъ обителей желаютъ въ великіи обители на игуменство. Яко како въ день ярости Господня не пользуется чедовѣкъ многое имѣніе, такоже и насъ не пользуется въ великихъ обителяхъ игуменити. Ему же дано много, много си и взыщеть. Мнѣ глаголахъ самодръжець великороссійскій, православный царь и вел. кн. Пвавѣ Васильевпчѣ: живи ты, игуменъ, да имѣи росходъ по приходу: аще ли не по приходу росходъ, а ты скатерти урвжи. Добро игуменити, чтобы отъ братіи ко игумену великая любовь была, якоже игумену достойтъ быти ко братіи великою любонію, любити ему что себѣ, то и братіямъ, одежду и пищу равну имѣти... Вы же, братія моя (Геннадіевой пустыни), аще хощете видѣти убогую пустыню доброзрачну, молитесь всеилостивому Спасу и теплою любонію ко чудотворной ракъ преп. старца Генадіи приносите должную молитву съ прошеніемъ строенія убозѣи пустыни: видѣ Господѣ Богъ моленіе ваше и прошеніе, извѣститъ правословному царю и чадомъ его; мощень царь возставити убогую пустыню великою лаврою, якоже и грады созидаетъ. Азъ, рабъ его и чадомъ его служитель, сже слышахъ отъ преподобнаго многое страданіе въ Литовскихъ странахъ, паки же азъ самовидецъ досточудному житію преподобнаго что мало разумѣхъ, та и написахъ. Вы же, братія, тщитесь, наше писаніе предлагайте на новыя скрижали. Кто начнетъ писати, и онъ бы ся тцалъ на прямыя точки и запятія, де не погрѣшилъ бы ся разумъ писанія, якоже мы душу полагаемъ за истинныя словеса и за точки. Вы же, братія, раздавайте писанія по странамъ православнымъ христіаномъ, паче же страниаго раздаванія потщитесь отвезти въ царствующій градъ Москву

на свидѣтельство православному царю вел. кн. Федору Ивановичу и пресвящ. Діонисію митрополиту и всему ихъ вселенскому собору церковному и людемъ всей вселенней, и пріятно ли царю и святителю и вселенскому ихъ собору наше писаніе, достойно ли почитати житіе и чюдеса преподобнаго, повелѣять ли пѣти канонъ и стихиры святаго, достоинъ ли есть дѣлатель пишуцій мзды своея.

VI.

Чудо преп. Іова Ущельскаго 1655 г. (кѣ стр. 341).

Бхалп черезъ Мезень рѣку въ лодкѣ Нисогорской волости Фоки съ братьею Петръ-вы дѣти на пашню свою и главили лошади, и выѣхали до полурѣвки, и найде на нихъ духъ нечистый водный и нача лошадь топить; они же лошадь держе ху, а нечистый духъ явѣ хождаше аки рыба велика волнамъ и нападаше на лошадь и за лодку хваташе, потопить хоти они же, веслы біюще его отрѣюще, и возопиша, плчуще, с. слезами: святой Ущельскіе пустыни! помози намъ и не дай намъ потопити нечистому духу. И въ томъ часѣ невидимъ бысть и отпустилъ лошадь ихъ, и переѣхаша рѣку, а лодка уже полна воды и не погрязнула.

VII.

Дополненія.

Къ стр. 287. Авторъ повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ названъ „господиномъ смиреннымъ мнихомъ Іеразмомъ“ въ сб. Моск. дух. академія, не процитованномъ ясно у архіеп. Филарета (XVI в. № 224, т. 215—230); этотъ списокъ едвали не единственный съ такимъ указаніемъ; самая повѣсть здѣсь — той же редакціи, которая известна по другимъ спискамъ. Объ Еразмѣ нѣтъ болѣе никакихъ извѣстій, если это имя не поставлено по ошибкѣ писца вмѣсто Михаила или Пахомія, составителей каноновъ Пестру и Февроніи.

Къ стр. 319. Сказаніе о явленіи мощей братьевъ Алѣановыхъ въ Новгородѣ составлено при описаніи чудесъ ихъ, совершившихся въ 1562—1603 г., когда въ Новгородѣ уцѣлѣло смутное и смутное преданіе о чудотворцахъ (списки I ум. № 158, т. 117 Унд. № 1039 съ службой). Относя кончину ихъ къ началу XII в., а обрѣтніе мощей къ 1162 г., повѣсть однако рассказываетъ, что „не по мнозѣхъ лѣтехъ“ послѣ обрѣтенія чудотворцы пещлили своимъ явленіемъ Московскаго боярина (въ 1562 г.): анахронизмъ увеличивается извѣстіемъ, что обрѣтеніе и это чудо произошло при архіеп. Іоаннѣ. Замѣтка въ чудѣ 1592 г. съ Иваномъ Усовъ, что этотъ новгородецъ

„нынѣ преставися во 114 г.“, указываетъ на время появленія повѣсти. Соображенія о времени жизни братьевъ см. у архіепа. Филарета (Р. Свят. іюнь, стр. 98).

Къ стр. 356. Къ біографіямъ, отступающимъ отъ стараго стила житій, можно причислить повѣсть или „исторію“ о патріархѣ Іовѣ (Унд. XVII в. № 1110, л. 296 безъ конца. Рум. № 156, л. 133 — списокъ 1706 г.). Краткій очеркъ жизни Іова здѣсь сопровождается его характеристикой, болѣе подробнымъ описаніемъ дѣятельности его на патріаршемъ престолѣ и разсказомъ о перенесеніи мощей его изъ Старицы въ Москву въ 1652 г., которое, вѣроятно, и подало поводъ къ составленію повѣсти. Авторъ замѣчаетъ, что „видѣ о немъ (Іовѣ) нигдѣ не писано“; говоря о царѣ Борисѣ, онъ цитуетъ сказаніе А. Палицына о смутномъ времени.

УКАЗАТЕЛЬ

разсмотрѣнныхъ житій и сказаній въ азбучномъ порядкѣ
именъ святыхъ и монастырей.

- Авраамія Ростовскаго** 26—38.
Авраамія Смоленскаго 52—58.
Авраамія Чухломскаго 276.
Адріана Пошехонскаго 327.
Адріана и Оерапонта Монзенскихъ 328.
Александра Куштскаго 300.
Александра Невскаго: сказаніе современника 65; двѣ редакціи Макарьевскаго времени 238; редакція псковская Василіева 251, 258; ред. Іоны Думина 312.
Александра Ошевскаго 298.
Александра Свирскаго 262.
Алексія митрополита: редакція сказаніи о обрѣтеніи мощей 132; житіе, напис. Пителимомъ, 134, и его передѣлка 243; Пахоміева ред. 120, 137; слово Θεодосіа о чудѣ 1462 г. 169; 3-я и 4-я ред. житіа 243; похв. слово С. Шаховскаго 319; 5-я ред. житія 355.
Афановыхъ братьевъ: сказаніе объ открытіи мощей 464.
Андрея, кн. смоленскаго, 282.
Анны княг. вашинской, 340.
Антонія, еп. вологодскаго, 332.
Антонія Дымскаго 144 и 319.
Антонія Рязанскаго 306.
Антонія Сібскаго: двѣ редакціи XVI в. 300; чудеса XVII в. 336.
Аркадія, еп. новгородскаго, 64.
Арсенія Комельскаго 333.
Арсенія Коневскаго 357.
Арсенія, еп. тверскаго: Θεодосіева ред. и чудеса XVI в. 181; чудеса XVII в. и похвала 354.
Артемія Бернопольскаго 323.
Аоанасія Высотскаго 356.
Варлаама Важскаго 302.
Варлаама Керетскаго 341.
Варлаама Улейминскаго: остатки житія 318.
Варлаама Хугинскаго: первая ред. 58; вторая 140; Пахоміева 121, 142; Духудова 356, примѣч. 4; чудеса XVI в. 419.
Василія, блаженнаго московскаго, 319.
Василія и Константина, кн. ярославскихъ, 175.
Василіана и Юлія Пертомнискихъ: сказаніе о ввленіи и чудесахъ 348.
Василіана Рязовскаго: остатки житія 318.
Всволода, ин. псковскаго, 218, 250 и 257.
Галактіона Вологодскаго 324.
Геннадія Бостромскаго: житіе, 303; повѣсть о обрѣтеніи мощей и чудесахъ XVII в. 336.
Герорта, муч. болгарскаго, 235.
Герасима Боддискаго: автобіографія и двѣ ред. житія 304.

- Герасима Вологодскаго: чудеса 332.
- Германа, архіеп. казанскаго, 342.
- Германа Соловецкаго 325.
- Григорія и Кассіана Авнежскихъ: сказаніе о мощахъ 279.
- Григорія Иелшемскаго 196.
- Гурія и Варсонофія Казанскихъ 305.
- Даміана Юрьегорскаго 326.
- Давіида, кн. московскаго, 316.
- Давіида Переяславскаго 282; повѣсть о обрѣтеніи мощей и чудесахъ XVII в. 336.
- Димитрія Донскаго 169.
- Димитрія Прилуцкаго 188; двѣ ред. Макарьевскаго времени 270.
- Димитрія, царевича углицкаго, 319.
- Діонисія Глушицкаго 193.
- Діонисія, архим. Троицкаго, 350; записка І. Насѣдья 352.
- Евоимія, архіеп. новгородскаго, 121 и 153.
- Евоимія Суздальскаго 284.
- Евфросиніи, княжны полоцкой, 262.
- Евфросиніи Суздальской 285.
- Евфросина Псковскаго 250, 252—257.
- Елеазара Анзерскаго 347.
- Ефрема Новоторжскаго 335.
- Ефрема Перекопскаго 263.
- Игнатія, еп. ростовскаго, 38—43.
- Игнатія, князя-инока, 271.
- Иларіона, митр. суздальскаго, 349.
- Инокентія Комельскаго 304.
- Иринарха, затворника, 323.
- Иринарха, игумена соловецкаго, 325.
- Продіона Илозерскаго 337.
- Исаіи, еп. ростовскаго, 22—26.
- Исидора, муч. ливонскаго, 259.
- Исидора, блаженнаго ростовскаго, 280.
- Іакова Боровницкаго 425 и 429.
- Іисуса Анзерскаго 347.
- Іоанна, юродиваго московскаго, 330.
- Іоанна, архіеп. новгородскаго, 127, 161—164; ред. XVI в. 268.
- Іоанна, еп. суздальскаго, 284 и 286, примѣч. 1.
- Іоанна, город. устюжскаго, 278; похв. слово С. Шаховскаго 319.
- Іоанна и Логгіна Яреицкихъ 326 и 426.
- Іоасафа, князя, 275.
- Іова патріарха 465.
- Іова Ушельскаго 341.
- Іоны, митрополита: три ред. Макарьевскаго времени 240; похв. слово С. Пинховскаго 319.
- Іоны, архіеп. новгородскаго, 184; слово Зиновія Отенскаго 267; чудеса XVII в. 334.
- Іосифа Заоникіевскаго 348.
- Іосифа Санина 292; канонъ патр. Іова 312.
- Іудіанія Лазаревской 322.
- Каменный монастырь: лѣтопись П. Ярославова 189.
- Кассіана Босаго 295.
- Кирилла Бѣлозерскаго 123, 158.
- Кирилла Новозерскаго 319.
- Кирилла Челмскаго 320.
- Козмы Яхромскаго 284—286.
- Константина, кн. муромскаго, 287.
- Корипіія Комельскаго 303.
- Корипіія, затворника переяславскаго, 349.
- Леонтія, еп. ростовскаго, 3—22.
- Лукіана Переяславскаго 345.
- Макарія Высокоозерскаго 345.
- Макарія Желтоводскаго 324.
- Макарія Колызискаго 289.
- Макарія митрополита: повѣсть о кончинѣ 221.
- Максіма юродиваго 245.

- Мартиніана Бѣлозерскаго** 272.
Мартирія Зеленецкаго 346.
Михаила, кн. черинговскаго, 128, 146.
Михаила Александровича, кн. тверскаго, 177—180.
Михаила Клопскаго: двѣ первыя ред. житія 209; ред. В. Тучкова 232.
Михаила Ярославича, кн. тверскаго: сказ. современника 71; ред. ХV в. 170, ред. ХVІ в. 354.
Моисей, архіеп. повгородскаго. 126, 147; краткяя ред. 150.
Никандра Псковскаго 331.
Никиты, еп. новгородскаго, 252; ред. Маркелова 264, Иоасафова 265, 278, Зиновіева 266, Варламова 267, прим. 2.
Никиты Переславскаго 43, 50; чудеса ХVІ в. 283.
Николина Кожеозерскаго 334.
Николай Чудотворца 217.
Николаи Кочанова 268.
Никона, ученика Сергіева: Пахоміева ред. 120, 152; ред. Макарьевскаго времени 247.
Нила Столбенскаго 313.
Нифонта, еп. новгородскаго, 252, 260.
Нанла Обиорскаго 271, 378, прим. 1.
Нансія Галицкаго 357.
Нансія Углицкаго 317.
Насупутія Боровскаго: Вассіанова ред. 204; записка Иннокентія 206; краткяя ред. 208; воспоминанія Доскеея Топоркова 294.
Нахомія Нерехотскаго 311.
Петра митрополита: ред. Прохорова 74, Клипріанова 82; Пахоміево слово объ открытіи мощей 124; лѣтописная повѣсть 209; похв. слово С. Шаховскаго 319.
Петра, царевича ордынскаго, 38—43.
Петра и Февроніи Муромскихъ 287, 464.
Печерскій, псковской моиаст.: повѣсть и лѣтопись иг. Корнилія 249, 415; позднѣйшія прибавленія 315.
Прокопія, юрод. витскаго, 343.
Прокопія, юрод. устюжскаго, 277; похв. слово С. Шаховскаго 319; чудеса и похв. слово ХVІІ в. 343.
Романа, кн. углицкаго: чудеса и служба 316.
Саввы Вишерскаго 123, 156.
Саввы Крыпецкаго 251, 258.
Саввы Сторожевскаго 248.
Савватія и Зосимы Соловецкихъ 198, 203, похв. слава Л. Филолога 269 предисловіе Максима Грека и новыя чудеса 270; дальнѣйшія чудеса 327.
Серапіона Кожеозерскаго 334.
Серапіона, архіеп. новгородскаго 290.
Сергія Нуромскаго 302, 378, прим. 1.
Сергія Радонежскаго: житіе, напис. Епифаніемъ, 98—110; похв. слово егоже 110—112; Пахоміева ред. житія 114—118, 129—132; чудеса ХVІ в. 247; ред. С. Азарьина 351.
Сильвестра Обиорскаго чудеса 344.
Симсона Верхотурскаго 346.
Симона Вяземскаго 344.
Симона Сойгинскаго 415.
Симона Юрьевскаго 343.
Стефана Махряцскаго 80.
Стефана, еп. пермскаго, 92.
Тихона Луховскаго 330.
Трифона Витскаго 342.
Трифона Печенскаго 337.
Филиппа Ирапскаго: житіе, сост. Германомъ, 274; ред. ХVІІ в. и служба 433.
Филиппа митрополита 311.
Фотія Волоцкаго 295.
Христофора Боряжемскаго 418.
Черпогорскій монастырь на Пинегѣ 332.
Осера Ивановича, царя, 312.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ГЛАВА I. Древнѣйшія преданія о ростовскихъ святыхъ въ позднѣйшей литературной обработкѣ. Причины, заставляющія рассмотретьъ отдѣльно и прежде другихъ разновременныя редакціи житій этихъ святыхъ, стр. 1—3. Общее значеніе этихъ житій 3. Разборъ житій: Леонтія 3—22, Исая 22—26, Авраамія 26—38, Пгнатія и царевича Петра 38—43, столпника Никелты 43—50.

ГЛАВА II. Древнѣйшія житія на Сѣверѣ. Свойства рассмотрѣнныхъ житій, не позволяющія видѣть въ нихъ вѣрные образчики древнѣйшей агиографіи на Сѣверѣ 50. Житія, составленные въ XIII и XIV в. современниками или по рассказамъ современниковъ: Авраамія Смоленскаго 52, Варлаама Хутынскаго 58, еп. Архадія 64, Александра Невскаго 65, Михаила, кн. тверскаго, 71, митрополита Петра 74. Литературный характеръ съворно-русскихъ житій до XV в. 77.

ГЛАВА III. Киприанъ и Епифаній. Развитие искусственности въ житіяхъ съ XV в. 78. Ея литературные источники 79. Киприаново житіе митр. Петра 82. Епифаній Премудрый 88. Его біографіи: Стевана Перискаго 92, Сергія Радонежскаго 98; похвальное слово Сергію 110. Литературное значеніе Епифанія 112.

ГЛАВА IV. Пахомій Логоветъ. Время прибытія Пахомія на Русь 113. Хронологическій перечень его сочиненій 119. Разборъ его житій: Сергія Радонежскаго 129, митр. Алексія 132, Варлаама Хутынскаго 140, кн. Михаила чорниговскаго 146, архіеп. Моисея 147, вг. Никона 152, архіеп. Евхимія 153, Саввы Вишерскаго 156, Кирилла Бѣлозерскаго 158, архіеп. Іоанна 161. Значеніе Пахомія въ древнерусской литературѣ житій 164.

ГЛАВА V. Русскія подражанія до Макарьевскаго времени. Ихъ общій характеръ и отношеніе къ нимъ критики 167. Вліяніе образцовъ на нихъ было единственно стилистическое 168. Слово Феодосія о чуждѣ св. Алексія 169. Житія: Дмитрія Донскаго 169, кн. Михаила

тверскаго 170, кн. Феодора ярославскаго 171, кн. Василия и Константина ярославскаго 175, кн. Мухавла Александровича тверскаго 177, Арсенія, еп. тверскаго 181, архієп. Іоны 184, Димитрія Нрпдучскаго 188, Павсїй Ярославовъ и его житїи 189. Житїя: Дїонїсія Глушицкаго 193, Григорїя Пелшескаго 196, Савватїя и Зосїмы Соловецких 198, Пѣфнутїя Боровскаго 204. Повѣсть о обрѣтенїи мощей матр. Петра 208. Житїя: Мухавла Клопскаго 209 и Николая Чудотворца 217. ✓

ГЛАВА VI. Житїя Макарьевскаго времени. Значенїе житр. Макаря въ исторїи литературы и письменности житїй 221. Соборы о новыхъ чудотворцахъ 222. Четыи мѣнеи 228. Житїя, написанныя по внушенїю Макаря 232—242. Замѣчанїе о Степенной книгѣ 242. Ходъ развитїя литературы житїй во время Макаря 243. Житїя святыхъ: московскихъ 224, радонежскихъ 247, Саввы Сторожевскаго и псковскихъ 248, Александра Невскаго 258. Связанїе объ Исидорѣ Юрьевскомъ 249. Житїя: Евфросїнїи полоцкой 262, святыхъ новгородскихъ 260, 262, вологодскихъ 270, бѣлозерскихъ 272, Авраамїя Чухломскаго 276, устюжскихъ 277, авнежскихъ и Стефана Махрѣцскаго 279, ростовскихъ 280, переяславскихъ 282, суздальскихъ 283, муромскихъ 286, Макаря Калязинскаго 289 и архїєп. Серапіона 290, волоколамскихъ 291; патерїякъ Досвѣел Топоркова 294; Евфимїй Туровъ 296.

ГЛАВА VII. Перечень позднѣйшихъ житїй и редакцій. Четьи-мѣнеи Германа Тулузова и Іоанна Мплотина 297. Житїя: Александра Ошевскаго 298, Кассїана Учмскаго 299, Александра Кунтскаго и Антонїя Сїйскаго 300, Соргїя Муромскаго и Варлаама Вадскаго 302, Геннадїя Костромскаго, Корпїлїя и Циноветїя Комельскихъ 303, Герасїма Болдицскаго 304, Гурїя и Варсонофія Казанскихъ 305, Антонїя Рвлянина 306, Пахомїя Нерехотскаго и житр. Флїппа, 311, ца; и Феодора и А. Певскаго 312, Нїла Столбескаго 213, кн. Данїїа 316, святыхъ углицкихъ 316—318, Василїя Блаженнаго и Кирїлла, Новозерскаго 319, Кирїлла Челмскаго 320, Іудїанїи 322, Приарха Ростовскаго и Артѣмїя Веркольскаго 323, Макаря Желтоводскаго и Газимїтіона Вологодскаго 324, Германа и Приарха Соловецкихъ 335 и сказанїе о Яренскихъ чудотворцахъ 326, Дамїана Юрьегорскаго 324, Адрїана Пошехонскаго 327, Монзенскихъ святыхъ 328, юрод. Іоанна и Тихона Духовскаго 330, Пивандра Псковскаго 331, Герасїма и Антонїя Вологодскихъ и повѣсть о Чгрюгорскомъ мон. 332, архїєп. Феодосїи и Арсенїя Комельскаго 333, Серапіона и Никодїма Кожозерскихъ 334, Евфремїя Повоторскаго 335, Иродїона Кожозерскаго и Трїфона Нечонскаго 337, Анны Кашинской 340, Іова Ущельскаго и Варлаама Керетскаго 341, Германа Казанскаго и Трїфона Вятскаго 342, юрод. Сїмона и Прокопїя 343, Сїмона Володскаго 344, Макаря Высокоозерскаго и Лукїана Переяславскаго 345, Мар-

тарія Зеленецького к Симеона Верхотурского 346, Елєавра Анзерского 347. Сказаніе о Пертонивскихъ чудотворцахъ и Іосифъ Звониневскій 348. Житіа нѣшн. въ XVІІІ в. 349. Ученыя редакціи 349. С. Азарьянцего житія Сергія 350 в архив. Діонисіа 351. Житіа архіеп. Θεодора 352, Мххана и Арсенія тверскихъ и Θεодора ярославскаго 354, митр. Алексіа 355, Афанасіа Высоцкаго 356, Павсія Галицкаго и Арсенія Коженскаго 357.

✓ ГЛАВА VIII. Общія замѣчанія. ✓ Формы и содержаніе житій 358. Редакціи житій и ихъ происхожденіе 359. Связь проложнаго житія съ кондакомъ и икосомъ 362. ✓ Развѣтїе искусственнаго стиля въ древнерусской литературѣ житій 363. ✓ Формы житій, приближавшіяся къ простой біографіи, и причины, ихъ вызвавшія, 365. ✓ Простонародныя редакціи житій и разборъ взгляда Шельерера на нихъ 373. Условія, подъ вліяніемъ которыхъ писались житія 383. Побужденія, вызывавшія житіе 386. Зависимость біографовъ отъ церковнаго надзора 391. Распространеніе житій въ обществѣ 394. Характеристика древнерусскаго агіобіографа 402. Источники житій изустныя и письменныя 409. ✓ Источники повѣстей о посмертныхъ чудесахъ 417. ✓ Основные пріемы искусственнаго стиля житій 427. ✓ Отношеніе агіобіографа къ историческому факту вообще 431 и къ русскимъ историческимъ явленіямъ въ частности 434. Отношеніе агіобіографа къ историческому лицу и отличіе житій отъ исторической біографіи 435. Черты житій, являющія значеніе историческихъ фактовъ 436. ✓ Описаніе посмертныхъ чудесъ какъ историческій матеріалъ 438.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Записка Пинкентіа 439. Русская редакція житія Николая Чудотворца 453. Пророчество преп. Зосимы 459. Соборы о новыхъ чудотворцахъ 460. Записка иг. Алексія 463. Чудо Іова Ущельскаго 464. Доношеніа 464.

Указатель.

